

Уильям Фредерик Энгдаль Боги денег. Уолл-стрит и смерть Американского века

Уильям Ф. Энгдаль

БОГИ ДЕНЕГ

Уолл-Стрит и смерть Американского века

Санкт-Петербург
2011

Уильям Ф. Энгдаль БОГИ ДЕНЕГ. Уолл-стрит и смерть Американского века

Предисловие русскому изданию

В марте 2011 года российский президент Дмитрий Медведев объявил о создании международной рабочей группы, которая будет консультировать правительство России, как превратить Москву в глобальный финансовый центр.

В своём заявлении президент заявил, что это попытка уменьшить зависимость России от природных ресурсов с помощью внедрения «инновационных технологий», приватизации государственных активов и создания специального Фонда народного благосостояния для привлечения иностранного капитала.

Одной любопытной особенностью этого шага являются имена видных международных банкиров, призванных возглавить проект. Медведев назвал тех же самых банкиров с Уолл-Стрит, которые лично и непосредственно ответственны за порождение самой разрушительной во всемирной истории финансовой катастрофы. Финансовый кризис, который начался с 2007 году с мошенничества ипотечной секьюритизации, привёл национальную финансовую систему Соединённых Штатов в состояние безудержного дефицита и задолженности, которое угрожает даже будущему самого доллара.

За растраты виновных в кризисе банков Уолл-Стрит были вынуждены заплатить

рядовые американские налогоплательщики. Банки прекрасно знали, что их влияние и власть, позволяющие им раздавать взятки и коррумпировать политические процессы в Вашингтоне, означают, что они ничем реально не рискуют, занимаясь придуманными ими же самими спекуляциями. Это ввергло экономику Соединённых Штатов в худшую со времён Великой Депрессии 1929–1939 годов экономическую депрессию без перспективы восстановления в обозримом будущем на фоне реальной безработицы, которую вопреки официальной американской статистике оценивают выше 23%. Этот процесс также разрушил суверенные финансовые и экономические системы многих стран Европейского Союза: Греции, Ирландии, Португалии и Испании.

Среди персон, привлечённых в рабочую группу Медведева, находятся те самые Боги денег, описываемые в этой книге. Среди них главы «Морган Чейз Дж. П.», «Ситигруп», «Голдман Сакс», «Банк оф Америка» и «Морган Стенли».

Эта книга проливает свет на главных действующих лиц на Уолл-Стрит, которые с момента создания в 1944 году Бреттон-Вудской системы стремились управлять миром, контролируя основные потоки мирового капитала.

Именно в 1944 году был создан механизм глобальной гегемонии через контроль резервной мировой валюты – доллара США – влиятельным картелем банков Уолл-Стрит, который управляет американским Министерством финансов.

Россия сегодня зависит от экспорта своих нефтяных и газовых богатств, как это было и в прежние времена. Но долларовая цена этого экспорта определяется не спросом и предложением рынка, а запутанным процессом финансового манипулирования, проводимого на финансовых нефтяных фьючерсных рынках точно теми же самыми банками, которые теперь приглашены помочь России стать глобальным финансовым центром – «Голдман Сакс», «Морган Чейз Дж. П.», «Ситигруп», «Морган Стенли».

Предполагая, что у президента большой страны как Россия есть доступ к компетентным разведывательным данным о том, кого же он пригласил, весьма вероятно, что этот шаг предназначен стать простой уловкой держать в состоянии неопределённости акул с Уолл-Стрит, пока Россия готовится сделать свой выбор в обеспокоенном мире, где единственная супердержава – Соединённые Штаты – все более и более отчаянно пытается удержать своё влияние, поскольку американская империя рушится изнутри.

Эта книга – последняя в трилогии, написанной автором и переведённой на русский язык. Трилогия последовательно раскрывает известную цитату бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера в 1970-х годах. В разгар мирового нефтяного шока и развернувшегося зернового дефицита Киссинджер сказал:

«Если вы контролируете нефть, вы управляете целыми странами; если вы контролируете продовольствие, вы управляете людьми. Если вы контролируете деньги, вы управляете всем миром».

Этот том – описание длившейся более столетия попытки «контролировать деньги».

*Фредерик Уильям Энгдаль
Висбаден, Германия, 2011 год.*

Введение

Эта книга не расскажет вам о том, как пережить финансовый кризис, и почему в эпоху перемен золото – надёжная инвестиция. Об этом лучше написали другие. Здесь вы не найдёте общепринятого рассмотрения финансового и банковского дела или экономики вообще. Скорее здесь описывается история власти, точнее, колоссального злоупотребления властью, сконцентрированной в руках крохотной элиты, которая когда-то провозгласила и

утвердила себя «Богам денег». Эта книга – летопись деяний крайне немногочисленной клики международных банкиров, создавших и управляющих сегодня Уолл-Стрит, как в своё время, до Первой мировой войны, несколько человек управляли лондонским Сити.

Этот том – хроника восхождения к неслыханной власти людей, которые отождествили себя с высшей властью, властью отдельной и стоящей превыше простых человеческих законов.

В Евангелии от Матфея в Новом Завете сказано:

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне». (Матф. 6:24).

С самого основания США как конституционной республики в 1789 году после Войны за независимость против Великобритании могущественные финансовые группировки разрешали для себя этот библейский конфликт, самостоятельно и без посредников рукоположив и помазав самих себя в «Богам денег», объявив самих себя высшим законом над остальными простыми смертными. Шаг за шагом с помощью своих денег они стремились извратить основы Конституции, пытаясь скомпенсировать кредитными и финансовыми махинациями убытки на полях сражений.

В интервью в ноябре 2009 года лондонскому «Санди Таймс» председатель и президент самого прибыльного банка в мире «Голдман Сакс» Ллойд Бланкфейн оправдывал рекордную прибыль своего банка в то время, когда большинство финансовых учреждений из всех сил пытались выжить. Он прокомментировал, что он просто «банкир, делающий работу Бога». Более столетия назад основатель монополии «Стандарт Ойл» Джон Д. Рокфеллер, которого наивный репортер спросил, как он стал богатейшим человеком в мире, без колебаний отрезал: «Бог дал мне мои деньги»!

Чтобы ответить на самый фундаментальный вопрос «Что такое деньги?», были написаны целые тома. Именно тот факт, что существует огромное количество разнообразных ответов и написано много книг, показывает, что истинная природа денег, о которой большинство из нас даже не задумывается, абсолютно неочевидна даже академическим экономистам.

Причина в том, что современное изучение экономики в том виде, в котором её преподавали и преподают во всех основных университетах в Западном мире, сегодня не имеет ничего или почти ничего общего ни с экономической реальностью, ни с политической ролью международной финансовой системы, ни с её геополитической повесткой дня в формировании этой самой экономической реальности. Это не должно удивлять, поскольку финансовые элиты, могущественные и влиятельные международные банкиры лондонского Сити и Уолл-Стрит обеспечили себе соответствующую профессию, чтобы гарантировать именно то преподавание, которое защищало бы их порядок. Они зашли так далеко, что поставили на службу своим интересам даже Нобелевскую премию по экономике.

Деньги – это не больше и не меньше как инструмент политики, обещание заплатить между двумя или больше сторонами, усиленное в большей или меньшей степени властью государства. В конечном счёте, деньги особенно в мире, где деньги – чистый бумажный товар (так называемые фиат-деньги или бумажные деньги, не обеспеченные золотом), являются вопросом «доверия», уверенности в «полном доверии и уважении правительства Соединённых Штатов Америки»¹. И это доверие всегда поддерживалось, в конечном счёте, военной силой, политической властью и манипулированием всеми тремя ветвями власти – президентами, конгрессменами, судьями.

В границах США последние сто пятьдесят лет возводилось и укреплялось здание, в

¹ Отсылка к IV статье Конституции США.

котором чрезмерно могущественный узкий круг международных банкиров, влиятельных лиц с Уолл-Стрит и связанных с ней крупных банков в мировых финансовых центрах формировали жизнь американской нации и готовили её к войнам далеко от американских берегов, буквально управляя всем, что люди покупают и производят, и, что наиболее опасно, даже управляя мыслями людей. Покойный американский историк Кэрролл Квигли отметил, что «целью международных банкиров было ни что иное, как создать мировую систему финансового контроля в частных руках, способную господствовать в политической системе любой страны и в мировой экономике в целом. Эта система должна была управляться с помощью крепостнических методов центральными банками мира, действующими в полном соответствии с секретными соглашениями, достигнутыми на частых частных встречах и конференциях». («Трагедия и надежда», с. 324).

В 1862 году в первые месяцы Гражданской войны в США среди богатых аристократов и банкиров Англии была осторожно распространена некая записка. Она давала холодную оценку банковских кругов лондонского Сити относительно событий в Соединённых Штатах:

«Рабство, вероятно, будет отменено военной властью, и весь рабский труд будет отменен. Это в наших интересах и в интересах моих европейских друзей, ибо рабство является всего лишь обладанием рабочей силой и несёт вместе с собой заботу о работниках, в то время как европейский план, поощряемый Англией, состоит в том, что рабочую силу должен контролировать капитал, управляя заработной платой. Из-за этой войны накопился большой долг, за которым будут присматривать капиталисты, и его нужно использовать как средство управлять объёмом денег. Чтобы достигнуть этого, необходимо в качестве банковской базы использовать облигации. Мы теперь ждем министра финансов, чтобы дать эту рекомендацию Конгрессу. Это не позволит доллару, как его называют, циркулировать в качестве денег любой отрезок времени, пока мы не сможем управлять им. Но мы можем управлять облигациями и через их банковскую эмиссию». (Процитировано в книге Линдберга «Банковское дело, валюта и денежное управление»).

В 1913 году конгрессмен от Миннесоты Чарльз Огаст Линдберг-старший, отец знаменитого летчика, написал книгу «Банковское дело, валюта и денежное управление», в которой точно описал политическую повестку дня международных банкиров с Уолл-Стрит, которые формировали создание нового центрального банка и вместе с ним – контроль над национальной экономикой.

В качестве республиканского представителя в американском Конгрессе Линдберг написал демонстрацию секретных махинаций мощных финансовых групп на Уолл-Стрит, их усилия обойти статьи закона, который больше чем любой другой единичный закон сформировал будущую историю нации и большую часть мира – закон о Федеральной резервной системе.

Закон был принят почти пустым Конгрессом и подписан близким другом Уолл-Стрит президентом Вудро Вильсоном в Сочельник 1913 года. Линдберг описал участие, как он точно назвал, «Денежного Треста» Уолл-Стрит в фактическом государственном банковском перевороте:

«С тех пор Конгресс Гражданской войны позволил банкирам управлять финансовым законодательством. Состав Финансового комитета в Сенате (теперь Комитет по банковскому делу и валюте) и Комитета по банковскому делу и валюте в Палате представителей состоял в основном банкиров, их агентов и их поверенных. Эти комитеты контролировали характер законов, готовящихся к сообщению, приложения к ним и дебаты, которые должны были проводиться по их поводу при рассмотрении в Сенате и Палате представителей». (Линдберг, цит. выше, Приложение).

В 1917 году Линдберг написал широко известную брошюру «Почему твоя страна в состоянии войны?», в которой он возложил на «высокие финансы» вину за причастность Америки к тому, что стало известным как Первая мировая война. За храбрость и точную характеристику роли Денежного треста в вовлечении Америки в войну управляемая Уолл-Стрит пресса повесила на Линдберга ярлык предателя. Его политическая карьера была разрушена тем самым Денежным трестом, с которым он боролся.

В нарушении американского нейтралитета в начале войны в Европе один из международных банков Уолл-Стрит – «Морган и К°» – стал банкиром Великобритании и Франции. Обладая влиянием на администрацию Вудро Вильсона он имел возможность управлять освещением событий в СМИ и разжигал военную лихорадку среди ничего не подозревающего американского населения, которое очень сомневалось в необходимости идти на войну.

Американский госсекретарь Уильям Дженнингс Брайан (недооцененная фигура в американской политике) вызвал большие национальные политические последствия, выступая против "плутократии" Уолл-Стрит и защищая в те дни серебряные интересы западных государств против Уолл-Стрит и лондонского золотого стандарта. В 1915 году Брайан ушёл в отставку с поста Госсекретаря в знак протеста против того, что он справедливо рассматривал как циничную манипуляцию президентом, его советниками и особенно прессой, управляемой банкирами Уолл-Стрит, близкими к Моргану с целью ввергнуть США в войну в тот момент, когда «Торговый Дом Моргана» стоял перед возможным финансовым крушением вследствие своих огромных ссуд Великобритании и Франции. «Денежный трест» Уолл-Стрит рассматривал войну в качестве доступа к финансовому влиянию в Европе после заполнения вакуума, оставленного обанкротившейся Великобританией. Это стало первым шагом в создании, будущего «Американского века».

Между созданием в 1791 году министром финансов Гамильтоном Первого банка США как частного банка и созданием в декабре 1913 года Федеральной резервной системы (тоже центрального банка в частных руках) возникла небольшая группа чрезвычайно богатых семей, ранее называемая «Шестьдесят семей Америки». Богатство и могущество этих семей были связаны с их способностью управлять деньгами нового государства: создавать по своему желанию нехватку денег, приводя к панике и даже к экономическим депрессиям с целью расширить и консолидировать свою власть над нацией. Именно они финансировали войны и расширение Соединённых Штатов за его границы после испано-американской войны 1898 года, когда Америка стала фактической имперской державой, захватив Филиппины как ворота к прибыльной торговле с Китаем и Азией.

В противоречии со стандартными и «одобренными» историческими текстами с самого начала «войны, чтобы сделать мир безопасным для демократии», в августе 1914 года и до конца Второй мировой войны в мае 1945- го мир был ареной тяжёлой борьбы между двумя мировыми державами, США и Германией, следствием которой стал крах Британской империи в качестве глобального гегемона. Интересы, которые сформировали этот американский вызов, были, прежде всего, сконцентрированы на Уолл-Стрит, среди Богов денег. Отдельные лица сменились. До своего кризиса в 1931 году доминировал «Торговый Дом Моргана». Затем на сцену вышли Рокфеллеры и их банки. Именно они стали бесспорными лидерами распространившегося на весь земной шар американского господства, которое ещё в 1941 году Генри Льюс в собственном журнале «Тайм Лайф» назвал «Американским веком».

С 1945 года американская гегемония, или точнее американская империя опиралась на два устойчивых опорных столпа. Первым столпом была роль доллара в качестве бесспорной резервной валюты в мире, в котором Уолл-Стрит Нью-Йорка является центром глобальных финансов, «мировым банкиром». Вторым были значение Пентагона и бесспорное господство американской военной силы.

Плохо понимается именно то, как эти два столпа плавно сочетаются в пределах одной и той же властной структуры, структуры, двигателем которой являются финансовые интересы.

И прежде всего, это Уолл-Стрит и специальная порода международных банкиров, которые институционализировали своё правление в таких организациях, как «Общество Паломников», Совет по международным отношениям, Бильдербергские встречи. Трёхсторонняя комиссия и другие частные и элитарные органы самоуправления.

Кризис, который разразился летом 2007 года первоначально вокруг секьюритизации высоко рискованной «субстандартной» (некачественной) ипотеки расшатал основы этой финансовой системы как никакой другой кризис в истории до настоящего времени. Для тех, кто желает понять, как за счёт налогоплательщика возродились и ринулись к ещё большему контролю над миром те же самые банки Уолл-Стрит, которые из-за своей бесконтрольной жадности вызвали кризис, эта книга станет введением во внутренние механизмы финансовой власти.

Эта книга – результат приблизительно тридцати лет исследований и аналитических статей на тему денег и власти. Она продолжает ряд книг, которые я написал. Они все объединяются утверждением, приписываемым в 1970 - х годах бывшему Госсекретарю Генри Киссинджеру, вышедшего из влиятельного рокфеллеровского круга. Он заявил:

«Контролируя нефть, вы контролируете государства. Контролируя продовольствие, вы контролируете население. Контролируя деньги, вы управляете всем миром».

Две мои предыдущие книги «Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок» и «Семена разрушения: тайная подоплека генетических манипуляций» посвящены анализу первых двух утверждений из этого теперь известного изречения Киссинджера. Эта книга анализирует третье – попытку управлять деньгами всего мира.

В книге представлена хроника возвышения Американского века с периода после Гражданской войны, когда в нью-йоркском финансовом мире появился могущественный Дж. П. Морган, до текущей катастрофы, которая сигнализирует, как не резко это может прозвучать, смерть Американского века. Как и в случае с Римской империей в III и IV веках нашей эры, причиной этого падения было всё то же – система всё более и более опиралась на силу и грабёж, на расширение империи, была ли она формальной, как Римская, или неформальной, как Американский век.

Бывший банкир «Голдман Сакс» описывал атмосферу, которая висит над Уолл-Стрит как

«полностью одержимую деньгами. Я походил на осла, которого гонит вперёд самая большая, самая сочная морковь, которую я мог себе вообразить. Деньги – это способ, которым вы определяете свой успех... Это – наркомания».

Окончательный вопрос в том, что именно последует за кризисом доллара и Уолл-Стрит. По мере того, как мы входим во второе десятилетие XXI века, большинству думающих людей во всём мире становится всё более очевидно, что американская «единственная супердержава», двадцать лет назад столь торжественно объявленная в конце «холодной» войны, находится в глубоком кризисе. Её финансовая мощь – лишь бледная тень той, которая имелась всего лишь три года назад. Её вооруженные силы с удивительными технологиями трещат по швам, растянутые до предела в войнах, мало осмысленных для самих американских граждан. В 2010 году Американский век оказался в кризисе более глубоком и фундаментальном, чем признают его элиты, по крайней мере, публично.

Как ясно дал понять президент Барак Обама, он во всех отношениях столь же обязан власти Уолл-Стрит и крупных банков, как и Вудро Вильсон и почти каждый президент, начиная с Гражданской войны, возможно, за исключением Джона Кеннеди. Любую болезнь можно излечить только тогда, когда она полностью диагностирована и понята. Эта книга – попытка помочь обычным гражданам поставить диагноз.

Ф. Уильям Энгдаль,
февраль 2010 года

Глава 1

Зарождение американской финансовой олигархии

«Деньги перестанут быть хозяевами и станут слугами человечества.
Демократия поднимется превыше власти денег».

– *Авраам Линкольн* незадолго до его убийства в 1865 году ⁽¹⁾

Глобальный кризис с долгой историей

29 июля 2007 глава немецкого банковского регулятора «БаФин» и немецкий министр финансов дали пресс-конференцию, чтобы объявить, что государство совместно с ведущими частными и общественными банками организовало чрезвычайное спасение «ИКБ Дойче Индустрибанк». «ИКБ» был банком, учрежденным в 1924 году с целью облегчить выплату немецких индустриальных военных репараций по Плану Дауэса. Последний кризис отметил в его истории во второй раз, когда «ИКБ» сыграл историческую роль в контексте необоснованной американской банковской практики.

На сей раз, весьма напоминая крах в 1931 году «Вьенна Кредитанштальт», ставший спусковым механизмом для цепной реакции глобального краха банковской системы, который привёл к Великой Депрессии и, в конечном итоге, к мировой войне, крах относительно незначительного делового кредитора из Дюссельдорфа вызвал схожую глобальную цепную реакцию. Эта цепная реакция вызвала глобальный системный финансовый кризис, который к 2009 году уже был весьма близко к тому, что затмить трагический масштаб Великой Депрессии.

Проблемы «ИКБ» выросли на почве его инвестиций в новые экзотические высоко доходные ценные бумаги, выпущенные нью-йоркскими банками, названные «субстандартные ценные бумаги с ипотечным покрытием». Что же это за бумаги? Откуда они появились?

Субстандартные ценные бумаги с ипотечным покрытием были созданы весьма замысловатым образом:

- берем сотни или тысячи обычных закладных недвижимого имущества, купленных со скидкой у американских банков;
- используем ежемесячный поток платежей по закладной, чтобы сотворить совершенно новую синтетическую облигацию или долговое обязательство;
- страхуем её составной поток платежей от возможного дефолта у специализированных страховщиков, включая «Америкэн Интернэшнл Групп, Инк». (АИГ);
- и оцениваем их только в единственных трёх рейтинговых агентствах, которые обладали фактической монополией на такие оценки (все три базируются в Нью-Йорке);
- наконец, в поисках высокой прибыли продаём новые ценные бумаги с ипотечным покрытием (теперь оцененные как AAA) правительствам, пенсионным фондам и неосторожным инвесторам по всему миру. Таким образом, банки полагали, что они нашли волшебный маршрут к надёжным сверхприбылям.

Субстандартные ценные бумаги с ипотечным покрытием стали кульминацией нарастающей узурпации власти частными американскими банками – не только в экономике

США, но в экономике всего мира. Процесс, названный «секьюритизацией» созданными его банками Уолл-Стрит, был предназначен дать новый импульс к жизни подавляющему американскому господству на глобальных рынках капитала, основному столпу американской державы с того момента, когда в 1945 году страна вышла победительницей после войны.

«Секьюритизация», идея, что нормальный банковский долговой риск может быть удалён с собственного бухгалтерского баланса банка и устроен таким образом, чтобы расплыть риски неплатежей по кредитам столь широко, что они никогда не смогли бы снова грозить кризисом, подобным тому, который разразился после краха в 1931 году «Вьена Кредитан-штальт», была безумной иллюзией. Секьюритизация банковских активов была основана на фундаментальном предположении о бесконечном будущем американского могущества, предположении, которое полностью восходило к появлению США как основного индустриального конкурента германского Рейха после Гражданской войны в США в 1860-х годах.

Корни глобального кризиса, который был спущен с цепи платёжными проблемами небольшого немецкого банка в 2007 года, лежали в весьма ущербной финансовой и банковской системе, называемой «долларовой системой», ранее имевшей название «Бреттон-Вудской системы». Чтобы понять истинное происхождение колоссальной глобальной финансовой власти Америки, необходимо вернуться назад к 1860-м годам, когда после Гражданской войны возникло государство США. Тот период является ключевым, чтобы ухватить смысл значения краха «ИКБ Дойче Индустрибанк» в июле 2007 года.

Прежде, чем исследовать Гражданскую войну на предмет зарождения влияния банковской системы, мы должны кратко возвратиться к ещё более раннему периоду, который является центральным для понимания уникального политического характера американского банковского дела.

Американский частный «государственный» банк

В начале XX века сам термин «национальный» банк или «центральный» банк в Америке был поцелуем политической смерти для любого, защищающего это понятие. Начиная с провозглашения американской Конституции в 1787 году, за первые сто двадцать лет существования в качестве республики США имели два неудачных опыта с центральными банками.

Первый национальный банк был разработан первым министром финансов нации Александром Гамильтоном. В 1791 году Гамильтон предложил учредить Банк Соединённых Штатов, смоделированный, однако, по образцу и подобию частного Банка Англии. Бенджамин Франклин, уже знакомый с Банком Англии, слишком хорошо понимал опасные подводные камни частного центрального банка, управляющего вопросами национальной валюты. Франклин эффективно блокировал хартию частного центрального банка вплоть до самой своей смерти в 1791 году.

Не успели тело Франклина предать земле, как Гамильтон протолкнул нужный закон и в тот же год создал Первый Банк Соединённых Штатов, который должен были разместиться в Филадельфии.^{2}

Национальный банк Гамильтона не был банком федерального правительства Соединённых Штатов. В соответствии с его хартией, он на 80% принадлежал частным инвесторам, включая инвесторов из крупнейших британских банков, что было достаточно примечательно для молодой нации, ещё не излечившейся от ран войны за независимость из того же самого лондонского Сити.

Натан Ротшильд, бывший в это время влиятельнейшим банкиром не только в Лондоне, но и вообще в мире, изрядно вложил в первый Банк Соединённых Штатов, став, по некоторым сообщениям, его крупнейшим акционером. Управляя деятельностью Банка

Соединённых Штатов из - за кулис, лондонские банкиры установили контроль над финансовой и кредитной деятельностью в Америке, что многие американцы справедливо рассматривали как эквивалент новой формы британской колонизации, теперь финансовыми и экономическими средствами. Гамильтон писал Конгрессу, что банк должен быть

«национальным банком, который, объединяя влияние и интересы денежных людей с ресурсами правительства, единственный сможет давать последнему длительный и обширный кредит, в котором оно нуждается». ^[3] Объединение этих интересов было, конечно, сделано, но не в общих интересах населения Соединённых Штатов.

Банк Соединённых Штатов использовался для того, чтобы хранить американские правительственные налоговые поступления и выпускать банкноты для наращивания денежной массы таким образом, каким считал целесообразным сам Банк. Основным капиталом Банка составлял 10 миллионов долларов, 80% которых принадлежали частным инвесторам, как уже упоминалось. Только 20% резервов банка принадлежали правительству США. Банком управляли президент и двадцать пять членов совета директоров. Двадцать человек из последнего избирались акционерами, 80% которых представляли частные группы. Только пять назначались правительством. Фактически, американское правительство передало частным банкирам контроль над своими деньгами и согласилось выплачивать им проценты прибыли с денег, которые оно занимало.

Томас Джефферсон резко выступал против закона, создающего управляемый частными лицами центральный банк. Однако Джордж Вашингтон подписал этот закон 25 февраля 1791 года. Президент Вашингтон сделал это по совету Гамильтона, несмотря на то, что американская Конституция ясно декларировала, что контроль национальной валюты должен быть в руках Конгресса, и не оговаривала ничего, чтобы делегировать эти полномочия. ^[4] Это явное конституционное положение было разработано специально для того, чтобы не позволить американской денежной массе оказаться в руках частных банкиров и удержать её только в руках избираемого Конгресса, который разработчик Декларации независимости Джефферсон называл самой республиканской из трёх властей.

В 1811 году американский Конгресс добился отмены полномочий Первого Банка Соединённых Штатов с перевесом в один голос в каждой палате. На Банк была возложена ответственность за существенное повышение оптовых цен в стране.

В 1812 году в причудливом повороте событий Конгресс США по настоянию президента Джеймса Мэдисона объявил войну против Великобритании. Чтобы финансировать войну 1812 года, как стало известно, американское правительство залезло в крупные долги. Государственный долг вырос с 45 миллионов долларов до 127 миллионов всего через четыре года, показан рост приблизительно на 300%. В порыве патриотизма, вызванного войной, государственные банки расширили свою кредитную базу в буме кредитования, не обращая внимания на соответствие золотым или серебряным запасам.

Чтобы разрешить проблему необузданной инфляции, которой всё предсказуемо закончилось, достигшие соглашения заинтересованные группы (прежде всего, частные банки) убедили Конгресс создать новый национальный банк. В 1816 году Конгресс согласился и создал Второй Банк Соединённых Штатов, основанный на тех же самых принципах, что и Первый, и также расположенный в Филадельфии. Новому банку были даны права на двадцать лет, и его полномочия истекали в 1836 году.

Второй Банк Соединённых Штатов также разрешал правительству держать только 20% своих акций, остальные 80% оставались в частной собственности. И что очень важно. Банк получил мандат создать единую валюту страны; он мог покупать значительную часть американского правительственного долга и размещать американские казначейские фонды как депозит – огромное преимущество перед частными или государственными конкурентами. Эти привилегии были уникальны для частного Второго Банка, как и в случае с предыдущим Первым Банком Гамильтона.

Таким образом, 10 мая 1816 года после пяти лет существования без национального банка и после войны 1812 года с Англией президент Джеймс Мэдисон утвердил

законопроект, создающий Второй Банк Соединённых Штатов. Новая хартия увеличила его основной капитал до 35 миллионов долларов и разрешала ему создание филиалов банка и выпуск денег – банкнот, стоимостью выше 5 долларов.

Новый банк, таким образом, имел все полномочия, чтобы управлять всей финансовой структурой страны.

В 1819 году американский Верховный Суд, основываясь на мнении, написанном председателем Верховного суда Джоном Маршаллом, объявил, что Второй Банк Соединённых Штатов является конституционным, с сомнительной логикой обнаружив в деле «МакКаллох против Мэриленд», что у Конгресса были «подразумеваемые полномочия» создать национальный банк, что оспаривал штат Мэриленд. Второй Банк с 1822 года управлялся богатым жителем Филадельфии Николасом Биддлом. Он и его акционеры скромно переименовали свой банк в Банк Соединённых Штатов.

Президент Эндрю Джексон наложил вето на законопроект, чтобы повторно определить полномочия Второго Банка в 1832 году. Популярный герой войны 1812 года Джексон не доверял частному Банку Соединённых Штатов и боялся, что тот даёт слишком большую власть зарубежным инвесторам и благоволил нью-йоркским и бостонским инвестиционным банкам в ущерб западным и южным аграрным частям страны.

Чтобы гарантировать падение Банка, Джексон приказал, чтобы министр финансов снял все правительственные депозиты из частного национального банка и внёс их в банки штатов. В наказание Джексону Биддл в 1834 году связал денежную массу и вызвал общенациональную рецессию, чтобы вынудить президента повторно подтвердить полномочия частного национального банка. Биддл просто потребовал немедленную выплату старых долгов и не выдавал новых займов, вызвав полный шок системы национального кредитования.

Шантаж Биддла потерпел неудачу. 8 января 1835 года впервые в истории Америки Джексон выплатил заключительный взнос в уплату американского государственного долга. Казначейство накопило излишек 35 миллионов долларов, который был распределен среди Штатов.

В рамках следующей попытки вынудить вернуть Банк Соединённых Штатов к власти Николас Биддл при помощи и подстрекательстве ведущих лондонских и европейских банкиров задумал и воплотил Панику 1837 года². В 1888 году в своей автобиографии банкир с Уолл-Стрит Генри Клуз упомянул:

«Паника 1837 была усугублена Банком Англии, когда он через день сбросил все бумаги, связанные с США».^{5}

Лидирующей фигурой в совете по выработке политики Банка Англии тогда был основной акционер Банка Соединённых Штатов и близкий союзник Николаса Биддла Натан Ротшильд.^{6}

Лондонские банкиры управляют банком США

Банковская династия Ротшильдов в Европе, возглавляемая бароном Натаном в Лондоне с братьями в Вене, Неаполе и Париже, была в то время самой сильной финансовой группой в мире. Её власть была основана на неограниченном контроле семейных династических связей, настолько экстраординарном, что обычной практикой для братьев и их потомков были брачные узы между двоюродными братьями и сёстрами, чтобы охранять семейное богатство и тайны.

² В 1837 году лопнул экономический пузырь, созданный спекулянтами в секторе недвижимости. 10 мая 1837 года все банки прекратили выплаты золотых и серебряных монет. Это получило название Паники 1837 года. За Паникой последовал пятилетний кризис, сопровождавшийся банкротствами банков и высоким уровнем безработицы.

Натан в Лондоне и Джеймс де Ротшильд в Париже держали основную часть акций Банка Соединённых Штатов Биддла. Натан Ротшильд был даже какое-то время официальным европейским банкиром американского правительства. Как утверждал историк Густав Майерс:

«Официальные отчёты показывают, что они властвовали в старом Банке Соединённых Штатов». ^{7}

Управляемая Паника 1837 года, однако, всё же не помогла возродить старые привилегии, и Банк умер. Когда Банк был, наконец, вынужден закрыть свои двери в 1841 году, он оставил два лондонских инвестиционных банка, «Бэринг Бразерс» и «Н. М. Ротшильд» перед лицом претензий на 25 миллионов долларов, ошеломительная сумма для двух частных банков, даже для банка Ротшильда. ^{8}

В 1841 году президент Джон Тайлер наложил вето на два законопроекта, которые пытались возродить Банк Соединённых Штатов. Повторные попытки финансовых кругов восстановить контроль над национальной валютой через центральный банк под своим собственным частным контролем безуспешно продолжались вплоть до 1913 года.

В разгар финансовой паники 1837 года Натан Ротшильд послал Огаста Белмонта-старшего в Америку в качестве своего частного агента. Белмонт основал инвестиционный банк «Огаст Белмонт и К°» с Натаном Ротшильдом из Лондона в качестве своего молчаливого покровителя. После падения Второго Банка и неприятной огласки Ротшильд был вынужден работать не от своего имени, а через агентов. Однако Огаст Белмонт был настолько эффективен при защите финансовых интересов Ротшильда, что позже стал финансовым советником американских президентов и главы Демократической партии, всё время негласно принимая экстраординарные меры, чтобы разжечь американскую гражданскую войну. Сын Белмонта, Огаст Белмонт-младший, позже будет работать с Морганом, чтобы спровоцировать Панику 1893 года³, прокладывая путь к Третьему банку Соединённых Штатов, который назовут Федеральной резервной системой.

В 1860-х годах в течение Гражданской войны президент Авраам Линкольн сказал:

«Деньги есть творение закона, и создание первичного размещения денег должно быть организовано как исключительная монополия национального правительства. Правительство, обладающее властью создавать и выпускать валюту и кредит в качестве денег и обладающее правом изымать из обращения и валюту и кредит через налогообложение и другими способами, не нуждается и не должно занимать капитал под процент для финансирования работы правительства и государственного предприятия.

Правительство должно создавать, выпускать и распространять всю валюту и кредиты, необходимые для удовлетворения покупательной способности правительства и покупательной способности потребителей. Привилегия создания и выпуска денег является не только высшей прерогативой, но и величайшей творческой возможностью правительства. С принятием этих принципов давно ощущаемые чаяния для однородной среды будут удовлетворены.

Налогоплательщики сохраняют огромные суммы в процентах, скидках и обменах. Финансирование всего государственного предприятия, обслуживание устойчивого правительственного и упорядоченного процесса и поведение Казначейства станут делами практического правительства. Люди смогут и будут снабжаться валютой столь же гарантировано, как и их собственное правительство. Деньги перестанут быть хозяевами и станут слугами человечества». ^{9}

³ Паника 1893 была серьёзной экономической депрессией в США, которые начались в этом году. Подобно Панике 1873 года, она была отмечена крахом перепроизводства железных дорог и шаткого их финансирования, что привело к серии банковских банкротств. Усугубил ситуацию и переход на золотые резервы вместо серебра, поскольку давняя американская политика биметаллизма использовала и серебряные и золотые металлы в зафиксированном соотношении 16:1, чтобы поддерживать покупательную силу доллара США. До Великой Депрессии Панику 1893 года считали наихудшей депрессией в истории США.

Слова Линкольна были плохо встречены в лондонском Сити, где сильный «Торговый дом Ротшильда» и другие банки Сити запланировали соблазнить отчаявшееся правительство Линкольна принять военные ссуды под ростовщические проценты. Линкольн, который стал президентом благодаря тому, что активно поддерживал индустриальный протекционизм, сразу же после выборов оказался перед угрозой отделения Вирджинии и шести других рабовладельческих хлопковых штатов Юга.

В то время основными кредиторами хлопковой торговли Юга, жизненно важного источника хлопка-сырца для ткацких фабрик в английском Манчестере, были лондонские банки во главе с «Торговым домом Ротшильда». Отделение Юга осторожно поощрялось Огастом Белмонтом, всё ещё служившим личным агентом Ротшильда в США и уже ставшим ключевой фигурой в американской политике. Белмонт расценивал протекционистскую политику Линкольна как анафему. Американский протекционизм и высокие тарифы могли уничтожить прибыльный хлопковый бизнес Англии с рабовладельческими штатами.^{10}

Авраам Линкольн очень хорошо понимал, почему положения американской Конституции наделили полномочиями управлять деньгами именно избранный должным образом Конгресс, а не исключительно частных банкиров. Он был давним сторонником тарифной политики промышленного протекционизма лидера вигов (национальных республиканцев) сенатора Генри Клея. Линкольн был также близким другом пенсильванского экономиста и сторонника протекционизма Генри К. Кэри, бывшего последователем теорий известного немецкого экономиста Фридриха Листа.^{11}

Вместо того, чтобы учредить новый Третий банк Соединённых Штатов (вновь под контролем частных банкиров, как желали ведущие лондонские и союзные им нью-йоркские банковские круги), Линкольн использовал влияние Конституции, чтобы убедить Конгресс разрешить выпустить беспроцентные казначейские билеты в количестве 150 миллионов долларов (огромная сумма тогда), поддерживаемые «полным доверием и уважением правительства Соединённых Штатов».

При Линкольне казначейские билеты выпускались американским Министерством финансов. Билеты не приносили процентов, но должны были использоваться для «всех долгов, общественных и частных кроме обязательств по импорту и процентов по государственному долгу». Их назовут «гринбэками» из-за соответствующего дизайна и цвета.

В течение Гражданской войны объём этих разрешённых правительством к обращению гринбэков возрос до 450 миллионов долларов. На момент выпуска гринбэки нельзя было конвертировать в золото. Они были американскими правительственными бумажными декретными билетами, то есть обещанием заплатить предъявителю в золоте или серебре когда-нибудь в будущем. Держатель билетов, в действительности, держал пари на будущее существование и процветание Соединённых Штатов.

Гринбэки позволили Линкольну финансировать военные затраты независимо от банкиров из Лондона или Нью-Йорка, которые требовали непомерно высокую процентную ставку – от 24% и даже до 36%.^{12} Гринбэки Линкольна финансировали войну и избегали втягивания США в крупные военные долги частным банкирам. Именно это сделало его заклятым врагом банкирских кругов Лондона и Нью-Йорка.

Влиятельная лондонская газета «Таймс» резко отреагировала на выпуск гринбэков. В передовой статье, очевидно написанной от имени банкиров лондонского Сити, она заявила:

«Если эта вредная финансовая политика, которая возникла в североамериканской республике, укрепитя, то тогда это правительство снабдит себя собственными деньгами бесплатно. Оно заплатит долги и будет без долга. У него будут все деньги, необходимые для продолжения своей торговли. Оно станет беспрецедентно богатым в истории цивилизованных правительств мира. Мозги и богатство всех стран пойдут в Северную Америку. Это правительство должно быть уничтожено, или оно уничтожит любую монархию на земном шаре».

Рис. 1 «Гринбэки» Авраама Линкольна, выпуск которых стал, вероятно, одной из причин его убийства

14 апреля 1865 года Авраам Линкольн был убит, хладнокровно застрелен в Вашингтонском театре, спустя только пять дней после того, как генерал конфедератов Роберт Э. Ли сдался Гранту у Аппоматокса, штат Вирджиния. Как в случае с убийством Джона Кеннеди, почти столетие спустя, в убийстве был обвинен «одинокий бандит» Джон Уилкс Бут. Никакого серьезного расследования Конгресса о возможности заговора и о том, кто, вероятно, стоял за этим убийством не было.

Хотя истина теперь уже не может быть найдена, убедительные доказательства подтверждают, что убийца Линкольна Джон Уилкс Бут был нанят на работу Иудой Бенджамином, казначеем Конфедерации. Иуда Бенджамин был близким сподвижником Бенджамина Дизраэли (1804–1881), британского премьер-министра и очень близкого друга лондонских Ротшильдов. После убийства Линкольна Иуда Бенджамин бежал в Лондон, став единственным членом кабинета Конфедерации, который не вернулся в США.^{13}

Всё указывает на то, что Линкольн был убит из-за своей валютной политики. Линкольн нуждался в деньгах, чтобы финансировать Гражданскую войну. Европейские банкиры во главе с Ротшильдом предложили ему ссуды, но по грабительски высоким процентным ставкам. Вместо того чтобы взять в долг, Линкольн нашёл другие средства финансировать военные расходы, используя полномочия государства. Что ещё более важно, британские банкиры выступали и против протекционистской политики Линкольна. Некоторые англичане в 1860-х годах полагали, что «британская свободная торговля, индустриальная монополия и рабовладение идут рука об руку».

Политика Линкольна, если бы она продолжалась и после Гражданской войны, разрушила бы товарные спекуляции Ротшильдов. Планы Линкольна относительно послевоенного восстановления включали умеренную политику реконструкции, которая позволила бы возобновление сельскохозяйственного производства в южных штатах. Это, в свою очередь, решительно ослабило бы возможности лондонских банкиров поднимать мировые цены на зерно, а вместе с этим снижало бы и прибыли. Кроме того, военный опыт Линкольна с выпуском правительственной валюты гринбэков независимо от жёстких условий нью-йоркских банкиров указывал, что он твёрдо выступит против возвращения экономики США к управляемому Лондоном «золотому стандарту».

Ротшильды, однако, хотели совсем другого: политика реконструкции Юга должна была быть жёсткой и болезненной, что привело бы к высоким ценам на сырьё, в частности на хлопок-сырец. Линкольн рассматривался как угроза установленному Ротшильдами порядку

вещей, и, вероятно, в их глазах его убийство могло ослабить Соединённые Штаты, помогая Ротшильдам и их нью-йоркским союзникам банкирам насадить свою послевоенную экономику.

В 1934 году канадский поверенный по имени Джеральд Г. Макгир получил очень чувствительную информацию о личности Джона Уилкса Бута – свидетельство, которое было удалено из публичного доклада о расследовании. Свидетельство было предоставлено Макгиру агентами секретной службы после смерти Бута; из него следовало, что Джон Уилкс Бут был наёмником, работавшим на международных банкиров. В речи перед канадским парламентом, опубликованной в «Ванкувер Сан» в воскресенье 2 мая 1934 года, поверенный Макгир заявил:

«Авраам Линкольн, застреленный освободитель рабов, был убит в результате махинации представителя группы международных банкиров, которые боялись президентских амбиций национальной кредитной системы Соединённых Штатов. В то время в мире была только одна группа, у которой была какая-либо причина желать смерти Линкольна. Они были людьми, настроенными против его программы национальной валюты, и они боролись с ним всюду в течение всей Гражданской войны против его валютной политики гринбэков».

После убийства Линкольна последовало сражение в американском Конгрессе за устранение правительственного выпуска гринбэков и замену их привязанными к золоту деньгами. Цель состояла в том, чтобы позволить держателям золота (а именно, Лондону и элитарному кругу международных банкиров Нью-Йорка) контролировать американскую валюту, привязав её эмиссию к золоту. В те времена большая часть золотых запасов в мире находилась в подвалах Банка Англии и лондонских банков.

В 1875 году под давлением банкиров Восточного побережья, настаивающих на выкупе гринбэков за золото и последующей эмиссии исключительно обеспеченных золотом казначейских билетов, американский Конгресс принял Закон о возобновлении размена бумажных денег на металл. Ключевой фигурой, продавившим этот билль через Конгресс был сенатор Джон Шерман, Огайо. Издатель газеты «Нью-Йорк Републикан» Генри Стоддарт отметил:

«Отношения сенатора Шермана с Первым национальным банком Нью-Йорка во время этого кризиса были настолько близки, что это учреждение обычно называли "Форт Шерман"».

Основателем Первого национального банка Нью-Йорка был Джордж Ф. Бейкер, который впоследствии станет членом элитарного «Общества паломников», основанного в 1902 году как зарождающаяся ось англо-американской финансовой державы, расположенной на Уолл-Стрит. Также Бейкер позже стал близким союзником Дж. П. Моргана, непосредственного члена-учредителя «Общества паломников».

Лоббисты, стоявшие позади Бейкера и кампании Шермана за возобновление хождения золотых и серебряных денег или оплату золотом за американские банкноты, представляли банки Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии, которые специализировались на финансировании международной торговли. Среди этих лоббистов также были международные перевозчики и импортёры, которые были вынуждены оплачивать товары британцев и других европейских поставщиков металлическими деньгами.

В результате появилась группа, известная как американский истеблишмент Восточного побережья, выросшая из международной банковской группы влиятельных семей Нью-Йорка и Восточного побережья. Они организовывали давление на Конгресс через свои лоббистские организации, включая Нью-йоркскую Торговую палату, Бостонские и Филадельфийские Министерства торговли и Государственный торговый совет.

Против интернационалистов с Восточного побережья жестко выступали влиятельные западные и южные сельскохозяйственные круги, основные держатели акций национальной стальной промышленности, а также мелкие бизнесмены. Экономист Генри К. Кэри, который ранее был одним из экономических советников Линкольна, представлял национальных производителей стали, которые опасались, что возобновление хождения металлических

денег поднимет процентные ставки и сделает американские железо и сталь менее конкурентоспособными против более дешёвого британского импорта.

Кэри писал, что «коммерческие штаты» Восточного побережья «установили монополию власти денег, не сравнимую ни с чем в мире». Он указывал, что, в то время как процентные ставки в банковских штатах Новой Англии и Нью-Йорка были низки, остальная часть производителей и фермеров страны должна была платить от 10% до 30% за деньги. Закон о возобновлении размена бумажных денег на металл вызвал яростные протесты среди фермеров и мелких производителей, которые боялись крупной дефляции экономики и сокращения денежной массы. Они справедливо жаловались, что, поскольку банкиры Нью-Йорка и Новой Англии держали в своих руках большую часть национального монетарного золота, распределение национальной валюты было перекошено в сторону тех же самых банкиров Восточного побережья, и следовательно возобновление хождения металлических денег больше всего принесет пользу тем же банкам за счёт остальных.

Возврат металлических денег

В 1875 году синдикат нью-йоркских и лондонских международных банков наконец протолкнул Закон о возобновлении размена бумажных денег на металл. Международные банкиры синдиката включали «Огаст Белмонт и К°», представляющую лондонских банкиров, «Н. М. Ротшильд и Соне»; «Дж. и У. Селигман и К°», представляющая братьев Селигман; «Дрексель, Могран и К°», партнёром которой был Дж. П. Морган и представлял «Джуниус С. Морган и К°», Лондон, банк отца Дж. П. Моргана. Синдикат также включал «Мортон, Блисс и К°», представляющую «Мортон, Роуз и К°». А также в синдикате состоял единственный нью-йоркский коммерческий банк Джорджа Ф. Бейкера Первый Национальный банк Нью-Йорка, предшественник «Ситигруп».

Закон о возобновлении размена бумажных денег на металл определил, что к 1 января 1879 года все циркулирующие в обращении гринбэки могли быть выкуплены за золотые монеты. Закон о возобновлении был главным шагом на пути американской экономики под контроль международных банкиров Лондона и Нью-Йорка, поскольку именно они управляли львиной долей монетарного золота в мире, находящегося в частных руках.

Но и этого не было достаточно для воплощения их долгосрочных планов и намерений: полный контроль эмиссии денег в Соединённых Штатах Америки.

Как мы увидим, эта цель будет достигнута позже, в 1908 году с помощью Комиссии Олдрича по монетарной реформе, учрежденной после того, как Денежный трест организовал Панику 1907 года⁴.

Глава 2

Джон Пирпонт Морган, первый «бог денег» Америки

«Права и интересы трудящихся будут защищаться и охраняться не агитаторами из рабочих, а христианами, которым Бог в Его бесконечной мудрости даровал контроль над имущественными интересами страны».

⁴ «Паника 1907 года» стала самым сильным и жестким из всех кризисов, произошедших до него, и сразу затронул экономики девяти стран. Он выявил хрупкость системы частных банков и тем самым послужил толчком для создания ФРС. Кризис 1907 года показал могущество и силу олигархов того времени, вернее величайшего из них, Джона Пирпонта Моргана-старшего.

Когда после крупной экономической депрессии, начавшейся в 1873 году обширная Британская империя вошла в длительное и, по-видимому, необратимое падение, на другом берегу Атлантики начала зарождаться новая сила. Могущественные американские индустриальные и банковские семьи сгруппировались вокруг Дж. П. Моргана и Джона Д. Рокфеллера, прибрав в свои собственные руки богатство и управление американской промышленностью.

В своём возвышении к беспрецедентным высотам власти круги Моргана и Рокфеллера с размахом использовали мошенничество, обман, насилие и взяточничество. И они намеренно манипулировали финансовой паникой. Каждая финансовая паника, вызванная их расчётливым управлением финансовыми рынками и банковским кредитованием, позволила им и их ближайшим союзникам всё больше консолидировать влияние и власть всё в меньшем количестве рук. Именно эта концентрация финансовой власти в руках малого числа элитарных богатых семей создала американскую плутократию или точнее – американскую олигархию.

Аристотель использовал термин «олигархия», чтобы описать правление богатейших семей, где право на участие в голосовании в государстве было связано с размером состояния семьи. Как ни называй это, олигархией или плутократией (правление богатого «класса»), реальная власть в эффективном возвышении Американского века в конце 1890 годов отнюдь не была демократически в руках большинства граждан. Она не принадлежала даже достаточно многочисленному и растущему образованному среднему классу. Власть, вместе с контролем над национальной экономикой, безжалостно концентрировалась в руках немногих богачей, точно так же, как это происходило в эпоху Римской империи.

Чем более централизованной в руках аристократии богатства становилась эта власть, тем больше она драпировалась в риторические одеяния американской «демократии». Новая американская олигархия была демократична только в единственном смысле: она не ограничивала свои ряды людьми благородного происхождения и правильной родословной, как это было с декадентским благородством древнего Рима или в предреволюционной Франции.

Американская Конституция запретила аристократию и наследные титулы дворянства. Однако она не запрещала аристократию богатства – унаследованную или приобретенную. Как это случилось в Великобритании во времена основания частного Банка Англии в 1694 году, этот «неограниченный прием» в ряды аристократии обернется ключевым фактором в динамизме зарождающейся американской империи – «Американского века», как позже назовёт её Генри Льюс.

В последние десятилетия XIX века любой умный, настойчивый и достаточно безжалостный, чтобы выжить в процессе естественного отбора, накопив и удержав в своих руках огромное состояние, имел право на членство в этой аристократии, почти независимо от класса, религии или национальной принадлежности. Однако в течение, по крайней мере, следующего века барьером для доступа к более высоким кругам власти в Америке оставалась раса.

Эта олигархия использовала свою огромную экономическую мощь, часто тайно и скоординировано, чтобы организовывать события, которые вызвали волны банкротств, серьёзных экономических депрессий и даже панику. Зарождающаяся американская олигархия во имя своих частных интересов цинично коррумпировала и поглощала законодательные органы штатов, губернаторов, американских конгрессменов, судей, газетных редакторов и даже президентов. Интересам её представителей служили войны, которые помогала развязывать скупленная ею пресса, войны, от которых получали прибыль только олигархи, в то время как тысячи молодых американцев гибли во имя целей, о которых

они ничего не знали.

Распространенный миф утверждал, что беспокойные американские границы вдохновили демократический и предприимчивый дух США в знаменитом индустриальном расширении после Гражданской войны. В действительности, к концу 1870 годов, после принятия Закона о возобновлении размена бумажных денег на металл в 1875 году, который полностью вступил в силу в 1879-м и который, по сути, привёл Соединённые Штаты в Лондонский золотой стандарт, мало у каких стран была такая, настолько сконцентрированная, финансовая и экономическая мощь, как у США.

К 1880 годам в пределах самых богатых семей Соединённых Штатов появились две значительных группы. Первоначально они были яростными и непримиримыми конкурентами. Но в итоге они стали союзниками, не из любви, а по соображениям практичности. Эти две семьи, Рокфеллеры и Морганы, создали комбинацию богатства и власти, столь могущественную по своему влиянию на экономическую и финансовую жизнь США в начале XX века, что критики из Конгресса назвали её Денежным трестом.

Рукотворная паника 1893 года

Выход на сцену группы Моргана в качестве решающей силы в США потребовал годы тайных и, как правило, коррумпированных махинаций. Паника 1893 года привела к серьёзной американской экономической депрессии, которая продлилась четыре года. Это была иллюстрация того, насколько далеко готов зайти зарождающийся вокруг Дж. П. Моргана Денежный трест, чтобы обрести сконцентрированную власть.

После Гражданской войны и до конца XIX века Министерство финансов США признавало наравне с золотом серебро как денежно-кредитный металл. Денежная система была, по сути, биметаллической. Серебро в изобилии имелось в Западных штатах. Фермеры и владельцы мелких магазинчиков выступали за использование серебра для расширения дешёвого кредита роста экономики. Это имело смысл, если бы расширение денежно-кредитной основы тщательно управлялось федеральным правительством.

Однако влиятельный нью-йоркский консорциум банков, возглавляемый в 1890 годах «Торговым домом Моргана», хотел совсем другого. В качестве наилучшего пути к доминирующей власти над денежной массой Соединённых Штатов они видели золото, особенно в свете их тесных связей с ведущими лондонскими банками. Поставки монетарного золота управлялись горсткой нью-йоркских банков и финансовыми властями лондонского Сити, прежде всего, банковской группой лорда Ротшильда.

Нью-йоркские банкиры не желали конкуренции со стороны серебра. Их банковские союзники в лондонском Сити, в то время средоточии мирового золотого стандарта, хотели видеть Америку исключительно при золотом стандарте, где их влияние будет значительно больше. Нью-йоркские союзники банкиров Лондона (Дж. П. Морган вместе с американским банковским агентом Ротшильда Огастом Белмонтом и другими нью-йоркскими финансистами) проницательно использовали своих лондонских банковских партнёров для управления американскими кредитными рынками к своей собственной исключительной выгоде и явно против интересов всего американского населения. Это была не лёгкая задача, но они были настойчивы в своём определении относительно золотого стандарта.

Печально известная Паника 1893 года фактически управлялась группировкой Моргана в сговоре с Огастом Белмонтом, чтобы вывести из обращения серебро и собрать золото нации в руки частных нью-йоркских банков. В результате манипулирования несколькими приступами финансовой паники они же также получили беспрецедентный контроль над национальной металлургией и железными дорогами – сердцем американской экономики.

Ключевым проводником для Моргана и компании стал Джон Гриффин Карлайл, министр финансов при президенте-демократе Грувере Кливленде. Посредственный нью-йоркский политический деятель Кливленд получил финансовую поддержку Моргана и

его друзей в период предвыборной кампании и, откровенного говоря, был президентом с двумя частыми частными гостями Белого дома.

Ими были Дж. П. Морган и Огаст П. Белмонт-младший, сын официального банковского агента лондонского Ротшильда в Соединённых Штатах. В лондонских высших кругах общества ходили слухи, что Август П. Белмонт-старший был внебрачным сыном барона Карла Майера Ротшильда, который, во всяком случае принимал молодого Белмонта, как будто тот был его сыном, и послал его управлять деловыми интересами Ротшильдов в Америке под менее одиозным именем Белмонта. ^{28}

Рука руку моет...

Захват Морганом золотых запасов Америки начался в 1893 году. После второй инаугурации Кливленда в качестве президента в начале 1893 года Морган и Белмонт тайно спровоцировали утечку золотых запасов американского Министерства финансов. Действуя по инструкциям Моргана и Белмонта, вступившие с ними в сговор лондонские банки, прямо как по заказу, сбросили миллионы принадлежащих им американских казначейских ценных бумаг и потребовали оплату в золоте.

В тот момент Министерству финансов, согласно закону, было разрешено выкупать облигации или в золоте или в серебре. Сильное серебряное лобби естественно выступало за то, чтобы Министерство платило серебром, а не золотом.

Согласно закону, решение было оставлено на усмотрение министра финансов. Но министр финансов Карлайл тайно советовался с Морганом и Белмонтом. В результате Карлайл отказался покупать облигации за серебро, что могло бы прекратить паническую скупку золота. Вместо этого он выкупал ценные бумаги исключительно за золото, подпитывая дальнейшее разрастание паники, поскольку американские правительственные запасы золота быстро исчезали.

В результате золотые запасы американского Министерства финансов испарились. К апрелю 1893 года впервые, начиная с возобновления платежей металлическими деньгами в 1879 году, запасы золота упали ниже 100 миллионов долларов. Капкан был поставлен мастерски.

Дж. П. Морган и Огаст Белмонт-младший убедили Кливленда позволить его министру финансов Джону Карлайлу продавать выпускаемые американские казначейские облигации исключительно им. Взамен эти частные банкиры платили Министерству финансов золотом, которое было срочно необходимо для пополнения золотых резервов правительства. Господствующая практика заключалась в удерживании американских казначейских золотых запасов на уровне не ниже 100 миллионов долларов; любое падение ниже этого уровня являлось основанием для тревоги по поводу стабильности доллара.

Министерство финансов Кливленда продавало свои облигации частному консорциуму банков Моргана с серьёзной скидкой. Банкиры, в свою очередь, немедленно перепродавали их по намного более высоким ценам инвесторам – небольшим региональным банкам, страховым компаниям и прочим, присваивая себе огромную прибыль от этих операций, которые были эквивалентны инсайдерской торговле. Замыкая это коррупционный круг, интересы «Дж. П. Морган и К^о» представлял бывший юридический партнёр президента Кливленда Ф. Л. Стетсон. Он вёл переговоры с американским Министерством финансов о сроках выпуска облигаций. Было бы весьма мягко назвать эту схему злоупотреблением служебным положением и нарушением общественного доверия.

Кливленд успел продать частному синдикату Моргана ошеломляющее количество этих облигаций – на сумму 162 000 000 долларов – по любовной цене, прежде чем антикоррупционная газета журналиста Джозефа Пулитцера «Уорлд» не раскрыла общественности детали этой сделки, положив конец этой очень выгодной операции. ^{29}

К маю 1893 года полномасштабная паника прокатилась по всем Соединённым Штатам.

Несколько недель спустя правительство британской колонии Индии объявило, что больше не будет принимать серебро для чеканки монеты. В результате предыдущих махинаций в течение Британских опиумных войн против Китая Индия стала крупнейшим в мире держателем серебряных слитков.

Отказ индийской колонии от серебра дополнительно способствовал заговору банкиров Лондона и Нью-Йорка – разрушить раз и навсегда монетарную роль серебра в Америке. Это привело к катастрофическому 50%-ому падению мировых цен на серебро, в США тоже. Существовали серьезные подозрения в охваченных валютной паникой американских кругах, что определённые банкирские дома лондонского Сити и Нью-Йорка (у которых был шанс изрядно нагреться на золотой панике) поощряли индийское правительство, жемчужину короны Британской империи Её Величества, отказаться от закупок серебра.^{30}

К началу 1895 года американское Министерство финансов снова потеряло своё золото, которое только что было куплено по ростовщическим ставкам у консорциума банков «Дж. П. Морган и К°».

Куда оно исчезло? Отчёты частных золотых авуаров нью-йоркских банков показывают, что в январе 1895 года двадцать шесть банков держали в своих хранилищах запас золота на 65 миллионов долларов. Минимальный запас золота Министерства финансов в те времена составлял 100 миллионов. Как отмечалось, запасы ниже этого уровня считались опасными для американской финансовой стабильности. Президент Кливленд, по сообщениям, плакался:

«Банки взяли страну за горло».

Он позаботился, чтобы неосведомленное население не вспоминало о его помощи в предоставлении банкам удавки.

В критический момент синдикат появился с «щедрым» предложением. Возглавляемый «Дж. П. Морган и К°», «Огаст Белмонт и К°», представляющей лондонских Ротшильдов, и Джеймсом Спайером из «Нэшнл Сити Банк» Рокфеллера синдикат предложил американскому Министерству финансов продать ему своё личное золото – за щедрую прибыль, разумеется.

«Худшая депрессия в истории»

Паническая скупка золота в 1893 году привела к сокращению банковского кредитования по всей Америке, что обусловило худшую экономическую депрессию в американской истории до того времени. Согласно закону, держатели американских бумажных денег могли обменять их на золото у американского Министерства финансов. В результате паники большинство банков боялось давать кредиты.

Между маем и октябрём 1893 года национальные банковские кредиты сократились на тревожные 318 миллионов долларов. Процентные ставки достигли 70%, поскольку и банки, и физические лица отчаянно искали золото. Вывоз золота из США в лондонский Сити был крупнейшим в американской истории, поскольку лондонские банки требовали золото в качестве залога для займов Америке. Золотая паника резко сократила налоговые поступления в бюджет, увеличивая дефицит и вынуждая Министерство финансов использовать свои тающие золотые запасы, чтобы оплачивать текущие расходы, всё больше опустошая казну.

Кредитный кризис привёл к волне крахов и банкротств по всей Америке от востока до запада, вызванной банковскими кредитами. Западные фермеры и добытчики серебра обвиняли восточные золотые банки в том, что они, по их мнению, тайно стремились дискредитировать серебро. Они были правы.

В августе 1893 года Кливленд по совету Моргана и Белмонта созвал специальную сессию Конгресса, чтобы аннулировать Серебряный закон Шермана, согласно которому американское Министерство финансов покупало серебро на американские казначейские билеты, которые в свою очередь могли быть обменены на золото их предъявителями.

Первоначально Серебряный закон Шермана был принят под давлением фермеров и малого бизнеса, которые оказались перед лицом депрессии и разорения в результате принудительного перехода к доллару, привязанного исключительно к золоту.^{31} Кливленд успешно отстаивал тезис, что в результате прекращения скупки серебра правительством нация предотвратит финансовое бедствие. Как и ожидалось, оказалось наоборот – серебро, которое было в изобилии, перестало быть практической альтернативой золоту.

Серебряный закон Шермана был немедленно аннулирован, несмотря на массовые протесты западных и южных фермеров и малого бизнеса. Нью-йоркские банки, прежде всего синдикат Моргана-Белмонта, одержали победу. Кандидат в президенты Уильям Дженнингс Брайан позже резко охарактеризовал это как «распятие на Золотом кресте».^{32}

Эта победа Дж. П. Моргана, Белмонта и их дружков с Уолл-Стрит были формализована в законе. В январе 1897 года была учреждена Денежно-кредитная комиссия. Закон о Золотом стандарте, представленный Палате представителей в декабре 1899 года, был принят Конгрессом и вступил в силу в марте 1900 года. Закон утвердил золотой доллар как стандартную меру стоимости, а серебро лишь как вспомогательную монету.^{33}

Президент Кливленд обеспечил Моргану возможность создать частный синдикат на Уолл-Стрит для снабжения американского Министерства финансов 65 миллионами золотых долларов (половина из них пришла из Европы), чтобы запустить выпуск облигаций, который восстановил казначейский излишек в 100 миллионов долларов. Казначейские облигации продавались по любым и самым низким ценам исключительно синдикату Моргана-Белмонта, а не широкой публике. Морган затем перепродавал эти облигации за огромную премию меньшим региональным банкам и страховым компаниям, получая щедрую прибыль на обоих концах сделки за счёт экономического благосостояния нации.

Во время последующей Великой Депрессии 1893 года, продлившейся четыре полных года, прекратились ассигнования на средства производства, прибыли упали, и депрессия поглотила города. В этот период разорились 15 000 фирм, 600 банков и 74 железных дороги, серьёзно выросла безработица, и нарастали широкомасштабные протесты, которое в некоторых случаях оборачивались столкновениями. На пике безработица достигла беспрецедентных 14,5% от активной рабочей силы. Некоторые оценки дают ещё более высокий показатель безработицы – 25%.

Намеренный рукотворный экономический крах компании «Филадельфия и Ридинг Райлроудс» стал первым шагом к олигархической консолидации железнодорожной собственности. Дж. П. Морган организовал кредитный бойкот железной дороги, вызвав резкое падение её акций, и спокойно скупил контрольные пакеты по очень низким ценам. Эти железные дороги были связаны с обширными месторождениями антрацита в Пенсильвании.^{34}

Одновременно в разгар золотой паники к 15 мая 1893 года курсы акций на Нью-йоркской фондовой бирже достигли небывало низкого уровня. Сюда входили и основные железные дороги, многие из которых (такие как «Юнион Пасифик» «Нозен Пасифик» и «Санта Фе Рэйлроудс») были вынуждены объявить о банкротстве. Цепочка крупных банкротств предприятий железной дороги по всей Америке предоставила «бесценную возможность» весьма платёжеспособным банкам синдиката Моргана-Белмонта консолидировать свою твёрдую власть над расширяющейся американской железнодорожной сетью, занимавшей тогда центральное место в подъёме американской экономики.

Американская олигархия – шестьдесят семей

Деловые магнаты Америки появились в годы экономического бума после Гражданской войны 1861-65 годов и Закона о возобновлении размена бумажных денег на металл 1875 года, накапливая и объединяя обширные состояния в значительной степени через мошенничество, подкуп должностных лиц и Конгресса, коррупцию, вынужденные

банкротства и прочие не менее «благородные» методы.

Железные дороги были сердцем американского экономического роста, и они питали расширение большой и растущей сталелитейной промышленности. Телеграф также требовал множество тонн меди для линий передач по стране по мере того, как железные дороги соединяли Восток и Запад.

Большинство крупных линий железной дороги было построено не на деньги Моргана, они финансировались из государственных налогов и строились на подаренных государственных землях. Затем Дж. П. Морган захватил эти железные дороги и, таким образом, достиг существенного контроля над всей экономикой США. К 1901 году «Морган Групп» управлял «Саузен Райлвэй», «Мобайл и Огайо Райлроудс», «Квин и Кресцент», «Джорджия Централ», «Джорджия Саузен и Флорида», «Мэйкон и Бирмингем», «Филадельфия и Ридинг Райлроудс», «Эри», «Сентрал оф Нью-Джерси» и «Атлантик Кост Лайн», в общей сложности больше чем 55 000 милями железнодорожных путей. Тем самым он управлял правами преимущественного проезда по железной дороге, доступом к угольным месторождениям, терминалам, конкурирующим линиям и паровозным линиям.

Возвышающаяся каста американских олигархов драпировала себя в риторические одеяния американской «демократии». Они тщательно способствовали мифу «ярко выраженного индивидуализма» и «свободного предпринимательства», чтобы оправдывать свои огромные прибыли и скрывать их мошенническое происхождение.

К концу 1890 годов Морган и Рокфеллер стали тяжеловесами в набирающем силу Денежном тресте, управляющем и американской промышленностью и политикой правительства. Для фактической практики демократии в их мире почти не находилось места. Власть стала товаром в их торговле. Это было рождение американской аристократии крови и денег, столь же элитарной и исключительной, как титулованная аристократия Великобритании, Германии или Франции, несмотря на конституционный запрет аристократии в Америке. Это была олигархия, плутократия во всех смыслах этого слова – правление богатейших людей в своих личных интересах.

Приблизительно 60 семей (среди них имена Рокфеллер, Морган, Додж, Меллон, Пратт, Харкнес, Уитни, Дюк, Харриман, Карнеги, Вандербильдт, Дюпон, Ганненхайм, Астор, Леман, Варбург, Тэфт, Хантингтон, Барух и Розенвальд) сформировали тесную сеть плутократических состояний, которая манипулировала, подкупала и запугивала на своём пути к правлению судьбой Соединённых Штатов. В начале XX века приблизительно шестьдесят сверхбогатых семей через династические браки и корпоративные, связанные между собой пакеты акций получили контроль над американской промышленностью и банковскими учреждениями.^{35}

Одним из богатейших среди новых американских олигархов был Корнелиус Вандербильдт, который создал своё состояние с помощью взяток законодательному собранию штата, чтобы нарушать законы, запрещающие льготные нормы внеочередных грузов привилегированным клиентам. Вандербильдт в тот момент контролировал все железные дороги, связанные с Нью-Йорком. Он использовал множество тактических приемов, чтобы создавать благоприятные условия и извлекать выгоду из большего размера прибыли крупных предприятий, вытесняя меньшие. Среди его методов был 50%- й налог на мелких фермеров, которые отправляли молоко по железным дорогам Вандербильдта. Фермеры не были предпочтительными клиентами; предпочтительными клиентами были возникающие крупные компании агробизнеса, которым и доставались привилегированные нормы Вандербильдта. Позже Вандербильдт стал придатком моргановского круга.

Другое состояние тех дней, построенное на мошенничестве и взяточничестве, принадлежало семьям Фелпс и Додж и их компании «Фелпс Додж Компани», импортёру металлов, таких как олово, медь и цинк, которые позже будут подпитывать американский строительный бум 1880 годов и в последующий период.

Основанная в 1834 году Ансоном Грином Фелпсом и Уильямом Э. Доджем компания далеко зашла в культивировании своего образа как управляемой богобоязненными

христианскими бизнесменами, которые вносят пожертвования Христианской Ассоциации молодых людей и занимаются прочей благотворительностью. В действительности, как выяснило правительственное расследование в 1873 году, состояние «Фелпс Додж Компани» было возвращено на горе мошенничества, преступлений и взяточничества. Окружной суд Нью-Йорка оштрафовал компанию на 1 миллион долларов (огромная сумма в те дни) за обман американской таможни, заключавшийся в занижении стоимости меди, которую «Фелпс Додж Компани» импортировала из Перу и Чили. Компания подкупила американских таможенников, чтобы облегчить сделку, лишив американское правительство существенного дохода с налога на импорт.^{36}

Список американских состояний, построенных на подобном мошенничестве, коррупции и взяточничестве правительственных чиновников, был длинным. Он включал самые известные имена Америки, людей, которые жертвовали деньги национальным музеям, обеспечивали или даже строили его самые прекрасные университеты – Принстонский, Йельский, Гарвардский, иной раз университеты назвались в честь этих людей. Таким образом, они создавали впечатление филантропии и «хорошей работы», в то время как реальность была совсем иной.

Эта маленькая элитная группа включала железнодорожного магната Эдварда Х. Харримана, отца Аверелла Харримана, американского дипломата, шпиона и конфиденциального советника Франклина Д. Рузвельта. Эдвард Харриман использовал незаконные методы, чтобы получить контроль над трансконтинентальной железной дорогой «Юнион Пасифик», а также над «Саузен Пасифик Компани». Разбавляя акции основного капитала и используя такие бухгалтерские уловки, что аудиторы «Энрон» погибли бы от зависти, Харриман выстроил империю, которая управляла, как минимум, семнадцатью основными американскими железными дорогами. В правительственном докладе 1907 года было заявлено, что цель приобретения Харриманом столь большого количества железных дорог состояла в том, чтобы «устранить между ними конкуренцию в трансконтинентальном бизнесе». Монопольное ограничение конкуренции нарушало и федеральные законы и законы штатов.^{37}

Антитрестовский закон обернулся против рабочих

К концу XIX века такие злоупотребления оказались в фокусе журналистских расследований и общественного негодования, достигших своего апогея в Антитрестовском законе Шермана, который был принят Конгрессом в 1890 году. Закон, казалось, был нацелен на обуздание методов, связанных со «Стандарт Ойл Траст», «ЮЭс Стил Траст» Моргана, «Шуга Траст» и т. п.

Эти тресты были сформированы крупными корпорациями как способ защиты своих прибылей через объединение с конкурентами, чтобы диктовать цены и контролировать производство. Первым трестом была «Стандарт Ойл» Рокфеллера, сформированная в 1882 году. Вскоре подобные комбинации или тресты были сформированы в табачной, мясной, алкогольной, стальной, горной, сахарной и других отраслях промышленности. На первый взгляд, Антитрестовский закон Шермана, казалось, был нацелен на коррумпированных монополистов, таких, как Морган, Рокфеллер или Харриман. На деле всё вышло наоборот.

Уже 1895 году Верховный Суд разбавил эффект Антитрестовского закона Шермана решением по делу «Соединённые Штаты против Е.С. Найт» тем, что производство не было сочтено «торговлей между штатами» несмотря на то, что товары промышленного назначения отправлялись во все уголки США. Это решение эффективно выводило ведущие отрасли промышленности из пределов досягаемости правительственного регулирования. Волна слияний компаний в конце XIX века охватила почти всё производство в США, что привело к созданию нескольких сотен огромных корпораций, господствовавших в экономике. Крупнейшим трестом был «Нозерн Секьюритис К°» из Нью-Джерси; он охватывал 112

корпораций стоимостью 22 миллиарда долларов в активах и управлялся Дж. П. Морганом и Джоном Д. Рокфеллером.

Очевидной атакой на этот специфический трест стало решение американского Верховного Суда в 1904 году по делу «"Нозерн Секьюритис К^о" против Соединённых Штатов», по которому «любые комбинации в ограничении торговли» являются незаконными. Хотя это решение разрушило один трест, другим оно пошло явно на пользу, особенно Эдварду Генри Харриману.

Антитрестовский закон Шермана никогда не ставил ни малейших препятствий Харриману или другим корпоративным гигантам. Закон был политическим спектаклем, чтобы отвести гнев общественности. Влиятельный Харриман и его друзья пользовались иммунитетом от антимонопольного судебного преследования, в то время как многочисленные владельцы малого бизнеса оказывались в тюрьме по этому Закону.

В высшей степени Антитрестовский закон Шермана также оказался оружием для блокирования роста профсоюзного движения в США, поскольку Верховный Суд постановил, что бастующие члены профсоюза являются «комбинацией в ограничении торговли».

Климат, созданный Морганом и его олигархической кликой против любой попытки рабочих организовать для улучшения условий труда или заработной платы или просто в профсоюзы, был чрезвычайно репрессивным. Американский Верховный Суд стал оплотом олигархического консерватизма. В 1905 году по делу «Лохнер против Нью-Йорка», Суд постановил, что штатам не разрешается ограничивать количество рабочих часов для работников частных фирм, а три года спустя, в 1908 году, по делу «Данбери Хаттерс» запретил профсоюзам участвовать в бойкотах для повышения заработной платы и улучшения условий труда.

В 1902 году, указывая на преобладающую атмосферу, Джордж Байер, человек Дж. П. Моргана, глава его «Филадельфия и Ридинг Райлвэй», угольными компаниями Пенсильвании был назначен вести переговоры с бастующими шахтерами. Уголь-антрацит перевозился в многочисленные города «Филадельфия и Ридинг Райлвэй». За десятилетия до господства нефти, уголь был ключевым источником энергии, используемым для обогрева домов, кулинарии, работы фабрик и производства электроэнергии.

Шахтеры требовали восьмичасовой день, повышение заработной платы на 10% и признание профсоюза «Объединённые горнорабочие Америки» в качестве своего представителя на будущих переговорах с правлением компании. Чтобы добиться уступок, они обратились к своему единственному оружию – ограничению работ.

Байер получил прозвище Джордж «помазанник Божий» Байер за то, что в начале переговоров с бастующими шахтерами он отправил открытое письмо в прессу, заявив:

«Права и интересы трудящихся будут защищаться и охраняться не агитаторами из рабочих, а христианами, которым Бог в Его бесконечной мудрости даровал контроль над имущественными интересами страны.»^[38] Байер, как и Морган, Рокфеллер, Карнеги и большинство их компаньонов в то время, был убеждённым социал-дарвинистом, который полагал, что Бог «избрал» их, поскольку они явно оказались «выше» своих рабочих на основании того, что управляют своими фирмами и накопили богатства. Байер сказал президенту Тедди Рузвельту, который призывал найти решение, что «договариваться не о чем». Упорство Байера угрожало переходом всей страны на сторону бастующих шахтеров, и только тогда Морган и политически проницательный Рузвельт вмешались, чтобы достичь соглашения с рабочими, в котором компании пошли на уступки в вопросе заработной платы и рабочего времени, но отказались от признания профсоюза.

Забастовка угольных шахтеров и решения Верховного Суда указывали на чрезвычайно одностороннюю природу отношений между рабочими и правлениями компаний в начале века в Америке. Это была олигархия, которая управлялась взяточничеством, угрозами и грубой силой. Но чтобы удержать свою хватку на власти, им придётся ещё изучать тонкие навыки кооптации и либеральных реформ. На фоне общественного мнения, бывшего целиком и полностью на стороне шахтеров, Теодор Рузвельт объявил свой «Справедливый

курс» между менеджментом и рабочими:

«Давайте оставим лозунгами всех наших людей старые и знакомые лозунги честности, благопристойности, чести и здравого смысла... Мы должны обращаться с каждым, исходя из его ценности и достоинства как человека. Мы должны понимать, что с каждым заключается справедливая сделка, так как он не имеет право на большее, но и не должен получать меньшее».^{39}

«Справедливый курс» устанавливал принцип президентского вмешательства в определённые забастовки, и это украсило образ Рузвельта в глазах прессы, в то время как он продолжал свои закулисные сделки с Дж. П. Морганом со товарищи. Рузвельт был самозванным «героем» Битвы при Сан-Хуан Хилл в испано-американской войне 1898 года, откровенно империалистическом предприятии, которое сделало Рузвельта популярным политическим кандидатом.

Такие тактические уступки некоторым из требований шахтеров дали республиканцу Рузвельту основную поддержку «синих воротничков» из обычных американских рабочих, голоса которых становились всё более и более существенным. Но Тедди Рузвельт никоим образом не изменил своей верности сильным и богатым мира сего. Он был просто пронизательным политическим деятелем, который держал нос по ветру изменений в стране и мастерски их эксплуатировал, чтобы сохранить республиканский контроль над администрацией США.

Этот период было бы неверно обозначать как начало «прогрессивной эры» в американской политике. В действительности олигархические семьи, управляющие национальным богатством, учились быть более искусными в подаче своего внешнего образа. И никто не был в этом процессе более пронизательным, чем Дж. П. Морган. Ни один американский деловой гигант тех дней не мог сравниться с величайшим обманщиком и жуликом в американской финансовой истории на тот момент – Джуниусом Пирпонт Морганом.

Глава 3

Рождение Федеральной резервной системы в результате банкирского переворота

«Рыночные цены на предметы потребления изменяются каждый день и часто несколько раз в день. Это происходит, когда нет радикального расхождения в пропорции поставок и естественной потребности. Этот факт – прямое доказательство того, что наша система управляется манипуляторами и в корне ошибочна. Я... предложил план, который, если будет принят, сделает хозяевами мира людей вместо существующего ныне хозяина – Денежного треста».

– *Конгрессмен Чарльз О. Линдберг 1913.*^{53}

Возвышение Моргана

Дж. Пирпонт Морган в результате своих махинаций на пару с Белмонтом в течение кризиса 1893 года к концу 1890-х стал одним из самых влиятельных банкиров в мире. Он начал свою деловую карьеру в возрасте 24 лет, мошеннически перепродавая назад американскому правительству его же собственные армейские винтовки для Гражданской войны – устаревшие винтовки, которые он перед этим купил у Армейского Арсенала США в

Нью-Йорке через подставных лиц.

Агенты Моргана тайно приобрели 5 000 дефектных и устаревших винтовок по 3,5 доллара за штуку и затем перепродали их по 22 доллара Армейскому Штабу в Сан-Луисе, лживо утверждая, что винтовки «новые и в отличном состоянии». И блестящая карьера Моргана в мошенничестве, обмане и коррупции начала своё восхождение к высотам.^{54}

Пока Пирпонт Морган был занят надувательством американского правительства в Гражданскую войну, его отец Джуниус С. Морган, партнёр в банке «Морган, Пибоди и К°» переехал в Лондон, чтобы присоединиться к американскому банкиру Джорджу Пибоди в качестве финансового представителя правительства Соединённых Штатов в Англии.

На этот момент Пибоди был американским представителем в Лондоне во время борьбы Линкольна в суде по делу «Союз против южных штатов Конфедерации».

Несмотря на очевидное представительство администрации Линкольна, однако, оба расценивались в Англии и даже в США как сторонники Конфедерации.

Уважаемая газета Массачусетса «Спрингфилдский республиканец» сообщила в октябре 1866 года, что Пибоди и Морган

«...не дали нам ни веры, ни помощи в нашей борьбе за существование нации. Они в полной мере участвовали в общем английском недоверии к нашему делу и нашему успеху и говорили и представляли интересы Юга, а не нации».

Более того, «Нью-Йорк Таймс» даже сказала о лондонских делах Моргана и Пибоди:

«Никто больше не поспособствовал так наводнению наших денежных рынков свидетельствами нашего долга Европе, падению цен и ослаблению финансовой уверенности в нашей нации, чем Джордж Пибоди и компания, и никто не сделал больше денег на этих операциях».

Согласно Конституции США, лондонские финансовые манипуляции Пибоди и Моргана во время войны представляли ощутимую измену.^{55} Так же, как и его отец, Дж. Пирпонт Морган продолжит строить колоссальную банковскую и индустриальную империю в Америке на мошенничестве, измене и обмане, всё время заботясь о том, чтобы освещение в прессе изображало его как филантропа и человека христианской прямоты.

Как мы увидим позже, Дж. П. Морган, банк которого в начале XX века вышел на сцену как самое сильное финансовое учреждение в Америке, стоял в 1913 году за созданием Федеральной резервной системы, так же как и за созданием Нью-йоркского Совета по международным отношениям, частного мозгового центра, который формировал американскую внешнюю политику в течение XX века. Банк Моргана также спроектировал после Первой мировой войны План Дауэса по выплате немецких военных репараций, который возможно создал условия для возвышения Гитлера и привёл ко Второй мировой войне.

Но мы забегаем вперёд.

Роль, которую Дж. П. Морган сыграл в Панике 1907 года, была абсолютно решающей для всего, что затем последовало – рождение американской олигархии, две мировые войны, окончательное решение немецкой проблемы и строительство на пепелище войны новой Американской империи, преемницы уже неплатёжеспособной Британской империи.

Морган и Рокфеллер устраивают Панику 1907 года

Как мы помним, панику 1893 года вызвал переход на расчёты в золоте, задуманные и воплощённые самими банкирами. В результате в выигрыше остались Морган, Джеймс Стиллман, бывший тогда главой «Нэшнл Сити Банк» (банка «Стандарт Ойл Траст» Рокфеллера) и горстка брокерских домов во главе с Белмонтом и «Кун, Лёб и К°».

Дж. Пирпонт Морган использовал этот кризис, чтобы получить контроль над почти всей стратегической сталелитейной и железнодорожной промышленностью США. В 1901 году он получал контроль над «ЮЭс Стил», которую он создал в результате слияний

компаний «Карнеги Стил» и других, чтобы сформировать крупнейшего в мире производителя стали. При создании своего нового стального треста «ЮЭс Стил» Морган пустил в ход «разбавленный» акционерный капитал ошеломительной номинальной стоимостью 1 402 000 000 долларов, что сделало его первой в мире корпорацией, которая оценивалась свыше миллиарда долларов.

Расследование американского Бюро корпораций определило, что более чем половина акций от общей суммы проданного публике акционерного капитала на сумму 727 миллионов долларов была выпущена сверх любой видимой стоимости. Биржевой курс базировался, в действительности, на капитализированной будущей прибыли, точно так же как проделают печально известные компании «Энрон» или «Уорлдком» во время «золотой лихорадки» на фондовой бирже в конце 1990 годов. Кроме того, Морган создал обширную «Дженерал Электрик К°», «Интернэшнл Харвестер» и бесчисленное множество других крупных промышленных групп, над которыми царил всеильный банк «Дж. П.Морган и К°».

Тем временем, «Нэшнл Сити Банк» Стиллмана («Ситигруп»), банк Джона Д. Рокфеллера «Стандарт Ойл Траст» возвышался как крупнейший коммерческий банк в Соединённых Штатах. Операции Моргана и Стиллмана с золотом «спасли» после 1893 года американское Министерство финансов, но серьёзно потеснили позиции президента Кливленда и аграрного крыла его Демократической партии. Отношения Кливленда с банками стали проблематичными на выборах 1896 года, когда последние попали под огонь критики защитника серебряного денежного обращения демократа Уильяма Дженнингса Брайана.

Нефтяной магнат Джон Д. Рокфеллер вместе с Дж. П. Морганом и его верными банкирами с Уолл-Стрит обильно финансировали предвыборную кампанию республиканца Уильяма Маккинли, который и выиграл выборы в 1896 году, нанеся поражение стороннику монетарного серебра Брайану.

Маккинли приехал из Огайо, где базировалась «Стандарт Ойл», а его карьера была сделана партнёром Рокфеллера Марком Ханной (школьным другом Джона Д. Рокфеллера и позже его деловым партнёром). Выборы Маккинли американским президентом в 1896 году стали результатом секретной встречи между фракциями Рокфеллера и Моргана на Уолл-Стрит, Ханна представлял Рокфеллера, а интересы Моргана – человек из железнодорожной индустрии Джеймс Дж. Хилл. Отныне вместе с Маккинли президентство оказалось в надёжных руках, поскольку группировки Моргана и Рокфеллера об этом побеспокоились.

В 1900 году Маккинли был переизбран на платформе золотого стандарта. Благодаря Панике 1893 года была уничтожена биметаллическая серебряная фракция, и для Моргана и узкого круга нью-йоркских и союзных им лондонских банков был расчищен путь, чтобы взять в свои руки финансы Соединённых Штатов.

К 1907 году финансовые группы Моргана и Рокфеллера были готовы пойти в следующее финансовое наступление на экономику страны, которое впоследствии было названо Паникой 1907 года. Она должна была стать необходимым заключительным толчком к банкирскому перевороту – проведению через Конгресс в 1913 году Закона о Федеральной резервной системе, когда почти ничего не подозревающие американские конгрессмены передали своё право и власть печатать деньги консорциуму частных банков.

События 1907 года запустил нью-йоркский банк «Кникенброкер Траст К°», банк среднего размера, в те дни возглавляемый активным махинатором по имени Чарльз Т. Барни. Барни и его деловой партнёр Фредерик А. Хайнц вышли на рынок меди, скупая ценные бумаги «Юнайтед Коппер К°», крупнейшего поставщика меди, металла, пользовавшегося необычайно устойчивым спросом. При этом они столкнулись с сильной группой Рокфеллера, которая управляла этой крупной компанией и совсем не была заинтересована в рывке постороннего конкурента в лице уроженца штата Монтана Хайнца.

Хайнц создал свой собственный банк в Нью-Йорке «Мэркентайл Нэшнл Банк». Он использовал его авуары, чтобы бросить вызов медному рынку, на котором доминировал

Рокфеллер. 14 октября 1907 года ценные бумаги «Юнайтед Коппер К^о» взлетели свыше 62 долларов за акцию. Два дня спустя они стоили 15 долларов, и Ф. Август Хайнц был на пути к финансовому разорению. Рокфеллер выбросил на рынок миллионы фунтов меди, ускорив падение цен на неё, а вместе с этим и на акции «Юнайтед Коппер К^о», принадлежавшие Хайнцу.

У Хайнца как у бизнесмена был один явный дефект – он был упорным аутсайдером и не входил в картель плутократов. Он был активным индивидуалистом, который не обращал внимания на власть Моргана или Рокфеллера, пока не стало слишком поздно.

Оказалось, что Хайнц помимо своего собственного «Мэркентайл Нэшнл Банк» был также связан с шестью другими нью-йоркскими банками средней руки. Новости о крушении Хайнца и связанных с ним банков попали в нью-йоркскую прессу, что вызвало панические изъятия средств из всех шести банков, так же как и из «Мэркентайл Нэшнл Банк».

Распространение паники, однако, было вызвано новостями, что и президент третьего крупнейшего сберегательного банка в Нью-Йорке «Кникенброкен Траст Компани» имел деловые связи с «Мэркентайл Нэшнл Банк» Хайнца. Эти новости вызвали паническую реакцию у вкладчиков самой «Кникенброкен Траст Компани». ^{56}

«Кникенброкен Траст Компани» мгновенно это почувствовал. Банк был вынужден просить частные банки, членов Ассоциации клиринговых палат, о чрезвычайных мерах по спасению банка. Главой Ассоциации клиринговых палат был никто иной, как Дж. Пирпонт Морган.

Прежде чем согласиться на какие-либо меры по спасению, Дж. П. Морган потребовал ревизию отчётности «Кникенброкен Траст Компани». Ревизия возглавлялась близким другом и сотрудником Моргана Бенджамином Стронгом, человеком, который впоследствии стал влиятельным первым управляющим Федеральной резервной системы. В результате этой ревизии Морган отказался продлить чрезвычайный кредит «Кникенброкен Траст Компани», чтобы остановить панику вкладчиков и распространение слухов о неплатёжеспособности банка. Паническая волна изъятий перекинулась на другие трестовые банки.

Последующая паника, согласно расследованию Конгресса в 1911 году, тщательно подпитывалась ложными слухами, преднамеренно распространяемыми близкими друзьями Моргана в принадлежащих им газетах, включая нью-йоркскую «Ивнинг Сан» и «Нью-Йорк Таймс». Пресса сообщала о предполагаемом бегстве вкладчиков из некоторых трестовых банков, таких как «Траст Компани оф Америка», которую Морган и Рокфеллер хотели убрать с дороги.

Никакого бегства из «Траст Компани оф Америка» не было, пока не появились эти сообщения в печати. Банк фактически был разорен, но он, так уж случилось, держал большой пакет ценных бумаг в «Теннеси Коул и Айрон Компани» с богатыми месторождениями руды (одно из крупнейших разведанных месторождений железа в США), понадобившийся недавно сформированной американской «ЮЭс Стил Корпорэйшн» Моргана. Морган позаботился, чтобы «Траст Компани оф Америка» получила необходимую ликвидность от синдиката банкиров Моргана только взамен договоренности пустить под обеспечение этого кредита все его акции в «Теннеси Коул и Айрон Компани».

Для окончательного завершения сделки Морган послал двух из своих лейтенантов Генри Клэя Фрика и Элберта Гари из «ЮЭс Стил» на встречу с президентом Теодором Рузвельтом, чтобы заручиться его согласием на приостановку американского антитрестовского закона. Для публики было сказано, что это сделано, чтобы «спасти страну». На деле, эта сделка должна была позволить «ЮЭс Стил» поглотить «Теннеси Коул и Айрон Компани» в обход Антитрестовского закона Шермана.

Рузвельт, который прославлялся как «покоритель трестов», на самом деле имел прочные связи с Денежным Трестом и, особенно, с группой Моргана. ^{57} Основные публичные заявления президента-республиканца Рузвельта, как правило, (и с его согласия) дирижировались бывшими ключевыми представителями или группы Рокфеллера или группы Моргана, или обеих групп сразу. Он послал проект своего третьего доклада Конгрессу о

положении в стране личному банкиру Рокфеллера Джеймсу Стиллману из «Нэшнл Сити Банк», пообещав, если понадобится, изменить секцию по поводу валютного вопроса, чтобы удовлетворить Стиллмана. В октябре 1903 года Рузвельт пригласил Дж. П. Моргана в Белый дом для частного разговора и тайно переписывался с железнодорожным магнатом Э. Х. Харриманом о политических назначениях и пожертвованиях на предвыборную кампанию.

Психологически опустошенный крахом «Кникенброкен Траст Компани» Чарльз Барни месяц спустя совершил самоубийство. Нью-йоркская фондовая биржа рухнула, поскольку находящиеся в отчаянном положении из-за отсутствия наличности трестовые банки продавали акции, чтобы обрести капитал. Страна погрузилась в очередной серьёзный экономический кризис, который продлился тринадцать месяцев.

По всей стране региональные банки отказывались выплачивать депозиты в золоте, как требовалось законом, боясь потери «наличных денег». В некотором отношении это было подобно краху межбанковского доверия, который произошёл столетие спустя в 2007 году, с тем исключением, что в 1907 - м отсутствовал бюджетный «кредитор последней инстанции».

Паника 1907 года затихла почти чудесным образом, когда Рузвельт объявил о приостановке американских антитрестовских законов. Джон Д. Рокфеллер и его банкир Джеймс Стиллман устранили конкурента Хайнца из медной отрасли. Как только Морган вырвал вожацкие ресурсы «Теннесси Коул и Айрон Компани» у «Траст Компани оф Америка», слухи в прессе затихли, и банк вернулся к нормальному бизнесу.

Легковерной общественности было рассказано о «героическом и храбром спасении» национальной банковской системы самоотверженным Дж. Пирпентом Морганом. Один из немногих, которые не поверили в альтруистические побуждения Моргана, Рокфеллера и их близких друзей с Уолл-Стрит, был защитник хождения серебра в качестве валюты демократ Уильям Дженнингс Брайан. Брайан, заявил:

«Позор недобросовестным финансистам, которые хищнически скопили состояния, и которые как финансовая аристократия эксплуатируют всю нацию». ^{58}

Непрощеное предложение Министерства финансов

Редко упоминаемым факт в дебатах о регулярных банковских паниках был тот, что у правительства США в лице его министра финансов уже была власть вмешиваться и предоставлять кредиты опустошенным банкам. Министерство финансов в критической ситуации легко могло бы сыграть роль кредитора последней инстанции и удержать процесс национального кредитования под федеральным руководством и общественным контролем, поскольку явно имел такой мандат по Статье 1 Конституции США. Требовалось только, чтобы Конгресс профинансировал чрезвычайный резерв, который был бы в полном распоряжении министра финансов.

В докладе Министерства финансов США в 1906 года, за год до Паники 1907 года, американский министр финансов Лесли М. Шоу, твёрдый защитник расширенного использования полномочий американского правительства для управления кризисами на валютном рынке, писал:

«Если бы министру финансов дали 100 000 000 долларов, чтобы вкладывать их в банки или изымать, как он считает целесообразным, и если бы, кроме того, он бы распоряжался резервами этих нескольких банков с возможностью сужать обращение национального банка по своему усмотрению, то, по моему мнению, не существовало бы паники (в отличие от индустриального застоя), угрожающей Соединённым Штатам или Европе, которую он не смог бы предотвратить. Ни один центральный или государственный банк в мире не может так быстро повлиять на финансовое положение во всем мире, как это может министр финансов с той властью, с которой он сейчас наделен». ^{59}

Предложение американского министра финансов о создании в Министерстве финансов

департамента банковского «кредитора последней инстанции» на моменты кризисов ликвидности отнюдь не было пустой фантазией. К 1899 году американское Министерство финансов обладало государственным золотым запасом большим, чем любой центральный банк в мире, включая Банк Англии и Банк Франции. Доллар США был одной из самых сильных валют в мире, и управление золотым стандартом находилось под прямым регулированием американского Министерства финансов, а не частных банков, как это имело место в Европе и Англии.

Морган, Рокфеллер и прочая элита, стоящая за Денежным Трестом тех дней, однако, абсолютно не была заинтересована в общественном или правительственном решении, которое они не могли бы повернуть к своей выгоде. Они были настроены использовать панику и кризисную атмосферу, чтобы реализовать свой самый смелый план – перехватить у федерального правительства США его власть чеканить и печатать деньги и управлять их эмиссией. Их план состоял в том, чтобы создать национальный банк, который будет полностью в частных руках банкиров Дж. П. Моргана, Рокфеллера и их дружка.

Министр финансов Шоу ушёл в отставку в марте 1907 года, за несколько месяцев до того, как Морган со товарищи форсировали Панику. Должность Шоу была занята близким другом Моргана Джорджем Б. Кортелю. При С. Кортелю Моргану и его друзьям с Уолл-Стрит почти нечего было бояться.

Дж. П. Морган после кризиса вышел героем. Он был объявлен дружественной финансовой прессой как «спаситель дня», когда он в подходящий момент, когда цены стали чрезвычайно привлекательными, публично заявил на рынках о своей «уверенности» скупкой акций крупных корпораций, чтобы добавить их к своей обширной индустриальной империи.

Морган уже вышел на сцену как доминирующая сила, управляющая частными железными дорогами Америки, как уже отмечалось. Он сделал это в 1889 году, тайно созвав глав всех основных железных дорог, чтобы выковать незаконный картель для ценового сговора и затем резко поднять грузовые тарифы. Согласно утечке записей нескольких минут встречи, Морган обеспечил этот ценовой сговор, угрожая заморозить новые займы для тех железных дорог, которые не сотрудничают с ним. Он предварил методы, использованные несколько десятилетий спустя во время кризисов задолженности 1980-х и 1990-х годов нью-йоркскими банкирами, действующими через находящиеся в Вашингтоне Международный валютный фонд и Всемирный банк:

«Играй по нашим правилам или сдохни...».^{60}

Банковская паника 1907 года вынудила многие банки потребовать выплаты своих кредитов от спекулирующих недвижимостью и деловых компаний. Большая «Вестингаус Электрик К°» искала защиту от кредиторов в банкротстве. В 1908 году висконсинский сенатор Роберт Ла Фоллетт выдвинул обвинение, что «группа финансистов, которые сдерживают и дозируют процветание, преднамеренно навлекла последнюю панику» во имя своих прибылей. Морган отмолчался.

Моргану помогли управлять кризисом 1907 года. Американский министр финансов Джордж Кортелю после ночной встречи с партнёром Моргана Джорджем Перкинсом объявил во время кризиса о формальной поддержке «Торгового дома Моргана», предложив экстраординарную сумму в 25 миллионов долларов в качестве дополнительной ликвидности. Кортелю сказал:

«На меня глубокое впечатление произвела не только стабильность этих деловых учреждений, но также и высочайшее мужество и выдающаяся преданность общественным интересам многих видных в деловой жизни этого города людей».

После того, как Кортелю покинул Министерство финансов, он был вознагражден за свою преданную службу, получив пост президента «Консолидейт Газ К°» Моргана-Рокфеллера в Нью-Йорке.^{61}

Ящики с золотом и мешки с долларами из федеральных хранилищ в нью-йоркском подразделении Министерства финансов передавались некоторым банкам, одобренным Кортелю. Джон Д. Рокфеллер-старший, основатель «Стандарт Ойл Траст», заверил Моргана

в своей готовности помочь. Он внёс 10 миллионов долларов в «Юнион Траст К°» Моргана и обещал дополнительные депозиты на 40 миллионов долларов, если понадобится.

Морган успешно провёл попытку банков Уолл-Стрит предотвратить общий финансовый крах после биржевой Паники 1907 года, который сам же преднамеренно спроектировал. Он возглавлял группу банкиров, которые взяли крупные правительственные деньги, и решал, как они должны использоваться для финансовой помощи. Морган продолжал вознаграждать друзей и наказывать врагов.^{62}

В 1911 году комиссия Конгресса США предприняла расследование, как управлялась национальная коммерция тем, что они называли Денежным Трестом. Их расследование обнаружило, что члены «Дж. П. Морган и К°» контролировали не менее чем 72 совета директоров в 47 крупных американских корпорациях, объединённой стоимостью в 2 104 000 000 долларов, невероятная сумма в те дни.^{63}

«Национальная денежно-кредитная комиссия» Моргана-Рокфеллера

Результатом кризисов 1907-08 годов, в дополнение к монументальному расширению финансового и политического влияния Дж. П. Моргана, стало формирование национальной Денежно-кредитной комиссии для изучения банковского кризиса и выработки рекомендаций Конгрессу для предотвращения подобной паники в будущем. Президент Теодор Рузвельт подписал Закон Олдрича-Врилэнда, создав эту комиссию в 1908 году. Её обязанность состояла в том, чтобы предложить план, как останавливать денежную панику на финансовых рынках.

Комиссия была с самого начала мошенничеством. Её возглавлял американский сенатор Нельсон Олдрич, председатель влиятельного сенатского Финансового комитета, тесть Джона Д. Рокфеллера-младшего и тезка губернатора Нельсона Олдрича Рокфеллера. Сенатор Нельсон Олдрич был известен инсайдерам как «операционный брокер Моргана в Сенате».^{64}

Сенатор Олдрич не чурался коррупции. В статье 1905 года журнал «Макльюр» ссылаясь на то, что Олдрич доминировал в коррумпированной политической машине Род-Айленда, и что большинство сенаторов штата было скуплено машиной Олдрича. В 1881 году Олдрич бросил семейный бакалейный бизнес, чтобы баллотироваться в Сенат США с заявленным собственным капиталом 50 000 долларов. Когда после тридцати лет политической деятельности, главным образом, в американском Сенате, сенатор Олдрич умер, он уже стоил внушительные 12 000 000 долларов, состояние, которое отнюдь не являлось результатом скромных сбережений с его несерьёзной сенатской зарплаты.^{65}

Морган и Рокфеллер, вероятно, не нашли бы более прекрасной кандидатуры, чтобы провести столь желаемую ими «денежную реформу» через скептический Конгресс. Олдрич ответственен за проведение самого рокового политического государственного переворота в американской истории: Закона о Федеральной резервной системе 1913 года. Кто поддерживал его, и как они организовали этот удачный ход, знали очень немногие.

Банкирский переворот

В 1908 году, спустя год после создания национальной Денежно-кредитной комиссии Олдрича, самые влиятельные банкиры Америки встретились в обстановке высочайшей секретности, чтобы спроектировать крупнейший в истории США финансовый и политический государственный переворот. План состоял в том, чтобы вырвать из рук американского Конгресса конституционно переданные ему полномочия создавать и контролировать деньги. В случае удачи переворот должен был узурпировать это конституционные право и власть и поставить их на службу частным специальным группам, даже за счёт всеобщего благосостояния населения Соединённых Штатов.

Люди, которые строили эти планы взять под свой контроль национальную денежную систему, отнюдь не были обычными банкирами. Они были особой породой в пределах американского банковского мира.

Они были, прежде всего, международными банкирами, которые создали себя по образцу и подобию своих лондонских коллег. Среди банкиров, которые организовали «денежный переворот», был Дж. Пирпонт Морган; немецкий эмигрант Пол Варбург из нью-йоркского частного банка «Кун, Лёб и К°»; «Огаст Белмонт и К°»; «Дж. и В. Селигман»; «Ли, Хиггинсон и К°» и другие. В Лондоне эти международные банкиры называли себя «торговыми банкирами». В Нью-Йорке они предпочитали называться «инвестиционными банкирами». И те, и другие работали одинаково.

По природе своего бизнеса международные банкиры не были лояльны ни одной существующей конкретной стране. Их мир не замыкался конкретным национальным государством, но был повсюду, где их влияние могло изменить события к их собственной выгоде. Вследствие этого секретность являлась существенной в их преуспевании и важнейшей составляющей в получении преимущества перед конкурентами. Многовековой опыт (со времен венецианской Империи) показал им, что предоставление займов правительствам или монархам гораздо выгоднее, чем кредитование частных заёмщиков, не в последнюю очередь потому, что связанный условием заём гарантировался властью государства облагать налогами своих граждан, чтобы гарантировать выплату долгов.

Деньги были чрезвычайной отмычкой для получения доступа в коридоры власти. Кредит или отказ в кредите могли использоваться для управления любыми государствами или регионами. Деньги, или более точно, управление деньгами, стали стратегической целью банкиров. Контролирование стран через управление их центральными или национальными банками стал сутью их власти. В конечном счёте, элитная клика международных банкиров преследовала ни что иное, как контроль над всем миром в качестве своей цели и задачи. Как выразился бы Генри Киссинджер в 1970 годах:

«Управляя деньгами, вы управляете всем миром».

Международные банкиры с такими именами, как Бэринги, Ротшильд, Шрёдер, Морган, Варбург, Шифф, Маллет или Селигман сосредоточились на установлении тесных конфиденциальных связей с правительствами, иностранными или внутренними, которые выпускали долговые обязательства. Они торговали гарантированными государством облигациями за высокую премию.

Они работали в обстановке абсолютной секретности, чтобы широкая публика не понимала, как деньги банков негласно управляют политическими решениями, включая решения объявить войну или сохранить мир. Традиционное предпочтение международными банкирами предельной тайны стало отличительной чертой их практики и допускало интриги, политические манипуляции, подкуп политических деятелей и судей, финансирование переворотов для устранения нелояльных правителей здесь, глав государств там, чтобы любыми средствами привести к власти правительства, более поддающиеся диктату банкиров.

Во времена Гражданской войны в 1863 Конгресс принял национальный Закон о банковской деятельности совместно с Законом о национальной валюте. Проект этого закона был в значительной степени подготовлен министром финансов Сэлмоном П. Чейзом. Вследствие нового закона определённые банковские центры по всей стране определялись как «города, в которых находится федеральный резервный банк», например, Чикаго, Сент-Луис или Бостон. Региональные банки были обязаны держать часть своих обязательных минимальных резервов (25%) в форме депозитов и банковских билетов в «Национальных банках» в своём региональном «городе, где находится федеральный резервный банк».

Определённые таким образом национальные банки в Нью-Йорке, однако, имели специальный статус и были обязаны держать 25% своих резервов законных платёжных средств в форме золотых или серебряных монет или слитков. Согласно новому Закону о банковской деятельности, Нью-Йорк определялся уникально как «центральный город, в

котором находится федеральный резервный банк», что было признанием того, что он уже стал крупным национальным финансовым центром, и предвещало его будущую роль, отведенную ему Законом о Федеральной резервной системе 1913 года. ^{66}

Поскольку местные и региональные банки могли получать свою прибыль с процентов, размещая свои фонды в нью-йоркских банках, вплоть до начала XX века капитал утекал из региональных банков. В итоге нью-йоркские национальные банки росли непропорционально. Кроме того, новые законы о банках предоставляли федеральные банковские права заниматься банковской деятельностью двум нью-йоркским банкам – Первому Национальному банку и позже «Чейз Нэшнл Банк». Последний, названный «Трежери Секретари Чейз», затем станет банком империи «Стандарт Ойл» Рокфеллера.

В дополнение к крупным национальным банкам существовала небольшая, но очень влиятельная группа Домов частных банковских услуг: международные банки, которые не продавали свои ценные бумаги общественности и поэтому не были ограничены ведением торговли на местном уровне. Они не нуждались ни в какой государственной хартии, чтобы заниматься коммерцией и эксплуатировали эту зияющую лазейку в федеральных законодательствах о банках и государственных правах.

В отличие от уполномоченных государством акционерных банков, эти «некорпоративные банки» не имели возможности выпускать банкноты. Но благодаря этому они были в значительной степени нерегулируемыми, вольными заниматься коммерцией всюду, где находили возможность.

Во второй половине XIX века эти нерегулируемые инвестиционные банки, которые вели международную банковскую деятельность («Дж. П. Морган», «Кун, Лёб и К°», «Братья Лазар», «Дрексель» и небольшое количество других), свободно создавали крупнейшие финансовые деловые отношения для строительства национальных железных дорог и финансирования расширения крупной промышленности, оперирующей сразу в нескольких штатах.

Поскольку они не регулировались и не замыкались в государственных границах, эти банки делали свои состояния, группируя капиталы (в значительной степени из банков Лондона и Парижа), чтобы финансировать огромные затраты на строительство железных дорог Америки. Они стали американскими международными банкирами. ^{67}

В этом элитном мире международных финансов в конце первого десятилетия XX века особо выделялись два гиганта, один британский, другой американский – «Н. М. Ротшильд и К°» лорда Натаниэля Ротшильда «Дж. П. Морган и К°» Дж. Пирпонта Моргана.

Эти двое ни в коем случае не были всегда в дружественных отношениях. Первоначально оба дома работали в тесном сотрудничестве, когда Морган осторожно представлял интересы Ротшильда в Соединённых Штатах. Затем, когда первое десятилетие XX века приближалось к концу, а война в Европе становилась всё ближе, возникла неизбежная конкуренция, поскольку стало ясно, что британская промышленность и Британская империя были в определённом упадке. И Морган, который первоначально тесно сотрудничал с Ротшильдом, устремился к строительству своей собственной независимой финансовой абсолютной империи.

Создание Федеральной резервной системы было разработано Морганом и узким кругом связанных между собой международных банкиров в Нью-Йорке, чтобы установить контроль над валютной системой Соединённых Штатов. Это было проделано с чрезвычайной тщательностью и приготовлениями. Ещё при ратификации Конституции США, которая явно передала в руки американского Конгресса власть чеканить монету, частные банковские круги боролись (но не преуспели) за общественное одобрение национального банка. В начале XX века всё изменилось.

«Утиная охота» на острове Джекилл

Группа международных банкиров, которые составили проект Закона о Федеральной резервной системе 1913 года, действовали в обстановке предельной секретности и обмана, чтобы их роль в подготовке нового центрального банка не была обнаружена как заговор «банкиров».

Вспомните, что президент Теодор Рузвельт в 1908 года назначил сенатора-республиканца Нельсона Олдрича главой национальной Денежно-кредитной комиссии сразу после Паники 1907 года, которой дирижировали Морган и Рокфеллер. Два года спустя, в ноябре 1910 года, тот же самый Олдрич отправился на частном поезде с группой ведущих национальных финансистов на частный курорт на принадлежавшем Моргану острове Джекилл неподалеку от побережья Джорджии.^{68}

Эта группа влиятельнейших банкиров страны и их доверенных дружков-чиновников договорились между собой отвечать всем любопытствующим, что в качестве повода для их встречи была охота на уток. Но не уточнили, на каких именно уток они собираются охотиться.

Таинственная команда «охотников на уток» с Уолл-Стрит, которые присоединились к Олдричу, включала Франка Вандерлипа, президента рокфеллеровского «Нэшнл Сити Банк» в Нью-Йорке; Генри П. Дэвидсона, старшего партнёра «Дж. П. Морган и К°»; Чарльза Д. Нортон, президента контролируемого Морганом Первого Национального банка Нью-Йорка; Бенджамина Стронга, вице-президента контролируемого Морганом «Бэнкерс Траст»; Пауля Варбурга, немецкого эмигранта и старшего партнёра «Кун, Лёб и К°», и А. Пиатта Эндрю, помощника министра финансов Соединённых Штатов.

От мощной фракции Рокфеллера на острове Джекилл на той ноябрьской встрече присутствовали два влиятельных представителя. Первый – Пауль Варбург из «Кун, Лёб и К°», второго крупнейшего частного инвестиционного банка после «Дж. П. Морган и К°», бывшего в то время ведущим инвестиционным домом Джона Д. Рокфеллера, а так же домашним банком союзника последнего Э.Х. Харримана из «Юнион Пасифик Райлрод».^{69} Вторым человеком фракции Рокфеллера на острове Джекилл был президент «Нэшнл Сити Банк» Франк Вандерлип.

Спустя годы после создания Федеральной резервной системы, Вандерлип описал своё видение этой секретной встречи:

«Я действительно был скрытным, столь же скрытным, как любой заговорщик... Мы понимали, что раскрытие просто не должно произойти, иначе всё наше время и усилия были бы потрачены впустую. Если бы вскрылось, что наша частная группа собралась вместе и написала банковский билль, то у этого билля не было бы ни единого шанса пройти в Конгрессе».

Встреча на острове Джекилл

В 1916 году после того, как Федеральная резервная система стала реальностью, Б. Ч. Форбс, основатель одноимённого финансового журнала, написал о секретной встрече на острове Джекилл, используя только имена людей, которые принимали в ней участие:

«Я впервые даю миру реальную историю того, как был написан знаменитый валютный доклад Олдрича, основа нашей новой валютной системы... Вокруг всего царила атмосфера предельной секретности. Общественность не должна была получить даже намека на то, что должно было быть сделано.

Нельсон [Олдрич – прим. автора] конфиденциально сообщил Генри, Франку, Полу и Пиатту, что он должен держать их на острове Джекилл изолированно от остальной части мира, пока они не разработают и не составят научную валютную систему для Соединённых Штатов, реальное рождение существующей Федеральной резервной системы, план, сделанный на острове Джекилл... Связью, которая связывает систему Олдрича и настоящую [Федеральную Резервную – автор] систему воедино, являлся Варбург. Он, больше чем

кто-либо другой, сделал эту систему возможной в качестве рабочей действительности». ^{70}

Ирония была в том, что Пол Варбург, человек, который играл такую решающую роль в формулировке модели Федеральной резервной системы, был немцем. Варбург позже в 1914 году будет выбран в первый Совет директоров новой Федеральной резервной системы, а затем станет её вице-председателем вплоть до 1918 года. Ирония не в том факте, что Пол Варбург был немцем, а скорее в том, что его ФРС стала финансовым инструментом, который сделал возможным окончательное поражение кайзеровской Германии в 1918 году.

На секретном собрании на острове Джекилл в 1910 году Пол Варбург из «Кун, Лёб и К°» предложил уловку, чтобы провести новый закон о национальном банке через Конгресс. Новый банк преднамеренно нельзя было называть «национальным» или «центральным» банком, настаивал Варбург, более безопасно звучала бы формулировка «ассоциация Федерального резервного банка». Это соображение продвигалось под тем предлогом, что в отличие от Банка Англии или других европейских центральных банков, модель Соединённых Штатов будет децентрализована и максимально застрахует региональное банковское и денежно-кредитное регулирование. Эта уловка также замаскировала бы частную собственность банков-членов Федеральной резервной системы.

Преобладающее влияние Нью-Йорка, крупнейшего национального банковского и финансового центра, оказалось бы скрыто путём создания двенадцати «независимых» региональных банков – в Сан-Франциско, Канзас-Сити, Миннеаполисе, Атланте, Бостоне и т. д. Каждый из региональных банков будет в частной собственности сильнейших банков или корпораций в своём регионе. Как сказал на слушании в Конгрессе по Плану Олдрича в 1913 году филаделфийский банкир Лесли Шоу:

«Когда у Вас есть местная организация, централизованный контроль гарантирован... Когда Вы сцепили банки вместе, они смогут иметь самое большое влияние на всё в этой стране, за исключением газет». В номере от 11 января 1911 года журнал «Зе Нэйшн» отмечал по поводу плана центрального банка Олдрича-Варбурга, разработанного на острове Джекилл:

«Название "Центральный Банк" тщательно избегается, но "Ассоциация Федеральной резервной системы" (имя, данное предложенной центральной организации) обеспечена стандартными полномочиями и обязанностями европейского центрального банка». ^{71} План Варбурга предлагал, чтобы ценные бумаги двенадцати банков-членов Ассоциации Федеральной резервной системы, как он называл это, принадлежали частным акционерам. Частные акционеры, в свою очередь, могли использовать кредитование американского правительства к своей собственной частной прибыли. Ассоциация Федеральной резервной системы управляла бы национальными деньгами и кредитованием; это был бы эмиссионный банк, другими словами, он мог по желанию создавать валюту или деньги, а также финансировать правительство, мобилизуя кредитование в военный период. Сенатор Олдрич позже подтвердил в журнальной статье:

«До принятия этого закона нью-йоркские банкиры могли доминировать только над резервами Нью-Йорка. Теперь мы в состоянии доминировать над банковскими резервами всей страны». ^{72}

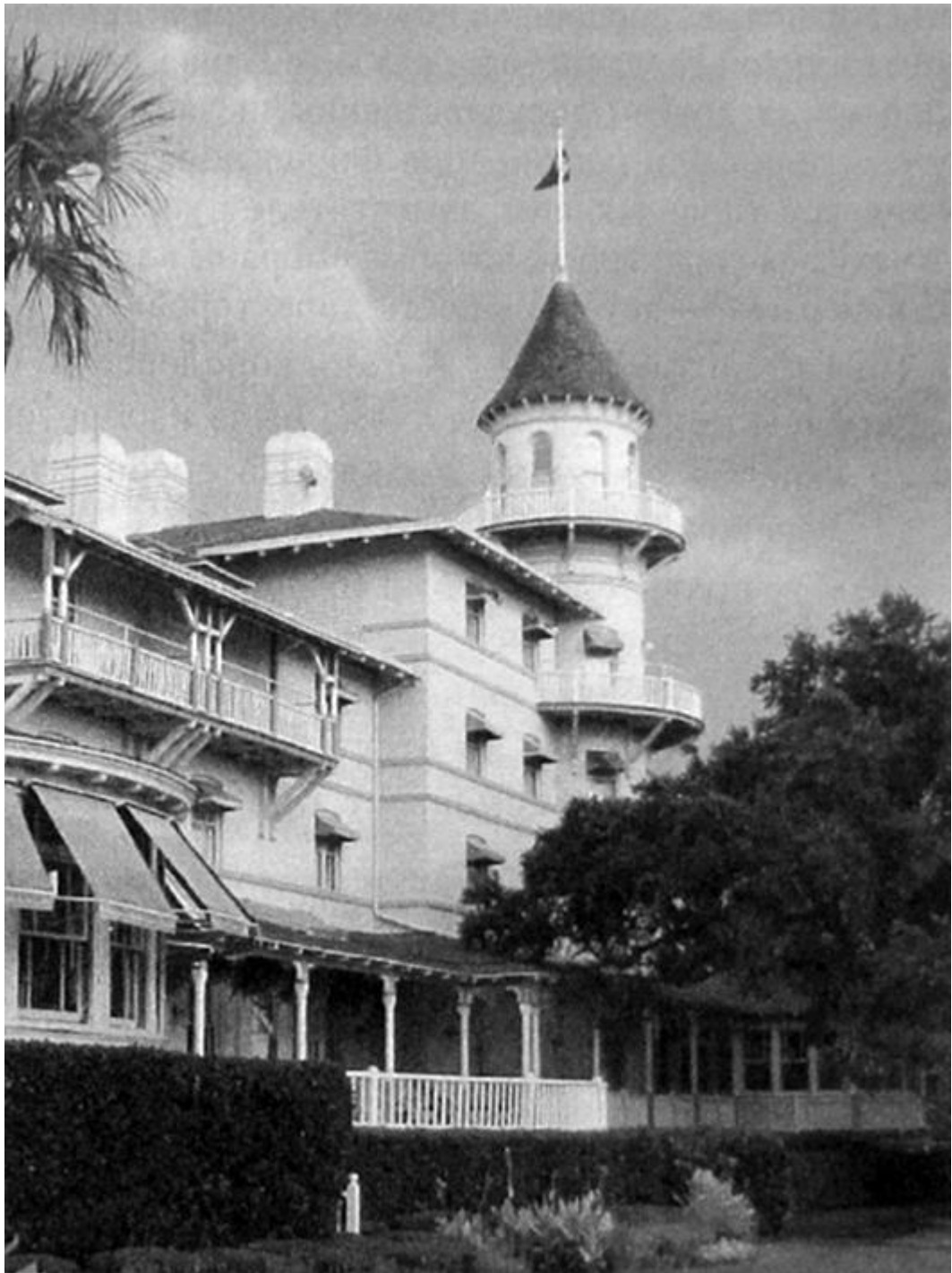

Рис. 2. Принадлежавший Дж. П. Моргану отель на острове Джекилл стал местом тайной встречи банкиров, чтобы набросать закон о Федеральной резервной системе 1913 года, который впоследствии позволит Америке финансировать Первую мировую войну

Варбург, единственный из собравшихся на острове Джекилл имевший прямой опыт работы с функциями различных европейских центральных банков, смоделировал свой резервный банк по образцу частного Банка Англии. В своём издании 1943 года для Банка Англии «Энциклопедия Американа» описала этот путь следующим образом:

«Его слабость – врожденная слабость системы, которая развилась при наименьшем уровне законодательного контроля.., его капиталы конфиденциальны, и его управление ни в коем случае не контролируется государством ни прямо, ни косвенно».

Это описание ещё тогда отметило решающую особенность и Банка Англии и его прямой последовательницы – Федеральной резервной системы:

«С другой стороны, в течение всей своей истории он находился более или менее под

защитой государства; развитие Банка характеризовалось следующим: один за другим государственными займами его капитала взамен подтверждения или расширения банковских привилегий... Банк Англии управляется управляющим, заместителем управляющего и советом двадцати четырёх директоров, которые выбраны владельцами [то есть частными акционерами – автор] на посты директоров». ^{73} Уильям III в 1694 пожаловал Банку Англии королевскую привилегию упорядочивать финансы монархии. Эта схема была изобретена энергичным шотландским капером по имени Уильям Патерсон, чтобы создать банк с «фондом для бессрочной прибыли».

Так для британского правительства был создан вечный денежный станок, и родилась идея постоянного государственного долга. Отныне Банк Англии из лондонского Сити будет финансировать находящуюся на стадии становления империю. Отныне ни отсутствие денег, ни отсутствие ликвидности никогда больше не помешают Британской империи (при нормальных экономических условиях).

Ещё один включённый в Федеральную резервную систему механизм – «частичных банковских резервов» – был создан по образцу Банка Амстердама, существовавшему почти за столетие до основания Банка Англии. А также радикальная монетарная концепция «монопольного» банка, который будет эмитировать деньги для кредитов, которые в действительности никогда не будут погашены. ^{74}

Грязный секрет «частичного банковского покрытия»

Частичное банковское покрытие сначала было опробовано Банком Амстердама в середине XVII века. Это было сделано в строгой тайне, чтобы не вызвать у вкладчиков панику, которая в конечном итоге всё-таки случилась. Однако сам обман процветал более полутора столетий.

Банк Амстердама был основан в 1609 году под протекцией делового квартала города для очень определённой цели. Поскольку золотые и серебряные монеты были неудобны для транспортировки, и всегда существовала угроза ограбления, торговцы создали этот банк, чтобы принимать и иностранную и местную чеканку по их реальной внутренней ценности. Банк удерживал мелкие монеты и гонорар за услуги и выписывал в своей балансовой книге кредит клиентам. Этот кредит стал известен как «банковские депозиты».

Всегда оставаясь в соответствии со стандартами монетного двора и всегда одной той же стоимости, банковские депозиты стоили дороже, чем реальная чеканная монета, которая изнашивалась со временем, теряя часть своего золотого или серебряного содержания. Одновременно было издано некое распоряжение, согласно которому все амстердамские векселя, выписанные на суммы, свыше определённой величины, должны оплачиваться в банковских депозитах.

Это правило избавляло от всякой неуверенности в этих банковских билетах и заставило всех торговцев сохранять свои счета в банке. Что, в свою очередь, стало поводом для спроса на банковские резервы Банка Амстердама.

Скоро банкиры Амстердама поняли, что в любой момент времени востребована только малая часть их депозитов. Таким образом, они тайно вознамерились определить минимальный реальный резерв, необходимый, чтобы в среднем удовлетворять такому требованию, а остальные деньги выдавать займы и делать прибыли на чужих вкладах. Сначала, естественно весьма осторожно, чтобы их не схватили за руку, они одалживали небольшую часть всех депозитов. Затем, поскольку это, как оказалось, сработало, увеличили соотношение до пятидесяти процентов и более. Как только широкая публика узнала, что всего лишь 50% её золота находится в сейфах Банка, разразилась паника, которая в 1791 году и положила конец Банку Амстердама.

Злоупотребление доверием своих вкладчиков стало возможным, потому что Банк Амстердама был не обязан делать какие-либо публичные отчёты. Так родился принцип

современного банковского дела, что в системе кредитования при частичном банковском покрытии стоимость банка или всей банковской системы опирается лишь на одну эфемерную ценность – доверие вкладчиков. Сущность частичного банковского покрытия ведет банки к безудержной раздаче кредитов, чтобы максимизировать доходы, пока избыток кредитов не приводит к краху рынка. Поскольку банк предоставляет фонды, которых у него нет, механизм кредита приводит к эмиссии денег «из ничего» (т.е. из воздуха) через простые бухгалтерские записи.

Такова история неоднократно спровоцированных банковских паник в течение ста лет до создания американской Федеральной резервной системы. Морган и элитные банкиры из его окружения хотели иметь центральный банк, которым будут постоянно управлять собственноручно выбранные ими люди, учреждение, которое будет действовать как надзирающий регулятор кредитной системы, центральный полицейский, чтобы удерживать отдельные банки в общем русле интересов всей банковской системы.

Чтобы управлять этой системой, поднимать или снижать уровень кредитования, требовались изменяющиеся уровни резервов банка на случай востребования крупных сумм для их частичного кредитования. Власть, которую ФРС дала нью-йоркским трестовым банкам, была квазимонополией в системе национального кредитования. Эта власть была устрашающей.

Группа на острове Джекилл достигла консенсуса по так называемому Плану Варбурга, который по политическим причинам был переименован в План Олдрича, чтобы при обнаружении выглядеть как детище республиканского сенатора.

Однако перед тем, как они смогли продвинуть свой план захвата национальной денежной системы, перед ними встала новая проблема в форме нарастающего народного протеста против концентрации власти денег.

Расследование демократами обстоятельств вокруг Денежного Треста

В 1912 году, спустя несколько месяцев после секретной встречи на острове Джекилл, конгрессмен из Миннесоты сэр Чарльз Линдберг, пламенный и очень точный критик деяний Денежного треста, как он их всех называл, внёс в американскую Палату представителей резолюцию, призывающую к расследованию влияния Уолл-Стрит. Этот призыв был заблокирован банкирами и их друзьями в Конгрессе.

Вместо этого, поскольку Линдберг задокументировал свою точку зрения в письменном виде, в 1913 году влиятельные банкиры Денежного треста, используя своих друзей в Конгрессе, перенаправили его запрос и послали его благоволившему банкирам конгрессмену из Луизианы Арсену Пуджо, который назначил юриста с Уолл-Стрит Сэмюэля Унтермайера провести безопасное псевдорасследование. Циничный результат слушаний был организован таким образом, чтобы привести к созданию именно того, что Денежный трест имел в виду под своим Планом Олдрича, то есть, частного центрального банка, чьё влияние и возможности будут твёрдо удерживаться в руках всё того же нью-йоркского Денежного треста. ^{75}

Комитет Палаты представителей по банковскому делу и валюте созывал слушания, начиная с мая 1912 года, известные как Комитет Пуджо по имени его председателя демократу из Луизианы, Арсена Пуджо. Мандат Комитета Пуджо состоял в том, чтобы якобы исследовать банковские и валютные условия в государстве.

Комитет вызвал для показаний Дж. П. Моргана, Джеймса Дж. Хилла и двух соучредителей Первого Национального Городского банка – Джорджа Ф. Бейкера и Уильяма Рокфеллера, брата владельца «Стандарт Ойл» Джона Д. Рокфеллера. Чтобы избежать свидетельствования, Уильям Рокфеллер фактически скрылся в своих нью-йоркских владениях и затем утверждал, что не мог свидетельствовать, поскольку у него были «проблемы с горлом». Морган и другие из Денежного Треста явились, но отказались

раскрыть что-нибудь существенное.

Доклад Комитета Пуджо заканчивался безопасным утверждением в том смысле, что клика финансовых лидеров злоупотребляла общественным доверием, чтобы провести консолидацию контроля над большей частью промышленности. Они подтвердили, что действительно была увеличена концентрация денежного и кредитного контроля в стране через консолидацию банковской собственности в нескольких руках с помощью внедрения специально подобранных банковских союзников в советы директоров индустриальных трестов или групп, которые эти банки финансировали, и где держали крупные пакеты акций.

Комитет Пуджо задокументировал, что Денежный Трест имел шесть основных банковских домов наверху. Эти шестеро контролировали крупнейшие стальные, железнодорожные, коммунальные, нефтяные и нефтеперерабатывающие компании, а также другие крупные промышленные группы. Эта концентрация состояний и собственности венчалась тем, что Денежный Трест контролировал основные американские средства массовой информации, что позволяло ему распространять пропаганду в своих интересах. Это была система взаимосвязанных правлений, сказал Комитет, и всё управлялось шестью домами частных банковских услуг: «Дж. П. Морган и К°», «Первый национальный банк Нью-Йорка», «Нэшнл Сити Банк», «Кун Лёб и К°», «Киддер Пибоди и К° оф Нью-Йорк», «Ли Хиггинсон и К° оф Бостон».

Доклад Комитета показал, что в 1913 году единственной вершиной этой обширной пирамиды экономической, политической и финансовой власти в Соединённых Штатах был банк частных инвестиций «Дж. П. Морган и К°». Доклад Пуджо задокументировал, что Морган через пакеты акций и места в советах директоров занимал решающие позиции фактически во всех крупнейших корпорациях страны, включая следующие: «ЮЭс Стил Корпорэйшн», «Америкэн Телефон и Телеграф», «Вестерн Юнион», «Дженерал Электрик К°», «Интернэшнл Харвестер», «Банкерс Траст К°», «Гаранта Траст К°», «Нэшнл Сити Банк» Нью-Йорка, «Нью-Йоркская Центральная железная дорога», «Северная Тихоокеанская железная дорога», «Большая Северная железная дорога» и «Балтимор и Огайо». В целом, в 1913 году Комитет Пуджо зарегистрировал 112 таких компаний под эффективным контролем группы Моргана.

Доклад указывал, что у Моргана также имелись обширные международные связи, поскольку он был партнёром лондонского банкирского дома его отца, «Дж. Эс. Морган и К°», позже «Морган Гренфелл», а также парижского банкирского дома «Морган, Харьес и К°». Моргана вызывали для показаний, но он отказался сказать что-нибудь по существу. Он расценивал себя как высшую и обособленную силу, не подчиняющуюся нелепым законам или требованиям республиканского правительства.

Морган в пределах этих вышеназванных шести финансовых учреждений имел не только свой собственный банк, но и основные интересы в Первом национальном банке, а также разделял с Рокфеллером контроль над «Нэшнл Сити Банк». Морган также контролировал следующий крупнейший банк – «Банкерс Гаранти Траст». Эти четыре банка, в которых Морган имел полный или разделённый контроль через корпоративные руководства и владение пакетами акций корпорации, стоили ошеломительную сумму 22 миллиарда доллара.

Откровения Пуджо, однако, как отмечалось, отнюдь не были искренней или серьёзной попыткой бросить вызов власти Денежного Треста, что было в пределах конституционных полномочий Конгресса. Вместо этого они стали расчётливой уловкой, прямо поддержанной Денежным Трестом, чтобы предоставить популистскую убедительность вновь избранному демократическому Конгрессу и протолкнуть версию демократов закона о национальном банке – Закон Оуэна-Гласса о Федеральной резервной системе 1913 года.

Вопреки замыслу Линдберга расследование Пуджо оказалось уловкой Денежного треста, чтобы протолкнуть через демократический Конгресс желательный банкирам банковский закон. Иными словами, чтобы за него проголосовали те же самые демократы, предвыборные кампании которых во многих случаях без особой помпы финансировались

тем же самым Денежным трестом. ^{76} Слушания Пуджо использовались для манипуляции общественным мнением, чтобы снова протащить роковую Шестнадцатую поправку к Конституции, разрешающую федеральному правительству, в противоречии с Конституцией, собирать прямой персональный подоходный налог, то, что позже окажется решающим в финансировании американского вступления в Первую мировую войну.

Определённо, эти слушания и организованная подача их в прессе также использовались для того, чтобы устроить фальшивые дебаты, которые вынудили Конгресс принять почти дословно частный план, набросанный банкирами на острове Джекилл.

Чтобы усугубить обман, юрист Комитета Пуджо Унтермайер, которому дружественная пресса создала образ антимонополиста и «друга маленького парня», получил задачу составить проект текста Закона о Федеральной резервной системе 1913 года. Закон прокрался через Конгресс в овечьей шкуре реакции демократов на план банкиров-республиканцев – закон Олдрича. Волки с Уолл-Стрит получили своё.

Закон Оуэна-Гласса был в значительной степени спроектирован юристом-демократом Самюэлем Унтермайером, главным штатным исследователем Комитета Пуджо. Республиканский План Олдрича раскритиковали в подконтрольной Моргану прессе, а Закон Оуэна-Гласса о Федеральной резервной системе восхвалялся как справедливая демократическая альтернатива, предположительно способная ограничить влияние нью-йоркского Денежного Треста. ^{77}

На деле всё было точно наоборот.

Банкиры-республиканцы покупают демократов, чтобы совершить переворот

К 1910 году Дж. П. Морган и Денежный Трест решили, что необходимо иметь свою собственную версию мошенничества, которое проделал частный Банк Амстердама. Разница была в том, что гарантировать это мошенничество будет не город Амстердам, а доверие и уважение федерального правительства США.

Учитывая широко распространённую неприязнь к Денежному Тресту среди общественности и в Конгрессе, особенно среди демократов, таких как Чарльз Линдберг, и некоторых прогрессивных республиканцев, такие как Роберт Ла Фоллетт, потребовался лживый фарс, чтобы продвинуть схему центрального банка, придуманную Варбургом под видом нападок на национальную Денежно-кредитную комиссию сенатора Олдрича и сам План Олдрича как «помещающий решающее влияние на исход голосования в крупные банки». ^{78}

Осуждение Плана Олдрича оставило незамеченным то, что «план центрального банка» собственно Закона о Федеральной резервной системе конгрессмена Гласса точно выполнял функции такого же центрального банка под частным контролем Денежного Треста. Он был тем же, что Варбург обрисовал в общих чертах на острове Джекилл в 1910 году. План Варбурга и План Олдрича были абсолютно идентичны. Не удивительно, что Полу Варбургу доверили задачу составления «альтернативного» проекта текста закона для Гласса и Белого дома Вудро Вильсона с помощью юриста с Уолл-Стрит Самюэля Унтермайера. ^{79}

Акции нового Федерального резервного банка принадлежали бы частным акционерам, которые тогда могли использовать пункт о доверии и уважении правительства Соединённых Штатов к своей частной выгоде. ФРС, предложенная Глассом, управляла бы национальной валютой и кредитованием в прямом противоречии с Первой статьёй Конституции США, которая наделяла такой прерогативой исключительно американский Конгресс, первоначально задуманный как самая представительная из трёх ветвей властей.

Кроме того. Федеральная резервная система, как предложил Гласс, стала бы «эмиссионным банком», что означало, что она могла выпускать деньги в обращение «из ничего» и могла финансировать правительство, мобилизуя кредит «в военное время». По

сути, Федеральная резервная система уступала право Конгресса печатать деньги легализованному картелю частных банков, аффилированных с банками лондонского Сити, прежде всего с «Н. М. Ротшильд и К^о» при посредстве Рокфеллеров, Куна, Лёба и Дж. П. Моргана.^{80}

В итоге Закон Картера-Гласса дал возглавляемой Морганом клике частных банкиров тотальный монопольный контроль над эмиссией банкнот, над деньгами.

Не удивительно, что Закон Оуэна-Гласса о Федеральной резервной системе 1913 года обрел тёплое одобрение Ассоциации американских банкиров, факт, преуменьшаемый в массовой прессе.

В 1910 году республиканцы оказались в меньшинстве в американской Палате представителей, а на всеобщих выборах 1912 года они уступили демократам контроль и над Сенатом и над Белым домом. Избрание в 1912 году Вудро Вильсона было работой небольшой группы людей, которые спроектировали раскол в Республиканской партии, финансируя третью партию – Прогрессивную партию, созданную для своего кандидата в президенты, бывшего президента-республиканца Тедди Рузвельта.^{81} Именно Морган и деньги Рокфеллера привели в 1912 году «реформатора»-демократа Вудро Вильсона в Белый дом. С 1898 года, когда Вильсон был президентом Принстонского университета, он продвигался в национальную политику сильной группой банкиров, возглавляемой Кливлендом Доджем из «Фелпс Додж Коппер», бывшем тогда директором «Нэшнл Сити Банк» Моргана-Рокфеллера. Вильсон был на такой короткой ноге с Доджем, что писал письма ему письма, обращаясь «Дорогой Клив».^{82}

Когда группа Моргана решила, что Вильсон с большей вероятностью примет весьма республиканский закон о национальном банке, чем это сделал бы республиканский президент, они организовали национальную кампанию в СМИ вокруг Вильсона. Все газеты, которыми управляла группа Моргана, восхваляли Вильсона, который тогда был губернатором Нью-Джерси, как «либерального реформатора». Выдвижение Вильсона было куплено и оплачено «Нэшнл Сити Банк» Доджа, Сайрусом Маккормаком из «Интернешнл Харвестер К^о» и Джейкобом Шиффом, старшим партнёром инвестиционного банка «Кун, Лёб и К^о».^{83} Другими словами, избрание Вильсона было куплено и оплачено кликой с острова Джекилл.

И он не разочарует своих покровителей.

23 декабря 1913 года, в день перед Сочельником, Закон о Федеральной резервной системе, также известный как Закон Гласса-Оуэна, прошёл в Конгрессе почти без обсуждения. Управляемый республиканцами Сенат протолкнул этот закон в тот момент, когда большинство членов американского Конгресса были дома на рождественских каникулах. Президент-демократ Вудро Вильсон подписал его через час после этого.

ФРС была устроена как независимый центральный банк. Хотя президент США назначал председателя и управляющих Федеральной резервной системы, и это назначение должно было быть одобрено Сенатом, управляли системой президенты 12 частных резервных банков, и никто из них не был более влиятельным, чем президент Нью-Йоркского Федерального резервного банка, первый среди равных.

Ключевое положение Закона о Федеральной резервной системе предусматривало, что решения ФРС не должны ратифицироваться ни президентом или кем-либо ещё из исполнительной ветви правительства Соединённых Штатов, ни Конгрессом. Вместо этого погребённым в ворохе пунктов оказалось предоставление в действительности тотальной власти над кредитно-денежной политикой всех американских банков частному Нью-Йоркскому Федеральному резервному банку и его директорам, носящим самые влиятельные имена в Денежном Тресте.

Акция, которая не принадлежит банку-члену ФРС, не должна была принимать участие ни в одном голосовании. Этот пункт гарантировал, что никто посторонний не вознамерится покупать акции в Федеральной резервной системе. Это был строгий инсайдерский клуб или Клуб старых приятелей, управляемый Денежным Трестом.^{84}

Спустя несколько месяцев после принятия Закона о Федеральной резервной системе 1913 года, вновь назначенный президент Нью-Йоркского Федерального резервного банка, человек Моргана Бенджамин Стронг, на пару с директором Федеральной резервной системы и автором закона Полом Варбургом двинулись в Белый дом и Конгресс, чтобы успешно привести доводы в пользу принятия поправки к оригинальному Закону. Поправка позволяла вновь учрежденному центральному банку уничтожать деньги так же, как и создавать их. С нею для Федеральной резервной системы и частных банкиров, управляющих её политикой, была расчищена дорога, чтобы создавать периоды экономического бума, мобилизовывать экономику для войн и создавать дефляционные спады и депрессии, каждая из которых проводилась с такой жестокостью, что превосходила любые ранние инциденты, сотворенные руками частных банкиров из Денежного Треста в течение века до создания ФРС. Получающимся колебаниям от экономического бума до банкротства дали псевдонаучное объяснение, названное теорией «деловых циклов», словно эти явления были так или иначе неизбежны.

Но они не были неизбежностью. Наиболее существенной полезной встроенной ценностью новой Федеральной резервной системы, однако, было то, что она позволила частным банкам, особенно Дому Моргана и его союзникам идти на ранее невообразимые риски. Предпринимаемые ими действия независимо от того, насколько они опасны, теперь были застрахованы «пунктом о доверии и уважении» правительства Соединённых Штатов Америки и их невольных налогоплательщиков. Первый тест новых обширных полномочий третьего с 1787 года национального банка Америки не заставил себя долго ждать. Совсем скоро, в 1914 году, Англия и Франция обратятся в США за массивным кредитованием, чтобы финансировать свою войну с германским Рейхом и Австро-Венгрией, процесс, который стал известным как Первая мировая война.

Глава 4

ФРС Моргана финансирует европейскую войну

«Эта война должна сделать мир безопасным для демократии».

– *Комитет по общественной информации президента Вильсона, 1918 год*

Имперское перенапряжение

Накануне Первой мировой войны в 1914 году совершенно не было очевидно, по крайней мере, на поверхностный взгляд, что могущественный и колоссальный «Пакс Британика», «империя, над которой никогда не заходит солнце», прогнал до самого основания и находился в предельной точке спада экономической активности.

В 1899 году британцы провели войну с помощью Сесила Родса, очень эксцентричного британского магната горной промышленности, чтобы вырвать у буров контроль над обширными золотыми богатствами Трансвааля в Южной Африке. Южноафриканское золото придало лондонскому Сити новое дыхание. В 1897 королева Виктория праздновала своё шестидесятилетие как королева могущественнейшей империи в мире. Британская империя, казалось, была на пике своей мощи, власти и влияния.

Верховный комиссар Капской колонии в Южной Африке Альфред Милнер был близким партнёром лорда Ротшильда и Сесила Родса, причем оба принадлежали к секретной

группе, называющей себя «Общество избранных».

Группа Милнера стремилась к экономической мощи, основывающейся на контроле золотых рудников в голландских бурских республиках Трансвааля и Оранжевой провинции. Они также хотели создать конфедерацию британских колоний от Мыса Доброй Надежды до Каира, чтобы властвовать над богатым минералами африканским континентом.^{119} Они рассматривали Африку как ключ к будущей британской глобальной гегемонии.

«Н. М. Ротшильд и К^о» в Лондоне тайно финансировала Родса, Милнера и южноафриканские военные походы. Сесил Родс планировал заручиться королевской поддержкой для Британской Южно-Африканской компании по образцу и подобию британской Ост-Индской компании. Родс был убеждён, что золота и полезных ископаемых Южной Африки хватит, чтобы обеспечить лондонскому Сити неоспоримое положение в качестве мирового финансового центра на многие последующие десятилетия.

Родс, Милнер и элитный круг стратегов империи основали в 1910 году тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы оживить поникший британский имперский дух. Общество, многие из членов которого были дипломированными специалистами Колледжа Олл Соулз при Оксфордском университете, тайно управляло стратегической политикой Британской империи вплоть до конца Второй мировой войны. Они называли свою группу Круглым столом⁵, а также издавали свой журнал с тем же самым названием.

Британцы выиграли англо-бурскую войну. Но в процессе потеряли свою Империю.

Война не стала быстрым и лёгким делом, как сначала ожидалось в Лондоне. Последняя война Англии с европейским противником была в 1853 году – Крымская война⁶ против России. С этого времени британская армия провела четыре десятилетия, воюя с плохо вооруженными и плохо обученными формированиями аборигенов во всем мире, весьма несерьёзный вызов. Как больше века спустя самодовольно рапортовали об успехах американские генералы после быстрого успеха «Операции "Шок и Трепет"» в Ираке, так и Лондон рассматривал англо-бурскую войну в 1899 году как ещё одну «маленькую победоносную войну», которая закончится через несколько недель.

В итоге англо-бурская война оказалась столь же разрушительной для Великобритании, как столетие спустя война в Ираке станет для Соединённых Штатов. Буры отчаянно сражались, используя тактику нерегулярной или асимметричной войны против намного лучше экипированного противника. Англия по традиции перебрасывала туда свои войска из других колоний. Буры были быстры и очень мобильны как партизанская сила, используя новые бездымные патроны в своих немецких винтовках «Маузер», которые позволяли стрелку оставаться незамеченным.

Буры использовали тактику нанесения коротких ударов, которая не только привела к потерям, которые британцы не могли себе позволить, а также полностью разбила взгляды Империи на «честное сражение», войну, в которой сражаются «джентльмены». Буры не были джентльменами; они сражались за свою землю и свои дома.

Война тянулась горьких три года, и номинальная победа Англии оказалась пирровой. Она продемонстрировала всему миру, что самая могущественная на земле Империя оказалась неспособна победить мелкие и хуже экипированные военные отряды, полные решимости защищать свою родину, урок, который американская элита горько выучит во Вьетнаме в 1970-х годах.

По мере того как затраты и жертвы в бурской кампании нарастали, генералы Её

⁵ Намек на средневековый Круглый стол короля Артура, окруженный его избранными рыцарями.

⁶ Крымская война 1853–1856, также Восточная война – война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

Величества упрямо настаивали, что победа близка. Британское общественное мнение недовольно бурлило. Из - за британской некомпетентности и пренебрежения, приблизительно 25 000 буров и 14 000 аборигенов (в основном, женщин и детей) скончались в «концентрационных лагерях», новый термин, который сначала появился в контексте гражданского интернирования во время этой войны. Англо-бурская война стала водоразделом, после которого началось долгое падение имперской идеи в Англии. ^{120}

Два соперника Англии в борьбе за глобальное превосходство

В то время, когда Англия уже демонстрировала признаки окончательного разложения, возникли как претенденты, которые могли бы исполнять роль Британской империи, два её потенциальных соперника, сначала почти незначительные. Первым был немецкий Рейх. Хотя в 1900 году мало кто среди немецкой элиты думал об опережении Британии, индустриальный рост Германии, её образовательная система и её наука уже оставили Англию далеко позади. У Англии почти не оставалось влияния за исключением роли Лондона в качестве лидера в мировой торговле.

Вторым находящимся на стадии становления претендентом на роль доминирующей глобальной империи были Соединённые Штаты Америки. В 1898-99 годах Америка только что провела свою первую имперскую войну против Испании за Филиппины и Кубу. Необъявленное геополитическое соревнование Великобритании, Германии и Америки потребует тридцать лет и две мировых войны, прежде чем окончательно разрешиться. ^{121} В Америке элита, которая управляла Денежным Трестом и крупными индустриальными трестами вокруг Моргана, Рокфеллера, Харримана, Шиффа и других, начинала рассматривать возможности, как достигнуть реальной и господствующей глобальной власти.

В 1902 году Брукс Адамс, внук президента Джона Куинси Адамса и один из самых горячих и влиятельных апологетов Американской империи, писал:

«В течение прошлого десятилетия мир пересек один из тех периодических кризисов, которые сопутствуют изменению в социальном равновесии. Место энергии мигрировало от Европы к Америке..., американское превосходство стало возможным только через прикладную науку... Ничто и никогда не сравнилось с экономикой и энергией администраций великих американских корпораций».

«Корпорациями» Адамс очевидно обозначал «ЮЭс Стил» Моргана, «Стандарт Ойл» Рокфеллера, железнодорожную и другую промышленность, которой они управляли. Далее Адамс продолжал:

«Союз [США – автор] формирует гигантскую и растущую империю, которая раскидывается на половину земного шара, империю, обладающую самой большой массой накопленных состояний, самыми совершенными средствами передвижения и тончайшей, но сильной индустриальной системой из всех, которые когда-либо развивались». ^{122}

В своём географическом анализе, который предвещал знаменательную речь Халфорда Макиндера в 1904 году «Географическая ось истории», Адамс добавил и дарвинистский подход:

«Соединённые Штаты теперь занимают положение экстраординарной силы. Ввиду своих преимуществ, подобными географическому положению, месторождениям полезных ископаемых, климату и характеру её людей, стране нечего опасаться своих конкурентов ни в мирное, ни в военное время при условии, что сопротивление, создаваемое движением масс, с которыми она должна иметь дело, не нейтрализует её энергию. Массы принимают форму корпораций, а люди, которые возносятся к вершинам этих корпораций, являются наилучшими. Этот процесс – естественный отбор». ^{123}

«Явное предназначение»

Адамс повторял идеи Фредерика Джексона Тернера, автора теории «явного предназначения» Америки. Тернер доказывал, что американская уникальность была продуктом её всё время расширяющихся границ. Он определял историческое существование Америки как бесконечную геополитическую экспансию к новым границам на Западе:

«Наличие области свободных земель, её непрерывное сужение и продвижение американских поселенцев на запад объясняет американское развитие... Универсальная предрасположенность американцев, расширяющегося народа, – наращивание своих территорий». Это утверждение стало предвестником появившейся позже немецкой концепции «жизненного пространства»⁷, но помимо этого было проникнуто религиозным мессианским духом «божественной» миссии Америки.

Тёрнер доказывал, что непрерывное геополитическое расширение – «актуальный результат экспансивной мощи, которая присуща им от рождения». Как он выразился, «американская энергия будет снова и снова требовать широкого поля для своей деятельности».^{124}

Работы Тёрнера и Адамса дали богатейшим семьям американской элиты идеологическое обоснование для глобальной программы экспансии, начиная с 1880 года и до наших дней. Американское «явное предназначение» (как оно виделось финансовым воротилам вокруг Моргана и Джона Д. Рокфеллера в начале Первой мировой войны) состояло в том, чтобы заполнить вакуум в международных отношениях, возникший в результате ослабления Британской империи. В своей книге «Новая империя», написанной на рубеже веков, Адамс представляет себе не больше, не меньше, как рождающуюся Американскую всемирную империю, включая завоевание всего евразийского геополитического пространства.^{125}

Адамс и Тёрнер были социал-дарвинистами, как и Рокфеллер, Карнеги, Морган и большинство американских плутократов. Они расширили концепцию «явного предназначения» с богоданной задачи расселения по всему континенту в XIX веке до американского мирового господства в XX веке, ибо над декадентской и умирающей Британской империей догорал закат.

В своём расширении идей Тёрнера на весь мир Брукс Адамс был откровенно антигерманским и пробританским. Он доказывал, что Немецкий Рейх был единственным конкурентом в процессе рождения Америки в качестве наследницы Британской империи. Он предлагал союз с более слабым соперником – Британией – против более сильного – Германии. Это станет стратегией возведения американской державы на пепле европейской войны. Однако это произошло не сразу.

Казус белли

Обреченный на неудачу расчёт британской военной и дипломатической верхушки, который вверг страну в войну 1914 года, подробно описан в моей более ранней книге «Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок».^{126} Первая мировая война отнюдь не была реакцией на нарушение официальных международных соглашений после убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Она

⁷ Нем. Lebensraum. Термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами (арийцами в понимании национал-социалистических вождей) территорий в Восточной Европе. Впервые этот термин появился ещё в вильгельминскую эпоху, но впоследствии нацистское движение придало ему расово-биологический контекст. Стремление обрести обширные территории для «народа без пространства» (нем. Volk ohne Raum) послужило одной из идеологических основ для разработанного Генрихом Гиммлером Генерального плана «Ост». В его рамках была предусмотрена крупномасштабная депортация «расово нежелательного» населения, его порабощение и экономическая эксплуатация.

явилась результатом стратегического решения, принятого задолго до этого в Уайтхолле и на Даунинг-стрит, 10 сначала совместно с Францией в 1904 году, а затем по «сердечному согласию» с царской Россией в 1907 году. Целью этого зарождающегося Тройственного союза или Антанты⁸ было военное окружение и изоляция общего соперника трёх стран – Германии.

Ведущие британские политические круги в то время находились под влиянием двух основных фракций. Первая группировалась вокруг лорда Сесила Родса, который написал план послевоенной Лиги Наций. Вторая и даже более влиятельная военная фракция собралась вокруг представителей Круглого стола Альфреда Милнера. Круглый стол пришёл к выводу, что динамичный рост германского Рейха и вообще само его существование представляет смертельную угрозу британскому доминированию на морях и океанах, а также имперскому контролю над мировой торговлей и финансами. Используя редакционный контроль над лондонской «Таймс», группа Круглого стола убеждала, что только превентивная война сможет остановить германский марш к мировому господству на осколках Британской империи.

Имелось два непосредственных повода к войне. Первый и, вероятно, решающий – решение немецких банков и политического руководства достроить железнодорожную линию Берлин-Багдад в Месопотамии, бывшей тогда частью Османской империи. Это представляло угрозу британским нефтяным поставкам из Персии, а также британским торговым путям к драгоценной колонии Британской короны – Индии. В глазах британских военных стратегов (включая молодого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля) эта угроза была отягощена вторым поводом – решением германского Рейха построить глубоководный флот для защиты от всевластной на морях Британии немецких морских торговых путей.

Ядром британской имперской стратегии со времен Наполеоновских войн являлось господство и полный контроль на стратегических морских и торговых маршрутах в мировой торговле.^{127} Решение развязать войну против Германии, Австро-Венгрии и позже против Османской империи было принято не от понимания силы Британской империи, а в результате осознания её фундаментальной слабости. Оно базировалось на расчёте, что лучше спровоцировать войну как можно раньше, прежде чем Англии станет намного труднее бросить вызов нарастающему господству Германии. Это решение приведёт к падению господства Британии, хотя прежде чем британская элита неохотно смирится реальностью, понадобятся ещё десятки лет и Вторая мировая война.

«Он удержит нас от войны...»

На начало европейской войны более трети всех американцев являлись эмигрантами, выходцами, в основном, из Германии, Ирландии и Италии. В США проживали восемь миллионов американцев германского происхождения. За исключением небольшой банковской и корпоративной элиты, ведущей бизнес в Лондоне или во Франции, абсолютное большинство американцев не было заинтересовано в вовлечении в очевидно исключительно европейскую войну, которая к тому же ничем не угрожала самой Америке.

В 1916 году Вудро Вильсон, президент, который вступил в сговор с Денежным трестом, чтобы создать в 1913 году ФРС, с ничтожным перевесом был переизбран и вновь с помощью Денежного треста и Прогрессивной партии. На встрече в 1915 году в доме Элберта Гари из «ЮЭс Стил» сливки Денежного треста (Огаст Белмонт, Джейкоб Шифф, Джордж Ф. Бейкер, Корнелиус Вандербильт) решили поддержать переизбрание Вильсона.

⁸ От фр. entente – согласие. Термин «Антанта» возник в 1904 году первоначально для обозначения англо-французского союза, причём употреблялось выражение l'Entente cordiale («сердечное согласие») в память кратковременного англо-французского союза в 1840-х гг., носившего то же название.

Также на этой секретной встрече присутствовал бывший президент, глава Прогрессивной партии Теодор Рузвельт и Джордж В. Перкинс, «человек-мешок», посредник между преступным миром и чиновниками, передающий взятки, бывший партнёр Дж. П. Моргана. (И) «ЮЭс Стил», чей бизнес расцвёл в годы войны, была компанией Моргана.

Вильсона осторожно поддержали с помощью не объявленной кампании финансирования из моргановских кругов.^{128} Тем не менее, он с трудом выиграл выборы и лишь с помощью подозрительной подтасовки голосов Прогрессивной партии в Калифорнии.

В январе 1916 года переизбранный президент Вильсон дал пресс-конференцию. Единственный лозунг его предвыборной кампании «Он удержит нас от войны» был рассчитан на пропаганду и был разработан его теневым советником полковником Эдвардом М. Хаусом. Вильсон твёрдо провозглашал:

«Насколько я помню, это народное правительство, а народ не собирается выбирать войну».

Через год с небольшим американский народ по-прежнему был против войны, но Вильсон, понуждаемый Денежным трестом, уже был «за».

Прибыльный бизнес Моргана

На начало войны в августе 1914 года финансы Великобритании лежали в руинах. Её экономика погрузилась в депрессию, а золотые резервы Банка Англии сократились до тревожно низкого уровня. Промышленность Англии была неспособна производить достаточное количество военного снаряжения и боеприпасов для полномасштабной войны.^{129}

В октябре 1914 года британское правительство отправило в Вашингтон делегацию своего военного департамента для военных закупок у частных американских компаний. Официально США держали нейтралитет. Британские закупщики быстро выбрали частный инвестиционный банк в Нью-Йорке, который станет единственным торговым посредником Англии – «Дж. П. Морган и К°». На первый взгляд этот шаг был экстраординарно рискованным – сделать частный банк в нейтральной стране своим официальным торговым посредником.

Однако по счастливому стечению обстоятельств вновь созданная Федеральная резервная система открыла свои двери в 1914 году, что сделало риски более управляемыми благодаря грядущему контролю над будущими долгами правительства США, равно как и над национальной денежной массой. Е. В. Кеммерер, известный принстонский экономист и советник Уолл-Стрит во время и после войны, заметил:

«После нашего вступления в войну федеральные резервные банки как финансовые агенты правительства оказывали услуги неопределённого значения. Они значительно поспособствовали сохранению нашего золотого запаса, регулированию нашего обменного курса и централизации нашей финансовой энергии. Страшно себе представить, что могло бы произойти, если бы война застала бы нас с нашей бывшей децентрализованной и устаревшей банковской системой».^{130}

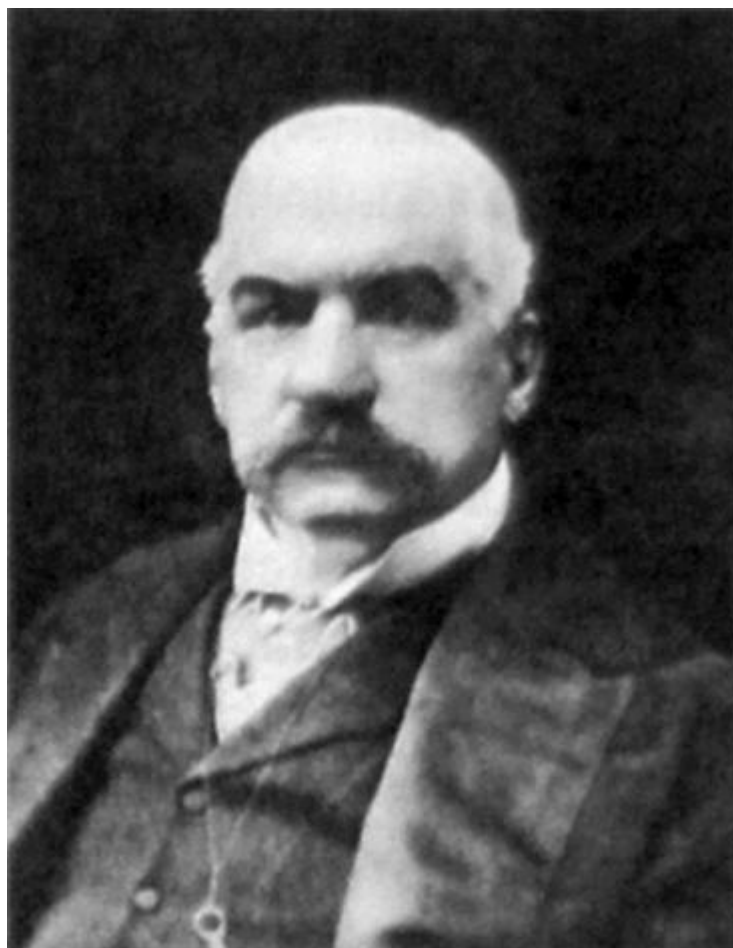

Рис. 3. Джуниус Пирпойнт Морган, могущественнейший банкир в период перед Первой мировой войной. Именно он стоял за созданием в 1913 году частной Федеральной резервной системы, события, которое сделало возможным вступление США в европейскую войну, чтобы спасти деньги Моргана, выданные в качестве займов Франции и Великобритании.

Весьма удобной для Моргана, Рокфеллера, Карнеги и богатейших семей, которые ради обретения миллиардных прибылей настаивали на вступлении в европейскую войну, оказалась 16 поправка к Конституции США, принятая в 1913 году, в тот самый год, когда Вильсон подписал Закон о ФРС. Богатейшие семьи уходили от налогов, скрывая свои состояния в новых свободных от налогообложения «благотворительных» фондах, таких, как Фонд Рокфеллера, созданный в том же году, когда был введен подоходный налог. Принятие широкого налога на прибыль позже позволит Уолл-Стрит финансировать войну с помощью выпуска специальных облигаций Министерства финансов США, так называемых «Облигаций свободы», погашение которых будет обеспечиваться налогоплательщиками, рядовыми гражданами, которые в войну были призваны сражаться и умирать в окопах Франции, «чтобы сделать мир безопасным для демократии», или лучше сказать, безопасным для «Торгового дома Моргана».

Морган служил для правительства Его Величества в качестве посредника в организации закупок боеприпасов, оружия, обмундирования, химических веществ, словом, всего того, что было необходимо для ведения современной войны в 1914 году. В качестве финансового агента правительства Великобритании «Дж. П. Морган и К^о» не только организовывала финансирование военных закупок и решала, какие компании будут поставщиками, но и устанавливала цены на эти поставки. Не удивительно, что корпорации, входящие непосредственно в группу компаний Моргана и Рокфеллера стали главными бенефициарами хитроумной закупочной деятельности Моргана.^{131}

Британское военное министерство спросило нового главу «Дж. П. Морган и К^о» Дж. П.

Моргана-младшего (который сменил на этом посту своего отца, умершего в 1013 году), как отреагирует президент Вильсон на такие, очевидно партизанские действия наиболее престижного американского банка – открытую помощь Британии в войне. Морган, по слухам, ответил, что это определённо не смутит исповедующую нейтралитет администрацию, поскольку бизнес Моргана с британским Военным министерством, а позже и французским правительством является коммерческим предприятием для расширения торговли, а не политическим или дипломатическим. В январе 1915 года Морган встретился с президентом Вильсоном в Белом доме, чтобы обсудить вопросы сотрудничества Моргана и Британии, и Вильсон подтвердил, что у него нет никаких возражений против каких-либо действий группы Моргана или других «в целях содействия торговле». ^{132}

Торговле это поспособствовало, как никогда ранее. В 1915 году, на начало Первой мировой войны в Европе, «Е. И. Дюпон де Немур и К°» в Делаваре получила от Британии 100 миллионов долларов через «Дж. П. Морган и К°», чтобы расширить своё подразделение, производящее взрывчатые вещества. За несколько месяцев «Дюпон» вырос из мелкой и никому неизвестной компании во флагман международной индустрии. «Эркуль Поудер» и «Монсанто Кемикал Компани» выросли соответственно. Металлургическая промышленность расцветала. За три года цены на чугун выросли на 300% с 13 долларов за тонну в 1914 году до 42-х в 1917-м. «Бетлеем Стил», «ЮЭс Стил», «Вестингауз Электрик К°», «Ремингтон Армс», «Кольт Файрармс» имели огромные заказы. Прибыли только «ЮЭс Стил» подскочили с 23 миллионов долларов в 1914 году до 224 миллионов в 1917-м. Между 1914 годом и 1917-м чистый доход «Анаконда Коппер К°» Уильяма Рокфеллера вырос с 9 миллионов долларов до 25 миллионов. Активы «Фелпс Додж и К°» (тот самый Додж, который привёл Вильсона в Белый дом) выросли на 400% с 59 миллионов долларов в 1914 году до 241 миллиона в 1918-м. ^{133}

Только в 1916 году американская индустрия (несмотря на официальный государственный нейтралитет) экспортировала военного оборудования и боеприпасов в Англию и Францию на астрономическую сумму 1290 миллионов долларов. Накануне вступления США в Первую мировую войну «Дж. П. Морган и К°» организовала экспорт военной техники английскому, французскому, а позже итальянскому правительствам на 5 миллиардов долларов, которая вся была куплена на кредит, организованный самой «Дж. П. Морган и К°». Такая сумма, эквивалентная 90 миллиардам современных долларов, никогда ещё ранее не проходила через руки частной банковской группы.

Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать крупный банковский кризис, чреватый невозвратом кредитов. В апреле 1915 года, за два года до вступления Америки в войну, партнёр Дж. П. Моргана Томас В. Ламонт произнёс знаковую, но оставшуюся малоизвестной речь перед Американской Академией социальных наук в Филадельфии. Ламонт рассказал академической аудитории о той огромной прибыли американской индустрии, которую она получает, финансируя и снабжая боеприпасами и военной техникой Британию и её союзников в Европе. Ламонт с удовлетворением отметил, что Дж. П. Морган и его дружки с Уолл-Стрит получают ещё большую прибыль, если война продолжится, как можно дольше. Он с энтузиазмом рассказывал о выгодах войны:

«...Из должников мы превращаемся в кредиторов... Мы накапливаем огромный экспортный торговый баланс... Многие наши фабрики и торговцы сделали удивительный бизнес на товарах, связанных с войной. Военные заказы, достигающие сотен миллионов долларов, были столь внушительны, что сейчас их эффект распространяется на весь бизнес в целом... Кульминационный момент всего этого развития в том, что Америка становится крупным фактором на международном рынке кредитов».

Международные кредиты правительствам – заветная область деятельности Моргана, именно они превратятся в послевоенный период в геополитическое оружие потрясающего размаха. Ламонт торжествует дальше:

«Что нас ждёт в будущем? Многие люди, кажется, верят, что Нью-Йорк должен заменить Лондон в качестве мирового валютного центра. Для того чтобы стать мировым

валютным центром, мы должны, конечно, стать торговым центром мира. Это, безусловно, возможно...».

Разъясняя, как такое может произойти, и какие конкурирующие государства Морган со товарищи рассматривают как угрозу глобальному господству США, Ламонт прямо предупредил:

«Этот вопрос торгового и финансового превосходства должен определяться несколькими факторами, ключевым из которых является продолжительность войны. Если... эта война закончится в ближайшее время., мы, вероятно, обнаружим, что Германия, чья экспортная торговля сейчас почти полностью заблокирована, вернется к жёсткой конкуренции очень быстро».

Затем Ламонт особо сосредоточился на финансовых последствиях войны:

«Третий фактор, и он тоже зависит от продолжительности войны, состоит в том, станем ли мы кредиторами иностранных государств в по-настоящему больших масштабах... Станем ли мы кредиторами этих иностранных государств в реально колоссальных масштабах? Если война продлится достаточно долго, чтобы стимулировать нас занять такую позицию, тогда мы неизбежно станем государством-кредитором вместо государства-должника, и такое развитие рано или поздно приведет к тому, что доллар заменит фунт стерлингов в качестве международной основы обмена».^{134}

В этой экстраординарной речи, послушно проигнорированной национальными средствами массовой информации, партнёр Моргана Ламонт обрисовал стратегию Моргана со товарищи не только для войны, но также на послевоенный период, вплоть до начала Второй мировой войны.

Война стала невероятным благом для бизнеса, особенно для «Дж. П. Морган и К^о» и её приближенных военных промышленных компаний. Она была настолько хороша для них, что через двадцать лет в 1934 году сенатор Джеральд Най от Прогрессивной Республиканской партии, Северная Дакота, провёл слушания, чтобы расследовать роль военной и финансовой индустрии в вовлечении США в Первую мировую войну.

Най назвал военную индустрию «торговцами смертью». Особенно он критиковал «Дюпон» и прочих крупных химических и военных продавцов, обвиняя их в том, что они хотели отдать в жертву американских солдат, чтобы получать всё большие прибыли с продаж. Окончательный доклад сенатора Ная в 1936 году завершался следующим:

«Исследованные американские военные компании иногда прибегали к таким необычным подходам, сомнительным льготам и комиссиям, а также методам «делать всё необходимое», которые представляют собой, по сути, подкуп иностранных правительственных чиновников или их близких друзей, чтобы обезопасить свой бизнес».^{135}

Война «сделает мир безопасным» для Моргана

С точки зрения Ламонта и его друзей, «необычные подходы» во время войны прекрасно поработали на них. Затем в конце 1916 года и первые месяцы 1917 года их будущее внезапно обернулось катастрофой. В феврале 1917 года русский царь отрекся от престола, поскольку уставшая от войны армия взбунтовалась в Санкт-Петербурге (Петрограде). Командование российской армии не смогло подавить мятеж. Если бы Россия вышла из войны, Германия больше бы не вела разрушительные боевые действия на два фронта и получила бы возможность сосредоточить свои силы на Западном фронте.

Имея более 1 500 000 000 долларов прямых военных кредитов, выданных Британией, Францией, Россией и Италией, и договора на поставку военного оборудования в воюющие страны в Европе на 5 миллиардов долларов, Морган со товарищи забеспокоились о том, что может произойти немыслимое, и Германия выиграет войну.

Русский фронт против Германского Рейха развалился, а большевики под руководством В.И. Ленина были готовы захватить власть и вывести Россию из войны. В рискованной игре,

финансируемой германским генералитетом, немцы решили переправить Ленина и большевистскую верхушку, на тот момент находившихся в эмиграции в Швейцарии, в специальном запечатанном вагоне по железной дороге в Россию, а вместе с ними и достаточное количество золотых слитков, чтобы подкрепить революцию против царя.^{136} Немцы надеялись таким образом получить враждебный англо-французскому союзу режим, который был бы готов подписать сепаратный мир с Германией. Так и произошло, но очень дорогой ценой.

Франция была уже ослаблена, но Британия, готовясь к мошенническому разделу ещё непочатых нефтяных сокровищ Месопотамии, отклоняла все её просьбы о военной поддержке даже несмотря на то, что британская армия держала миллион солдат под британским флагом на Ближнем Востоке, которых вполне можно было бы перебросить на помощь союзнице. После заключения перемирия на русском фронте Германия получила возможность перегруппировать свои силы для окончательного прорыва линии Мажино по всей Франции.^{137}

Послом Вильсона в Лондоне в тот момент был Уолтер Хайнс Пэйдж, который до того, как получить назначение к королевскому двору Великобритании, был попечителем Генерального образовательного совета Рокфеллера. 1 марта 1917 года посол Пэйдж послал президенту Вильсону конфиденциальную телеграмму, в которой он заявлял:

«Я думаю, что давление этого надвигающегося кризиса вышло за рамки способности Финансового агентства Моргана [удовлетворить] британское и французское правительства. Запрос становится слишком большим и срочным, чтобы с ним могло справиться частное агентство...».

Пэйдж добавил, что перспективы Европы «тревожны» для американских промышленных и финансовых интересов:

«Если мы должны вести войну с Германией, величайшей помощью, которую мы можем предоставить союзникам, мог бы стать такой кредит. В этом случае наше правительство может, если это произойдет, сделать крупную инвестицию во франко-британский заём или может гарантировать такой заём...».

Чтобы абсолютно увериться, что Вильсон правильно понял, куда клонит Пэйдж, он затем делает вывод:

«Если мы не вступаем в войну с Германией, конечно, мы не можем сделать такое прямое предоставление кредита...».

И добавляет, что альтернативой войне станет крах внутренней американской экономики и финансовой структуры.^{138}

Через 4 недели после тревожного письма Пэйджа Вудро Вильсон, который переизбирался в 1916 году под антивоенным лозунгом, в апреле 1917 года вверг Америку в Первую мировую войну. Он предстал перед Конгрессом с запросом о формальном объявлении войны Германии, приводя в качестве обоснования возобновившиеся атаки немецких подводных лодок на торговые суда США и других нейтральных стран, направляющихся в порты Англии и Франции. Конгресс подавляющим большинством голосов дал ему эти полномочия, за исключением нескольких голосов «против», принадлежащих принципиальным сторонникам нейтралитета, в том числе сенатору Роберту Лафоллету из штата Висконсин.^{139}

Министерство финансов США через недавно созданную ФРС, чей Нью-йоркский Федеральный резервный банк возглавлял ставленник Моргана Бенджамин Стронг, приступили к сбору беспрецедентных сумм от продажи населению так называемых «Облигаций свободы». С первых же шагов «Дж. П. Морган и К^о» выручила 400 миллионов долларов, что покрывало долги Великобритании перед Морганом. Иными словами, Вильсон использовал американских налогоплательщиков, чтобы таскать для Моргана большие каштаны из огня.

С момента своего официального вступления в европейскую войну в апреле 1917 года и до подписания окончательного перемирия с Германией 11 ноября 1918 года правительство

США ссудило европейским союзным державам 9 386 311 178 долларов, сумму, которую Ламонт назвал «реально колоссальной». Британия получила львиную долю – 4 136 000 000 долларов, Франция – 2 293 000 000.

Обеспечение облигаций всеми доходами и заимствованиями эмитента США, поддержанное новой ФРС, было мобилизовано, чтобы нанести поражение Германии. Эти 9 миллиардов долларов, однако, не попали ни в Лондон, ни в Париж. Вместо этого пошли непосредственно в американскую промышленность, преимущественно тем, кто был связан с группой Моргана, Куном и Лёбом или Рокфеллерами для уплаты по союзническим военным поставкам.^{140} Морган ничего не упускал из виду.

Чтобы продать скептической американской общественности разворот своей политики на 180 градусов и мобилизовать широкую поддержку войны с Германией, Белый дом Вильсона создал самую впечатляющую пропагандистскую машину, которой мир ещё не видывал.

В апреле 1917 года Вудро Вильсон создал Комитет общественной информации, чтобы рекламировать гражданам войну и освещать американские военные цели за рубежом. Под руководством друга Вильсона журналиста Джорджа Крила Комитет комбинировал рекламные техники с изощрённым знанием человеческой психологии. Впервые правительство распространяло пропаганду в таком большом объёме. Это стало в полном смысле предвестником мира, описанного Джорджем Оруэллом в его книге «1984».

Крила ввёл в Комитет общественной информации один из проницательнейших пропагандистов того времени, молодой натурализованный американец из Вены по имени Эдвард Бернейс. Бернейс привез с собой глубокие знания новой отрасли человеческой психологии, которая ещё не была переведена на английский язык. Он был племянником и литературным агентом австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда в Америке.

Сочетая вьедливую и неприятную журналистскую манеру Крила и фрейдистский психологический подход Бернейса (с его анализом бессознательного), правительственный Комитет общественной информации вывалил на ничего не подозревающую американскую публику потоки расчётливой лжи и шовинистических эпитетов, которые демонизировали немцев, сопровождая этот процесс картинками, как немецкие солдаты накалывают на штыки бельгийских детей. И это был далеко не единственный образчик выдуманных на скорую руку злодеяний. Эти образы и символы постоянно вбрасывались средствами массовой информации, чтобы загнать американскую общественность в состояние военного угара против Кайзеровской Германии, которая на тот момент не представляла никакой угрозы для США.

Комитет стал, фактически, цензором военного времени. Ссылаясь на угрозу немецкой пропаганды, скрывающейся в антивоенных высказываниях, Комитет общественной информации применял «добровольные руководящие принципы» в новостных медиа и сыграл важную роль в проведении через Конгресс Закона и шпионаже в 1917 году и Закона о подстрекательстве в 1918-м. Радикальные газеты, например, социалистическая «Призыв к разуму»⁹, были закрыты по причине ограничений инакомыслия в военное время.

Крила и Бернейса подключил к работе в Комитете общественной информации журналист-англофил и близкий советник Вильсона Вальтер Липпманн. Молодой выпускник Гарварда Липпманн в своё время был принят на работу в качестве связного между группой Моргана на Уолл-Стрит и британским тайным обществом Круглого стола, которое со дня своего основания в 1909 году агитировало Англию готовиться к войне против Германии.^{141}

Выходящая два раза в неделю колонка Липпманна в нью-йоркской газете «Херальд Трибюн» перепечатывалась в сотнях местных газет по всей Америке, что сделало его влиятельнейшим пробританским рупором в стране. Его статьи оказали решающее влияние на образованный средний класс, сектор, который традиционно имел тенденцию к нейтральным или антивоенным настроениям.

⁹ Appeal to Reason

Но именно уникальный извращенный гений Бернейса сплавил воедино психологию толпы и методы средств массовой информации, чтобы с размахом манипулировать определёнными человеческими эмоциями. Он изучил эти ключи к влиянию на человеческое поведение в работах своего дяди – Зигмунда Фрейда.

С размахом применяя эти озарения, Комитет общественной информации всего за несколько месяцев достиг экстраординарных результатов, умело направив американскую общественность в пучину массовой военной истерии. Благодаря развернувшемуся в полную силу гению Бернейса фрейдистское представление о человеческой природе было скомбинировано с тем, что позже назовут техникой лживой рекламы с Мэдисон-Авеню¹⁰. Результаты были поставлены Комитетом на службу разжиганию военных настроений. Изучив варианты путей, которыми информация достигает населения, Комитет общественной информации заполнил эти каналы психологически «нагруженной» военной пропагандой.

Внутренний отдел Комитета общественной информации состоял из 19 подразделений, каждое из которых фокусировалось на определённом типе пропаганды. Отдел новостей как первичный проводник связанной с войной информации рассылал тысячи пресс-релизов, чтобы обеспечить местные выпуски новостей. Комитет позже подтвердил, что свыше 20 тысяч газетных статей еженедельно были заполнены материалами из подобных релизов. Комитет общественной информации также создал Отдел синдицированных статей, чтобы нанимать ведущих писателей (романы, рассказы, эссе). Их работа состояла в том, чтобы представлять обычным американцам войну в легкодоступном виде. Каждый месяц ихopus достигали приблизительно двенадцати миллионов человек.^{142}

Отдел гражданской и образовательной кооперации Комитета включал филологов-англофилов, которые штамповали памфлеты с заголовками «Немецкие шепотки», «Немецкие военные обычаи» и «Завоевание и культура». Это была неприкрытая пропаганда. Более уважаемые философы, такие как, Джон Деви и Липпманн, были нацелены более искусственную публику. Каждый срез населения насыщался точно настроенной пропагандой.^{143}

Отдел изобразительной рекламы Комитета состоял из наиболее талантливых иллюстраторов и карикатуристов. Газеты и журналы щедро предоставляли рекламные места, и уже было невозможно встретить периодическое издание без продукции Комитета общественной информации. Внушительные плакаты в патриотических цветах были расклеены на придорожных щитах по всей стране. Яркие комиксы рекламировали продажу американцам «Облигаций свободы». Изображения звезднополосатого доброго Дяди Сэма обрушивались на молодежь с лозунгом «Дядя Сэм нуждается в тебе!». Образ оказался настолько удачен, что получил вторую жизнь не только как пример военной пропаганды, но и как символ американской поп-культуры.

Отдел фильмов обеспечивал военную пропаганду в кино. Комитет общественной информации создал национальный корпус добровольцев под названием «Люди четырёх минут», численность которого насчитывала до 75 тысяч энергичных волонтеров, чья работа состояла в появлении в качестве уполномоченных представителей правительственного Комитета общественной информации в начале каждого фильма и произнесении четырёхминутной зажигательной речи в поддержку войны, «Облигаций свободы» и тому подобного. Это было невероятно эффективно.^{144}

В 1917 году редакционная статья «Моушен Пикчер Ньюс» провозгласила, что «каждый работающий в этой индустрии желает сделать свой вклад», и пообещала, что «через слайды, ракорды и анонсы фильмов, плакаты и публикации в газетах они будут распространять пропаганду столько, сколько будет необходимо для немедленной мобилизации огромных ресурсов страны». Американские кинотеатры наполнили фильмы с названиями, типа, «Кайзер: чудовище Берлина», «Хищники культуры» и «Крестоносцы Першинга». Один из

¹⁰ Проспект в Нью-Йорке, центр американской рекламной индустрии.

них, «В ад с кайзером», был настолько популярен, что массачусетской полиции по охране общественного порядка пришлось вмешаться, чтобы рассеять озлобленную толпу, которой не удалось попасть на просмотр.^{145}

Поскольку пропагандисты пытались подменить процесс мышления другого человека своим собственным продуктом, искренним логическим аргументам они предпочитали косвенные сообщения. Во время войны Комитет общественной информации делал это, выдавая расчётливые эмоциональные обращения, демонизируя Германию, связывая войну с идеалами различных социальных групп и не брезгуя при необходимости прямой ложью.

Обращение к базовым эмоциям

Пропаганда Комитета последовательно обращалась к эмоциям, не к разуму, что являлось в огромной степени следствием влияния бернейсовской адаптации идей Фрейда. Эмоциональная агитация стала любимой техникой стратегов Комитета общественной информации, которые поняли, что при помощи квалифицированной манипуляции любая эмоция может быть «выпущена» и перенаправлена на любую другую деятельность. Статья, опубликованная в «Сайнтифик Монзли» сразу после войны, доказывала, что

«подробное описание страданий маленькой девочки и её котенка может стимулировать нашу ненависть к немцам, пробудить наше сочувствие к армянам, сделать нас энтузиастами Красного Креста или вынудить нас жертвовать деньги на дома для кошек».

Комитет общественной информации изобрел лозунги военного времени, вроде: «Истекающая кровью Бельгия», «Преступный Кайзер», «Сделаем мир безопасным для демократии». Типичный пропагандистский плакат рисовал агрессивного немецкого солдата со штыком и надписью сверху «Отобьемся от этого гунна с Облигациями свободы». То есть возбуждённые эмоции ненависти и страха преобразовывались в жертвенный порыв внести свои деньги на военные нужды.

После войны в одном социопсихологическом анализе значения пропаганды в течение войны, Харольд Лассвел из Чикагского Университета заметил, что причиной проигрыша немецкой пропаганды в Америке стал именно упор на логику, а не на эмоции. Немецкий дипломат граф фон Бернсторф сделал такое же наблюдение с другой точки зрения:

«Выдающаяся особенность среднего американца – довольно большая, хотя и поверхностная сентиментальность».^{146}

Германские заявления для прессы полностью упустили этот факт. Бернейс и Комитет общественной информации использовали его на полную катушку.

Ещё одна пропагандистская техника, используемая Комитетом, заключалась в абсолютной демонизации врага. Как подчеркивал Лассвел:

«Психологическое сопротивление войне в современных государствах настолько велико, что каждая война должна казаться оборонительной против грозного, смертельно опасного агрессора. Нельзя допускать никакой двусмысленности в том, кого должна ненавидеть общественность».^{147}

Памфлеты Комитета общественной информации рисовали немцев как развращенных жестоких агрессоров. В одной из публикаций Комитета профессор Верной Келлог вопрошал:

«Будет ли удивительно, если после войны люди мира, когда признают в каком-либо человеке немца, будут прижиматься к стене, чтобы только не коснуться его, пока он проходит мимо, или нагнутся за камнями, чтобы заставить его уйти с их дороги?»^{148}

Чрезвычайно эффективной стратегией демонизации немцев являлось использование кровавых историй. Лассвел пишет:

«Удобным правилом для разжигания ненависти, если сначала они не приводят в ярость, является использование [образов] злодеяний. Этот [приём] пользовался неперменным успехом в каждом из конфликтов, известных человечеству».

Невероятные истории о немецком варварстве в Бельгии и Франции питали миф об

уникальной германской дикости. Немецкие солдаты, как рассказывала миру пропагандистская машина Комитета общественной информации, развлекали себя, отрезая руки бельгийским младенцам. Ещё одна часто повторяемая история рассказывала, как немецкие солдаты ампутировали у бельгиек груди просто от злобы.

В 1927 году Лассвел написал обширное исследование, книгу «Пропагандистские техники в Мировой войне», детально анализируя работу Крила, Липпманна и Бернейса. Он разделял их убеждение, что при демократии не стоит верить в то, что население будет действовать так, как желала бы элита. Его эмоциями нужно манипулировать, чтобы оно действовало, как нужно.

После войны Эдвард Бернейс подтвердил, что его коллеги придумывали предполагаемые зверства, чтобы спровоцировать общественное возмущение против немцев. Некоторые из жестоких историй, которые циркулировали в течение войны, например, история о ведре, наполненном глазами яблоками, или о семилетнем мальчике, который сопротивлялся немецким солдатам с деревянным пистолетом, были на самом деле адаптированы из описаний вымышленных злодеяний, использованных в прошлых конфликтах.

В своей работе о пропаганде военного времени Лассвел заявил, что истории о зверствах будут всегда популярны не только потому, что аудитория может выразить праведное негодование по отношению к врагу, но также и потому, что она в определённой степени себя отождествляет и с теми, кто совершает преступления. Он пишет:

«Молодая женщина, изнасилованная врагом, доставляет тайное удовлетворение армии нежных насильников по ту сторону барьера».^{149}

Таков был развёрнутый взгляд на человеческую природу, разделяемый и пропагандируемый Фрейдом, Бернейсом, всей Мэдисон-Авеню, военными спекулянтами, вашингтонским Комитетом общественной информации и кругом Моргана на Уолл-Стрит.

Чтобы сделать пропагандистский эффект полным, правительственный Комитет общественной информации ввёл массовую замену таких вошедших в обиход немецких слов, например словосочетание «либерти стейк» заменило «гамбургер», что напоминает известное переименование времен бушевской администрации картофеля «френч фри» во «фридом фри» из - за яростной оппозиции Франции началу боевых действий в Ираке. Квашеная капуста «зауэркраут» стала подобно гамбургеру «свободной капустой», а широко известный «немецкий молочно-шоколадный напиток» стал «голландским». Мирные и патриотичные американские немцы в разных уголках страны жили в страхе перед нападением на них толпы или организованных банд только за то, что они этнические немцы.

Экстраординарные техники массовой манипуляции сознанием в течение Первой мировой войны сильно поспособствовали трансформации Америки в демократию «только для вида», управляемую плутократической элитой в своих собственных интересах.

В 1928 году Бернейс опубликовал удивительно откровенную статью, озаглавленную без затей «Пропаганда». В ней он провозгласил:

«Конечно, именно поразительный успех пропаганды в течение войны открыл глаза некоторым образованным людям... на возможности управлять общественным сознанием... Американское правительство разрабатывало новые техники... Манипуляторы патриотического настроения используют ментальные клише и эмоциональные особенности публики, чтобы вызывать массовые реакции против предполагаемых злодеяний, террора и тирании врага. Вполне естественно, что после окончания войны эти образованные люди зададутся вопросом, возможно ли применять сходные техники, чтобы решать проблемы мирного времени».^{150}

Это всё оказалось тоже возможно.

Бернейс приступил к созданию новой профессии, которую назвал «отношения с общественностью»¹¹. В книге, которую он редактировал после Второй мировой войны,

¹¹ Англ. public-relations

Бернейс упоминает свою работу как «рукотворное конструирование согласия». ^{151} Творением рук Бернейса стали рекламное дело Мэдисон-Авеню и её изощрённые техники создания неосознанного и навязчивого желания купить конкретный продукт, включая сигареты, дорогую женскую обувь, косметику, автомобили и вообще всё, что клиент пожелает продать, даже политических деятелей. Он удостоился титула «отец интерпретаций ¹²», техники манипуляций реальностью с определённой целью продать неважно что: политические решения или слоновую кость. ^{152}

Со своей исключительной пропагандистской машиной Комитета общественной информации администрации Вильсона, разжигающей военную истерию среди американцев Дж. П. Морган и его друзья из финансовых кругов Уолл-Стрит резко расширили объёмы своего прибыльного бизнеса. Уолл-Стрит и связанная с Морганом промышленность поставляла частное финансирование, военную технику и боеприпасы Британии, Франции и Италии. Их операции теперь были гарантированы правительством США и практически безграничными возможностями вновь созданной Федеральной резервной системой банков, чтобы застраховать те непомерные риски, на которые шли Морган и частные банкиры Денежного треста.

Невероятная стоимость войны

После пяти мрачных лет войны человеческие потери и разрушения были неизмеримы. Официальные статистические данные правительства показали, что число смертей в «войне, которая положит конец всем войнам» (прямых или косвенных безвозвратных потерь) составило в целом от 16 до 20 миллионов, из которых свыше 7 миллионов военнослужащих и более 10 миллионов погибших среди гражданского населения.

Главнокомандующего американских экспедиционных сил в Европе, генерала Джона Першинга с восторгом встречали в Нью-Йорке торжественным конфетти-парадом, подобно тому, как встречали когда-то Императора Цезаря, возвращавшегося из победоносного похода с богатой добычей из завоеванных государств. ^{153} Но в данном случае добро павших стран Европы досталась не генералам, а «Дому Моргана» и инвестиционным банкирам Уолл-Стрит. Морган и Уолл-Стрит держали под жёстким контролем покупку и продажу «Облигаций свободы» и других долговых обязательств, выпущенных новой ФРС, весь механизм, с помощью которого правительство финансировало своё участие в Первой мировой войне.

Стоимость войны в денежном выражении для всех сторон, вовлеченных в конфликт, достигла ошеломляющих 186 миллиардов долларов США. Из них Германия вложила около 39 миллиардов против 123 миллиардов, вложенных США и союзными державами. Одним только США война стоила колоссальную сумму в 22 миллиарда за два года активных военных действий. ^{154}

На момент подписания Версальского договора 28 июня 1919 года Британская империя (включая Индию, Канаду и Содружество наций) вложила в ведение войны против Германии и её союзников из центрально-европейских государств 11 миллиардов фунтов стерлингов или 54 миллиарда долларов США. Если равномерно распределить эту сумму на 6 финансовых лет с 31 марта 1914 до 31 марта 1920 год, то фактические расходы британского правительства превысили совокупные расходы за предыдущие 225 лет или два с четвертью века до 1914 года.

¹² Англ. spin – манипуляция фактами, общественным мнением с определённой целью, последующие комментарии к речам высших политических деятелей с целью сокрытия их промахов в формулировках или затемнения озвученной информации.

Британское население оплатило 36% военных расходов в форме налогов, оставшиеся 64% пришлось на займы, в основном, у правительства США через посредничество ФРС. Накануне Первой мировой войны в 1914 году национальный долг Британии составлял всего лишь 711 миллионов фунтов стерлингов, только 5% от общего национального состояния страны. В конце войны национальный долг взлетел до 8,2 миллиардов фунтов, всего за 6 лет взвинтив национальный долг в 1159 раз.

Это был конец Британской империи как банковской метрополии мира. Точно как предсказывал в 1915 году Томас Ламонт, Англия захлебнулась своими военными долгами. ^{155} Государственный долг США возрос на 2500% в течение войны: с 1 миллиарда долларов в 1913 году до более чем 25 миллиардов в конце 1919-го. Долг финансировался продажей через ФРС государственных облигаций частным посредническим банкам во главе с Дж. П. Морганом, Куном, Лёбом и Уолл-Стрит, и к немалому профиту последних. ^{156}

Проблемой для Моргана, Рокфеллера и Уолл-Стрит оставалась неготовность остальной Америки подхватить имперские одеяния Великобритании. Это потребует немного больше работы, много изобретательности янки, а также второй мировой войны и значительного разрастания пропагандистской машины.

Важнейшим для финансовых кругов было то, что Первая мировая война изменила статус США. Как и предсказывал Ламонт, страна превратилась из государства-должника в крупнейшее в мире государство-кредитор, роль, которую раньше играла Англия.

В течение войны мировой рынок банковских акцептованных векселей (форма краткосрочного банковского кредитования, существенная для международной торговли) переместился из Лондона в Нью-Йорк. Бывший вице-председатель и, собственно, архитектор ФРС банкир Пол Варбург вернулся в «Кун, Лёб и К^о» и стал влиятельнейшим оператором акцептованных векселей в мире. Одна из основных целей тех, кто стоял за созданием ФРС, – замещение Лондона в качестве мирового валютного рынка – была достигнута.

Золотой стандарт всё ещё оставался базисом международного валютного обмена. Теперь возглавляемая нью-йоркскими банками небольшая группа международных банкиров, владеющая золотом, контролировала валютную систему западных государств.

В декабре 1919 года банкиры Нью-Йорка провели через Конгресс поправку к Закону 1913 года о Федеральной резервной системе, так называемую Поправку Эджа. Эта небольшая поправка позволяла создавать специальные явные финансовые институты для того, чтобы

«участвовать в международном или иностранном банковском деле или других международных или иностранных финансовых операциях, включая сделки в золоте или золотых слитках, и владеть акциями в иностранных корпорациях».

Комментируя поправку, экономист Принстонского Университета профессор Э.В. Кеммерер заметил:

«Федеральная резервная система оказывает большое влияние в интернационализации американской торговли и американских финансов».

Кеммерер, который сыграл ключевую роль в интернационализации нью-йоркских банков в 1920-х годах, знал, о чем говорит. Именно точно поэтому Дж. П. Морган, Варбург, Рокфеллер и прочие из Денежного треста на Уолл-Стрит прошли столь долгий путь, чтобы создать частную Федеральную резервную систему. Отныне ФРС будет определять мировую политику в течение многих лет после окончания Первой мировой войны в 1919 году, и это влияние будет значительным.

Глава 5

Золото и соперничество империй

«Заложенная под мировую экономическую систему мина становится явной для глаз... Очевидно, почему европейский кризис так долго задерживается. Они подписали дутовый вексель "А", чтобы оплатить "Б" и свой внутренний дефицит. Я не знаю, был ли я когда-либо более шокирован».

– *Президент Говард Гувер по поводу кризиса 1931 года*

Конгресс обнаруживает Денежный трест

Невозможно сказать, был бы Джуниус Пирпонт Морган, проживи он в здравом уме и трезвой памяти до конца 1920-х годов, доволен политикой «Дома Моргана» после своей смерти в 1913 году. Морган умер, немного не дожив до момента, когда ФРС распахнула свои двери в 1914 году. «Уолл-Стрит Джорнэл» в феврале 1912 года описывала степень персонального авторитета 75-тилетнего Моргана:

«Ситуация, что сложилась на Уолл-Стрит за последние 15 лет, является значительным творением одного единственного человека, и авторитет, который сконцентрирован в руках 75-тилетнего мистера Моргана не является чем-то, что может быть передано по наследству. Такие люди не имеют наследников, и их труды либо остаются незавершенными после их смерти, либо мир вместо них изобретает другие способы и новые деяния».

Морган умер через несколько месяцев после того, как его вызвали давать показания на слушаниях Банковского комитета Пуджо в Палате представителей по обвинению в монопольной практике в финансовой сфере. Средства массовой информации высмеивали его утверждение, что личный характер человека является важнейшим показателем кредитоспособности, и осуждали Моргана как главу всемогущего Денежного треста.^{196} Эти обвинения были точнее, чем представляли себе Конгресс и большинство американцев.

После смерти Моргана в марте 1913 года «Дж. П. Морган и К^о» перешла в руки наследников из числа партнёров, включая Генри П. Дэвидсона, Уилларда Страйта (который умер во время мирных переговоров в Версале), Томаса В. Ламонта, а позже Дж. П. Моргана-младшего.

Банк продолжал связывать судьбу Уолл-Стрит и американскую экономику, в которой он господствовал, с будущим Англии после окончания войны. С помощью различных финансовых хитросплетений «Дж. П. Морган и К^о» последовательно разрабатывал американскую финансовую империю, чтобы окончательно заменить Лондон в его довоенной роли как мировой финансовой сверхдержавы. «Дж. П. Морган и К^о», финансовые группы Рокфеллера и крупные инвестиционные банки Уолл-Стрит, такие, как «Кун, Лёб и Диллон», «Рид», были ведущими игроками в этих событиях.

Запутанная деятельность «Дома Моргана», подкрепляемая только что созданной подконтрольной ему ФРС, несла в себе огромные проблемы для США и, в конечном итоге, всего мира.

Поразительно похоже на разворачивающийся в 2007-2008 годах глобальный финансовый кризис, после 1919 года мировое кредитование выстроилось на пирамиде весьма сомнительных долгов, на вершине которой восседали «Дом Моргана» и финансовые учреждения Уолл-Стрит. Почти вся Европа и все развивающиеся страны от Боливии до Польши были увязаны в эту кредитную пирамиду. В 1929–1931-х годах эти инициированные Морганом кредитные связи с Европой и всем миром начали рассыпаться, как картонный домик, превращая управляемый крах американской фондовой биржи в худший в американской истории дефляционный кризис и ускоряя глобальную депрессию.

Центральную причину коллапса мировой экономики почти не понимали и не обсуждали ни тогда, ни десятилетиями позже. Истинные корни Великой депрессии 1931–1938 годов лежат не в переоцененном фондовом рынке Нью-Йорка и его последующем

крахе. Скорее фундаментальной причиной глобальной депрессии и банковского кризиса начала 1930-х, а также движущей силой фондового пузыря, в первую очередь, была неверно понятая попытка «Дома Моргана» и банковского истеблишмента Уолл-Стрит заменить лондонский Сити Нью-Йорком в качестве центра мировых финансов. Золото сыграет решающую роль в этой попытке.

Внутри нью-йоркского Денежного треста имелись различные точки зрения о том, как довести до конца этот валютный мятеж. Однако существовало полное единство по поводу цели стать мировым финансовым центром, заменив в этом значении Лондон.

Фракция Моргана обрела большую часть своего огромного могущества в США с 1870 - х годов благодаря тесным связям с ведущими лондонскими финансовыми группами и прежде всего – с «Домом Ротшильдов». Поэтому в качестве оптимального пути к победе Американского века Морган отдавал предпочтение стратегии альянса (форма «особых отношений») между слабеющим лондонским Сити и набирающей силу Уолл-Стрит. Связи Дж. П. Моргана с лондонским Сити и британским Министерством финансов были столь крепки, что его банк оставался официальным финансовым агентом британского правительства в США с 1870 - х годов вплоть до сентября 1913 года, когда Англия отказалась от золотого стандарта несмотря на возражения «Дж. П. Морган и К°». Влиятельный управляющий ФРС Бенджамин Стронг был жёстко привязан к моргановской стратегии альянса с Лондоном.^{197}

Прочие с Уолл-Стрит, в частности «Диллон, Рид и К°» и их влиятельный консультант Эдвин Кеммерер, имели свою точку зрения. В 1920- х годах Кеммерер сыграл ключевую роль в реорганизации мира под новый золотой стандарт, правила в котором задавали США. Эта фракция соглашалась, что развивающаяся неформальная американская империя, основанная на превосходстве золотых резервов США и банков Уолл-Стрит, должна окончательно и бесповоротно вытеснить Британию и стать лидирующей глобальной силой. Однако Кеммерер и другие в его окружении не видели особой необходимости быть столь обходительными с лондонским Сити или Британией, как это делал «Дом Моргана». По мнению Кеммерера, Морган со своим влиятельным лондонским подразделением «Морган Гренфелл» и тесными связями в Банке Англии был, вероятно, слишком привязан к лондонским интересам, чтобы проводить подлинно американскую стратегию.^{198}

Все основные фракции Уолл-Стрит тем не менее соглашались, что их будущее лежит в расширении высоко прибыльного кредитования Европы, Латинской Америки, Японии и остального мира, область деятельности, которая в почти весь XIX век была вотчиной банкиров лондонского Сити. Эти займы и особенно выписывание банками облигаций, так называемый андеррайтинг Уолл-Стрит, приносили нью-йоркским банкирам весьма привлекательные зарубежные проценты – 5% или иной раз даже выше 8%. Облигации или кредиты гарантировались национальными правительствами, которые согласились на «стабилизацию» своих послевоенных валют с помощью привязки их к новому золотому стандарту, заданному США. Эта система стабилизации была сырой специальной версией того, чему позже нью-йоркские банки придадут официальный статус в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке (ВБ), которые станут центром послевоенной (после Второй мировой войны), основанной на американском долларе валютной системы.

В феврале 1922 года, на заре пузыря зарубежного кредитования, президент Уоррен Хардинг по настоянию своего министра торговли Герберта Гувера созвал специальную конференцию в Белом доме. Гувер был обеспокоен резким ростом рискованных иностранных кредитов, предоставляемых банками США. На встрече в Белом доме присутствовали президент Хардинг, министр финансов Эндрю Меллон, Государственный секретарь Чарльз Эванс Хьюз, министр торговли Гувер и ведущие представители финансовых домов Уолл-Стрит, выпускавших облигации, включая «Дж. П. Морган и К°», «Диллон, Рид и К°», «Кун, Лёб и К°» и других. Цель заключалась в обсуждении потенциальной опасности для здоровья американской экономики крупных иностранных кредитов, особенно там, где риски были неизвестны. Совещание пришло к выводу, что все

предложения для новых иностранных кредитов будут представляться на рассмотрение Государственному департаменту, который, в свою очередь, будет представлять некоторые из них Министерству торговли и Министерству финансов для комментариев. Государственный департамент будет давать консультации по политическим последствиям для США предлагаемых новых кредитов.^{199}

Не прошло и месяца, как могущественные нью-йоркские банкиры провели свою контратаку на правительство США, осмелившееся вмешаться в их дела. Они убедили управляющего Нью-йоркским федеральным резервным банком Бенджамина Стронга подать жёсткий протест в Госдепартамент с требованием, чтобы правительство США «убрало свои руки» от прибыльных иностранных кредитов Уолл-Стрит. Денежный трест выиграл, вынужденные отступить Хардинг и министр финансов Эндрю Меллон, могущественный банкир, чьё состояние не уступало Рокфеллеру, заняли сторону Уолл-Стрит, и соглашение стало беззубым. Зарубежное кредитование продолжалось с нарастающим размахом вплоть до краха 1929–1931 годов.^{200}

Основные характерные черты пузыря зарубежных облигаций в 1920-х годах были относительно эквивалентны с точки зрения риска и неотвратимости катастрофы пузырю «секьюритизации» той же Уолл-Стрит в XXI веке, который, лопнув в 2007 году, стал причиной величайшего в истории финансового бедствия.

Во время создания огромного финансового пузыря 1920-х годов банкиры Уолл-Стрит действовали в тесном сотрудничестве министром финансов США Эндрю Меллоном. Меллон, который долгое время занимал свой пост, наблюдал весь процесс при нескольких администрациях: с самого зарождения пузыря в 1921 году вплоть до 1932 года, когда вновь избранный президент Гувер не снял его с поста. Эта тройка – Министерство финансов, нью-йоркский банк ФРС и Уолл-Стрит – останутся в центре американского финансового могущества весь последующий век.

Сумма иностранных облигаций, выпущенных Уолл-Стрит за десять лет до падения рынка в 1929 году, составляла 7 миллиардов долларов США, относительно крупная сумма, равная 10% внутреннего валового продукта.^{201} Разрушенные войной европейские экономики использовали более 90% этих американских займов на закупку американских товаров, что было благом для основных корпораций США, размещавших свои акции на Нью-йоркской фондовой бирже. Однако, когда в 1929 году закупки схлопнулись, зарубежное кредитование Уолл-Стрит стало тем механизмом, который серьёзно углубил промышленную депрессию США.

ФРС берет в свои руки управление

После 1914 года проводившаяся человеком Моргана, могущественным первым президентом Нью-йоркского федерального резервного банка Бенджамин Стронгом валютная политика США и потоки капитала в критические 1929–1931 годы направлялись потребностями Уолл-Стрит в её стремлении занять место Лондона в качестве мирового банкира. Существенной частью этого процесса было то, что банковские резервы остальных 11 региональных федеральных резервных банков под влиянием Стронга перемещались в Нью-Йорк. Стронг был вице-президентом контролируемого Морганом «Банкерс Траст» и личным эмиссаром Дж. П. Моргана на тайной встрече банкиров на острове Джекилл в 1910 году, на которой была спланирована будущая Федеральная резервная система. Не будет преувеличением называть Стронга человеком Моргана. Через своё влияние на Стронга в Федеральном резервном банке Нью-Йорка Дж. П. Морган, по сути, направлял политику и действия Уолл-Стрит в течение этого критического периода.

С 1920–1929 годов банки, концентрирующиеся в Нью-Йорке, через Уолл-Стрит переводили состояния, созданные американской промышленностью и сельским хозяйством, на зарубежные кредитные рынки. Бенджамин Стронг, президент самого могущественного

банка ФРС, фокусировался на поощрении раздачи иностранных займов США, чтобы способствовать созданию нового международного золотого стандарта, ведущей силой в котором были бы США. В 1920 - х годах деньги, которые не уходили через океан в Германию или на другие прибыльные иностранные рынки, выплёскивались на Нью-йоркский фондовый рынок, особенно после 1925 года. Остальным 11 региональным банкам ФРС оставалось только сосредоточиваться на собственных местных или региональных вопросах.

Рис. 4. Банкир Моргана Бенджамин Стронг был могущественным президентом Нью-йоркского федерального резервного банка до самой своей смерти в 1928 году. Его либеральная денежно-кредитная политика вскормила спекулятивный пузырь 1929 года на фондовом рынке, который стал побочным эффектом плана Моргана создать новый, выгодный США золотой обменный стандарт.

Одним из последствий разрушительной европейской войны 1914– 1818 годов стал беспрецедентный вывоз золотого запаса из европейских центральных банков в хранилища Федеральной резервной системы, поскольку связанные долгом европейские воюющие страны, Англия, Франция, Италия и прочие, были вынуждены платить за произведенные США военные поставки в золоте.

К моменту подписания Версальского договора США стали обладателями обширной

части мирового запаса монетарного золота, нарастив свои золотые резервы на 400% от довоенного уровня. До начала войны в 1914 году золото лежало в основе международной валютной системы, системы, центром которой со времен Наполеоновских войн был лондонский Сити.

Однако к 1920 году ФРС США аккумулировала 40% мирового золотого запаса. Она собрала его, будучи способной заплатить самую высокую цену в мире за монетарное золото, в то время как Великобритания и континентальная Европа были обременены серьёзными военными компенсациями Америки и обязательствами выплаты военных долгов в соответствии с Версальским договором.^{202}

Бенжамин Стронг формировал политику ФРС, исходя из интересов Уолл-Стрит, с очевидной целью установить новый международный золотой стандарт вместо довоенного. Центральное место в нём должна была занять послевоенная реконструкция Европы, финансируемая при умелом возврате нью-йоркскими банками займов и облигаций самого Уолл-Стрит. Мысль состояла в том, что, если Британия присоединится, то этот нью-йоркский золотой стандарт будет надёжным с точки зрения мировой экономики, финансов и торговли.

Однако Денежный трест и даже сам Стронг рассматривали положение Британии и Банка Англии как чётко младшей и подчиненной части своей системы с центром в Нью-Йорке, на что лондонский Сити и британский истеблишмент совершенно не были согласны.

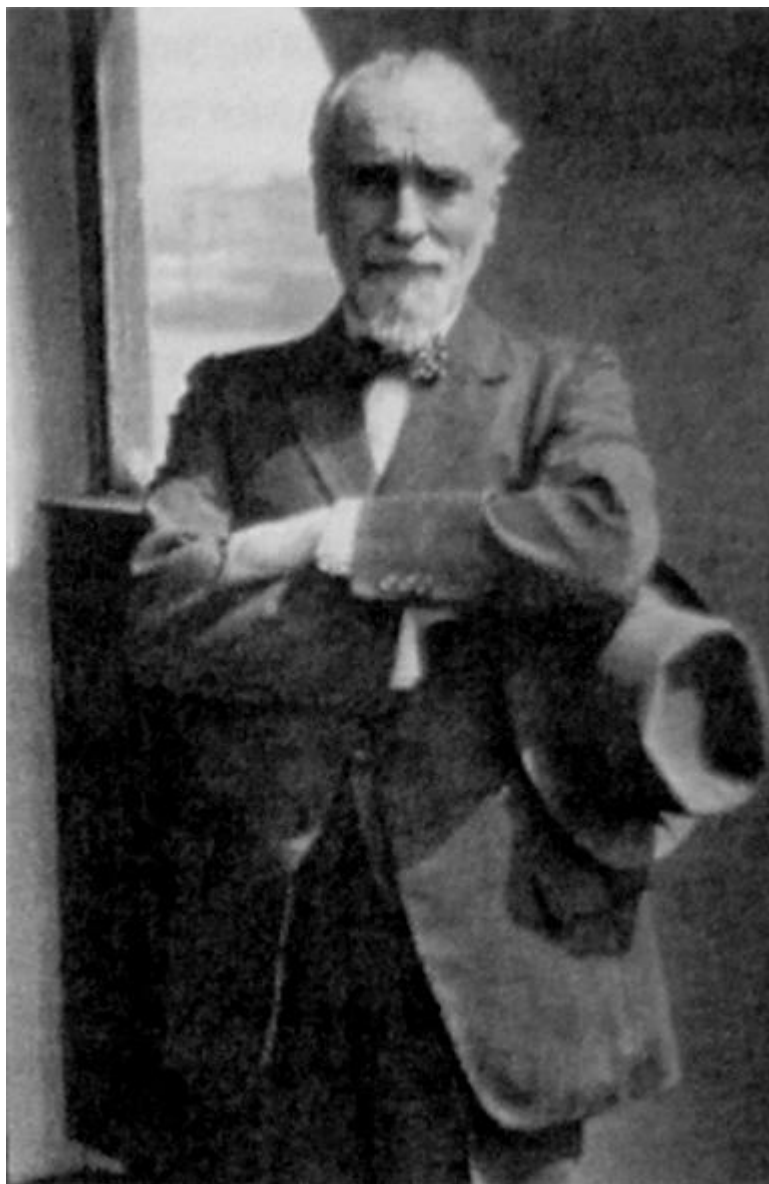

Рис. 5. Управляющий Банка Англии Монтегю Норман, который считался могущественнейшим главой центрального банка, начиная с 1920-х годов вплоть до своей странной смерти в 1944 году.

Когда Министерство финансов США на переговорах в Версале в 1919 году потребовало от союзников и, особенно, от Британии в обязательном порядке оплатить свои военные займы, это стало ясным сигналом, что элита США больше не удовлетворялась своим положением младшего партнёра. В самом прямом смысле, период с 1919 года до начала Второй мировой войны в 1939-м стал безнадёжной попыткой британцев избежать сползания на вторые роли и удержать свою глобальную имперскую гегемонию.^{203}

Экономическое и политическое могущество Британской империи было серьёзно подорвано войной и обусловленными ею непомерными долгами, однако империя до сих пор формировала часть мировой финансовой системы, что было существенно для нового золотого стандарта, даже если он управлялся из Нью-Йорка.

Сам Бенджамин Стронг был англофилом. Он проводил свои ежегодные отпуска в Англии и южной Франции с Монтегю Норманом, архиконсервативным управляющим Банка Англии в 1920-е годы. Стронг и Норман поддерживали цели финансового капитализма

«по созданию мировой системы финансового контроля в частных руках, способной господствовать в политической системе каждой страны и в экономике мира в целом».^{204}

Позже инсайдер американского истеблишмента Каролл Квигли детально опишет эти цели в своём монументальном труде «Трагедия и надежда».

Квигли в прошлом был принстонским и гарвардским профессором, затем преподавал в Джорджтаунском Университете и оказал большое влияние на Билла Клинтона. В течение 1960-х годов Квигли, по слухам, получил привилегированный доступ к конфиденциальным бумагам и архивам нью-йоркского Совета по международным отношениям для работы над своей книгой по истории глобальной экономики при условии, что он не будет упоминать в своей книге о центральной роли рокфеллеровской фракции. Он остался верным своему обещанию и вместо этого сосредоточил своё внимание на раскрытии роли моргановской фракции, потерявшей львиную долю своего бывшего могущества и так не оправившейся после Великой депрессии.^{205}

Квигли описывал концепцию, стоявшую позади плана Моргана, Стронга и Монтегю Нормана по возвращению к золотому стандарту 1914 года, следующим образом:

«Эта система должна была управляться в феодальной манере центральными банками мира, действующими сообща путём секретных соглашений, достигнутых на частых встречах и конференциях... В каждой стране власть центрального банка покоилась, в основном, на управлении кредитами и денежной массой. В мире в целом власть центральных банкиров в очень высокой степени держалась на их контроле над займами и золотыми потоками».^{206}

Центр этой системы в 1920-х годах находился в Нью-Йорке в руках Бенджамина Стронга.

В своих мемуарах Герберт Гувер позже горько нападал на Стронга, прямо обвиняя его во многих бедах Великой депрессии. В 1914 году, упоминая, как Стронг управлял политикой ФРС, Гувер писал:

«Существуют преступления гораздо худшие, чем убийство, за которые человек должен быть осужден и наказан».

Гувер называл Стронга «ментальным придатком Европы», завуалировано ссылаясь на его тесные отношения с Монтегю Норманом из Банка Англии.^{207} Гувер и Стронг были близкими друзьями в начале 1920-х годов, но затем рассорились по поводу политики Стронга неограниченного банковского кредитования Европы.

Нападки Гувера на Стронга были правильными, но причина была неверна. Гувер или предпочел игнорировать или не понял масштабы геополитического проекта, который Стронг и Уолл-Стрит пытались привести в жизнь, создавая в Нью-Йорке центр мировых потоков

капитала.

Гувер далее обвинял Стронга в том, что тот, устанавливая учетные ставки ФРС, чтобы облегчить возвращение Британии к золотому стандарту после 1925 года, искусственно занижал американские ставки во время, когда лихорадка спекуляций на фондовом рынке в 1927 году выходила из-под контроля, фактически, подливая масла в огонь, который привёл к впечатляющему краху в 1929-м.

Стронг прислушивается к Европе, а не к простым американцам

Монтегю Норман (Банк Англии), к которому присоединились Ялмар Шахт («Рехсбанк») и Шарль Рист (Банк Франции), в 1925 году приехал в Нью-Йорк, чтобы убедить Стронга понизить учетные ставки ФРС США. Цель состояла в том, чтобы облегчить Британии возвращение к золотому стандарту и дать стимул экономическому восстановлению Европы. В те дни американские процентные ставки определили уровень курсов по всей Европе.

Восстановление Европы было необходимо, чтобы Германия смогла выплачивать военные репарации Франции, Британии и Италии по Плану Дауэса. Одновременно Франция, Британия и Италия нуждались в новых долларовых кредитах, чтобы выплачивать свои военные займы у США. Вся система долларовых кредитов, которая поддерживала европейскую долговую пирамиду 1920-х годов, стояла на ссудах нью-йоркских банков, прежде всего «Дж. П. Морган и К°», европейским странам, чтобы последние могли рефинансировать краткосрочные кредиты. Союзники безуспешно призывали к аннулированию военных долгов. Их долги Вашингтону равнялись почти точно той сумме военных репараций, которую британцы, французы и итальянцы потребовали в Версале у проигравшей Германии. Союзникам, таким образом, было необходимо, чтобы Германия возвращала свои военные репарации также в долларах. Всё здание мировой финансовой системы в течение Ревущих 1920-х опиралось на эту абсурдную и хрупкую пирамиду Понци¹³ международных ссуд и долгов.^{208}

В 1920-х годах серия протекционистских тарифов США, начавшаяся в 1922-м году Законом Фордни-МакКамбера и завершившаяся печально известным Таможенным тарифом Смута-Хьюли в 1930-м году возвела на невиданную высоту импортные барьеры в США. Что сделало затруднительным, если не невозможным, для европейских стран обслуживать свои долги или репарации традиционными методами, получая торговый профицит в торговле с США. Европе не оставалось ничего другого, как вновь и вновь занимать у американских банков.

Однако вопреки преобладающей в наши дни мифологии о свободной торговле причиной мировой депрессии 1930-х годов стал не Закон Смута-Хьюли о таможенном тарифе. Ею стал небольшой отягощающий фактор в системе, которая после 1919 года была построена на гнилом фундаменте. Всё послевоенное выстроенное американцами финансовое здание стояло на зыбучем песке. Пока приток денег не останавливался, эту базовую реальность можно было легко игнорировать.^{209}

В течение Первой мировой войны Стронг несколько раз приезжал в Лондон, чтобы встретиться с банкирами Банка Англии и лондонского Сити. Как могущественный глава Нью-йоркского Федерального резервного банка Стронг продавливал судьбоносный прецедент финансирования союзнических закупок военного оборудования и боеприпасов уже с 1915 года несмотря на то, что официально США держали нейтралитет. Стронг лично

¹³ Пирамида Понци или финансовая пирамида – специфический способ обеспечения дохода за счёт постоянного привлечения денежных средств от новых участников пирамиды. В США первая «пирамида» была создана Чарльзом Понци, эмигрантом из Италии, откуда и пошёл сам термин.

наблюдал за этими операциями от имени Дж. П. Моргана, который, как уже упоминалось ранее, оказывал банкирские услуги правительству Британии, а позже и Франции. Действия Бенджамина Стронга и Нью-йоркского Федерального резервного банка в дисконтировании своих векселей позволили войне тянуться до момента вступления в неё США в 1917 году.

Действия Стронга создали прецедент, что Нью-йоркский Федеральный резервный банк будет играть ведущую роль во всех международных финансовых сделках ФРС и банков – её членов. До принятия Закона о банках 1935 года он единолично непосредственно контролировал всю зарубежную монетарную и банковскую политику США. Президент Нью-йоркского Федерального резервного банка был, по сути, в этом отношении властью сам по себе. Только кризис 1930-х вынудил провести хотя бы косметические перемены в этой власти.

Золотая стратегия Банка Англии

Возвращение Англии к золотому стандарту в течение 1920-х годов занимало центральное место в её послевоенной экономической стратегии перестройки лондонского Сити в качестве мирового финансового центра. Золотой стандарт являлся также сердцем всей международной кредитной пирамиды, которая возводилась с 1925 года, пока не рухнула в 1929–1931 годах. Не немецкие репарационные платежи или военные займы союзников, а скорее глубоко порочный американский послевоенный стандарт и шаткая позиция Банка Англии стали решающими факторами, обусловившими наихудшую в истории глобальную экономическую дефляцию.

Англия воевала в безнадёжной Бурской войне двумя десятилетиями ранее для того, чтобы обеспечить Банку Англии контроль над крупнейшими в мире разведанными месторождениями золота в Витватерсранде. Теперь, после долгой европейской войны золотой дождь иссяк, уйдя на уплату жизненно необходимых военных закупок у США через «Дж. П. Морган и К°» и американское правительство. Вместе с опустошением своих золотых резервов лондонский Сити потерял и контроль над мировым кредитованием, сердцем британского геополитического влияния.

В 1919 году, в начале послевоенной борьбы за условия союзнических военных долгов, немецкие репарации и другие насущные вопросы, британское правительство было вынуждено формально отозвать привязку фунта стерлингов к золоту и отказаться от довоенного соотношения 4,86 доллара США за один фунт, поскольку Вашингтон настаивал, чтобы Британия возвратила свои миллиардные займы, взятые в американских банках, сначала в моргановских, а потом в Министерстве финансов США.

Британский истеблишмент наивно ожидал, что их американские «кузены» забудут об этих долгах после того, как англо-американо-французско-итальянский союзный фронт выиграл войну. Эти иллюзии быстро испарились, поскольку правительство США под давлением Моргана и Уолл-Стрит отказалось менять свою позицию. Так как большая часть британской торговли с Америкой была в хроническом дефиците, Великобритания больше не могла даже в фантазиях представить, что она сможет вернуть своё довоенное значение в качестве центра мирового золотого стандарта.

В 1919 году державой с сильнейшей экономикой, очевидно, была уже не Британская империя, США, которые вышли из Первой мировой войны на очень мощную позицию кредитора всех основных европейских стран. Американские золотые резервы в течение войны умножились в четыре раза, что сделало их крупнейшим в мире запасом монетарного золота.^[210] Процесс накопления золота шёл вплоть до великого краха фондового рынка в 1929 году.^[211] Британия напротив имела тяжёлые зарубежные долги, в основном, Соединённым Штатам. Её валюта резко обесценилась, а золотые резервы упали до опасного минимума.

Значение золота оказалось решающим фактором в определении, какая именно держава

служила мировым финансовым центром. В 1919 году США восстановили привязку доллара к золоту после её отмены в течение предыдущих двух лет после вступления Америки в войну в 1917 году. В отличие от Британии Америка не имела проблем с возвратом к золотому стандарту, поскольку скопила огромные запасы золота. США имели выгодные позиции в создании нового послевоенного золотого стандарта и по причине своих резервов, и по причине своей новой роли в качестве мирового рынка золота.

Южная Африка вознамерилась пойти своим путем

Ещё одна вырисовывающаяся угроза Великобритании (в дополнение к её военным долгам Америке) состояла в том, что Южная Африка, крупнейший в мире производитель золота, была готова поставлять будущую продукцию своих золотых рудников непосредственно в Нью-Йорк, а не в лондонский Сити, сделав тем самым Нью-Йорк основным рынком золота в мире. Это лишило бы Банк Англии его самого мощного оружия: контроля над мировыми золотыми потоками. Финансовый центр мира окончательно переместился бы в Нью-Йорк с разрушительными последствиями для влияния Англии на мировые события.

В марте 1919 года лондонский Комитет производителей золота, британская группа, которая контролировала чеканку южноафриканского и прочего золота, написала письмо лорду Канлиффу, управляющему Банка Англии с предупреждением о страшных последствиях:

«Благодаря нашей несчастливой промышленной позиции, американский курс будет оставаться ниже золотого паритета (со стерлингом) ещё несколько лет, и трудно представить себе возникшие условия, которые установили бы его выше золотого паритета. В таком положении немисливо, что производители золота в Южной Африке не примут незамедлительные меры по организации перевозки своих товаров в Нью-Йорк, который в течение нескольких лет будет лучшим рынком, или что правительство Южной Африки не окажет им всяческую помощь в этом деле. Если поток золота из Южной Африки в очередной раз отклонится в Нью-Йорк, позже будет не просто повернуть его обратно, поскольку, если Нью-Йорк стано-, вится наилучшим и свободнейшим рынком слиткового золота, это будет мощным толчком к установлению Нью-Йорка в качестве центрального валютного рынка в мире».^[212]

Что предупредить такое опустошительное развитие событий, Банк Англии и лондонский Сити пошли на экстраординарные меры, чтобы оказать давление на политику правительства Южной Африки. Банк Англии надавил на транспортные компании, чтобы они снизили грузовые тарифы между Южной Африкой и Лондоном для того, чтобы сделать невыгодной доставку золота в Нью-Йорк. Кроме того, была установлена тщательная слежка за растущим транспортными связями США с Южной Африкой.

Но самый жёсткий контроль осуществлялся через прямое вмешательство Банка Англии с помощью дружественного правительства в Южной Африке. Премьер-министром Южной Африки в 1919 году был Ян Смэтс, член британского «Круглого стола», внутреннего круга, в который входили могущественнейшие в Англии люди. Смэтс провёл военные годы в Лондоне в качестве члена имперского военного кабинета Ллойда Джорджа, одновременно сохраняя свой пост в правительстве Южной Африки. Он был горячим защитником интересов империи и одним из главных архитекторов версальской концепции Лиги Наций. Короче говоря, Смэтс был тем человеком, на которого можно было положиться в поддержке английских интересов в самых сложных ситуациях.^[213]

Смэтс возглавил южноафриканское правительство в августе 1919 года сразу после того, как Британия была вынуждена отказаться от золотого стандарта для стерлинга.

В апреле 1919 года Банк Англии подписал соглашение с южноафриканскими производителями золота, гарантировав, что золото Южной Африки будет продаваться через

Банк Англии, за исключением продаж, необходимых для местной валюты. Британский Парламент принял также в 1920 году Закон о контроле экспорта, который запрещал свободный экспорт британского золота.

Такой двойной контроль над потоками золота в Лондон и из него должен был дать преимущества лондонским банкам, ведущим операции с золотом. Среди последних были Ротшильды, совершенно случайно являвшихся крупнейшими финансовыми поручителями компаний, владеющих золотыми приисками в Южной Африке. Цель Лондона (остаться вне золотого стандарта, одновременно выборочно отрицая контроль над основными золотыми поставками в Нью-Йорк) имела величайшую стратегическую важность для будущего Британской империи.

Соглашение между Банком Англии и Горнорудной палатой Южной Африки, подписанное в июле 1919 года, очевидно дало лондонскому Сити то, в чём последний срочно нуждался: продолжение эксклюзивного контроля над поставками золота из Южной Африки и способность предупреждать прямые перевозки золота в Нью-Йорк.

Южная Африка стала ключом к будущей стратегии Лондона по возвращению своей довоенной роли как финансовой Мекки мира.

Центральной фигурой, прилагавшей усилия снова привязать южноафриканское золото к Лондону, стал сэр Генри Стракош, советник Банка Англии и близкий друг Монтегю Нормана, как и лорд Ротшильд. Стракош, известный проводник банковских интересов лондонского Сити, был также управляющим директором в «Юнион Корпорэйшн», ведущей горнодобывающей компании и главным инвестором в южноафриканскую золотодобычу. Смэтс пригласил Стракоша консультировать своё правительство по вопросам отношений Южной Африки с британским фунтом стерлингов.

Стракош, который позднее в 1930-х годах стал финансовым патроном Уинстона Черчилля, в ранние 1920-е годы постоянно курсировал между Смэтсом в Претории и Монтегю Норманом в Лондоне, работая над удержанием страны и её финансовой системы строго в рамках имперской системы.^{214} Как сам Стракош говорил об этом, его задачей было заставить Южную Африку «идти по возможности в ногу с Великобританией по дороге к эффективному золотому стандарту».^{215}

Однако, этот поход Южной Африки по лондонской «дороге из желтых кирпичей» был внезапно прерван в 1924 году. В течение Первой мировой войны Южная Африка была вынуждена привязать свою валюту – ранд к британскому фунту стерлингов, что нанесло огромный экономический ущерб внутренней экономике страны. От этой привязки и наложения эмбарго на продажи золота вне Банка Англии пострадали крупнейшие компании, экспортирующие основной продукт Южной Африки – золото. Многие горные разработки оказались нерентабельными. Из-за привязки к фунту подскочила инфляция, так как инфляция в Англии стремительно выросла после Первой мировой войны. Жизненный уровень обычного южноафриканца резко упал в течение периода, когда золотой стандарт был отменен. Участились забастовки горнорабочих, требующих повышения оплаты труда.

В начале 1922 года, поскольку стоимость жизни росла, а цены на золото падали, владельцы шахт пригрозили нанимать вместо белых рабочих чернокожих, которые будут работать за меньшие деньги. В массе своей белые шахтеры призвали к всеобщей забастовке региона золотодобычи. Эта забастовка стала известна как Восстание Ранда и продолжалась три месяца. Смэтс объявил военное положение и применил жестокие военные репрессии, в результате которых погибли сотни шахтеров, а победивший Смэтс получил прозвище «кровавый человек». Успешно сжав между собой белых и черных, система апартеида прочно стала политикой правительства Южной Африки несмотря на то, что внутренняя оппозиция жёсткой привязки Южной Африки к стерлингу, ставшая злободневным политическим вопросом, стоила Смэтсу переизбрания в 1924 году.

Под таким растущим внутренним давлением южноафриканские шахты соглашались придерживаться своего соглашения с Банком Англии на эмбарго свободного экспорта золота только до 30 июня 1925 года, что поставило Лондон перед перспективой нехватки времени

на подготовку возвращения стерлинга к золотому стандарту.

Возвращение к золотому довоенному паритету в 4,86 долларов США за фунт стерлингов в 1925 году означало серьёзную инфляцию в британской экономике. Это был политический взрыв, вылившийся в растущую безработицу, расширяющееся забастовочное движение и другие неприятности. Стерлинг на тот момент продавался с дисконтом 30% или 3,50 доллара за южноафриканский фунт. Отсрочка стала тактикой, чтобы удержать Южную Африку в фарватере до тех пор, пока британская экономика не окрепнет, чтобы вернуться к довоенному золотому стандарту.

Великобритания себе установила собственный крайний срок – 1931 год – для того, чтобы снять свои ограничения на свободную продажу золота согласно закону о Контроле над экспортом. Это дало бы достаточно времени, как тогда думали, чтобы подготовиться. По иронии судьбы, именно 1931-й стал годом, когда Англия отказалась от золотого стандарта, с которым слишком торопливо воссоединилось в 1925 году.

Во время проимперского правления Смэтса лондонская тактика отсрочек не составляла проблем. Но в июне 1924 года национальные выборы в Южной Африке резко изменили ситуацию. Пролондонское правительство Смэтса потерпело поражение, и к власти пришла коалиция Лейбористской и Национальной партий, возглавляемая бурским националистом, генералом Дж. Б. М. Герцогом. Герцог провёл кампанию против потери контроля над национальной экономикой и против экономического ущерба, нанесённого поддержкой Смэтсом британского стерлинга.

В самом начале его правления одним из первых действий Герцога стало создание комиссии для выработки рекомендаций правительству, должна ли Южная Африка порвать со стерлингом и восстановить южноафриканский фунт на независимой и обеспеченной золотом основе. Впервые у Банка Англии и Стракоша не спросили совета, прежде чем принять такое важное решение Южной Африки по золоту. Особенную тревогу у Лондона вызвала persona главы новой комиссии, на которой остановил свой выбор Герцог. Вместо того, чтобы выбрать кого-нибудь из Англии, новое правительство настаивало на специалисте из Соединённых Штатов, одном из ведущих золотых и денежно-кредитных экспертов Америки, профессоре Принстонского университета Эдвине Кеммерере.^{216}

«Денежный доктор» и золотая схема Уолл-Стрит

Профессор экономики из Принстонского университета Кеммерер был всемирно известным пропагандистом золотого стандарта. Роль, которую он сыграл в 1903 году от имени Уолл-Стрит и американского правительства в приведении Филиппин к золотому стандарту, наградила его в международных финансовых кругах эпитетом «Денежный доктор». Он также без особой огласки консультировал влиятельную инвестиционную фирму с Уолл-Стрит – «Диллон, Рид и К°».

Именно Кеммерер был архитектором схемы Уолл-Стрит и Федерального резервного банка Нью-Йорка перевода всех стран с прежнего, ведомого британцами, золотого стандарта на новый золотой обменный стандарт под рукой США. По поводу своей работы – консультации в различных странах по вопросам послевоенной стабилизации их валют, Кеммерер однажды признавал:

«Страна, которая назначает американских финансовых советников и следует их советам в реорганизации своих финансов, вместе с тем, что американские инвесторы считают самыми успешными современными направле-ниями, увеличивает свои возможности обратиться к американскому инвестору и получить от него капитал на благоприятных условиях».^{217} Стабилизационная схема Кеммерера (использование американского капитала «на благоприятных условиях», чтобы управлять мировой финансовой системой и занять в ней место предвоенного лондонского Сити) была краеугольным камнем послевоенной заявки Уолл-Стрит, поддерживаемой Вашингтоном, на роль Нью-Йорка как

мирового финансового центра. Это было смело, но преждевременно, до реализации оставалось ещё на два десятилетия. В этом также крылась главная причина основной валютной политики Федеральной резервной системы, которая ускорила крах фондовой биржи в 1929 году и вызвала последующую цепную реакцию неплатежей по всей структуре зарубежных займов Уолл-Стрит, что привело к глобальной депрессии.

Работа Кеммерера уже успешно перевела Францию, Италию и Бельгию на новый золотовалютный стандарт, поддерживаемый в каждом случае большими синдицированными ссудами Уолл-Стрит, прежде всего «Дома Морганов». В 1924 году Кеммерер приехал в Германию как член Комитета Дауэса, чтобы спроектировать перестройку «Рейхсбанка» и стабилизировать рейхсмарку на новом золотом стандарте, поддерживаемом США. Кроме того, Кеммерер был ключевой фигурой в распространении к 1925 году американского золотого стандарта на Колумбию и Чили, что обеспечило переход лидирующей позиции в латиноамериканском финансовом и экономическом развитии от Великобритании к США.

В каждом случае применялся именно план валютной стабилизации Кеммерера. Это было обезоруживающе просто: Кеммерер с помощью своих превосходных связей на Уолл-Стрит, фактическим агентом которой он был, обещал данной стране большие валютные «стабилизационные» займы. В свою очередь, целевая страна должна согласиться на то условие, что их вновь устойчивая валюта должна быть обеспечена золотом. Естественно, Соединённые Штаты, как самый большой в мире держатель золотых запасов в центральном банке, были властелином в центре новой золотой дипломатии. ^{218}

Кеммерер даёт советы Южной Африке

Неудивительно, что тревожный набат раздался не только в Банке Англии, но также и в британском истеблишменте. Непредвиденная угроза стратегическим интересам Британской империи надвигалась из Южной Африки, в которой основную поддерживающую роль играл Герцог, совместно с некоторыми очень влиятельными кругами из США. Итоговый отчёт Кеммерера правительству Герцога ясно обозначил проблему:

«Южная Африка должна решить: объединяться ли определённо со стерлингом, надеясь, что стерлинг скоро возвратится к золотому обеспечению, но готовясь последовать за стерлингом туда, куда он может пойти? Или она выберет определённо пойти с золотом?» ^{219}

Ответ Кеммерера неизбежно рекомендовал Южной Африке возврат к золотому стандарту к 1 июля 1925 года вместе с Великобританией или без неё. Фактически, это означало последнее, поскольку Британия никоим образом не была достаточно экономически сильна, чтобы возобновить довоенный золотой стандарт.

Это означало бы де-факто управляемый американцами золотой стандарт. Кеммерер утверждал, что возврат к золотому обеспечению увеличит иностранные инвестиции в экономику Южной Африки, обуздает инфляцию в стране и будет выгодным для важной горнодобывающей промышленности. И всё это было правдой, как слишком хорошо понимал Лондон.

В январе 1925 года национальное правительство генерала Дж. Б. М. Герцога объявило, что оно полностью принимает рекомендации Кеммерера. В Лондоне это было расценено как казус белли, вызов со стороны выскочек-американцев, имеющий самые серьёзные последствия для будущей британской власти. Единственная проблема состояла в том, что Британия была не в том положении, чтобы с кем-либо вести войну, и меньше всего – с Соединёнными Штатами.

Более века положение лондонского Сити в качестве центра международных финансов зависело от управления мировой физической торговлей золотом через Лондон. Лондонский дом «Н. М. Ротшильд и сыновья» ежедневно устанавливал мировые цены на золото в своём банке, а Банк Англии держал большую часть мирового монетарного золота. Лондон был

успешен, потому что он, во-первых, захватил обширную большую часть нового золота, обнаруженного в Калифорнии и Австралии после 1840 - х годов, а позже в результате англо-бурской войны захватил обширные южноафриканские поставки из Витватерсранда.

Вследствие нехватки золота в Банке Англии британская экономика перенесла 23-летний резкий экономический спад, вошедший в английскую экономическую историю как Великая Депрессия с 1873 года до середины 1890-х. Депрессия закончилась только тогда, когда был обнаружен золотой потенциал Южной Африки. К 1925 году золотые рудники Южной Африки ежегодно производили полные 50% всего золота в мире с быстрым ростом производства каждый год.

Чтобы восстановить своё решающее влияние в мире после 1920 года, одна и единственная перспектива для Британии и Банка Англии состояла в возобновлении к своей выгоде своего довоенной роли в манипулировании золотыми слитками в мире. Как в своей игре в крикет, так и в сделках по золоту лондонских банков, торгующих слитками, британцы «жужельничали по углам». Ведущий английский экономист, Пол Айнциг хорошо описал эту игру в «Экономическом журнале» Королевского Экономического общества в марте 1931 года:

«Пока золото фактически привозится перед продажей в Лондон, Банк Англии имеет преимущество по сравнению с другими потенциальными покупателями, поскольку, приобретая золото, последние должны оплачивать стоимость транспортировки, и т.д. из Лондона до своего центра, в то время как Банк Англии получает поставку бесплатно. Таким образом, пока стерлинг находится в соответствии с номиналом (с золотом), возможности состоят в том, что, пока золото идет в Банк Англии..., иностранные покупатели не смогут конкурировать с Банком... Благодаря этому преимуществу золотой запас Банка в нормальных условиях пополняется из недавно произведённого золота Ранда так, чтобы не было никакой необходимости с этой целью поднимать обменный курс с помощью высоких процентных ставок выше статьи золотого импорта. Следовательно, было бы желательно предотвратить изменение в системе транспортировки южноафриканского золота...».^[220]

Большая часть истории Британской империи и британской международной дипломатии, особенно в период неоимпериализма с 1850 - х годов по 1920 - е прослеживается именно под этим девизом – недооцененные манипуляции потоками физического золота через лондонский слитковый рынок.

Прямые поставки южноафриканского золота в Нью-Йорк нанесли бы сокрушительный удар планам лондонского Сити и британских финансовых учреждений восстановить после Версаля своё господство. Американское вмешательство в дела Южной Африки через Кеммерера и Герцога не только наносило удар по Британии, но также угрожало изменить кредитную систему всего мира на условиях Уолл-Стрит.

Черчилль пытается заблокировать американский золотой стандарт Реакция Лондона на южноафриканские махинации Уолл-Стрит не заставила себя ждать. В конце 1924 года, чтобы упредить валютный мятеж американцев, министр финансов Уинстон Черчилль, чья карьера началась в Южной Африке во время Бурской войны, выпустил меморандум, призывавший к скорейшему возвращению Англии к золотому стандарту. Глава Банка Англии Монтегю Норман согласился.

Дополнительно ускоряющим фактором в Англии стал тот факт, что несколькими месяцами ранее американские банкиры во главе с партнёром Моргана Чарльзом Дауэсом и с помощью Кеммерера смогли стабилизировать валюту Германии после разрушительной Веймарской гиперинфляции 1922–1923 годов. В соответствии с Планом Дауэса, как отмечалось выше, Германия возвратилась к ведомому США золотому стандарту, чему также помог заём в 100 миллионов долларов от «Дж. П. Морган и К°» для поддержки новой рейхсмарки. Соединённые Штаты и Германия были теперь оба привязаны к одному и тому же золотому стандарту и близки к объединению с крупнейшим в мире производителем золота – Южной Африкой.

Британия оставалась за бортом.

Если бы Южная Африка присоединилась к американскому золотому стандарту, Лондон столкнулся бы с перспективой остаться в стороне от расцветающей мировой торговли. Особенно, если бы Германия восстановила континентальную европейскую торговлю, то Англия никогда бы уже не смогла вернуться к своему бывшему державному статусу. И Нью-Йорк остался бесспорным центром мировой финансовой власти – перемена, которую британский истеблишмент ещё не был готов принять.

28 апреля 1925 года министр финансов Уинстон Черчилль держал речь в Палате общин, в которой объявил полностью поддержанное Банком Англии решение правительства вернуться к золотому стандарту. Затем стерлинг был зафиксирован на том же номинальном уровне, на котором он был накануне Первой мировой войны в 1914 году – 4 доллара 86 центов за фунт.

Это соотношение было принято несмотря на тот факт, что британское промышленное производство упало с 1914 года, несмотря на тот факт, что оно вытеснит подорожавший британский экспорт со столь отчаянно необходимых мировых рынков, и несмотря на огромный рост британского государственного долга, инфляции и обширный торговый дефицит, главным образом, с Америкой. Другими словами всё, что должно определять надлежащую ценность национальной валюты, было проигнорировано. Это было просто политическое, или более точно, геополитическое решение. Его успех зависел от способности Нормана Монтегю к выгоде Англии манипулировать Бенджамином Стронгом и его друзьями в нью-йоркском банковском деле, а также основными центральными банкирами Европы.

Черчилль и Монтегю Норман фиксировали стерлинг по завышенной цене и возобновляли привязку к золоту в отчаянной попытке вернуть лондонскому Сити его значение в качестве центра мировой финансовой системы, не взирая на вред, наносимый национальной экономике и собственному населению. Черчилль отмечал:

«Если бы мы не приняли эти меры, то вся остальная часть Британской империи приняла бы их без нас, и пришла бы к золотому стандарту не на основе фунта стерлингов, а на основе доллара».^{221}

Фатальный промах Стронга

Но в 1925 году Стронг, когда решил последовать призыву Монтегю Нормана и убедить Дж. П. Моргана и другие нью-йоркские банки поддерживать возвращение стерлинга к золоту, не смог оценить, насколько эффективно Норман и лондонские банки будут преследовать свои собственные интересы, прикидываясь вернейшими друзьями и покровителями и Соединённых Штатов и главы Нью-йоркского Федерального резервного банка. Центром схемы был Банк Англии и план британского Министерства финансов изменить в свою пользу зарождающийся после 1925 года новый золотой стандарт.

Как уже описывалось выше, система мировой торговли до Первой мировой войны была основана на международном золотом стандарте, который был более или менее самокорректирующимся. Международная торговля опиралась на рыночные принципы спроса и предложения, неустойчивость которого была уравновешена золотом. Это была техническая система, которая, по крайней мере, теоретически отделяла деньги от государства.

Так как Англия была преобладающим финансовым центром в тот период, Лондон господствовал на этом рынке, и Банк Англии действовал как «мировой банкир». Другие страны, включая Германию, Францию, Италию, все британские колонии и даже США поддерживали крупные резервы в фунтах стерлингов вместе с Банком Англии, который тогда держал львиную долю мирового денежно-кредитного золота. Уверенность в Банке Англии как гаранте мирового кредитования была такова, что в пределах Британской империи у многих из британских доминионов или колоний даже не было своих собственных национальных денег кроме лондонского стерлинга.

Именно эту довоенную систему Монтегю Норман, Уинстон Черчилль и ведущие лондонские банкиры преисполнились решимости возродить. В 1922 году в Женеве на основной послевоенной международной экономической конференции, Банк Англии провёл удачный дипломатический ход. Преодолев личные возражения глав Нью-йоркского Федерального резервного банка, немецкого «Рейхсбанка», Банка Франции и Банка Италии, Монтегю Норман преуспел и добился от конференции согласия с его концепцией нового золотого стандарта.^{222} Норман имел обширный и уникальный опыт работы с довоенным лондонским золотым стандартом и обладал высочайшим международным статусом как оракул в делах центральных банков.

До войны стерлинг был «хорош, как золото». Мировой рынок регулировался не манипуляциями с обменными курсами золота, а входящими в страну и исходящими из неё потоками частного и государственного золота. Страна с хронической инфляцией теряла бы золото, вынужденная ради удержания своих запасов устанавливать более высокий обменный курс, что приводило бы к сокращению внутреннего кредитования. Держатели бумажных денег могли всегда по требованию покупать валюту в золоте. Коррекция была более или менее автоматической.

Однако в 1925 году Великобритания не смогла вернуться к строгому довоенному британскому золотому стандарту. Банк Англии больше не держал большую часть мирового запаса золотых слитков, и поэтому Норман и британское Министерство финансов предложили изощрённую модификацию старого стандарта, который, на первый взгляд, также удовлетворял стратегическим целям менее опытных банкиров, оперирующих нью-йоркскими финансами, и в частности – интересам Бенджамина Стронга. Новый стандарт назвали золотым «обменным» стандартом.

По правилам нового нью-йоркского золотого «обменного» стандарта США должны были выступать как окончательный гарант для раздутых валют Великобритании, остальной Европы и всего мира. Великобритания, в частности, могла теперь держать свои запасы не в золоте, как это имело место до 1914 года, но, главным образом, в долларах, в то время как страны континентальной Европы, всё ещё восстанавливающиеся после войны, могли держать свои запасы не в золоте, а в стерлинге.

В действительности эта новая схема разрешала Великобритании выстраивать пирамиду из своей раздутой валюты (стерлинга) и своих кредитов на основе долларов, а не золота, в котором она испытывала недостаток. Британские государства-клиенты могли, в свою очередь, строить свои валютные пирамиды, опираясь на стерлинг. Это фактически означало, что после 1925 года только Соединённые Штаты остаются на строгом золотом стандарте, а все остальные переходят на национальные бумажные деньги.^{223} Что позволило Великобритании восстанавливать свою доминирующую роль в Европе и во всём мире в качестве мирового банкира, опираясь на явную или неявную поддержку доллара и американского золота. Это было фатально ущербное здание.

Норман, глава Банка Англии, утверждал, что только нью-йоркский и лондонский центральные банки могут держать денежно-кредитное золото в слитках, в то время как другие (например, французский) должны довольствоваться резервами из стерлингов или долларов, которые, в свою очередь, поддержаны золотом. Не удивительно, что глава Банка Франции Эмиль Моро, последовательный защитник золота, не был доволен взглядами Монтегю Нормана на англо-американский золотой мир. К 1926 году Моро восстановит баланс Банка Франции и его золотые запасы к уровню выше чем у Банка Англии. Это французское золотое положение позже сыграет роковую роль.^{224}

Лига Наций – ключ к планам Британии

В основе лондонского проекта по восстановлению былой финансовой роли лежало британское доминирование в бюрократическом аппарате Лиги Наций. Англия имела

господствующее влияние в могущественном Финансовом комитете Лиги. Монтегю Норман фактически управлял последним через своих двух близких партнёров, сэра Генри Стракоша и сэра Отто Нимейера. Британский экономист сэр Ральф Хотри из британского Министерства финансов также играл ключевую роль, призывая к общему европейскому принятию нового золотого обменного стандарта.

Норман и британцы использовали Лигу для оказания давления на европейские государства-члены, чтобы установить сотрудничество между центральными банками и Банком Англии, базирующееся не на классическом золотом стандарте, как отмечалось выше, а на золотом обменном стандарте, который позволит странам продолжать свои инфляционные и дефицитные расходы, поддерживая видимость денежно-кредитной стабильности. Кроме того, на европейские страны оказывалось давление, чтобы возврат к золоту произошёл в чрезвычайно переоцененных соотношениях с целью обезопасить британский экспорт от угрозы со стороны экспорта других стран. Все держали свои золотовалютные резервы не в золоте, которого у них было мало, а в фунтах стерлингов на счетах Банка Англии. Все здание было миражом, основанным на вере в, прежде всего, умение Монтегю Нормана организовать глобальную, или по крайней мере, европейскую денежно-кредитную гармонию.

Используя обещания американских банковских кредитов на пару с политическим давлением, проводимым через управление Финансовым комитетом Лиги Наций в Женеве, Лондон разрабатывал систему, весьма похожую на Международный валютный фонд после 1980 - х годов. Эмиль Моро, глава Банка Франции и яростный противник Нормана, описывал в 1928 году эту систему в своём дневнике:

«Англия, ставшая первой европейской страной, восстановившей устойчивые и безопасные деньги, использовала это преимущество, чтобы укрепить базу для истинного финансового доминирования в Европе. Инструментом этой политики был Финансовый комитет [Лиги Наций] в Женеве. Метод состоит из принуждения каждой страны, испытывающей денежно-кредитные затруднения, подчиниться Комитету в Женеве, который находится под британским контролем. Лечение, всегда предписываемое, включает введение в центральный банк иностранного наблюдателя, который является британцем или назначается Банком Англии, и размещение части резервов центрального банка в Банке Англии, что служит и поддержке фунта и укреплению британского влияния.

Чтобы обезопасить себя от возможного провала, они тщательно обеспечивают себе сотрудничество Федерального резервного банка Нью-Йорка. Кроме того, они делегируют Америке задачу выдачи некоторых из иностранных займов, если они кажутся слишком тяжёлыми, всегда сохраняя политическое преимущество в этих операциях. Англия, таким образом, полностью или частично закрепила в Австрии, Венгрии, Бельгии, Норвегии и Италии. Она находится в процессе усиления своих [позиций] в Греции и Португалии. Она стремится получить точку опоры в Югославии и... в Румынии. Валюты будут разделены на два класса: валюты первого класса (доллар и фунт стерлингов), базирующихся на золоте, и второго класса, базирующихся на фунте и долларе с содержанием части их золотых запасов в Банке Англии и Федеральном резервном банке Нью-Йорка».^{225}

Ободряемая Бенджамином Стронгом «Дж. П. Морган и К^о» обеспечила существенный долларовый заём, чтобы поддержать в 1925 году возврат Британии на этот измененный золотой стандарт. Впоследствии подобные кредиты, предоставляемые банком Моргана, были расширены, и выдавались всегда по предложению Монтегю Нормана и женевского Финансового комитета, в котором безраздельно господствовал глава Банка Англии, и всегда с предварительным подтверждением Нью-йоркского Федерального резервного банка Бенджамина Стронга. Вашингтон фактически не играл никакой роли в этом процессе. Это была исключительно дипломатия банкиров Уолл-Стрит. Бельгия, Польша под военной диктатурой героя войны генерала Юзефа Пилсудского и фашистская Италия Муссолини в результате вернулись к золотому стандарту в переоцененных паритетах. Нью-йоркские и лондонские банкиры всё чаще предпочитали жёстких диктаторов, которые по их

впечатлению, могли справиться с протестами профсоюзов и гарантировать безопасность возврата кредитов.

Вскоре после того, как Англия возвратилась к золоту на раздутом уровне 4,86 долларов за унцию, Банк Англии попытался вызвать и поддержать крупную дефляцию внутренних цен и заработной платы, чтобы сохранить экспорт конкурентоспособным несмотря на переоцененный стерлинг. Реакцией на сокращение заработной платы стала всеобщая забастовка в 1926 году, экономический рост был мал, промышленный экспорт оставался подавленным, а безработица выросла почти до 10%. К 1931 году, когда Великобритания наконец оставила золотой стандарт, безработица достигла 22% от трудоспособного населения.

Всеобщая профсоюзная забастовка в Англии ясно дала понять, что Великобритания сможет удержать новую золотую покупательную способность 4,86 доллара только с помощью США. Стронг, который редко консультировался даже с Советом ФРС в Вашингтоне, уж не говоря о других региональных президентах Федеральных резервных банков, спровоцировал в конце 1920 - х годов существенную инфляцию в Америке и расширение кредитования, чтобы поддержать фунт в этом переоцененном паритете и тем самым поддержать британскую денежно-кредитную роль в Европе. Все это делалось, чтобы укрепить новый шаткий золотой обменный стандарт. Однако, ослабляя таким образом денежно-кредитные условия в США, Стронг также посеял и семена инфляционного пузыря на фондовом рынке и в недвижимости.

Монтегю Норман убедил своего друга Бенджамина Стронга, что европейское восстановление и, в конечном итоге, американская экспортная мощь зависят от Федеральной резервной системы, поддерживающей искусственно заниженные процентные ставки, чтобы поощрить отток золота в стерлинг, где процентные ставки были выше. Это в свою очередь обеспечивает базу для всей континентальной европейской и колониальной золотой системы и, благодаря этому, базу для основной части мировой торговли, доказывал Норман. Искусственно низкие процентные ставки ФРС подпитывали расширяющуюся на Уолл-Стрит торговлю ссудной маржой¹⁴, в свою очередь вдохновляя на создание беспрецедентного роста акций Уолл-Стрит в конце 1920- х годов. Тем временем заниженные по сравнению с очень привлекательными европейскими (как правило от 6% до 8%) американские процентные ставки после 1925 года поощряли американские банки наращивать объёмы краткосрочного кредитования в страны нового золотого стандарта в Европе и во всем мире.

Стронг даёт рынкам «глоток виски»

В июле 1927 года, и это стало роковым изменением американской валютной политики, Монтегю Норман попросил Стронга созвать секретную конференцию центральных банков на Лонг-Айленде. Там Стронг согласился на крупное сокращение процентной ставки ФРС США несмотря на очень хорошее понимание того, что шальные деньги немедленно начнут стимулировать внутреннее американское расширение кредитования на фоне уже тревожного бума потребительских расходов.

Стронг решил последовать совету Монтегю Нормана и понизить ставки и, таким образом, поддержать британский фунт стерлингов несмотря на возражения глав центральных банков Германии и Франции. Единственное намерение Стронга состояло в том, чтобы стабилизировать фунт, прекратив утечку золота из Лондона.

Чикагский Федеральный резервный банк, не связанный столь тесно с лондонским или европейским кредитованием, был резко против этого решения и отказался понижать свои ставки. Чикагская газета «Трибюн» потребовала отставки Бенджамина Стронга. Стронг

¹⁴ Разницу между доходом от кредитования и стоимостью привлечения средств.

парировал удар, лукаво утверждая, что его шаг к лёгким деньгам нацелен на помощь фермерам Среднего Запада. Стронг добился своего. Позже он доверительно скажет своим приятелям, что сокращение ставок имело для фондового рынка непреднамеренный побочный эффект, как «удачный небольшой глоток виски». Это был совсем не «глоток». На Уолл-Стрит виски потекло рекой.^{226}

Снижение Стронгом ставок нью-йоркской ФРС в 1927 году остановило утечку британского золота и облегчило положение британской валюты. Лондонский журнал «Банкир» позже восхвалял Бенджамина Стронга за «энергию и деловые качества, которые он поставил на службу Англии».^{227} При золотом обменном стандарте, созданном Монтегю Норманом, единственной привязкой всех стран к золоту и так называемым «твёрдым валютам» стали Соединённые Штаты. Если доллар также искусственно раздувается (что и произошло после 1925 года), эта опорная валюта также станет ненадёжной, и всё здание – пирамида глобального кредитования – в конечном итоге рухнет.

Именно эта Ахиллесова пята в британской денежно-кредитной пирамиде сделала всё строение зависящим от американского кредита. Это стало очевидным, когда экспансия кредитования в 1929 году внезапно замерла. К тому моменту широкие круги американского банковского дела и бизнеса прославляли то, что Стронг называл «Новой эпохой» незыблемого процветания и ценовой стабилизации, жутковатый предвестник возвещения в 1999 году Аланом Гринспеном «Новой экономики», которая не подвержена циклическим рецессиям.

Реальность оказалась совсем другой, поскольку к концу 1920-х годов Федеральная резервная система была вынуждена обратиться к инфляционному расширению кредитования, чтобы попытаться стабилизировать падающие цены в Европе.

Немногие выступали против политики Стронга, когда им казалось, что она рождает неограниченное процветание, возрастающие доходы, быстро растущие курсы акций и экономический рост. Среди немногих критиков международной кредитной политики Стронга, в дополнение к министру торговли Гуверу, были Бартон Хепбёрн, председатель «Чейз Нейшэнл Банк» Рокфеллера, и Х. Паркер Уиллис, редактор «Джорнэл оф Коммерс» и бывший помощник сенатора Картера Гласса. К ним присоединились несколько членов Совета управляющих ФРС. Но как бы то ни было, они оказались в меньшинстве. В течение 1920-х годов политикой управляли «Дж. П. Морган и К°», Бенджамин Стронг и министр финансов Меллон, наряду с президентом Кельвином Кулиджем.

В течение первых нескольких лет с момента перехода на золотой обменный стандарт и до начала 1927 года его недостатки отнюдь не были очевидны. Казалось, что экономические системы Европы наконец приходят в себя, и именно золото способствует этому восстановлению.

После 1925 года при новом золотом обменном стандарте кредиты хлынули потоком из Нью-Йорка в Лондон и в жаждущие долларов экономические системы континентальной Европы. «Дом Моргана», «Кун, Лёб и К°», «Нэйшнл Сити Банк» и другие банки Уолл-Стрит начали подписывать облигации, выпущенные различными европейскими государствами, присоединившимися к новому золотому обменному стандарту. Гарантийные банки в свою очередь продавали эти новые облигации зачастую по процентным ставкам на 3% выше сопоставимых ценных бумаг американского Министерства финансов, обычным американским домашним хозяйствам в поисках финансовой прибыли и безопасности. Для нью-йоркских банков это воистину стало машиной, производящей чистое золото.

Основное кредитование нью-йоркских банков приходилось на Германию после стабилизации в 1924 году немецкой валюты по Плану Дауэса. В течение шести лет различные немецкие муниципалитеты, частные компании, портовые власти и другие юридические лица выпустили облигаций, подписанных нью-йоркскими банками, и продали их американским инвесторам на ошеломительную сумму больше чем 2,5 миллиарда долларов США. Сама Германия в этот период заимствовала из-за границы почти 4 миллиарда долларов.

В период с 1924 до 1931 год Европа получила американские кредиты почти на 6 миллиардов долларов. Если к этому добавить американские военные займы Министерства финансов и сами военные расходы, то в общей сложности 40 миллиардов долларов в американских фондах попали Европу менее чем за 15 лет, целая одна пятая полного американского ВВП в 1914 году.

Однако всё это здание было столь же неустойчиво, как и его самое слабое звено при золотом обменном стандарте после 1925 года, выстроенным Монтегю Норманом и британским Министерством финансов.

К концу 1927 года, спустя всего два месяца после того, как Стронг предпринял шаги для стабилизации стерлинга и тем самым добавил горячего воздуха в растущий пузырь акций Уолл-Стрит, он сам начал выражать серьёзные сомнения во всей этой схеме, которая только тремя годами ранее была выстроена с подачи Монтегю Нормана и Банка Англии, сможет ли она восстановить мировую торговлю и обеспечить денежно-кредитную стабильность.

Незадолго до своей смерти от туберкулеза в 1928 году Стронг написал несколько писем своему другу Монтегю Норману и своим коллегам в Нью-йоркском Федеральном резервном банке, выразив свои растущие сомнения в том, был ли золотой обменный стандарт, который Стронг, убеждённый Норманом, поддержал, правильной политикой для мировой денежно-кредитной стабилизации. Одно письмо, написанное в сентябре 1927 года, показывает растущие опасения Стронга о природе послевоенных денежно-кредитных затруднений Америки:

«Эмиссионные банки [центральные банки – автор] теперь держат векселя и суммы в одних только Соединённых Штатах более чем на 1 млрд. долларов, не говоря уже о приблизительно не меньшей сумме, что сейчас находится в Лондоне, и значительных суммах в других странах золотого стандарта. Фактически, как я уже писал вам, я склонен поверить, что это развитие достигло точки, где вместо служения укреплению и поддержанию золотого стандарта, оно может, на самом деле, подрывать золотой стандарт из-за дублирования кредитных структур в различных частях мира, поддерживаемого небольшими накоплениями золота в руках немногих стран, валюты которых твёрдо опираются на золото, таких как Англия и Соединённые Штаты».^{228}

«Всё посыпалось...»

Подобно тому, как лопнул американский пузырь секьюритизации субстандартного (некачественного) ипотечного кредитования в 2007 году, крах нью-йоркского фондового рынка в октябре 1929 года был всего лишь признаком намного более серьёзной и фундаментальной болезни в системе глобальных финансов. Норман из Банка Англии убедил Стронга держать ставки ФРС низкими, поскольку это оказывало влияние на британские ставки и ставки континентальной Европы, за счёт чего удерживалась вся финансовая стабильность послевоенной Великобритании, и помогало предотвратить там рецессию. Низкие процентные ставки вызвали подъём на нью-йоркском фондовом рынке, поскольку шальные деньги, очевидно, подпитывали американский бум потребления, финансируемый прежде всего новыми доступными условиями потребительских кредитов.

Бросающееся в глаза потребление американцев в течение «Ревущих двадцатых» основывалось на иллюзии роста благосостояния большинства населения. Это серьёзно искажённое потребление в долг создало национальное иллюзорное богатство – Ахиллесову пятую экономики в 1929 году. В Америке к этому году в кредит было куплено полностью 60% всех автомобилей и 80% домашних радиоприемников. Люди покупали в кредит, поскольку большинство американцев в течение 1920 годов зарабатывало сравнительно мало.

Серия снижений налогов во время правления президента-республиканца Кулиджа, задуманная и проведённая в жизнь очень богатым министром финансов Эндрю Меллоном,

только сдвинула доходы в пользу крохотного меньшинства владельцев корпораций и тех, кто унаследовал состояния. Это сокращение налогов принесло выгоду богачам и помогло сконцентрировать крупную долю растущего национального дохода в руках одной десятой от 1% очень богатых американцев. Налоги на человека с годовым доходом в размере миллиона долларов в течение 1920 годов упали с 600 000 долларов до 200 000, в то время как налоги на средний класс и семьи победнее только росли.

К 1929 году как число, так и размер гигантских корпораций, подобных «Американ Стил» или «Дженерал Электрик», продолжали увеличиваться, почти две трети индустриального богатства перешли из личной собственности в собственность крупных акционерных частных корпораций. На вершине корпоративной пирамиды управления стояли основные банки Уолл-Стрит, такие как «Дж. П. Морган», «Чейз Банк», «Кун, Лёб и К^о», «Меллон Банк» и т. п. В 1923 году именно консервативный американский Верховный Суд усилил разницу в доходах своим решением по делу «Адкинс против Детской больницы», в котором постановил, что законы о минимальном размере оплаты труда не соответствуют Конституции.^{229}

«Богатые стали богаче, а бедные стали беднее», – пелось в популярной песне 1920 годов с сардоническим названием «Разве это не смешно?».

Объединённый доход верхушки одной десятой от 1% американцев в 1929 году был равен полному объединённому доходу для 42% населения с самыми низкими доходами. Пересчитывая на семейные единицы, у 24 500 богатых семей в Америке был тот же самый объединённый доход как у 11 000 000 бедных семей и семей среднего класса из нижней части списка. Богатейший слой населения управлял 34% всех сбережений, в то время как 80% американцев не имели сбережений вообще. За фасадом американского процветания 1920 годов стояло здание, основанное на долге, иллюзии постоянного процветания и возрастающих курсах акций. Как только в 1929–1931 годах карусель потребительского кредитования остановилась, бум потребления исчез, поскольку большинство американцев просто не могло позволить себе больше покупать в кредит.^{230}

Растущие курсы акций привлекали инвестиции всё большего количества людей, которые могли взять кредит в своём банке, чтобы покупать акции с маржой, то есть, выплачивая только приблизительно 10% от фактической цены, приобретая остальное на заёмные деньги. Покупка ценных бумаг, частично финансируемая за счёт заёмных средств, преобладала на последней стадии лихорадки фондового рынка Уолл-Стрит, поскольку банки свободно кредитовали брокеров и других спекулянтов, ожидая выплат от постоянно повышающихся курсов акций.

Как только вся эта кредитная гонка споткнулась в 1929 году, когда испуганная ФРС в безуспешной попытке остановить фондовый пузырь запоздало подняла процентные ставки, всё здание потребительского кредитования потерпело крах, а вместе с ним вскоре рухнула и реальная производственная экономика.^{231}

К октябрю 1929 года на Нью-йоркской фондовой бирже крутились акции, купленные в кредит – на рекордную сумму 8 миллиардов долларов, заёмные деньги, которые ещё должны были быть возмещены. Большинство этих займов шло на то, чтобы покупать акции с маржой. Покупка ценных бумаг, частично финансируемая за счёт заёмных средств, поощрялась крупными банками Уолл-Стрит, поскольку их прибыль была невероятной, по крайней мере, пока играла музыка этой безумной карусели.

Крах Нью-йоркской фондовой биржи в октябре 1929 года пришелся на седьмой месяц президентства Герберта Гувера. Никто из предыдущих президентов никогда не вмешивался в биржевой крах, и традиционный взгляд состоял в том, что подобные вещи нужно оставлять для самостоятельной коррекции и не допускать правительственного вмешательства.

Преодолев возражения министра финансов Эндру Меллона, Гувер в конце 1929 года объявил план действий из 10 пунктов, среди прочего нацеленный на недопущение банковской паники, широкого распространения банкротств и потери домов, на помощь сельскому хозяйству, на умиротворение встревоженных безработных и сохранение доллара

сильным. Правительственные проекты общественных работ были ускорены, чтобы обеспечить больше рабочих мест. Гувер как истинный республиканец-консерватор стремился усиливать потенциал правительства и поддерживать частные инициативы вместо того, чтобы провести прямую национализацию. К началу 1931 года американский экономический спад показал некоторые признаки стабилизации. Но это была лишь краткая пауза в ужасающем нисходящем скольжении.

Одновременно с тем, что зашатались основы хрупкого европейского золотого обменного стандарта Монтегю Нормана, надвигалось новое и ещё более мощное финансовое цунами, которое опустошит мир. Силу ему придали политические решения Франции «преподать немцам урок».

Франция уничтожила золотой стандарт

Весной 1931 года европейский шторм сломал дамбу. Специфическая форма французской «исключительности» сыграла решающую роль в непреднамеренном разрушении валютной системы всего мира и погрузила мировую экономику в депрессию.

В марте 1931 года Австрия, крошечный осколок довоенной Австро-Венгерской империи с населением в 6 миллионов человек, объявила, что начала переговоры с Германией о создании общего таможенного союза с целью оживить торговлю, которой угрожал спад. Такой союз не стал бы даже техническим нарушением Версальского договора. Определённо, он не представлял никакой угрозы мировой безопасности.

Правительство Франции отреагировало стремительно и, чтобы оказать давление на обе страны с целью остановить их таможенное объединение, потребовало немедленную выплату приблизительно 300 миллионов долларов краткосрочных кредитов, которые Германия и Австрия были должны французским банкам. Эти требования вызвали паническое бегство капитала из шаткой австрийской валюты. Слабейшим звеном в австрийской финансовой системе был банк «Вьена Кредитанштальт», крупнейший банк в Австрии.

«Вьена Кредитанштальт» с займами Венгрии и по всему дунайскому региону был кредитором основной части австрийской промышленности и недвижимости, а также выдал свыше 50% всех банковских кредитов в стране. Банк рухнул в мае 1931 года на фоне панического вывода вкладчиками своих средств. Яростные усилия вновь созданного базельского Банка международных расчётов обеспечить чрезвычайный заём, чтобы стабилизировать «Вьена Кредитанштальт», потерпели неудачу.

Одновременно французское правительство в качестве предварительного условия своего участия в чрезвычайном базельском займе настояло на том, что Германия и Австрия отказываются от запланированного таможенного союза. Как уже было указано, последний непосредственно не нарушал Версальский мир, который запрещал только полную аннексию Австрии Германией.^{232}

Кризис, подобно лесному пожару, распространился по всей Австрии и перекинулся на связанную с ней банковскую систему Германии.

Крах банка «Вьена Кредитанштальт» привёл к панике вкладчиков банка «Дармштадт унд Националбанк» (или «Данат-банк») в Германии и также стал причиной валютного кризиса правительства Брюнинга. На этом этапе Банк Англии, американская ФРС, немецкий «Рейхсбанк» и Банк Франции встретились, чтобы обсудить чрезвычайное кредитное вливание и попытаться остановить распространение валютной паники.

Гувер добился однолетнего моратория на немецкие репарационные платежи, чтобы попытаться ослабить давление на Германию. 30 июня 1931 года мораторий вступил в силу. Но этот шаг был воспринят как слишком малый и слишком поздний, и паническое бегство иностранных банков из немецких активов только нарастало, поскольку инвесторы боялись, что дальше будет только хуже. Немцы также начали выводить капитал из рейхсмарок в доллары, фунты стерлингов, франки или в золото. В июле президент «Рейхсбанка» Ганс

Лютер побывал в Париже, Базеле и Лондоне, предупреждая, что «Рейхсбанк» Германии нуждается в срочной ссуде в 500 миллионов долларов, чтобы предотвратить неплатежи и банкротства. Эта новость только подстегнула панику. Все послевоенное международное финансовое здание начинало рушиться.^{233}

На этом этапе французское правительство держало козырную карту. Франция пережила свои собственные валютные кризисы в начале 1920 годов и едва-едва предотвратила гиперинфляцию. В 1926 году приступило к работе правое правительство Раймона Пуанкаре и с поддержкой Моро из Банка Франции предприняло немедленные действия с целью строгой бюджетной экономии, увеличило налоги и сделало другие шаги, чтобы остановить отток капитала и стабилизировать франк, который был всё ещё вне золотой системы. Правительство объявило о планах возвратиться к золотому стандарту в самом скором времени, чтобы придать дальнейшей уверенности. В результате франк подорожал на 40% в течение нескольких недель после возвращения Пуанкаре в 1926 году.

В 1928 году, после двух лет накопления собственных золотых резервов, правительство Пуанкаре и Банк Франции под управлением Эмиля Моро объявили, что Франция примет так называемый Закон о стабилизации, чтобы облегчить возвращение французского франка к золотому стандарту. Но Париж не собирался играть по правилам Монтегю Нормана и позволять Банку Англии установить международные правила золотого стандарта к преимуществу Англии.

В отличие от Великобритании, которая, чтобы вернуть лондонскому Сити международное влияние, пожертвовала британской экспортной конкурентоспособностью и британскими рабочими местами, привязывая стерлинг к довоенному паритету 4,86 долларов США, Банк Франции присоединился к золотому стандарту в паритете, равном 20% от его довоенного уровня.

Это привело к существенному восстановлению французского экспорта, росту занятости, расширению объёмов промышленного производства, огромному профициту торгового баланса и, с этим, к росту резервов иностранной валюты в иностранных центральных банках, и прежде всего – в Банке Англии. Но то, что было хорошо для Франции, было плохо для остального мира вследствие структуры международного долга, за которым стоял золотой обменный стандарт. Золото утекало из Лондона и других континентальных европейских столиц в Банк Франции.

В 1927 году Банк Франции потребовал, чтобы Банк Англии конвертировал содержащиеся в Банке Франции фунты стерлингов на сумму приблизительно 30 миллионов в золото, чтобы пополнить французские золотые запасы центрального банка перед присоединением к золотому стандарту. Именно этот французский запрос о золоте вынудил Банк Англии обратиться к Бенджамину Стронгу с фатальной просьбой помочь стабилизировать фунт.

Банк Франции, опасаясь возвращения инфляции в результате хранения своих валютных резервов в иностранных бумажных деньгах, таких как фунт стерлингов, которые могли произвольно раздуваться, решил базировать свои резервы на предвоенный манер – только на золоте. Франция повела себя как «пурист» и отклонила стандарт содержания резервов в нетвёрдых бумажных деньгах плюс золото, которого Великобритания и другие страны начали придерживаться в 1925 году.^{234} Франции снова пошла наперекор в вопросах политики центрального банка. Моро, чрезвычайно консервативный банкир, был (и не без серьёзных оснований) убеждён, что золотой обменный стандарт Банка Англии обладает опасными изъянами. Насколько он был прав, скоро станет очевидным всему миру.

Моро стремился к тому, чтобы Франция после нескольких лет хаоса и неустойчивости возвратилась к твёрдой денежной политике и финансовому благоразумию. Единственная проблема состояла в том, что в мировой денежной системе доминировал именно золотой обменный стандарт Нормана-Стронга. Эта система, а также связанные с ней погрязшие в долгах европейские экономические системы насквозь прогнили.

Здание золотого обменного стандарта было основано на международной структуре

кредитования, сосредоточенной на нью-йоркских кредитах, которые, в свою очередь, держались на способности основных европейских экономических систем продолжать заимствования, чтобы финансировать свой собственный экономический рост по неправомерно заниженным процентным ставкам. Как только процентные ставки, устанавливаемые сердцем долговой пирамиды – нью-йоркской ФРС, – изменились, всё здание дешёвых кредитов начало запутываться в неплатежах стилия домино и банкротствах, сначала в самых слабых экономических системах Европы, а затем, в конечном итоге, и в самих США, когда пропало доверие.

Французские действия вокруг золота были смесью политических страхов перед возрождением Германии и страхов перед возвращением внутреннего экономического хаоса, забастовками и рецессией, если Франция вернётся к политике лёгких денег. Это вынуждало французское правительство и Банк Франции действовать в одиночку.

Возвращение в 1926 году к стабильности франка и перепривязка к золоту на уровне 20% от довоенного паритета привели в 1928 году к репатриации французского капитала во французские банки и новому притоку иностранного капитала, поскольку экономика процветала. К 1931 году, когда остальной мир погружался в рецессию, Франция достигла полной занятости и начинала чувствовать свою собственную независимость в европейских делах.

В результате своей политики преобразования активов иностранной валюты в золото Франция стала к 1931 году вторым по величине держателем монетарного золота в мире после американской Федеральной резервной системы. Всего лишь за пять лет французские авуары золота в центральном банке возросли в десять раз. К 1931 году эти два центральных банка, ФРС и Банк Франции, управляли полностью 75% мировых запасов монетарного золота. ФРС была строго ограничена относительно использования своих резервов поправками, внесёнными Конгрессом в закон о Федеральной резервной системе 1913 года. Эти правовые ограничения были изъяты только в 1933 и 1935 годах, много позже начала Депрессии.

Это поставило Францию и Банк Франции в чрезвычайно сильную позицию, когда разразился европейский кризис, кризис, который во многом был спровоцирован французскими политическими и финансовыми требованиями к Германии и Австрии.

В июле 1931 года, когда Германия умоляла центральные банки в Лондоне, Париже и Нью-Йорке о ещё одной чрезвычайной ссуде в 500 миллионов долларов, Франция была решающим игроком. Она использовала этот случай, чтобы объявить о французской готовности участвовать в очередном немецком чрезвычайном спасении, но при условии, что немецкое правительство расформирует свои «Стальные Шлемы»¹⁵, остановит дальнейшее строительство «карманных линкоров», которые были позволены Версальским договором, а также откажется от таможенного объединения с Австрией. Немецкое правительство Генриха Брюнинга отклонило французские условия, усмотрев в них оскорбительную попытку низвести Германию до экономического рабства.

Гувер пытается воздвигнуть плотину

Кризис теперь полностью сфокусировался на долге Германии, частном и государственном, который взлетел до небес с тех пор, как в 1924 году была проведена по Плану Дауэса стабилизация рейхсмарки. В 1920-х годах большинство американских банкиров, включая «Дж. П. Морган и К^о» и Бенджамина Стронга, как правило,

¹⁵ «Стальной шлем, союз фронтовиков», нем. Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten – немецкая консервативная полувойсковая организация, созданная после поражения Германии в 1918 г. Патриотически настроенными офицерами.

рассматривали Германию как обычного очередного заёмщика, хотя с немного повышенным риском, не отличая операции с ним от предоставления кредитов на американские железные дороги или от колеблющихся курсов акций американских компаний. Они предполагали, что поддержка самого мощного центрального банка в мире и его золота застрахует их от любого потенциального риска из Германии, забывая, что это суверенная страна со своими собственными идеями о выплате долгов.

В отличие от американских французские банкиры были склонны рассматривать каждый немецкий заём как политический шаг в усилиях немецких учреждений аннулировать Версальский договор и восстановить довоенную немецкую целостность. Французский взгляд был гораздо ближе к реальности, подчеркивая смертельную ошибочность решения Бенджамина Стронга практически в одностороннем порядке связать после 1917 года американскую финансовую и кредитную структуру с валютной структурой послевоенной Европы.

К июлю 1931 года золотые запасы Германии, Австрии, Венгрии и большинства восточноевропейских стран иссякли, и большинство банков было закрыто.

Президент Гувер лично звонил американскому министру финансов и в ФРС, чтобы определить, насколько серьёзно пострадали американские банки в Европе, и определить какие шаги нужно предпринять. Близкий друг Гувера из крупного калифорнийского банка выразил обеспокоенность по поводу широко распространенной практики американских банков, выпускающих банковские акцепты (форма краткосрочных ссуд) немецким и другим европейским банкам. Эти акцепты обычно были 60 или 90-дневными ценными бумагами, обеспеченные только накладными на отправленные, но ещё не поставленные товары. Гувер запросил ФРС и Министерство финансов оценить, сколько подобных необеспеченных кредитов предоставлено европейским банкам.^{235}

Федеральная резервная система сообщила президенту, что, по её оценке, самое большое это было всего 500 миллионов долларов, называя эту сумму ничем не угрожающей американским банкам. Опасаясь худшего, Гувер заказал независимую оценку у правительственного Контролёра денежного обращения¹⁶. Его оценка составила тревожные 1,7 миллиарда или больше долларов. Эта сумма уже угрожала всей слабо капитализированной американской банковской системе, если новость о ней просочится наружу.

Когда Бенджамин Стронг, чтобы помочь Банку Англии противостоять французскому изъятию золота, снизил в 1927 году процентные ставки Нью-йоркского Федерального резервного банка, американские кредиты Европе взлетели до небес. Европейские банки были готовы платить огромные проценты, до 7% или больше, за отчаянно необходимые долларовые кредиты. В июле 1931 года Контролёр проинформировал Гувера, что европейские банки к тому времени были уже не способны проводить платежи по многим из этих банковских акцептов, которые американские банки пытались^{236} держать в тайне, чтобы избежать дальнейшей паники.

Гувер послал своего заместителя министра финансов Огдена Миллза в Лондон, чтобы осторожно расспросить о том, в какой степени британские банки погрязли в подобных необеспеченных бумагах банковского акцептования. Банк Англии об этом ещё не задумывался, но через два дня дал первоначальную смету, ещё более подогревшую опасения по поводу стабильности золотого обменного стандарта: все английские банки наряду с голландскими и скандинавскими банками имели таких бумаг на более чем 2 миллиарда долларов.

¹⁶ Должностное лицо федерального Министерства, назначаемое президентом и утверждаемое Сенатом; отвечает за регистрацию, инспекцию всех национальных банков, надзор за ними и их ликвидацию, может требовать отчёты о финансовой деятельности всех национальных банков по меньшей мере четыре раза в год и публиковать их в местных газетах. Национальные банки могут быть объявлены несостоятельными только по решению Контролёра денежного обращения.

Гувер оценил, что одни только немецкие, австрийские и венгерские банки держали целых 5 миллиардов долларов таких краткосрочных облигаций со сроком погашения через 60-90 дней, ошеломительную сумму. До этого момента ни у кого не было малейшего понимания об этом тотальном банковском риске.

Банкиры, заверенные, что кредиты в конечном счёте обеспечены поставкой физических товаров, давали займы индивидуальным заёмщикам. Поскольку весной 1931 года поток торговли замедлился, поставки через Германию, Австрию и Венгрию начали стремительно падать. Ценные бумаги, основанные на ожидаемой коммерческой торговле, перестали что-либо стоить, весьма похоже на то, как в период краха 2007-2008 годов начала лавинообразное падение стоимость секьюритизированных облигаций на нескольких триллионов долларов после дефолта субстандартной ипотеки и других американских залладных.

Более краткосрочные заимствования заведомо превышали 5 миллиардов долларов долгосрочного заимствования, которое было предпринято немецкой промышленностью, муниципалитетами и правительствами.

В своих мемуарах Гувер подробно изложил свою реакцию, когда он тогда осознал размеры разваливающейся европейской долговой пирамиды:

«Мина, которая лежала в основе мировой экономической системы, теперь ясно представляла перед глазами. Теперь очевидно, почему европейский кризис так долго откладывался. Они получали фиктивный вексель "А", чтобы оплатить вексель "Б" и свой внутренний дефицит. Не знаю, получал ли я когда-либо худший шок. Навязчивая перспектива массовых банковских банкротств и необходимость не проговориться американскому народу относительно причины и опасности, чтобы не навредить работе наших банков, не давали мне спать. Эта ситуация больше не была лишь помощью зарубежным странам к косвенной выгоде всех. Это был теперь вопрос спасения самих себя».
{237}

К сожалению, было уже немного поздно спастись. К тому моменту Гувер, несмотря на сильное противодействие министра финансов Меллона, публично призвал к соглашению о «выплате процентов по долгу» или к мораторию всех частных банков, которые держали немецкие и центрально-европейские краткосрочные обязательства. Меллон, который был в Лондоне вместе с госсекретарём Стимсоном на конференции по банковскому кризису, призвал Гувера обсудить ухудшающуюся европейскую ситуацию. Меллон убеждал президента согласиться на запрос Германии о дополнительных 500 миллионах долларов, чтобы удержать оборону. Гувер ответил, что это только исправит глупые ошибки частных банков, но не решит саму проблему.

Гувер настаивал, что «банкиры, а не наши налогоплательщики, должны взять на себя бремя решения». Несмотря на напряженные возражения Меллона, Стимсона и Банка Англии, Гувер выпустил свой публичный призыв к добровольному банковскому «соглашению о невостребовании долгов». Лондонская конференция на тот момент утвердила Мораторий Гувера, то же сделал и новый Банк для международных расчётов в Базеле, который Гувер попросил наблюдать за добровольным планом. Группа нью-йоркских банков сказала президенту, что они против моратория на востребование долгов, вынудив в итоге Гувера согласиться с новым американским правительственным займом Германии.

Банк для международных расчётов, когда опубликовал свой итоговый отчёт в 1932 году, сообщил, что «общая сумма международной краткосрочной (частной) задолженности, которая существовала на начало 1931 года, составляла в общем более 10 миллиардов долларов». Это вдвое превышало оценку Гувера.

Мораторий на востребование долгов решил проблему лишь не надолго – до 21 сентября 1931 года, когда Банк Англии объявил дефолт по своим обязательствам по иностранным платежам.

24 июля 1931 года Банк Франции начал выводить свои крупные золотые депозиты из Банка Англии, а также из Нью-йоркского Федерального резервного банка. Французские

действия вызвали кризис доверия к фунту стерлингов.

Лондонские банки также держали крупные суммы теперь неплатёжеспособных краткосрочных ссуд восточноевропейским и немецким банкам. В августе 1931 года, чтобы попытаться остановить падение стерлинга, Банк Англии поднял свои процентные ставки. Одно только это усугубило положение, поскольку паника только усилилась.

Британское правительство заимствовало приблизительно 650 миллионов долларов у американских банков, чтобы попытаться остановить панику, снова сделав только хуже. 14 сентября моряки Атлантического Флота британского Королевского флота организовали восстание против правительства в ответ на сокращения выплат и ухудшающиеся условия занятости, что стало известным как Инвергордонский мятеж¹⁷. Он угрожал самой стабильности правительства, и через неделю, 21 сентября 1931 года, Банк Англии официально отказался от золотого стандарта, вынудив закрытие большинства рынков ценных бумаг и товаров в Европе.

Однако с пагубными последствиями для своего собственного населения Федеральная резервная система сохраняла своё золотое дисконтное окно открытым, позволяя утечку американского золота за границу, таким образом форсируя серьёзный кризис кредитования во внутренней американской экономике. Все здание «разгула потребительского кредитования»

Ревущих 1920-х, новая практика «покупки в рассрочку», в этом процессе начало стремительно разваливаться.

Вместо того, чтобы для предотвращения нарастающей экономической рецессии вливать в отечественную экономику ликвидность, Нью-Йоркский Федеральный резервный банк (теперь под управлением Джорджа Харрисона после смерти Стронга в ноябре 1928 года) выводил её из экономики в тщетной попытке удержаться на золотом обменном стандарте, поднимая на ошеломительную высоту учетные ставки Федеральной резервной системы – от 1% до 3% в октябре 1931 года.

Эта отчаянная попытка Уолл-Стрит и Нью-Йоркского Федерального резервного банка спасти свой золотой стандарт и с этим свою мечту об американской финансовой империи привела к уничтожению обоих, хотя банкиры отказывались принять этот факт. Выросшие ставки ФРС ввергли американскую экономику в глубокую депрессию и дефляцию.

Но за жёсткий золотой стандарт держались так долго не из-за экономической ортодоксальности. Это произошло потому, что направляющие Уолл-Стрит влиятельные силы – Денежный Трест – были твёрдо настроены не жертвовать своей целью – созданием управляемой США глобальной валютной державы через золотой обменный стандарт, который «Дж. П. Морган и К°», Бенджамин Стронг, Диллон, Рид, Эдвин Кеммерер и ведущие финансовые элиты Соединённых Штатов выстроили на пепле Первой мировой войны. Они испытывали мало угрызений совести по поводу погружения экономики США в самую тяжёлую в американской истории депрессию в своей, в конечном счёте, бесплодной попытке вырвать из рук Англии глобальную финансовую власть.

В отличие от событий в Соединённых Штатах после 1931 года британский фунт стерлингов плавал свободный от привязки к золоту, и его девальвация приблизительно на 40% подняла британский экспорт и смягчила воздействие мирового краха. Довольно быстро другие европейские страны тоже оставили золотой стандарт, за исключением Франции. США, тем временем, цеплялись за дефляционный золотой паритет до апреля 1933 года.

¹⁷ Инвергордонский мятеж (англ. Invergordon Mutiny) – массовая акция неповиновения моряков британского флота 15-16 сентября 1931 года в базе Инвергордон в Шотландии, вызванная намерением правительства сократить зарплату личного состава флота. Эти события, в которые оказались вовлечены до 12 тыс. моряков, стали единственным крупным мятежом британского флота в XX веке; при этом он был совершенно бескровным. Правительство оказалось вынуждено пойти навстречу морякам, хотя наиболее активные участники выступления подверглись наказаниям. Политико-экономические последствия мятежа были значительными.

Стечение обстоятельств этих кризисов привело к возросшей роли федерального правительства в американской экономической жизни. Это приняло форму Нового курса Франклина Делано Рузвельта, когда первый с Первой мировой войны президент-демократ вошёл в должность 4 марта 1933 года. Большинство программ восстановления Рузвельта были в действительности продолжением или выполнением многих из инфраструктурных проектов, которые были начаты невезучим Гувером.

С самого начала Великой Депрессии в 1931 году через пик военных расходов в 1944 году американский правительственный долг вырос с 29% от ВВП к более чем 130%. Одновременно доля расходов на общественные нужды во всей национальной экономике повысилась с 12% в 1931 году к более чем 45% к 1944-му.

Великий проект Бенджамина Стронга сделать Нью-Йорк и Уолл-Стрит банкирами Европы и всего мира существенно искажил структуру глобальной финансовой системы, международной торговли и экономического развития и привёл к их окончательному и неизбежному краху.

Потребуется ещё шесть лет внутренней экономической депрессии, корпоративной реструктуризации и подготовки к новой большой войне в Европе, чтобы полностью преодолеть это поражение Уолл-Стрит и вытеснить Британскую империю как доминирующую силу в мире. И потребуется окончательное уничтожение возрождающегося как будущий конкурент американской гегемонии Германского Рейха.

Этот процесс назовут Второй мировой войной. В действительности он был продолжением нерешённых геополитических проблем Первой мировой войны, колоссального и трагического сражения между двумя державами – Германией и Соединёнными Штатами – за право стать преемником Британской империи в качестве основной мировой державы. По крайней мере, именно так рассматривали это ведущие элиты в американском истеблишменте.

Сомнительно, лелеяли ли когда-либо немецкие элитарные круги серьёзно идею глобальной абсолютной власти. Очевидно, они не делали этого до 1914 года, и по всем признакам, даже в течение 1930-х. Для этого Гитлер слишком сильно боялся мощи Британской империи.^{238}

Однако не могло быть сомнений, что у Денежного Треста США действительно были идея и намерение создать глобальную абсолютную державу, неофициальную финансовую империю, обеспеченную самыми мощными вооружёнными силами в мире. Чтобы решить эту задачу, они нуждались в новой мировой войне.

Федеральная резервная система должна была и здесь сыграть решающую роль. Первая попытка влиятельных нью-йоркских банков, за которыми стоял частный Федеральный резервный банк Нью-Йорка, потерпела катастрофическую неудачу, которая погрузила Соединённые Штаты в худший в их истории финансовый кризис с цепной реакцией банковских банкротств и годами депрессии. Не прошло и десяти лет, как Уолл-Стрит и влиятельные семьи, стоящие за её спиной, были готовы сделать свою вторую и удавшуюся заявку на глобальную власть.

Глава 6

Новый курс, Великая Депрессия: на сцену выходят Рокфеллеры

«Разве это не обычное воровство? Не так ли, господин президент?»

– *Сенатор Томас Гор Франклину Д. Рузвельту на решение президента в 1933 году об отмене погашения задолженности в золоте*

Падение «Дома Моргана»

Первая попытка создать в Нью-Йорке центр мировых финансов при золотом обменном стандарте, управляемом США, провалилась в сентябре 1931 года, когда Великобритания, а вместе с ней и ряд других европейских стран отказались от золотого стандарта. Крах был закономерным и полностью предсказуемым, учитывая хрупкую международную систему банковских кредитов и гарантированных облигаций, которая была построена «Дж. П. Морган и К°» после Версальской мирной конференции в 1919 году.

В 1930 году, когда сельскохозяйственная депрессия в Америке достигла пика, усугубленная рекордной засухой и пыльными бурями, ставшими результатом десятилетий экстенсивного земледелия без севооборота, разорилось 1345 банков, большинство из которых было небольшими сельскими фермерскими банками. Распространение изъятия вкладов из оставшихся банков привело к самораскручивающейся спирали закрытий одних банков, кредитных ограничений в остальных и всё углубляющейся экономической депрессии, которая снова вела к ещё большему количеству банковских банкротств.

К 1931 году уже закрылось 2294 банка, почти в два раза больше, чем в предыдущем году. И ещё 1453 банков закрыли свои двери в 1932 году. На этот момент, в год президентских выборов, кризис перекинулся от отдельных банков на целые штаты. Губернаторы штатов, начиная с Невады, стали объявлять «банковские каникулы» на своей территории в попытках остановить панику снятия наличных, которая вскоре распространилась и на промышленный штат Мичиган.

Опасаясь неизбежной девальвации американского доллара по отношению к золоту (рациональный шаг, который бы простимулировал американский экспорт промышленной продукции и сдержал бы медленно нарастающую волну безработицы), иностранные центральные банки и прочие держатели долларов начали переводить свои доллары в золото. Это сделало ещё более определённым финальный кризис, укрепляя решимость ФРС держать золотой паритет любой ценой, независимо от последствий для внутренней экономики.

Нью-йоркский Федеральний резервный банк повысил учетную ставку (процентную ставку коммерческих банков по кредитам ФРС) от низкого уровня в 1,5% в октябре 1931 года до 3,5% неделей позже. Этот огромный скачок более чем в два раза увеличил затраты на выплату процентов, но был сделан для того, чтобы отреагировать на «потерю золота и валютные требования» в соответствии с правилами преобладающего золотого стандарта.

Повышение ставок убило последние шансы на восстановление внутренней американской банковской системы и ещё более усугубило внутренний кризис, который, в свою очередь, подпитывал бегство вкладчиков из банков. В период с августа по ноябрь денежная масса США, в том числе циркулирующая валюта и банковские вклады, сократилась на 8% – беспрецедентный случай в короткой истории Федеральной резервной системы. Одновременно золотые запасы Федеральной резервной системы, которые теоретически должны были возрасти после повышения процентных ставок, упали на тревожные 11%.

Между крахом фондового рынка в октябре 1929 года и концом 1932 года, всего за три месяца до инаугурации Франклина Делано Рузвельта в марте 1933 года, национальное богатство Америки испарялось с невообразимой ранее скоростью. Национальный доход или ВВП упал с 88 миллиардов долларов почти в два лишним раза – до 42 миллиардов долларов к концу 1932 года.^{282}

Среди неразберихи крушения нью-йоркского фондового рынка в 1929–1933 годах и разорения тысяч небольших региональных банков по всей Америке в высшем эшелоне нью-йоркской банковской элиты шла титаническая борьба за власть, за то, кто же выйдет из этого кризиса сильнейшим.

Впервые в истории США (за исключением периода Гражданской войны 1861–1865

годов) на американском рынке капитала преобладал государственный долг правительства США. В 1930 году, через несколько недель после обвала нью-йоркского фондового рынка в октябре 1929 года, государственный долг США стоял на уровне чуть более 16 миллиардов долларов или всего 22% от национального дохода. К концу Второй мировой войны, в январе 1946 года, государственный долг составлял 278 миллиардов долларов или 170% от ВВП. Это означает, что номинальный долг федерального правительства всего за шестнадцать лет вырос более чем на 1700%.^{283}

Банковский бизнес США резко сместился от финансирования рынка ценных бумаг с частичной оплатой в кредит и международных займов к финансированию нарастающего огромного долга федерального правительства. Банки стали, по сути, трейдерами государственных облигаций, а не коммерческими кредиторами бизнеса. Фондовый рынок не обновит свои максимумы 1929 года ещё почти сорок лет.

Долгосрочным последствием политики эпохи Рузвельта стало резкое ослабление могущества международного частного банковского дела, особенно инвестиционного, которым занимались «Дж. П. Морган», «Кун Лёб», «ДиллонРид» и другие. Их способность извлекать обильные прибыли на страховании выпусков облигаций в Европе или Латинской Америке рухнула в сентябре 1931 года, когда Великобритания вышла из золотого обменного стандарта.

При отсутствии золотого стандарта в качестве психологической поддержки для возможного риска огромных международных кредитов, банки были вынуждены внимательно рассматривать реальные кредитные риски своих заёмщиков. И они ужаснулись увиденному. В результате международное кредитование иссякло практически в одночасье. Банки, боясь неплатежей, потребовали погашения существующих кредитов. Совокупный эффект способствовал самовозобновляющемуся циклу неплатежей и дефляции во всем мире.

После этого «Дж. П. Морган и К°» никогда больше не смог оправиться и восстановить своё былое господство в нью-йоркских и международных финансах. С давних времён, когда Морган со товарищи были эксклюзивными банкирами Министерства финансов Великобритании во время Первой мировой войны, бизнес, сцементированный в 1920-х годах интимной дружбой между протеже Моргана Бенджамином Стронгом из Нью-Йоркского Федерального резервного банка и Монтегю Норманом из Банка Англии, «Дом Моргана» строил свою растущее международное влияние через углубление и усиление своих связей с могущественным, но смертельно ослабленным лондонским Сити.

Летом 1931 года, в момент отчаянных и бесплодных усилий Банка Англии и его главы Нормана удержать Великобританию на золотом стандарте, Стронг сказал Норману, что британскому правительству стоило бы разработать пакет чрезвычайных спасательных мер совместно с «Дж. П. Морган и К°», финансовым агентом США при правительстве Её Величества с 1914 года.

Британское лейбористское правительство Рамсея Макдональда раскололось в результате нежелания большинства членов кабинета принять суровые сокращения британских пособий по безработице, потребованные «Дж. П. Морган и К°» в качестве предварительного условия для кредита. Морган обещал организовать синдикат нью-йоркских и других банков и поднять значительную сумму 200 миллионов долларов, чтобы спасти фунт, а с ним и золотой стандарт Моргана.^{284}

В итоге, Морган опоздал. 19 сентября 1931 правительство Макдональда объявило, что Великобритания решила полностью оставить золотой стандарт. Этим решением фактически завершилась стратегическая игра Дж. П. Моргана по включению Великобритании и лондонского Сити в нью-йоркскую финансовую империю в качестве партнёров.

С этого момента британское правительство никогда больше не воспользуется услугами «Дж. П. Морган и К°» в качестве своего эксклюзивного правительственного финансового агента в США, роль, которую Морган играл с 1914 года к своему огромному преимуществу.^{285} Это означало явное падение «Дома Моргана» в американском истеблишменте. Акулы хорошо чувствуют запах крови, особенно своих конкурентов.

Второй сокрушительный удар по превосходству «Дома Моргана» в нью-йоркских финансах в июне 1933 года нанёс Конгресс США, когда принял Закон Гласса-Стигала (официальное название – Закон о банковской деятельности 1933 года). В качестве меры, призванной сократить будущие фондовые и финансовые спекулятивные пузыри, новый Закон запретил банковским холдинговым компаниям владеть другими финансовыми компаниями, включая страховые и инвестиционные банки. Кроме того, он учредил Федеральную корпорацию страхования банковских вкладов для страхования банковских депозитов. Единственным крупным банком в Нью-Йорке, который призвал Конгресс принять Закон Гласса-Стигала, был «Чейз Банк» Рокфеллера. Глава банка Уинтроп Олдрич был сыном сенатора Нельсона Олдрича, того самого автора печально известного «Плана Олдрича», который стал ядром Закона о Федеральной резервной системе 1913 года.

On June 16, 1933, President Franklin Roosevelt signed the Banking Act of 1933, a part of which established the FDIC. At Roosevelt's immediate right and left were Sen. Carter Glass of Virginia and Rep. Henry Steagall of Alabama, the two most prominent figures in the bill's development.

Рис. 6. 16 июня 1933 года президент Франклин Делано Рузвельт подписал Закон о банковской деятельности (Закон Гласса-Стигала) 1933 года, который страховал банковские депозиты и разделил брокерскую, страховую и собственно коммерческую банковскую

деятельность, чтобы избежать чрезмерной концентрации финансовой власти

Уинтроп Олдрич усиленно лоббировал Конгресс принять Закон Гласса-Стигала, несмотря на сильную оппозицию со стороны Моргана и других нью-йоркских банкиров. В отличие от «Дж. П. Морган и К^о» «Чейз Банк» стал крупнейшим в мире депозитным банком в основном за счёт расширения традиционных кредитов ряду компаний Рокфеллера, таких как «Стандарт Ойл». «Чейз Банк» менее, чем «Дж. П. Морган и К^о» зависел от гарантирования международных облигаций или спекуляций на покупке и продаже акций.^{286}

Рокфеллеры удачно воткнули нож в спину своих конкурентов из круга Моргана, как только те ослабли. «Чейз Банк» вышел чистым из скандала после расследования Банковским комитетом Сената банковских нарушений, и был явно принят как «друг» Нового курса, что было редкостью в среде Уолл-Стрит, где Франклина Рузвельта презрительно называли «предателем своего класса» за его словесные нападки на Уолл-Стрит за алчность, коррупцию и прозвище «экономические роялисты». Традиционные консервативные банкиры Уолл-Стрит рассматривали антикризисные меры Рузвельта, такие, как Национальная администрация восстановления, как гигантский шаг к большевизму.^{287}

Закон Гласса-Стигала, который был принят на фоне национальной банковской паники в первые дни администрации Рузвельта, нанёс сокрушительный удар по некогда всемогущему «Дому Моргана», удар, от которого тот никогда полностью оправился.^{288} На пепелище «Дома Моргана» возникла фракция Рокфеллера, чтобы вознестись в самым вершинам власти в истеблишменте США.

Кризис золота и удешевление доллара

К январю 1934 года встроенные недостатки разработанного американцами золотого стандарта окончательно подорвали общественное доверие в банковской сфере. Одновременно правительство открыто публиковало сведения, какие банки внутри США, по его мнению, в опасности и нуждаются в правительственной помощи, разжигая новое паническое бегство депозитов из тысяч небольших и плохо капитализированных банков.

Через два дня после своей инаугурации в качестве президента 6 марта 1933 года Рузвельт объявил о четырёх днях национальных банковских каникул. Основная цель – воспрепятствовать скупке или экспорту золота или серебра.^{289} Все банки в США были закрыты. Ни положить, ни снять деньги было невозможно, а федеральные аудиторы были направлены проверить счета всех банков перед выдачей свидетельства, какие из них способны выполнять финансовые обязательства, а которые подлежат закрытию.

Рис. 7. 19 марта 1933 года президент Рузвельт закрыл все банки собственным распоряжением и изменил курс доллара к золоту.

Президент продемонстрировал своё презрение к официальной правовой процедуре и просто сослался на не связанный с ситуацией Закон торговле с врагом 1917 года в качестве правовой основы. Предполагалось, что в настоящее время этим «врагом» являлись иностранные держатели поддерживаемых золотом долларов США.

В течение трёх дней Конгресс принял Чрезвычайный Закон о банках, который одобрил действия президента и дал ему карт-бланш действовать дальше. 5 апреля 1933 года Рузвельт подписал распоряжение, которым объявил незаконным для американских граждан держать или владеть золотыми монетами, слитками или золотыми сертификатами.^{290} Нарушение каралось штрафом 10 тысяч долларов или десятью годами тюремного заключения, что сделало владение золотом уголовным преступлением.

Федеральное правительство таким образом конфисковало золото у своих собственных граждан. Поскольку золото повсеместно рассматривалось как окончательное средство сбережения, это была массивная принудительная конфискация государством частного благосостояния своих граждан взамен простых бумажных обещаний оплатить в будущем. Граждане были бессильны что-то сделать, они могли лишь надеяться на лучшие времена на фоне углубления депрессии. Мало кто понимал, как работает золото. Благодаря конфискации золотых запасов населения правительство США не только пополняло свой золотой резерв за

счёт собственных граждан, но и лишало их какого-либо шанса прибегнуть к золоту для личного долгосрочного сбережения в разгар худшей экономической депрессии в стране.

Одновременно правительство остановило конвертацию долларов в золото. 5 июня 1933 года Конгресс официально отказался от золотого стандарта и объявил отменёнными и недействительными традиционные контракты с «золотой оговоркой», в соответствии с которыми кредитор, иностранный или отечественный, мог потребовать погашения в любой валюте или в золоте. Около 100 миллиардов долларов таких контрактов, ошеломительная сумма, затем остались не выплаченными в каждой сфере – от недвижимости до полисов страхования жизни и железнодорожных облигаций. «Золотая оговорка» была страховкой от инфляции и гарантией возврата денег. ^{291}

Теперь всё изменилось. Кредитор больше не мог требовать погашения частных долгов в золотых монетах. Сенатор Томас Гор из Оклахомы, когда спросили его мнение об отмене Конгрессом «золотой оговорки», отрезал: «Разве это не простое воровство? Не так ли, господин президент?» Лондон называл декларацию американского Министерства финансов (о том, что последнее больше не будет оплачивать свои долги золотом) несколько более дипломатично – «американский дефолт». ^{292}

Барух в выигрыше, остальные проиграли

Один человек вышел из финансового кризиса, значительно усилившись и с финансовыми ресурсами. Это был Барнард Барух, один из наиболее политически влиятельных персон Денежного Треста. Барух вёл финансовые операции и был политическим «вкладчиком» денег Уолл-Стрит с тем, чтобы влиять на Конгресс, а также был советником президентов Вильсона, Гувера и Рузвельта и даже премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Его успех на Уолл-Стрит был связан с железнодорожным миллионером Э. Харриманом, а также с Рокфеллерами. ^{293}

Один из самых влиятельных голосов, требующих жёсткой привязки к ортодоксальному золотому стандарту в те дни, Барух сделал своё состояние до и во время Первой мировой войны как биржевой агент американской медного треста, возглавляемого семьей Гуггенхайма.

В 1916 году, до вступления США в войну, президент Вильсон назначил Баруха главой Консультативной комиссии Совета национальной обороны, который позже стал Советом военной промышленности. Тем самым Барух стал де-факто военным царем промышленности США на весь военный период. На этом посту, как позже задокументировало расследование Конгресса, Барух объединил в картели основные сектора американской промышленности и помог создать огромный трест, вступивший в ценовой сговор в медной и других отраслях промышленности, создав условия для извлечения огромных прибылей из военного производства за счёт правительства, то есть, за счёт налогоплательщиков. ^{294}

Барух использовал привилегированную инсайдерскую информацию в рамках занимаемой должности в Совете национальной обороны. Например, документально известно, что он дал своевременный совет своим друзьям по бизнесу в картеле производителей меди продать огромное количество металла, имевшего жизненно важное значение для военного производства, правительству США по весьма завышенной цене всего за две недели до того, как президент Вильсон объявил войну 2 апреля 1917. ^{295} Это всё имело место в то время, когда Барух находился на должности с доступом к государственным секретам.

Рис. 8. Инсайдер Денежного Треста Барнард Барух (справа) помог Черчиллю сорвать куш на Нью-йоркской фондовой бирже перед её падением в 1929 году

Барух никогда не стеснялся инсайдерской торговли и конфликта интересов. После вступления США в европейскую войну в апреле 1917 года, когда очевидный конфликт интересов Баруха был настолько нагл, что подвергся нападкам в прессе, Барух назначил своего старого уолл-стритовского друга и делового партнёра Юджина Мейера-младшего контролировать все государственные закупки меди. В то время Мейер был председателем правительства Военной финансовой корпорации. Позже Барух обеспечит своему другу Мейеру владение политически влиятельной «Вашингтон Пост», скорее всего, из благодарности.

На протяжении республиканского правления 1920-х годов Барух выстраивал своё влияние, главным образом, с помощью больших финансовых взносов влиятельным демократам в Конгрессе. В те дни он был серым кардиналом вне конкуренции и через свои деньги и влияние контролировал голоса по меньшей мере 60 сенаторов и представителей в Конгрессе.

На момент краха Уолл-Стрит Барух считался самым влиятельным демократом в Вашингтоне при Гувере, а когда Конгресс перешёл под контроль демократов в начале 1930-х годов, его позиция окрепла невероятно.

После 1930 года республиканец Герберт Гувер всё чаще обращался за советом к Баруху о том, какие инициативы демократический Конгресс может предпринять по

противодействию распространению экономического кризиса в стране.

Барух не скрывал, что приобрел состояние на фондовом рынке, продав все свои акции на пике цен в октябре 1929 года за несколько недель до краха, что придало его публичным заявлениям ореол дельфийского оракула в кризис в начале 1930-х годов. Но он не упоминал, что его близкий друг Уинстон Черчилль по его совету сделал то же самое. Баруху и Черчиллю, как ни странно, удалось сбросить акции на пике фондового рынка, как раз перед тем, как Банк Англии спровоцировал события, приведшие к краху лондонского рынка в сентябре 1929 года. В некоторых кругах особо подозрительные считали, что и Черчилль и Барух получили выгоду в результате своих соответствующих инсайдерских постов.

В критические дни 1931 и 1932 годов Барнард Барух ковал в Конгрессе консенсус демократов и республиканцев, который доминировал в законодательстве и политических дебатах. В начале 1930-х годов могущественный председатель сенатского Комитета по финансам и другие влиятельные законодатели бывали частыми гостями на охоте в уединённом поместье Баруха в Южной Каролине.

Барух, таким образом, в эти критические первые годы депрессии обладал непревзойденной властью и влиянием в экономической политике Вашингтона. В ходе последующих событий то, что он сделает с этим влиянием, станет решающим.

Он призывал демократический Сенат оставить конфронтацию и не проводить курс, который может парализовать Белый дом. Вместо этого он предлагал прийти к консенсусу с республиканцами Гувера. Он говорил своим приятелям в Сенате:

«Страна находится в очень взбудораженном состоянии. Сейчас нужен именно покой, и никаких перемен. Давайте не будем пытаться исправить слишком много вещей сразу». ^{296}

Уникальное воздействие Баруха на политику Конгресса блокировало любую подлинно демократическую альтернативу катастрофической политике невмешательства Гувера в это критическое время. Это отсутствие инициативы или предложений от демократов в 1930-х годах мало чем отличались от оглушительного молчания демократов в Конгрессе более восьмидесяти лет спустя на дебатах в 2008 году по поводу беспрецедентного республиканского законопроекта спасения Уолл-Стрит стоимостью 700 миллиардов долларов.

Барух утверждал, что дефляция цен на сырьевые товары прошла дно в октябре 1930 года и что:

«пришли в движение естественные лечебные силы. Я не верю, что правительство способно что-либо сделать, чтобы помочь. Каждый раз, когда вмешивается правительство, оно делает только хуже». ^{297}

Тогда же он говорил группе академических экономистов демократической партии, что «бизнес должен пройти через выжимание и начать всё сначала», словно национальная экономика была какой-то гигантской стиральной машиной. Когда один из присутствующих экономистов возразил, что такой подход политики невмешательства правительства рискует вызвать беспорядки на улицах, Барух огрызнулся:

«Всегда есть слезоточивый газ, чтобы об этом позаботиться».

Он использовал своё влияние, чтобы решительно выступать против любых предложений по государственным расходам на общественные работы для снижения безработицы, которую он презрительно именовал «инфляцией рабочих мест». Статья на первой полосе номера от 12 ноября 1931 года «Нью-Йорк Таймс» демонстрировала необоснованный оптимизм: «Барух видит национальный подъём». Рядом с этим заголовком шла другая статья с цифрами: 67000 безработных выстроились в очередь в Нью-Йорке, чтобы зарегистрироваться для участия во внеплановых работах. Барух призывал к повышению налогов на прибыль, чтобы в кризис сохранить бюджет правительства «сбалансированным и здоровым», одновременно настаивая на том, что любые энергичные государственные расходы будут раздувать доллар. Но беспокоился он о ценах на золото, а не об общественном благосостоянии.

Благодаря своему влиянию на демократический Конгресс Баруху удалось завоевать

одобрение не республиканцев Гувера, но и демократов даже в вопросе разрушительной финансовой дефляции. Это успешно исключило любую вероятность заметной политической инициативы, пока государство всё глубже вязло в экономической трясине. Накануне депрессии Барух неутомимо пропагандировал в качестве национальной политики продолжение дефляции.

Ядро стратегии Баруха состояло в том, чтобы предотвращать любые попытки Конгресса модифицировать Федеральную резервную систему, а также настаивать жёсткой привязке (любой ценой) США к золотому стандарту, даже после того, как Великобритания и 24 других стран отказались от него в конце 1931 года. Как Барух писал своему близкому другу сенатору Джимми Бернсу:

«Эта страна не может уйти от золотой основы». ^{298}

Одновременно в течение всего периода, когда Барух призывал Конгресс и администрацию Гувера не отказываться от золотого стандарта, он был также частным бизнес-партнёром заместителя министра финансов администрации Гувера Огдена Миллза-младшего на золотом руднике на Аляске. Третьим партнёром был старый дружок Баруха Юджин Мейер-младший, который только что был назначен президентом Гувером в правление ФРС. ^{299}

К февралю 1932 года, в разгар предвыборной гонки, золотые запасы США упали до опасного минимума. В результате вывоза за границу, а также оседания у населения в качестве средства сбережения на фоне обостряющегося внутреннего американского банковского кризиса из резервов утекло более 1 миллиарда долларов монетарного золота. Федеральная резервная система получила полномочия изыскать ещё 1,5 миллиарда долларов золотых резервов. Количество «свободного золота» ФРС на тот момент упало до 433 миллионов и сокращалось со скоростью 150 миллионов долларов в неделю. Барух удвоил свои публичные и приватные призывы поддерживать привязку к золотому стандарту любой ценой.

Гувер решительно подтвердил, что он в будущем не будет «вмешиваться» в автоматическую работу золотого стандарта. Золото продолжало покидать хранилища ФРС, а банковские банкротства нарастали.

В мае 1932 года редакционная статья в «Филадельфия Рекорде» выразила растущую в стране тревогу:

«В течение трёх месяцев США должны приостановить выплаты в золоте. Если правительство ожидает, когда его вынудят к этому, это повлечет за собой катастрофу. Если правительство предпримет действия прямо сейчас, оно сможет заблокировать дефляцию, положить конец депрессии, вернуть процветание... При той скорости, с которой золото покидает ФРС, Федеральные резервные банки остановят свои сделки на открытом рынке через шесть недель. Их быстро остановит истощающийся золотой запас – та золотая цепь, которая ограничила любое соответствующее действие, чтобы вылечить депрессию...

Почему мы не можем бороться с этой депрессией так же, как во время боевых действий, когда в 1917 году мы объявили эмбарго на золото, и уже никто не вспоминал об этом?... Президент Гувер объявил мораторий на союзные долги, но позволяет субъектам этих стран-должников [то есть, Англии и Франции – автор] выкачивать наше золото и ведёт нас к гибели. Не находимся ли мы во власти какой-то странной навязчивой идеи, которая заставляет нас действовать иррационально, когда мы имеем дело с драгоценным металлом?»

Когда стало ясно, что на ноябрьских президентских выборах 1932 года победит демократ Франклин Рузвельт, Барух проникательно переметнулся на его сторону, на сторону человека, против выдвижения которого он выступал ранее.

В тот же период Барух в частном порядке приступил к накоплению золотых слитков в банковском сейфе в Нью-Йорке, покупая их у европейских поставщиков, а также у своей собственной «Джуно Голд Майнинг Компани» на Аляске. За месяц до инаугурации Рузвельта в феврале 1933 года золотая фортуна Баруха достигла впечатляющих размеров – шестьдесят шесть золотых слитков, и внезапно Барух перестал покупать золото. Как

оказалось, кое-то из экспертного совета только что избранного президента Рузвельта приватно сообщил Баруху о планируемой золотой политике нового президента.

5 апреля 1933 года Франклин Делано Рузвельт издал прокламацию, призывающую вернуть Министерству финансов США всё золото, находящееся в частных руках. На тот момент Барух, по слухам, был «крупнейшим частным индивидуальным держателем золотых слитков». В том же году в безуспешном усилии возродить цены на сырьевые товары правительство Рузвельта объявило о скупке всего вновь добытого золота по цене выше рыночной. Излишне говорить, что Барух снова стал основным бенефициаром. Барух также держал своего друга Уинстона Черчилля полностью в курсе всех этих событий.

В любом случае, обмен доллара на золото продержится до 19 апреля 1933 года, когда Франклин Делано Рузвельт в одном из своих первых официальных актов после вступления в должность заявил, что США приостанавливают конвертируемость доллара по золотому стандарту.

Рузвельт возобновил золотой стандарт, подписав Закон о золотом запасе, принятый Конгрессом в январе 1934 года. Этот Закон представлял первую с 1900 года (когда президент Маккинли подписал Закон о золотом стандарте) официальную девальвацию доллара против золота, зафиксировав доллар к значению 25,8 крупинок золота.

Закон о золотом запасе 1934 года прекратил внутренний выкуп долларов за золото. Новый закон национализировал всё золото, приказав банкам Федеральной резервной системы передать свои поставки Министерству финансов США. В свою очередь банки получили банкноты ФРС и золотые «сертификаты» для использования в качестве резервов под депозиты. Закон также давал президенту полномочия девальвировать золотой доллар: теперь он может «весить» не более 60% от прежнего, огромная девальвация и ошеломляющие потери для иностранных кредиторов.

Рузвельт использовал незамедлительно свои полномочия в соответствии с Законом о золотом запасе и объявил 59% девальвацию доллара в новом фиксированном паритете 35 долларов за унцию золота. Доллар останется на этой отметке до рокового кризиса в начале 1970-х годов. С помощью этого резкого обесценивания доллара по отношению к иностранным валютам правительство надеялось дать сильный импульс экспорту, и вместе с этим вывести экономику из депрессии.

Рокфеллеры выходят победителями

Роковым следствием ослабления позиций «Дома Моргана» в банковском истеблишменте стало возвышение семьи Рокфеллера и его группировки в американской экономике и политике к высотам, никогда ранее не виданным в Америке.

В течение 1920-х годов группа Рокфеллера находилась более или менее в заднем плане с точки зрения усилий группы Моргана выстроить свою глобальную долларовую державу. Рокфеллер сосредоточился на создании империи «Стандарт Ойл» на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Европе и в других местах, а также на строительстве международной химической и военной промышленности, предшественниц военно-промышленного комплекса эпохи американской «холодной» войны.^{300}

К концу 1930-х годов могущественной династией Рокфеллеров руководили четверо братьев, сыновья Джона Д. Рокфеллера-младшего – Дэвид, Нельсон, Джон Д.-третий и Лоранс Рокфеллеры. Пятый брат, Уинтроп, играл относительно незначительную роль в политической деятельности этой семейной империи. Четыре брата организовывали свою набирающую силу фракцию в высших кругах властного истеблишмента вокруг двух банков: банка империи «Стандарт Ойл» нью-йоркского «Нэшнл Сити Банк» во главе с Джеймсом Стиллманом, и в чей совет директоров входил Уильям Рокфеллер, брат Джона-младшего, и «Чейз Банка», домашнего банка «Стандарт Ойл», а к 1933 году – крупнейшего банка в мире под контролем Рокфеллеров после слияния с «Экуитабл Траст» тех же Рокфеллеров.

Хотя большинство на Уолл-Стрит первоначально предавали анафеме «Новый курс» Рузвельта и рассматривали его как важный шаг США в направлении экономического большевизма, братья Рокфеллеры поняли, что могут использовать кризис, депрессию и новую роль государства как огромное преимущество в наращивании своей глобальной империи. У них не было почти никаких оснований опасаться политиков из кабинета Рузвельта. В знаменитом «мозговом тресте» президента доминировали «свои люди»: пять человек, которые руководили политическими решениями президента, но не имели официальных должностей и званий. В дополнение к Баруху там заседали А. А. Берл, банкир с Уолл-Стрит (и сын архитектора Федеральной резервной системы Пола Варбурга) Джеймс Варбург, профессор Рексфорд Гай Тагуэлл и Раймонд Молей.

Важнейшим из «своих людей» в окружении президента был бывший сотрудник Рокфеллера и доверенное лицо Рузвельта Гарри Гопкинс¹⁸. Он определённо делал всё, чтобы Рузвельт действовал на пользу исключительно Рокфеллерам. Гопкинс финансировался Фондом Рокфеллера более десяти лет, всё то время, пока он управлял своими организованными социальными службами. Гопкинс вскоре стал «альтер эго» Франклина Делано Рузвельта, вплоть до того, что даже жил в Белом доме. В годы войны он стал вторым могущественнейшим человеком в Америке, в прессе его называли «заместитель президента».

Кроме того, Рокфеллеры имели тесные связи с другим влиятельным членом мозгового треста Рузвельта – профессором Колумбийского университета А. А. Берлом. Берл-младший состоял в близких отношениях с семьей Рокфеллеров с начала 1920 - х годов как выдающийся юрист из Нью-Йорка. Позже Берл работал на интересы Рокфеллеров после войны как семейный советник по Латинской Америке и соавтор «автобиографии» Нельсона Рокфеллера.^{301}

В 1937 году, вскоре после своего переизбрания на второй срок, Рузвельт, известный тем, что не разбирался в экономике, принял точку зрения своего министра финансов Генри Моргентау, что депрессия закончилась, но большую опасность представляет потенциальная инфляция из-за слишком высоких государственных расходов.

В результате Рузвельт внезапно сократил расходы федерального бюджета и резко урезал бюджеты агентств «Нового курса», таких как Администрация по обеспечению работой. Федеральная резервная система соответственно сжала денежную массу, затормозив потребительские расходы. Фондовый рынок претерпел самый серьёзный в истории США крах, а два миллиона американцев были выброшены с работы. Пресса назвала это «Депрессия Рузвельта». Вскоре после второго экономического спада Рузвельт вновь подпал под влияние людей, подобных А. А. Берлу, и заинтересовался стратегией группировки Рокфеллеров, как вывести Америку из второй депрессии. Рокфеллеры были более чем готовы помочь.^{302}

В этой атмосфере депрессии фондового рынка Рокфеллеры смогли значительно расширить свою обширную сеть взаимосвязанных промышленных и финансовых холдингов по мере того, как включали в свою огромную промышленную империю ключевые корпоративные активы. В отличие от своего воздействия на большинство малых и средних промышленных предприятий, «Новый курс» наиболее доброжелательно взаимодействовал с группой Рокфеллера и большинством корпораций из Списка 500 крупнейших промышленных компаний США, близких к ней, включая компании «Стандарт Ойл» и группу связанных с ними химических компаний.^{303}

¹⁸ С 22 мая 1933 года Гопкинс возглавлял Федеральную чрезвычайную организацию помощи (ФЕРА), обеспечивавшей в условиях кризиса общественными работами миллионы американцев. Затем Гопкинс руководил Администрацией по обеспечению работ (ВПА). Программы, разработчиком и руководителем которых был Гопкинс, явились крупнейшими в истории США программами по созданию новых рабочих мест и борьбе с бедностью. Гопкинс придерживался левых политических взглядов. С 1938 по 1940 год Гопкинс занимал пост министра торговли США. Он ушёл в отставку с официальных постов в 1940 году по состоянию здоровья. Участвовал в разработке закона о ленд-лизе, а также в дипломатических переговорах с союзниками.

Журналист-исследователь Уолтер Уинчелл сообщал в то время, что Гарри Гопкинс после назначения министром торговли косвенно признал, что обязан Рокфеллерам, предложив должность помощника министра торговли Нельсону Рокфеллеру, сыну Джона Д. Рокфеллера-младшего.

Согласно «Херальд Экзаминер» (Лос-Анджелес) от 7 сентября 1975 года, Гопкинс привёл Нельсона Рокфеллера во внутренние круги «Нового курса» в 1930 году. Вскоре после своего назначения Рокфеллер в свои 30 лет стал близким другом Рузвельта и провёл совместный отпуск с президентом в Шангри-ла (в настоящее время называется Кэмп-Дэвид).^{304} А. А. Берл-младший стал в 1938 году помощником государственного секретаря по Латинской Америке, пост, на котором он мог быть очень полезен нефтяным и другим деловым интересам Рокфеллера в Венесуэле, Бразилии и так далее.

Барух, Рокфеллер, большой бизнес и Муссолини

Группа Рокфеллера на Уолл-Стрит, Бернард Барух и могущественный круг крупных бизнес-лидеров того времени решили реорганизовать экономику США по централизованной корпоративной модели фашистской Италии Муссолини. Разумеется, они были достаточно политически проницательны, чтобы не говорить об этом слишком громко.

Барух и его близкий друг Жерар Своп, директор «Дженерал Электрик» и «Нэшнл Сити Банк», ещё в 1931 году призывали президента Гувера к «стабилизации промышленности» при помощи, как они это называли, чрезвычайной программы. Цель заключалась в освобождении крупного бизнеса от ограничений Антимонопольного закона Шермана, тем самым открывая двери для крупной консолидации корпоративной собственности в период депрессии, когда упавшие цены на акции сделали поглощения лёгкими и дешёвыми для, например, группы Рокфеллера, чьи карманы были забиты наличными деньгами.^{305}

Гувер, который был идеологически против вмешательства государства в экономику, отверг план Свопа и идеи Баруха. Когда стало ясно, что демократ Франклин Делано Рузвельт выдвинет свою кандидатуру против Гувера в 1932 году, Барух и его друзья с Уолл-Стрит быстро втёрлись во внутренний круг будущего президента, обильно подмазав этот процесс толстыми пачками наличных.^{306}

Вопреки заботливо возвращенной в средствах массовой информации пропаганде, которая изображает Франклина Делано Рузвельта как «маленького героического человека», который готов был «изгнать ростовщиков из храма», он являлся отпрыском богатой семьи с Восточного побережья, дальним родственником Теодора Рузвельта и до кончика ногтей креатурой Уолл-Стрит, особенно Баруха, Рокфеллера и их группы.^{307} По словам министра труда Рузвельта Фрэнсиса Перкинса:

«На первое заседание кабинета министров после инаугурации президента в 1933 году пришли финансист и советник Рузвельта Бернард Барух и друг Баруха, генерал Хью С. Джонсон, позже глава Администрации национального возрождения. Они раздали копии книги Джентиле¹⁹, теоретика итальянского фашизма, каждому члену Кабинета, и мы все читали её с большим вниманием».^{308}

Та же самая реорганизация индустрии под контролем государства, которую Барух и Своп безуспешно пытались добиться от Гувера в 1931 году, теперь была взята на вооружение Франклином Рузвельтом.

¹⁹ Джованни Джентиле (итал. Giovanni Gentile, 30 мая 1875, Кастельветрано – 15 апреля 1944, Флоренция) – итальянский философ, основатель теории «актуалистического идеализма». В 1923 году становится министром образования в правительстве Муссолини. В 1925 году Джентиле публикует «Манифест фашистских интеллектуалов к интеллектуалам всех наций», а в 1929 году издаёт свою книгу «Основы фашизма», в которой фашизм воспевается как новая политическая идея или вера, задача которой – создание нового «этического государства». В 1944 году убит партизанами.

В мае 1933 года, в первые недели в качестве президента, Рузвельт предложил Конгрессу создать Администрацию национального возрождения (АНВ). На фоне кризиса и депрессии предложение было принято с минимальным обсуждением. Первым главой Администрации стал Хью С. Джонсон, сотрудник и советник Бернарда Баруха.

Концепция АНВ в значительной степени была списана с национальной чрезвычайной военной мобилизации промышленности, которую Барух и Джонсон администрировали во время Первой мировой войны. С тех пор крупный бизнес и Уолл-Стрит мечтал о возможности ещё раз получить в свои руки такую же власть над экономикой. И Великая Депрессия даст им этот шанс. Джонсон станет их человеком. В кулуарах администрации Рузвельта Джонсон открыто говорил о том, что он рассматривает итальянский фашистский корпоративизм Муссолини (слияние государственных и корпоративных интересов во имя одностороннего усиления бизнеса) как модель для Америки.^{309}

АНВ Джонсона учредила тысячи фирм в соответствии с кодексами, составленными торговыми ассоциациями и отраслями промышленности, с одобренными Администрацией компаниями, которым давалось право использовать символ АНВ – «Синий Орёл».

Ведущими политиками Администрации национального возрождения была тройка чрезвычайно могущественных индустриальных магнатов – Уолтер С. Тигл, президент «Стандарт Ойл» Рокфеллера в Нью-Джерси; Жерар Своп, автор раннего плана Свопа, а также президент «Дженерал Электрик», и Луис Кирштайн, вице-президент «Филайн и сыновья» (универмаги в Бостоне).^{310} Группа Рокфеллера, действуя через Тигла, смогла использовать своё влияние на АНВ Джонсона, чтобы повторно собрать под одну руку 33 независимых компании, которые до 1911 года входили в «Стандарт Ойл Траст» и были выделены из неё по решению Верховного Суда в соответствии с Антимонопольным законом Шермана.^{311} Это был лишь один из серии шагов фракции Рокфеллера по укреплению своей решающей роли во внутренней и внешней политике США в течение депрессии и президентства Рузвельта.

В 1930 году, когда большинство банков боролись за выживание, «Чейз Нэшнл Банк» Рокфеллера процветал. Главой банка в течение этого времени был Уинтроп Олдрич, зять Джона Д. Рокфеллера-младшего и сын сенатора Нельсона Олдрича, того самого, который принимал участие в тайном заседании Федеральной резервной системы на острове Джекил в 1910 году. Одним из самых значительных приобретений «Чейз Банк» в течение первых месяцев финансового кризиса в 1930 году стала «Экуитабл Траст Компани» в Нью-Йорке, крупнейшим акционером которой был Джон Д. Рокфеллер-младший. Это сделало «Чейз Банк» крупнейшим банком в Америке, а на самом деле и во всём мире.^{312}

В результате своего доминирующего положения, последовавшего за падением «Дома Моргана», группа Рокфеллера в дополнение к управлению «Чейз Банк» и «Нэшнл Сити Банк» в Нью-Йорке контролировала крупнейшие американские нефтяные компании – «Стандарт Ойл оф Нью-Йорк» («Мобил»), «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» («Эссо»/«Эксон»), «Стандарт Ойл оф Калифорния» («Шеврон») и «Тексако» («Техас Компани»).

Группа Рокфеллера также консолидировала управляющий контроль над основной химической и оборонной промышленностью, в том числе «Элайд Кемикал», «Анаконда Коппер», «Дюпон», «Монсанто Кемикал», «Олин Индастриес» («Винчестер Арме»), «Шелл», «Галф Ойл», «Юнион Ойл», «Доу Кемикалс», «Келанис», «Питтсбург Плэйт Класс», «Ситис Сервис», «Штойфер Кемикал», «Континетал Ойл», «Юнион Карбид», «Американ Цианамид», «Американ Моторс», «Бендикс Электрик» и «Крайслер».^{313} Рокфеллеры приобрели крупные блокирующие пакеты акций в «Дженерал Моторс», «Дженерал Электрик» и «АйБиЭм», тогда молодой компании.

К концу 1930-х годов промышленные холдинги и банки группы Рокфеллера обладали уникальным положением, которое позволит им пожинать огромные прибыли от любой будущей войны. Им не пришлось долго ждать.

Глава 7

Планирование «Американского века»: группа «Изучение войны и мира»

«Если явно озвучить цели войны, а они состоят исключительно из выгод для англо-американского империализма, то они не несут ничего полезного никому другому в мире. Надо подчеркивать преимущества для остальных людей. Это будет иметь больший пропагандистский эффект».

– *памятка Совета по международным отношениям для Государственного департамента США, группа «Изучение войны и мира», 1941 год.*

«Скромное предприятие» Рокфеллеров

Дж. П. Морган никогда не имел ни времени, ни желания преобразовывать своё огромное состояние в необлагаемый налогами фонд и распространять своё влияние далеко за пределы своего банка и корпоративных вложений. Джон Д. Рокфеллер, с другой стороны, такой фонд создал после волны негативных статей вокруг событий в Колорадо, убедившись в силе «общественного мнения». По его приказу лагерь бастующих рабочих угольных шахт подвергся атаке службы безопасности, сотрудники которой были вооружены пулеметами. Было расстреляно 11 детей и много безоружных рабочих.

Советник Рокфеллера по ключевым вопросам Фредерик Т. Гейтс в 1913 году предложил перевести часть состояния в необлагаемый налогами фонд, и наподобие американских Медичи с помощью этих средств расширять семейное влияние без особых культурных излишеств, но создавая видимость филантропии.

В этом же году в штате Нью-Йорк был зарегистрирован Фонд Рокфеллера, возглавляемый Гейтсом, о котором сам Рокфеллер отзывался как о величайшем бизнесмене, с которым ему когда-либо приходилось иметь дело. Гейтс должен быть заниматься программами, существенно увеличивающими как состояние Рокфеллера, так и политическое и социальное могущество семьи.

Под этим покровом благотворительности в конце 1930-х Фонд Рокфеллера начнёт изменять всю мировую схему взаимоотношений. Методы и механизмы, с помощью которых эта программа проводилось в жизнь, были невероятно важны и крайне мало осознаны в то время, поскольку тщательно скрывались от посторонних.

В 1939 году, заручившись спонсорской поддержкой Фонда Рокфеллера, нью-йоркский Совет по международным отношениям приступил к работам, вылившимся в серию долгосрочных исследований в сотрудничестве с Государственным департаментом США.

Совершенно секретный проект, получивший название «Изучение войны и мира», длился пять лет вплоть до 1944 года. Проект возглавил Исая Боуман, директор Совета по международным отношениям, первоначально входивший в секретную группу советников по стратегическим вопросам (группы академиков, прозванных «Исследователи») президента США Вудро Вильсона во время Первой мировой войны. Сам Боуман, президент Университета Джона Хопкинса и специалист по географии, называл себя американским Хаусхофером, сравнивая себя с гитлеровским геополитиком.^{346}

Задолго до победы США во Второй мировой войне для Рокфеллеров и других руководителей крупнейших американских корпораций и банков стало ясно, что внутренний рынок США слишком мал для их амбиций. Они видели своё будущее, «американское явное

предначертание», в неограниченном расширении американской власти посредством международного бизнеса. Лёгкая, на первый взгляд, победа в Первой мировой войне и приобретения Версальского договора в Европе лишь разожгли их аппетиты.

В конце 1939 года Рокфеллеры тайно сформировали группу с большим политическим влиянием, как раз через неделю после вторжения Германии в Польшу и за два года до событий в Перл-Харборе, которые привели США к прямому участию в войне.

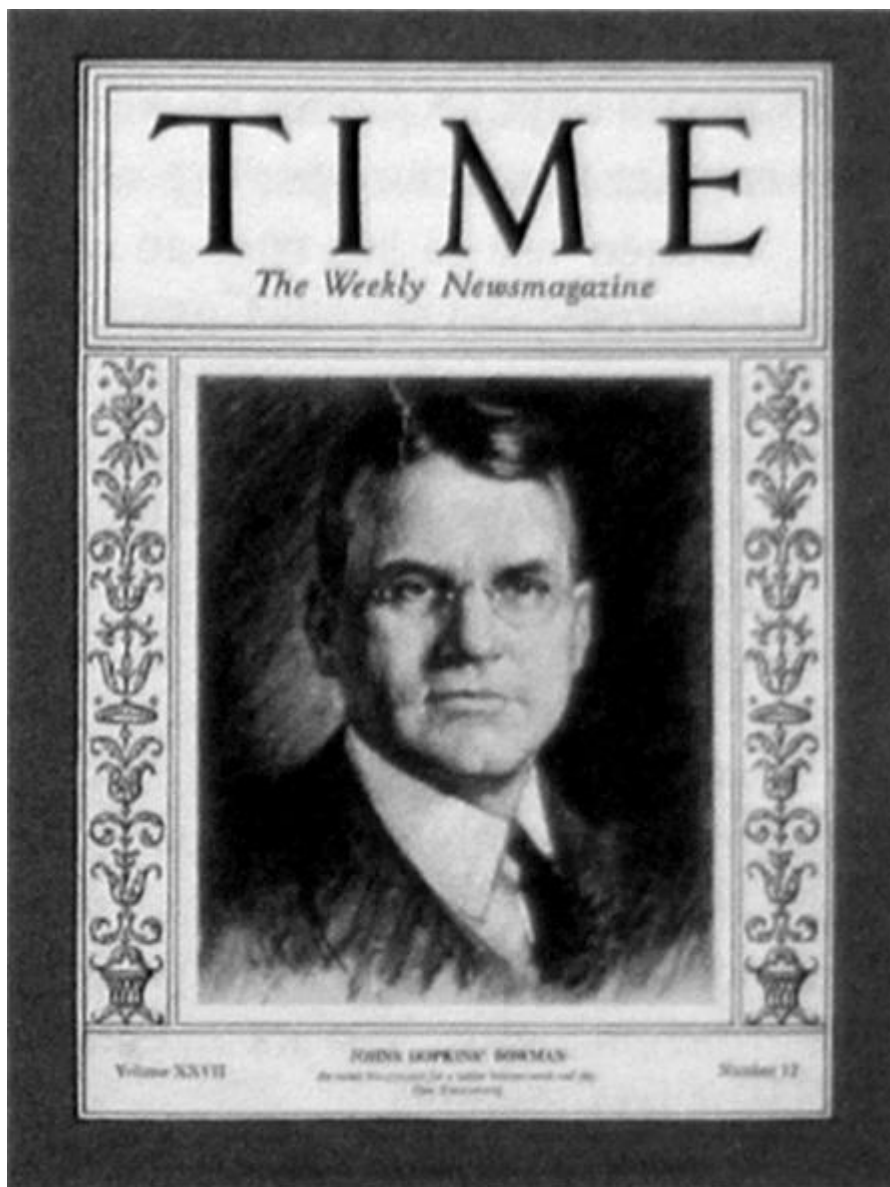

Рис. 9. Основатель Совета по международным отношениям и геополитический стратег Исая Боуман возглавлял секретный проект Совета – группу «Изучение войны и мира». Известным Боумана сделал Генри Льюс, опубликовав его портрет на первой странице своего журнала «Тайм»

Рокфеллеры, финансировавшие эту секретную группу из своего Фонда, поставили ей задачу: сформировать основы послевоенных экономических и политических целей США в предположении, что мировая война произойдет, и США выйдут из этой войны как преобладающая глобальная держава на планете.

В тот период Совет по международным отношениям и группа «Изучение войны и мира» выполняли все значимые задачи планирования для недоукомплектованной команды Государственного департамента США. После 1942 года большая часть членов этих групп была «тихо» переведена на высокие должности в Госдепартамент и, получая официальную

зарплату, продолжила свою работу над проектом.

С ноября 1939 по конец 1942 года Фонд Рокфеллера перевёл не менее 350 тысяч долларов в счёт финансирования создания планов послевоенного американского экономического превосходства, оплатив работу группы «Изучение войны и мира». Это было вложение, которое, как и большинство прочей «благодетельной деятельности» Рокфеллеров, сторицей вернётся им в последующие годы. Оно определило само существование послевоенной глобальной американской бизнес-империи. Американский век был в большинстве своём империей Рокфеллеров, хотя большинство американцев пребывали в счастливом неведении об этом факте.^{347}

В своей официальной истории, засекреченной и обнародованной лишь десятилетия спустя, Совет по международным отношениям поразительно точно определил цели проекта «Изучение войны и мира»:

«Более чем за два года до нападения японцев на Перл-Харбор эта исследовательская группа Совета начала работу над предвидением того, кто будет доминировать в жизни мирового сообщества на долгие годы вперёд. Помня о проводящемся исследовании, они осознавали значение Совета в формировании национальной политики.

12 сентября 1939 года, когда нацистская Германия вторглась в Польшу, [члены Совета по международным отношениям Гамильтон Фиш] Армстронг и Мэллори сели на поезд до Вашингтона, чтобы встретиться с советником госсекретаря Джорджем Мессершмитом. В то время Государственный департамент располагал лишь очень небольшими ресурсами для изучения, политического планирования и инициатив. В таких делах кадровые дипломаты в канун Второй мировой войны были едва ли более состоятельными, чем их предшественники времен вступления Америки в Первую мировую.

Члены Совета предложили следующее: программу независимого изучения и анализа того, чем должна руководствоваться американская внешняя политика в предстоящие военные годы и в период сложных взаимоотношений в новом мире, который наступит после войны. Проект стал известен под названием группа «Изучение войны и мира».

«Это чрезвычайно секретная работа, – писал [Исайя] Боуман, – потому что весь план будет «похоронен», если станет известно, что Государственный департамент сотрудничает с какой-то внешней командой». Фонд Рокфеллера согласился финансировать проект, сначала, правда, неохотно, но, убедившись в его значимости, выделил 350 тысяч долларов США. В последующие пять лет в работе Группы приняли участие почти 100 человек, которые разделились по четырём функциональным областям на команды: экономика и финансы, безопасность и вооружение, территории, политика. Эти команды встречались более 250 раз, обычно в Нью-Йорке, после обеда и поздно ночью. Они составили 682 меморандума для Государственного департамента, которые имели гриф «секретно» и были доступны только вполне определённым правительственным подразделениям.^{348} Целью секретного проекта Совета по международным отношениям было установление твёрдого устойчивого базиса для окончательного перехода к США «по наследству» той роли, которую Британская империя играла до 1914 года – «Рах Americana»²⁰ как не имеющий равных наследник разваливающегося «Рах Britannica»²¹.

Новые неофициальные разработчики политики были выбраны из числа закрытого общества Нью-Йоркский Совет по международным отношениям, в котором всё больше преобладали люди, специально подобранные Рокфеллерами.

В отличие от Британской империи, основанной на военных завоеваниях и прямом военном управлении колониями, американская версия мирового господства базировалась на финансовом завоевании и экономических владениях. Это было выдающимся улучшением,

²⁰ Лат. Американский мир.

²¹ Лат. Британский мир.

позволившим корпоративным гигантам США спрятать свои интересы под знаменем «демократии и политических прав» для «жителей угнетаемых колоний», за поддержкой «свободной торговли» и «открытых рынков».

Секретная памятка Совета по международным отношениям группы «Изучение войны и мира», написанная для Государственного департамента США в 1941 году, ясно информирует:

«Если явно озвучить цели войны, а они состоят исключительно из выгод для англо-американского империализма, то они не несут ничего полезного никому другому в мире. Надо подчеркивать преимущества для остальных людей. Это будет иметь наибольший пропагандистский эффект». ^{349}

Список задач, заявленных Советом по международным отношениям, можно называть как угодно, но не демократическим. Он отражал интересы горстки американской банковской и промышленной элиты, расширяющей своё международное влияние. Бизнесмены и их юридические фирмы, представленные в Совете, были отдельным сортом людей, отличным от остальных американцев, – олигархами, аристократами власти и денег.

Протоколы Подкомитета по безопасности из группы «Изучение войны и мира» отражают критерии их послевоенной внешней политики США. Осознавая всю сомнительность

«...восстановления Британской империи в том виде, в котором она существовала ранее ... США возможно придётся занять её место...[США] должны развивать внутреннее видение в отношении общего мирового порядка после этой войны, который позволит нам навязать наши собственные правила, внося вклад ... в Пакс Американа».

Американцы смогут понять свою энергичность, писали стратеги Совета по международным отношениям, только приняв логику бесконечного захвата чужих территорий и рынков сбыта. В 1942 году директор Совета Исайя Боуман писал:

«Мериллом нашей победы будет степень нашего влияния после победы... (США должны обезопасить области), стратегически необходимые для контроля над миром». ^{350}

Ещё одно политическое заявление этой секретной группы, Меморандум E-B19, содержит сущность внешней политики США после войны, суммируя «составные части общей политики по достижению военного и экономического превосходства США...». Такое превосходство, согласно их аргументации, может быть получено посредством послевоенной

«координации усилий и кооперации США с другими странами для поддержания ограничений по реализации любого суверенитета иностранных государств, которые могли бы представлять угрозу даже минимальной части мира, существенно важной для безопасности и экономического процветания США и Западного полушария».

Апрельский меморандум Госдепартамента разъясняет философию этой группы по вопросу западного «доступа к ресурсам». «Превосходство» США в данном контексте означает:

«Сохранение позиции абсолютного лидерства, достигнутой к настоящему моменту, а для этого – неустанная защита существующих концессий, находящихся в распоряжении США, объединённая с настойчивостью по вопросу принципа «открытых дверей» для равных возможностей компаний из США в новых регионах». ^{351}

Исследования Совета по международным отношениям показали, как может быть опасна объединённая Европа (как во главе с нацистами, так и без) для благополучия США. Эта группа Совета, работавшая в стенах Госдепартамента в течение войны, определила, что для нового американского «Большого пространства», для экономического варианта «свободного выбора» необходимо, по крайней мере, содействие большинства стран вне пределов немецкой зоны влияния.

В середине июля 1941 года Гамильтон Фиш Армстронг подчеркивал, что нельзя допустить объединения Европы, потому что это будет настолько сильный союз, что его существование будет угрожать идее американского «Большого пространства». Европа, организованная как единая сущность, воспринималась им «принципиально несовместимой с

американской экономической системой». ^{352}

В своей окончательной форме американский план послевоенного «Большого пространства» охватывал Западную Европу, Дальний Восток, бывшую Британскую империю (которая разваливалась на части), крупнейшие энергетические ресурсы Ближнего Востока (которые в то время переходили под контроль США, поскольку их соперники Франция и Британия были «вытеснены»), остальные страны Третьего мира и, по возможности, всего земного шара. Китай был тоже включён целиком.

В этом имперском документе не было места для скромности. Единственным нерешённым вопросом для архитекторов политики Американского века было: согласится ли Сталин сделать огромный Советский Союз его частью?

«Американский век»

В начале 1941 года, за десять месяцев до японской атаки на Перл-Харбор, Генри Льюс, владелец журналов «Тайм» и «Лайф», тесно связанный с политической элитой, в выпусках от 17 февраля написал в редакторской колонке статью с заголовком «Американский век».

В этом своём основном эссе Льюс описал ближайшие последствия объединения усилий членов группы Рокфеллера по проекту Совета по международным отношениям и группы «Изучение войны и мира»:

«Для своего существования тирании требуется большое пространство; но для Свободы требуется и будет требоваться в дальнейшем гораздо больше жизненного пространства, нежели для тирании».

Он открыто призывал американцев занять новую роль, став доминирующей силой в мире, несмотря на то, что США ещё фактически даже не вступили в войну. Льюс писал:

«Вот простое средство: принять всем сердцем нашу способность и обязанность стать самой могущественной и живой нацией в мире, и, как следствие, оказывать на мир всю полноту нашего влияния для тех целей, которые мы считаем правильными, и теми средствами, которые мы сочтем подходящими». ^{353}

Это был призыв поддержать создание Американской империи, явно не называя её таковой. Льюс прикрыл империю идеалистическими демократическими одеждами почти так же, как это делала группа «Изучение войны и мира»:

«В течение XVII, XVIII и XIX веков этот континент изобиловал множеством всяческих проектов и завораживающих целей. Но среди всех них, соединяющей их все вместе под общим, самым увлекательным стремлением во всем мире и за всю его историю, была нетленная цель – Свобода».

Он завершил свою призывную речь так:

«Это тот дух, который зовёт всех нас... создать первый великий Американский век». ^{354}

Льюс, выпускник Йеля, разместил свою издательскую империю «Таймс-Лайф» в огромном здании недавно построенного в Нью-Йорке Центра Рокфеллеров. Его редакторская заметка отражала формирующееся представление о характере международного бизнеса магнатов и банкиров США, объединившихся вокруг Рокфеллеров. Они хотели иметь после войны ничем не ограниченный доступ к мировым ресурсам и товарным рынкам и видели шанс получить его, поскольку предполагали, что остальные державы-конкуренты будут истощены войной.

Американским банковским и промышленным гигантам необходимо было завоевать новые рынки, те, которые группа «Изучение войны и мира» назвала «Большое пространство», концепция, удивительно похожая на хаусхоферовское «жизненное пространство» для Германии. Экономико-финансовая группа внутри Совета по международным отношениям провела исследование мировой торговли в конце 1930-х годов. Они предложили связать всё Западное полушарие, включая Тихий океан, в единый

блок под контролем США на основе уже предполагаемого «военного и экономического превосходства США». Американское «Большое пространство» должно было включать большую часть планеты за пределами влияния сталинского СССР, который, к глубокому раздражению американской элиты, был всё ещё полностью закрыт от проникновения американского капитала.

Взгляды на мировое устройство у группы «Изучение войны и мира» были вовсе не сентиментальными. Меморандум E-B19 экономико-финансовой группы для Совета по международным отношениям и Госдепартамента открыто заявлял:

«Главнейшим условием для создания порядка, при котором США будут обладать бесспорным силовым превосходством, является скорейшее полное перевооружение... для поддержания ограничений по реализации любого суверенитета иностранных наций, которые могли бы представлять угрозу даже минимальной части мира, существенно важной для безопасности и экономического процветания США и Западного полушария».^{355}

Спустя более чем шестьдесят лет, в сентябре 2002 года, администрация Буша-младшего объявит почти дословно такие же явные цели национальной политики безопасности США. Главный основатель Совета по международным отношениям и лидер группы «Изучение войны и мира» Исая Боуман использовал другой термин вместо «Большого пространства». Он называл это, в полном соответствии с немецким обоснованием военных действий, «американским экономическим жизненным пространством».^{356} Это наименование по очевидной причине позже было отвергнуто, а для описания целей послевоенного американского империализма группы Рокфеллера использовался более нейтрально звучащий термин «Американский век».

Боуман и члены Совета по международным отношениям делали вид, что победители в новой американской экономической географии должны представляться бескорыстными борцами за свободу для населения колоний и врагами империализма. Они достигнут мира во всем мире, но через транснациональный контроль. Со времен Первой мировой войны, когда Боуман работал в секретной группе Вильсона «Исследователи», он был постоянно занят идеей, как облечь американские имперские амбиции в либеральные и благозвучные формы.

Преобладание США в мире после 1945 года могло быть достигнуто посредством новой организации, Организации объединённых наций, «бриллианта в короне американского жизненного пространства». Она должна была состоять из организаций Бреттон-Вудского договора, Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ), а впоследствии ещё и из Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).^{357}

Совет по международным отношениям разработал для Рузвельта основные положения документа, лёгшего в основу ООН, и убедил президента оказать ему всевозможную поддержку. Под лозунгом «свободной торговли» и получения доступа на закрытые рынки по всему миру большой бизнес США после войны получит возможность расширять своё влияние, вынуждая открывать неограниченный доступ к рынкам дешёвых ресурсов, также как и доступ для продажи товаров американской промышленности.

Команда Боумана подготовила более 600 докладных записок для Госдепартамента и президента, детально описывающих каждый мыслимый уголок планеты, от континентов до мелких островов. Эти документы основывались на предположении о победе США в войне, в которую Вашингтон официально ещё даже не вступил.

Нельсон Олдрич Рокфеллер сыграет осторожную ключевую роль в закулисной борьбе за развитие частных глобальных интересов своего семейства, искусно замаскировав их под «национальные интересы Америки». Это был «корпоративизм» Муссолини, возглавляемый династией Рокфеллеров.

Скелеты Третьего Рейха в чулане Рокфеллера

Группа Рокфеллера, вместе с многочисленными руководителями связанных с ними

корпораций, от Генри Форда до Дюпонов, давно были увлечены европейскими моделями управления: «фашистским корпоративизмом» по Муссолини и даже германским нацизмом. Уолл-Стрит и основные промышленные лидеры США традиционно были настроены против рабочих и тяжелы на подъем, если дело касалось уступок остальному населению. Они были под большим впечатлением от способности Гитлера и Муссолини в начале 30-х годов вымуштровать дисциплинированных рабочих и раздавить профсоюзы и политические партии, без разницы, социалистические, демократические или коммунистические.

Однако для их фашистских симпатий перед войной был гораздо более сильный геополитический стимул. Они, как и их собратья из британского «Круглого стола», хотели более масштабной войны, войны между двумя пугающе сильными евроазиатскими конкурентами американской гегемонии: между Россией и Германией. Они хотели войны, в которой две великие силы, сталинский СССР и гитлеровский Третий Рейх, как сказал один высокопоставленный британец, «терзая друг друга, истекли бы кровью до смерти». ^{358} Симпатии не имели ничего общего с идеологией или романтическими иллюзиями о превосходстве арийской расы, несмотря на то, что вплоть до 1939 года Фонд Рокфеллера щедро финансировал исследования евгеники, в том числе эксперименты Третьего Рейха на живых людях. Их мотивация была полностью связана с построением Американского века на пепелище старой Европы, для чего требовалось разрушить и Германию и Советский Союз. ^{359}

В 1941 году к моменту вступления США в войну «Стандарт Ойл» из Нью-Джерси, позже переименованная в «Эксон», была крупнейшей нефтяной компанией в мире. Она контролировала 84% всего топливного рынка США. Её карманным банком был «Чейз Банк», контрольный пакет акций которого принадлежал семье Рокфеллеров и их необлагаемому налогом фонду. Следующим крупнейшим владельцем акций «Стандарт Ойл» после Рокфеллеров была фирма «И. Г. Фарбен», громадный нефтехимический немецкий трест, который в то время был жизненно важной частью немецкой военной промышленности. Торговые отношения между Рокфеллерами и «И. Г. Фарбен» начались ещё в 1927 году. Примерно в то же время Фонд Рокфеллера стал усиленно финансировать немецкие исследования Института Кайзера Вильгельма в области евгеники. ^{360}

Пока Нельсон, занимая пост координатора по связям на Американском континенте, создавал видимость борьбы с нацистскими экономическими интересами в Латинской Америке, частная фирма Рокфеллеров «Стандарт Ойл» устами своего главы совета директоров Уолтера С. Тигла и президента Уильяма С. Фэриша договаривалась о поставках жизненно важного для немецких военно-воздушных сил обогащенного тетраэтилом авиационного топлива. Руководимая Тиглом «Стандарт Ойл», Генри Форд и «Ройял Датч Шелл» сэра Генри Детердинга открыто поддерживали Третий Рейх перед войной. ^{361}

Вскоре после захвата власти Гитлером в 1933 году Тигл по просьбе личного политтехнолога Рокфеллеров Айви Ли ²² договорился собирать и переправлять «И. Г. Фарбен» и нацистскому правительству информацию о реакции США на перевооружение Германии и обратно – о политике Третьего Рейха по отношению к церкви и учреждению гестапо. Задачей Ли было формирование пропагандистской компании в США в поддержку Германии и развитие симпатий к Третьему Рейху. По иронии судьбы он получал наличные деньги через счёт в Банке международных расчётов (БМР), организации, специально созданной в 1930 году согласно плану Оуэна для управления уплатой немецких военных репараций Первой мировой войны. В период, когда банк оплачивал работу Ли, им управлял американец Гейтс У. МакГарах, руководивший до этого «Чейз Банком» Рокфеллера в Нью-Йорке и состоявшем с апреля 1930 по май 1933 года в Совете директоров ФРС. ^{362}

«Чейз Банк» Рокфеллеров играл жизненно важную роль в обеспечении финансирования

²² Айви Ли родился 16 июля 1877, умер 9 ноября 1934, журналист, основоположник политтехнологий в части взаимоотношений со СМИ.

разнообразных немецких проектов группы Рокфеллера. В 1936 году когда Гитлер занял Райнланд, «Шрёдер Банк» в Нью-Йорке заключил партнёрское соглашение о сотрудничестве с Рокфеллерами, преобразовавшись в «Шрёдер, Рокфеллер и К° Инвестиционные банкиры». Журнал «Тайм» описал это событие как «экономический двигатель оси Рим-Берлин». ^{363}

Примечательно, что новое партнёрство объединило племянника Джона Д. Рокфеллера Авери Рокфеллера, представлявшего интересы семьи, барона Бруно фон Шрёдера из Лондона, его двоюродного брата барона Курта фон Шрёдера, руководившего «Дж. Эйч. Штайн Банк» в Кёльне и директора Банка международных расчётов в Базеле. «Дж. Эйч. Штайн Банк» сыграл ключевую роль в первоначальном финансировании Гитлера в далеком 1931 году и выступил посредником для крупной немецкой промышленности через организацию «Харцбургер Фронт», во главе с Ялмаром Шахтом, Фрицем Тиссенем, генерал-полковником Хансом фон Зектом и множеством других людей, поддерживавших Гитлера на ранней стадии немецкого экономического кризиса как потенциального гаранта власти. ^{364}

Кроме того, нью-йоркскими адвокатами, которые прорабатывали все юридические моменты сделки банков Шрёдера и Рокфеллера, были братья Джон Фостер Даллес и Алан Даллес, партнёры адвокатской фирмы Рокфеллера «Салливан и Кромвель». Алан Даллес также получил должность в совете директоров нового банка. Примечательно, что во время войны Алан Даллес был назначен в Управление стратегических операций США (предшественник ЦРУ) и всю войну из швейцарского Берна занимался разведывательными операциями, по большей части, против нацистской Германии. ^{365}

Деятельность банка Шрёдера-Рокфеллера управлялась парижским отделением «Чейз Банк», которое продолжало функционировать в течение всей войны, даже когда нацисты оккупировали Париж во время правительства Виши. Парижское отделение «Чейз Банк» было ядром финансовых сделок не только с банком Шрёдера в Нью-Йорке, но и с пронацистскими французским банком «Вормс» и французским отделением «Стандарт Ойл» Рокфеллера. Директора французского отделения «Стандарт Ойл» одновременно входили в состав совета директоров «Виши Банк дю Пари е де Пэи-Ба»²³, который сам по себе был посредником для связи немецких организаций с «Чейз Банком». ^{366} Во время войны «Чейз Банк» также вёл банковские дела германского посла в Париже Отто Абеца.

В декабре 1941 года после японской атаки на Перл-Харбор все отделения американских банков, которые к тому времени ещё работали в Париже были закрыты как «враждебные», за единственным исключением – «Чейз Банк» Рокфеллера. Это символизировало очень тесные взаимоотношения Рокфеллеров и Берлина. ^{367}

Клан Рокфеллеров был не единственным, кто совершал секретные финансовые и промышленные сделки с Третьим Рейхом, который сотрудничал и с другими членами элиты США. Наиболее известны из них химический концерн «Дюпон» и семейный клан Бушей в лице Прескотта Буша, отца будущего президента Джорджа Буша-старшего и дедушку президента Джорджа Буша-младшего.

Дюпоны и Буши присоединяются к «Проекту»

В то время когда немецкие Люфтваффе бомбили Лондон, «Стандарт Ойл» занималась поставками обогащенного тетраэтилом авиационного топлива нацистской Германии, без которого её самолеты не смогли бы атаковать англичан. Эта деятельность вызвала протест британского правительства. «Стандарт Ойл», «Дюпон» и «Дженерал Моторс» обладали эксклюзивными патентами на этиловые добавки, и в 1938 году член совета директоров «Стандарт Ойл» Тигл во время секретной встречи в Лондоне с членом совета директоров «И.

²³ фр. Vichi Banque de Paris et des Pays-Bas

Г. Фарбен» Германом Шмидтом договорился «одолжить» тонны этого топлива «И. Г. Фарбен». Для обеспечения японских ВВС топливом Тигл подписал аналогичный договор и с Японией.

Делаварский химический гигант «Дюпон» тоже был замешан в секретных договорённостях между «Стандарт Ойл» и «И. Г. Фарбен». Благодаря наличию разнообразных договоров о взаимном сотрудничестве «Стандарт Ойл» привлекла «Дюпон» к подписанию соглашения по производству тетраэтиловых добавок к авиационному топливу для самолетов Германии и Японии наравне с производством автомобильного топлива. В результате «Этил Компани» стала совместным проектом «Стандарт Ойл», «Дженерал Моторс» и «Дюпон». ^{368}

Ещё в 1919 году управляющие «Дюпон» предложили подписать эксклюзивное соглашение по красителям с Карлом Бошем, изобретателем искусственного аммиака и будущим основателем «И. Г. Фарбен». Бош, не видевший никаких существенных плюсов в том, чтобы поделиться изобретением с американцами, наотрез отказался.

Нисколько не смутившись, «Дюпон» продолжила попытки заполучить немецкое изобретение даже после образования в 1925 году «И. Г. Фарбен». Через год компания подписала секретное «джентльменское соглашение» с двумя дочерними компаниями «И. Г. Фарбен»: «Дюнамит Актиен Гезельшафт» (производство динамита) и «Кёльн Ротвейлер» (производство пороха) – двумя основными производителям взрывчатых веществ, – предоставив каждой право преимущественной покупки новейших технологий и конечных продуктов, таких как черный порох и огнепроводные шнуры²⁴.

За 1920 - е годы «Дюпон» вложила более 3 миллионов долларов в военную промышленность Германии, получив таким образом большое преимущество перед своими конкурентами в США. В 1933 году, когда к власти уже пришёл Гитлер, руководители «Дюпон» в нарушение Версальского договора и отдельного мирного договора между США и Германией согласились продать Третьему Рейху «метательные взрывчатые вещества и взрывчатку военного назначения». Это было сделано, даже несмотря на предупреждения от менеджеров «Дюпон», работающих в Германии, что то, что «И. Г. Фарбен» финансирует нацистов – «общеизвестный факт». ^{369}

Отчёты о секретных картельных сговорах «Дюпон» с «И. Г. Фарбен» и другими европейскими фирмами были представлены на слушаниях комиссии по производству боеприпасов в Сенате США в 1934 году. Череда исполнительных директоров семьи Дюпон (Ламонт, Феликс, Пьер и Ирэне) отрицали само существование каких-либо подобных договоренностей, пока не были представлены документы, подтверждающие факт наличия картельного сговора по взрывчатым веществам с несколькими немецкими фирмами.

Несмотря на этот постыдный инцидент Дюпоны продолжили свои тесные контакты с «И. Г. Фарбен» и при нацистах, делая доступными лицензии на акрилаты и азотистые продукты, а затем, в 1938 году, и передав немецким химическим производителям ключевые технологии, необходимые для производства бутадиенового каучука, важного недавно изобретенного синтетического полимера для производства шин – каждый из перечисленных компонентов был критически важен для немецкой военной промышленности.

Обмен стратегически важными производственными технологиями продолжался несмотря на то, что был прямым нарушением законов США о нейтралитете, и несмотря на то, что президент Рузвельт был проинформирован об этом своим послом в Берлине Уильямом Доддом. «Дюпон» продолжала договариваться о торговых сделках с «И. Г. Фарбен» до 1941 года, когда совет директоров проголосовал за продажу доли в этой немецкой фирме и «приостановке» обмена патентами до «завершения текущей чрезвычайной ситуации». Под «текущей чрезвычайной ситуацией» «Дюпон» имел в виду то, что

²⁴ Огнепроводный шнур (ОШ) – средство для передачи огневого импульса на капсуль-детонатор или пороховой заряд. Существует несколько типов ОШ – фитиль, стопин, виско, бикфордов шнур.

официально называется объявлением США войны против нацистской Германии и гитлеровской Оси.^{370}

«Стандарт Ойл» тем временем передала секрет производства синтетического каучука Третьему Рейху, свой усовершенствованный метод с использованием акрилатов и технологию производства синтетического бензина. Эти секреты производства бензина в течение двух с половиной лет держали в воздухе Люфтваффе и поддерживали мобильность огромной моторизованной армии Гитлера.^{371}

Вплоть до вторжения немецких танков в страны Бенилюкс и Францию британские лидеры во главе с Невиллом Чемберленом и финансисты Уолл-Стрит во главе с Рокфеллером верили, что Третий Рейх для завоеваний своего «жизненного пространства» пойдет на Восток, а не на Запад. Сама цель непопулярной мюнхенской политики умиротворения Германии Чемберленом по отделению Судетской области Чехословакии в пользу Третьего Рейха заключалась в том, чтобы направить расширение немцев на восток, в сторону СССР. Чемберлен намеренно подталкивал к этому Германию, заявляя, что у Британии нет интересов в Судетской области.

Геополитические инструкции Чемберлена исходили от влиятельной британской группы «Круглый стол». «Круглый стол» лорда Милнера являлся катализатором пропаганды войны с Германией перед 1914 годом. К концу 1930-х тот же «Круглый Стол», который раньше пропагандировал войну с Германией, активно рекламировал благосклонность по вопросу немецкого повторного вооружения в Райнланде. Используя своё подконтрольное издание, лондонский «Таймс», и одноименный журнал «Круглый Стол» эти же люди призывали не вмешиваться в Испанскую Гражданскую войну, когда Германия поддержала Франко вооружением и снабжением.

В январе 1935 года лорд Лотиан, непревзойденный германофоб, впоследствии ставший послом Его Величества в Вашингтоне, встретился с Гитлером. Гитлер неоднократно предлагал ему заключить союз между Англией, Германией и США, который позволил бы немцам свободно двинуться на восток к России. Лотиан дал Гитлеру такое обещание в обмен на обещание Германии не пытаться стать «мировой державой» и не вступать в конкуренцию с ВМФ Великобритании за контроль над морями.^{372}

Единственным осмысленным объяснением полного разворота политики британского «Круглого стола» в отношении Германии в последующий период, а также политики их союзников – Совета по международным отношениям – является основа британской геополитики.

Как выразился сэр Халфорд Макиндер во время мирных переговоров в Версале в 1919 году, цель британского баланса сил в геополитике в том, чтобы всегда объединяться с более слабым европейским соперником против более сильного. В конце XIX века и до начала Первой мировой войны в августе 1914 года более слабым европейским конкурентом была Франция, а более сильным – Германия. В течение 1930-х годов и вплоть до вторжения Вермахта в Бенилюкс Франция была более сильной, чем Германия.

Стратегический просчёт имел место с обеих сторон. Гитлер и его ближайшие соратники не смогли понять самой основы британской геополитической стратегии, в тоже время участники британского «Круглого стола» не смогли оценить, как глубоко Германия проанализировала свои ошибки в Первой мировой войне. Никогда больше не вести войну на два фронта – этот урок был твёрдо усвоен Советом генералов штабов и лидерами нацистов.^{373}

Точный расчёт Рокфеллеров

В то время как британский «Круглый стол», так же как и Гитлер, ошибались в оценках своей относительной силы, Рокфеллеры и их сторонники, а также группа «Изучение войны и мира» в Совете по международным отношениям всё рассчитали точно. Они ясно видели, что,

если Англия выйдет из войны без потерь, то «победа» в войне приведет к блокированию гегемонии США, возможно, на несколько десятилетий. Это было как раз то, чего они хотели бы избежать. Они также понимали, что и Германия должна быть уничтожена во имя последующей гегемонии США.

Одним из способов добиться этого состоял в обеспечении Германии достаточным количеством топлива, чтобы вести войну, по крайней мере, в её начале. Эта задача вовсе не была лишь финансовым интересом банка Рокфеллера. Это был подсчёт баланса сил, согласно представлениям американского истеблишмента. Исая Боуман из Совета по международным отношениям очень хорошо понимал сложности, которые возникли бы у любой европейской наземной армии при попытке продвинуться вглубь русской территории. Для того чтобы СССР и Германия могли вести друг против друга разрушительную войну на уничтожение, немецкие Люфтваффе и танковые группы должны были, по крайней мере, иметь достаточно хорошего топлива.^{374}

Примерно с 1938 года некоторые из этих «затруднений» вызывали беспокойство. Поэтому не удивительно, что когда Комиссия по обмену и безопасности приступила в феврале 1938 года к расследованию роли «Стандарт Ойл» по управлению совместного с «И. Г. Фарбен» коммерческого предприятия «Американ И. Г.», Тигл лгал и отрицал даже самую свою осведомленность об этих поставках, представители «Стандарт Ойл» также лгали правительству США, заявляя, что к моменту расследования уже изменили свою политику взаимодействия с немецкими фирмами и больше не поставляют им топливо.

Перемены были чисто косметические. Немецкие транспортные корабли продолжали перевозить нефть до порта Тенерифе на Канарских островах, вдоль побережья Марокко и испанской Сахары в северо-восточной части Африки, где они переливали её в немецкие танкеры для доставки в Гамбург. «Стандарт Ойл» во избежание поиска и перехвата британцами по подозрению в торговле с врагом просто сменила порт приписки судов с Германии на Панаму.^{375}

Тем временем «И. Г. Фарбен» цепко держалась за прибыльный американский рынок благодаря 90% акций в расположенной в Нью-Йорке корпорации «Дженерал Анилин энд Филм» (ГАФ) (корпорация по производству анилиновых красителей и пленок). Эта компания контролировала 11,5 миллионов долларов фондов в американских фирмах, включая «Стандарт Ойл» и «Дюпон».

Как только пресса опубликовала эту информацию, то в Вашингтоне начались волнения, и средства корпорации были арестованы на основании «Акта о торговле с врагом», а в 1943 году «Дюпон» было предъявлено официальное обвинение в участии в сговоре с целью скрытого контроля стратегически важных материалов. В конце концов компания «Дюпон» была признана виновной.

«Дюпон» снова пришлось явиться в суд в январе 1944 года в связи с обвинением о создании секретного картельного соглашения по торговле взрывчатыми веществами. В Германии единственным людьми, знавшими о существовании такого соглашения, были члены наблюдательного совета «И. Г. Фарбен», три-четыре главнейших директора и доверенный финансовый советник «И. Г. Фарбен», помогавший написать соглашение, Эрвин Респондек.^{376}

Начало войны в декабре 1941 года между США и Германией никак не повлияло на выполнение соглашения. Как объяснил после войны Респондек, «И. Г. Фарбен»

«... снабжала "Дюпон" информацией, до мельчайших деталей, до и во время американо-германского конфликта вплоть до января-февраля 1945 года из секретных источников в Базеле».

Секретная переписка «И. Г. Фарбен» и «Дюпон» хранилась

«запертой в специальном сейфе, к которому никто в компании, кроме трёх-четырёх специальных директоров, не имел доступа».^{377}

«Дюпон» и «И. Г. Фарбен» были глубоко вовлечены в чрезвычайно щепетильные военные исследования и разработки. Во время Первой мировой войны немецкий химик

Вальтер Хельдт усовершенствовал отравляющий газ «Циклон Б» для использования в качестве инсектицида. Производство этого газа велось «Немецким обществом для борьбы с вредителями», которое на 42,5% принадлежало «И. Г. Фарбен». Когда нацисты в 1942 году приступили к выполнению своего плана «Фабрика смерти», то «Немецкое общество для борьбы с вредителями» стала поставлять «Циклон Б» для газовых камер. В 1942 году во время войны сенатор США Генри С. Трумэн доказал, проведя специальное расследование в Сенате, что торговые отношения Рокфеллеров и «И. Г. Фарбен» были «почти государственной изменой».^{378}

Военный корреспондент «СиБиЭс Ньюс» Пол Мэннинг выяснил, что 10 августа 1944 года партнёры Рокфеллеров из «И. Г. Фарбен» выводили свои деньги через рокфеллеровские дочерние банки в США, Германии, Франции, Великобритании и Швейцарии. Находясь под защитой Белого Дома Рузвельта, «Дюпон» и Рокфеллеры отделались лишь небольшими штрафами за нарушение Акта о торговле с врагом.

Помимо Рокфеллеров и Уолл-Стрит ещё одним ключевым игроком, поддерживавшим Третий Рейх и будущую войну против СССР, был Прескотт Буш, отец президента Джорджа Буша-старшего. Он также входил в секретное общество университета Йеля «Череп и кости».

До начала Второй мировой войны семья Бушей очень тесно сотрудничала с влиятельной группой Рокфеллеров на протяжении нескольких десятилетий. Оба клана заработали свои деньги на нефти и военной промышленности.

Джордж Г. Уокер и Самуэль Прескотт Буш, дедушки Джорджа Буша-старшего, основали свою династию во время Первой мировой войны. Уокер, финансист из Сент-Луиса, заработал состояние на военных контрактах. В 1919 году он был нанят владельцем железных дорог Авереллом Харриманом на должность президента компании «У. А. Харриман Компани», располагавшейся на Уолл-Стрит и занимавшейся в 1920-е годы инвестициями в нефть, грузоперевозки, авиацию и производство марганца, в том числе в России и Германии.

Самуэль Буш управлял компанией «Бакей Стилл Кастинг», занимавшейся производством военного оборудования в штате Огайо. В 1917 году Самуэль Буш был назначен начальником секции боеприпасов, стрелкового и артиллерийского оружия федерального Военно-промышленного комитета Бернарда Баруха.^{379} И Буш и Уокер изрядно вложились в то, что после стали называть военно-промышленным комплексом США.

Прескотт Буш заработал состояние на посту директора различных компаний, занимавшихся военным производством во время Второй мировой войны. Одна из его компаний «Дрессер Индастриз оф Техас» производила зажигательные бомбы, которые сбрасывались на Токио, и газодиффузионные установки для проекта атомной бомбы. Одновременно с этим его компании участвовали в стратегическом проекте финансирования и перевооружения Третьего Рейха с помощью немецкого магната-сталепроизводителя Фрица Тиссена. В дополнение к давним связям с банками и железными дорогами Харримана семья Буша использовала свои близкие связи с Рокфеллерами и их возможности по контролю нефтяной промышленности США.

Связь семьи Бушей с Джоном Д. Рокфеллером и «Стандарт Ойл» уходит в прошлое на 100 лет, когда Рокфеллер сделал компанию Сэма Буша «Бакей Стилл Кастинг» фантастически успешной, убедив железнодорожные компании, перевозившие его нефть, закупать оборудование у «Бакей Стилл Кастинг». Джордж Г. Уокер помогал в восстановлении нефтяной промышленности СССР в 1920-е годы, а Прескотт Буш приобрел опыт международных нефтяных переговоров, работая директором «Дрессер Индастриз» в Техасе, входившей в банковский холдинг Харриманов, компании, тесно связанной с нефтяными интересами Рокфеллеров. «Дрессер» позже вошла в корпорацию «Халлибёртон», фирму, получившую недобрую славу из-за Дика Чейни.^{380}

Thyssen Funds Found in U.S.

NEW YORK—(INS)—Existence of a \$3,000,000 fund established here by Fritz Thyssen, German industrialist and original backer of Adolf Hitler was disclosed today in a news story in the New York Journal American.

The story added:

Whether the money is for Thyssen personally, or, perhaps, for some of his high-placed Nazi friends in the event of an "emergency" compelling them to leave Germany, no one knew.

However, it will do neither Thyssen nor any of his Nazi friends any good now, as it has been "frozen" along with the \$4,500,000,000 Axis assets now held in this country.

The money exists in funds of the Union Banking corporation, an investment company incorporated and licensed under New York state laws in August, 1924.

Money for its \$400,000 capital stock came from Thyssen's bank Voor Handel En Scheepvaart in Rotterdam.

Among members of its board of directors are F. B. Harriman, Ray Morris and Prescott S. Bush, partners in the firm of Brown Brothers Harriman and company, of which W. Averell Harriman is now American minister plenipotentiary to England.

Also a director is H. D. Pennington, Brown Brothers Harriman and Co. manager.

On Jan. 14, 1941, Knight Wooley, another partner in the Harriman company, wrote to State Banking Superintendent William R. White in behalf of Harriman, Morris, Bush and Pennington:

"Should the United States enter the war, they felt they might be under some embarrassment because of their connection with the bank, even though we have no financial interest in the Union Banking corporation, nor do we participate in its earnings."

Рис. 10. В июле 1942 года американские СМИ сообщили скандальную новость о помощи П. Буша, А. Харримана и прочих из круга Рокфеллеров Тиссену и немецкой военной экономике

В 1931 году вследствие реорганизации Уолл-Стрит после краха 1929 года, инвестиционный банк Харримана «У. А. Харриман и К^о» слился с британо-американским инвестиционным предприятием «Братья Брауны» для создания инвестиционного банка «Браун Броз. Харриман». Главными партнёрами по результатам сделки стали Аверелл Харриман, его брат, Прескотт Буш и Тэтчер Г. Браун. Лондонское отделение называлось «Браун, Шипли» – банк, в котором главным партнёром был Монтегю Норман до его перехода в руководство Банка Англии.^{381}

В течение 1920 - х годов Харриман выполнял обязанности личного банкира в Нью-Йорке для магната-сталепроизводителя Фрица Тиссена и занимал две должности в совете нового стального треста.^{382}

«Юнион Банкинг Корпорэйшн», принадлежавшая «У. А. Харриман и К^о» и связанная с голландским «Банком торговли и судоходства» («БиЭйчЭс»), принадлежавшем Тиссену, была основана как подразделение «У. А. Харриман и К^о». «БиЭйчЭс» использовался для перевода денег через Атлантику между США и заводами Тиссена в Германии.

А тем временем Прескотт Буш и Аверелл Харриман через «Браун Броз Харриман» управляли финансовыми делами за пределами Германии.

В 1942 году государственный опекун иностранной собственности Лео Т. Краули подписал судебный приказ номер 248, подвергавший аресту собственность Прескотта Буша на основании «Акта о торговле с врагом».

Указ был зарегистрирован в малоизвестных государственных учетных изданиях и не попал в новостные издания. В нём говорилось только, что «Юнион Банкинг Корпорэйшн» управлялась в интересах «немецкой семьи Тиссен и/или венгерских ... граждан ... стран, считающихся враждебными».^{383}

После войны следователи Конгресса США изучали компании Тиссена, «Юнион Банкинг Корпорэйшн» и связанные с ними нацистские предприятия. Они обнаружили, что громадное немецкое сталелитейное предприятие Тиссена «Объединённая сталелитейная компания» производило во времена Третьего Рейха следующее количество товаров в долях от всего производства в Германии: 50,8% чугуна в чушках, 41,4% обыкновенного листового металла, 36,0% толстолистового металла, 38,5% гальванизированного листового металла, 45,5% труб, 22,1% проводов, 35,0% взрывчатки.^{384} Роль Тиссена в перевооружении гитлеровской Германии была огромной.

Глубокая вовлечённость Рокфеллеров, Харриманов и Бушей в обеспечение жизненно важной стратегической и финансовой поддержки военному строительству Гитлера было, как следовало из анализа, составной частью ещё более амбициозного проекта. Целью была не поддержка Германии-победительницы, а подготовка мировой войны, из которой в 1945 году родился Американский век, или, точнее, «Век Рокфеллеров».

Буши, Рокфеллеры, Харриманы, Дюпоны и Диллоны – все обеспечивали критически важную поддержку Третьего Рейха на ранних этапах в рамках большого геополитического плана: обратить в руины крупные европейские державы, особенно Германию и Россию, чтобы они «терзая друг друга, истекли кровью до смерти», дав возможность установить гегемонию Американского века. Это и было настоящей целью рокфеллеровского проекта «Изучение войны и мира».

Повод для войны: «Перл-Харбор» Рузвельта

К моменту, когда Рузвельт победил в 1940 году на выборах в президенты, получив впервые в истории США третий срок, он уже в течение нескольких месяцев скрытно готовился к войне с Германией. Рузвельт не только предоставлял помощь Черчиллю по программе ленд-лиза в нарушение формально объявленного нейтралитета, но и активно подготавливал события, приведшие к попытке японцев уничтожить Тихоокеанскую эскадру США в Перл-Харборе в декабре 1941 года. Послевоенные документы и рассекреченные

документы Конгресса, а также смерть самого Рузвельта показывают без всяких сомнений, что президент и его министр обороны Генри Стимсон намеренно подстрекали Японию к войне. Они добились этого, объявив эмбарго на поставки нефти в Японию и подготовив военные действия против экспансии Японии в Тихом океане. Документы доказывают, что Рузвельт был полностью осведомлен о планах бомбардировки Перл-Харбора за несколько дней до её начала, вплоть до деталей перемещения японского флота в Тихом океане и точном времени начала операции.^{385} Документы также доказывают, что Рузвельт предпринял и другие действия для провоцирования японской атаки.

По окончании войны в 1946 году Совместная комиссия Конгресса США по расследованию событий в Перл-Харборе, возглавляемая сенатором Албеном Баркли из штата Кентукки, заслушала доклад комиссии армии США. Документ был помечен грифом «совершенно секретно» и стал доступен только десятилетия спустя.^{386} Отчёт был официальным обвинением администрации президента, самого Рузвельта и министра обороны Стимсона. Уже 25 января 1941 года адмиралы Джеймс Ричардсон и Хасбанд Е. Киммел в совместно подготовленном письме, отправленном начальнику морских операций, предупреждали о возможной атаке японцами Перл-Харбора, почти за 11 месяцев до того, как это случилось. В письме говорилось:

«Япония может атаковать Перл-Харбор без предупреждения, и это может быть сделано различными способами... атаке могут подвергнуться грузовые терминалы, удалённые позиции или морские суда. Также возможны внезапный налет на Перл-Харбор или попытка заблокировать канал».

Отчёт также отмечает, что одним из оснований решения об атаке на Перл-Харбор могло стать то, что Рузвельт

«26 июля 1941 подписал указ об блокировании (аресте) японских средств в США. Этот указ перевёл под контроль правительства все финансовые и торговые операции, касавшиеся Японии. Это создало видимость прекращения всех торговых операций между США и Японией».^{387}

В Токио это было воспринято как проявление военных намерений в отношении Японии. 19 июля, за 5 месяцев до атаки на Перл-Харбор, адмирал Киммел получил важные сведения из депеши, перехваченной и расшифрованной разведкой США, об операции «Магия». Перехваченное сообщение частично приведено ниже:

«Недавний указ об общей мобилизации выражает бесповоротное решение Японии покончить с англо-американской деятельностью, препятствующей естественной экспансии Японии... Текущая цель – попытаться мирно оккупировать Французскую Индонезию, но раздавить любое оказанное сопротивление и установить, если потребуется, военное положение... Далее по плану отправка ультиматума Голландской Индии. В операции по захвату Сингапура ВМС сыграют основную роль... с помощью подводного флота в районе островов Южного Тихоокеанского Мандата²⁵, острова Хайнань и в Индокитае мы уберём и раздавим американо-британские войска вместе с возможностью препятствовать нам далее».^{388}

Таким образом, уже за пять полных месяцев до атаки высшее руководство в правительстве США знало о неизбежности войны с Японией на основании данных по проекту «Магия», перехваченных и расшифрованных разведкой после взлома дипломатических шифров.

7 ноября, за месяц до атаки Перл-Харбора, командующий Тихоокеанским флотом ВМС США адмирал Киммел получил следующее сообщение от адмирала Старка из Вашингтона:

«Всё постепенно движется к кризису на Тихом океане. Но никто не может пока сказать, когда всё начнётся. Принципиальный ответ, который я получил по этому вопросу, всё такой

²⁵ Мандатная территория, переданная Лигой наций в управление Японской империи после поражения Германской империи в Первой мировой войне. Продолжался с 1919 до 1947.

же, как я писал ранее... через месяц мы можем увидеть, в прямом смысле слова, всё, что угодно». ^{389}

Затем 28 ноября 1941 года Киммел получил новое сообщение от Старка из Вашингтона, содержащее, в том числе, следующее:

«Переговоры с Японией по всем важным вопросам, похоже, прекращены... ответные действия японцев непредсказуемы, но враждебные действия могут начаться в любой момент. Если не удастся избежать враждебных действий, то для США предпочтительнее, чтобы Япония совершила нападение первой». ^{390}

Сразу после получения этого предупреждения адмирал Киммел получил приказ из Вашингтона прекратить проведение дальней разведки против возможного авиаудара. ^{391} Подчиняясь приказам из Министерства обороны Стимсона, с 28 ноября по 5 декабря Киммел отдал приказ покинуть Перл-Харбор и отправиться к островам Мидуэй и Уэйк двум авианосцам «Интерпрайз» и «Лексингтон», шести тяжёлым крейсерам и четырнадцати эсминцам, удобно расположив наиболее современные корабли Тихоокеанского флота очень далеко от места нападения японцев 7 - го декабря. Вашингтон за несколько дней до нападения намеренно утаил от Киммела ценные разведанные, подтверждавшие, что цель японцев – Перл-Харбор. Из документов у Киммела должно было создаться впечатление, что целью атаки будут Филиппины и прилегающие к ним острова. Как сказано далее в заявлении Сената:

«Адмирал Ньютон не получил никакой информации относительно стремительно ухудшающихся отношений с Японией. Не было никаких специальных приказов, и он считал свою отправку с Гаваев на Мидуэй просто рядовым заданием с целью увеличения часов налета личным составом и пополнения войск острова эскадрой с «Лексингтона». Поэтому он не отдавал никаких специальных приказов о подготовке самолетов к войне, кроме рутинных заданий... никаких перемен в готовности к обороне в порту [Перл-Харбор – автор] не было, лишь самолеты патруля Береговой охраны вылетели из Перл-Харбора, и велись работы по расчистке портового канала и подходов к нему... Патруль Береговой охраны получил приказ заменить самолеты из группы, направлявшейся из Мидуэй на Уэйк. Самолеты покинули Перл-Харбор 30 ноября». ^{392}

Этим безопасность Перл-Харбора была поставлена под угрозу ещё больше. Как свидетельствует официальное заявление Сената:

«Однако не было предпринято никаких мероприятий по обнаружению вражеских сил, приближавшихся с севера и северо-запада, являвшегося наиболее уязвимым направлением, и это бездействие является подтверждением справедливости нашего обвинения». ^{393}

Обвинительный акт указывает, что ответственность за предоставление адмиралу Киммелу своевременных и точных оценок того, какова наиболее вероятная стратегия противника, лежит на Вашингтоне. Задачей же Киммела как командующего Тихоокеанским флотом являлась подготовка к худшему сценарию, и

«когда он был проинформирован о войне, то отдал приказ о перегруппировке для защиты, так как это было необходимое действие, вытекавшее из анализа всех потенциальных опасностей, из которых угроза Гавайям была наиболее серьёзной». ^{394}

Тем не менее, был выполнен ряд преднамеренных действий, гарантировавших беззащитность Перл-Харбора в случае атаки японцев. Как пишет в своём отчёте комиссия армии США:

«Ситуацию 7- го декабря можно подытожить следующим образом: никакой дальней разведки со стороны ВМС США не выполнялось; четыре-пять самолетов регулярного патрулирования отсутствовали; противовоздушная артиллерия стояла «свернутой» и не участвовала в воскресных маневрах с морской авиацией, как это обычно бывало; авианосцы вместе со своими самолетами были в то воскресенье недалеко от острова Оаху; самолеты, как ВМС, так и армии находились на земле, сбитыми в кучу, стояли близко друг к другу; все корабли были в порту, кроме групп 9 и 12, состоявших из нескольких крейсеров, эсминцев и двух авианосцев "Лексингтон" и "Интерпрайз".

Вооружение армии, за исключением недавно отремонтированных зенитных пушек, стояло на артиллерийском складе, и обе боевые группы, как и зенитная артиллерия, находились в месте дислокации, а не на боевой позиции. Все было собрано в плотные кучи на основании антисаботажного предупреждения № 1. Это сделало технику и снаряжение лёгкой целью для атаки с воздуха. Если коротко, то всё было сделано для того, чтобы максимально благоприятствовать атаке с воздуха, и японцы не преминули этим воспользоваться».^{395}

В результате японской атаки на Перл-Харбор в 1941 году 2403 американца погибли, 1178 было ранено, потеряно 18 линкоров и 188 самолетов. Последнее предупреждение о неизбежной атаке на Перл-Харбор Рузвельт получил лично от самого Уинстона Черчилля 26 ноября, за две недели до неё. Он отреагировал тем, что избавил порт от противозенитной обороны – меры, призванной гарантировать успех Японии.^{396}

Сообщение Черчилля Рузвельту 26 ноября 1941 года – единственный документ из всех, который до недавнего времени был засекречен по соображениям «национальной безопасности». Черчилль неоднократно явным образом предупреждал Рузвельта о неизбежной атаке на Перл-Харбор 8 декабря (фактическая дата согласно токийской часовой зоне – 7 декабря), как сказано в воспоминаниях посла Черчилля в Вашингтоне лорда Галифакса. Следовательно, Рузвельт и его советники спровоцировали атаку японцев на военно-морской базы США на Гавайях с целью создания у недоверчивых американских граждан провоенных настроений во имя будущего Американского века. Средство реализации послевоенной программы группы «Изучение войны и мира» Рокфеллера истории позже назовут Второй мировой войной.

«Чёрная магия» Вашингтона

Как следует из деталей отчёта Сената, Военно-морской департамент США смог расшифровать коды дипломатической переписки японцев. С помощью проекта «Магия» и перехвата и дешифровке переписки Японии и её дипломатических представительств детали японских планов во всех красках предстали перед Вашингтоном. Разведывательная работа по проекту «Магия» была чрезвычайно секретной, и информацию о самом факте взлома кодов имела у очень ограниченного круга лиц. Рузвельт даже не сказал об этом Черчиллю, разведка которого в Челтенхеме, работая над проектом «Ультра», тоже взломала японские коды. Конечно, Черчилль тоже не сказал Рузвельту про успехи «Ультры», но, как написано выше, явно пытался предупредить его о планах атаки.

Доступ к английскому переводу перехваченных японских сообщений был ограничен небольшим кругом лиц, состоявшим из министра обороны Стимсона, руководителя его аппарата, начальника отдела военного планирования, начальника отдела военной разведки, секретаря ВМС, начальника отдела морских операций, директора разведки ВМС, сотрудников Госдепартамента и службы технической помощи президенту, которая отвечала за секретность фактической пересылки сообщений.^{397}

6 декабря «Магией» было перехвачено и расшифровано сообщение, переданное Военному департаменту и адмиралу Бридалу, руководителю службы технической помощи в Белом Доме между 21-30 и 22-00 с пометкой передать в руки президента в максимально короткий срок. Командующий Шульц доставил сообщение президенту, который прочел его вместе с Гарри Гопкинсом. Затем сообщение было доставлено секретарю Ноксу и адмиралу Уилкинсону, каждый из которых, предположительно, прочел её. Перехваченное сообщение содержало заявление Токио для японского посла в Вашингтоне. В нём говорилось, что 7 декабря в 13-00 по вашингтонскому времени должно произойти драматическое событие – указанное время соответствует восходу солнца в Перл-Харборе. И этим событием была японская бомбардировка флота США в порту, адмирал Киммел позже под присягой заявил:

«Если бы я знал об этих фактах и о сообщении "корабли в порту" 28 ноября, я убеждён,

что отверг бы план Департамента ВМС по отправке авианосцев на Уэйк и Мидуэй. Я бы приказал отозвать третий авианосец "Саратога" с Западного Побережья обратно. Я бы сразу вышел в море всем флотом, чтобы попытаться перехватить японцев. Это позволило бы разместить флот на позициях, удобных для отражения атаки на Гавайские острова». ^{398}

Из Киммела сделали козла отпущения за произошедшую атаку на Перл-Харбор и вынудили уйти в отставку.

Опустошительная бомбардировка порта дала Рузвельту официальную причину начать войну, которую он так долго искал. К этой войне призывала и группа «Изучение войны и мира», война была необходима для создания новой Американской империи, Американского века Льюиса.

Но даже после объявления войны государствам Оси в декабре 1941 года влиятельная группа лиц в администрации Рузвельта и группа Рокфеллера продолжали противозаконное сотрудничество с ведущими немецкими военными производителями. История этой измены была погребена в куче послевоенных исторических отчетов.

Во время войны параллельно со своей деятельностью в Германии и Европе Нельсон Рокфеллер играл стратегическую роль в захвате огромных ресурсов и политического влияния в Латинской Америке, необходимых для становления американской послевоенной империи. Для Рокфеллеров и других архитекторов политики США мировое господство после Второй мировой войны должно было перестать измеряться в терминах военного контроля колониальных территорий. Британская и другие европейские империи доказали, что такая система доминирования чрезвычайно дорога и малоэффективна. Власть должна была создаваться напрямую через экономику. Она должна была основываться на том, что их гарвардский сторонник Джозеф Най позже назовет «мягкой силой». Мягкой силой, поддерживаемой сильнейшими в мире военной машиной и финансовой системой. ^{399}

Рокфеллеры создают империю в Латинской Америке

Когда в 1945 году война завершилась, никто не смог лучше выразить взгляды американского большого бизнеса, чем группа Рокфеллера, чье состояние было построено на нефти и банках. Эта семья, главным образом, братья Нельсон, Джон Д.-третий, Лоранс и Дэвид, рассматривали победное окончание войны как невиданный доселе золотой шанс получить контроль над всей мировой политикой.

Что именно имели в виду Исайя Боуман и его коллеги под терминами «Большое пространство» и «развитие свободного рынка», стало понятно довольно скоро. В частности Нельсон Рокфеллер, не теряя понапрасну времени, извлекал выгоду из новых экономических возможностей, которые Вторая мировая война открыла для его семейства, особенно для развития бизнеса в Латинской Америке.

Во время войны Нельсон совмещал продвижение больших интересов семьи Рокфеллеров в Латинской Америке с высоким постом на секретной службе правительства США. Он был координатором по связям на Американском континенте, номинально от имени Белого дома Рузвельта. Находясь на этой стратегически важной должности, он мог предоставлять поддержку правительства США партнёрам и союзникам семейного бизнеса Рокфеллеров в ключевых странах от Бразилии до Перу, Мексики, Венесуэлы и даже Аргентины под предлогом борьбы с проникновением нацистов в США и под лозунгом продвижения «американской демократии». Он осторожно закладывал базу для послевоенной экспансии американского бизнеса. ^{400}

Нельсон был назначен главой Отдела по связям на Американском континенте в августе 1940 года, что было прямым нарушением официального американского нейтралитета. Чтобы скрыть столь деликатный момент, для Отдела была создана легенда, будто он продвигает «американскую культуру» в Латинской Америке.

Задачей Нельсона Рокфеллера в Латинской Америке в годы войны была координация

деятельности разведки США и тайные операции задолго до создания ЦРУ. Он был непосредственным связующим звеном между президентом Франклином Делано Рузвельтом и главой личной разведки британского премьер-министра Уинстона Черчилля сэром Уильямом Стефенсоном, управлявшим компанией «Бритиш Секьюрити Координэйшн» (БиЭсСи).

Особенно примечательно, что секретная штаб-квартира Стефенсона для ведения его тайной деятельности располагалась в комнате № 3603 в бизнес-центре Рокфеллера в Нью-Йорке, неподалеку от офиса самого Нельсона. И это не случайно. Рокфеллер и Стефенсон тесно взаимодействовали во время совместных разведывательных операций в Америке, одновременно с этим Рокфеллер организовывал захват лакомых британских активов в этом регионе.^{401}

Вместе с ним Рокфеллер привёл в Вашингтон свою команду, занимавшуюся его семейным бизнесом, в том числе Джозефа Ровенски из «Чейз Банк» и Уилла Клейтона, тexasского хлопкового магната из агрофирмы Андерсона Клейтона.^{402} Помощник Нельсона Джон МакКлинток после войны управлял обширными плантациями компании «Юнайтед Фруит» в Центральной Америке, от лица которой ЦРУ с удобством управляло государственным переворотом в Гватемале в 1954 году.

Деятельность Нельсона Рокфеллера во время войны заложила основу масштабной экспансии интересов семейства в 1950-е годы. Нельсон сформировал концепцию взаимной обороны США и Латинской Америки, направленную на то, чтобы поставить военную элиту этого региона в зависимость от политики США в период «холодной» войны. Довольно часто это делалось путём поддержки жестоких диктаторов, извлекавших выгоду из поддержки интересов Рокфеллеров и предоставлявших лучшие условия для развития их бизнес-интересов. Нельсон называл добровольно сотрудничавших диктаторов Латинской Америки «новыми военными». Такой политико-военно-экономический союз несколько лет спустя стал моделью для построения НАТО.^{403}

Нельсон Рокфеллер был ключевым лицом в корпоративных инвестициях США в Латинскую Америку с 1930-х годов, когда он был директором компании «Креол Петролеум», дочерней компании «Стандарт Ойл». В 1938 году он попробовал, правда, безуспешно, договориться с президентом Мексики Лазаро Карденасом о расширении деятельности «Стандарт Ойл» в Мексике. Карденас национализировал владения «Стандарт Ойл», и это привело к существенному ухудшению отношений США и Мексики.^{404}

В 1940-х годах Рокфеллер основал Мексиканско-Американскую корпорацию по разработке нефти, а после войны стал частным инвестором в мексиканскую промышленность. Он вдохновил своего брата Дэвида основать подразделение «Чейз Бэнк» в Латинской Америке.^{405}

Во время войны, будучи главой Отдела координатора по связям на Американском континенте Рузвельта, Нельсон создал в этом регионе собственную сеть из владельцев газет и журналистов. Для подчинения нейтральных газет он использовал шантаж, угрожая в случае отказа прекратить доставку газетной бумаги, перевозившейся на американских кораблях из Канады. Очень скоро Рокфеллеру удалось расширить свою сеть до 1200 газетных изданий.^{406} Затем СМИ Рокфеллера наводнили Латинскую Америку фальшивыми новостями, благосклонно располагавшими читателя к США и в особенности – к деятельности бизнеса Рокфеллеров.

В течение всего периода работы Нельсона Рокфеллера в правительстве США в качестве координатора разведки США в Латинской Америке, его банк и «Стандарт Ойл» поставляли жизненно важные материалы и финансы гитлеровскому Третьему Рейху. Вплоть до объявления войны в декабре 1941 года сотрудники «Стандарт Ойл» работали сверхурочно, чтобы обеспечить германских военных нефтью. Британская морская блокада в Европе остановила нелегальные поставки нефти в Европу. Тогда президент «Стандарт Ойл» Уильям Фэриш распорядился поставлять нефть в Россию, а потом через Транссибирскую железную дорогу в Берлин и в Северную Африку, принадлежавшую тогда Виши, а именно в

Касабланку.^{407}

Рокфеллеровская южноамериканская нефть дополнялась соглашением между «И. Г. Фарбен» и «Стандарт Ойл», по которому нефтяные залежи в Румынии были сданы в лизинг немецкому промышленному тресту. Для этой цели «И. Г. Фарбен» профинансировал создание генералом Яном Антонеску румынской «Железной стражи» для надзора за нефтедобычей. Как упоминалось ранее, чтобы гарантировать доставку южноамериканской нефти странам Оси (включая Италию Муссолини) и не дать её перехватить, «Стандарт Ойл» изменила приписку своих танкеров с немецкой на панамскую. А для закрепления успеха Фэриш получил официальное обязательство «неприкосновенности» от заместителя министра ВМС США Джеймса Форрестола, «своего человека» Рокфеллеров. Сам Форрестол, как оказалось, был ещё и вице-президентом совета директоров «Дженерал Анилин энд Филм».^{408}

Поставки нефти из представительств Рокфеллера в Бразилии, также как и из Теннерифе на Канарах продолжались нелегально даже после событий в Перл-Харборе, несмотря на заявления Фэриша различным службам правительства США, что поставки прекращены. В то время Фэриш входил в правительственную комиссию по военному топливу.^{409}

Пока группа Рокфеллера активно занималась созданием своего личного послевоенного латиноамериканского «жизненного пространства» силами Нельсона Рокфеллера, его немецкие партнёры были заняты созданием своей собственной версии экономического «жизненного пространства».

Глава 8

Война и конфликт геополитических планов

«Кто владеет Восточной Европой, тот управляет "Сердцем мира"; кто владеет "Сердцем мира", тот управляет "Мировым островом"; кто владеет "Мировым островом", тот управляет миром».

– *Сэр Халфорд Макиндер, 1919 год*^{474}

Невыученные уроки британской геополитики

Политтехнологи из Совета по международным отношениям и международные бизнесмены группы Рокфеллера проводили на первый взгляд парадоксальную и внутренне противоречивую политику. Они одновременно финансировали группу «Изучение войны и мира», подбирая в неё людей (тех, кто должен был сформировать основы послевоенного мирового превосходства США в Американском веке), и в то же время прилагали невероятные усилия по поддержанию военного переоснащения Третьего Рейха, делая огромные прибыли на сделках с «врагом», многократно превосходящие любые нормальные заработки. Получилось, что «Стандарт Ойл» совместно с «Доу Кемикалз» и «Дюпон» оказали беспрецедентную поддержку военной машине Гитлера.

Решение этого кажущегося парадокса лежит в понимании американской геополитической стратегии, сформулированной такими людьми, как член Совета по международным отношениям Исая Боуман и выпускник Йеля, геополитический стратег Николас Спикмен. Они создали уникальный синтез британской геополитики Халфорда Макиндера – определили ключевые нации, жизненно необходимые для поддержания американского послевоенного превосходства, Американской империи. Для группы

влиятельных людей, объединённых в Совет по международным отношениям, война была лишь средством продвижения в послевоенном мире своей финансовой власти и создания такой империи, которая не только заменит Британскую, но и устранит других потенциальных европейских конкурентов. Они очень хорошо понимали, как выразился Спикмен, что войны позволяют завоёвывать и порабощать новые рынки, и что слово «мир» является всего лишь «временным прекращением огня» или перемирием в бесконечной войне до тех пор, пока перспективы разграбления конкретной территории не достигнут сравнительного минимума, и не станет необходимостью новая завоевательная война.^{475} В 1938 году Спикмен произнёс известное политическое пророчество:

«Если только мечта о Европейской конфедерации не станет реальностью, то может легко оказаться, что через пятьдесят лет четверку мировых держав будут составлять Китай, Индия, США и СССР».^{476}

Именно так понимали международную политику Спикмен, Боумен и другие союзники Рокфеллера. Протоколы Комитета по безопасности комиссии советников по послевоенной внешней политике группы «Изучение войны и мира» определили набор наиболее вероятных параметров послевоенной внешней политики США задолго до официального вступления страны в войну:

«...восстановления Британской империи в том виде, в котором она существовала ранее, уже никогда не произойдёт... США, возможно, придется занять её место ... США должны развивать внутреннее видение в отношении общего мирового порядка после этой войны, [порядка] который позволит нам навязать наши собственные правила, внося вклад... в Пакс Американа».^{477}

Издание «Таймс» Генри Льюса назвало эту стратегию «Американским веком». Влиятельные участники британского «Круглого стола» по многим вопросам не смогли понять основных принципов немецкой геополитики, но и Германия, в частности Гитлер, как оказалось, ошибалась в своём понимании основ британской геополитики.

Противоречивые геополитические стратегии

Трагедия Второй мировой войны стала следствием титанических усилий разных стран в борьбе за мировое господство. Британцы использовали свою традиционную стратегию: разделение континентальной Европы и контроль морских путей. Беспрецедентное решение Черчилля объединиться с США, более сильным из противников, против Германии, более слабого, было сделано в расчёте на то, что это единственный способ, позволяющий Британской империи остаться лидирующей мировой силой.

Это был первый случай в истории дипломатии британской политики баланса сил, когда она объединялась с сильным врагом против слабого. Такая стратегия была весьма рискованной. Но Черчилль и его союзники из «Круглого стола» были реалистами. Они понимали, что империи приходит конец, и она может поддерживать своё могущество только неявно, через «личные отношения» с Вашингтоном. Однако «личные отношения» между Черчиллем и Рузвельтом весьма осложнились благодаря тому, что США сами смогли стать лидирующей мировой силой.

Элита США, сплотившаяся вокруг Рокфеллера и Уолл-Стрит, уже провела внутренние обсуждения и договорилась, что все потенциальные европейские конкуренты должны быть уничтожены во взаимной бойне. Целью было уничтожение, прежде всего, возможностей немецкого Третьего Рейха, который неизбежно заполнил бы вакуум силы в Центральной Европе, возникший из-за ослабления Франции и её союзников.

Рузвельт поддерживал секретную переписку с Черчиллем задолго до вступления США в войну в декабре 1941 года. Черчилль, со своей стороны, будучи умелым проводником имперских интересов Британии, манипулировал своими связями с американским президентом, чтобы получить максимум выгоды для Англии, стремящейся начать открытую

войну на континенте.

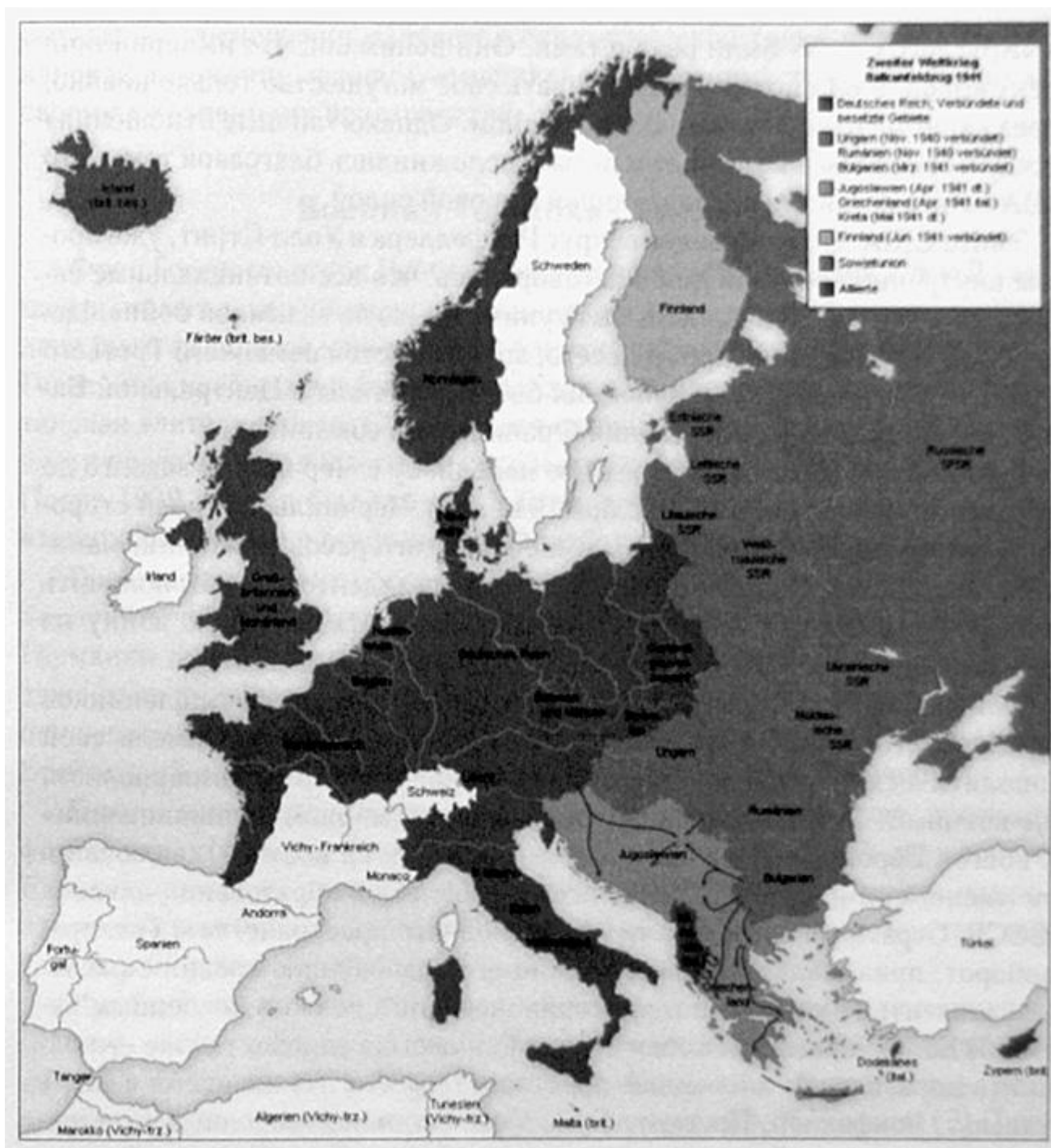

Рис. 11. Для британских геополитиков доминирование Германии в Центральной Европе было недопустимо, кто бы ни был на тот момент канцлером

Оппозиция Гитлеру внутри Германии, как из числа промышленников и финансистов, так и из высшего военного командования, имела свой геополитический план – предпочтение экономической империализм, а не военный. Они были сконцентрированы на «мирном проникновении» на восток Европы, «Дранг нах Остен» («Натиск на восток»), включая в том числе, при некоторых условиях, возможность образования альянса с СССР. Стратегия «лебенсraum» («жизненного пространства») Гитлера, наоборот, призывала к грубому военному порабощению славян с расчётом захватить те же самые территории не экономическим, а военным путём.^[478] Конечная цель для обеих групп Рейха была одной и той же – подчинить Евразию, её «жизненное пространство». А в это же время в США

Рузвельт, Рокфеллер, Прескотт Буш, Совет по международным отношениям и их сторонники разрабатывали свою стратегию войны.

Их стратегия, существенно отличавшаяся от британской, состояла в «поддержке» и использовании Гитлера, чтобы раз и навсегда сокрушить Германию, ликвидировав возрождающуюся угрозу своему собственному «американскому жизненному пространству». Цель этих людей состояла в установлении американского мирового господства на обломках Германии, Британии и сталинского СССР. Рокфеллер и его дружки были не более «прогерманские», чем «пробританские». Они поддерживали Американский век и были пророкфеллеровские в самом монархическом смысле этого слова.

Когда было нужно, они создавали тактические альянсы и с нацистской Германией, и с СССР, и затем с Британией. Это был всего лишь вопрос выгоды – тактические маневры в стратегической гонке к цели: американской гегемонии, своему «американскому явному предназначению», своему «жизненному пространству».

Военная «ошибка» Гитлера

Фриц Гессе, советник Риббентропа, специалист по Англии в МИД Германии, полагал, что принципиальным недостатком военной стратегии Гитлера было фатальное непонимание британской геополитической аксиомы. Гессе имел необычайно богатый опыт для понимания того, что думает британская элита о немцах. Он много лет прожил в Англии и работал в должности пресс-атташе в немецком посольстве в Лондоне с 1935 по 1939 годы. После 1939 года он был отозван в Германию в штаб-квартиру Совета по взаимоотношениям с Британией и проработал в нём до конца войны.

Гессе писал в своих послевоенных мемуарах, что Гитлер так и не смог понять, почему Черчилль отказался даже рассматривать предложения Германии по разделу мира, хотя в тот момент было вовсе не очевидным даже само выживание Великобритании. Такие «сделки», которые Гитлер описывал ранее в «Майн Кампф»^{479}, позволили бы обеим империям – Британской и Германской – разделить мир без участия Америки.

Гитлер и его окружение, очевидно, не смогли понять того простого факта, что, поскольку Германия стремилась стать основной державой в Евразии, она будет представлять прямую угрозу британскому доминированию вне зависимости от того, кто ею управляет, и потому, с британской точки зрения, она неизбежно должна быть уничтожена.

Приказ Гитлера в мае 1940 года о трёхдневном прекращении огня в тот момент, когда его Вермахт²⁶ решительно и успешно оттеснял объединённые войска Британии, Канады, Польши и Франции к морю у Дюнкерка, поверг немецкое командование в шок не меньше, чем Черчилля.^{480} Причина, считает Гессе, была простой: Гитлер хотел дать Британии время подумать и согласиться на сделку, прежде чем немецкая военная машина начнёт крестовый поход на Советский Союз. Это была плохо продуманная попытка избежать ещё одной опустошительной войны на два фронта, какой была война 1914 года.

Этим необычным жестом по отношению к Англии Гитлер позволил уплыть через Ла Манш 338 тысяч солдат союзнических армий. «Чудо Дюнкерка», как его пыталась представить английская пропаганда своим гражданам, вовсе не было чудом.

Однако столь же наивными были и участники оппозиции Гитлеру в высшем военном командовании. Фриц Гессе был знаком с большинством лидеров антигитлеровской фракции, так как они обращались к нему с просьбами о содействии в контактах с Англией.

Гессе понимал, что антигитлеровская оппозиция в Германии – в МИДе, среди генералов Вермахта, среди ведущих немецких промышленников и банкиров – тоже не

²⁶ Вермахт – (нем. Wehrmacht, от Wehr – «оружие», «оборона, сопротивление» и Macht – «сила, мощь; власть, влияние», «войско») – название вооружённых сил нацистской Германии в 1935-1945 гг.

желала признавать важность британской геополитической аксиомы. ^{481} Британия не могла смириться с существованием сильной и экономически развитой Германии, а уж тем более такой, чье правительство было бы, несомненно, более «респектабельным», чем при Гитлере. Неспособность осознать этот простой факт обрекла на провал любые попытки совершить внутри Германии государственный переворот против Гитлера. Они полагали, что Англия их поддержит. В действительности всё происходило с точностью до наоборот.

Конец эпохи Чемберлена

Мюнхенский «миротворческий» договор британского премьер-министра Невилла Чемберлена в сентябре 1938 года был последней умышленной попыткой Англии побудить Германию расширяться на восток, а не на запад. Четырёхсторонняя конференция в Мюнхене – Гитлер от Германии, Чемберлен от Британии, Даладьё от Франции и Муссолини от Италии – должна была якобы решить судьбу Судетской области, граничившей с Германией и имевшей большую долю немецкоязычного населения. Область была частью Чехословакии, и Гитлер угрожал занять её силой. Переговоры происходили без участия Чехословакии и СССР, и именно поэтому удалось «договориться». Чемберлен и Даладьё согласились, что Германия может забрать себе Судеты. В обмен на это Гитлер пообещал не предъявлять больше никаких территориальных претензий в Европе, подписав печально известное Мюнхенское соглашение, передававшее Судетскую область Германии.

Когда же президент Чехословакии Эдвард Бенеш выразил протест против такого решения, Чемберлен ответил, что Британия не желает ввязываться в войну из-за разногласий по Судетской области. Мюнхенское соглашение стало в то время очень популярным, так как казалось, что оно позволило избежать войны с Германией.

Затем в марте 1939 года немецкий Вермахт взял штыками и всю остальную Чехословакию. В этот момент политика Британии на высшем уровне сместила акцент с политики умиротворения на подготовку к войне с Германией, теперь уже с Черчиллем в качестве антигерманского премьер-министра, избранным отчасти из-за того, что он умел налаживать связи с Америкой.

Черчилль въехал в резиденцию на Даунинг стрит, 10, в мае 1940 года. К этому моменту Вермахт уже занял Польшу, большую часть Чехословакии, Австрию, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург и большую часть Франции. Гитлер создал стратегический военный альянс с Италией. Он также поддерживал дружеские отношения с правительством Франко формально нейтральной Испании. Кроме того, Германия вскоре заключила стратегический договор с СССР по разделу остальной Европы, Пакт о ненападении Молотова-Риббентропа, подписанный в августе 1939 года – так называемый пакт Гитлера-Сталина. Обезопасив таким образом восточный фланг, по крайней мере временно, Германия освободила силы для начала военных действий против Великобритании. Немецкое командование, определённо, ни при каких условиях не собиралось вести войну на два фронта, как это было в 1914-м году.

Для Гитлера пакт со Сталиным был циничным ходом с целью выиграть время перед неизбежным военным вторжением в СССР. Для Сталина это был такой же циничный прагматичный шаг, дававший время перевооружить армию и подготовить государство к надвигающейся войне. Для Британии это была геополитическая неудача, хотя и временная. Англия оказалась полностью отрезанной от всех своих союзников в континентальной Европе, которые имели бы силы и возможность вести большую часть войны с Германией вместо неё. И не было ни одного союзника, который мог бы вести войну совместно с ней, как это делала Франция в 1914 году. В то же время Черчилль знал, что США ещё слишком далеки от идеи посылать свою молодежь на смерть в очередной европейской войне.

Почему же тогда Уинстон Черчилль, став премьер-министром Британии в мае 1940 года не сделал ничего, чтобы поддержать антигитлеровскую оппозицию в Германии?

Всё-таки он был главным противником политики умиротворения Чемберлена. А ведь такая поддержка со стороны британского премьер-министра возникающей антигитлеровской оппозиции на этом самом раннем этапе войны в Европе могла не только критически ослабить, но и вообще предотвратить, военную угрозу Западной Европе, а главное – самой Англии, ввергнув Третий Рейх во внутренний конфликт.

Черчилль очень хорошо понимал важность немецкой оппозиции. Ещё до прихода в Военное правительство Чемберлена в сентябре 1939 года на должность Первого лорда Адмиралтейства Черчилль был хорошо осведомлен о попытках части немецкой элиты избежать войны. Поддержки он всеми силами оппозицию Гитлеру, явно или тайно, он мог бы серьёзно отсрочить неизбежное нападение на Англию. В действительности политика Черчилля была прямо противоположной.

Черчилль встречался с большинством представителей высшей иерархии оппозиции, включая Эвалта фон Кляйст-Шмензина, померанского юнкера-аристократа, бывшего двоюродным братом и сотрудником генерала Эрвина фон Кляйста.

Черчилль летом 1938 года приглашал фон Кляйста в своё поместье Картвел на юге Лондона для обсуждения ситуации в Германии. Спустя год, в августе 1939 года накануне немецкого вторжения в Польшу Черчилль проводил собрание в Лондоне, организованное немецкой контрразведкой в лице адмирала Вильгельма Канариса, на котором присутствовал соратник фон Кляйста по оппозиции Фабиан фон Шлабрендорф. Черчилль отлично знал, насколько серьёзна и сильна была оппозиция Гитлеру.^{482}

Холодный расчёт Черчилля

Причина, по которой британский премьер-министр отказался поддержать делом или хотя бы вдохновить словом оппозиционеров, стала главным парадоксом войны. Но парадоксом она была только для несведущих в аксиомах британской геополитики.

Чемберлен и Черчилль были едины в стратегически важном вопросе: угроза британским интересам со стороны антигитлеровской оппозиции в армии, среди бюрократии и промышленников была ничуть ни меньшей, если не большей, чем со стороны самого Гитлера. Это, как пояснял Черчилль, вытекало из факта, что оппозиция, избежав разрушительной войны, возродила бы экономическую мощь Германии, обеспечив ей доминирующее положение на европейском континенте.

Советник по Британии при МИД Риббентропа Фриц Гессе отстаивал идею, что до тех пор, пока Германия претендует на доминирование в Евразии, она будет оставаться основным стратегическим оппонентом британской геополитики. Предотвращение подобного доминирования, военным или экономическим путем, являлось ядром британской геополитической доктрины задолго до того, как сэр Халфорд Макиндер в 1904 году разработал свои тезисы о «Сердце мира».^{483}

Как полагали Черчилль и британское высшее командование, немецкая оппозиция внутри Вермахта и промышленности – Крупп, Тиссен и немецкие банки во главе с «Дойче Банком» – представляли для Англии всего лишь более «мягкую» версию той же самой геополитической реальности: немецкого доминирования в центрально-европейском «жизненном пространстве» посредством экономического «мирного проникновения».

С точки зрения окружения Черчилля в Британии «добрая Германия», доминирующая на евроазиатском экономическом пространстве, представляла бы гораздо большую угрозу британской имперской мощи, чем Германия нацистская. Британская геополитика никогда не была сентиментальной. Как сказал лорд Палмерстон около столетия назад во время дебатов в парламенте Британии:

«У нас нет ни вечных друзей, ни вечных врагов. Вечны и неизменны только наши внутренние интересы, и наш долг – следовать им. У Британии не может быть друзей – только интересы».^{484}

Фриц Гессе был хорошо знаком с идеями Макиндера и даже цитировал его для подтверждения собственных слов. Он понимал движущие мотивы англосаксонской и американской геополитики. Гессе подчеркивал, что крайняя недостаточность понимания этих мотивов континентальными державами Европы, и в большей степени Германией, в течение всего предыдущего века вызывала войны из-за просчётов. Фактом являлось то, что ни Британия, ни впоследствии Америка не позволяли никакой европейской континентальной державе доминировать на евроазиатском континенте. И точка. Как написал Макиндер в своём эссе в 1919 году:

«Кто владеет Восточной Европой, тот управляет "Сердцем мира"; кто владеет "Сердцем мира", тот управляет "Мировым островом"; кто владеет "Мировым островом", тот управляет миром».^{485}

Британская политика – предотвратить немецкое доминирование в Центральной Европе, возникавшее после завершения строительства железной дороги Берлин-Багдад через Турцию – диктовала потребность скорой войны в Европе в августе 1914 года. В 1939 году эта же политика, изложенная в аксиомах Макиндера, привела к роковому решению вступить в войну против гитлеровской Германии.

«Большая центральная Европа» Третьего Рейха

Ключевые фигуры антигитлеровской оппозиции позднего периода принадлежали к тем же высшим кругам консервативных семей и социальных организаций, которые в январе 1933 года сделали Гитлера канцлером. Тогда они поддержали его как единственную кандидатуру, способную реализовать их план восстановления после потерь Версальского мирного договора и создания нового европейского порядка во главе с Германией.

Вся деятельность во внешней, военной и экономической политике была направлена на восстановление немецкой мощи. После 1930 года стратегия достижения этой цели сконцентрировалась на идее гегемонии в Центральной Европе – от Польши и Чехословакии до Румынии, Болгарии, Балкан, Греции и Турции. После опустошительного поражения в 1918 году в Первой мировой войне основные влиятельные фигуры Германии – высшее военное командование Рейхсвера, влиятельные прусские юнкеры (дворяне-землевладельцы), мандарины немецкой бюрократии, крупнейшие промышленники и банкиры, то есть вся основа немецкой государственной власти, достигли согласия по вопросу долгосрочной секретной стратегии. Они вознамерились вернуть Германии предназначенную ей роль экономической и политической великой державы в международных отношениях.

Рейхспрезидент фон Гинденбург собрал воедино все элементы стратегии в одном из своих выступлений для немецкой молодежи в 1920-х годах:

«То, что когда-то раньше было немецким, должно снова стать немецким».

Центральноевропейский экономический совет и «мирное проникновение»

Карл Дуйсберг из химического картеля «И. Г. Фарбен», заключивший выгодные стратегические соглашения со «Стандарт Ойл» Рокфеллера, а также с «Дюпон» и другими ключевыми компаниями США, подчеркнул стратегические цели элиты немецкой промышленности в 1931 году, за два года до прихода к власти Гитлера. Дуйсберг заявил, что Германия должна создать «замкнутый самодостаточный экономический блок от Бордо до Одессы как будущий скелет Европы».

Он говорил не только как глава концерна «И. Г. Фарбен», но и как член совета

директоров Имперской Ассоциации немецкой промышленности²⁷.

Экономический блок Дуйсберга от Бордо до Одессы должен был стать зоной немецкого доминирования, раскинувшейся в сердце Европы, тем, что нацистская пропаганда называла «немецкое жизненное пространство». Такая экономическая зона была абсолютно необходима, если Германия хотела вступить в борьбу за власть с другими державами, особенно с Британией, Францией и, в конечном счёте, самым серьёзным экономическим соперником в мире – США.

Для создания средневропейского экономического пространства ключевые промышленники использовали малоизвестную частную лоббистскую организацию Центральноевропейский экономический совет (ЦЭС). Спонсорами ЦЭС были крупнейшие немецкие промышленные группы. Кроме Круппа и стального картеля, в число спонсоров входили «И. Г. Фарбен» Дуйсберга, синдикат Рурских угольных шахт, поташный картель, представители крупного сельского хозяйства юнкеров Восточной Пруссии, Немецкая Ассоциация машиностроения и влиятельная Имперская Ассоциация немецкой промышленности. Карл Котц и Герман Абс (члены совета директоров «Дрезднер Банка» и «Дойче Банка») играли ведущую роль в ЦЭС.

Используя ЦЭС, Крупп, «И. Г. Фарбен» и другие управляли строительством военной экономики, особенно после 1934 года.^{486} Их секретные договоренности со «Стандарт Ойл», «Чейз Банк» Рокфеллеров, «Дюпон» и другими ведущими американскими промышленниками были нацелены дать Германии возможность производить собственное искусственное топливо и синтетическую резину в предстоящей войне. Построение «экономической автаркии» было жизненно необходимо для реализации их планов. «И. Г. Фарбен» и Третий Рейх истратят колоссальные суммы на строительство специального завода «Лойнаверк», в то время крупнейшего химического производства в Европе для получения синтетического топлива.^{487}

В годы правления нацистов в 1930-х Ялмар Шахт в период своей работы в должности министра экономики и президента «Рейхсбанка» тесно сотрудничал с ЦЭС, продвигая план экономической экспансии ЦЭС. Это был хорошо отлаженный механизм. В октябре 1932 года, за несколько месяцев до того, как Гитлер возглавил Канцелярию, ЦЭС через рабочий проект МИД и Рейхсвера организовал секретную встречу в Риме с итальянским фашистским диктатором Бенито Муссолини. Целью встречи было показать Муссолини секретный Меморандум, план италяно-германского раздела всей Центральной Европы методом «экономического проникновения».

Неофициальный Меморандум ЦЭС выделял итальянскую сферу экономических интересов в Юго-Восточной Европе, передавая Муссолини большую часть Румынии, а также Сербию, Болгарию, Албанию и Грецию. Германия же получала Польшу и Чехословакию, представлявшие для Германии принципиальный интерес, а также восстановление и расширение Таможенного Союза с Австрией от 1931 года, из которого Австрия была вынуждена выйти под давлением Франции. Это дало бы Германии прямой контроль над экономикой Венгрии.^{488}

План ЦЭС предполагал, что Венгрия, Хорватия, Словения и трансильванская часть Румынии должны были стать частью зоны льготных тарифов и торговых соглашений с Германией и Италией. Югославия подлежала разделу с использованием финансовых рычагов Германии и Италии, Словения и Хорватия должны были перейти в зону экономического влияния Германии, а Сербия – в зону влияния Муссолини.

Согласно внутренним договоренностям ЦЭС вводила чёткое разделение Центральной Европы, которая со временем должна была бы перейти полностью под контроль Германии. Как справедливо предвидели промышленные магнаты, более слабые в военном и экономическом плане итальянцы постепенно были бы вытеснены более напористыми

²⁷ Нем. Reichsverband der Deutschen Industrie.

немецкими фирмами.

Немецкие промышленники соблазняют Францию

План раздела, предложенный на рассмотрение Муссолини, естественным образом бросал вызов Франции, которая в рамках своих непрекращающихся усилий предотвратить распространение влияния Германии была участником так называемой «Малой Антанты»: союза с Чехословакией, Югославией и Румынией.

Внутренняя памятка представителю ЦЭС в «Дойче Банк» в начале 1930-х годов так излагала цели организации:

«Развитие и возвращение отношений со странами по Дунаю, разрушение их зависимости от Франции; создание кооперативных отношений с Германией через практические, чисто экономические методы решения проблем».

Памятка обращала внимание, что всё это будет возможно только при условии, если Германия получит не только экономическое, но и политическое влияние на территории Центральной Европы.^{489}

С 1921 года Франция, используя Лигу Наций, добилась доминирования в финансово-экономических связях с Чехословакией, Румынией и Югославией через финансовые потоки и договоренности крупного французского сталелитейного банка «Банк де Л'юньон Паризьен».^{490}

Экономической целью Центральноевропейского экономического совета (ЦЭС) в начале 1930-х годов было уговорить балканские и соседние центральноевропейские страны полностью положиться на Германию. В самой Германии политика ЦЭС активно поддерживалась в Рейхстаге и крупными землевладельцами, в чьих интересах было сохранение импортных тарифов на зерно – услуга за услуги в поддержке проекта Центральной Европы.^{491} Согласно плану ЦЭС, мелкого частника-фермера необходимо было принести в жертву протекционистским тарифам и субсидиям юнкеров-зернопроизводителей.

К 1935-му году Крупп и «И. Г. Фарбен» смогли купить контрольные пакеты акций лучших медных, цинковых и бокситных шахт в Югославии, спрятав свои приобретения в бельгийской холдинговой компании. Рейхсвер также просил «И. Г. Фарбен» организовать крупные сельскохозяйственные производства в Румынии, Болгарии и Венгрии, чтобы сделать Германию в достаточной степени независимой в части поставок кормового зерна скоту в случае будущей войны.

«И. Г. Фарбен» также было поручено работать с «Дрезднер Банк» над обеспечением управления нефтяными месторождениями в Румынии, находившихся к тому времени под контролем «Стандарт Ойл». Эти месторождения были критически важны для будущей войны, поскольку Германия полностью зависела от импорта нефти.^{492} Одновременно Германия начала замещать Францию в торговле с Восточной Европой, Рурский стальной и угольный картели через ЦЭС реализовывали свои интересы на основе политики «разумности» взаимодействия с металлургической и угольной промышленностью Франции, оформленных в виде серии политически важных торговых соглашений.

Примечательно, что в июле 1937 года министром экономики Третьего Рейха Шахтом был подписан франко-германский договор, по которому немецкий коксовый уголь становился основным источником угля для французской сталелитейной промышленности. Взамен французский картель Синдикат металлургической промышленности²⁸ обязался экспортировать железную руду для немецких компаний. Договор намерено привязывал французскую тяжёлую промышленность к Германии.

²⁸ фр. Comite des Forges.

В самой Франции Синдикат металлургической промышленности стал центром сильной пронемецкой фракции, всё более вытесняя антигитлеровскую группу промышленников «Парибас», призывавшую к усилению экономических связей с СССР в качестве средства сдерживания Германии. Андре Франсуа-Понсе, до 1938 года работавший французским послом в Берлине, был лично связан с французской сталелитейной промышленностью. Он открыто представлял интересы Синдиката, добиваясь более тесной экономической кооперации с немецкими сталепромышленниками. Поэтому в Берлине Франсуа-Понсе был известен как любимый посол Гитлера.

Последовавшие затем картельные соглашения о ценах между Францией и Германией помогли стабилизировать металлургическую промышленность во Франции в период экономической депрессии. Аналогичные соглашения были заключены между «И. Г. Фарбен» и французскими химическими компаниями.

Ранее, в сентябре 1931 года французский премьер-министр Пьер Лаваль и его бизнес-партнёр, химический промышленник Альберт Бюиссон были приглашены в Берлин, чтобы вести переговоры по картельному соглашению с «И. Г. Фарбен». Они также организовали Франко-немецкий комитет, союз крупнейших французских и немецких промышленников с целью поощрения французских инвестиций в немецкую промышленность в обмен на промышленные патенты.

Так шаг за шагом в течение критического предвоенного периода 1936–1939 годов французская тяжёлая промышленность втягивалась в политику экономического взаимодействия с немецкими партнёрами. И шаг за шагом создавался влиятельный блок пронемецких настроений и взаимных интересов внутри французских промышленников в поздние 1930-е. К началу 1939 года в преддверии мюнхенской умиротворительной встречи французский министр иностранных дел Жорж Боне при поддержке крупнейших промышленников объединил этот процесс в официальную внешнеполитическую программу кооперации с Германией взамен применявшейся до того политики военного сдерживания. Крупнейшие промышленные группы владели четырьмя крупнейшими ежедневными газетами Парижа и усиленно финансировали ещё десять, оказывая, таким образом, значительное влияние на формирование общественного мнения в сторону прогерманской экономической стратегии.^{493}

Во всех важных аспектах после 1936 года французское крыло ЦЭС и «экономическое пространство» Карла Дуйсберга в Центральной Европе развивались по плану. Французские всесторонние индустриальные соглашения с промышленниками Германии в конце 1930-х сыграли в самой Франции ключевую роль в создании крупной «партии мира» вокруг Лавала и Петена, которые в мае 1940 года препятствовали любым попыткам «воевать до последней капли крови» с Германией. И только одно направление стратегии «мирного проникновения» Дуйсберга и Круппа всё ещё не давало никаких результатов – это СССР. В середине 1930-х годов Сталин считал нацистскую Германию главным стратегическим противником СССР.

И, как оказалось, он был прав. Несмотря на политику ЦЭС немецкий Третий Рейх уже в 1935 года тайно готовился к неизбежному военному захвату СССР.^{494}

Евроазиатское экономическое пространство

Несмотря на все успехи ЦЭС в деле экономического проникновения в восточную и юго-восточную Европу всё больше препятствий стало возникать из-за одного человека – фюрера. Гитлер, которого промышленники поставили во главе Канцелярии, чтобы организовать возмещение потерь Версальского мирного договора, стал одержим идеей войны не на жизнь, а на смерть против большевизма и «второсортной славянской расы», как он заявил за десять лет до этого в «Майн Кампф».

В начале октября 1935 года, за несколько месяцев до ввода немецких войск в Райнланд, Гитлер созвал членов внутреннего кабинета обсудить мероприятия, необходимые для начала

войны с СССР к весне 1939 года. Он хотел начать войну даже на год раньше своего же плана, составленного в 1934 году. На собрании, кроме Гитлера, присутствовали его заместитель Рудольф Гесс, адмирал ВМС Эрих Райдер, министр военной промышленности Вернер фон Бломберг, начальник ВВС Герман Геринг, глава МИД Константин Нойрат, министр финансов граф Шверин фон Кройсиг и Ялмар Шахт, совмещавший должности президента Рейхсбанка и министра экономики.

Во время обсуждения Шахт доказывал, что цель банкиров и промышленников, как это и указано в планах ЦЭС, «мирное проникновение». Пытаясь обосновать невыгодность прямого силового захвата Центральной и Восточной Европы, Шахт доказывал Гитлеру, что экономика Германии не готова к настоящей полномасштабной войне, да ещё к такой, где Франция и страны Антанты, скорее всего, вступят в войну против Германии. Начальник генерального штаба Людвиг Бек поддержал Шахта, доказывая, что вооруженные силы Германии не готовы к такой войне.

Шахт доказывал, что идея Геринга, и, в конечном итоге, идея самого Гитлера, объёмного дефицитного финансирования военных расходов приведет к огромной инфляции и разрушит экономику. Кроме того Шахт и его сторонники из ЦЭС отлично понимали, что наибольшие шансы на захват господства в Европе как раз у стратегии «мирного проникновения» – экономическое превосходство без военного захвата территорий.

Когда Гитлер в ноябре 1935 года потребовал к 1939-му подготовить Германию к полномасштабной войне с СССР, Бек, Генеральный штаб и ЦЭС подготовили список из четырёх ключевых условий победы в такой войне.^{495}

Первым и главным условием должно было стать создание устойчивого экономического превосходства в центральноевропейском регионе. И это, настаивали они, не должно делаться с помощью Вермахта, поскольку в этом случае Вермахт слишком растянёт свои силы. Это должно быть сделано средствами экономического и политического контроля, которые дадут сырьё, продукты сельского хозяйства, энергетики, обеспечат транспорт, связь и административное управление, абсолютно необходимые для войны против СССР. И поэтому, настаивали они, политика ЦЭС должна стать государственной политикой Германии. Крупп, «И. Г. Фарбен» и стальной картель поддержали Генеральный штаб в этот критический момент.

Второе обязательное условие Генштаба гласило, что армия Польши, если её придётся использовать в войне против СССР, должна быть подтянута до немецких военных стандартов. Этого предлагалось достигнуть через Польско-немецкий Договор о взаимной защите, уже предлагавшийся в 1934 году, но отвергнутый Польшей.

Третье необходимое условие – заключение договора с Японией против России, по которому Япония согласилась бы вторгнуться в Сибирь в момент нападения Германии на Россию.

И наконец, последним обязательным условием должно было стать получение гарантий соблюдения строгого нейтралитета со стороны Англии в случае начала войны на немецких восточных рубежах, это условие позволило бы избежать повторения опустошительной войны на два фронта, как это произошло в 1914 году.

Все требования были очень детально сформулированы с целью сохранения основы стратегии ЦЭС, а тем временем Бек, Шахт и другие пытались направить усилия Гитлера на союз с Австрией, захват Судетской области, а потом и Польши посредством угрозы применения военной силы, а не реальной войны.

К концу 1936 года Гитлер назначил Геринга ответственным за реализацию нового Четырёхлетнего плана, целью которого была подготовка Германии к войне через построение экономической автаркии по топливу, резине и прочим необходимым промышленным материалам.

Неожиданный геополитический сдвиг

После того как Гитлер потерял терпение в бесконечных переговорах с польским министром Йозефом Бекем, он решил принять выгодное предложение Сталина о советско-немецком разделе Польши. 23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт Молотова-Риббентропа о ненападении, приведший к оккупации и разделу территории Польши.

Пакт о ненападении дал старт долгосрочному русско-немецкому Договору о торговле и кредите, на основании которого СССР была открыта кредитная линия в 200 миллионов немецких марок на покупку промышленных товаров немецкого производства в обмен на жизненно необходимые немцам нефть и сырьё для промышленности.

Соглашение явным образом указывало

«строительство заводов, поставку любых видов станков и оборудования, оборудование для строительства элементов нефтепромышленности, жизненно необходимых для производства высокооктанового топлива и для советской химической промышленности, оборудования для электротехнической промышленности, кораблей, транспортных средств, оборудования для транспортировки грузов, измерительного и научного лабораторного оборудования...»

Эти 200 миллионов марок первоначального кредита были предоставлены «Дойче Голддисконтбанк» («Дего»). Пакт открыл Германии возможность, пускай даже чисто теоретическую, для далеко идущих планов по «мирному проникновению» в обширный Советский Союз. Член МИД Германии барон фон Вайцзекер был полон энтузиазма по поводу перспектив развития отношений с Москвой. В меморандуме для Риббентропа, Гитлера и остальных членов кабинета он писал:

«Обе страны взаимно обогатятся самым естественным экономически способом: Советский Союз – территория с неисчерпаемыми природными ресурсами, регион с огромными перспективами для долгосрочного развития, который в очень отдалённом будущем потребует обеспечения товарами высочайшего качества. Германия – страна, которая, по сравнению с сегодняшним едва развитым индустриально Советским Союзом, способна поставлять всё необходимое оборудование для промышленного сектора. Германия вполне способна безо всяких ограничений предоставить СССР такую продукцию...»^{496}

Немецкая цель экономического доминирования на безбрежном Евроазиатском материке внезапно оказалась достижимой к лету 1940 года. Это было вовсе не то, чего ожидали в Лондоне, и уж точно не то, чего добивались дельцы вокруг Рузвельта и Рокфеллера в Америке.

«Новый порядок» в Европе по-немецки

Согласно пакту Гитлера-Сталина, СССР становился поставщиком сырья и экспортёром промышленных товаров немецкой экономики. ЦЭС сотрудничала с Германом Абсом из «Дойче Банк» по вопросу разработки для Гитлера официальных документов предлагаемого «Нового порядка» в Европе – преимущественно немецкой Европе от Бордо до Одессы, а возможно и много дальше.

25 июля 1940 - го года Вальтер Функ, сменивший Шахта на посту министра экономики, провозгласил гитлеровский «Новый порядок в Европе», обещавший конец экономическим кризисам, безработице, социальному хаосу для стран, находившихся в зоне интересов гитлеровской Германии. Это расчётливое обещание должно было подчеркнуть контраст с хаосом и депрессией сторонников либеральной экономической концепции.

В 1941 году накануне вторжения в СССР Геринг перевёл Карла Блессинга в дополнение к Функу, Герману Абсу из «Дойче Банк» и Карлу Крауху из «И. Г. Фарбен» в члены совета директоров государственной компании «Континентал Ойл», одной из компаний, тайно сотрудничавших со «Стандарт Ойл» Рокфеллера для обеспечения жизненно

необходимых поставок топлива для военных побед Германии, особенно из Румынии. ^{497} Новый порядок Гитлера предполагал создание единого экономического пространства в Европе, единый рынок сбыта. Экономические взаимоотношения между Германией и другими странами Европы должны были основываться на фиксированном обменном курсе внутренних валют по отношению к немецкой марке, что очень похоже на систему, навязанную Америкой миру после Бреттон Вуда.

Берлин должен был стать финансовым центром Нового порядка. В конечном итоге курсы всех валют должны были оказаться привязаны к марке и поддерживаться путём жёсткого ценового контроля со стороны правительств. Нужно было пренебречь привязкой к золоту в пользу привязки к марке – точно такую же роль играл доллар США после отмены золотого стандарта в августе 1971 года.

Объясняя устройство валютного обращения при Новом порядке, Функ заявил:

«Мы никогда более не будем следовать денежной политике, которая ставит нас в зависимость от золота, так как мы не хотим делать мерилом ценности вещь, цену которой мы не можем устанавливать самостоятельно». ^{498}

В конечном счёте эта идея предвосхитила создание четырёхстороннего пакта между Германией, Италией Муссолини, Японией и СССР по организации совместного экономического контроля над всей Евразией – от Атлантического до Тихого океана.

Именно о таком объединении держав Евразии писал Макиндер британской элите, именно его британцам требовалось предотвращать любой ценой, и именно его Совет по международным отношениям Рокфеллера старался всеми силами не допустить. Британская разведка, как и посольство Британии, всячески старались обхаживать Сталина, чтобы удержать его от заключения союза с Германией. Эти действия не имели ничего общего с симпатией к СССР; дома в Англии Черчилль был гораздо благосклоннее к немцам. Эти действия вытекали из того, как Британия понимала баланс сил. Британия искала союза с более слабым соперником – СССР, чтобы использовать его против более сильного – Германии. И эта деятельность позже получила название Вторая мировая война.

Роль немецких банков, таких как «Дойче Банк» и «Дрезднер Банк», должна была стать центральной в Новом европейском порядке. Работая в дирекции «Дойче Банк», крупнейшего банка Германии, Герман Абс отвечал за все внешние связи банка. Абс вошёл в состав дирекции в 1937 году по рекомендации другого банкира – министра экономики Шахта.

В Новом порядке немецкая модель банков – прямое управление ведущими промышленными группами – была перенесена на завоеванные страны Новой Европы, особенно на Восток. «Дойче Банк» взял под контроль большую часть чехословацких банков путём покупки «Боймише Юнион Банк», банков и промышленности Австрии путём поглощения крупного венского банка «Кредитанштальт Банкферайн». «Дрезднер Банк» поглотил «Ландербанк Вьен» в Вене и «Боймише Ескомпте Банк» в Праге.

Контроль немецких банков над чехословацкими и австрийскими ещё больше усилил стратегию экономического развития ЦЭС. Через «Кредитанштальт» «Дойче Банк» распространил своё влияние на часть бывшей Габсбургской империи – Загреб, Будапешт, Львов и Белград. Контроль над банками Праги дал возможность немецким банкам действовать в Братиславе, Белграде, Софии и Бухаресте. Банки стран этого региона – Югославии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Польши – контролировали крупнейшие сельскохозяйственные и промышленные предприятия региона. Объясняя мотивы политики укрупнения немецких банков, министр экономики Германии сказал:

«Это было необходимо для обеспечения безопасности источников сырья, столь важных для нашего экономического благополучия». ^{499}

Операция «Барбаросса»

Расширение экономического развития крупнейших банков Рейха, основных групп

промышленности и ЦЭС с целью построения Нового порядка стало неуправляемым 12 ноября 1940 года, в день посещения советским министром Молотовым Берлина. Молотов недовольным тоном заявил, что Гитлер нарушает положения пакта Молотова-Риббентропа 1939 года, особенно по поводу Финляндии и Румынии.

В октябре, всего за несколько дней до приезда Молотова в Берлин, румынский диктатор Ян Антонеску разрешил Вермахту занять территорию страны для защиты бесценных нефтяных месторождений в Плоешти. Это совершенно не порадовало Сталина, который видел в этом действии прямую угрозу СССР.

Во время переговоров в Берлине Молотов настойчиво напомнил, что Финляндия, Балканы, а в частности и Румыния, являются зоной интересов СССР. Кроме того, Сталин требовал передачи под контроль пролив Дарданеллы – действия, угрожавшего союзу Германии и Италии Муссолини.

После этой ссоры с Молотовым Гитлер окончательно решил исключить СССР из числа участников четырёхстороннего договора, оставив только Италию и Японию. 18 декабря 1940 года он приказал военному командованию начать подготовку к войне против СССР на уничтожение, плану под кодовым названием «Барбаросса», вернувшись, таким образом, к первоначальной идее 1935 года.^{500}

Геополитическая игра Рузвельта

К этому моменту Рузвельт и группа «Изучение войны и мира» в Совете по международным отношениям были абсолютно уверены в том, что выйдут победителями из самой дорогостоящей войны в истории человечества. Они начали компанию по подготовке общественного мнения к началу военных действий против гитлеровской Германии. С точки зрения Рокфеллеров и их сторонников причины вступления в войну в Европе не имели ничего общего с политикой Гитлера по «окончательному решению» еврейского вопроса и зверствами Третьего Рейха.

Скорее набиравшая силу компания по вовлечению простых американцев в войну в Европе ставила целью уничтожение наиболее сильного соперника Американского века – Третьего Рейха. План США, как и опасался Сталин, состоял в том, чтобы откладывать открытие англо-американского второго фронта настолько долго, чтобы СССР и Германия окончательно истекли кровью. Операция «Барбаросса» началась в июне и продлилась до чрезвычайно холодных декабрьских морозов 1941 года. Во время вторжения в СССР в ней участвовало более 4,5 миллиона солдат Германии и гитлеровской Оси. Эта была крупнейшая военная операция в истории человечества по количеству задействованных людей, территории и человеческих жертв.

Именно в этот момент рассыпалась в прах вся стратегия влияния, разработанная фон Вильмовски для ЦЭС. Он перестроил всю свою сеть контактов в промышленности и административных органах для выполнения деятельности, известной после войны как «Соппротивление». Взлёты и падения активного сопротивления военным устремлениям Гитлера после 1939 года (включая неудачное покушение на него 20 июля 1944 года, выполненное полковником Клаусом фон Штауфенбергом) можно понять, наверное, только если принять во внимание параллельные успехи и неудачи усилий немецких промышленных и банковских кругов во главе с Шахтом, Крупом, генералом Томасом и фон Вильмовски по организации центральноевропейского экономического пространства.

Как рассматривал ситуацию английский премьер-министр Черчилль через ледяную призму британской геополитики, это «сопротивление» Гитлеру внутри Германии было наиболее опасным немецким конкурентом Британии.

Черчилль уже в течение длительного времени просматривал отчёты о деятельности ЦЭС, собираемые Альфредом Сон-Ретелем, покинувшего в 1936 году Германию, поскольку гестапо заподозрило его в шпионаже. Черчилль отчётливо видел черты экономического

империализма. Сбежав во Францию, Сон-Ретель писал подробные отчёты о своих встречах с немецкими промышленниками и отправлял их Викхаму Стиду, влиятельному внештатному редактору лондонской «Таймс» и близкому другу Уинстона Черчилля. ^{501}

К сентябрю 1945 года Тройственный Союз Оси – Германия, Япония и Италия – потерпел полное поражение. Число человеческих жертв ради этой победы было ошеломляющим. За время войны было мобилизовано более 100 миллионов человек, что сделало эту войну самой широкомасштабной. Находясь на военном положении, основные участники полностью перевели экономику, промышленность и науку на военные рельсы, уничтожив само различие между понятиями «гражданский» и «военный». Более 70 миллионов человек, в основном гражданских, были убиты. Эта война стала самой смертоносной в истории.

Когда закончилась война, США, а точнее, их территория и инфраструктура, не подвергшиеся военному разрушению, оказались непревзойденной мировой силой. Американская промышленность обновилась по последнему слову техники, заплатив деньгами налогоплательщиков за военное производство самолетов, танков, боеприпасов, бомб и прочих взрывчатых веществ.

«Новый курс» Рузвельта и его масштабные инфраструктурные проекты позволили неограниченно получать дешёвое электричество для американской алюминиевой промышленности и производства боеприпасов, а также прочих военных заводов. Химические концерны от «Дюпон» до «Доу Кемикалз» и «Геркулес Паудер» выросли в гигантские транснациональные корпорации. И среди всего этого на пике американской власти оказалась одна группа: к 1945 году все четверо братьев Рокфеллеров стояли почти в самом центре нового мирового колосса по имени Американский век.

Богатейшие и влиятельнейшие люди вокруг Совета по международным отношениям и на Уолл-Стрит создали свою собственную глобальную «открытую дверь», или выражаясь словами Исайи Боумана «Большое пространство Америки». И они были готовы пройти маршем победителей в этой сложной геополитической игре, которая успешно породила Американский век Рокфеллеров и их промышленных союзников.

Самое циничное в том, что те же самые промышленники и авторы политики Совета по международным отношениям, которые тайно участвовали в подготовке Третьего Рейха к войне, после войны стали самыми активными борцами за «распространение демократии» и «американской свободы предпринимательства» по всему миру. Для них, как всегда, в этом не было ничего личного – только бизнес. Это стало рождением Американского века.

Глава 9

Конец Пакс Британика

«Тирании требуется большое пространство для своего существования; но для Свободы требуется и будет требоваться в дальнейшем гораздо больше жизненного пространства, нежели для Тирании».

– *комментарий Генри Льюса* к проекту «Американский Век»,
1941 год ^{530}

Время поставить Британскую империю на место

Одним из наиболее значимых результатов Второй мировой войны стала частичная утрата политического влияния Британской империей, державой, которая была главенствующей в мире на протяжении последних 150 лет. С геополитической точки зрения обе мировые войны в период с 1914 по 1945 годы лучше всего могут быть объяснены, как сказал один британский историк,

«борьбой между Германией и США за британское наследие. И исход этой борьбы оставался неясным вплоть до окончания Второй мировой войны и безоговорочной капитуляции Германии».^{531}

Наиболее влиятельные американцы и их представители в Вашингтоне, не теряя ни минуты, принялись реализовывать американские имперские амбиции. Война ещё не закончилась, а Вашингтон уже дал понять Черчиллю, что по окончании войны не собирается признавать ранее сложившиеся сферы интересов и влияния, в особенности не потерпит главенства Британии в нефтяной сфере на Ближнем Востоке, не будет больше делиться атомными секретами и не собирается более предоставлять неограниченную помощь Британии по ленд-лизу. На деле, как только Трумэн стал президентом, он сразу же потребовал крупных уступок в обмен на послевоенную финансовую помощь своим бывшим союзникам.

В течение 1930-х годов британцам удалось создать свой собственный экономический блок – зону стерлинга, включавшую в себя торговую модель имперских преференций, дававшую преимущества странам Британской империи. Зона стерлинга – британские колонии и страны Содружества, включая Канаду, Австралию и Южную Африку – появилась после выхода Британии из золотого стандарта в 1931 году и позволила защитить экономику Британии от самых тяжёлых последствий экономической депрессии.^{532} Черчилль не собирался так вот запросто согласиться на разрушение этой оборонной системы. Он вынудил Рузвельта подписать Атлантическую хартию²⁹ с существенно изменёнными положениями о свободном доступе к рынкам.

Однако с точки зрения Вашингтона, имперские преференции и зона стерлинга были просто неумелой попыткой Британии закрыть доступ товарам США внутрь страны. С этой точки зрения, Уолл-Стрит и американским корпорациям в послевоенном мире всё равно необходимо было силой получить свободный доступ к закрытым рынкам Британской империи. Общий объём продаж США и Британии далеко превышал половину объёма всей мировой торговли. Поэтому вполне понятно, что для выполнения задачи «открыть мировые рынки» Вашингтону абсолютно необходимо было уничтожить зону стерлинга, и это надо было сделать любой ценой. Постоянно расширявшие своё влияние члены Совета по международным отношениям и их сторонники в Вашингтоне вознамерились сделать послевоенный мир «Американским веком», точно так же, как предыдущее столетие было «Британским веком».^{533}

Восход «Американского века»

После Второй мировой войны американские нефтяные магнаты стали гораздо могущественнее, чем раньше. В основном это было следствием опустошительной войны и стратегического ослабления основных конкурентов – британских и французских нефтяных компаний. И Вашингтон без колебаний воспользовался слабостью своих соперников.

²⁹ Атлантическая хартия – один из основных программных документов антигитлеровской коалиции. Обсуждалась и была принята на Атлантической конференции «Riviera» британским премьером У. Черчиллем и президентом США Ф.Д. Рузвельтом, на военно-морской базе Арджентия в Ньюфаундленде, о чём было заявлено 14 августа 1941. Позже, 24 сентября 1941 г., к хартии присоединился и СССР. Атлантическая хартия была призвана определить устройство мира после победы союзников во Второй мировой войне, несмотря на то, что Соединённые Штаты в войну ещё не вступили.

После войны интересы Рокфеллеров сосредоточились на контроле поставок энергоресурсов для новой Американской империи. Их доверенные лица в группе «Изучение войны и мира» надёжно управляли политикой Госдепартамента США.

«Чейз банк» Дэвида Рокфеллера, продолжавший работать в оккупированном нацистами правительстве Виши Париже, в течение всей войны проводил финансовые операции для «И. Г. Фарбен» и других компаний Третьего Рейха. Нельсон Рокфеллер успешно управлял рузвельтовской политикой «добрососедства» в Латинской Америке, обновленной версией доктрины Монро о создании на все территории обеих Америк зоны, закрытой для влияния европейцев, открывая огромные рынки для нефтяных и горнодобывающих компаний, крупнейшие из которых принадлежали Рокфеллерам.

Усиливая эту и так уже впечатляющую и беспрецедентную монополию, президент Рузвельт сделал ещё один подарок нарождающейся империи Рокфеллеров – эксклюзивные права для нефтяных компаний Рокфеллеров на использование гигантских запасов нефти в Саудовской Аравии. Это был шаг, который на несколько последующих десятилетий определил всю политику США на Среднем Востоке.

В 1941 году, когда правительство США всё ещё официально соблюдало нейтралитет, Конгресс принял Закон о ленд-лизе. Согласно этому Закону, США были готовы оказывать помощь странам, благополучие которых было важно для безопасности США, то есть во имя «национальной безопасности». Несмотря на то, что в 1943 году Саудовская Аравия никоим образом не могла быть сколько-нибудь значима для безопасности США, этот закон был применён, чтобы облегчить компаниям Рокфеллера доступ к обширным нетронутым нефтяным богатствам пустынного королевства.

Посредником в этом деле стал Гарольд Л. Икес. Он был близким помощником Рузвельта и одновременно хорошим знакомым семьи Рокфеллеров. С 1930-х годов Икес был частым гостем в частном владении Рокфеллеров в Покантико Хилз, штат Нью-Йорк, – привилегия, дарованная очень немногим.^{534}

Икес был министром внутренних дел при Рузвельте в течение 13-ти лет, а с 1941 года он стал координатором по энергоносителям в Агентстве национальной безопасности. (В годы Великой Депрессии он также работал для Рузвельта в должности главы Администрации общественных работ в рамках провозглашённого «Нового курса», перенаправляя миллиарды долларов, полученных от налогоплательщиков, частным промышленным компаниям).

Группа компаний «Стандарт Ойл» и зависимая от неё «Арамко» в Саудовской Аравии при помощи Икеса в 1943 году убедили Рузвельта предоставить им щедрую помощь по договору ленд-лиза, и впервые правительство США приняло участие в делах этой ближневосточной страны.

Договоренности должны были создать возможность привлечения правительства США для защиты частных интересов «Арамко», «Арабо-американской нефтяной компании», консорциума компаний Рокфеллеров во главе со «Стандарт Ойл оф Калифорния» («Шеврон»), которые с 1930-х годов боролись за полный контроль над саудовской нефтью.^{535}

В декабре 1942 года Госдепартамент США написал в меморандуме для Белого Дома:

«Мы искренне верим, что развитие топливных ресурсов Саудовской Аравии должно рассматриваться с позиции широких национальных интересов».^{536}

«Национальные интересы» в данном случае определялись Рокфеллерами и их доверенным лицом Икесом так: получить исключительные права на разработку нефтяных запасов в Саудовской Аравии, закрыв доступ к ним британским конкурентам.

В феврале 1943 года во время официального заявления помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза Рузвельт заявил, что Аравия «жизненно важна для обороны США». Что он имел под этим в виду, он даже не собирался пояснять. Ленд-лиз стал первым шагом «Арамко» в захвате нефтяных концессий в Аравии.

В Лондоне пришли в ярость, узнав, что США решили выделить многомиллионную помощь Саудовскому Королевству, но Британия была абсолютно беспомощна в финансовом

плане и не могла включиться в финансовое противостояние со своими союзниками из Вашингтона. В этот период Британия сама нуждалась в экстренной помощи по ленд-лизу. {537}

Госдепартамент США занялся налаживанием отношений с Саудовской Аравией очень поздно. В Лондоне уже очень давно воспринимали этот регион как часть британской системы на Ближнем Востоке, по крайней мере, со времен Первой мировой войны и операций МИ6, проводимых Томасом Эдвардом Лоуренсом по прозвищу Лоуренс Аравийский.

До 1942 года Вашингтон вообще не поддерживал никаких официальных дипломатических контактов и тем более не имел посольства в столице королевства Эр-Рияде.

По возвращении с трёхсторонней конференции в Ялте в 1945 году Рузвельт организовал секретную встречу с королем Саудовской Аравии Абдулой Азизом на борту своего корабля. В феврале 1945 года эсминец «Мёрфи» пришвартовался в порту Джидды и стал первым кораблем США, когда-либо входившим в порт королевства. Абдула Азиз и его свита погрузились на корабль и, проплыв через Суэцкий канал к Большому Горькому озеру, 14 февраля прибыли на борт тяжёлого крейсера «Куинси» для переговоров с президентом США. Это была первая встреча Абдулы Азиза с главой другого государства. {538}

Во время переговоров Рузвельт не курил и не употреблял алкоголь в присутствии саудовского монарха, дабы случайно не оскорбить его религиозные чувства. Король выразил озабоченность большим количеством европейских еврейских беженцев, прибывавших в Палестину, подконтрольную в то время Лиге Наций во главе с Британией. Президент заверил его, что США не будет помогать евреям в ущерб арабам и не собирается в будущем предпринимать никаких враждебных действий против Аравии.

Абдула Азиз неоднократно упоминал, что был приятно удивлен тем «пониманием», которое проявил президент США к точке зрения Аравии на «палестинский вопрос». Рузвельт скрепил «дружбу» с королем подарком: точной копией своего собственного кресла-каталки и самолетом «Дуглас DC-3»³⁰. Король не скрывал своей радости. {539}

Через три дня Черчилль, узнав о тайной встрече и придя в ярость, настоятельно попросил аналогичной встречи с королем. Британский премьер-министр, заядлый курильщик и любитель выпить, перед встречей сказал Его Величеству, что в мире, к которому привык Черчилль, курение и потребление спиртного считаются «священным обрядом». Король шутку не оценил. Черчилль отказался пойти на уступки по вопросам Палестины и в ответ на королевский подарок, инкрустированный бриллиантами, отправил королю набор недорогих ароматических трав.

³⁰ Двухмоторный винтовой среднемагистральный пассажирский самолет, первый полет 17 декабря 1935 года, вмещает от 20 до 30 пассажиров, дальность полета до 2100 км (в начале 1940-х был одним из немногих, позволявших пересечь территорию США всего с тремя дозаправками).

Рис. 12. В 1945 года незадолго до своей смерти Рузвельт своей обходительностью очаровал короля Саудовской Аравии Абдула Азиза (ибн Сауда), и Британия потеряла доступ к саудовской нефти

5 апреля 1945 года Рузвельт направил королю Саудовской Аравии официальное письмо, в котором он подтвердил намерение, что в «качестве руководителя исполнительной ветви власти правительства» будет выполнять договоренности, достигнутые на неофициальной встрече.^{540} Таким образом, он добился для нефтяных компаний США группы «Арамко» эксклюзивных прав на разработку саудовских нефтяных богатств.

Через неделю Рузвельт умер.

Иосиф Сталин, ненавидевший Черчилля, написал личное письмо вдове президента Рузвельта Элеоноре Рузвельт с предложением отправить в США своего личного доктора для проведения вскрытия, так как по его мнению, имелись основания подозревать, что Черчилль отравил Рузвельта. Элеонора отвергла это предложение.

Франклин Делано Рузвельт прожил достаточно долго, чтобы помочь Рокфеллерам получить самый главный приз для своей мировой нефтяной империи – эксклюзивные права для «Арамко» на доступ ко всей нефти в Саудовской Аравии. Это был первый случай, когда пересеклись политика национальной безопасности США и интересы пустынного королевства в Персидском заливе. И он дал старт цепи событий, связавших «национальные интересы» США с нефтедобычей на Ближнем Востоке.

Операция по включению в 1940-х годах Саудовской Аравии в официальную сферу влияния США была весьма примечательной, особенно, если учесть, что в то время США

были полностью самодостаточны в обеспечении нефтью и не нуждались в импорте. Когда же в 1948 году было открыто саудовское месторождение Гавар, крупнейшее из известных на сегодняшний день месторождений (9,6 млрд. тонн доказанных запасов нефти), США взяли под контроль всю нефтяную экономику мира.

Нефть постепенно становилась самым значимым энергетическим ресурсом, основой послевоенного экономического развития. Нефтяные компании Рокфеллера железной хваткой держали в своих руках этот источник власти в новом послевоенном Американском веке.

... и закат Британской империи

Шесть лет мировой войны к 1945 году унесли жизни 55 миллионов человек. СССР потерял не менее 26 миллионов человек – намного больше, чем кто-либо из его врагов. И в Вашингтоне отлично знали, кто какую цену заплатил за эту победу. Однако больше всего их интересовала судьба победителя, то есть, как удержать возникшее американское превосходство. В 1945 году ключевые политики США вознамерились под лозунгами «свободы» и «демократии», «освобождения от колониального ига» и «американского свободного предпринимательства» подчинить себе мир до такой степени, которая была недостижима даже для Британской империи в период её расцвета.

По окончании мирной конференции в Версале в 1919 году Британская империя добилась своего самого крупного территориального успеха – её доминионы занимали четверть всей суши на планете. Это была и в самом деле «империя, над которой никогда не заходит солнце». Всего 30 лет спустя в 1949 году Британская империя разваливалась на части по всей планете, поскольку борьба за колониальную независимость превращалась в борьбу против метрополии. Империя металась в агонии крупнейшего за всю её историю восстания, а может быть и крупнейшего за всю историю существования империй. Американская внешняя политика благоразумно поощряла антиколониальные выступления за свободу и независимость стран Британской империи, прекращая поддержку сразу же после достижения регионом минимальной независимости.

Вслед за восстанием Индийского Королевского флота в феврале 1946 года против условий и оплаты труда, британский премьер-министр от лейбористов Клемент Атли назначил виконта Маунтбеттена Бирманского последним вице-королём Индии; ему было поручено организовать вывод британских колониальных войск и администрации. В течение пяти месяцев с момента его прибытия в Индию, к 15 августа 1947 года, «приготовления» Маунтбеттена заключались в разделе обширного индийского субконтинента на причудливую мозаику территорий Восточного и Западного Пакистана с преобладающим мусульманским населением, между которыми располагалась Индия, населенная в основном индусами.

За следующие несколько лет Британия отказалась от формального колониального контроля большей части своих территорий в Африке, в Тихом океане и вдоль границ Средиземного моря. И это был вовсе не знак доброй воли или симпатия к принципам самоопределения народов. Это была простая необходимость, возникшая из-за полного разрушения финансов метрополии и жёстких требований Вашингтона, в послевоенные 40-е и 50-е годы диктовавшего условия взаимоотношений.

Страхи Черчилля реализовались. Вашингтон действительно принял участие во Второй мировой войне, чтобы «руководить распадом Британской империи», единственной силы в поздние 1940-е годы, ещё способной бросить вызов американской гегемонии. Британия, конечно, могла быть союзником, но, как точно заметил философ американского империализма и соратник двух президентов США Генри Брукс Адамс, только в том случае, если «Британия станет частью американской системы». ^{541}

В результате войны торговый механизм империи, лежавший в основе британского финансового влияния, разбился вдребезги. Огромные заграничные инвестиции давно были проданы, чтобы оплатить военные расходы. Национальный долг Соединённого Королевства

взлетел до невиданных высот. Внутри страны английская инфраструктура и оборудование сильно износились и прогнили. Электроснабжение стало ненадёжным, коммунальное хозяйство разваливалось, а население вымирало. К концу войны британский экспорт обвалился до уровня 31% от того, что было в 1938 году.

Последний гвоздь в крышку гроба британских имперских амбиций был забит внезапно, когда 2 сентября 1945 года, всего через 4 недели после атомной бомбардировки Японии в финале войны на Тихом океане, Вашингтон внезапно прекратил предоставлять Британии помощь, объявив ленд-лиз более не действительным. С момента принятия в марте 1941 года Конгрессом программы ленд-лиза, за целых 9 месяцев до вступления в войну, США предоставили Соединённому Королевству помощь на сумму более 31 миллиарда долларов в виде военной амуниции, оборудования и прочих материальных ценностей военного назначения. Это примерно соответствует 420 миллиардам долларов в ценах 2007 года. Поэтому британцы ожидали, что помощь не только продолжится в прежних размерах, но будет «прощён» сам долг и выдан беспроцентный кредит на восстановление экономики.

Когда 2 сентября Вашингтон внезапно прекратил действие ленд-лиза, крупные партии важнейших товаров уже успели прибыть в Британию, а другая часть грузов уже была отправлена к берегам Британии. Британия нуждалась в оборудовании. Вашингтон же предложил кредит на 4 миллиарда долларов на очень жёстких условиях, да ещё под 2% годовых. И, как следствие, внутри Содружества развалилась вся торговая система «британских преференций», чрезвычайно ослабив экономику Британии и сильно уменьшив её значение в мире.^{542}

Британия критически зависела от послевоенной финансовой поддержки США и дельцов с Уолл-Стрит. В свою очередь, американские заправилы с Восточного побережья, как их чуть позже станут называть, понимали, что для доминирования в послевоенном мире США потребуются обширные знания и навыки дельцов из Лондона. После 1945 года Британии было позволено поддерживать своё влияние в мире, но только косвенно, через развитие и углубление «личных связей» с США в качестве исключительно младшего партнёра в мире, который уже объективно превращался в Американский век.

Денежно-финансовый колосс послевоенной американской гегемонии полагался, однако, и на огромную военную силу США, дабы гарантировать своё превосходство в мире после 1945 года. В конце концов, что другое могло бы предотвратить объединение остальных наций в союз для разрушения Американского века? Например, что помешало бы бывшим союзникам 1945 года стать смертельными врагами через десять-двадцать лет?

Ответ на этот вопрос Вашингтон предъявил миру всего за четыре недели до отмены ленд-лиза. США в тайне разработали самое страшное оружие в военной истории. Более того, политики США продемонстрировали всему миру, что они достаточно безумны, чтобы использовать это оружие против своих соперников.

Глава 10

Вашингтон сбрасывает атомную бомбу

«Полагаю, это самое страшное оружие в истории человечества, но в то же время из него можно извлечь наибольшую выгоду... Это величайшее изобретение в истории человечества».

– *Президент Трумэн*, комментируя свой приказ о применении атомной бомбы против Японии в августе 1945 года^{556}

Новая монополия США на силу

Летом 1945 - го года президент Гарри Трумэн подписал указ о бомбардировке японских городов с помощью новой, самой ужасной бомбы.

Никакие другие действия не доказывали так явно цели послевоенной американской державы, чем этот вашингтонский указ о применении двух бомб против Японии: 6 августа 1945 года в Хиросиме и 9 августа 1945 года в Нагасаки. Хотя ранее американцы периодически сбрасывали листовки, предупреждавшие мирных жителей 12 - ти других японских городов о авиабомбардировке, в этот раз никаких предупреждений для жителей Хиросимы не было.

Каждая из двух бомб (а к тому моменту, используя обогащенные радиоактивные изотопы урана-235 и плутония-239, США смогли произвести всего две бомбы) была гораздо мощнее, чем любая из бомб, когда-либо использовавшихся в истории войн. И обе эти бомбы попали в историю как единственный в мире случай применения ядерного оружия на войне.

Бомба, сброшенная на Хиросиму, была в 2000 раз мощнее, чем британская «Большой шлем»³¹ – мощнейшей из обыкновенных бомб, использовавшихся в истории войн. И каких - то 8 килограммов плутония-239 в одной сброшенной на Нагасаки бомбе обернулись самым кровавым побоищем за всю войну. Бомба была специально взорвана на высоте около 630 метров над землей, чтобы наиболее убедительно продемонстрировать всему миру её мощь. На удалении 500 метров от эпицентра предметы мгновенно накалялись до температуры, превышавшей миллион градусов.

В конце 1945 года эти две бомбы убили по меньшей мере 140 000 жителей Хиросимы и 80 000 жителей Нагасаки, примерно половина из которых погибли в день бомбежки. Среди них около 20% умерли от прямых ран или общего воздействия ожогов, травм и радиационных ожогов, усиленных болезнью, недоеданием и лучевой болезнью.

Американское правительство намеренно пыталась преуменьшить или даже полностью опровергнуть смертоносные последствия атомной бомбардировки и продолжающихся смертей, болезней и травм, вызванных радиацией. В действительности, как писал позже один из японских исследователей, бесчисленные тысячи японцев уже рождались с деформациями, с повышенной склонностью к раку, страдали полным выпадением волос, появлением фиолетовых пятен на коже, лейкемией или раком кожи. К этим физическим травмам и хроническим заболеваниям стоит добавить психические травмы у выживших.

Оккупационная Администрация США намеренно прятала отчеты о смертях от радиации и болезней. В Хиросиме и Нагасаки были запрещены любые съемки и «отдан приказ всем, кто делал какие-либо съемки сдать их в штаб-квартиру американской администрации». В то время в рамках работ военного командования США по исследованию стратегических бомбардировок был снят один официальный черно-белый фильм, чтобы документально запечатлеть результаты бомбардировки. Но когда исходные материалы прибыли в США, то все пленки получили гриф «Совершенно секретно», были заперты в сейфы и с тех пор никогда не демонстрировались американцам публично. ^{557}

Когда в апреле 1945 года Рузвельт внезапно умер, то его место занял вице-президент Гарри Трумэн, бывший сенатор от штата Миссури, имевший недостаточную подготовку для такой ответственной должности. И первое, что сделал Трумэн, когда его проинформировали о существовании атомной бомбы и результатах военных разработок, – подписал указ о бомбардировке Японии.

³¹ Англ. grand slam – ситуация в игре, когда игрок выигрывает все матчи соревнования. Данная бомба рассчитана на подземный взрыв с образованием сейсмической волны на поверхности, разрушающей постройки; начало производства – 1944 год, за время войны применялась 41 раз, масса взрывчатого вещества 4 144 кг, тротиловый эквивалент – 6,5 тонн.

На самом деле Трумэн уже давно тайно утвердил применение бомб и одобрил цели для них, ещё когда встречался в Германии на конференции в Потсдаме со Сталиным и Черчиллем в июле 1945 года. И это была единственная встреча Трумэна со своими противниками в «холодной» войне.

Информация о бомбардировке была противоречивой. Трумэн утверждал, что руководствовался желанием заставить Японию сдаться и избежать потерь среди американских солдат, неизбежных в случае продолжения войны и операции по вторжению.

Германия сдалась войскам союзников в мае 1945 года, через месяц после того, как Трумэн стал президентом. Япония находилась в изоляции, с экономической точки зрения она уже стояла на коленях и была фактически повержена. Её уставшие военнослужащие толпами дезертировали. Согласно мнению военных экспертов, эффективной морской блокады Японии военно-морскими силами США и союзников было бы достаточно, чтобы вынудить императора сдаться, даже на тех жёстких условиях, которые требовал Вашингтон. И не понадобилось бы дальнейших крупных человеческих жертв.

Факты, всплывавшие по мере опубликования рассекреченной информации, доказывали, что ещё до конференции в Потсдаме японцы уже уведомили США о том, что готовы сдаться, если им позволят сохранить императора. И Трумэн, как оказалось, был отлично об этом осведомлен, а ещё он знал, что 16 июля атомная бомба успешно прошла испытания в Нью-Мексико.

Учитывая, что император был опорой японского общества и все равно был бы очень важен для последующей успешной оккупации Японии, настойчивость Трумэна по вопросу безусловной капитуляции являлась преднамеренной с целью выиграть время и создать хоть какое-то обоснование для использования бомбы. Хронометраж данных из рассекреченных документов даёт достаточно подтверждений для справедливости такой версии. Настойчивость Трумэна по поводу безоговорочной капитуляции была единственным способом помешать японцам договориться о сдаче, а также создавала иллюзию, что применение атомного оружия необходимо для завершения войны.^{558}

После атомной бомбардировки Трумэн утверждал, что решился на такой шаг по рекомендации военных, чтобы «спасти жизни 100000 американских парней». На самом деле, это было сделано для того, чтобы показать всему миру, и в первую очередь СССР, что США обладает огромной силой и невероятной жестокостью. Цель бомбардировки Хиросимы и Нагасаки была вовсе не в том, чтобы принудить Японию сдаться, она итак уже стояла на коленях. Требовалось убедительное доказательство полного военного превосходства над Советским Союзом. В практическом аспекте сброс бомбы стал началом «холодной» войны между США и СССР.

В своём личном дневнике 25 июля 1945 года Трумэн писал, объясняя причины своего решения:

«Это очень хорошо, что ни ученые Гитлера, ни ученые Сталина не смогли создать ядерную бомбу. Полагаю, это самое страшное оружие в истории человечества, но в то же время из него можно извлечь наибольшую выгоду».^{559}

В частной беседе, получив детальный военный отчет о результатах бомбардировки, Трумэн с детским восторгом воскликнул: «Это величайшее изобретение в истории человечества». Весьма любопытный способ охарактеризовать «самое ужасное» оружие.

В июле 1945 года госсекретарь США Джеймс Бернс порекомендовал Трумэну отвергать любые предложение японцев о сдаче, если это может привести к окончанию войны. Причина была в том, что атомная бомба уже была успешно испытана в Альмогордо, штат Нью-Мексико. Японский вариант капитуляции с условием сохранения монархии и императора дал Трумэну столь необходимую лазейку для оправдания перед общественностью за применение бомбы. Настоящей целью атомного опустошения в Хиросиме и Нагасаки была Москва. Заслушав первый отчет об успешном испытании бомбы в Альмогордо, министр обороны Генри Стимсон был доволен. Ситуацию он описал в своём дневнике так:

«сочетание американского послевоенного экономического превосходства и монополии на атомную бомбу даёт США флеш-рояль и мы ни в коем случае не должны упустить такой шанс».

На это Трумэн ответил Стимсону, что, действительно, «у Америки на руках лучшие карты» и он, Трумэн, намеревается «разыграть их в пользу Америки». ^{560}

В 1945 году США обладали монополией на промышленные мощности и научные кадры, это если не считать монополии на материальные ресурсы, необходимые для производства ядерной бомбы. По поводу этой стратегии военный историк Хансон Болдуин выразился следующим образом: сам факт готовности Америки использовать бомбу полностью отнёс любые претензии на моральное первенство США в мире. Однако это бесспорно позволило достичь лидерства в другом плане – лидерства в бесконечном международном конфликте под названием «холодная война».

Американский секретный проект по созданию атомной бомбы (Манхэттенский проект) возглавлял генерал Лесли Р. Грувз. Грувз использовал своё уникальное положение на должности руководителя сверхсекретного проекта, чтобы оказывать влияние на американскую политику. Вопреки мнению многих советников Трумэна, полагававших, что многие страны вскоре смогут создать свои собственные запасы уранового топлива и ядерные бомбы, Грувз упрямо твердил, что США в течение многих лет смогут сохранить монополию на атомные секреты.

В своём кратком отчете Трумэну Грувз утверждал, что только две страны: Швеция и СССР смогли бы бросить вызов объединённому американско-британскому контролю территорий потенциальной добычи качественного уранового сырья для производства бомбы, заявляя, что США сможет контролировать 97% всех запасов. Это, разумеется, было неправдой, Грувз преднамеренно сфальсифицировал эти данные. Далее в своём отчете Грувз ошибочно утверждал, что «доступные для русских ресурсы намного худшего качества», чем те, что имеются у США. Грувз вознамерился убедить Трумэна, что СССР потребуется не менее 20 лет чтобы разработать первую работающую атомную бомбу. ^{561}

Кроме того, Грувз преднамеренно утаил от президента петицию, подписанную в конце июля 1945 года семьюдесятью крупнейшими учеными США, работавшими над бомбой. В ней они настаивали, что бомбу нельзя применять

«до тех пор, пока условия капитуляции не будут объявлены публично, и Япония, получив чёткое представление об этих условиях, откажется сдаться». ^{562}

Японцы не были предупреждены о бомбардировке, а Трумэн узнал о петиции ученых лишь спустя много дней после взрыва обеих бомб.

Генерал Грувз рассматривал атомную и экономическую монополии США как ключ к американскому доминированию после 1945 года. Он открыто призывал использовать бомбу «как средство достижения выгодных сделок в переговорах по созданию нового мира ...», на простом языке эта фраза означала «торгуйте с нами на наших условиях, или мы сотрем вас с лица Земли». В 1946 году в меморандуме Конгрессу США Грувз заявлял:

«Если уж атомному оружию суждено было появиться в мире, то у нас оно должно быть самым лучшим, самым мощным, и его должно быть больше, чем у других».

Это была военная версия Американского века, осуществлявшая свою силу через радиоактивный атомный гриб. ^{563}

Во время заседаний администрации Трумэна по изучению последствий атомной бомбардировки мирных жителей в Японии вице-президент Генри А. Уоллес и министр обороны Стимсон выставили в защиту идею кооперации с СССР для обеспечения гарантий мира, вместо попыток военного противостояния. Госсекретарь Джимми Бернс, руководитель Манхэттенского проекта генерал Грувз, а также глава ВМФ Джеймс Форрестол напротив призывали к политике поддержания секретности по любым военным вопросам. В своём персональном дневнике Уоллес описывал одно из таких заседаний, произошедших лишь через несколько недель после бомбардировки:

«21 сентября 1945 года – на совещании одним из вопросов была атомная бомба и

дальнейшее мирное развитие атомной энергии. Президент попросил министра Стимсона начать встречу, он начал встречу в необычной активной манере. Он заявил, что все ученые, которые работали над проектом бомбы, убеждены, что нет никакой возможности долго единолично владеть секретом атомной бомбы, и поэтому необходимо начать обмен научной информацией между членами ООН.

Далее он сказал, что те бомбы, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, использовали лишь очень малую долю этой энергии атома, и будущие бомбы будут многократно более разрушительными – возможно, разница будет настолько же большой, насколько атомные бомбы отличаются от всего, что использовалось до 1945 года. Некоторые ученые опасаются, что бомбы могут стать настолько мощными, что будут в состоянии воспламенить атмосферу и сжечь весь мир. Он также признал, что любой обмен научной информацией со странами ООН сразу же сделает вопросом номер один проблему взаимодействия с Россией. Затем он принялся защищать русских, говоря, что за всю обозримую историю Россия была нашим другом – у нас нет ничего, что Россия хотела бы заполучить, и у России нет ничего, что было бы необходимо нам. Он сказал, что наши взаимоотношения с Россией за последние месяцы улучшились...

Затем президент попросил высказаться (министра) Фреда Винсона, который не согласился с министром Стимсоном и выразил глубокое недоверие к другим государствам. Министр Стимсон сказал, что вполне допустимо предположение, что некоторые страны смогут самостоятельно открыть технологию атомной бомбы в течение следующих трёх, и уж тем более пяти лет. Винсон подверг данное утверждение критике и сомнению. Том Кларк высказался в том же духе, что и министр Винсон. Министр Форрестол занял самую агрессивную позицию. Он открыл и зачитал меморандум, подготовленный его адмиралами. Это было похоже на всеобъемлющую военно-морскую изоляционистскую стратегию...».^{564}

Через несколько дней после этого совещания Трумэн на конференции для журналистов сказал, что решил исключить обоих союзников – Великобританию и СССР – из списка стран, с которыми можно делиться атомными секретами. Военные и их сторонники в крупной промышленности оказались очень убедительными.

Чтобы ещё больше подчеркнуть расклад сил, Трумэн в ноябре 1945 года проинформировал британского премьер-министра Клемент Атли, что Вашингтон отклонит просьбу о предоставлении беспроцентного кредита в 6 миллиардов долларов на восстановление измотанной войной экономики Британии. Целью отказа было принудительное разрушение британской зоны стерлинга.

Трумэн согласился предоставить в долг лишь 3,75 миллиарда долларов под 2% годовых. Кроме того, он дал понять, что Вашингтон намерен ревностно охранять свою атомную монополию. Трумэн полностью отказался от договоренности о кооперации с Канадой и Британией по вопросам атомной энергии, которая была заключена во время войны, уже нарушив к этому моменту Квебекское соглашение 1943 года, по которому США и Британия обязались проводить совместные обсуждения по вопросам применения бомбы, и, более того, не использовать её без явно выраженного согласия другой стороны. Вашингтон был одержим монополией на атомное оружие, игнорируя мнение даже самых верных союзников.

Вице-президент Уоллес в частной беседе выказал свою обеспокоенность складывающейся ситуацией. Он написал пророческое предупреждение Трумэну:

«Наука о природе и текущее положение дел в ней в других странах таковы, что нет никакой возможности помешать им повторить ниши успеха, а возможно и превзойти их в ближайшие 5-6 лет... Мир поделится на два лагеря, причем не англо-саксонская его часть будет, в конечном итоге, иметь решительное преимущество в людях, ресурсах и научных знаниях».^{565}

Похоже Уоллес и не подозревал, что именно так всё и было задумано с самого начала.

Бомбардировка Японии не смогла ни испугать Сталина, ни уменьшить притязания СССР. У Сталина имелась хорошая сеть осведомителей на высоких постах в правительстве

США. Они постоянно держали его в курсе дел по атомному проекту, а некоторые даже передавали чертежи разработок атомного оружия советским ученым.^{566}

Русские повергли в шок США и большую часть остального мира, когда в 1949 году смогли успешно испытать свою первую атомную бомбу, всего через 4 года после американцев. Так началось ядерное противостояние «холодной» войны.

Послевоенное жизненное пространство США

Финансирование и поддержка рокфеллеровской группы «Изучение войны и мира» в Совете по международным отношениям, мотивы вступления США в войну, военная мобилизация и гигантские долги перед населением, возникшие из-за военных нужд – все эти действия были подчинены одной цели: создание и захват огромного мирового рынка или экономического пространства для США, американского «жизненного пространства», как однажды назвал его Исая Боуман – реального Американского века.

Америка станет империей, во многом похожей на Великобританию образца 1815 года, но с одним существенным отличием. Американский экономический империализм хотел спрятаться под маской «распространения свободного предпринимательства» и поддержки «национального самоопределения» и «демократии». Термина «империя» тщательно избегали.

Создатели и вдохновители этой империи в Государственном департаменте и в Белом доме, лица, формировавшие внешнюю политику США, разработали хорошо продуманное прикрытие: США, дескать, вовсе не является империей, так как, по их заверениям, никто не стремится подчинять другие народы, используя военную силу. Это конечно сильный довод. Однако это была империя во всех отношениях, хотя и гораздо менее явная, построенная на роли США в международной финансовой системе, с долларом в качестве колосса этой системы, поддерживаемого, кроме того, непреодолимой военной силой.

Этот обман был удивительно успешен и отчасти потому, что влиятельные люди в США понимали, каким сильным становится влияние на национальные элиты других стран, если развращать их различными соблазнами, раздавая должности и трофеи в тех странах, рынки которых они намеревались захватить. Система отношений, возникшая после 1945 года, состояла из единственной неодолимой силы в лице США и растущего числа фактически вассальных государств, чьи разбогатевшие элиты были, так или иначе, зависимы от «хороших отношений» с Вашингтоном и Пентагоном. «Хорошие отношения» обычно включали в себя тайные службы, эскадроны смерти и регулярную полицию.

Американский век создавался скорее как неформальная империя с зависимыми «сателлитами», чем как колониальная империя. Колонии были сочтены старомодным и неэффективным методом подчинения. Американская история предшествовавшего века, как уже писалось выше, писалась чрезвычайно влиятельным картелем финансовой элиты и крупных промышленных трестов, контролируемых ею. Именно личные интересы владельцев этого картеля, а не интересы народа США, определяли стратегические приоритеты. Почти полный контроль над средствами массовой информации позволил их пропагандистам внушать, что именно интересы элиты являются «интересами американцев». Большинство американцев, искренне желая верить, что их страна лучшая в мире, подпали под действие этой пропаганды.

Некоторые философы американского экспансионизма, например, Фредерик Джексон Тёрнер и Брукс Адамс утверждали, что Америка имеет Богом данное право, «явное предначертание» постоянно расширять свои границы, что разрушение других стран было всего лишь «божественным правом» США. Это была мистическое обоснование возрастающей экономической монополии, которую Денежный Трест создавал с момента создания ФРС в 1913 году. Псевдорелигиозное оправдание постоянного и жизненно необходимого завоевания новых рынков.

Эта экономическая модель совпадала с моделью британской Восточно-Индийской Компании и, что более точно, с методами североафриканских пиратов: грабя и опустошая один регион за другим для поддержания своей империи, оставляя после себя настолько мало, насколько это возможно. Для Рокфеллеров, после войны наиболее активных поборников идеи «явного предначертания», ареной этого расширения стал весь мир.^{567} Организовав пропаганду, что после 1948 года их миссией является «холодная» война «американской демократии» против «безбожного коммунизма», они придали идее реализации «американских интересов» миссионерско-религиозную маску, которая оказалась поразительно эффективной в последующие десятилетия.

«... и рынки эти за границей»

В 1944 году на комиссии Конгресса США, изучавшей вопросы послевоенной экономики, помощник министра Дин Ачисон сказал :

«... никто... никогда не верил, что наш внутренний рынок при нынешнем его устройстве сможет вместить все выпускаемые страной товары. Поэтому для решения этой проблемы мы должны искать другие рынки, а рынки эти за границей».^{568}

Это краткое заявление точно описывало подход крупных банкиров и бизнесменов США, стремящихся превратиться в крупнейшую экономическую силу в послевоенном мире.

Некоторые стали называть Ачисона «архитектором «холодной» войны».^{569} Он подготовил Доктрину Трумэна, разработал документы для создания НАТО, и он же убедил Трумэна ввязаться в войну в Корею в 1950 году.

Ачисон сыграл ключевую роль в создании Бреттон-Вудского соглашения, включая создание МВФ, а затем в 1944 году и Всемирного Банка – всё это для того, чтобы преуспеть в поиске «заграничных рынков».

К 1945 году идеологи внешней политики в Вашингтоне и Совет по международным отношениям могли констатировать, что достигли гигантских успехов, убедив многих участвовать в глобальном расширении границ. Единственной проблемой, как они полагали, был тот факт, что в конечном итоге им придётся полностью разрушить или, во всяком случае, серьёзно ослабить два крупных государства, которые всё это время оставались для них недоступными, во всяком случае, временно: Советский Союз, а затем Китайскую Народную Республику. Если они действительно хотели добиться превосходства своей экономике в масштабе всего мира.

Во время своей работы в группе «Изучение войны и мира» в Совете по международным отношениям Рокфеллера Исаак Боумэн убедил отца британской геополитики сэра Халфорда Макиндера, автора стратегического раздела журнала «Международные отношения», поддержать его идею послевоенного мирового порядка. Эссе «Круглый мир и достижение мира» вышло в свет в июле 1943 года, почти за год до вторжения союзников в Нормандию.

В этом эссе Макиндер описал своё видение послевоенного порядка, в котором доминирует США. Он ещё раз повторил своё представление о «Сердце мира», выдвинутое им в 1904 году, как о наиболее серьёзном противнике англо-американского послевоенного превосходства. Он добавил, что «Сердце мира» в основном та территория, которая занята СССР. Таким образом Макиндер посеял идею последующей «холодной» войны:

«И неизбежный итог состоит в том, что если Советский Союз выйдет из войны захватившим Германию победителем, то он станет крупнейшей сухопутной страной в мире. Кроме того, у этой страны будет стратегически самая сильная позиция для обороны. "Сердце мира" – величайшая природная крепость на всей Земле».^{570}

Боумэн и его коллеги, разумеется, сделали выводы из сказанного, но между ними и Макиндером было существенное различие: он полагал, что СССР будет союзником англо-американского послевоенного сдерживания Германии. Боумэн же, наоборот, для организации «свободного мира» на своих условиях считал необходимым обеспечить

образование единственной реальной силы – США совместно с их ключевыми союзниками по НАТО.

Вскоре после смерти Рузвельта законодатели внешней политики США объединились с Черчиллем, чтобы объявить бывшего союзника – Советский Союз – главным врагом и «угрозой миру на земле». С самого начала, ещё до окончания войны рассуждая в духе тактики британского баланса сил, Черчилль предполагал использовать Германию как английского союзника против более сильного соперника – СССР. Это стратегия не имела ничего общего с идеологией, она опиралась на простой расчет сил, по которому Британия всегда объединялась со слабым соперником, против сильного. Мало кто тогда это понимал, и тем более, мало кто собирался вникать в детали.

15 апреля 1945 года, через несколько дней после смерти Франклина Делано Рузвельта и всего за несколько дней до немецкой капитуляции, группа высших советников по внешней политике встретилась за закрытыми дверями Госдепартамента в Вашингтоне. Среди присутствовавших на встрече были Джон Д. Маклой, помощник военного министра США, президент «Дженерал Моторс», главный поставщик товаров для военного ведомства и несколько других тщательно отобранных «своих» людей. Собравшиеся обсуждали, как перенаправить военные интересы общественности с Германии на Советский Союз, учитывая, что простые американцы испытывали сильные и добрые чувства к русским, потому что война была выиграна с их помощью. Они пытались придумать, как достигнуть радикального изменения настроений общества, обратив их против СССР. Решением, по их мнению, было следующее: необходимо спровоцировать Сталина на какой-нибудь агрессивный поступок, который с точки зрения общественности воспринимался бы как подрыв доверия и угроза миру.^{571}

Вашингтон готовит стратегические перемены

В 1946 году, когда пепел войны против нацистской Германии ещё дымился, группа лиц в Госдепартаменте США во главе с Джорджем Ф. Кеннаном начала в Вашингтоне агитацию по ужесточению отношений с Москвой.

В феврале 1946 года представители Министерства финансов США в Вашингтоне прислали в посольство США в Москве запрос, почему Москва не оказывает поддержку вновь созданным организациям Бреттон-Вуда, МВФ и Всемирному Банку. Кеннан, работая в должности советника-посланника (фактически, второго по значимости лица в посольстве), написал в Москве письмо, известное как «Длинная телеграмма»: разделенное на пять шагов описание того, как он видит политику Советов. Кеннан настаивал, что СССР позиционирует себя как непримиримый враг капитализма, и что, хотя Союз

«нечувствителен к доводам логики, он чрезвычайно чувствителен к доводам силы».^{572}

Кеннан, подчинявшийся в то время послу США и инвестиционному банкиру с Уолл-Стрит Авереллу Харриману, работал вместе с министром обороны Джеймсом Форрестолом и небольшой группой «ястребов» над тем, чтобы изменить восприятие СССР во внешней политике и в обществе. В их задачу входила замена реального образа истощенного войной союзника, взявшего на себя львиную долю всех сражений, союзника, граждане которого умирали в войне за победу над гитлеровской Германией, образом непримиримого врага, одержимого захватом всего мира и стремящегося уничтожить американский капитализм.

В результате в сентябре 1946 года был написан совершенно секретный отчет президенту США «Американские отношения с Советским Союзом», авторами которого были Кеннан и внутренняя команда из сотрудников Государственного департамента, министерств обороны и юстиции, Объединённых штабов и ЦРУ. Отчет был столь важен для Трумэна, что само его существование оставалось секретом до 1968 года.

Этот отчет впервые призывал к политике «сдерживания и ограничения» СССР. Он стал описанием официальной стратегии «холодной» войны для США. Отчет, названный «отчет Клиффорда-Элси» по имени двух его главных авторов, начинался следующей яркой картиной:

«Самая большая проблема США в настоящее время – отношения США с Советским Союзом. Решение этой проблемы покажет быть или не быть Третьей мировой войне... Советские лидеры, по-видимому, намеренно возвеличивают своих граждан, рассчитывая в конечном итоге создать мир, в котором доминирует СССР».^{573}

Для любого жителя СССР в то время такая оценка действий руководства страны была абсолютно неправдоподобной. Любому внимательному исследователю внешней политики Сталина было очевидно, что с 1920-х годов основным приоритетом была безопасность границ, а вовсе не мировая революция. Ещё до войны Сталин неоднократно демонстрировал готовность вступать в союзы с некоммунистическими режимами в обмен на безопасность границ и гарантии ненападения. И ещё менее вероятным казалось, что после всех ужасов опустошительной Второй мировой войны эта политика могла вдруг внезапно смениться на какие-то авантюрные идеи по организации мировой революции и глобального господства.

Видимо почувствовав резкую перемену в настроениях официальных лиц Вашингтона от военной «дружбы» к нарастающей враждебности, в том же сентябре месяце 1946 года посол СССР в США отправил в Москву телеграмму, в которой описал политику Вашингтона как подконтрольную крупным промышленникам, которые развивают военные мощности,

«подготавливая необходимые условия для победы в будущей новой войне за глобальное доминирование».^{574}

В отличие от США Советский Союз был чрезвычайно ослаблен войной. Советская промышленность была выпотрошена, трудовые ресурсы жутко истощены. Сталин намеревался восстановить и отстроить лежащее в руинах «сердце» СССР так быстро, как это было возможно, используя захваченные немецкие материалы. Он полностью поддержал предложенный Рузвельтом план «План Morgентау» для оккупированной Германии, полагая, что он очень важен для гарантии невозможности будущего вторжения со стороны перевооруженной Германии. Одновременно этот план позволял получить жизненно необходимые заводы и оборудование, вывозимые с территории поверженного врага.

План Morgентау, написанный министром финансов Генри Morgентау, призывал к «превращению Германии в страну по своей природе преимущественно сельскохозяйственную и пастушескую».

Её основные промышленные и добывающие регионы должны были стать международными зонами или переданы соседним странам, вся тяжёлая промышленность демонтирована или уничтожена. Как написал один из комментаторов в журнале «Таймс»:

«Производство немецкой стали должно было уменьшиться с 20 миллионов тонн в год до 5 миллионов 800 тысяч. Немецкая промышленность должна была сократиться до уровня в половину меньше того, что было в 1938 году. Производство синтетического топлива, резины, шариковых подшипников, радиопередатчиков, тяжёлых станков и множества других важных с военной точки зрения товаров было совсем запрещено. Но будут поддерживаться производители керамики, стекла и велосипедов, дабы превзойти довоенные рекорды производства. Германия не будет голодать, но стандарт уровня жизни снизится до уровня 1932 года».^{575}

6 сентября 1946 года министр и антисоветский пропагандист Джеймс Бирнс произнес в Германии речь, в которой предложил отказаться от плана Morgентау, а взамен улучшать отношения между США и Германией.

В этом выступлении он также предупредил Советский Союз, что США намерены разместить на территории Европы свои войска на постоянной основе.^{576} Месяцем позже он признался:

«Целью нашей программы была борьба за доверие немцев... это была битва за умы между нами и русскими».

В марте 1946 года, через несколько месяцев после написания «Длинной телеграммы» Кеннана, бывший британский премьер-министр Уинстон Черчилль, который, как минимум, с 1943 года тайно добивался начала антисоветской компании в Вашингтоне, произнес в Фултоне, штат Миссури, свою известную речь о «Железном занавесе», призывая к созданию англо-американского союза против Советов, которых он обвинил в попытке создания «железного занавеса» от немецкого «Щецина на Балтике до Триеста в Адриатике».

В Москве речь восприняли как призыв к Западу начать войну против СССР, во что, собственно, и должно было вылиться англо-американское объединение против Советов.

Политики в группе Кеннана в Вашингтоне – Кларк Клиффорд, Дин Ачисон и Джеймс Форрестол – хорошо понимали, что возникновение агрессивно настроенного Советского Союза на восточной границе Западной Европы автоматически создаст экономическую зону, состоящую из Западной Европы, Японии, большей части Азии, Африки и Южной Америки, которая легко попадет под контроль США.

Огромные территории Западной Европы станут зависимыми от военной помощи США. Более того, поскольку экономика этих стран разрушена войной, то согласно Бреттон-Вудским соглашениям о системе «свободной и открытой торговли», страны Западной Европы, а также Япония, автоматически становятся для американского экспорта рынком без конкурентов. Это и была реализация стратегии Совета по международным отношениям по созданию негласной американской империи после войны.

«Холодная» война была развязана, чтобы поддержать экономическую империю – Американский Век. Бреттон-Вудские соглашения и уникальная роль доллара США в качестве «ключевой валюты» становились основой новой американской глобальной империи. До тех пор пока ослабленные страны Западной Европы зависели от США в военном плане в бесконечной «холодной» войне против СССР, а потом и против КНР, Вашингтон мог легко диктовать свою волю в этом союзе. Собственно, он это и делал, и Бреттон-Вудская система была краеугольным камнем его экономического превосходства.

Глава 11 Создание Бреттон-Вудской долларовой системы

«Мы, дорогой Гроссман, греки в этой американской империи. Мы видим в американцах те же черты, что греки видели в римлянах – огромные, вульгарные, шумные, беспокойные, гораздо более энергичные и решительные чем мы, и при этом более праздные, имеющие гораздо больше всё ещё сохранившихся достоинств, но в то же время гораздо более коррумпированные».

– *Гарольд Макмилан*, военный советник Черчилля, комментарии по вопросу послевоенных англо-американских взаимоотношений ^{598}

Американский долларový стандарт

Как только в сентябре 1939 года разразилась европейская война, начавшаяся с раздела Польши между Гитлером и Сталиным, в США хлынуло европейское золото. В 1935 году официальные золотые резервы США оценивались в 9 миллиардов долларов. К 1940-му году, когда в Европе развернулась полномасштабная война, американские резервы взлетели до 20 миллиардов. Поскольку европейские страны отчаянно нуждались в важнейших товарах военного назначения, то их золото уходило на финансирование войны. К июню 1944 года,

когда была собрана международная конференция в Бреттон-Вуде США единолично контролировали 70% мирового монетарного золота, имея серьёзное преимущество перед другими странами. ^{599} В эти 70% процентов не входило золото, захваченное в качестве военного трофея у побежденных стран Оси – Германии и Японии, точные данные относительно которого погребены под горой легенд, слухов и дезинформации.

К 1945 году ФРС США контролировала значительную часть всего мирового золота. Крупнейшие игроки Уолл-Стрит готовились в полной мере использовать это своё преимущество для создания Американского века. В послевоенной системе отношений, выстроенной Вашингтоном и банками Уолл-Стрит, американский доллар должен был стать механизмом контроля над всеми деньгами и всеми кредитами в мире.

В начале 1941 года, рассчитав, что немецкий поход против Советского Союза уничтожит Германию, политики США приступили к закладыванию основы послевоенной экономической гегемонии. И в течение первых двадцати послевоенных лет они весьма эффективно удерживали эту гегемонию. Ключевым звеном стратегии выстраивания этого доминирования стало Бреттон-Вудское соглашение – распространение на весь мир американской версии «свободной торговли». А также доллара США как единственной общемировой валюты.

Вторая мировая война нанесла большой урон инфраструктуре, промышленности и населению евразийского континента. Единственной промышленной страной, не затронутой последствиями войны, а на самом деле, и значительно усилившейся в экономическом плане оказались Соединённые Штаты.

Будучи крупнейшей промышленной державой, на территории которой не велось никаких военных действий, США готовились воспользоваться этим благоприятным шансом, получив экономический выигрыш от режима свободных рынков и ничем не ограниченной торговли по всему миру. Промышленный сектор США получил возможность экспорта товаров на мировой рынок и, одновременно, доступ к рынкам ресурсов бывших колоний Британии, Франции и других стран. Не удивительно, что «свободная торговля» превратилась в религиозную догму Вашингтона.

«Свободная торговля» подразумевала снижение таможенных тарифов и устранение национальных барьеров, препятствовавших перемещению товаров на мировом рынке, особенно экспорту из США, а также устранение барьеров при вывозе дешевых ресурсов Азии и Африки.

Как отлично понимало британское правительство, «свободная торговля» или «равные возможности» – это просто лозунги сильнейшей и наиболее развитой экономики, пытающейся получить доступ к рынкам развивающихся экономик. Всего за столетие до этого, в 1846 году после отмены Хлебных законов, Британия имела похожее положение в мире и могла требовать открытия границ согласно британской версии «свободной торговли». В 1945 году она оказалась в противоположной ситуации. «Свободная торговля» Вашингтона означала полное разрушение почти всех остатков британской промышленности.

Странам Европы, экономики которых опустошила шестилетняя война, не оставалось ничего другого, как согласиться с американской версией послевоенного управления миром. Даже Великобритания, которая вела себя с США за столом переговоров как равная, была вынуждена подчиниться унижительным требованиям.

Окончательное соглашение о Новом мировом порядке в вопросах денежных отношений и торговли было заключено через несколько месяцев ожесточенных споров, особенно между представителями США и Британии. Представители США во главе с представителем Министерства финансов США Гарри Декстером Уайтом добились утверждения новой системы золотого стандарта, отличавшейся от всех предыдущих.

До XIX века британский золотой стандарт и даже нью-йоркский золотой стандарт 1919–1931 годов предполагали, что каждая страна обеспечивает свою валюту определенным количеством монетарного золота. Если у страны возникал дисбаланс во внешней торговле, теоретически, он автоматически корректировался золотым стандартом, так как страна теряла

или приобретала золото в зависимости от результатов торговли. Согласно же новым правилам Бреттон-Вуда Вашингтон навязал систему с единственной валютой, обеспеченной золотом, – долларом США. Все остальные валюты должны были иметь фиксированный обменный курс к доллару.

Это был переворот и для США и для Уолл-Стрит. После 1945 года доллар становится резервной валютой всего мира, необходимой для торговли между любыми странами. И согласно Бреттон-Вудскому золотому стандарту не золото, а именно доллар США стал «мировой валютой», или точнее, единственной мировой валютой. И в то же время, как уже отмечалось, Министерство финансов США имело право неограниченной печати этого доллара, чем оно, собственно, немедленно и занялось. И поскольку доллар стал общемировой резервной валютой, то мир был вынужден принимать как средство платежа даже такой инфлирующий доллар. Ни у одной другой страны не было такого громадного экономического преимущества.

Судьбоносный договор Бреттон-Вуда

Окончательный вариант договора был подписан представителями 29 стран в декабре 1945 года в отеле «Маунт Вашингтон» в Бреттон-Вуде, штат Нью-Хэмпшир. Это был знаменательный момент для членов группы «Изучение войны и мира». Их мечта о создании послевоенной экономической империи успешно воплотилась в жизнь. Проект группы – Международный валютный фонд – отныне получил шанс поставить под контроль доллара почти весь мир.

Американская гегемония в мировых финансах и торговле стояла в центре всего Бреттон-Вудского соглашения. Важнейшие условия этого соглашения уже были «выбиты» из стран-участниц в личных двусторонних переговорах в 1943 году между советником Министерства финансов Великобритании лордом Кейнсом и помощником министра финансов США Генри Моргентау Гарри Декстером Уайтом.^{600}

Бреттон-Вудские обсуждения, начавшиеся в июне 1944 года, ставили своей первой задачей создание Организации Объединенных Наций (ООН), которая должна была заменить Лигу Наций, возглавляемую Британией. ООН, в отличие от Лиги Наций, должна была стать сферой влияния США, функционирующей согласно идеям, разработанным группой «Изучение войны и мира» для расширения американского влияния в послевоенном мире.^{601} Братья Рокфеллеры, оплатившие работу этой группы, даже пожертвовали участок земли для штаб-квартиры ООН на Манхэттене. Последовавший за этим взлет цен на прилегающие территории (начавшийся, как только иностранные посольства стали возникать на Манхэттене) сторицей вернул все расходы на этот «щедрый» поступок. Одной из причин, по которой в Бреттон-Вудском соглашении преобладал американский, а не британский вариант, которой пропагандировал Джон Мейнард Кейнс, был тот простой факт, что США оказались сильнейшей державой, способной при необходимости принудить любые страны согласиться на свои условия. В тот время первые лица Банка Англии описывали суть соглашения так:

«Это сильнейший удар по Британии, если не считать войну».^{602} Это высказывание отражает огромный сдвиг в первенстве по контролю над финансами от Великобритании к США.

Банк Англии и члены Круглого стола, такие как Лео Амери и старый друг Черчилля лорд Бивербрук, совершенно обоснованно полагали, что учреждение Международного валютного фонда, целью которого было создание единственной международной валюты – доллара США, приведет к изменениям, в результате которых центральная роль лондонского Сити просто исчезнет, а вместе с ней исчезнет и зона стерлинга и система имперских предпочтений.^{603}

Но чтобы при голосовании гарантировать неизменность американского варианта соглашения, Вашингтону срочно требовалась поддержка стран Латинской Америки. И здесь

ключевую роль сыграл Нельсон Рокфеллер – координатор по разведывательным операциям в Латинской Америке, назначенный Рузвельтом. Именно он обеспечивал манипуляции при голосовании, а также длительное и долгосрочное влияние США в Латинской Америке.

Нельсон покупает голоса в ООН

Ялтинское соглашение, подписанное США, Великобританией и СССР в 1945 году, предусматривало, что только те страны, которые официально объявляли войну Германии, могут быть участниками ООН. Статус члена ООН предполагал, что страна будет иметь больший вес на переговорах и в торговле привилегиями. Особенно манил доступ к быстро растущему внутреннему рынку США – цель, к которой стремились многие страны Латинской Америки.

Чтобы гарантировать достаточное количество подконтрольных США голосов в ООН Нельсон Рокфеллер лично занимался «обработкой стран». Чтобы организовать поддержку плана США, требовалось «набрать» 14 голосов Панамериканского Союза, 7 из которых формально соблюдали нейтралитет в течение войны.

Как только Рокфеллер был назначен помощником госсекретаря США в Латинской Америке, он сразу же направил этим странам ультиматум: если они не объявят войну Германии, то не получают ни членства в ООН, ни доли в будущей послевоенной торговле. Как уже было сказано выше, необходимым условием вступления в ООН было формальное объявление войны.

Из всех стран Латинской Америки только Аргентина сохранила нейтралитет, но её голос был необходим, чтобы иметь перевес против британцев. И Рокфеллер убедил тогда уже больного Рузвельта разрешить пригласить Аргентину в качестве члена-основателя ООН, хотя это и нарушало условия достигнутого соглашения. Сам факт объявления войны Германии в тот момент с военной точки зрения уже не имел никакого смысла, исход войны был уже предрешен.

Это была ловкая операция по «сбору голосов» в противовес британцам, которые в свою очередь использовали поддержку стран британского содружества. Узнав об этом, Сталин пришел в ярость, так как он сразу понял цель этих действий, предполагая, что США собираются использовать ООН, а также МВФ и Всемирный Банк для маскировки планов строительства экономической империи. И его опасения полностью подтвердились.

Бреттон-Вудская долларовая система

По замыслу Бреттон-Вудская система должна строиться на трех ключевых компонентах: МВФ, чьи страны-участницы должны были выделить в этот фонд деньги на непредвиденные расходы в случае резких колебаний своих платёжных балансов; Всемирного Банка или Международного Банка реконструкции и развития, созданного для управления крупными государственными проектами; и появившегося несколько позже Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), разработанного для управления «свободной торговлей» с помощью многонациональных переговоров по снижению тарифов.

Каждой стране должна была быть назначена квота – сумма вноса в МВФ в валюте и золоте. Согласно своей доле в МВФ каждая страна получала пропорциональное количество голосов в Управляющем совете. Это с самого начала была игра в одни ворота – США имели подавляющее преимущество. Обладая сильной экономикой и крупными запасами золота, США получили 27% всех голосов, Великобритания 13%; в то время как Франция – 5%. В результате МВФ сразу же стал американским инструментом управления послевоенным экономическим развитием мира. ^{604}

В конце концов, несмотря на сопротивление Британии, Вашингтон добился своего

через голосования, правила и прочие важные аспекты новых организаций: МВФ и Всемирного Банка. Отныне Министерство финансов США по факту контролировало МВФ. Вес голоса при голосовании был пропорционален вложенным деньгам, а США были сильнейшей экономикой среди 29 стран-участниц, и потому крупнейшим вкладчиком, неизбежно получавшим больше всего голосов.

Согласно Уставу МВФ США обладали возможностью заблокировать любое решение, используя имеющееся у неё число голосов. Имеющимися у него голосами голосов Вашингтон был способен полностью контролировать деятельность Исполнительного совета, направляя его общую политику согласно желаниям Министерства финансов США и Уолл-Стрит. Чтобы продемонстрировать всем степень своего контроля над новыми правилами экономического взаимодействия, США разместили штаб-квартиру ООН в Вашингтоне, недалеко от здания Министерства финансов. Не удивительно, что после 1945 года Сталин отказался от вступления в МВФ.

Золотой стандарт заменяется на долларовый

Лишь очень немногие из тех, кто не был крупным международным экспертом, смогли осознать, сколь умело переговорщики из США заложили в Бреттон-Вуде основу послевоенной долларовой империи. Это соглашение изменило международную валютную систему самым благоприятным образом для США и, с точки зрения этой страны, явилось существенным улучшением существовавшего ранее соглашения. Оно потребовало от стран-участниц привязывать обменные курсы своих валют не к золоту, а к доллару США. Мировое предложение долларов США, к большому удобству, контролировалось Вашингтоном, а точнее Министерством финансов США и ФРС.

В 1945 году было популярно высказывание, что доллар «хорош, как золото», аналогичная фраза была в свое время в ходу по поводу британского фунта стерлингов. Всего за два десятилетия эта аксиома мировой экономической стабильности превратилась в сплошную иллюзию. Однако в 1945 году это утверждение было правдой. Европейские страны жаждали долларовых кредитов на восстановление разоренной инфраструктуры. Их валюты не были свободно конвертируемыми, а экономика уничтожена. Нью-йоркский банк ФРС, частная организация, управляемая Денежным Трестом с момента её создания в 1913 году, стоял в центре всей этой системы, которая теперь контролировала почти всё монетарное золото в некоммунистическом мире.

Бреттон-Вудская валютная система предоставляла США очевидное и уникальное преимущество. На деле это означало, что раз основной резервной валютой стал доллар США, то остальные страны должны зафиксировать свой обменный курс и, как только будет восстановлено свободное конвертирование валют, продавать и покупать доллары, поддерживая отклонение курса в пределах 1% от первоначального значения в 1945 году. Так требовали правила МВФ.

Таким образом доллар США фактически занял место золота в обычном золотом стандарте международной финансовой системы, существовавшей до войны. На практике это означало, что вся мировая торговля почти полностью проводилась в долларах, и это стало решающим торговым преимуществом США, поскольку они получили возможность печатать доллары в неограниченном количестве, больше не сдерживаемые объемом имеющегося золота. Никогда за всю историю Британской империи даже Лондон не имел такого одностороннего финансового преимущества, которого добились Вашингтон и Уолл-Стрит после 1945 года.

Два столпа американской мощи

Неоспоримая роль доллара США в мировой валютной системе стала одним из двух столпов американской мощи после войны. Вторым таким столпом стала преобладающая военная сила, достигшая таких размеров, что даже СССР не выдержал конкуренции с ней в «холодной» войне. Военное превосходство было ясно всем, но превосходство финансовое было далеко не столь очевидно, особенно сразу после Второй мировой войны.

Страны Западной Европы, участвовавшие во Второй мировой войне, оказались крупными должниками. Они были вынуждены финансировать свои военные расходы за счет золота, перетекавшего в хранилища на территории США, и после 1945 года этот факт оказался очень значимым для финансового усиления «лидера Свободного мира». Документы о точном количестве этого золота и деталях его перемещения во время войны через центральные банки до сих пор являются тайной за семью печатями.^{605}

Согласно новой валютной системе курс национальной валюты страны к доллару США становился фиксированным. Стоимость самого доллара США определялась ценой золота – 35 долларов за унцию чистого золота³², именно эта цена была установлена указом президента Рузвельта в 1934 году во время активной фазы Великой депрессии и до начала действия инфляционных эффектов военного времени. Долларовая инфляция за время войны была громадной, а фиксированная цена золота оставалась той же, что было очень выгодно для международных банков Уолл-Стрит – меньшее количество долларов теперь приносило больше золота.

Ключевым отличием от предыдущего варианта золотого стандарта 1919–1934 годов было то, что теперь у США не было серьезных конкурентов в борьбе за мировое господство ни в военном, ни в политическом плане. Вашингтон и Уолл-Стрит могли в прямом смысле слова диктовать свои условия. Собственно, этим они и занимались.

Хотя роль доллара как мировой резервной валюты давала серьезные преимущества капиталу США перед своими потенциальными конкурентами британским стерлингом, немецкой маркой или французским франком, гораздо более значимым в послевоенное время стало то, что Министерство финансов США и ФРС могли выдавать международным заемщикам в долг бесконечное количество долларов вне зависимости от наличия золотого обеспечения этих долгов. Ибо теперь доллар сам по себе стал мерой обеспечения.

Ввиду уникальной роли доллара США смогли финансировать постоянно растущие заграничные военные расходы, просто печатая новые доллары, а не увеличивая золотой запас. Достать золото в мире, где за ним охотились центральные банки всех стран, было нелегко. Гораздо легче было напечатать доллары, которые Министерство финансов США могло выпускать в обращение более менее по собственному желанию. Это же преимущество сделало доллар основой торгово-финансовых потоков и соглашений. И когда под прикрытием идеи борьбы с распространением коммунизма правительству США приходилось принимать дефицитный бюджет для финансирования расширяющейся сети военных баз по всему миру, оплотов новой неформальной империи, оно просто выпускала государственные казначейские облигации, беря таким образом деньги в долг.

Иностранные центральные банки, обладавшие в результате торговли избытком долларов и не имевшие никаких хороших вариантов их вложения, скупали эти казначейские облигации, финансируя тем самым военную экспансию США. А так как дефицит постоянно рос, то соотношение между имеющимися долларами и запасами золота стремительно менялось. Используя ключевое значение доллара, США фактически смогли частично экспортировать инфляцию в страны своих торговых партнеров через обмен обесценившимися долларами.

Все предыдущие варианты золотого стандарта жестко фиксировали цену золота в национальной валюте. Золото было основой финансовой стабильности, не фунт стерлингов, не доллар, а именно золото. Обретя в 1945 году очень выгодные позиции, США смогли

³² 1 унция приблизительно равна 33 граммам.

фактически навязать всему миру долларový стандарт. Кроме того, впервые вопрос о количестве мировой обменной валюты перестал быть вопросом физического её наличия и стал вопросом политической воли. Как справедливо заметил один советский экономист, никакая другая страна в мире, кроме США, не имела такой роскоши. ^{606}

Первоначально МВФ и Всемирный Банк играли незначительную роль в стратегии геополитического переворота, слегка изменённой администрацией президента Трумэна после смерти Рузвельта в апреле 1945 года. Исходной идеей группы Боумэна «Изучение войны и мира» было предложение объединиться с СССР и другими союзниками и сделать невозможным возрождение Германии в виде сильной державы. Китай и Россия должны были стать союзниками для сдерживания Японии.

Однако Трумэн попал под влияние бывшего посла в Москве Аверелла Харримана и министра Дина Ачисона, которые настойчиво агитировали за создание сильной оппозиции против действий Сталина в Восточной Европе. Впрочем, к тому моменту Трумэн уже сам нарушил условия соглашения в Ялте по разделу Европы между тремя странами – СССР, Британией и США.

В феврале 1945 года Рузвельт, Черчилль и Сталин встретились в Ялте, чтобы обсудить послевоенную оккупацию Германии. Среди соглашений, подписанных ими, был документ о признании участниками факта освобождения Польши Красной Армией и создание нового правительства под руководством СССР. Они договорились сместить восточные границы Польши на запад к Линии Керзона, установленной в 1919 году, и восстановить западные границы Белоруссии и Украины, входивших в состав СССР. Германию планировалось временно разделить на три оккупационные зоны, в качестве четвертой страны предполагалось пригласить Францию. Сталин со своей стороны пообещал, что СССР вступит в войну с Японией, как только закончится война в Европе. В качестве обязательных условий, подписанных Рузвельтом и Черчиллем, Сталин назвал возвращение южного Сахалина и прилежащих к нему территорий СССР, превращение Панамского канала в международную зону, долгосрочную аренду Порт-Артура для военной базы СССР, право советско-китайских компаний управлять КВЖД, признание независимости Внутренней Монголии от Китая, передачу Курильских островов СССР и переход Китая под управление Манчжурии.

За разработку этого соглашения со стороны США отвечал посол США в Москве Аверелл Харриман, человек, инвестиционный банк которого активно участвовал в финансировании нацистского Рейха. Грандиозные планы Рузвельта по использованию ООН как средства расширения американского «жизненного пространства» Трумэн убрал в дальний ящик, предпочитая добиваться той же цели путем двусторонних переговоров. Вместо того чтобы сотрудничать с СССР – своим военным союзником, победившим Германию – США предпочли объединиться с Британией против СССР. Отказ от пунктов ялтинского соглашения предсказуемо означал, что Сталин, защищая то, что он полагал жизненно важными интересами СССР, среагирует агрессивно и будет, если потребуется, защищать их с применением военной силы. Это была ловушка, расставленная Черчиллем, а позже поддержанная в Вашингтоне. И Сталин в неё попался.

В 1946 году Черчилль прилетел в Миссури, родной штат Трумэна, чтобы произнести в маленьком городке Фултон свою речь о «Железном занавесе», провозглашавшую, что грядёт новое разделение Европы. Не позднее 1943 года Черчилль и члены британского Круглого стола последний пришли к мысли о том, что им необходим новый конфликт с СССР для того, чтобы поставить дипломатически менее опытный Вашингтон в зависимость от «посредничества» Британии в переговорах между США и СССР. В начале 1945 года, ещё до капитуляции Германии, Черчилль приказал не расформировывать и не разоружать полностью недавно взятые в плен группы немецких войск, имея в виду возможное дальнейшее использование их против Красной Армии. Это был крайне необычный и беспрецедентный шаг. Но план был отвергнут генералом Эйзенхауэром и Белым домом по военным соображениям. Впоследствии выяснилось, что британцы уже успели подготовиться

к следующей фазе противостояния согласно своей концепции мирового баланса сил. ^{607} Вашингтон и Лондон уже тайно вонзали нож в спину своего бывшего союзника – СССР.

К 1945 году Черчиллю стало абсолютно ясно, что Британии придется выдержать тяжелую схватку с Вашингтоном, чтобы сохранить хотя бы остатки своей предвоенной силы. Трумэн с самого начала работы в администрации очень четко обозначил такое положение дел. Когда он сразу после капитуляции Японии в августе 1945 года внезапно аннулировал договор ленд-лиза с Британией и потребовал оплаты кредитов, предоставленных Британии во время войны, это был знак о создании Вашингтоном нового послевоенного порядка. К концу войны британский золотой запас упал до отметки в 1,5 миллиарда долларов, а краткосрочные обязательства выросли до 12 миллиардов долларов. Английская промышленность, которая не была связана с ВПК, лежала в руинах. Добыча угля сократилась многократно, отключения электричества стали нормой. Миллионы возвращавшихся домой солдат нужно было каким-то образом встроить в истерзанную гражданскую экономику.

Если бы Черчиллю удалось обманом заставить Трумэна вступить в конфронтацию с СССР, то была надежда, что Британия станет абсолютно необходимой Вашингтону и, по крайней мере, сохранит остатки былого влияния. Во всяком случае, так думали в Лондоне. ^{608}

Аннулирование ленд-лиза было явным враждебным шагом против Лондона, особенно если учитывать, что Трумэн одновременно сделал исключение для Китая, продлив с ним этот договор. ^{609} Отмена кредитования и поставок в Британию были частью стратегии Совета по международным отношениям для удерживания потенциальных соперников в борьбе за экономическую гегемонию в заведомо слабом состоянии. А основным соперником как раз и была Великобритания, особенно её зона стерлинга с имперскими предпочтениями для стран-участниц и доминионов в бесчисленном количестве колоний по всему миру. Архитекторы Американского века не собирались обращаться как с равными ни с кем, даже со своим давним союзником Великобританией.

Рузвельт и Рокфеллеры готовили Вторую мировую войну вовсе не для того, чтобы спасти Британскую империю, а как раз наоборот. Рузвельт и Трумэн, оба отчетливо понимали, что Британию придется поставить на колени прежде, чем она согласится стать младшим партнером с англо-американском «особом союзе». Как писал военный посол Уинстона Черчилля Гарольд Макмилан члену социал-демократической партии Ричарду Гроссману:

«Мы, дорогой Гроссман, греки в этой американской империи. Мы видим в американцах те же черты, что греки видели в римлянах – огромные, вульгарные, шумные, беспокойные, гораздо более энергичные и решительные чем мы, и при этом более праздные, имеющие гораздо больше всё ещё сохранившихся достоинств, но в то же время гораздо более коррумпированные. Мы вынуждены участвовать в Союзных Силах примерно так же, как греческие рабы участвовали в походах императора Клавдия». ^{610}

Апрельская речь Черчилля в Фултоне обозначила поворотную точку в меняющейся политике конфронтации со Сталином и с Советским Союзом. Послевоенный англо-американский «особый союз» изначально не был союзом равных, вне зависимости от того насколько сильно этого желали в Лондоне. Но, как полагали в Британии, они, по крайней мере, продолжали бороться за лидерство, пусть даже теперь в качестве пешки в американской игре.

Эта американская «игра» готовилась использовать свою военную и экономическую силу, чтобы построить новую экономическую империю, используя в качестве новой глобальной угрозы, заменившей армии Гитлера, сфабрикованную угрозу распространения советского коммунизма.

Глава 12

Рождение государства национальной безопасности

«Быстрейшее наращивание политической, экономической и военной силы... является единственным курсом, который совместим с прогрессом в достижении нашей фундаментальной цели. Расстройство кремлевской схемы требует, чтобы свободный мир развивал успешно функционирующую политическую и экономическую систему и энергичное политическое наступление на СССР. Это, в свою очередь, требуют соответствующего военного щита, под которым они могут развиваться».

– *Пол Нитце*, основной автор СНБ 68 ⁽⁶²⁵⁾

План Маршалла: рассвет Американского века

К 1947 Вашингтон был готов завести Западную Европу в своё экономическое стойло и изолировать Советы. В качестве средства воплощения новой стратегии он предложил двусторонний американский План Маршалла для реконструкции Европы.

Большинству могущественных фигур в американской промышленности, нью-йоркском банковском деле и международной политике (большинство из них было связано с группой Рокфеллера) было вполне ясно, в чём заключалась послевоенная программа.

В 1946 году Лео Д. Велч, тогда финансовый директор «Стандарт Ойл Компани», призвал Вашингтон

«...сформулировать политические, военные, территориальные и экономические требования США к своему потенциальному лидерству в негерманской мировой области, включая само Соединенное Королевство, а также Западное полушарие и Дальний Восток».

Велч использовал в своём призыве американский деловой жаргон:

«Как крупнейший источник капитала и крупнейший спонсор глобального механизма мы должны устанавливать темп и принимать на себя ответственность акционера-мажоритария в этой корпорации, известной как мир..., с бессрочным мандатом. Это – постоянное обязательство». ^{626}

В 1948 году Джордж Ф. Кеннан, написал конфиденциальный внутренний меморандум для Государственного департамента. Он очень кратко обрисовал в общих чертах послевоенную повестку дня американского властного истеблишмента:

«У нас есть около 50% мирового богатства, но только 6,3% мирового населения... В этой ситуации мы не можем не быть объектом зависти и обиды. Нашей реальной задачей в предстоящий период является разработка модели взаимоотношений, которая позволит нам сохранить это положение диспропорции без положительного ущерба нашей национальной безопасности. Чтобы сделать это, нам придётся отказаться от всякой сентиментальности и мечтательности; и наше внимание должно быть сосредоточено всюду на наших непосредственных национальных целях. Мы не должны обманывать себя, что мы сегодня можем позволить себе роскошь альтруизма и мировой благотворительности». ^{627}

Кеннан, архитектор политики «сдерживания» периода «холодной» войны, выразил истинную сущность послевоенной американской политики. Кеннан был холодно честен и реалистичен относительно истинной послевоенной цели американской элиты: ею было американское мировое господство, или по крайней мере, так много из него, сколько можно было захватить и удержать в 1948 году. Это и было предполагаемой «Великой областью» Совета по международным отношениям.

В июле 1947 года Государственный секретарь Джордж Маршалл представил план экономической реконструкции Европы, который был разработан, чтобы укрепить

доминирование американской промышленности. Большой нефти и Больших финансов в послевоенной Европе – План Маршалла или, официально. Программа восстановления Европы.

Американские разработчики Плана Маршалла, включая Джорджа Кеннана, сознательно предложили американскую помощь Советскому Союзу для послевоенной реконструкции, но сделали это с условием Сталину распределять большие объёмы советского сырья для Западной Европы, а также открыть социалистическую экономику капиталистическому Западу. Эти и другие неприемлемые условия с очевидностью привели к тому, что Советы отклонили эту помощь, предоставив США экономическое господство в Западной Европе и избавив их от необходимости как-либо претендовать на сотрудничество с СССР. ^{628}

Условия помощи по Плану Маршалла были спроектированы таким образом, чтобы включать массивную передачу американских промышленных товаров в Европу – практический способ проникнуть на рынки послевоенной Западной Европы, в известной степени невозможный перед войной. Прежде всего, эта помощь вовлекала продажу нефти из запасов империи Рокфеллеров – «Стандарт Ойл». Согласно исследованию американского Сената, единственные крупнейшие расходы стран, получающих помощь по Плану Маршалла, шли на покупку американской нефти (нефти, поставляемой компаниями «Стандарт Ойл» Рокфеллера по чрезвычайно завышенным ценам), оплачиваемую в американских долларах. ^{629}

К концу войны американская нефтедобывающая промышленность, в которой господствовали Рокфеллеры, стала столь же интернациональной, как и британская. Её основные ресурсы располагались в Венесуэле, на Ближнем Востоке и прочих отдалённых местах. Большая нефть, которую называли «Пятью сёстрами», включала пять гигантских компаний – «Стандарт Ойл Нью-Джерси» («Эксон»), «Сокнай Вакуум Ойл» («Мобил»), «Стандарт Ойл оф Калифорния» («Шеврон»), «Тексако» и семейная компания Меллонов «Галф Ойл». Они быстро взяли на себя решающий контроль на послевоенных нефтяных рынках Европы.

Разрушительное воздействие войны сильно повредило европейские экономические системы, зависящие от угля в качестве своего основного источника энергии. Германия потеряла свои восточные угольные месторождения, которые остались в советской зоне оккупации, и добыча угля на разрушенном войной Западе составляла только 40% от довоенных уровней. Британская добыча угля была на 20% ниже уровня 1938 года. Нефть Восточной Европы, находившаяся за тем, что Черчилль назвал «Железным занавесом», была больше недоступна. Поэтому к 1947 года половина всей нефти Западной Европы поставлялась пятью крупными американскими компаниями.

Американские нефтяные гиганты не смущались использовать эту замечательную монополию в своих интересах. Несмотря на расследование Конгресса и протест бюрократов среднего звена против очевидного неправильного расходования фондов Плана Маршалла, американские нефтяные гиганты вынуждали Европу платить по завышенным ценам. Нефтяные компании Рокфеллера, например, более чем удвоили иену, они выписывали европейским клиентам счета, в которых цена за баррель между 1945 и 1948 годами выросла с 1,05 доллара до 2,22. Хотя нефть поставлялась с недорогих ближневосточных месторождений, где затраты на извлечение, как правило, не превышали 25 центов за баррель, грузовые тарифы вычислялись по намеренно сложной формуле, привязанной к грузовым тарифам перевозки между Карибским морем и Европой, что приводило к намного более высокой стоимости.

Даже на внутренних европейских рынках существовала поразительная разница в ценах для разных стран. Греция была вынуждена платить 8,30 долларов за тонну горючего, а Великобритания платила за то же самое только 3,95 доллара. Более того, американские компании при поддержке Вашингтона не позволяли строить местную европейскую нефтеперерабатывающую промышленность на доллары по Плану Маршалла, всё туже сжимая удавку американской Большой нефти на горле послевоенной Европы. ^{630}

План реконструкции был запущен 12 июля 1947 года и продолжался до 1953 года. В течение этого периода времени Вашингтон ссудил приблизительно 13 миллиардов долларов в экономических и технических инвестициях, чтобы помочь восстановлению европейских стран. Помощь выдавалась с прилагающимися к ней тяжёлыми ограничениями, простирающимися даже на индустрию развлечений. Например, в обмен на американскую финансовую помощь Францию обязали выпускать в прокат американские фильмы в ущерб французской киноиндустрии. Вашингтон хорошо осознал ценность Голливуда как пропагандистского механизма, чтобы продвигать и «американский образ жизни» и американскую продукцию.

План Маршалла также открыл крупным американским корпорациям дорогу к вложению капитала в индустрию Западной Европы по договорным ценам. Европейские валюты, благодаря начальным правилам МВФ установления паритета по отношению к доллару, сильно обесценились в долларовом выражении после 1945 года.

Первоначально средства, перечисляемые по Плану Маршалла, уходили прежде всего на покупку товаров народного потребления из США, таких как продовольствие и топливо, а позже – промышленных товаров для реконструкции. С начала Корейской войны в 1950 году возрастающие суммы этой помощи были потрачены на восстановление вооруженных сил Западной Европы рамках вновь созданной Организации Североатлантического договора (НАТО), главным образом, на закупки военной техники, сделанной в Америке. Американский экспорт оружия станет стратегическим приоритетом американской послевоенной экспортной политики.

«Холодная» война НАТО – американское жизненное пространство

Невероятно, но именно Греция стала сценической площадкой для первой прямой конфронтации «холодной» войны, спровоцированной не Соединенными Штатами, а Великобританией. С 1946 года внутренняя греческая политика была отмечена борьбой за власть между правительством консерваторов Константинос Цалдариса и Греческой коммунистической партией. Черчилль инициировал поддержку консерваторам, а ястреб Дин Ачисон (Госсекретарь на тот момент) убедил Трумэна поддержать британцев.

Однако, ещё до этого, в октябре 1944 года на Московской конференции Черчилль и Сталин договорились о послевоенном разделе юго-восточной Европы на соответствующие советскую и британскую сферы интересов. В соответствии с этим соглашением, Советский Союз и Великобритания разработали соответствующие доли «влияния», которые каждая страна будет иметь в Румынии, Болгарии, Греции, Венгрии и Югославии. Первоначально Черчилль предложил, чтобы Великобритания имела 90%-ный контроль в Греции, а СССР имел бы 90%-ное влияние в Румынии, в то время как в Венгрии и Югославии, по предложению Черчилля, каждая имела бы по 50%.

Министры иностранных дел Энтони Иден и Вячеслав Молотов, провели переговоры процентных долей 10 и 11 октября. Результат этих обсуждений состоял в том, что проценты советского влияния в Болгарии и Венгрии были исправлены от 90% и 75% соответственно к 80%. Важнее то, что кроме этого, не упоминались никакие другие страны, что оставило Грецию в пределах британской сферы. Сталин сдержал своё обещание по Греции; Великобритания поддерживала греческие правительственные силы в гражданской войне, а Советский Союз не помогал коммунистам.^{631}

Несмотря на этот факт советского невмешательства Ачисон убедил президента Трумэна, что срочно необходима смелая декларация поддержки «свободы» в Греции, даже притом, что Грецию в это время не считали стратегическим приоритетом для американских интересов в Европе, и даже притом, что не существовало никакой советской причастности или угрозы причастности.

Трумэн объявил свою Доктрину в обращении к американскому Конгрессу 12 марта

1947 года в разгар гражданской войны в Греции. Он заявил:

«Я полагаю, что политикой Соединенных Штатов должна стать поддержка свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинить их руками вооруженных меньшинств или с помощью внешнего давления».

Термин «внешнее давление» не разъяснялся.

Трумэн настаивал, что, если Греция и Турция не получают помощь, в которой нуждаются, то неизбежно перейдут на сторону ведомого Советами коммунизма с последствиями для всего региона. Тот же аргумент будет повторен двадцать лет спустя во Вьетнаме, когда это назовут «цепной реакцией», предсказывая страшные последствия, которые так никогда и не произошли ни в Греции, ни во Вьетнаме...

Удивительно, но Трумэна поддержал бывший в то время сенатором Артур Х. Ванденберг, влиятельный глава Сенатской комиссии по иностранным делам и ранее лидер сенатской фракции изоляционистов. Ванденберг «по настоянию Соединенного Королевства» в марте 1947 года убедил управляемый республиканцами Конгресс поддержать Доктрину Трумэна. Британская разведка тайно «уговорила» Ванденберга поддержать затею, а ведь он традиционно являлся одним из самых горячих и влиятельных противников Великобритании в Конгрессе.^{632}

Таким образом, менее чем через год после знаменитой Фултонской речи о «Железном занавесе» в Миссури Черчилль успешно втянул Трумэна в свою стратегию «холодной» войны против Советского Союза. Совет по международным отношениям годами призывал к той же самой политике, но по совсем другим причинам, а именно – ради установления собственного американского жизненного пространства в Европе, как только стало ясно, что Сталин не откроет Россию для экономического проникновения американцев.

Доктрина Трумэна, которая успешно послужила вашингтонской программе по созданию жизненного пространства, была нацелена вытеснить Британскую империю в качестве экономического и военного гаранта Греции и Турции и занять её место. Это была радикальная переориентация американской внешней политики. Как отметил один историк:

«Впервые в своей истории Соединенные Штаты захотели вмешиваться в дела людей за пределами Северной и Южной Америки в период общего мира».^{633}

Основа интервенционистской Доктрины Трумэна была заложена в сенсационном эссе Совета по международным отношениям, появившемся в принадлежащем ему журнале «Форин Аффэрс» под подписью «Мг. Х». Статья была выполнена в стиле «длинной телеграммы из Москвы» и написана Джорджем Кеннаном, помощником американского посла в Москве Харримана.

В феврале 1946 года Вашингтон запросил американское Посольство в Москве, почему Советы не поддержали недавно созданные Всемирный банк и Международный валютный фонд. В ответ Кеннан написал свою «длинную телеграмму», обрисовывая в общих чертах и своё мнение и точку зрения Советов, и отправил её министру обороны Джеймсу Форрестолу, близкому союзнику Рокфеллера в администрации Трумэна. Форрестол затем предложил это письмо вниманию Совета по международным отношениям в надежде поспособствовать политическому сдвигу в сторону враждебной позиции по отношению к Москве.

Среди прочего Кеннан утверждал, что, хот советская власть непроницаема для логики разума, она очень чувствительна к логике силы. Он утверждал, что сталинское государство ощущает мир разделённым на непримиримые стороны коммунизма и капитализма. Этот тезис стал рождением американского «сдерживания» Советского Союза и заложил пропагандистские основания для сорокалетней американской политики «холодной» войны с Россией. В действительности, сдерживание СССР было полезным для американского властного истеблишмента и американской военной индустрии с целью создания постоянного государства национальной безопасности на фоне (как позже выяснилось, вымышленного) образа агрессивного и угрожающего Советского Союза.^{634}

Американская внешняя политика далеко ушла от антифашистского союза с СССР, развернувшись к альянсу с послевоенной оскорбленной Германией против предполагаемой

советской угрозы. Это были всё те же классические британские махинации «баланса сил», теперь в американском стиле.

Греческого кризиса, однако, всё же оказалось недостаточно, чтобы уверенно обеспечить именно ту экономическую реструктуризацию Америки, в которой нуждались могущественные банковские и промышленные круги. Ни советской блокады Берлина, ни даже коммунистического поглощения правительства Чехословакии в феврале 1948 года не хватило, хотя эти события и побудили изоляционистский американский Конгресс проголосовать за финансовую помощь Западной Европе через План Маршалла и вскоре привели к американской поддержке НАТО. Требовалось потрясение посерьёзнее, чтобы убедить измученных войной американских граждан, что для их безопасности необходимо новое состояние войны – более или менее непрекращающейся «холодной» войны.

Даже победа Коммунистической партии Китая при Мао Цзэдуне в китайской гражданской войне, которая закончилась в 1949 году поражением «Гоминьдана» и коррумпированного деспота Чан Кайши, что привело к провозглашению Китайской Народной Республики, оказалось недостаточно, чтобы гальванизировать поддержку американским населением тех уровней военных расходов, на которые надеялись мощные отрасли оборонной промышленности.

Для фракции Рокфеллера и их союзников в американских финансовых и промышленных кругах тот простой факт, что государственный социализм в СССР и Китае отныне эффективно вырвал из их рук свыше одной пятой континентального массива планеты, а с ней и невыразимые сырьевые и ресурсные сокровища и потенциальные рынки, был достаточным основанием, чтобы объявить обе страны новым «образом врага». Проблема состояла в том, как продать этот образ скептическому американскому населению, как в достаточной степени мобилизовать страх и беспокойство в американской общественности, чтобы оправдать финансирование постоянного военного государства, направленного против нового «абсолютного зла, безбожного коммунистического тоталитаризма».

Доклад Совета национальной безопасности 68 и фантом «образа врага»

Ведущие круги внутри и вокруг правительства Трумэна к концу 1949 года пришли к выводу, что единственным средством мобилизовать жертвенные чувства американского населения ради значительного наращивания военных расходов (расходов, которые они рассматривали как необходимые, чтобы обеспечить своё новое глобальное жизненное пространство) будет новая война. Идеальная война виделась им по возможности управляемой и не представляющей прямой угрозы Соединенным Штатам или все ещё неустойчивой Западной Европе.

К 1948 году американская экономика столкнулась с резким послевоенным спадом, поскольку контракты для военной промышленности быстро сократились, и этот экономический дефицит не могли заполнить никакие гражданские расходы сопоставимого масштаба. Между 1948 и 1950 годами официальная американская безработица выросла на тревожные 130%. Национальный индекс производства, который стоял на рекордном уровне 212 на пике военных мобилизационных усилий, упал к 1948 году до 170, а затем до 156 в 1949-м. В первом квартале 1950 года инвестиции понизилось на тревожные 11% от уровня годом ранее. С 1947 года американский экспорт демонстрировал снижение, упав с марта 1949 до марта 1950 года приблизительно на 25%.

По различным причинам в качестве идеального места, чтобы организовать там локальную войну, задуманную, чтобы мобилизовать общественную поддержку для постоянного государства национальной безопасности, была выбрана Корея. Её целью было массивное расширение военной промышленности на постоянной основе, процесс, который финансист и советник Трумэна Барнард Барух обозначил как «холодная война».^{635}

В конце 1948 года Вашингтон объявил о планах относительно создания нового

атлантического военного союза с своими партнёрами по Плану Маршалла взамен постоянных американских баз в западноевропейских странах. Юридический документ, учреждающий Организацию Североатлантического договора (НАТО), был подписан в апреле 1949 года с Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, Францией и Великобританией.

Через несколько месяцев Корейская война гальванизирует членов НАТО, и они примут активную и постоянную военную оборонную организацию в Западной Европе под контролем Вашингтона со штабом в Брюсселе. Через этот военный союз измученная войной Европа была вовлечена в новую вашингтонскую стратегию «холодной» войны; и стратегия и союз проживут гораздо дольше СССР, который распался приблизительно сорок лет спустя.

Первый главнокомандующий НАТО британский лорд Исмэй объявил, что цель НАТО состоит в том, чтобы «не пустить русских, удержать американцев и прижать немцев».^{636} Всё изменится во время Корейской войны, когда Вашингтон вернётся к немецкой сталелитейной промышленности для производства оружия. К началу 1950 годов Германия была интегрирована в новую американскую геополитику «холодной» войны. НАТО станет отныне основным военным столпом Американского века.

В 1949 году, спустя год после создания НАТО, в пределах Государственного департамента США собралась совершенно секретная группа, чтобы сформулировать новую американскую стратегическую политику. Её доклад «Совет национальной безопасности 68: Цели Соединенных Штатов и программы для национальной безопасности» («СНБ 68») приводил доводы в пользу американского военного наращивания, чтобы противостоять, как группа провозглашала, врагам «отличающимся от предыдущих кандидатов в гегемоны... вдохновляемым новой фанатичной верой, противоположной нашей собственной».

Эта группа под председательством бывшего банкира Уолл-Стрит Пола Нитце утверждала, что Советский Союз и Соединенные Штаты существуют в поляризованном мире, в котором Советский Союз стремился «обрести абсолютную власть над остальной частью мира».^{637}

Этот совершенно секретный документ утверждал, что это будет война идей, в которой сражаются друг против друга «идея свободы при верховенстве законов и идея рабства под мрачной олигархией Кремля». США как «центр силы в свободном мире» должны построить такое международное сообщество, в котором американское общество «выжило бы и процветало бы», преследуя политику сдерживания. Документ был в большой степени списан с более раннего кеннановского текста «Мг. X», но упирал на военный, а не политический ответ на предполагаемую советскую глобальную угрозу.^{638}

«СНБ 68» рисовал ужасную и довольно нереальную картину советских военных устремлений в 1950 году, период, когда СССР ещё даже не восстановился после разрухи Второй мировой войны, во время которой погибли больше чем 26 миллионов советских людей, а основные города лежали в руинах. После войны Советский Союз, фактически, резко демобилизовал свою армию, чтобы иметь достаточно трудовых ресурсов для восстановления страны. Реальное положение опустошенного и решительно ослабленного Советского Союза не играло большой роли в докладе команды. Под видом анализа угроз они просто произносили тревожные заклинания:

«Если основная война произойдёт в 1950 году, то Советский Союз и его сателлиты, как полагает Объединённый комитет начальников штабов, находятся в достаточно продвинутом состоянии немедленной готовности, чтобы предпринять и провести следующие кампании:

а) наводнить Западную Европу, с возможным исключением Иберийского и Скандинавского полуостровов; двигаться к нефтеносным областям Ближнего и Среднего Востока; и консолидировать коммунистические приобретения на Дальнем Востоке;

б) пойти в наступление в воздухе против Британских островов и в воздухе и на море напасть на линии коммуникаций западных держав в Атлантике и Тихом океане;

в) напасть на избранные цели атомным оружием, теперь включая вероятность таких нападений на цели на Аляске, в Канаде и Соединенных Штатах. Альтернативно, эта способность, вместе с другими действиями, доступными Советскому Союзу, может

исключить Соединённое Королевство в качестве эффективной базы операций для союзных войск. СССР также, возможно, сможет предотвратить любые объединённые операции типа «Нормандия» (на суше и на море) с целью отбросить его на континент Европы». ^{639}

Отчет Нитце 1950 года рекомендовал ясный план действий, за исключением приоритетной ядерной войны, против Советского Союза. Он завершился словами:

«Ускоренное, по сравнению с текущим, наращивание политической, экономической и военной сил и, таким образом, уверенности в свободном мире видится как единственный курс, который совместим с продвижением к достижению нашей фундаментальной цели. Расстройство кремлевских замыслов требует, чтобы свободный мир развивал успешно функционирующую политическую и экономическую систему и энергичное политическое наступление против СССР. Это, в свою очередь, для своего развития потребует соответствующего военного щита». ^{640}

Первая реакция на рекомендации «СНБ 68» Нитце была почти отрицательной. Трумэн, обеспокоенный бюджетными расходами, отослал доклад назад, чтобы оценить затраты. Конгресс расценил доклад как излишне панический. Заместитель госсекретаря по экономике в администрации Трумэна Уиллард Торп не согласился с тревожной картиной советской готовности к войне. Торп подверг сомнению утверждение, что «СССР устойчиво уменьшает несоответствие между своей полной экономической силой и силой Соединенных Штатов». Он возразил:

«Я не чувствую, что демонстрируется эта позиция, скорее это резерв... Фактический разрыв расширяется в нашу пользу».

Что касается советских военных инвестиций, Торп сомневался, что СССР вкладывал в них столь значительную часть своего ВВП:

«Я подозреваю, что большая часть советских инвестиций ушла в строительство жилья». ^{641}

Уильям Шауб из Бюджетного управления был также критически настроен, утверждая, что «на каждой арене» – в Военно-Воздушных силах, армии, на флоте, в запасе атомных бомб, в экономике – США далеко превосходили Советский Союз. Даже Джордж Кеннан не согласился с этим документом, особенно с его призывом к массивному перевооружению. Как отметил один консультант доклада Нитце:

«Правительству вскоре понадобится помощь в получении общественной поддержки для национального напряжения, которое потребуется». ^{642} Вслед за провозглашением Доктрины Трумэна (создания Госсекретаря Дина Ачисона) пропагандистский аппарат правительства попытался завоевать общественную поддержку для своей "холодной" войны против "враждебных безбожных" коммунистов в Советском Союзе. Они полагали, что смогут завоевать всенародную поддержку избирателей для огромного наращивания федеральных расходов на оборону, "пугая адом за пределами Америки", как выразился один из советников Трумэна, возможно, порождая «военную панику, чтобы ввести страну в заблуждение». ^{643}

В своих мемуарах Дин Ачисон признавался:

«Задача государственного служащего, стремящегося разъяснить или получить поддержку основной политики, не в том, чтобы написать тезисы докторской диссертации. В донесении смысла квалификация должна уступать место простоте заявления, точности и оттенку глупости, почти жестокости». ^{644}

Министр пропаганды Третьего Рейха Йозеф Геббельс, возможно, не смог бы выразиться лучше.

Круги вокруг Ачисона, Харримана, ключевых военных фигур Пентагона (таких, как генерал Дуглас Макартур) и Рокфеллеров взялись за дело, чтобы фабриковать только такие «реальные и продолжающиеся кризисы».

Корея даёт оправдание

Первый «кризис» начался спустя два месяца после того, как отчет Нитце был роздан тщательно отобранным членам правительства. Кризис случился у проамериканской диктатуры Ли Сын Мана в Южной Корее. Ли Сын Ман после проживания 33 лет в США вернулся с помощью Вашингтона к власти, чтобы взять под свой контроль южнокорейское правительство.

Война для «защиты» Южной Кореи имела много приятных моментов. Во-первых, она косвенно вовлекла бы Советский Союз как главного сторонника северокорейского режима коммуниста Ким Ир Сена. Во-вторых, Рокфеллеры, братья Даллесы и их деловые партнёры вложили огромные деньги в Южную Корею. После победы над Японией США и СССР согласились временно разделить страну по 38-ой параллели, пока не будет восстановлен порядок. Разделение на две страны с самого начала было произвольным и сделанным наспех.

25 июня 1950 года мир получил из Южной Кореи шокирующее сообщение, что северокорейская армия начала массированное вторжение на Юг. Первые сообщения, однако, были противоречивыми. Американский историк Джон Гантэр, тогда с генералом Макартуром находившийся в поездке по Японии, оставил для истории рассказ очевидца, помощника американского генерала взволнованно сообщившем о телефонном звонке из Сеула: «Южнокорейцы напали на Север!»^{645}

Также на вашингтонскую версию событий бросало тень подозрения то, что США созвали экстраординарное собрание Совета Безопасности ООН в тот момент, когда Советы временный бойкотировали мероприятие в знак протеста. Это означало, что Москва не сможет наложить вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, наделяющую «миротворческие силы» ООН (в действительности американские войска под командой Дугласа Макартира) правом «остановить северокорейскую агрессию». Из официальных заявлений американского посольства и Вашингтона был также удобно опущен тот факт, что южнокорейские ВВС за два дня до реакции 25 июня Северной Кореи неоднократно бомбили цели в Северной Корее, а южнокорейские войска прошли маршем и заняли город Хэджу на Севере.

Вопреки этим фактам вся аргументация Вашингтона в защиту вмешательства «ООН» (технически это назвалось «полицейская акция ООН») держалась на том, что коммунистический Север начал массивное не спровоцированное вторжение на Юг. Эта линия поведения Вашингтона воспроизводилась и непосредственно после событий и в течение многих лет спустя во всех американских официальных пропагандистских заявлениях.

Со своей стороны, генерал Макартур потребовал от Трумэна, чтобы вооружённые силы США под его командованием использовали этот межкорейский конфликт как предлог, чтобы перейти в прямое военное наступление непосредственно на Китай с использованием ядерного оружия. Американский министр обороны Луи Джонсон также был убеждён, что немедленная война против режима Мао Дзэдуна прежде, чем он сможет консолидировать власть, будет легче, чем война, которую он считал «неизбежной», позже. Макартур согласился.

Макартур, американский глава Объединённого комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли, министр обороны Джонсон и адвокат Рокфеллера и консультант Государственного департамента Джон Фостер Даллес хотели использовать Корею в качестве стартовой площадки для прямой войны не только против Китая, но и в конечном итоге против самого Советского Союза в Азии.^{646}

В Вашингтоне их идея была отвергнута Харриманом, Ачисоном и другими, которые понимали, что цель этой войны состояла не в том, чтобы «победить» в смысле завоевания Китая и Советов. Скорее Корейская война была вопросом американской большой геополитической стратегии по перемещению фигур на азиатской шахматной доске и мобилизации страхов «холодной» войны в пределах НАТО и среди американского населения, чтобы обеспечить предлог для создания огромного, постоянного американского

государства национальной безопасности. Как только началась эта «война», Конгресс быстро принял «СНБ 68». Дин Ачисон позже заметил:

«Корея... создала стимул, который привёл к действию». ^{647}

Корейская война вынудила большинство американцев прийти к заключению, что СССР действительно помешан на мировом господстве. Она стала тем самым необходимым катализатором для оправдания мобилизации всех национальных ресурсов, чтобы противостоять явной угрозе.

Американская военная пропаганда в СМИ информировала о крупной американской инвестиционной доле в Корее, сообщая аккуратно, что американские банки и фирмы инвестировали в Южную Корею впечатляюще крупную сумму – больше чем 1 250 000 000 долларов. Главным инвестором был «Нешэнл Сити Банк», который контролировал Рокфеллер, а поверенный Рокфеллера Джон Фостер Даллес заседал в совете директоров банка «Нью Кореа Компани» в Сеуле. ^{648}

Корейская война великолепно послужила политической программе вашингтонской фракции «холодной» войны. Американский оборонный бюджет взлетел на 400%, с менее 13 миллиардов долларов в начале войны до свыше 60 миллиардов к её окончанию в 1953 году. Американские марионеточные режимы Чан Кайши в Тайване и Ли Сын Мана в Южной Корее, а также американское Военное правительство Дугласа Макартура в Японии обеспечивали базу для развёртывания американской «холодной» войны в Восточной Азии. Чтобы обеспечить «защиту против коммунизма» в Азии, японской промышленности Японии позволили реорганизоваться в гигантские группы промышленных конгломератов, под присмотром оккупационного правления Макартура, которому способствовал и молодой нью-йоркский банкир по имени Джон Д. Рокфеллер-третий.

С годовым бюджетом в 60 миллиардов долларов Министерство обороны США стало крупнейшим в мире подрядчиком, размещавшим заказы на миллиарды долларов в американской и избранной европейской и японской промышленности для поддержки «боеготовности». Результатом войны в Корее для Германии стало разрешение приступить к восстановлению Рурской сталелитейной промышленности. Военно-промышленный комплекс в течение 1950-х годов разросся до гигантских масштабов. «Холодная» война была запущена с размахом, и «Стандарт Ойл» стал великим благодетелем, обеспечивая топливом военно-воздушные силы, танки, джипы, истребители и прочие транспортные средства Пентагона. Во внутренней американской экономике политические деятели быстро смекнули, что могут проталкивать через Конгресс почти любую программу, если в ней есть слова про «американскую национальную безопасность» и «защиту против тоталитарного безбожного коммунизма».

В 1953 году война и беспокойство американской общественности по поводу национальной безопасности были раздуты до такой крайней степени возбуждения, что президентом был избран отставной военный генерал Эйзенхауэр. Именно Рокфеллеры первоначально убедили Эйзенхауэра пойти на выборы и организовывали деньги Уолл-Стрит в поддержку его предвыборной кампании. После Съезда республиканцев в 1952 году сенатор-изоляционист Роберт Тафт, которого Рокфеллеры обходили молчанием, с горечью заявил:

«С 1936 года каждый кандидат в президенты от Республиканской партии назначается в «Чейз Манхэттен»». ^{649}

Не удивительно, что интересы Рокфеллера играли главную роль в выборе кабинета Эйзенхауэра. Новый президент назначил на пост главы ЦРУ Аллена Даллеса, бывшего президента рокфеллеровского Совета по международным отношениям. ^{650} Аллен Даллес и его брат Джон Фостер, как ранее было отмечено ^{651}, были поверенными интересов Рокфеллера и способствовали различным коммерческим сделкам между «Стандарт Ойл», «Чейз Манхэттен» Рокфеллеров и «И. Г. Фарбен» во времена Третьего Рейха. После войны Аллен Даллес служил начальником резидентуры в швейцарском Берне для Управления стратегических служб (УСС), предшественника ЦРУ. Глава УСС Уильям Дж. Донован

разместил свой первый штаб в комнате 3603 в Рокфеллер-центре.

В дополнение к доминированию Рокфеллеров и Совета по международным отношениям в своей внешнеполитической команде «холодной» войны Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса на весьма важную должность Госсекретаря. Джон Фостер Даллес как партнёр юридической фирмы Уолл-Стрит, «Салливан и Кромвель» представлял «Стандарт Ойл» Рокфеллеров и к тому же являлся попечителем Фонда Рокфеллера.^{652} Кроме господства в двух крупнейших банках Нью-Йорка («Чейз Манхэттен» и «Нэшнл Сити Банк») Рокфеллер управлял крупнейшими нефтяными компаниями в мире, группой «Стандарт Ойл» и многочисленными стратегическими военными отраслями промышленности, химическими компаниями и фирмами агробизнеса. В дополнение к управлению Советом по международным отношениям, а с этого момента (через братьев Даллесов) также Центральным разведывательным управлением США и Государственным департаментом, Нельсон Рокфеллер сам в 1954 году был назначен специальным помощником Эйзенхауэра по стратегии «холодной» войны, ответственным перед президентом за оплошности тайных операций ЦРУ и разработку различных стратегических политических позиций.^{653}

Заговор ЦРУ против фантомных коммунистов

В качестве одного из своих первых действий Даллес уполномочил ЦРУ в 1953 году провести переворот против чрезвычайно популярного и демократически избранного премьер-министра Ирана Мохаммеда Моссадыка, который национализировал «Бритиш Петролеум» («Англо-персидскую нефтяную компанию»), когда последняя отказалась платить более высокие отчисления за свою почти неограниченную власть над добычей иранской нефти. Когда поддерживаемый США шах Ирана после свержения Моссадыка вернулся к власти и установил жестокую диктатуру, контроль над нефтью Ирана из рук «Бритиш Петролеум» перешёл компаниям «Стандарт Ойл» Рокфеллера.^{654}

Вскоре после этого ЦРУ Аллена Даллеса предприняло решительные действия, чтобы свергнуть в 1954 году демократически избранное правительство президента Хакобо Арбенса в Гватемале, утверждая, что оно несло угрозу американскому бизнесу и «было под влиянием коммунистов». На самом деле «бизнесом» был Рокфеллер и связанная с Даллесом «Юнайтед Фрут Компани». Арбенс был националистом, пытавшимся провести умеренную земельную реформу, чтобы дать крестьянам землю за счет крупных иностранных банановых плантаций.

Во время Второй мировой войны, в 1944 году, народ Гватемалы сверг репрессивного правого диктатора Хорхе Убико, и страна провела свои первые в истории настоящие выборы, выбрав президентом доктора Хуана Хосе Аревало Бермехо. Была принята новая Конституция, основанная на американской. Аревало был педагогом, который построил в Гватемале более чем 6 000 школ и придавал особое значение образованию и здравоохранению.

На тот момент Гватемала была во власти сверхбогатых землевладельцев, которые составляли только чуть более 2% населения и владели более 70% земли. Влиятельнейшим землевладельцем была американская «Юнайтед Фрут Компани». 90% главным образом индейского населения было вынуждено владеть мрачное существование только на 10% земли страны, в то время как большая часть земель, принадлежавшая крупным латифундистам, простаивала.

В 1951 году на вторых свободных выборах Аревало сменил Хакобо Арбенс, который продолжил реформаторский процесс Аревало. Арбенс предложил перераспределить часть неиспользованной земли и сделать её доступной безземельному индейскому большинству для ведения сельского хозяйства. Крупнейшим держателем неиспользованной земли в Гватемале была «Юнайтед Фрут Компани», владея невероятными 42% всей земли в стране, и приблизительно 95% из них стояли неиспользованными практически без выплат каких-то

налогов самой Гватемале.

Реагируя на угрозу национализации, «Юнайтед Фруит Компани» мобилизовала своих друзей в правительстве Эйзенхауэра и не в последнюю очередь – братьев Даллесов. Аллен Даллес был главой ЦРУ и братом Госсекретаря Джона Фостера. Оба брата Даллеса начали черную пропагандистскую кампанию, ложно утверждавшую, что при правлении Арбенса Гватемала стала «советским сателлитом».^{655}

Государственный департамент США и «Юнайтед Фруит Компани» предприняли крупную пропагандистскую кампанию, чтобы убедить американский народ и американское правительство, что Гватемала является советским «сателлитом». Связи между «Юнайтед Фруит Компани» и братьями Даллесами брали начало в тех временах, когда старая юридическая фирма Джона Фостера Даллеса «Салливан и Кромвель» долго представляла интересы компании. Аллен Даллес заседал в Совете попечителей «Юнайтед Фруит Компани». Эд Уитман, главный сотрудник отдела связей с общественностью компании, был мужем личного секретаря президента Эйзенхауэра Энн Уитман.

В пропагандистском приложении, которое составило достойную конкуренцию пропагандистским усилиям Вудро Вильсона в Первую мировую войну, Эд Уитман снял фильм «Почему Кремль ненавидит бананы», который рисовал «Юнайтед Фруит Компани» борцом передней линии фронта «холодной» войны. Фильм об успехе фирмы, якобы с боем отбившей свои земли у зла международного коммунизма, был позже описан неким чиновником компании как «диснеевская версия эпизода». «Юнайтед Фруит Компани» оплачивали все расходы американских журналистов на поездки в Гватемалу с целью изучить кризис со стороны «Юнайтед Фруит Компани», и скоро ведущая национальная пресса, включая «Нью-Йорк Таймс», взхлѐб живописала коммунистическую версию гватемальских событий, которой щедро кормила их «Юнайтед Фруит Компани» Уитмана.^{656}

В 1954 году ЦРУ США Даллеса организовало переворот под кодовым названием «Операция PBSUCCESS». Для этого понадобилось вторжение 150 человек под командованием Кастильо Армаса, которого Вашингтон и посадил как «своего» диктатора. «Юнайтед Фруит Компани» никто не трогал. Пропагандистское правдоподобие «холодной» войны значительно возросло.^{657}

Автоматистралли тоже против «советской угрозы»

Даже внутри страны группа Рокфеллера поворачивала климат «холодной» войны к своему решительному преимуществу. Крупнейшей программой государственных инвестиций президента Эйзенхауэра стал Национальный закон о военных автомагистралах и автомагистралах между штатами (Публичный закон 84-627). Закон вошёл в силу 29 июня 1956 года. Конгресс выделил 25 миллиардов долларов на строительство 66 000 км автомагистралей между штатами на период в двадцать лет. К тому моменту это был крупнейший в американской истории государственный проект. Национальная дорожная инфраструктура положила начало послевоенной эпохе автомобильного и грузового транспорта. «Дженерал Моторс» из Детройта и компания «Стандарт Ойл» Рокфеллеров стали основными бенефициариями.

Национальной железнодорожной инфраструктурой сознательно пренебрегали в пользу транспортировки на грузовом и пассажирском транспорте. Одновременно американскую общественность уверяли, что всё делается в её интересах, поскольку эти автомагистралли должны, предположительно, ускорить эвакуацию из городов в случае советского ядерного удара. Как заявил министр обороны Эйзенхауэра и бывший председатель «Дженерал Моторс» Чарльз Уилсон в известном замечании 1955 года: «Что хорошо для "Дженерал Моторс", хорошо и для Америки». Однако к 1957 году, несмотря на, или более точно, из-за создания американского государства национальной безопасности и «холодной» войны, начинали проявляться основные линии разлома в послевоенной американской долларовой

системе Бреттон-Вуда. Американская экономика вошла в серьёзную рецессию. Экономические системы Западной Европы набирали обороты, особенно Федеративная Республика Германия, которая восстановила свою промышленность с самой современной технологией для сталелитейного и других секторов.

Американские корпорации, со своей стороны, на фоне сильного доллара в Европе, Латинской Америке, Африке и во всем мире пренебрегали своей внутренней промышленной инфраструктурой в пользу покупки компаний «под ключ». Когда - то всемогущие американские золотые резервы ФРС (которые были крупнейшими в мире всего лишь за десять лет до того) медленно истощались, поскольку иностранные центральные банки обменивали на золото долларové излишки торговых балансов, чтобы пополнять свои собственные золотые запасы.

Глава 13

Долларовый стандарт завоёвывает мир

«Соединённые Штаты должны после этой войны взрастить в умах такое представление о мировом устройстве, которое позволит нам ставить свои собственные условия, составляющие, возможно, "Пакс Американа"».

– *Госдепартамент США, внутренняя записка, 1942 год* ^{691}

Новый золотой стандарт для нового мирового порядка

К началу Корейской войны в 1950 году расширение нового жизненного пространства Америки включало в себя полное экономическое доминирование на Гавайских островах и Филиппинах, в Либерии, Саудовской Аравии, Греции, Турции и Израиле. США фактически управляли Японией и Западной Германией посредством военной оккупации и удерживали существенный и растущий экономический контроль над Аргентиной, Испанией, Египтом, Таиландом и Югославией.

В Западной Европе с помощью только что созданного ЦРУ Соединённые Штаты управляли правительствами и ключевыми промышленными и финансовыми группами в Бельгии, Норвегии и Италии. А также имели сильное политическое и экономическое влияние в Голландии, Швеции и Франции.

Вашингтон доминировал над экономикой своего южного соседа – Мексики, а также своего северного соседа – Канады. США имели «особые отношения» с Великобританией и поддерживали сильное и растущее присутствие в ключевых странах Британского Содружества, включая Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. Кроме того, Соединённые Штаты расширяли свое присутствие на богатом нефтью Ближнем Востоке и в бывшей голландской колонии – Индонезии. ^{692}

Следуя доктрине Трумэна (номинально разработанной, чтобы оправдать вмешательство в гражданские войны в Греции и Турции), Вашингтон в одностороннем порядке объявил своё право вмешиваться в дела любой страны в мире, чтобы гарантировать там наличие тех правительств, которые его устраивают.

Немногие страны (если таковые вообще были) имели возможность противостоять или возражать Вашингтону. Создание Организации Североатлантического договора (НАТО) позволило США под лозунгом «борьбы с советской коммунистической угрозой свободному миру» в мирное время установить сеть постоянных военных баз (ВМС, ВВС и армии) по

всей Западной Европе от Норвегии до Турции, от Греции до Испании. Под предлогом губительной угрозы «безопасности» Соединённые Штаты также создавали свои военные базы на каждом континенте от Африки до Южной Америки и Азии. Мир, который не находился под прямым политическим контролем СССР или Китайской Народной Республики, стал де-факто великой американской сферой влияния, послевоенным жизненным пространством США.

Одним из влиятельных геополитических мыслителей послевоенного Американского века, иногда называемый «первым воином «холодной» войны», был Джеймс Бёрнхэм, один из оперативников Билла Донована³³ в Управлении стратегических служб (УСС). После войны Бёрнхэм стал соучредителем архиконсервативного журнала «Национальное обозрение» и в 1947 году написал главную оду новой американской мировой державе под скромным заголовком «Борьба за планету». Книга была адаптирована из совершенно секретного меморандума Управления стратегических служб, которую Бёрнхэм в 1944 году подготовил для американской делегации в Ялте по поводу советской геополитической стратегии. Бёрнхэм описывал в самых положительных словах то, что он называл, «американской империей, которая, хотя и не буквально в формальных границах всего мира, будет способна к осуществлению решающего управления миром». ^{693} Видение Бёрнхэма и его рекомендации были решительны и потрясающе недвусмысленны:

«В пределах выделенного времени Соединённые Штаты не могут выиграть жизнеспособное лидерство в мировом политическом порядке, просто обращаясь к рациональному убеждению... Могущество должно заключаться (с известной готовностью использовать его) либо в косвенной форме... экономических санкций, либо в прямой бомбардировке. Как последний резерв в этом ряду могущества будет монопольный контроль атомного оружия». ^{694}

Американский век должен был стать «нешуточным» предприятием. Как выразился Бёрнхэм:

«В конце концов, независимость и свобода – это абстракции». ^{695}

В пределах этого управляемого американцами экономического пространства, охватывающего более 560 миллионов человек, находился обширный потенциальный рынок, превышающий по размеру даже огромные пространства довоенной Британской империи. В первые пять лет своих послевоенных амбиций США удерживали в своих руках экстраординарную власть над большей частью мира в неофициальной экономической империи.

Это произошло благодаря использованию механизмов Бреттон-Вудских институтов – Международного валютного фонда и Всемирного банка. А также благодаря контролю всей западноевропейской экономической политики через План Маршалла и находящуюся в Париже Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), благодаря роли доллара как мировой резервной валюты и центра мировых финансов, и прежде всего, благодаря действиям Денежного Треста нью-йоркских банков и связанных с ним государственных служащих в Вашингтоне.

Демонтаж конкурирующей Британской империи

Германия, бывший военный конкурент Америки в ожесточённой борьбе наследство Британской империи и глобальную гегемонию, после 1945 года была обескровлена и разделена на восток и запад. На фоне больше не представляющей потенциальной угрозы

³³ Уильям Джозеф Донован (1 января 1883 – 8 февраля, 1959) был военнотружашим, юристом и офицером разведки США. В историю вошёл как военный глава Управления стратегических служб (УСС). Также известен как «отец американской разведки» и «отец Центрального разведывательного управления».

Германии первая послевоенная задача Вашингтона и Уолл-Стрит состояла в том, чтобы расчленив Великобританию, своего истощённого, но всё ещё крупного потенциального конкурента. Они проделали эту работу полностью, постоянно восхваляя «дружбу» и англо-американские «особые отношения».

Взяв пример из книги мафиозного этикета дона Корлеоне, политика Вашингтона по отношению к своему ближайшему военному союзнику стала вариацией на тему «падающего подтолкни». В 1941 году, в момент встречи для подписания Атлантической хартии между Рузвельтом и Черчиллем, согласно рассказу очевидца Эллиота Рузвельта (сын Франклина Делано Рузвельта), Черчилль в расстройстве резко выговаривал американскому президенту:

«Господин президент, я полагаю, что Вы пытаетесь покончить с Британской империей. Каждая идея, которую Вы лелеете, о структуре послевоенного мира демонстрирует это. Но, несмотря на это, мы знаем, что Вы составляете нашу единственную надежду».^{696}

Как всегда, Черчилль правильно ухватил суть геополитических амбиций Вашингтона.

Резкое завершение американской помощи по ленд-лизу Великобритании в 1945 году предшествовало трудным переговорам Лондона и Вашингтона по поводу займа на восстановление экономики. В конце концов, Лондон получил этот заём, но на тяжёлых условиях. За эти доллары Вашингтон потребовал «услугу за услугу» – соглашение, что Великобритания и страны её Содружества подчинятся правилу «не допущения дискриминации» в торговле.

Это означало, что усилия Британии военными методами создать своё собственное экономическое пространство с бывшими колониями от Южной Африки до Канады и Австралию, так называемые «Имперские преференции», чтобы уменьшить свою долларовую зависимость, отныне были запрещены.^{697} Вашингтон хорошо знал, где находится Ахиллесова пята британской послевоенной экономики и ударил прямо туда.

Относительное положение Соединённых Штатов и Великобритании во время войны развернулись на 180 градусов. С точки зрения частных иностранных инвестиций, к 1949 году американские зарубежные инвестиции превзошли британские более чем в три раза. Соединённые Штаты (особенно горстка банков в Нью-Йорке) стали «мировым банкиром», отобрав пальму первенства у лондонского Сити.

Когда к этому прибавились и зарубежные инвестиции американского правительства, к 1950 году доля зарубежных инвестиций Соединённых Штатов превысила не только долю Великобритании. Общие зарубежные инвестиции США превысили иностранные инвестиции всех остальных промышленных стран вместе взятых. Великобритания безнадежно отстала. Как администратор послевоенного Бреттон-Вудского долларового стандарта нью-йоркские банки и Вашингтон скоординировали свои усилия таким образом, чтобы максимально усилить рычаги своей новой финансовой власти. Именно у них были доллары, в которых отчаянно нуждался весь остальной мир.

Используя новую доктрину Трумэна, Соединённые Штаты также начали наступление на традиционное британское господство в богатых нефтью странах Ближнего Востока с помощью поставок американского оружия для «оборонительной защиты» от, по их уверениям, «угрозы коммунистического поглощения».

По условиям Плана Маршалла некоторым бывшим европейским колониям, прежде всего в Африке, предписывалось поставлять США достаточный запас стратегического сырья «для обороны». В 1949 году в Европе разразился серьёзный кризис ликвидности, поскольку европейские экономические системы отчаянно боролись за твёрдую валюту – доллары, – чтобы финансировать срочно необходимый импорт. Вашингтон эксплуатировал этот кризис для оказания давления на Великобританию в обесценивании фунта стерлингов, ослабляя тем самым способность Великобритании в дальнейшем использовать свою систему «имперских преференций» в тщетной попытке избежать порабощения своей экономики под диктат доллара.^{698}

НАТО распахивает новые рынки

С подписанием Атлантического Договора и созданием НАТО в апреле 1949 года у Вашингтона появился новый аргумент в пользу своего экономического вмешательства. На место «европейского восстановления» по Плану Маршалла теперь пришло намного более обширное экономическое вмешательство США в дела европейских «партнёров» по НАТО – теперь во имя «военной готовности», «стратегического планирования» и «объединённого командования», всё ради того, что называли «холодной» войной.

США ввели тяжёлые ограничения на торговлю с коммунистическими странами и их сателлитами, что в значительной степени наносило урон традиционным торговым схемам Западной Европы, но не касалось США. Особенно тяжело эти ограничения ударили по Великобритании. Кроме того, при поддержке американского капитала в период Корейской войны быстро восстановилась западногерманская экономика и составила конкуренцию британскому индустриальному экспорту. В результате всех этих недружественных шагов в 1951 году британский долларовый дефицит в платёжном балансе достиг нового послевоенного кризисного уровня.^{699} К 1951 году американские капиталовложения в Канаде, бывшей номинально членом Британского Содружества, возросли с 4 миллиардов долларов в 1939 году до более чем 9 миллиардов, весьма превзойдя британские инвестиции в эту страну, которые к 1948 году упали до 1,6 миллиарда долларов.^{700} По той же схеме проводились американские капиталовложения и в других британских настоящих или бывших колониях, включая Индию, Австралию и Новую Зеландию.

Наиболее геополитически существенным было американское вторжение в традиционную британскую сферу влияния на богатом нефтью Ближнем Востоке. В дополнение к удачному ходу Рузвельта в 1945 году, обеспечившему группу «Стандарт Ойл» Рокфеллера нефтью Саудовской Аравии, американская разведка с удовольствием и пользой для себя использовала конфронтацию между британской «Англо-иранской нефтяной компанией» и националистическим премьер-министром Ирана Моссадыком. В итоге США провели удачный переворот в стране, чтобы воспрепятствовать как национализации Ираном его собственной нефти, так и британскому господству на нефтяных месторождениях Ирана.

В октябре 1951 года премьер-министр Ирана Моссадык предписал, чтобы британцы покинули страну, поскольку, как он объявил перед Генеральной ассамблеей ООН, нефтяные ресурсы Ирана принадлежат иранскому народу. Американская разведка приступила к планированию своего переворота, чтобы вовремя оказаться на месте и принять обширное нефтяное богатство, принадлежавшее ранее британцам. В ноябре 1952 года американским президентом был избран Дуайт Эйзенхауэр, и возглавляемый США переворот начался.

Тем временем, в 1952 году в британской Северной Родезии (названный в честь британского основателя «Круглого стола» Сесила Родса) американский капитал приобрёл контроль над богатым родезийским медным поясом через своё решающее участие в родезийской «Американ Метал Компани».

В Южной Африке группа Рокфеллера, действующая посредством слияния компаний двух банковских групп, «Братя Лазар» и «Ладенбург, Тэльман и К°», приготовилась взять под свой контроль свыше ста южноафриканских индустриальных и добывающих компаний. «Дж. П. Морган и К°» объединилась с влиятельной южноафриканской «Англо-Американ Корпорэйшн» семьи Оппенгеймер, чтобы доминировать в золотодобывающей и горнорудной промышленности. Журнал «Тайм» Генри Льюса назвал это предприятие «первым крупным плацдармом американского капитала в Южной Африке». В тот же самый период нью-йоркский гигант «Кеннекот Коппер Корпорэйшн» вкладывал капитал в два главных новых южноафриканских золотых рудника, в то время как «Ньюмонт Майнинг К°» из Делавара перенимала активы ранее немецких горнорудной и железнодорожной компаний в Юго-Западной Африке.^{701}

Возможно, ничто из минерального богатства Африки не было более ценным в разворачивающемся американском жизненном пространстве, чем огромные запасы урана в

бельгийском Конго, где группировка Рокфеллера во главе с «Чейз Манхэттен Банк» в апреле 1950 года смогла приобрести контрольный миноритарный пакет акций в концессиях Танганьики, которые контролировались бельгийским «Юньон Миньер дю О Катанга». В то время считалось, что область Катанга в юго-восточном Конго содержала свыше 50% разведанных запасов кобальта в мире и 60% всего разведанного урана, жизненно важного для строительства ядерного арсенала Соединённых Штатов на фоне разворачивающейся Корейской войны и последующей американо-советской «холодной» войны.^{702}

Трещины в послевоенном американском здании

Золотые дни американского доминирования в «свободных» денежно-кредитных и экономических делах в мире продлились чуть более десятилетия. Затем в дефектном фундаменте Бреттон-Вудского здания начали появляться трещины. Рецессия 1957 года в период президентства Эйзенхауэра стала первым звоночком о проблемах в долларом мире. В действительности, 1957 год сигнализировал об износе американской военной промышленности (стальных и алюминиевых заводов, станкостроительной промышленности и так далее), которая была выстроена в военный период двадцать лет назад.

Тем временем, к концу 1950-х годов большинство стран Западной Европы, особенно Западная Германия и, в меньшей степени, Франция и Италия возродились в качестве жизнеспособных конкурентов с современными заводами и оборудованием. Мало того, что западные европейцы уже не нуждались в большом объёме американского индустриального импорта, чтобы восстанавливать свои экономические системы, но к 1957 году они начали ещё и экспортировать, составляя прямую конкуренцию американским компаниям.

Крупнейшие промышленные и финансовые корпорации США смотрели за границу в поисках выгоды от политики сильного доллара, и не вкладывали капитал в обновление внутренней промышленности. Успешный запуск советского космического спутника в октябре 1957 года убедительно продемонстрировал, что Америка в технологическом отношении отстала от остальных индустриальных стран.

Во время Корейской войны Соединённые Штаты начали значительно искажать в свою пользу собственные правила Бреттон-Вудского золотого обменного стандарта. Чтобы покрыть свои огромные и растущие военные расходы, Вашингтон выбрал принцип «пушки и масло»³⁴. Он не покрывал свои растущие иностранные долги золотом, как того требовали правила, а с помощью выпуска специальных банкнот ФРС и краткосрочных американских казначейских облигаций. Как только стало понятно, что остальная часть мира продолжала принимать банкноты ФРС, словно они столь же «хороши, как золото», американские финансовые власти решили и дальше наращивать этот поток бумажных долларов в мире без пропорционального увеличения своих золотых резервов.^{703} В реальности, Вашингтон без лишнего шума медленно понижал качество своей собственной валюты относительно остальных своих торговых партнёров, прежде всего относительно Западной Европы.

Начиная с эры Кеннеди, после 1961 года Соединённые Штаты запустили практику существенного торгового дефицита. Для иностранных центральных банков это стало чётким сигналом – прежде, чем эта проблема усугубится, необходимо переводить свои долларовый активный торговый баланс в американское золото и скупать его из хранилищ ФРС. Одновременно американские промышленные магнаты почти прекратили новые существенные инвестиции в американские заводы и оборудование. Вместо этого они принялись инвестировать свои капиталы в ультрасовременные промышленные предприятия в Западной Европе, где доллар был все ещё сильным, а обменные курсы устанавливались по

³⁴ Увеличение затрат на оборону без нанесения ущерба развитию экономики и социальной защите населения.

правилам Бреттон-Вуда.

Кеннеди бьёт тревогу

В 1949 году, накануне Корейской войны золотые запасы Соединённых Штатов превышали общее количество американских долгов иностранным государствам на подавляющие 18 миллиардов долларов. К октябрю 1960- го ситуация резко развернулась на 180 градусов. Иностранные долги США превысили общую стоимость американских золотых резервов на 800 миллионов долларов. За тот же самый период времени прямые иностранные инвестиции и авуары американского долгосрочного корпоративного имущества за границей возросли с 27 миллиардов в 1949 году до свыше 62 миллиардов в 1960-м, почти на 250%.^{704}

Только вопросом времени оставалось, когда остальная часть мира поймёт, что доллар США больше не столь хорош, как золото. И осознает, что, если они хотят приобрести на свои лишние доллары золото, то должны оказаться первыми в очереди у золотого дисконтного окна нью-йоркского банка Федеральной резервной системы. Это означало, что страна-кредитор всей послевоенной Бреттон-Вудской системы, Соединённые Штаты, была уже неспособна оплатить свои краткосрочные долги золотом.

Разрыв между американскими долгами иностранным центральным банкам (прежде всего, немецкому Бундесбанку, Банку Франции и Банку Японии) и золотым запасом в 1960- х годах стал пропастью. В этом состояло колоссальное преимущество для американских корпораций, работающих за границей. В своём первом послание Конгрессу «О положении страны» в январе 1961 года, президент Джон Ф. Кеннеди признал тревожное состояние внутренней американской экономики:

«Мы занимаем свой офис после семи месяцев рецессии, трёх с половиной лет ослабления, семи лет пониженного экономического роста и девяти лет падающего дохода от сельского хозяйства...

Деловые банкротства достигли своего высшего уровня, начиная с Великой депрессии. С 1951 года доход от сельского хозяйства упал на 25%. За исключением краткого периода в 1958 году, страхование по безработице находится на высочайшей отметке в нашей истории. Из приблизительно пяти с половиной миллиона безработных американцев, более одного миллиона искали работу свыше четырёх месяцев...

Почти одна восьмая из тех, кто не имеет работы, живут почти без надежды в почти ста особо депрессивных и тревожащих регионах. Остальные включают новых школьных выпускников, неспособных использовать свои таланты, фермеров, вынужденных прекратить использование своей неполной занятости, что помогало им уравнивать свои семейные бюджеты, квалифицированных рабочих и чернорабочих, уволенных в таких важных отраслях промышленности, как сталелитейная, станкостроительная, автомобильная и текстильная».^{705}

Кеннеди продолжал описывать тревожное состояние американской международной финансовой и денежно-кредитной ситуации:

«С 1958 года... полный дефицит нашего платёжного баланса возрос почти на 11 миллиардов долларов за 3 года, – и держатели долларов за границей перевели их в золото в таком количестве, что это вызвало полный отток золота из наших резервов почти на 5 миллиардов долларов. Дефицит 1959 года был вызван в значительной степени неудачей проникновения нашего экспорта на иностранные рынки и в результате ограничений на наши товары, и в результате наших собственных неконкурентоспособных цен. С другой стороны, дефицит 1960 года, был больше результатом увеличения оттока частного капитала в поисках новых возможностей и намного более высоких прибылей или спекулятивного преимущества за границей».^{706}

И большая часть этого капитала так и оставалась за границей в повторных инвестициях, не возвращаясь домой.

Чтобы защитить доллар, Вашингтон обратился с просьбой к Германии и другим европейским членам НАТО увеличить «свою долю в расходах на оборону». В 1962 году Вашингтон повысил давление на Западную Европу, чтобы удалить тарифные и прочие торговые барьеры американскому импорту в попытке снизить торговый дисбаланс, особо оказывая давление на общую сельскохозяйственную политику Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС), которая была сердцем соглашения между Францией и Германией. Но ничто из этого не возымело большого эффекта.

Кеннеди обыгрывает ФРС

За несколько месяцев работы в Белом доме президент Кеннеди заработал себе много влиятельных врагов, от главы «ЮЭс Стил» до шефа ЦРУ Аллена Даллеса и Пентагона. Однако, вероятно, никто не выступал против Кеннеди более жёстко, чем влиятельные банкиры Уолл-Стрит. Глава «Чейз Манхэттен Банк» и разворачивающийся в качестве наследника могущественной династии Рокфеллеров Дэвид Рокфеллер в июле 1962 года открыто напал на экономическую политику Кеннеди в статье в журнале «Лайф» Генри Льюса. Рокфеллер обвинил Кеннеди в попытке удержать процентные ставки слишком низкими и вместо этого призывал к «финансовой ответственности», которая привела бы к более высоким процентным ставкам и большим прибылям для торговцев государственными облигациями на Уолл-Стрит, в частности и для «Чейз Манхэттен Банк». Со своей стороны Кеннеди был обеспокоен вытаскиванием экономики из семилетней рецессии. ^{707}

За пять месяцев до своей гибели (несколько десятилетий спустя было вскрыто, что это убийство было проведено группой убийц ЦРУ ^{708}), Кеннеди сделал практически неизвестное публике заявление, которое, возможно, стоило ему его жизни.

Президент Кеннеди поступил почти так же, как сделал Авраам Линкольн. Последний в финансировании Гражданской войны избежал зависимости от лондонских кредитов, вместо этого выпуская беспроцентные американские казначейские билеты, собственно, доллары. Кеннеди издал Правительственное распоряжение 11110 от 4 июня 1963 года. Это распоряжение, которое не требовало утверждения в Конгрессе, наделило американское Министерство финансов полномочиями «выпускать серебряные сертификаты против любого серебряного слитка, серебра или стандартных серебряных долларов в Министерстве финансов». ^{709}

Executive Order 11110

AMENDMENT OF EXECUTIVE ORDER NO. 10289 AS AMENDED, RELATING TO THE PERFORMANCE OF
CERTAIN FUNCTIONS AFFECTING THE DEPARTMENT OF THE TREASURY

By virtue of the authority vested in me by section 301 of title 3 of the United States Code, it is ordered as follows:

SECTION 1 Executive Order No. 10289 of September 19, 1951, as amended, is hereby further amended --

(a) By adding at the end of paragraph 1 thereof the following subparagraph (j):

"(j) The authority vested in the President by paragraph (b) of section 43 of the Act of May 12, 1933, as amended (31 U.S.C. 821 (b)), to issue silver certificates against any silver bullion, silver, or standard silver dollars in the Treasury not then held for redemption of any outstanding silver certificates, to prescribe the denominations of such silver certificates, and to coin standard silver dollars and subsidiary silver currency for their redemption," and

(b) By revoking subparagraphs (b) and (c) of paragraph 2 thereof.

SEC. 2 The amendment made by this Order shall not affect any act done, or any right accruing or accrued or any suit or proceeding had or commenced in any civil or criminal cause prior to the date of this Order but all such liabilities shall continue and may be enforced as if said amendments had not been made.

JOHN F. KENNEDY

Рис. 13. Копия судьбоносного Правительственного распоряжения Джона Кеннеди, бросившего вызов Федеральной резервной системе

Это означало, что правительство могло вводить в обращение новые деньги на каждую унцию серебра в хранилище американского Министерства финансов. В целом, Кеннеди принёс в обращение почти 4,3 миллиарда долларов в американских банкнотах номиналом 5 и 2 доллара. Кеннеди был убит, когда были почти готовы к выпуску банкноты США номиналом 20 и 10 долларов. Они никогда не распространялись. Впервые со времён Линкольна президент выпустил беспроцентные деньги, и впервые, когда президент бросил вызов монопольной денежной власти частной Федеральной резервной системы.

Во время президентства Кеннеди председателем ФРС был Уильям Макчесни Мартин-младший. Когда Мартин в 1970 году покинул Вашингтон, пробыв на посту главы Федеральной резервной системы дольше всех своих коллег, он стал директором Фонда братьев Рокфеллеров и их Фонда семьи Рокфеллеров.^{710} ФРС и Рокфеллеры были одной малочисленной и дружной семьей.

Рис. 14. Банкноты, выпущенные в обращение Джоном Кеннеди

После смерти Джона Кеннеди Правительственное распоряжение 11110 было положено под сукно, серебряные сертификаты больше не выпускались, а уже выпущенные выведены из обращения.^{711} Само существование Правительственного распоряжения 11110 было скрыто от общественности и забыто или проигнорировано большинством историков.

Лондонский золотой фонд тает

Утечка американского золота продолжалась несмотря на все меры, и в конце 1961 года Вашингтон убедил Великобританию и европейские центральные банки учредить Международный Золотой фонд, базирующийся в Банке Англии с целью объединить усилия по предотвращению любой паники по поводу золотых резервов любого государства-члена Фонда. Запросы иностранных центральных банков на получение золота за свои избыточные доллары отныне должны были обслуживаться на 50% американской ФРС и на 50% совместно Великобританией, Германией, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Швейцарией. Результатом стало снижение числа требований обмена на золото со стороны основных европейских центральных банков, но ничего не изменилось в запросах на золотой обмен со стороны частных инвесторов.

К октябрю 1962 года прямые частные долларовые инвестиции за границей (американские инвестиции в иностранные фабрики, заводы и прочее, как отмечалось выше) превысили 35 миллиардов, в основном в Западную Европу, Канаду и Латинскую Америку. Несмотря на попытку американского Конгресса замедлить отток американского капитала в Европу и за рубеж через принятый в сентябре 1964 года Закон об уравнительном налоге на доход от процентов, лазейка, освобождающая от налогов инвестиции в Канаду, позволяла долларам безостановочно утекать за границу.^{712} Эти доллары на руках зарубежных держателей становились основанием для растущей угрозы американским золотым резервам, поскольку долларовые держатели подсчитали, что доллар будет только обесцениваться против золота, и таким образом, уходили в твёрдое золото, пока это было возможно.

Операции по поддержке доллара срабатывали только до ноября 1967 года, пока не сломалось слабое звено в Бреттон-Вудской цепочке – британский фунт. Великобритания была вторым столпом послевоенной системы Бреттон-Вуда со своими бывшими колониями в Африке, Азии и повсюду, которые для удобства держали свои золотовалютные резервы в британском фунте стерлингов в банках Лондона.

Несмотря на слабость британской индустриальной экономики (её технологии уже устаревали по сравнению с Западной Германией или Францией), значение Великобритании как финансового посредника помогло сделать лондонский Сити вторым в мире важнейшим центром капиталов после Нью-Йорка. Британские банкиры просто пытались вернуть Лондону то значение, которое он имел перед войной.

Это не сработало. Британские банки, как и их нью-йоркские кузены, предпочитали вкладывать свои средства за границей в ущерб внутренней британской промышленности, всё более слабеющим британской торговле и платёжному балансу, постепенно представляя опасность паритету фунта стерлингов против доллара, который был установлен после девальвации 1949 года. Прибыли на капитал, вкладываемый в европейские отрасли промышленности, составляли 12-14%, в два с лишним раза превышая доходность внутренних американских или британских инвестиций в индустрию.

К середине 1960 - х годов, после того, как Великобритания в попытках стабилизировать свою валюту была вынуждена привлечь две больших ссуды Международного валютного фонда, иностранные держатели фунтов стерлингов, опасаясь неизбежного, начали серьёзные изъятия депозитов из британских банков и перевод стерлингов в золото или другие валюты, наращивая давление на фунт стерлингов. Поскольку частным финансовым спекулянтам препятствовали продавать стерлинг и покупать золото, они вместо этого скупали доллары, создавая иллюзию его усиления. На деле фунт стерлингов оказался слабым звеном во всей послевоенной долларовой Бреттон-Вудской системе. Как только фунт обесценился, внимание немедленно сосредоточилось на глубинной уязвимости доллара США.

Французская муха в британской мутной воде

Когда Линдон Джонсон решил существенно увеличить американское участие в боевых действиях во Вьетнамской войне, всё более расширяя брешь в американском платёжном балансе, в феврале 1965 года французский президент Шарль де Голль произнес речь с резкой критикой международной валютной системы и нежелания США обесценить доллар против золота, чтобы золотой обмен стал соответствовать реальности.

Де Голль вполне справедливо обвинял американских высших чиновников в, по существу, экспорте американской инфляции в Европу, что, таким образом, позволяло финансировать и войну во Вьетнаме и программы внутренней политики – так называемую джонсоновскую программу «пушки и масло», – просто за счёт печати большего количества долларов, за которыми не стояло достаточно золота. Де Голль, вопреки британским и американским возражениям, призывал вернуться к реальному золотому стандарту, который вынудит страны проводить правильную экономическую политику для исправления растущего дефицита в своих платёжных балансах.^{713}

Утечка золота из Великобритании и США только возрастала. В марте 1965 года по настоянию нью-йоркских и других финансовых групп Конгресс принял закон, отменяющий Монетарный акт 1945 года, по которому Федеральная резервная система была обязана держать обеспеченными золотом или застрахованными 25% от полных резервов не только для банкнот ФРС в обращении, но также и для депозитов банков-членов ФРС. Запасы золота Федеральной резервной системы таяли и почти достигли этого 25%-ого порога. Американское положение в качестве оплота послевоенного золотого обменного Бреттон-Вудского стандарта к середине 1960- х значительно пошатнулось.

В 1949 году Соединённые Штаты держали официальный золотой запас приблизительно на 23 миллиардов долларов против 41 миллиарда в целом на депозитах Федеральной резервной системы и банкнот в обращении, что составляло золотое покрытие внушительных 57%. К началу 1965 года золотые запасы уменьшились до 15 миллиардов долларов, в то время как депозиты и банкноты в обращении возросли до 55 миллиардов, золотое покрытие теперь составляло только 27%.

Единственной мухой в денежно-кредитной мутной воде аннулирования принудительного 25%-ого американского золотого покрытия был тот факт, что Бреттон-Вуд установил доллар США не просто как национальную валюту, но как основание для всей мировой платёжной системы.^{714} Весь торговый мир принимал доллары США вместо золота, базируясь на представлении, что доллар твёрдо поддерживается золотом, на которое они могут этот доллар обменять при необходимости.

К концу 1960 - х годов Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Швейцария устойчиво накапливали золото в результате своих положительных торговых балансов. Призыв Франции к существенной девальвации доллара подвергся резкой атаке Уолл-Стрит и Федеральной резервной системы как «предоставление необоснованного преимущества» для стран, которые накапливали золотые запасы. Они так никогда и не потрудились объяснить, что по Бреттон-Вудским соглашениям было «необоснованного» у стран, желающих обменять свои избыточные доллары на золото, а не держать раздутые бумажки.

В действительности девальвация доллара ослабила бы его роль и значение американских транснациональных банков и корпораций в мировой экономике, то, что вызывало у Денежного Треста отвращение даже на стадии простого рассмотрения. Экономический советник де Голля Жак Рюэфф объяснил французскую позицию в статье от 5 июня 1969 года в «Уолл-Стрит Джорнэл». Он указал:

«Цена золота была установлена на текущем уровне в 1934 году президентом Рузвельтом. С тех пор все цены в Соединённых Штатах более чем удвоились».^{715}

Рюэфф утверждал, что экономическая логика требует 100%-ой девальвации доллара к золоту, чтобы вернуть нарушенное равновесие.

К 1967 году Великобритания была вынуждена поддерживать фунт, заимствуя иностранные валюты, сигнал, что конец жёстко закреплённого обменного курса совсем близок. Частный международный спрос на золото взамен стерлинга или долларов в 1967 году резко возрос, вызывая всё более частые интервенции лондонского Золотого фонда Банка Англии.

В соответствии с законом, принятым парламентом в январе 1967 года, Франция приняла полную конвертируемость франка, основываясь на том, что франк был обеспечен золотом более чем на 80%. Этим французы попытались поставить ребром вопрос о срочно необходимой международной денежно-кредитной реформе. Летом 1967 года Франция отказалась от участия в Золотом фонде, не желая больше использовать своё золото в бесполезном усилии поддержать доллар. Результатом стало продолжающееся падение обменного курса фунта и повышение рыночной цены частного золота. Капиталы продолжали убегать в золото.

Спекулянты, делающие ставки только на надёжные вещи, ринулись конвертировать свои фунты в доллары или другие валюты, на которые они затем обычно скупали золото на всех возможных рынках от Франкфурта до Цюриха, от Парижа до Претории. Поскольку частная рыночная цена на золото поднялась относительно неподвижной Бреттон-Вудской цены, сама стабильность доллара как якоря платёжной системы всего мира оказалась под давлением.

В драме, мало чем отличающейся от кризиса фунта против золота в 1931 году, чрезвычайные стерлинговые стабилизационные займы были неспособны остановить давление на стерлинг. Консорциум богатых золотом швейцарских банков во главе с Объединённым банком Швейцарии в октябре 1967 года обеспечил Великобритании ссуду в

104 миллионов долларов. Международный валютный фонд и основные европейские страны отвергли идею дальнейшей поддержки фунта стерлингов. Британское правительство вело переговоры о дополнительном частном швейцарском кредите в 1-3 миллиарда долларов, когда 18 ноября 1967 года премьер-министр от лейбористов Гарольд Уилсон объявил о девальвации фунта против золота на 14%. Новый паритет к доллару был установлен в 2,40 доллара за фунт. Это было намного меньше, чем 30% - ая девальвация 1949 года, но оказалось достаточно существенным в изменившемся мире, чтобы сосредоточить давление на сердце глобальной денежной системы – на американский доллар. ^{716}

США мстят Франции

В ответ на это (как он это рассматривал) невыносимое французское вмешательство в американскую денежную систему Вашингтон, поддерживаемый банками Уолл-Стрит, пошел в полномасштабное экономическое наступление на Францию и французский франк. Причиной стала роль Франции как основной сторонницы денежно-кредитной реформы. Чтобы дискредитировать французскую идею денежно-кредитной реформы, банки Уолл-Стрит и Вашингтон решили подорвать валютную и финансовую стабильность Франции. К началу 1968 года развернулась полномасштабная валютная война, которая, впрочем, открыто не декларировалось. Более того, всё проделывалось негласно, однако всем участникам рынка было очевидно, что позади последующего бегства из франка и утечки французских золотых запасов стояли именно американские банки.

Бегство было спровоцировано нью-йоркскими банками, резко изымавшими свои депозиты из французских банков и скупавшими вместо этого немецкие марки. Это был основной удар. Вашингтон оказал давление на западногерманские банки, чтобы те последовали его примеру, заявляя об общей нехватке уверенности во французской валютной политике, а не о том, что ведётся американская финансовая война. Вашингтон ограничил французский импорт в США и посоветовал американцам не ездить во Францию на каникулы.

Американские компании, которые инвестировали во Францию, начали без лишнего шума выводить свои капиталы из Франции, оказывая дальнейшее давление на франк. ^{717}

Тогда, выбрав момент, который, возможно, едва ли был случайным, малоизвестная радикальная левая анархистская секта, «Ситуационист Интернэшнл» внезапно вырвалась на французскую левую политическую арену, получая экстраординарное освещение в господствующих англо-американских СМИ, таких, как лондонский «Экономист». Они явно появились неизвестно откуда и рисовались как лидеры студенческого правительства в Университете Западный Париж («Нантер-ля-Дефанс») и как влиятельная сила в студенческом движении Сорбонны.

Уолл-Стрит и лондонский Сити воспользовались широко освещавшимся в прессе восстанием студентов Парижского университета в мае 1968 года. Несмотря на очевидность широкого распространения и политического разнообразия студенческого движения вокруг Сорбонны, СМИ в одну ночь сделали молодого радикала, дармоеда-ситуациониста Даниэля Кон-Бендита³⁵ известным как «Че Гевара» французских и германских левых. Кон-Бендит входил в группу, которая организовывала забастовку протеста 12 тысяч студентов в ноябре 1967 года против переполнения университетских помещений. В предыдущие 10 лет учащееся население Франции выросло от 170 000 до 514 000 человек. Общая площадь,

³⁵ Даниэль Марк Кон-Бендит (Daniel Marc Cohn-Bendit, род. 4 апреля 1945 года в Монтобана, Франция) – европейский политический деятель. Лидер студенческих волнений во Франции в мае 1968 года, позднее – деятель французской и германской зелёных партий. С 2002 г. является сопредседателем группы Европейские Зелёные – Европейский свободный альянс в Европарламенте. Один из немногих западноевропейских политиков участвующий в политической жизни двух стран (Германии и Франции).

покрытая университетскими зданиями, с 1962 года удвоилась, но число студентов почти утроилось. Строения отчаянно не соответствовали новой ситуации, и переполнение зданий стало серьёзной проблемой. Это было фоном или социальным трудом. Требовалось совсем немного, чтобы высечь искру.^{718}

Позиции де Голля были ослаблены, а общественная поддержка тяжело пострадала от финансового кризиса и жестокости полиции против студентов и их сторонников в мае 1968 года, события, которые агентства американской разведки, действовавшие в гуще студентов, по крайней мере, поощряли.^{719} Год спустя, в апреле 1969 де Голль ушел в отставку.

Круги, управляющие финансовой атакой на франк искусно распустили слух, что немецкую марку собираются повторно повысить против франка, что и далее подпитывало панические продажи французской валюты и утечку французского золота. Когда накал студенческих протестов спал, результат финансового кризиса стал очевидным: разрушительная утечка французских резервов и ухудшение международной финансовой способности Франции стать угрозой доллару.

Между мартом 1968 года и мартом 1969- го французские золотовалютные резервы упали на 80%, поскольку Банк Франции безуспешно попытался защитить паритет франка к доллару. К августу 1969 года Франция была вынуждена обесценить свою валюту на 12%. К октябрю западногерманские финансовые органы были вынуждены переоценить немецкую марку на 8% выше, увеличив на 20% разрыв между двумя самыми сильными экономическими системами Европейского Экономического Сообщества.

Германия была не в том положении, чтобы поддержать французское требование реформы денежно-кредитного порядка или сопротивляться давлению американских банков, требующих присоединиться к атаке на франк. Она боялась вывода американских войск, на что намекнул Вашингтон. Без американского военного присутствия как последней гарантии американского ядерного зонтика Германия чувствовала себя перед СССР очень неудобно.

С помощью финансовой атаки на режим де Голля Уолл-Стрит и Федеральная резервная система выиграли немного времени прежде, чем фокус внимания снова вернулся к уязвимости доллара. Отсрочка продлилась недолго. Атаки на доллар скоро возобновились.

Глава 14

Никсон отказывается от правил Бреттон-Вуда

«Вы видели, как США затмили Великобританию и любую другую построившую империю страну в истории. Мы провернули самый большой грабеж, когда-либо имевший успех».

– *Герман Кан* из Гудзонского института в 1971 году, когда информировал, как можно использовать американский платёжный дефицит, чтобы эксплуатировать другие страны^{749}

1971: вступление в завершающую фазу борьбы

Начало 1970 - х годов стало для американского истеблишмента политическим водоразделом. Понадобились решительные шаги, чтобы гарантировать длительное господство США в качестве глобальной экономической и финансовой супердержавы. И отнюдь не было очевидно, как это будет проделано. Однако достаточно скоро силы, которые доминировали над Уолл-Стрит, разработали необходимую стратегию.

На фоне эскалации войны Линдона Джонсона в Юго-Восточной Азии и роста затрат на

неё, международные и центральные банки ускоряли продажи своих долларов и скупку золота. К 1968 году федеральный американский бюджетный дефицит, питаемый стремительно растущими военными расходами, достиг беспрецедентной отметки в 30 миллиардов долларов. Золотой запас продолжал снижаться, приближаясь к сомнительному порогу 25%, позволенному законом в соответствии с Бреттон-Вудским соглашением. Политическая неразбериха в правительстве Джонсона, когда подал в отставку министр обороны Роберт Макнамара (которого повсюду рассматривали как архитектора «безнадёжной военной стратегии»), ускорила финансовое разорение.

Министром обороны Робертом Макнамарой, советником по вопросам национальной безопасности Макджорджем Банди, планировщиками из Пентагона и ключевыми советниками вокруг Линдона Джонсона была сознательно разработана такая стратегия войны во Вьетнаме, чтобы она с самого начала была именно «безнадёжной войной» и тем самым гарантировала длительное наращивание военного сектора американской экономики.

Американский избиратель, рассуждали в Вашингтоне, будет соглашаться на крупные новые военные затраты против предполагаемого «вторжения безбожного коммунизма» во Вьетнаме, несмотря на зияющие дыры в американском бюджете, пока этот процесс образует новые рабочие места на оборонных заводах.

В соответствии с продиктованными США правилами Бреттон-Вуда, раздувая доллар через огромный дефицит расходов внутри страны, Вашингтон реально мог вынудить Европу и других торговых партнёров «проглотить» американские военные затраты в форме дешевающих долларов. Пока Соединённые Штаты отказывались обесценивать доллар против золота, что отразил бы ухудшение американских экономических показателей с 1944 года, Европа должна была платить эту цену и принимать доллары в соотношении двадцатилетней давности, несмотря на огромную инфляцию за прошедший период.

Чтобы финансировать огромный бюджетный дефицит своей программы «Великое общество», а также эскалацию расходов на вьетнамскую войну в течение 1960-х годов, Джонсон, опасаясь потери голосов в результате подъёма налогов, просто печатал доллары, продавая всё больше американских казначейских облигаций. В начале 1960-х дефицит федерального бюджета США составлял в среднем приблизительно 3 миллиарда долларов ежегодно. Он достиг тревожных 9 миллиардов долларов в 1967 году, когда взлетели военные расходы, и к 1968 году достиг ошеломительных 25 миллиардов.

В течение этого периода европейские центральные банки начали накапливать крупные долларовые счета, которые они использовали в качестве официальных резервов, так называемые зарубежные евродолларовые накопления. По иронии судьбы, в 1961 году Вашингтон просил, чтобы американские союзники в Европе и Японии (Группа де сяти³⁶) ослабили утечку американских золотых запасов и держали свои растущие резервы в долларах вместо обмена их на американское золото, как полагалось по правилам Бреттон-Вуда.

Европейские центральные банки в свою очередь платили проценты по этим долларам, вкладывая капитал в американские правительственные казначейские облигации. Результирующий эффект состоял в том, что европейские центральные банки, таким образом, в действительности «оплачивали» огромный бюджетный дефицит времён войны во Вьетнаме в 1960-х годах, против которой они так выступали.^{750}

«Горячие деньги» на офшорном евродолларовом рынке

³⁶ Группа десяти (The Group of Ten, сокр. G10) десять (изначально) государств, подписавших в 1962 году в Париже Генеральное соглашение о займах, которое предполагало возможность МВФ пополнять свои средства путём займов у правительств государств-членов Группы для осуществления своей деятельности, т.е. для кредитования других государств-членов Фонда.

Начиная конца 1950-х годов основные нью-йоркские банки весьма увеличили своё могущество и влияние через ряд слияний. «Чейз Нэшнл Банк» Рокфеллера слился с «Банк оф Манхэттен», чтобы сформировать «Чейз Манхэттен Банк», возглавляемый Джоном Дж. Макклоем, поверенным Рокфеллера и попечителем Фонда Рокфеллера, а также председателем нью-йоркского Совета по международным отношениям. Незадолго до этого Макклой вернулся в Нью-Йорк после службы в качестве американского Верховного комиссара в Германии. «Нэшнл Сити Банк» Нью-Йорк» поглотил «Первый национальный банк Нью-Йорка», чтобы сформировать «Сити Банк оф Нью-Йорк» (позже «Ситибанк») под председательством Джеймса Стиллмана Рокфеллера.

Другие крупные нью-йоркские банки, включая «Кемикал Банк», «Мануфакчерс Гановер Траст» и «Банкерс Траст» прошли схожие слияния и консолидации. Согласно отчету Министерства юстиции США 1961 года, пять крупнейших нью-йоркских банков при доминировании двух банков Рокфеллера управляли 75% всех депозитов в крупнейшем городе страны и мировом международном финансовом центре.^{751}

Эта примечательная концентрация денежной власти в руках небольшого числа нью-йоркских банков к 1960-м годам окажется решающей в определении международных политических и финансовых событий в течение последующих сорока лет и финансового кризиса секьюритизации 2007 года.

Чтобы облегчить эту экстраординарную концентрацию финансовой власти, американское правительство освободило банки от американских антимонопольных законов, запрещающих неуместную концентрацию или образование картелей.^{752}

К 1960-м годам эти недавно объединённые и чрезвычайно влиятельные нью-йоркские банки предприняли меры, чтобы создать новый офшорный рынок для долларов вне Соединённых Штатов – новый рынок «евродолларов», как называли доллары в руках держателей за границей в Европе.

В конце 1960-х нью-йоркские банки во главе с «Чейз Манхэттен» и «Ситибанк» начали разрабатывать методы использования миллиардов долларов, накапливающихся за границей в лондонских и континентальных европейских банках. С помощью дальновидного лоббирования нью-йоркскими банками, ссуды, сделанные иностранными отделениями американских банков иностранцам, были объявлены освобожденными от нового американского уравнивающего налога на доход от процентов от 1964 года, разработанного с тем, чтобы обуздать американские заграничные банковские ссуды и остановить утечку долларов. Это освобождение, разумеется, означало, что утечка продолжилась с новой силой.

В результате американские банки всячески изворачивались, чтобы учредить свои отделения в Лондоне и других подходящих центрах. Лондонский Сити, несмотря на слабость британской экономики, снова маневрировал, чтобы стать центральным элементом мировых финансов и банковского дела с помощью развития обширного нового и нерегулируемого долларового банкинга и рынка кредитования с центром в Лондоне.^{753}

Усилия Вашингтона убедить заграничных держателей долларов не обменивать свои доллары на золото привели к тому, что рос объём долларов, надолго оседавший за границей, главным образом в Западной Европе или в Лондоне. Ослабевающая фортуна Лондона снова начала укрепляться по мере того, как лондонский Сити, банковский район, приступил к монополизации рынка зарубежных долларов. Банк Англии и лондонский банкир сэр Зигмунд Варбург, основатель влиятельного британского инвестиционного банка «Эс. Дж. Варбург и К°», стоял у колыбели только что родившегося евродолларового офшорного денежного рынка. С помощью своих друзей в Вашингтоне, особенно заместителя государственного секретаря Джорджа Болла, Варбург умело привлекал доллары в то, что станет крупнейшей концентрацией долларового кредитования за пределами самих США.

Получающийся лондонский рынок евродолларов был также «офшорным», то есть находился вне юрисдикции американских внутригосударственных законов и вне надзора центрального банка.

Нью-йоркские банки и брокерские фирмы Уолл-Стрит учреждали офисы в Лондоне, чтобы управлять расцветающим новым евродолларовым казино вдалеке от внимательных глаз американских налоговых органов. Международные отделения крупных нью-йоркских банков наряду с крупными транснациональными корпорациями получали с рынка евродолларов дешёвые деньги. Вашингтон в начале 1960-х охотно позволял обширное бегство доллара от американских берегов на новый рынок евродолларовых «горячих денег».

Покупателями этих новых еврооблигаций стали анонимные банкиры Лондона, Швейцарии и Нью-Йорка, управлявшие этой новой игрой. Их цинично прозвали «бельгийскими дантистами», поскольку еврооблигации оформлялись на «предъявителя», то есть нигде никакие имена не регистрировались. Таким образом, новые бонды стали фаворитами для инвесторов, ищущих уклонения от уплаты налогов, или даже для наркобаронов или прочих сомнительных лиц, желавших отмыть незаконные прибыли. Где же ещё лучше держать свой «чёрный» доход, чем в евродолларовых бондах с процентами, выплачиваемыми «Дженера Моторс» или «Италиян Аутострада Корпорэйшн»? Один проницательный аналитик отмечал по поводу этого процесса:

«Рынок евродолларов был самым важным финансовым явлением 1960-х годов, ибо именно здесь зарождалось финансовое землетрясение начала 1970-х».^{754}

Основной поворотный момент в отношении главных нью-йоркских банков к своему быстро растущему накоплению евродолларов имел место в 1966 году. Как и большинство основных новых поворотов послевоенной американской финансовой политики, всё началось с «Чейз Манхэттен Банк» Рокфеллеров.

«Чейз» направился в Ливан

В 1966 году внутри банка была распространена конфиденциальная внутренняя записка на предмет неблагоприятного положения, в котором американские (то есть нью-йоркские) банки находились при завоевании прибыльного мирового рынка для «вывозимого за рубеж капитала». Записка указала на преимущества, которыми обладают швейцарские банки, господствовавшие на прибыльном рынке в управлении и получении прибыли от скрытых состояний диктаторов, таких, как Маркое на Филиппинах, саудовские принцы, наркобароны и прочие. Записка предложила, чтобы «Чейз» открыл иностранное юридическое лицо для захвата крупной доли быстро развивающегося офшорного зарубежного капитала или «горячих денег». «Ситибанк» уже начал такую прибыльную банковскую операцию с «горячими деньгами» в связи с деятельностью Берни Корнфельда, артистичного мастера мошенничества и основателя «Инвестор Оверсиз Сервисес».^{755}

Внутренняя записка «Чейз» указывала на ливанский Бейрут как образцовое место. Весь Бейрут был во власти одного банка, «Интра Банк», и его аффилированного «Казино дю Либан», в то время крупнейшего в мире предприятия для азартных игр и отмывания денег, крупнее даже Лас-Вегаса.^{756} При подозрительных обстоятельствах в 1966 году «Интра Банк» потерял свою платёжеспособность. В тот момент, когда банк нуждался в займе для покрытия акций и убытков от торговли золотом, король Саудовской Аравии, который, как известно, редко осмеливался принимать решения, не посоветовавшись сначала с Вашингтоном, внезапно изъял из банка свой существенный депозит. Затем «Чейз Манхэттен Банк» приступил к замораживанию депозитов «Интра Банк» в Нью-Йорке в качестве залога за выданные ссуды. 14 октября 1966 года бейрутский банк был вынужден остановить платежи. Его вкладчики из соображений «безопасности» передали свои средства бейрутскому отделению «Чейз Манхэттен».

Затем «Чейз» прислал в Ливан посредника Роджера Тамраза, честолюбивого человека ливанского происхождения, который на тот момент был молодым руководителем в «Киддер Пибоди и К°» на Уолл-Стрит. Тамраз успешно реорганизовал этот крупный ливанский банк. «Интра Банк» был основан в Бейруте в 1951 году и владел бейрутской портовой

администрацией, «Ближневосточными авиалиниями» и «Казино дю Либан». Крах банка почти уничтожил ливанскую экономику, а ударная волна последствий прокатилась по всему Ближнему Востоку. Это была крупнейшая в мире банковская катастрофа, начиная со Второй мировой войны.^{757}

Рискованное предприятие «Чейз Манхэттен» в банкинге ливанских офшорных «горячих денег» отметило начало основного уклонения влиятельных нью-йоркских валютных банков из-под надзора правительственных регуляторов и исполнения налоговых обязательств. Прибыли были невероятными. Поскольку они были офшорными и были де-факто разрешены американскими властями, они являлись абсолютно бесконтрольными.

Этот набег на офшорное банковское дело отметил кардинальные изменения в нью-йоркской банковской практике, значение которых стремительно возрастёт в течение последующих тридцати с лишним лет. «Чейз Манхэттен», «Ситибанк» и другие основные американские денежные банковские центры отмоют сотни миллиардов долларов незаконных «горячих денег», не задавая вопросов, откуда они взялись, от благоприятных ли для США диктаторов, таких, как Фердинанд Маркос с Филиппин, Шах Реза Пехлеви из Ирана, Рауль Салинас де Гортари из Мексики, или же это деньги наркокартеля Хуареса, передаваемые Уругваю и Аргентине, или это деньги бесчисленных других спорных и политически неоднозначных сделок.^{758} Очевидно, что теперь было только вопросом времени, когда именно основополагающая структура послевоенной Бреттон-Вудской системы даст трещину.

Окончательно вся система рухнула 15 августа 1971 года, когда президент Ричард Никсон объявил миру, что приказал надолго закрыть Золотое дисконтное окно нью-йоркского банка Федеральной резервной системы. У иностранных держателей долларов без предупреждения односторонним действием американского президента и в нарушении договорных обязательств США было отнято их право на золотой обмен.

Долларовый переворот Никсона

В августе 1971 года Никсон действовал по подсказке узкого круга связанных с Рокфеллером советников, включая Госсекретаря Генри Киссинджера, давнего проводника интересов Рокфеллеров, и советника по бюджету Джорджа Шульца, позже Госсекретаря и председателя обширного строительного гиганта «Бехтель». Этот узкий круг также включал Джека Ф. Беннетта из Министерства финансов, который стал директором «Эксон Ойл К°» Рокфеллера, и заместителя министра финансов по международным денежно-кредитным отношениям и бывшего управляющего «Чейз Манхэттен Банк» Пола Волкера, также всю свою жизнь бывшего инструментом реализации интересов Рокфеллеров. Восемь лет спустя Волкер по настоянию Дэвида Рокфеллера станет кандидатом Джимми Картера на пост главы ФРС.^{759}

Одностороннее действие Никсона по отмене золотой конвертации было неохотно принято ведущими европейскими правительствами, Японией и немногими другими на международных переговорах в декабре того же года в Вашингтоне. У них не было особого выбора, поскольку доллар являлся столпом мировой финансовой системы. Переговоры привели к временному компромиссу, известному как Смитсоновское соглашение, которое Никсон назвал «самым существенным денежно-кредитным соглашением в мировой истории».

США формально обесценили доллар, но не настолько, по мнению Европы, насколько было необходимо для восстановления глобального равновесия. Доллар был обесценен против золота на почти 8%, так что золотая унция стала стоить 38 долларов США вместо предыдущих 35-ти. Соглашение также официально разрешало диапазон колебания стоимости валюты 2,25% вместо изначального 1% Бреттон-Вудского правила для Международного валютного фонда. Французы призвали к цене на золото 70 долларов за унцию.

Однако, объявив мировым держателям долларов, что их ценные бумаги больше не будут выкупаться за золото, Никсон запустил в движение серию событий, которые потрясут мир. Уже через несколько недель уверенность в Смитсоновском соглашении начала исчезать.

У самого золота есть небольшая внутренне присущая ему стоимость. Оно имеет определённое индустриальное использование и привлекательно как драгоценности. Но исторически из-за своего дефицита золото служило признанным стандартом или средством сбережения для различных стран при установлении правил торговли между собой и, следовательно, при определении стоимости своих валют. Когда Никсон решил больше не соблюдать американские валютные обязательства в золоте, он открыл широкую дорогу для разгула международных спекуляций в стиле Лас-Вегаса с никогда прежде виданным в истории размахом.

Вместо того чтобы привести долгосрочные экономические связи к фиксированным стандартам обмена, после августа 1971 года мировая торговля стала просто ещё одной площадкой для спекуляций о том, в каком направлении будут колебаться различные валюты. Отныне США были вольны создавать столько долларов, сколько пожелают, не связанные больше необходимостью поддерживать новые доллары золотом. Пока остальная часть мира будет принимать американские бумажные доллары, игра будет продолжаться. Пока Соединённые Штаты оставались основной западной военной силой в мире, мир поглощал раздутые доллары США. Во время «холодной» войны выбора почти не было. Если связанные с США страны иногда забывали об этом, то Вашингтон или его эмиссары с Уолл-Стрит грубо напоминали им об этом.

Как следствие суммарный объём долларов США в мировом обращении за следующие двадцать лет взлетел до небес. От довольно устойчивого уровня, который сохранялся с 1950 года до конца 1960-х, после 1971-го объём долларов рос по экспоненте, увеличившись больше чем на 2500% к концу 1990-х. Эта эмиссия долларов стала источником нарастающей глобальной инфляции. Для нью-йоркских банкиров управление растущим долларовым рынком стало источником огромной власти и прибыли.^{760}

Приостановка обмена на золото и возникновение международных «плавающих обменных курсов» в начале 1970-х ничего не решала с точки зрения основных проблем американской экономики. Этим было только куплено некоторое время для американских финансовых властей, чтобы решить, что им делать дальше. К 1972 году массивный поток капитала снова направлял доллар за более высокими прибылями в Японию и Европу. Тогда 12 февраля 1973 года Никсон наконец объявил о второй девальвации доллара на 10% против золота, официально оценив золото в 42,22 доллара за унцию, и этот уровень сохранялся вплоть до 2009 года.

Эта девальвация ничего не сделала, чтобы остановить долларовую распродажу. Однако в мае 1973 года на курортном острове неподалёку от Стокгольма произошла одна строго секретная встреча, на которой доллар получил второе дыхание, дыхание за счёт мирового индустриального роста.

Уолл-Стрит и вашингтонская властная элита вокруг госсекретаря Генри Киссинджера решили подвергнуть мировую экономику резкому шоку, чтобы спасти падающий доллар в качестве актива мировой торговли и финансов и восстановить его как столп американской экономической имперской стратегии.

Сальтшёбаден: бильдербергский заговор

Замысел, стоявший позади долларовой стратегии Никсона 15 августа 1971 года не был очевиден до октября 1973-го, да и тогда лишь немногие кроме горстки посвященных лиц ухватили связь между событиями. Нью-йоркский финансовый истеблишмент использовал августовское никсоновское лишение доллара стандартной стоимости для того, чтобы

выиграть время, пока политические инсайдеры готовили новую смелую валютную схему, «смену парадигмы», как некоторые предпочитали это называть. Определенные влиятельные лица в американском финансовом истеблишменте разрабатывали стратегию восстановления сильного доллара, чтобы вновь утвердить и расширить свою относительную политическую власть в мире как раз в тот самый момент, когда, казалось, они потерпели решительное поражение.

В мае 1973 года на фоне всё ещё наглядного резкого падения доллара группа 84 основных финансовых и политических мировых инсайдеров встретила на изолированном островном курорте шведской банковской семьи Валленбергов на Сальтшёбадене, Швеция. Это собрание позже стало известным как Бильдербергская группа принца Бернарда. На встрече группа заслушала американского докладчика из числа участников, который в общих чертах обрисовал «сценарий» неизбежного 400%-ого увеличения нефтяных доходов ОПЕК. Цель секретной встречи на Сальтшёбадене состояла не в том, чтобы предотвратить ожидаемый взрыв цен на нефть, а скорее распланировать, как управлять предстоящим наплывом нефтяных долларов, что госсекретарь США Киссинджер позже назвал «рециркуляцией потоков нефтедолларов».^{761}

Ежегодные собрания Бильдербергской группы начались в предельной тайне в мае 1954 года и были встречами элитной трансатлантической группы, которая включала Дэвида Рокфеллера, Джорджа Болла, доктора Йозефа Ретингера, принца-консорта Голландии Бернарда и Джорджа К. МакГи, бывшего тогда дипломатом в Госдепартаменте США, а позже руководителем высшего ранга в «Мобил Ойл» Рокфеллера.

Названный по имени места своего первого собрания «Отель де Бильдерберг» около Арнхайма в Нидерландах, ежегодные Бильдербергские встречи собирали основные элиты Европы и Америки для секретных совещаний и политических дискуссий. Итоговый «сформированный» консенсус затем тщательно пропагандировался в последующих комментариях прессы и освещался в СМИ, но собственно Бильдербергские переговоры никогда при этом не упоминались. Этот Бильдербергский процесс являлся одним из самых эффективных способов формирования англо-американской послевоенной политики.^{762}

На встрече 1973 года американским спикером был Уолтер Леви, консультант компаний «Стандарт Ойл» Рокфеллера. Леви объяснял собравшимся грядущую атлантическо-японскую энергетическую политику. После демонстрации того, что будущие мировые потребности в нефти будут удовлетворяться небольшим количеством ближневосточных стран-производителей нефти, Леви пророчески заявил:

«Цена этого импорта нефти многократно возрастет со сложными последствиями для платёжного баланса стран-потребителей. Возникнут серьёзные проблемы в связи с беспрецедентным количеством иностранной валюты, накопленной такими странами, как Саудовская Аравия и Абу Даби... Происходит полная перемена в политических, стратегических и силовых отношениях между транснациональными нефтяными компаниями нефтедобывающих и импортирующих стран и национальными нефтяными компаниями добывающих и импортирующих стран».^{763} Тогда же он спрогнозировал повышение доходов ОПЕК от добычи нефти на Ближнем Востоке, которое достигнет более чем 400%, тот самый уровень, который Киссинджер вскоре потребует от шаха Ирана.

В мае 1972-го, за год до бильдербергских переговоров на Сальтшёбадене, шах встретился с Киссинджером и президентом Никсоном в Тегеране. Никсон и Киссинджер пообещали шаху, что он сможет покупать любую американскую военную технику, которую пожелает, из американского оборонного арсенала, кроме ядерного оружия, и ему разрешат сделать это без одобрения Конгресса США.

Чтобы финансировать эти огромные закупки, шах нуждался в значительно более высоких доходах от добычи нефти. Банком Ирана, конечно, был «Чейз Манхэттен Банк», он же был личным банком шаха, банком «Национальной иранской нефтяной компании», семейным банком Пехлеви и банком «Фонда Пехлеви». Вся финансовая империя режима Пехлеви управлялась Рокфеллером сверху донизу.^{764}

Понадобился всего лишь год после встречи между Киссинджером, Никсоном и шахом в мае 1972-го, чтобы появилась новая стратегия Уолл-Стрит, изложенная для элиты политических воротил Европы и Соединённых Штатов на Бильдербергской встрече на Сальтшёбадене.

Шведская зима в мае

В том мае на Сальтшёбадене присутствовали, конечно же, Дэвид Рокфеллер из банка «Чейз Манхэттен», в то время признанный «глава совета директоров» американского истеблишмента; Роберт Андерсон из «Атлантик Ричфилд Ойл»; лорд Гринхилл из «Бритиш Петролеум»; сэр Эрик Ролл из «Эс. Дж. Варбург», создатель еврооблигаций; Джордж Болл из инвестиционного банка «Леман Бразерс», человек который лет за десять до того в качестве помощника госсекретаря посоветовал своему другу-банкиру Зигмунду Варбургу создать рынок еврооблигаций в Лондоне; Збигнев Бжезинский, вскоре ставший советником по национальной безопасности при президенте Картере; среди прочих присутствовали глава автомобильного концерна «Фиат» итальянец Джанни Аньелли и глава концерна «Отто-Вольф», первый немец, вошедший в совет директоров «Эссо», возможно, самый влиятельный финансист в послевоенной Германии Отто Вольф фон Амеронген. Генри Киссинджер всегда являлся регулярным участником на Бильдербергских собраниях.

В мае 1973 года влиятельные люди из Бильдерберга, очевидно, решили начать грандиозное наступление против мирового индустриального роста, для того чтобы склонить чашу весов в пользу финансовых интересов Уолл-Стрит и особенно для поддержки пошатнувшегося доллара – ядра их глобальной финансовой и экономической власти. Чтобы этого достичь, они выбрали своё самое знаменитое оружие – контроль над мировыми потоками нефти.

Бильдербергская политика была осуществлена шесть месяцев спустя в октябре 1973 года, когда американская дипломатия сделала всё, чтобы спровоцировать мировое нефтяное эмбарго, достаточно шокирующее, чтобы вызвать намеченный значительный рост мировых цен на нефть. С 1945 года мировая нефтяная торговля обычно велась в долларах США, поскольку над послевоенным рынком доминировали американские нефтяные компании. Поэтому резкое и внезапное увеличение мировых цен на нефть одновременно означало столь же значительный рост мирового спроса на доллары США, чтобы платить за эту необходимую нефть. Это привело помимо превращения «Эксон» «Мобил Ойл» и других компаний Рокфеллера в крупнейшие корпорации в мире к превращению обслуживающих их банков («Чейз Манхэттен», «Ситибанк» и небольшая горстка других) в крупнейшие в мире банки.

Американский финансовый истеблишмент, в котором доминировал Рокфеллер, решил использовать свою основанное на нефти могущество в манере, которую никто не мог себе представить. Сама возмутительность этой схемы сыграла им на руку. Никто не мог и представить себе, чтобы подобные вещи могли быть преднамеренными. Но это было именно так.^{765}

Война Судного дня и «Ойл Шокку»

Египет и Сирия вторглись в Израиль 6 октября 1973 года, начав войну, известную под названием «Война Судного дня». «Война Судного дня» отнюдь не была простым результатом просчёта, промаха или арабского решения нанести военный удар по государству Израиль. Вся совокупность событий вокруг начала октябрьской войны была срежиссирована Вашингтоном и Лондоном с эффективным использованием тайных дипломатических каналов, созданных советником по национальной безопасности в администрации Никсона

Генри Киссинджером.

Киссинджер эффективно контролировал линию поведения и ответы Израиля через своего близкого друга Симху Диница, израильского посла в Вашингтоне. Кроме этого, Киссинджер заботливо возвращал каналы связи с египетской и сирийской сторонами. Его метод заключался в передаче каждой стороне неверных критических сведений о другой с тем, чтобы гарантировать развязывание войны и последующее арабское нефтяное эмбарго.

Король Саудовской Аравии Фейсал неоднократно ясно давал понять Киссинджеру и Вашингтону, что последствием продолжающихся односторонних поставок США американских вооружений в Израиль станет эмбарго ОПЕК на нефтяные ресурсы в США. ^{766} Фейсал не просто слегка угрожал своим американским друзьям.

Данные американской разведки, включающие перехваченные переговоры арабских официальных лиц подтверждали подготовку к войне. Киссинджер, к тому времени бывший полномочным ответственным за разведку у Никсона, по слухам, замалчивал эти доклады.

Война вызвала тот самый шок нефтяных цен, который обсуждался на майской встрече на Сальтшёбадене примерно за шесть месяцев до начала войны.

ОПЕК и арабские нефтедобывающие страны должны были стать козлами отпущения для ожидаемой гневной реакции мирового сообщества на грядущее нефтяное эмбарго, наложенное на США и Европу и приведшее к скачку нефтяных цен, в то время как реально ответственные за войну англо-американские круги незаметно оставались на заднем плане в готовности пожать плоды этого потрясения. ^{767}

В середине октября 1973 года немецкое правительство канцлера Вилли Брандта заявило послу США в Бонне, что Германия сохраняет нейтралитет в ближневосточном конфликте и не позволит США доставлять Израилю оружие и боеприпасы с немецких военных баз. 30 октября 1973 года Никсон послал канцлеру Брандту резкую ноту протеста, скорее всего составленную Киссинджером:

«Мы признаем, что европейцы больше, чем мы, зависят от арабской нефти, но мы не согласны с тем, что ваша уязвимость становится меньше оттого, что вы отделяете себя от нас в деле такой важности... Вы отмечаете, что этот кризис не был случаем общей ответственности для Альянса, и что военные поставки Израилю служили целям, не являющимся частью ответственности Альянса. Я не верю, что мы можем делать такие тонкие различия...». ^{768}

Вашингтон не позволил Германии заявить о своём нейтралитете в ближневосточном конфликте. Однако же, что характерно, Британии было разрешено ясно объявить о своей нейтральности и избежать таким образом последствий арабского нефтяного эмбарго. Лондон вновь искусно миновал ловушки международного кризиса, в котором сам же сыграл немалую роль. Великобритания очевидно была инсайдером в вопросах, связанных с англо-американским нефтяным контролем. Германия как главный европейский индустриальный экспортёр и импортёр нефти имела потенциал, чтобы разрушить эту очень существенную игру. Поэтому Никсон и Киссинджер ясно дали понять Брандту, что Германией управляет отнюдь не немецкий канцлер.

Рис. 15. Советник Никсона по национальной безопасности Киссинджер работал с израильским послом в США Диницем (сверху слева), чтобы спровоцировать нефтяное эмбарго ОПЕК 1973 года ради спасения доллара

В декабре 1973 года, когда осела пыль войны Судного дня, саудовский король послал своего пользующегося наибольшим доверием эмиссара, своего министра нефтяной промышленности шейха Заки Йамани в Тегеран, чтобы спросить шаха, почему Иран требует, чтобы столь чрезвычайно высокая цена была формализована на грядущей встрече министров ОПЕК. Цена, потребованная шахом, подняла бы цены ОПЕК, в среднем, на беспрецедентные 400% от предкризисного уровня. Когда Йамани, следуя инструкциям короля Саудовской Аравии, спросил шаха, почему Иран потребовал такого повышения цены ОПЕК, шах ответил:

«Чтобы получить ответ на Ваш вопрос, я предлагаю Вам поехать в Вашингтон и спросить у Генри Киссинджера». ^{769}

Одним из серьёзных последствий последовавшего 400%-ого повышения цен ОПЕК на нефть было то, что рискованные многомиллионные инвестиции «Бритиш Петролеум», «Ройял Датч Шелл» и других англо-американских нефтяных концернов в регион Северного моря теперь могли давать прибыль от производства нефти. Весьма любопытный факт на тот момент состоял в том, что доходность новых нефтяных месторождений в Северном море отнюдь не была бесспорной вплоть до окончания нефтяного кризиса. По мировым ценам на нефть на уровне до 1973 года проекты Северного моря обанкротились бы прежде, чем добыли бы первую нефть.

16 октября, после посвящённого цене на нефть заседания в Вене, Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК) подняла цену на невероятные в то время 70%, от 3,01 до 5,11 доллара за баррель. В тот же день члены арабских стран ОПЕК, назвав в качестве причины американскую поддержку Израиля в ближневосточной войне, объявили эмбарго на всю продажу нефти в США и Нидерланды – основной нефтяной порт Западной Европы.

Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Ливия, Абу Даби, Катар и Алжир объявили 17 октября 1973 года, что они снизят уровень добычи на 5% в октябре по сравнению с сентябрем и затем будут снижать её на 5% в каждый последующий месяц,

«...пока Израиль не завершит свой выход со всех арабских территорий, оккупированных в июне 1967 года, и не будут восстановлены законные права палестинского народа».

Последовавшее массивное сокращение вызвало первый мировой «нефтяной шок», или, как его называли японцы «ойл шокку». Примечательно, что хороший друг Дэвида Рокфеллера иранский шах не принял участие в эмбарго ОПЕК. Фактически, шах, зависимый от американской вооружённой и прочей поддержки согласился «бойкотировать бойкот» и поставлять всё, в чём нуждались США и Великобритания.^{770}

Важно то, что нефтяной кризис набрал полную силу в тот момент, когда сам президент США всё более впутывался в скандал, который впоследствии назвали «Уотергейтским делом». При этом Генри Киссинджер де-факто оказался президентом, определявшим политику США в течение кризиса конца 1973 года.

«Соглашение» между Министерством финансов США и Саудовской Аравии о продаже нефти только за доллары было окончательно сформулировано в докладной записке замминистра финансов по валютным делам Джека Беннетта на имя госсекретаря Киссинджера. По условиям соглашения, новые огромные саудовские сверхдоходы от продажи нефти должны были быть в значительной степени инвестированы в погашение дефицита правительства США. В Саудовскую Аравию послали молодого инвестиционного банкира с Уолл-Стрит по имени Дэвид Малфорд из лондонской «Уайт Велд и К^о» – ведущей фирмы по торговле еврооблигациями. Малфорд станет главным «советником по инвестициям» в Центральном банке Саудовской Аравии и будет направлять саудовские нефтедолларовые инвестиции в правильные банки, естественно, в Лондоне и Нью-Йорке.

Бильдербергский план заработал именно так, как и было задумано. Рынок евродолларов, который был создан за несколько лет до этого, должен был сыграть решающую роль в офшорной стратегии «рециркуляции» нефтедолларов.^{771} Впоследствии «Чейз Манхэттен Банк» оценил, что между 1974 - м и концом 1978 года страны-производители нефти ОПЕК получили от экспорта нефти прибыль в 185 миллиардов долларов, более трёх четвертей которых прошли через западные финансовые учреждения, львиная доля – через «Чейз Манхэттен Банк» и ассоциированные банки в Нью-Йорке и Лондоне, и вслед за тем ушли в качестве займов Третьему миру.^{772} Это была невероятная сумма.

Киссинджер, уже надёжно контролируя все разведывательные данные США в качестве всемогущего советника по национальной безопасности президента Никсона, захватил также контроль и над внешней политикой США, за несколько недель до начала октябрьской войны Судного дня убедив Никсона назначить его госсекретарем. То есть в тот период Киссинджер совмещал два поста: главы Совета по национальной безопасности в Белом Доме и госсекретаря – что никому не удавалось сделать ни до, ни после него. Ни один человек в течение последних месяцев правления Никсона не обладал столь абсолютной властью, как Генри Киссинджер.

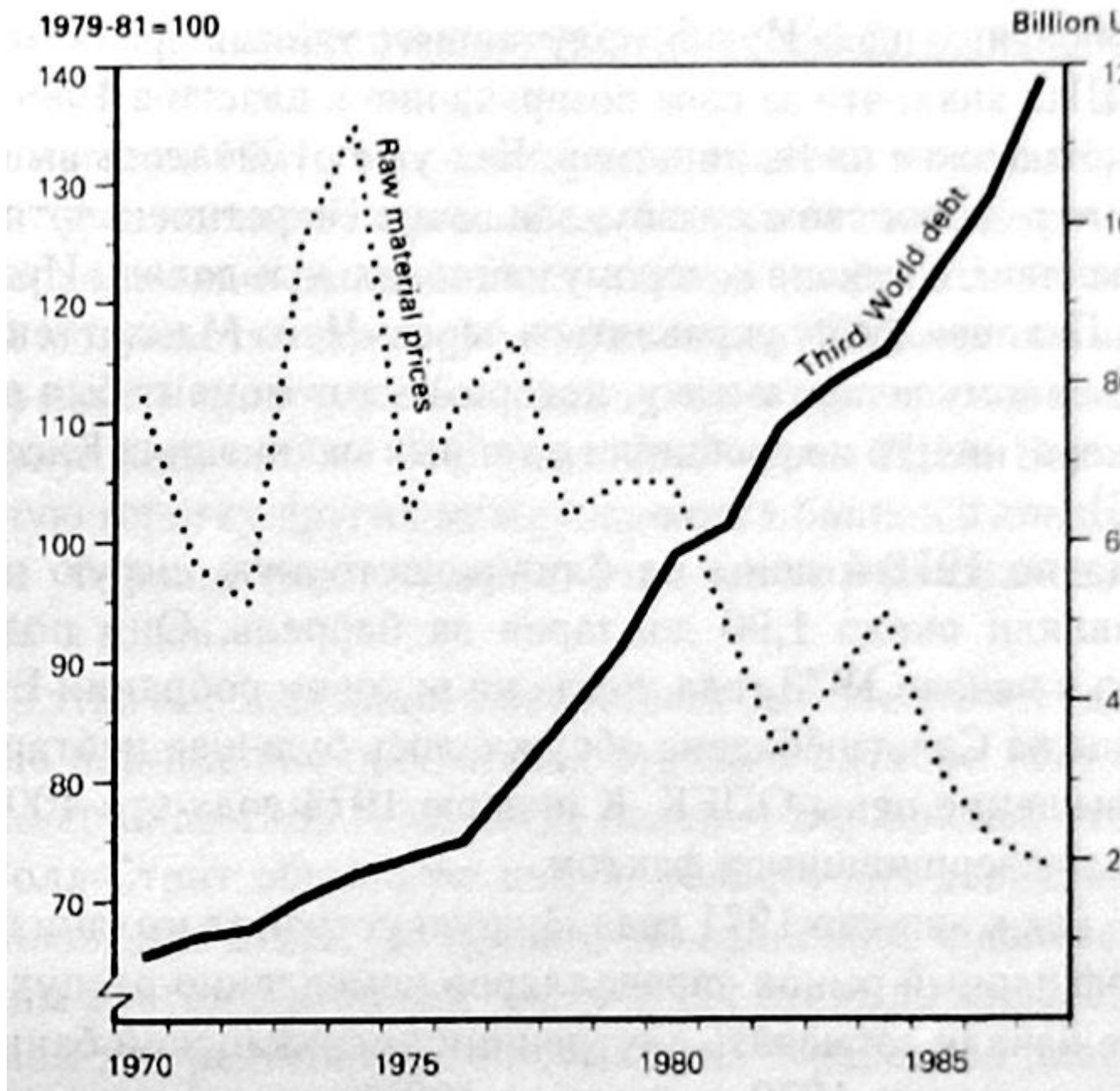

Рис. 16. Нефтедолларовые займы Нью-Йорка Третьему миру породили долговой пузырь, который Волкер проколол в 1979 году, заперев развивающийся мир в условия МВФ, которые позволили индустриальному Северу по дешёвке скупать сырьё для своих нужд – современный вариант былого британского империализма

После встречи в Тегеране 1 января 1974 года было принято второе увеличение цены на нефть больше чем 100%, и эталонные цены ОПЕК на нефть достигли 11,65 долларов за баррель. Это было сделано, по слухам, по требованию шаха Ирана, получившего тайный приказ от Генри Киссинджера. Шах знал, что за свое возвращение к власти в 1953 он был обязан ЦРУ и поддержке из Вашингтона. Как уже отмечалось выше, ещё в 1972 году он определил свою судьбу, заключив секретное нефтяное соглашение с Никсоном, согласно которому национальные доходы Ирана, так же как и семьи Пехлеви будут управляться через «Чейз Манхэттен Банк». ^{773} Государственному департаменту, который в тот момент был под властью Киссинджера, ничего не сообщили о тайных махинациях Киссинджера с шахом. ^{774}

С 1949 года по 1970-й цены на ближневосточную сырую нефть в среднем составляли

около 1,90 долларов за баррель. Они поднялись до 3,01 доллара в начале 1973 года, когда на роковом собрании Бильдербергской группы на Сальтшёбадене обсуждалось будущее неотвратимое 400%-ное повышение цены ОПЕК. К январю 1974 года это 400%-ное повышение стало свершившимся фактом.

После того, как в августе 1971 года Никсон устранил механизм обмена на золото, офшорный рынок евродолларов немедленно распух до размеров, которые начали затмевать внутренний американский банковский рынок. Затем, к середине 1970-х, вслед за 400% повышением цены на нефть ОПЕК, рынок евродолларов достиг стоимости приблизительно свыше 1,3 триллиона «горячих денег». Интересно, что к концу 1980-х годов объём одних только международных доходов от продажи наркотиков, который отмывался через эти офшорные банки «горячих денег», превысил оборот приблизительно 1 триллион долларов в год. Крупные нью-йоркские и лондонские банки проследили за тем, чтобы именно они получали львиную долю доходов от торговли наркотиками.

Лондонский евродолларовый банковский рынок стал основным центром огромной операции по рециркуляции нефтедолларов, предоставляя средства с депозитов доходов от добычи нефти ОПЕК из офшорных лондонских банков Аргентине, Бразилии, Польше, Югославии, Африке и другим странам-импортёрам нефти, которые жаждали этих долларов, поскольку только на них можно было закупать подорожавшую нефть ОПЕК после 1974 года.

Контрреволюция Денежного Треста

Как уже было показано, к началу 1970-х годов американская экономика была не совсем здорова. Решение в августе 1971 года в одностороннем порядке разорвать Бреттон-Вудские соглашения и отменить конвертацию доллара в золото на деле стало началом конца Американского века, системы, которая базировалась на сильнейшей в 1944 году экономике в мире и её устойчивой валюте.

После августа 1971 года долларовая система в новом бумажном воплощении (фиат-деньги³⁷) прошла несколько этапов. Первый этап, описанный выше, можно было назвать этапом «нефтедолларовой» валюты, в которой могущество доллара опиралось на 400%-ое повышение стоимости нефти на мировом рынке, оцененном в долларах, и на очень выгодной рециркуляции тех же нефтедолларов через США, Великобританию и избранную горстку других международных банков в лондонском Сити, налоговом убежище евродолларов. Этот этап продолжался примерно до конца 1970-х годов.

Второй этап новой долларовой системы был обеспечен удачным ходом Волкера по повышению процентной ставки в октябре 1979 года и продлился примерно до 1989 года, когда падение Берлинской стены открыло банкам Уолл-Стрит обширную новую область для долларизации и грабежа активов. Это открытие границ, объединённое с колоссальным экономическим ростом Китая как члена ВТО, открыло мировой экономике перспективы для решительного понижения заработной платы, наиболее резко проявившемуся в индустриальных странах.

В 1997 начался следующий этап в этой новой после 1971 года долларовой систем на фоне направляемых политическими причинами атаками хедж-фондов на уязвимые валюты быстрорастущих экономических систем восточноазиатских «тигров» (Таиланд, Филиппины, Индонезия, вплоть до Южной Кореи). Именно этот этап в значительной степени

³⁷ Фиат-деньги – (от лат. fiat – декрет, указание, «да будет так») – деньги, законные платёжные средства, номинальная стоимость которых устанавливается, обеспечивается и гарантируется государством посредством его авторитета и власти. При этом самостоятельной стоимости такие деньги не имеют, или она несоизмерима с назначенным номиналом. Фиат-деньги не имеют гарантий обмена в фиксированной пропорции (привязку курса) на другую вещь (например на золото).

ответственен за массовый переток долларов США в резервы азиатских центральных банков, чтобы построить долларовые запасы в качестве защиты против возможной новой спекулятивной атаки. После 1998 приток сотен миллиардов долларов азиатских капиталов раздул пузырь информационных технологий на фондовом рынке в 1999-2002 годах.

Заключительным этапом долларовой системы, возникшей после августа 1971, стала «финансовая революция» (или революция в финансовом деле) Алана Гринспена, которые он начал после краха в 2001-2002 годах пузыря акций информационных технологий на фондовом рынке. Своей мощной поддержкой революции в финансах, ипотечному кредитованию и другим активам, таким, как страхования выпуска новых бондов, Гринспен помог развернуть «революцию секьюритизации», которая в 2007 году завершилась крахом, когда пузырь секьюритизации недвижимого имущества лопнул.

Трёхсторонняя схема Дэвида

Однако 1973 год и разразившийся нефтяной кризис отметили важнейший поворотный момент в глобальной стратегии могущественного американского истеблишмента вокруг Дэвида Рокфеллера и его братьев.

Решение влиятельных кругов вокруг Рокфеллеров (англо-американского нефтяного картеля и связанных с ним банкиров) провести рукотворный крупный шок в результате роста глобальных цен на нефть во время войны Судного дня в октябре 1973 купило для доллара ещё несколько лет жизни в качестве основы глобальной экономической и торговой системы, но это было сомнительное основание. Необходимы были ещё более смелые действия, чтобы обеспечить финансовое господство гигантских банков и транснациональных корпораций, сгруппировавшихся вокруг Совета по международным отношениям и Рокфеллеров.

В 1973 году Дэвид Рокфеллер был председателем Совета по международным отношениям и главой семейного банка «Чейз Манхэттен Банк». Он полагал, что необходимо расширить политическую основу американского влияния, создав новую международную организацию, которая будет частной и «только по приглашениям», подобно Бильдербергским встречам. Но, в отличие от последних, круг приглашённых на которые ограничивался американскими и европейскими лицами, принимающими решения, у новой организации Рокфеллера будет три полюса – Северная Америка, Европа и Япония, с которыми можно будет взять под свой контроль зарождающийся обширный азиатский рынок. Именно это назвали Трёхсторонней комиссией.

Поскольку Япония расцветала в качестве экономического чуда Азии, чувствовалось, что и японские рынки и японские цели должны были быть приведены в более близкое соответствие со стратегическими целями нью-йоркских властных кругов.

Список членов элитной Трёхсторонней комиссии был более или менее взят из записной книжки Дэвида Рокфеллера. Среди членов-учредителей были прежде всего влиятельные деловые партнёры обширного международного бизнеса Рокфеллера или политические деятели, близкие к британскому торговому банкиру и создателю евродоллара лорду Роллу Ипсдену, главе итальянского ФИАТ Джанни Аньелли и Джону Лоудону из «Ройял Датч Шелл». В качестве первого исполнительного директора Рокфеллер выбрал своего близкого друга, стратега-геополитика Збигнева Бжезинского. Список также включал банкиров Уолл-Стрит, Алана Гринспена, Пола Волкера из «Чейз Манхэттен» и бывшего тогда «тёмной лошадкой» губернатора Джорджии по имени Джимми Картер. ^{775}

Указывающий на беспокоящие собрание проблемы Доклад Целевой группы Трёхсторонней комиссии, представленный на встрече в 1975 году в японском Киото, назвали Схемой для перестройки мировой торговли и финансов. В нём заявлялось:

«Тесная трёхсторонняя кооперация в сохранении мира, в управлении мировой экономикой, в способствовании экономическому развитию и в снижении мировой бедности улучшит возможности для плавного и мирного развития глобальной системы». ^{776}

Другой документ Трёхсторонней комиссии гласит:

«Главной целью является сделать мир безопасным для взаимозависимости путем защиты тех преимуществ, которые обеспечиваются для каждой страны, от внешних и внутренних угроз, которые будут постоянно появляться со стороны желающих платить за большую национальную автономию. Это может иногда требовать замедления темпа, в котором продолжается взаимозависимость... Чаще всего однако, потребуется проверка вмешательства национальных правительств в международный обмен как экономических, так и неэкономических товаров». (выделено автором)^{777}

Трёхсторонняя программа Рокфеллера отражала, в целом, насущные задачи американского истеблишмента, о которых объявил в том же году брат Дэвида Рокфеллера, Джон Д.-третий в книге со скромным названием «Вторая американская революция».

В 1973 году в рамках подготовки к празднованию двухсотлетия американской Революции 1776 года Джон Д. Рокфеллер-третий издал выдающуюся стратегическую декларацию семьи. В этой книге, любезно изданной Советом по международным отношениям под председательством Дэвида Рокфеллера, элита Денежного Треста возвестила свою «Вторую американскую революцию».

Книга Джона Д. Рокфеллера призывала к радикальному сокращению полномочий правительства во имя расширенной «приватизации» функций, издавна выполняемых государством, «перемещая так много правительственных функций и обязанностей в частный сектор, насколько возможно» Это был ясный призыв к отказу от кейнсианской политики Нового курса, по крайней мере, от использования государства для коррекции дисбаланса в социальном распределении рабочих мест и доходов, который существовал с 1930-х.^{778}

Призыв Рокфеллера в 1973 году послужил сигналом для того, чтобы начать в национальных СМИ пропагандистскую кампанию против предполагаемой правительственной неэффективности, некомпетентности и саботажа, используя неизбежную бюрократическую неэффективность социального обеспечения в качестве дымовой завесы, чтобы прекратить всякий надзор и регулирование банковского дела и крупных коммерческих сделок. Книга использовала тщательно отобранные примеры, с которыми мог согласиться любой гражданин, для выстраивания аргументов в пользу того, чтобы по существу разрушить традиционную и необходимую роль государства в регулировании торговли и социального обеспечения в пользу чистой и бесконтрольной максимизации прибыли частных компаний и банков, финансирующих эти компании. Речь шла о мире, в котором действует дарвиновский закон об отборе, где выживали только крупнейшие и, естественно, уничтожали своих конкурентов.

«Трёхсторонний президент»

В 1976 году повестка дня Рокфеллера для «второй американской революции» сделала существенный прогресс: протее Дэвида Рокфеллера в Трёхсторонней комиссии, арахисовый фермер из Джорджии, ставший губернатором, Джимми Картер победил на выборах занимающего должность президента Джеральда Форда, который сменил Никсона после Уотергейтского скандала. Картер быстро укомплектовал ключевые позиции в своём кабинете 26 членами Трёхсторонней комиссии Рокфеллера, включая вице-президента Уолтера Мондейла, Госсекретаря Сайруса Вэнса, министра обороны Гарольда Брауна и министра финансов Майкла Блюментала.

Вся внешняя политика Картера в качестве президента, основная часть его предвыборной стратегии и часть его внутренней политики разрабатывались непосредственно в недрах Трёхсторонней комиссии Рокфеллера. Архитектором внешней политики Картера с 1975 года был его советник по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, который, чтобы занять этот пост, ушел в отставку с должности исполнительного директора Трёхстороннего комиссии. Бжезинский писал основные речи Картера во время

предвыборной кампании, и формировал внешнюю политику Картера с помощью соратников по Трёхсторонней комиссии Вэнса, Брауна и Блюменталя. Рефреном внешней политики Картера с 1975 года были слова «проясните это с Бжезинским». Картер спрашивал всякий раз, когда ему подавали меморандум по внешней политике: «Бжезинский видел это...?»^{779}

Преобладание в правительстве Картера такого большого числа членов Трёхсторонней комиссии позволило некоторым СМИ именовать этот период как «Трёхстороннее президентство». Точнее было бы называть этот период президентством Дэвида Рокфеллера. Именно Картер начал долгий процесс проведения группой Рокфеллера приватизации и отмены правительственного регулирования, которые позже его преемник Рональд Рейган сделает основной центральной политикой своего президентского срока.

По слухам, позже Джеральд Форд по совету бывшего тогда главой аппарата его Белого дома Дональда Рамсфелда решил не выставлять кандидатуру Нельсона Рокфеллера в вице-президенты вместе с собой на выборах 1976 года, узнав, что Дэвид Рокфеллер представил демократа Джимми Картера членам Трёхсторонней комиссии на встрече в Киото, упомянув о нём как «следующем президенте».^{780}

Дополнительные налоги для компенсации уступок Новому курсу

Углубляющийся американский экономический кризис 1970 - х годов стал для Рокфеллеров и других американских лидеров истеблишмента стимулом, чтобы придумать новые радикальные стратегии. США столкнулись с застоём или даже со снижением своей рыночной силы и соответствующей доли как в глобальной прибыли, так и внутри страны, но тем не менее всё ещё оставались крупнейшим в мире рынком товаров и услуг. К 1975 году доля полного богатства в руках богатейшего 1% американских домашних хозяйств упала на самый низкий с 1922 года уровень, измеренный с точки зрения объединённого владения недвижимостью, акциями, облигациями, наличными деньгами и другого долговременного состояния.^{781}

Драматическая манипуляция мировыми ценами на нефть стала причиной самого серьёзного послевоенного глобального спада. К 1975 году стало ясно, что мировая экономика, вслед за снижающейся нормой прибыли, вошла в то, что экономисты назвали «структурным кризисом». Он включал в себя уменьшенные темпы роста, падающую производительность труда на душу населения, волну безработицы и совокупную высокую инфляцию.

В процессе этого кризиса появилось новое социальное видение или политическая философия под названием «неолиберализм», появившаяся сначала в центре индустриального мира (начиная с Соединённого Королевства и Соединённых Штатов) и затем постепенно экспортированная на «периферию» или на так называемые формирующиеся рынки развивающихся стран.

Неолиберализм имел мало общего с кейнсианской «либеральной» экономикой. Неолиберальная революция, начавшаяся в середине 1970 - х годов, была проектом американского истеблишмента и их британских коллег. Определенно, это был рецепт братьев Рокфеллера, основанный на радикальной догме свободного рынка Мильтона Фридмана, члена архиконсервативного «Общества Мон-Пелерин» и бывшего тогда профессором экономики в Чикагском университете, учреждении, основанном несколькими десятилетиями ранее на деньги «Стандарт Ойл» Рокфеллера. Неолиберализм, возможно, более точно было бы называть неофеодализмом.

Повторяя манифест 1973 года Джона Д. Рокфеллера, неолиберализм Фридмана, зафиксированный в его популярной книге «Свобода выбирать», призывал к неограниченным свободным рынкам и свободной торговле и резко нападал на профсоюзы за «возврат к доиндустриальному периоду».^{782}

Неолиберальная революция была, в основном, глобализированной версией Второй

американской революции Джона Д. Рокфеллера. Международная Торговая палата в Париже с энтузиазмом одобрила глобальное неолиберальное требование

«ломать барьеры для международной торговли и инвестиций так, чтобы все страны могли извлечь выгоду из улучшения жизненного уровня, наращивания торговли и инвестиционных потоков».^{783}

Это была начальная фаза того, что двадцать лет спустя назовут «глобализацией».

Влиятельные круги вокруг Рокфеллеров внутри американского финансового истеблишмента открыто призывали к глобальному реструктурированию к своей выгоде, включая:

«новую дисциплину рабочих и менеджмента к выгоде кредиторов и акционеров; снижение вмешательства государства в вопросы развития и благосостояния; резкий рост финансовых учреждений; применение новых отношений между финансовыми и не финансовыми секторами к выгоде первого; новый юридический фон в пользу слияний компаний и поглощений; укрепление центральных банков и планирование их деятельности в пользу стабильности цен; и новую нацеленность на истощение ресурсов периферии в пользу центра».^{784}

Преобладающей особенностью этого нового неолиберализма была не только его структурная схема, но и создание механизмов для распространения влияния доллара на всю планету, то есть глобализация доллара и вместе с ним и американских финансов за кулисами. Опустошительный процесс рыночной либерализации распространялся с разрушительной скоростью и эффективностью, чему способствовало создание новых транснациональных учреждений, таких, как Всемирная торговая организация, и внушительное торговое давление со стороны Вашингтона и его союзников по свободному рынку, особенно Великобритании.

Догма монетаризма Мильтона Фридмана была теоретическим выражением новой революции, или точнее, контрреволюции. Решающим годом этой экономической контрреволюции стал 1979 год, когда Дэвид Рокфеллер заставил президента Картера назначить своего протеже Пола Волкера на пост председателя Федеральной резервной системы. В октябре 1979 года Волкер начал проводить самую радикальную в истории ФРС валютную политику, когда позволил процентным ставкам взлететь более чем на 300% – до 20%, и держал их высокими до тех пор, пока в августе 1982 года назревавший неизбежный кризис задолженности Третьего мира не вырвался на поверхность, не заставил его полностью изменить политику учётных ставок.

1979 год был тем, что некоторые экономисты назвали годом неолиберального переворота.^{785} Рокфеллер, Волкер и их богатые союзники в Денежном Тресте с Уолл-Стрит смогли использовать проблему безудержной инфляции (первоначальной и наиглавнейшей причиной которой было их собственное решение о ценах на нефть, принятое на Бильдербергской встрече в 1973 году), чтобы оправдать монетарную «шоковую терапию», которая предположительно «выжмет инфляцию из системы», как Волкеру нравилось определять это.

В действительности политика высоких учётных ставок проводилась самыми богатыми членами истеблишмента в рамках их долгосрочной стратегии, чтобы компенсировать с помощью дополнительных налогов потери от уступок, вырванных у них во время Великой депрессии ради создания кейнсианского социального государства, социальной безопасности и правительственной поддержки профсоюзным организациям.

«Постиндустриальный» мир Уолл-Стрит

Оказавшись перед лицом стагнирующего внутреннего рынка, падения абсолютной прибыли и необходимости инвестировать огромные суммы, чтобы довести внутреннюю американскую промышленность до мировых стандартов, круги Рокфеллера решили отказаться от обновления своей внутренней американской экономической базы, позволив

Америке стать (как их мозговые центры назвали это) «постиндустриальным обществом».

Политика учётных ставок Волкера привела к «реальным» (то есть, скорректированным с учётом инфляции) процентным ставкам в 6-8%, ошеломительное нежданное «золотое дно» для богатых держателей облигаций центра финансовой системы. Это также привело к рецессии и вместе с ней к растущей волне безработицы в Европе и в Соединённых Штатах, которая создала условия для нового применения суровых мер в отношении рабочей силы, которые и осуществили и Рейган и Тэтчер в начале 1980-х, резко ослабив влияние профсоюзов на уровень заработной платы на десятилетия вперёд.

1970-е годы были переходным десятилетием эволюции Американского века. Как отмечалось выше, к концу 1960-х в Соединённых Штатах впервые, начиная со Второй мировой войны, появился хронический дефицит торгового баланса, связанный с продолжающимся послевоенным восстановлением экономик Европы и Японии. Избыточные доллары накапливались в остальной части мира и, таким образом, угроза перевода этого иностранного долларового дохода в золото нарастала. Доллар надо было обесценивать относительно золота и других главных валют. США положили конец конвертируемости доллара в 1971 году, пустив в оборот плавающие обменные курсы.

К 1973 году на фоне режима плавающих обменных курсов, уже теперь постоянного, Вашингтон и его союзники в Лондоне через Бильдербергскую конференцию в мае того же года решили проводить курс на резкую инфляцию цен на нефть, чтобы поддержать падающий доллар. К 1979 году усиленные удачным ходом ФРС Волкера они смогли пожинать ошеломляющие доходы со своих облигаций и прочих активов по причине укрепления доллара.

После 1980 года, когда республиканец Рональд Рейган стал президентом, США проводили эту преднамеренную политику дефицита с удвоенной силой. Срок пребывания Рейгана начался с того, что впоследствии стало самыми драматическими и постоянными торговыми и бюджетными дефицитами в американской истории.

При отстаивании своей позиции на многонациональных переговорах в 1973 году, чтобы сделать плавающие обменные курсы постоянным фактом, Вашингтон ясно дал понять, что будет использовать своё военное господство в пределах НАТО и в Азии для того, чтобы добиться максимальных уступок от своих торговых партнёров. На двусторонних переговорах с Южной Кореей в 1973 году США потребовали условия, которые сделали

«обязательным для южнокорейских экспортеров на американский рынок импортировать определенное количество сырья из Соединённых Штатов».^{786}

К 1973 году торговое положение Америки относительно её основных союзников в Западной Европе и Японии окончательно оформилось. Условия «великой сделки» состояли в том, что США откроют свои границы для почти неограниченного японского или европейского импорта продуктов, такого, как автомобили, сталь и позже электроника. В свою очередь, зарубежные страны согласились покупать американскую военную технику, американские сельскохозяйственные продукты и американские самолеты для своих национальных авиакомпаний.

Но самый далеко идущий аспект нового курса, проводимого Вашингтоном после 1973 года и поддерживаемого с тех пор каждым следующим правительством, состоял в идее, что из-за уникальной роли доллара как мирового иностранного валютного резерва с плавающей ставкой и из-за того факта, что доллар больше не был привязан к золоту, иностранные государства, которые обладали долларовыми накоплениями в результате экспорта в Соединённые Штаты (особенно Япония и Германия) будут вынуждены реинвестировать свои долларовые активные сальдо торгового баланса в американский правительственный долг, чтобы получать по ним проценты и держать их в безопасном хранилище.

Вашингтон, не оставляя ничего на волю случая, на своих переговорах о двусторонней торговле с такими странами, как Япония или Германия, всегда заботился о том, чтобы ясно дать понять, что последние обязаны инвестировать долларовые излишки своего активного торгового баланса в американские казначейские облигации или векселя.^{787}

С этого началась извращенная зависимость мира от экспорта в США как «импортёра последней инстанции». Соединённые Штаты во главе с банками Уолл-Стрит, которые держали монополию на покупку и продажу американского долга, в 1980 - х годах неожиданно проявятся в качестве крупнейшего в мире рынка капитала. В результате этого решения оказались в пагубном пренебрежении растущий взрывными темпами бюджетный и торговый дефицит и внутренняя промышленность США. Брокеры на Уолл-Стрит пожинали прибыли. Для проведения этого «крупнейшего грабежа» истеблишмент выбрал период президентства Рональда Рейгана.

Глава 15

Рейгановская революция для «денежных мешков»

«Они сделали для уничтожения американской индустрии больше, чем какая-либо другая группа в истории. И всё же они не останавливаются, приговаривая, что всё великолепно. Как волшебник в стране Оз».

– *Американский нефтяной промышленник Роберт. О. Андерсон по поводу Волкера и Рейгана*^[827]

Монетаристский переворот Пола Волкера

Если нефтяной шок в 1973 году вызвал поляризацию американского общества, разделив его на меньшинство, чьё состояние росло, и большинство, чей жизненный уровень медленно, но верно понижался, терапия монетарного шока довела этот процесс до своего логического завершения. Инициированный 6 октября 1979 года Полом Волкером процесс означал переворот «денежных мешков» в США.

Монетарная шоковая терапия, которую Волкер применил в США, была разработана и внедрена несколькими месяцами раньше в Великобритании премьер-министром Маргарет Тэтчер. Волкер и его ближний круг друзей-банкиров с Уолл-Стрит, включая «Морган Гаранти Траст Компани», просто перенесли модель Тэтчер в американские условия. Задача в обоих случаях (и в Великобритании и в США) состояла в том, чтобы резко изменить перераспределение богатства и доходов в пользу богатых 5% или даже меньше.

В мае 1979 года Маргарет Тэтчер выиграла выборы под лозунгом «выдавливании инфляции из британской экономики». Но Тэтчер и её ближнее окружение из современных Адамов Смитов – идеологов «экономики свободного рынка» – вводили в заблуждение избирателей, настаивая на том, что основной «причиной» 18%-ной инфляции цен в Британии был перерасход правительственного бюджета, а не 140%-ный с момента свержения иранского шаха рост цен на нефть.

По утверждению советников Тэтчер, растущие в результате инфляции цены можно было вновь понизить только за счёт сокращения притока денежных средств, таким образом индуцируя экономическую депрессию. Поскольку, по утверждению Тэтчер, главным источником «лишних денег» являлся хронический дефицит правительственного бюджета, то для обуздания «денежной инфляции» требовалось суровое урезание государственных расходов. Одновременно в качестве своего вклада в эту политику Банк Англии ограничил кредитование экономики, повысив процентные ставки. Это во всех отношениях совпадало со Второй американской революцией Рокфеллера, которая была названа в этот раз «революцией Тэтчер».

В июне 1979 года, всего через месяц после прихода к власти Тэтчер, её министр финансов сэр Джеффри Хоу поднял базовые банковские ставки на ошеломляющие 5%. Всего за 12 недель они выросли с 12 до 17%. Это привело к беспрецедентному 42%-ому росту стоимости займов и для промышленности и для домохозяйств. Никогда ещё в современной истории индустриальное государство не испытывало такого потрясения за столь короткий срок, если не говорить о чрезвычайных экономических обстоятельствах военного времени.

Для поддержания высоких процентных ставок Банк Англии приступил к одновременному снижению суммы денег в обращении. В результате монетаристской революции Тэтчер обанкротились многие предприятия, поскольку оказались не в состоянии производить выплаты по займам; семьи не смогли покупать новые дома; долгосрочные инвестиции в электростанции, тоннели, железные дороги и другую инфраструктуру упали практически до нуля.

Тэтчер также проводила драконовскую политику в отношении профсоюзов, вынудив воинственных британских шахтеров сдать позиции после жестоких месяцев забастовки, за что заслужила прозвище «Железная леди». Уровень безработицы в Британии удвоился: с 1,5 млн. безработных на момент её прихода к власти до 3 млн. к концу первых 18 месяцев её правления. Это было частью стратегии банкиров: расчёт на то, что отчаявшиеся безработные будут работать за меньшие деньги, лишь бы получить любую приличную работу. Тэтчер целила в профсоюзы, утверждая, что они препятствуют успеху монетаристской «революции», и обвиняя именно их в раскручивании инфляции.

Тогда же Тэтчер оказала ещё одну услугу крупным банкам лондонского Сити, устранив контроль над обменом валюты, так что вместо инвестирования капитала в перестройку прогнившей индустриальной базы Британии фонды уходили на спекуляции недвижимостью в Гонконге или на выгодные займы странам Латинской Америки.^{828}

После 1979 года начавшаяся в Британии, продолженная в США, а затем и вышедшая за пределы англо-американского мира шоковая волна радикального монетаризма Тэтчер и Волкера распространялась как раковая опухоль. Страны одна за другой прогибались под требованиями о сокращении правительственных расходов, о снижении налогов, о дерегулировании промышленности и подрыве влияния профсоюзов. По всему миру процентные ставки взлетели до уровней, ранее не виданных в мирное время.

В начале 1980-х годов политика монетарного шока Волкера подняла процентные ставки в США до невероятных 20%. Экономическая подоплека таких жёстких процентных ставок стала вскоре очевидной. При ставке 20% или даже 17% любые инвестиции в промышленность, требующие 4-5 лет, чтобы окупиться, становились просто невозможными. Уже одна только выплата процентов по займам на строительство это запрещала.

Уничтожение сберегательных банков

Шоковая терапия Волкера была взята на вооружение бездарным президентом Картером, который в марте 1980-го года охотно подписал беспрецедентный закон – «Закон об отмене регулирования депозитарных учреждений и кредитно-денежного контроля». Этот закон стал первым в серии шагов, предпринятых основными нью-йоркскими банками, возглавляемыми Дэвидом Рокфеллером, в американской и мировой экономике в последующий период.

Этот закон дал ФРС право применять свои резервные требования к банкам, включая ссудосберегательные, даже если они не являлись членом ФРС, позволив кредитному шоку Волкера в достаточной степени перекрыть поток кредитования. Кроме того, новый закон ликвидировал любые официальные ограничения сверху по процентным ставкам, которые банки могли налагать на своих клиентов в соответствии с «Правилем Кью» ФРС, а также отменил все законы штатов, которые устанавливали какие-либо ограничения по процентным ставкам, так называемые антиростовщические законы.^{829}

«Правило Кью» запрещало банкам выплачивать проценты по вкладам до востребования и, таким образом, поощряло ссудосберегательные банки, которым позволялось платить проценты по долгосрочным вкладам. Крупные нью-йоркские и другие банки в мировых финансовых центрах уже давно обошли это ограничение «Правила Кью» с помощью инвестиционных фондов и других учреждений. У ссудосберегательных банков не было такой возможности, они имели строгие ограничения на сберегательные счета, что делало их менее привлекательными для потребителей, чем конкурирующие инвестиционные фонды больших банков. Отмена «Правила Кью», тогда выглядевшая логичной, на самом деле уничтожила экономику традиционных ссудосберегательных банков в США, открыв их к захвату со стороны крупных коммерческих банков.

Теперь, согласно новой религиозной догмы, которую британцы назвали «неолиберальным монетаризмом», только небо могло бы стать пределом для процентных ставок. Деньги должны были стать божеством, а весь мир – его ревностным служителем. А банкиры Уолл-Стрит должны стать Богами денег.

Глобальное воздействие высоких процентных ставок Волкера опустошило индустриальный и развивающийся мир. К началу 1980-х годов во всем мире долгосрочные финансируемые правительством капиталовложения в инфраструктуру (в железные дороги, шоссе, мосты, канализационные системы, строительство электростанций) в результате агрессивной политики Тэтчер-Волкера начала 1980-х были уничтожены.

Международный институт чугуна и стали подсчитал, что с момента первого нефтяного шока в 1975 году до 1985 года в крупных промышленно развитых странах общая доля всех правительственных расходов, выделенных на строительство общественной инфраструктуры, упала в два раза. Мировое производство стали, грузооборот и другие показатели реальных физических экономических процессов отражали катастрофическую картину англо-американской политики монетарного шока. Мировая сталелитейная промышленность вошла в самую глубокую депрессию с 1930-х годов.^{830}

Монетарный шок Пола Волкера и последовавший за ним экономический спад в США наряду с саботажем республиканцами переговоров об освобождении заложников в Иране стали причиной поражения Картера на выборах 1980 года.

Применение монетарной терапии

Архиконсервативный президент-республиканец, бывший голливудский актер Рональд Рейган не испытывал особенных трудностей с поддержкой политики шоковой терапии Волкера. Ещё в то время, когда Рейган был губернатором Калифорнии, его наставлял гуру монетаризма Мильтон Фридман, который также был и советником Маргарет Тэтчер.

Одним из первых действий Рейгана на посту президента в начале 1981 года (после того, как он через несколько минут после инаугурации магическим образом освободил заложников – сотрудников посольства США из плена в Тегеране) стал роспуск своей властью профсоюза авиадиспетчеров. Это послужило сигналом другим профсоюзам даже не пытаться искать помощи правительства в борьбе с высокими процентными ставками. Рейган был столь же загипнотизирован идеей «выдавить» инфляцию, как и его британский союзник – Тэтчер.

Неофициальным советником Рейгана по экономической политике оставался нобелевский лауреат по экономике Мильтон Фридман. Администрация Рейгана была заполнена адептами радикального монетаризма Фридмана, а также последователями австрийского экономиста-рыночника Людвиг фон Мизеса.

Могущественные банковские круги в Нью-Йорке были твёрдо намерены использовать в американской экономике те же самые радикальные меры, которые ранее были предприняты Фридманом в Чили, чтобы сломать хребет чилийской экономике при диктаторе Аугусто Пиночета. Политика Фридмана также проводилась аргентинской военной хунтой с

конце 1970-х – начале 1980-х годов, чтобы сломить профсоюзы и уничтожить средний класс в стране.

Модель невмешательства государства в экономику была теперь привнесена на внутренний рынок в США с катастрофическими последствиями для долгосрочной экономической стабильности страны, хотя сначала не было очевидно, насколько жестокими они будут.

Как и рассчитывалось, шоковая терапия Волкера дала второе дыхание власти американской финансовой системы. Побочным продуктом политики высоких процентных ставок Волкера, которой он твёрдо придерживался до октября 1982 года, стало возрождение американского доллара, поскольку капиталы потекли в американские облигации и другие активы, чтобы заработать доходы на очень высокой процентной ставке.

Волкер взрывает бомбу задолженности

Латиноамериканский кризис задолженности, зловещий предвестник субстандартного кризиса в США в 2007 году, разразился как прямой результат шоковой терапии высоких процентных ставок. В августе 1982 года Мексика объявила, что больше не способна выплачивать проценты по своему ужасающему долларовому долгу. Мексика, наряду с большей частью Третьего мира от Аргентины, Бразилии, Нигерии, Конго до Польши и Югославии, попала в долговую ловушку нью-йоркских банков.

Ловушка была в следующем: огромные количества переработанных нефтедолларов ОПЕК инвестировались в крупные нью-йоркские и лондонские банки («евродолларовые банки»), которые затем предоставляли эти доллары безрассудным заёмщикам Третьего мира. Эти кредиты с самого начала давались по «плавающим процентным ставкам», привязанным к текущей лондонской межбанковской ставке, так называемой ставке ЛИБОР³⁸.^{831}

Однако, когда в течение нескольких месяцев ставки ЛИБОР неожиданно подскочили приблизительно на 300% в результате шоковой терапии Волкера, те страны-дебиторы, которые занимали доллары по плавающим процентным ставкам у международных банков в Нью-Йорке и Лондоне, оказались неспособны продолжать обслуживать свой долг. Это был точно тот же самый сценарий, который те же самые нью-йоркские банки повторят в течение пузыря секьюритизации финансирования жилищного строительства после 2000 года с низкими процентными ставками в первый год погашения, ипотекой под плавающий процент и другими уловками.

Именно тогда МВФ заработал как управляющий в стране-должнике (жертве), расчищая дорогу крупным нью-йоркским банкам и американскому Министерству финансов. Шёл величайший во всемирной истории разгул грабежа, неверно названный кризисом задолженности Третьего мира. Размах этого разгульного грабежа в течение 1980-х годов превзошла только прибыль крупных банков от мошенничества ипотечной секьюритизации 2000-2007.

Шоковая политика Волкера запустила этот кризис, а банки Нью-Йорка и Лондона сорвали на нём большой куш.

К 1986 году, после семи лет неизменно высоких процентных ставок ФРС Волкера, внутреннее состояние американской экономики было ужасающим. Почти вся Америка дошла до состояния, когда стала напоминать страну Третьего мира с разрастающимися трущобами, безработицей, выражаемой двузначным числом, нарастающим уровнем преступности и местной наркоманией. Исследование Федеральной резервной системы показало, что 55% всех американских семей были чистыми должниками. Дефицит

³⁸ Лондонская межбанковская ставка предложения (англ. London Interbank Offered Rate, LIBOR), – средневзвешенная процентная ставка по межбанковским кредитам, предоставляемым банками, выступающими на лондонском межбанковском рынке с предложением средств в разных валютах и на разные сроки – от одного дня до 12 месяцев. Ставка фиксируется Британской банковской ассоциацией начиная с 1985 года ежедневно в 11:00 по западноевропейскому времени на основании данных, предоставляемых избранными банками.

федерального бюджета нарастал до беспрецедентного уровня со скоростью более 200 миллиардов долларов ежегодно.

В действительности Волкер, который ранее работал в «Чейз Манхэттен Банк», был послан Дэвидом Рокфеллером в Вашингтон, чтобы сделать одну вещь – спасти доллар от катастрофы свободного падения, который угрожал значению доллара США как глобальной резервной валюты, и с этим, спасти рынки облигаций для состоятельной верхней страты американского элитного общества, обладающих серьёзными деньгами. Это была, в действительности, контрреволюция финансовых олигархов против уступок, которые они были вынуждены дать «низшим классам» в течение и после Великой Депрессии.

Та роль, которую доллар играл в качестве резервной мировой валюты, была тайным ключом американского финансового могущества.

Благодаря американским завышенным процентным ставкам, иностранные инвесторы устремились в страну, чтобы пожинать прибыль от скупки американских долговых обязательств. Облигации, американский государственный долг, были сердцем управления международной финансовой системы руками Уолл-Стрит. Шоковая терапия Волкера для экономики приносила астрономическую прибыль финансовому сообществу Нью-Йорка.

Волкер в своей миссии преуспел во всём.

За период с 1979 года по 1985 доллар вырос до абсолютного максимума по отношению к валютам Германии, Японии, Канады и других стран. Однако этот переоцененный американский доллар сделал американскую продукцию чрезмерно дорогой на мировых рынках и привёл к резкому снижению промышленного экспорта США.

Высокие процентные ставки ФРС с октября 1979 года привели к крупному снижению отечественного строительства, окончательному крушению американской автомобильной промышленности, а вместе с этим производства стали, поскольку американские производители выносили производство за границу, где ценовые преимущества были выше.

Что касается Пола Волкера и тех, кто его поддерживал в Белом доме при Рейгане, даже верный республиканец Роберт О. Андерсон, председатель «Атлантик Ричфилд Ойл К°» выразил недовольство:

«Они сделали для уничтожения американской индустрии больше, чем какая-либо другая группа в истории. И всё же они не останавливаются, приговаривая, что всё великолепно. Как волшебник в стране Оз»,^{832}

Помощь МВФ топит Третий мир

Не было бы никакого кризиса задолженности Третьего мира в 1980-х годах, если бы не было бы радикальной политики монетарного шока Маргарет Тэтчер и Пола Волкера.

Но после того, как правительство Тэтчер применило в начале июня 1979 года монетарный шок и подняло процентные ставки, а в октябре того же года Федеральная резервная система Пола Волкера продолжила эту политику, бремя процентных ставок по долгам Третьего мира моментально возросло, поскольку ставки ЛИБОР на лондонском евродолларовом рынке подскочили со средних 7% в начале 1978 года до почти 20% к началу 1980 года, эффект, аукнувшийся по всему миру.

После 1980 года бремя процентной ставки по обязательствам внешнего долга стран Третьего мира взлетело до стратосферы, но также рухнул и рынок товаров, экспортируемых в развитые страны развивающимися странами-должниками, которым нужно было как-то отдавать долги. Монетарная «терапия» Тэтчер-Волкера вызвала цепную реакцию во всём мире.

Страны-должники Третьего мира попали в тиски ухудшающихся условий торговли собственными экспортными товарами, падения экспортных доходов и быстрого роста процентных ставок по кредитам. Это и было тем, что Вашингтон и Лондон предпочитали называть «долговым кризисом стран Третьего мира». Но сам кризис был задуман и сделан в

Лондоне, Нью-Йорке и Вашингтоне, а не в Мехико, Бразилии, Буэнос-Айресе, Лагосе или Варшаве.

Страны-должники заплатили много раз «потом и кровью» современным Гобсекам из Нью-Йорка и Лондона, Токио и Франкфурта. МВФ, буквально приставив пистолет к виску, вынуждал многочисленные страны-должники Третьего мира подписывать то, что банки эвфемистически называли «урегулированием долгов» с американскими частными банками, чаще всего с «Ситикорп» или «Чейз Манхэттен».

Могущественные группы частного банковского дела объединились после встречи за закрытыми дверями в английском поместье Дитчли (владелец которого Дэвид Уиллс основал Фонд для развития англо-американских отношений). Повестка дня собрания состояла в том, чтобы создать кредиторский картель ведущих банков, возглавляемый нью-йоркскими и лондонскими банками, который позднее был назван Институтом международных финансов или, неофициально, группой Дитчли. Они договорились осуществить то, что один из наблюдателей охарактеризовал как особый вид «социализма банкиров», когда частные банки распределяют свои основные ссудные риски по налогоплательщикам, одновременно присваивая всю прибыль исключительно себе. Это похоже на то, как администрация Буша-младшего в 2008 году в экстренном порядке спасала банки.

Как только банкиры и их союзники в администрации, такие как министр финансов Дональд Риган, достаточно запугали президента Рейгана последствиями текущей ситуации, Белый Дом призвал Пола Волкера, банки и МВФ реализовывать для каждой из стран-должников программу строгой «обусловленности кредитов обязательством проводить определённую экономическую политику».

Идея поместить МВФ с его строгой обусловленностью кредитов в центр переговорного процесса по возврату долгов была американской. По существу, она представляла собой практически точную копию того, что нью-йоркские банкиры проделали с Германией и остальной Европой после 1919 года по злополучному плану Дауэса и пытались проделать ещё раз позднее по плану Янга.^{833}

Условия предоставления кредитов МВФ и согласие страны подписать договор с МВФ были частью программы, разработанной официальным представителем США в МВФ Ирвином Фридманом, который позднее был вознагражден за свою работу высокой должностью в «Ситикорп». МВФ, как отмечалось ранее, первоначально был создан в 1944 году в Бреттон-Вуде, чтобы стабилизировать валюту и торговые отношения индустриальных стран. И теперь фонд осваивал абсолютно новую задачу – стать долговым полицейским на службе у нью-йоркских банков.

Все рецепты МВФ или терапия «обусловленными кредитами» были одинаковыми для всех стран. Потерпевшей стране-должнику говорилось, что, если она хочет когда-либо ещё получить хотя бы копейку в виде займа от иностранного банка, она должна на корню пресечь импорт товаров, жёстко урезать государственный бюджет (наиболее часто сокращались государственные субсидии на продукты питания и другие нужды) и обесценить национальную валюту, чтобы сделать свои экспортные товары «привлекательными» для промышленно развитых стран, то есть сделать их дешевле пареной репы, что одновременно непомерно завышало стоимость импорта высокотехнологичных промышленных товаров. Все это, по утверждениям чиновников МВФ, необходимо, чтобы заработать твёрдую валюту для обслуживания долга.^{834}

Программа МВФ по структурному реформированию была только «первым шагом»; она делала «кандидата» удовлетворяющим критериям для «второго этапа» – соглашению со своими банками-кредиторами о «реструктуризации» графика погашения иностранных долгов или их основной части. На втором этапе банки по договору обретали огромные будущие права на страны-должники, поскольку к общей сумме займа добавлялась задолженность по просроченным процентам – капитализация процентов, как банкиры называли это.

Конечным итогом бесчисленных долговых реструктуризаций с 1982 года стало

невероятно увеличение суммы долга банкам-кредиторам, хотя эти банки не дали стран Латинской Америки ни одной новой копейки денег. По данным ведущей швейцарской страховой компании «Суисс Ре» общая сумма иностранных займов для всех развивающихся стран, включая как долгосрочные, так и краткосрочные, уверенно выросла с 839 миллиардов в 1982 году до почти 1300 миллиардов долларов к 1987 году. Практически весь этот прирост был вызван дополнительным бременем «рефинансирования» непоплаченного старого долга, который было невозможно выплатить, и который добавлялся к экономическому бремени. Это были вовсе не новые кредиты.

МВФ стал мировым финансовым «полицейским», обеспечивая выплату ростовщических долгов путём применения самых драконовских мер в истории. Решающий блок голосов в МВФ твёрдо контролируется американо-британской осью, поэтому МВФ стал глобальным двигателем фактической англо-американской неокOLONиальной денежно-кредитной и экономической диктатуры, диктатуры, проводимой наднациональным учреждением, обладающим иммунитетом от какого-либо демократического политического контроля.

Американские банки (на сегодняшний день крупнейшая группа, вовлечённая в кредитование Латинской Америки) оказывали грубый нажим на своих банковских коллег в странах Западной Европы и Японии в том, что они должны «солидаризоваться» и следовать тому же сценарию МВФ, либо оказаться перед лицом перспективы краха международной банковской системы.

По мере того, как должников одного за другим вынуждали принимать условия МВФ и банков-кредиторов, разворот потоков капитала происходил в титаническом масштабе. Поданным Всемирного Банка между 1980 и 1986 годами на группу из 109 стран-должников приходилось только выплат по процентам 326 миллиардов долларов. Выплаты основного долга по тем же займам составляли 332 миллиарда долларов, то есть общие выплаты, включая проценты по займу, составили 658 миллиардов долларов при первоначальной сумме долга 430 миллиардов.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, в 1986 году эти 109 стран всё ещё были должны своим кредиторам сумму в 882 миллиарда долларов. Это была невероятная долговая трясина. Так работали чудеса сложного процента по займу и плавающих ставок ЛИБОР.^{835} Страны-должники были пойманы в долговую ловушку, единственный выход из которой, предлагаемый к удобству банков-кредиторов в Нью-Йорке и Лондоне, состоял в отказе от суверенного контроля над собственной национальной экономикой, особенно в сфере ценных национальных ресурсов, таких, как нефть и другое сырьё.

Исследование, проведённое Хансом К. Расмуссеном по заказу датского комитета ЮНИСЕФ, акцентирует внимание на том, что в начале 1980 - х годов происходила массивная перекачка капиталов из хронически безденежного Третьего мира в основном на покрытие дефицита в США. Это был фактический империализм или, как некоторые это называли, неокOLONиализм под маской технократии МВФ.^{836}

Расмуссен оценил, что в 1980 - е годы только в Соединённые Штаты все страны развивающегося сектора перевели 400 миллиардов долларов. Это позволило администрации Рейгана финансировать крупнейший в истории бюджетный дефицит мирного времени, в то же время неправомерно приписывая себе заслугу «самого долгого периода подъёма экономики в мирное время».^{837} С высокими процентными ставками, растущим долларом и при полной поддержке со стороны американского правительства около 43% огромного бюджетного дефицита США в 1980 - е годы де-факто было «профинансировано» за счёт ограбления стран-должников из когда - то развивавшегося сектора. Как и в случае с репарациями по Версальским соглашениям после Первой мировой войны, для англо-американских банкиров долги были только средством установления фактически полного экономического контроля над суверенными государствами.

Но даже грабежа погрязшего в долгах развивающегося мира оказалось недостаточно. Долговая стратегия администрации Рейгана, Волкера и нью-йоркских банков также

обложила данью и внутреннюю экономику США. В мае 1986 года Объединённый экономический комитет Конгресса США подготовил исследование, выполненное штатными сотрудниками и названное «Влияние долгового кризиса в латиноамериканских странах на экономику США». В докладе приводились данные об огромных потерях рабочих мест и экспорта, поскольку ограничения МВФ вынудили страны Латинской Америки фактически прекратить промышленный и другие виды импорта ради обслуживания долга. В докладе было отмечено:

«Теперь становится ясно, что политика администрации вышла за пределы необходимой защиты банков от банкротства... Управление администрацией Рейгана долговым кризисом, в сущности, принесло выгоду институтам, которые сыграли ключевую роль в провоцировании этого кризиса, и принесло убытки тем секторам экономики США, которые не играли никакой роли в его возникновении».^{838}

Под «институтами», которые ввергли [страну] в кризис, подразумевались ФРС Волкера и нью-йоркские банки. Исследование Конгресса было проигнорировано прессой и немедленно предано забвению.

Пожалуй, ещё хуже в результате англо-американской долговой стратегии жила Африка. Нефтяные потрясения и последующий шок 20% - х ставок, а также падение мирового индустриального роста в 1980-е годы стали буквально смертельным ударом почти для всего континента. Вплоть до 1980-х годов чёрная Африка на 90% зависела от экспорта сырья, необходимого для финансирования программ развития. С начала 1980-х мировые долларские цены на сырьё, начиная от хлопка и кофе до меди, железной руды и сахара, непрерывно падали.

К 1987 году цены на сырьё упали до самого низкого уровня со времён Второй мировой войны – до уровня цен 1932 года, года глубокой экономической депрессии. Коллапс 1980-х годов, который продлится почти двадцать лет, пока в первые годы следующего века экономический бум в Китае не развернёт его вспять, был преднамеренной политикой американских финансовых группировок, чтобы подпитывать экономический рост, основанный на практически бесплатном сырьё в «глобализированной» экономике.

Если бы цены на экспортируемое сырьё стабильно держались хотя бы на уровне цен 1980 года, то чёрная Африка заработала бы дополнительные 150 миллиардов долларов за 1980-е годы. В 1982 году в самом начале «долгового кризиса» африканские страны были должны банкам-кредиторам в США, Европе и Японии приблизительно 73 миллиарда долларов. К концу десятилетия эта сумма после «реструктуризации» графика возврата долгов и различных вмешательств МВФ в экономики африканских стран возросла до 160 миллиардов долларов, почти столько же, сколько они могли бы заработать только при стабильных ценах на экспортное сырьё.

Что посеешь, то и пожнёшь

Последствия нефтяных шоков и валютных потрясений в результате высоких процентных ставок 1970-х годов были слишком похожи на 1920-е годы. Вместо бремени версальских репараций на мировых производственных инвестициях мир нёс тягостное бремя процесса «реструктуризации» МВФ задолженностей стран Третьего мира. Невероятные темпы инфляции в первой половине 1980-х годов (как правило, 12–17% в год) диктовали условия начисления процентов на капитал.

После октября 1982 года политика «структурного регулирования» МВФ для перекачивания миллиардов долларов из стран Третьего мира привела к огромной и непредвиденной финансовой ликвидности в американской банковской системе. Одновременно рвение Уолл-Стрит и министр финансов Дональд Риган к отмене правительственных «оков» на финансовых рынках завершилось феерией финансовых

эксцессов. Когда к концу десятилетия пыль осела, кое-кто начал понимать, что свободный рынок Рейгана уничтожил чуть ли не всю национальную экономику.

В августе 1981 года президент Рональд Рейган подписал законопроект о самом значительном в послевоенной истории снижении налогов. Законопроект содержал положения, которые давали щедрые налоговые льготы для некоторых видов спекулятивных инвестиций в недвижимость, особенно в коммерческую недвижимость. Правительственные ограничения по корпоративным захватам были также сняты, и Вашингтон дал ясно понять, что «можно все», пока это стимулирует промышленный индекс Доу-Джонса.

Летом 1982 года, когда Белый Дом заручился согласием Пола Волкера и Федеральной резервной системы с тем, что процентные ставки наконец-то начнут неуклонное снижение, спекулятивная «золотая лихорадка» уже была на старте.

Чтобы убедить Волкера в том, что пора ослабить удавку на денежных потоках, весной того же года с мексиканским кризисом было совмещено и банкротство небольшого банка нефти и недвижимости «Пенн Сквайр Банк» в Оклахоме. Вырисовывалась цепная реакция крахов в банковской системе, если продолжать удерживать процентные ставки высокими.

И за следующие полгода учетная ставка ФРС США была радикально снижена в семь раз до уровня 4%. На фоне таких низких ставок финансовые рынки пришли в возбуждение. Облигации и акции взлетели вверх. Иностранный капитал хлынул на нью-йоркские финансовые рынки за лёгкой прибылью, подтолкнув доллар ещё выше.

«Экономический подъём» Рейгана ничего не сделал для поощрения инвестиций в совершенствование технологий и повышение производительности труда в промышленности за малым исключением горстки военных и аэрокосмических фирм, которые получали официальные государственные оборонные контракты. Деньги вместо этого уходили в спекуляции недвижимостью, в спекуляции на фондовом рынке, в нефтяные скважины Техаса и Колорадо, во все так называемые «налоговые убежища».

Как только процентные ставки Волкера пошли вниз, разгорелась лихорадочная спекулятивная деятельность. Задолженность приобрела новый вид. Люди получили мотивацию, что «дешевле» занять сегодня и вернуть завтра с более низким процентом. Это сработало не совсем так, как задумывалось. В то время как американские города продолжали своё двадцатилетнее ветшание, падали мосты, приходили в негодность без надлежащего ремонта дороги и разрушались школы, новые торговые центры из стекла и бетона зачастую так и оставались пустующими.

Раскол организованного трудового движения

Центральной частью политики Рейгана по примеру Тэтчер были профсоюзы, которые трактовались как «часть проблемы». Был создан вид классово-конфронтации в стиле 1920 годов между рабочими и управляющими, результатом чего стал раскол организованного трудового движения.

Отмена государственного регулирования в сфере транспорта стала ключевой частью антипрофсоюзной политики Рейгана. Автомобильные и авиационные перевозки стали «свободными». Как грибы, росли не входящие в профсоюзы авиа- и транспортные компании, зачастую придерживающиеся низких или небезопасных стандартов. Коэффициент травматизма подпрыгнул, уровень заработной платы профсоюзных работников нырнул.

В то время как рейгановский «подъём», казалось, простым нажатием клавиши превращал молодых биржевых трейдеров в мультимиллионеров, по ускоряющейся шло снижение уровня жизни квалифицированных «синих воротничков»³⁹. Никто в Вашингтоне

³⁹ «Воротнички» белые, серые, синие – термины, применяемые для обозначения отдельных категорий лиц наемного труда, применительно к их профессиональной принадлежности: белые воротнички – инженерно-технический персонал и конторские служащие, серые воротнички – работники обслуживающих

не обращал на это внимания. Консервативные республиканцы Рейгана заявляли, что профсоюзы – это «почти коммунисты». В официальном Вашингтоне, как никогда, преобладала британская политика «дешёвой рабочей силы» образца XIX века.

В атмосфере экономического мрака и отмены регулирования грузовых перевозок, что поощряло неорганизованных перевозчиков, некогда влиятельные Профсоюз водителей грузового транспорта, Объединённый союз автомобильных работников, Профсоюз работников нефтяной, химической и атомной промышленности, Профсоюз шахтёров, стальные профсоюзы и другие шли на уступку за уступкой в отчаянной попытке сохранить пособия для пожилых работников, собирающихся на пенсию, или просто удержать рабочие места. Реальный уровень жизни большинства американцев неуклонно снижался, в то время как состояния меньшинства росли стремительными темпами, как никогда прежде. Общество поляризовалось по своим доходам.

Новая догма «постиндустриального общества» проповедовалась от Вашингтона и Нью-Йорка до Калифорнии. Американское экономическое процветание, связанное с инвестициями в самые современные промышленные мощности, исчезло. Сталь была объявлена «ржавым ремнём» или «закатом» промышленности, сталелитейные заводы, на которых действительно распространялась ржавчина и взрывались доменные печи, были заброшены. Деньги можно было сделать только на шоппинг-центрах, блестящих новых игорных домах в Атлантик Сити или Лас-Вегасе, на суперособняках в пригородах.

Деньги на весь этот дикий разгул всё время пребывания Рейгана у власти поступали из - за рубежа. К середине 1980- х годов впервые после 1914 года США из крупнейшего в мире кредитора превратились в чистейшее государство-должник. Долг был «дешёвым» и рос экспоненциально. Семьи выходили на рекордные уровни задолженности, покупая дома, автомобили, бытовую технику и даже обучение в колледжах. Правительство входило в долги для финансирования потерянных налоговых поступлений и расширенного военного строительства Рейгана.

В 1983 году годовой дефицит бюджета начал взбираться на неслыханный уровень в 200 миллиардов долларов. Вместе с рекордным дефицитом рос государственный долг, при этом уолл-стритовским дилерам облигаций и их клиентам выплачивались рекордные суммы процентов. Процентные платежи по общей задолженности правительства США за шесть лет выросли с 52 миллиардов долларов в 1980 году, когда Рейган пришёл к власти, до более чем 142 миллиарда долларов США, подскочив на 300%, к 1986 году (сумма, равная одной пятой всех государственных доходов). Деньги продолжали течь из Германии, из Британии, из Голландии, из Японии, чтобы воспользоваться преимуществами высокого доллара и получить спекулятивную прибыль в операциях с недвижимостью и на фондовых рынках.

Нефтяной шок «наоборот»

В 1985 году на экономическом горизонте США начали сгущаться грозные тучи, угрожая будущим президентским амбициям вице-президента Джорджа Буша-старшего. Вновь на помощь должна была прийти нефть. Но на этот раз тактика манипуляций мировыми ценами на нефть весьма отличалась от тактики бильдербергских нефтяных шоков 1970- х годов. Очевидно, Вашингтон рассуждал следующим образом:

«Если мы можем задрать цены, то почему мы не можем их опустить, когда это более удобно для наших целей?».

Причины для такого шага включали в себя растущую озабоченность по поводу слабости экономики США. Чтобы её подстегнуть, было бы достаточно, если мировые цены на нефть упадут на 30-40%, к такому выводу пришло совершенно секретное исследование

Министерства финансов США в октябре 1985 года. В исследовании отмечалось:

«Снижение цен на нефть пошло бы на пользу мировой экономики... Наша политика должна... воспрепятствовать ОПЕК и другим производителям искусственно удерживать цены...»^{839}

Фактически, как ясно давали понять речи и публичные заявления американского Министра энергетики Дональда Ходеля и других (что вызвало громкий протест саудовского министра нефтяной промышленности Шейха Йамани) Вашингтон был вовлечён в тайную операцию по снижению цен на нефть, публично отрицая подобную политику.

В марте 1985 года госсекретарь США Джордж Шульц послал засекреченную внутреннюю телеграмму в американское Посольство в Лондоне, которая в частности гласит:

«Секретарь чрезвычайно заинтересован в том, что Департамент быстро проведёт исследование воздействия резкого падения цен на нефть».^{840}

Саудовский король Фахд незадолго до этого, 11 февраля, приезжал в Вашингтон на встречу с президентом Рейганом, чтобы обсудить «нефтяные и экономические отношения». Во время этой поездки его министр нефтяной промышленности Йамани также встретился с вице-президентом Джорджем Бушем-старшим, министром финансов Джеймсом Бейкером и министром энергетики Джоном Херрингтоном, который сказал Йамани, что цены должен устанавливать сам «рынок».

В сентябре 1985 года давление Вашингтона на Саудовскую Аравию (чтобы она подняла уровень добычи в период высоких цен на фондовом рынке) начало толкать цены на нефть вниз. Помощник госсекретаря Мортон Абрамович писал в своей записке Шульцу:

«Поднимая добычу и предлагая соотносящиеся с рынком цены... Саудовская Аравия пытается реформировать ОПЕК... Если случится ценовая война, цены на нефть упадут до 20 долларов за баррель».

Когда началась эта акция, уровень цен стоял на отметке 35 долларов за баррель. Абрамович пишет дальше:

«Почти весь мир, включая США, получит выгоду...»^{841}

Затем в апреле 1986 года вице-президент Джордж Буш-старший предпринял поездку в Эр-Рияд. Согласно рассекреченной стенограмме переговоров, Буш сказал королю Фадху, что «рыночные силы могут наилучшим образом устанавливать цены на нефть и уровень добычи», кодовая фраза, услышав которую Саудовская Аравия сняла все заглушки с нефтяных вышек и обрушила мировые цены.^{842}

Важно и то, что в дополнение к ускорению американской экономики, которое так удобно пришлось к ожидаемой президентской кампании Джорджа Буша-старшего в 1988 году, Абрамович отметил, что в результате резкого падения цен на нефть

«в ближайшее время пострадает и Советский Союз, так как в большой степени полагается на экспорт нефти для получения твёрдой валюты».^{843}

В тоже самое время, когда он организовывал саудовский нефтяной шок наоборот, который воздействовал на поступление твёрдой валюты в СССР, Абрамович также был вовлечён в тайные переговоры о снабжении высоко эффективными ракетами «Стингер» афганских моджахедов, среди которых был и юный саудовец по имени Осам бин Ладен.^{844} К своему удовольствию, после завершения своей службы в Государственном департаменте Абрамович стал президентом Фонда Карнеги за международный мир. Именно «Стингерам» приписывают серьёзный удар по советским Военно-воздушным силам в Афганистане.

Вашингтон убедил короля Саудовской Аравии Фадха, вопреки возражениям его министра нефтяной промышленности Йамани, провести «реверсивный нефтяной шок» и затопить застоявшийся мировой нефтяной рынок своей изобильной нефтью.^{845} Цена на нефть ОПЕК камнем рухнула вниз, в среднем с уровня около 26 долларов за баррель зимой 1985 года до уровня ниже 10 долларов за баррель к концу весны 1986 года.

Волшебным образом экономисты Уолл-Стрит провозгласили окончательную «победу» над инфляцией, одновременно охотно закрывая глаза на значение нефти в создании

инфляции в 1970-х годах или в её сокращении в 1980-е годы.

Министр нефти Саудовской Аравии Шейх Заки Йамани, который открыто протестовал против того, что он называл американским нефтяным заговором, выступил в роли удобного козла отпущения за изобретенную в Вашингтоне политику и был отправлен в отставку. Цены на нефть стабилизировались на довольно низком уровне около 15 долларов за баррель к 1987 году, вовремя обеспечив приятный рост экономики США к приближающимся президентским выборам.

Падение цен на нефть в 1986 году вызвало к жизни спекулятивный пузырь, сопоставимый с ситуацией в 1927–1929 годах в США. Процентные ставки снизились ещё более значительно, так как деньги текли, чтобы заниматься «убийствами» на Нью-йоркской фондовой бирже. На Уолл-Стрит стало модным новое финансовое извращение – приобретение за счёт заемных средств.

На фоне снижения денежных расходов и продолжающегося роста акций администрацией Рейгана, которая поощряла религию «свободного рынка», было позволено все, если на этом можно было сделать деньги. Объектом внимания новых корпоративных «рейдеров» или, как из называли на Уолл-Стрит, «мусорщиков», мог стать кто угодно, скажем, промышленная компания со столетней историей, которая управлялась по старинке, производила шины, машины или текстиль.

В результате приобретений на заемные средства становились миллиардерами на бумаге такие красочные персонажи, как Т. Бун Пикенс⁴⁰, Майк Милкен или Айвэн Боски⁴¹. Сиятельными учреждениями, например, Гарвардской школой бизнеса, была провозглашена новая корпоративная философия менеджмента, чтобы хоть как-то рационализировать это безумие во имя рыночной «эффективности».

За 10 лет почти 1 триллион долларов ушёл в спекулятивное инвестирование в недвижимость, рекордная сумма, почти в два раза превышающая суммы предыдущих лет. Банки, желая защитить свои балансы от проблем в Латинской Америке, помимо выдачи традиционных корпоративных кредитов, впервые начали прямое кредитование в недвижимость.

⁴⁰ Т. Бун Пикенс-мл. (Т. Boone Pickens, Jr.) заслужил репутацию налетчика, потому что занял крупные инвестиционные позиции в ряде нефтяных компаний. В 1983 году Пикенс стремился или сделать деньги, или успешно захватить ещё одну компанию с большими ресурсами. Он выбрал мишенью «Галф», купив 13,2 процента её акций. Борьба стала мерзкой, причем компания «Галф» наняла детективов раскапывать грязь на Пикенса. В 1984 году «Галф» приняла дружественное предложение от фирмы «Сокал» (Socal); объединённые фирмы приняли новое название «Шеврон» (Chevron). Прибыль Пикенса: 218 млн долл.

⁴¹ Первоначально в 1970-х годах арбитражная фирма Айвэна Боски Ivan F. Boesky Co. занималась вычислением недооцененных компаний на рынке. После всестороннего анализа с использованием не всегда легальных источников информации Айван покупал пакет акций такой компании. Ставка делалась на то, что её кто-нибудь захочет поглотить. Поглощение начиналось со скупки акций, в результате чего их цена росла, и Боски закрывал позицию с огромной прибылью. Но махинации с инсайдерской торговлей достигли действительно невероятных масштабов лишь в 1985 году, после знакомства Боски с Майком Милкеном из отдела высокодоходных облигаций Drexel Burnham Lambert Inc. Майк к тому времени получил титул короля «мусорных», или высокодоходных, облигаций. Самостоятельно создав ликвидность вторичного рынка этих облигаций, он оказывал ещё и услуги по их эмиссии. К середине 80-х в руках Майка было более половины этого рынка. Часто именно «мусорные» облигации служили источником средств для поглощений. Эти два человека были просто находкой друг для друга. В 1986 году Боски с помощью Майка разместил собственные облигации, увеличив капитал до \$ 1 млрд. Союз Милкена и Боски достиг угрожающих масштабов. Практически любая корпорация чувствовала себя неуютно, если эта парочка обращала на неё внимание. Вся цепочка бизнеса Боски, граничившего с криминальным, начала рассыпаться во второй половине 1986 года. В результате Боски согласился на признание в суде и, выплатив \$100 млн штрафа, получил три года тюрьмы. Милкена же осудили на десять лет со штрафом \$600 млн.

Ограбление ссудосберегательных банков

Ссудосберегательные банки, созданные в период экономической депрессии как отдельно регулируемые банки, чтобы обеспечивать безопасный источник долгосрочных ипотечных кредитов для семей-покупателей, были «дерегулированы» в начале 1980-х годов в рамках толчка к «свободному рынку». Им было разрешено «предлагать цену» оптовых депозитов, так называемых «брокерских депозитов», по высокой ставке. Чтобы облегчить этот процесс, в октябре 1982 года администрация Рейгана сняла все регулятивные ограничения, приняв Закон Гарна-Сент-Жермена, который позволил ссудосберегательным банкам вкладывать средства по любой схеме, какую они сочтут нужной, с полной страховкой правительства США в 100 тысяч долларов США в счёт обеспечения рисков на случай неудачи.

Используя образ Лас-Вегаса, президент Рейган, когда подписывал вступление нового Закона Гарна-Сент-Жермена в силу, с энтузиазмом сообщил аудитории приглашённых банкиров из ссудосберегательной системы:

«Думаю, мы сорвали джекпот».

Этот «джекпот» стал началом краха банковской системы ссуд и сбережений стоимостью в 1,3 триллионов долларов. Прежде чем осела пыль, обанкротилось 747 ссудосберегательных банков, что стоило американским налогоплательщикам более 125 миллиардов долларов.

Новый закон открыл ссудосберегательным банкам широкую дорогу к огульным финансовым злоупотреблениям и диким спекулятивным рискам. Кроме того, он сделал ссудосберегательные банки идеальным инструментом организованной преступности для отмывания миллиардов долларов растущего кокаинового и прочего наркотического бизнеса в 1980-х годах в Америке. Например, таким образом «засветилась» бывшая фирма Дональда Ригана «Меррил Линч», чей швейцарский офис в Лугано был замешан в отмывании миллиардов наркодолларов героинового бизнеса в так называемом скандале «Пицца Коннекшн».

Дикий и запутанный климат дерегулирования создал атмосферу, в которой нормальные, эффективно работающие сберегательные банки уступали позиции скороспелым банкам, которые ориентировались на сомнительные денежные средства, не задавая лишних вопросов. Банки отмывали средства для проведения тайных операций ЦРУ, а также для тайных операций организованных преступных семей. Сын вице-президента Нил Буш был директором позднее обвиненного правительством в незаконных действиях ссудосберегательного банка «Сильверардо» в Колорадо. У Нила оказалось достаточно чутья, чтобы уйти в «отставку» за неделю до того, как в 1988 году его отец стал кандидатом в президенты от республиканцев.^[846] Для того чтобы конкурировать с недавно дерегулированными ссудо-сберегательными и прочими банками, наиболее консервативные во всём финансовом секторе страховые компании в массе своей также приступили в 1980-х годах к спекуляциям недвижимостью. Но в отличие от банков они никогда не находились под государственным надзором или регулированием (возможно, потому, что в прошлом были весьма консервативны). Не существовало никакого государственного правительственного страхового фонда для защиты держателей полисов страховых компаний, как это было для банков. К 1989 году страховые компании провели сумму примерно в 260 миллиардов долларов по сделкам с недвижимостью в своих учётных книгах, увеличив эту сумму со 100 миллиардов в 1980 году. Но затем рынок недвижимости провалился в наихудшую после 1930-х годов депрессию и впервые в послевоенной истории вызвал банкротства страховых компаний, поскольку запаниковавшие держатели страховых полисов потребовали назад свои деньги.

Окончательная стоимость фиаско ссудосберегательной системы в 1980-х годах составила более 160 миллиардов долларов. Некоторые подсчитали, что реальные издержки

для экономики достигли 900 миллиардов долларов. В период с 1986- го по 1991 год число вновь построенных домов упало с 1,8 миллионов до 1 миллиона, самый низкий показатель со времен Второй мировой войны.

Грубая реальность состояла в том, что со времени нефтяных шоков 1970- х годов финансовые власти Нью-Йорка были настолько поглощены своими интересами, что в Вашингтоне уже не раздавался ни один разумный голос. Задолженность возросла до поразительной суммы. Когда Рейган выиграл выборы в 1980 году, совокупный частный и государственный долг США составлял 3873 миллиардов долларов. К концу десятилетия он достиг 10 триллионов долларов США. Это означало ужасающее увеличение долгового бремени более чем на 6 триллионов за такой короткий срок.^{847}

На фоне роста долгового бремени на производительную экономику и ухудшения ситуации на промышленных предприятиях США и в качестве рабочей силы совокупное воздействие двадцати лет забвения начало проявляться во всеобщем коллапсе жизненно важной общественной инфраструктуры страны. Автостреды покрывались трещинами из- за отсутствия регулярного обновления; мосты стали структурно ненадёжными и во многих случаях обрушивались; системы водоснабжения в депрессивных районах находились в запустении; больницы и школы в крупных городах приходили в негодность; качество жилья для небогатых резко ухудшилось. К 1989 году объединение строительной промышленности «Ассоциация американских генеральных подрядчиков» оценивала, что только для восстановления американской разваливающейся общественной инфраструктуры до современного уровня срочно необходимо чистых инвестиций в размере 3,3 триллиона. Вашингтон был глух.

Решать эти проблемы администрация Буша-старшего предложила частной инициативе «свободного рынка». К 1990 году Вашингтон погрузился в бюджетный кризис. На неравномерное распределение выгод от рейгановского «восстановления» правительству США указывали данные о количестве американских граждан, живущих «за чертой бедности».

В 1979 году, когда в разгар второго нефтяного кризиса Пол Волкер начинал свой монетарный шок, правительство насчитало 24 миллиона американцев за чертой бедности, определяя эту черту как 6 тысяч долларов США в год. К 1988 году цифра возросла более чем на 30% и достигла 32 миллионов. Как никогда ранее в истории США налоговая политика Рейгана-Буша сосредоточила богатства страны в руках немногочисленной элиты. С 1980 года, согласно исследования, проведенного Бюджетным комитетом палаты представителей Конгресса США, реальные доходы 20% самых богатых граждан увеличилось на полные 32%. Этот разрыв в благосостоянии начнёт взрывной рост, когда сын Буша, Джордж Буш-младший станет президентом и протолкнёт самые радикальные сокращения налогов в американской истории. Он продолжит приводить в исполнение план, написанный Денежным Трестом ещё в 1973 году.

Расходы на американское здравоохранение, отражавшие странную комбинацию приватизации, свободного предпринимательства и государственных субсидий, поднялись до наивысшего уровня за всю историю и как доля ВВП стали вдвое больше, чем в Великобритании; кроме того. 37 миллионов американцев не имели вообще никакого медицинского страхования, в 2009 году их количество достигло 50 миллионов. Уровень здоровья в крупных американских городах с доведенными до нищеты гетто, населенными безработными чёрными и латиноамериканцами, соответствовал скорее уровню стран Третьего мира и не был достойным самого передового в мире промышленного государства.

На помощь Бушу-старшему приходит Япония

19 октября 1987 года фондовый пузырь лопнул. В течение этого дня индекс «Доу-Джонс» на Нью-йоркской фондовой бирже впервые в истории рухнул на 508 пунктов.

Фундамент рейгановского «подъёма» внезапно развалился.

Но этот фундамент остался неизменным в стратегии фракции Буша и Рокфеллера в англо-американском истеблишменте. Они были полны решимости гарантировать достаточные инвестиции, чтобы удержать свой пузырь на плаву до той поры, пока новый президент Буш (младший) не сможет снова продолжить воплощение великой стратегии Денежного Треста.

Крах фондового рынка в октябре 1987 года обозначил начало конца дерегулированных финансовых спекуляций, которые с начала 1970-х годов удерживали Американский век на плаву.

Джордж Буш-старший, готовясь к президентским выборам в ноябре 1988 года, привлек к ней руководителя своей предыдущей предвыборной кампании и своего близкого друга, министра финансов Джеймса Бейкера, а вместе с ним и влиятельную фракцию американского истеблишмента, чтобы гарантировать, несмотря на последствия катастрофы октября 1987 года, приток иностранного капитала на американские рынки акций и облигаций и сохранить в сознании достаточного количества избирателей иллюзию экономического подъёма имени Рейгана-Буша.

Вашингтон обратился к японскому правительству премьер-министра Накасонэ с утверждением что любой президент от Демократической партии нанесет ущерб японской торговле. Накасонэ оказал давление на Банк Японии и Министерство финансов, чтобы сделать их сговорчивее. Японские процентные ставки с октября 1987 года снижались и снижались, придавая американским акциям и облигациям, а также недвижимости, видимость сравнительно «дешёвых».

Миллиарды долларов уходили из Токио в США. В течение 1988 года доллар оставался сильным, и Бушу удалось выиграть выборы у своего соперника от Демократической партии. Чтобы обеспечить эту поддержку, Буш дал приватные гарантии высшим японским официальным лицам, что его президентство улучшит американо-японские отношения. Результатом различных японских финансовых уступок стал крупнейший в мире спекулятивный пузырь на японском фондовом рынке и рынке недвижимости.

Когда в 1990 году всё это здание рухнуло, поскольку обеспокоенный Банк Японии в страхе потерять экономической контроль начал поднимать процентные ставки, Япония погрузилась в десятилетнюю депрессию и дефляцию, от которых она так и не оправилась полностью.

Реальный план новой администрации Буша должен был направить давление на избранных американских союзников, особенно на Германию и Японию, чтобы наращивать «разделение бремени» для управления гигантским американским долгом. Буш утверждал, что Германия, Япония и другие основные экономические и военные союзники Америки должны увеличивать свою финансовую поддержку, чтобы обслуживать американскую супердержаву. Это была слегка завуалированная угроза.

Несмотря на экстраординарные меры, предпринятые в течение 1980-х годов Уолл-Стрит и её друзьями в Вашингтоне, к концу десятилетия перспективы господства американской супердержавы выглядели хуже чем когда-либо. После двадцати лет пренебрежения, после шоковой терапии Волкера и в результате аутсорсинга американской корпоративной элитой (ради снижения издержек на заработную плату) рабочих мест в Мексику и Азию внутренняя экономика, по сути, снизилась до статуса Третьего мира.

К 1989 крупные нью-йоркские банки были в плохой форме. Тогда же сенатор Роберт Доул созвал чрезвычайное собрание за закрытыми дверями в Белом доме, чтобы обсудить конфиденциальный отчёт Сената, показывающий, что одиннадцать из крупнейших банков Америки технически неплатёжеспособны. Один банковский аналитик с Уолл-Стрит описал крупнейший «Ситибанк» как «легкомысленный». Денежный Трест должен был принять решительные меры. Алан Гринспен, который был назначен вместо Волкера главой Федеральной резервной системы, пойдёт навстречу почти всем пожеланиям своих старых приятелей с Уолл-Стрит.

Глава 16

«Революция в финансовом деле» Гринспена пошла наперекосяк

«Поскольку мы стоим на пороге XXI века, остатки философии банковских проверок XIX века останутся на обочине истории... к связанным с банками компаниям не нужно – на самом деле, нельзя – применять регулирование, подобное банковскому».

– *призыв Алана Гринспена к дерегуляции банков в 1999 году* ^{869}

Долгосрочный план Гринспена

Семь лет монетарной «шоковой терапии» Волкера разожгли кризис платежей по всему Третьему миру. Внезапно перестали выплачиваться миллиарды долларов с долговых обязательств, выданных крупными нью-йоркскими и лондонскими банками после повышения цен на нефть в 1970-х годах для финансирования импорта нефти.

В августе 1987 года, всего за год до президентских выборов 1988 года, на которых Джордж Буш-старший был полон решимости добиться успеха и сменить президента Рейгана на этом посту, Буш убедил Рейгана назначить нового председателя Федеральной резервной системы, человека более лояльного Уолл-Стрит. Буш не верил, что Пол Волкер является его достаточно горячим сторонником, и опасался, что в страхе перед инфляцией тот не вовремя задушит экономический рост и лишит Буша победы на выборах. И предпочёл Алана Гринспена.

Рис. 17. Именно Алан Гринспен, который провёл на посту главы ФРС 18 лет, верно служа интересам Уолл-Стрит и возвращая Революцию в финансовом деле, ответствен за раздувания пузыря субстандартной ипотеки

В течение 18 лет, управляя железной рукой ФРС, он будет редко разочаровывать своих покровителей с Уолл-Стрит. Все эти годы были отмечены финансовым дерегулированием, последовательно возникающими спекулятивными пузырями и нестабильностью.

Под присмотром Гринспена крупные нью-йоркские банки разграбили все, что было ценного в сберегательных банках внутри США. Также были созданы условия для следующего этапа плана дерегулирования финансов, задуманного Рокфеллерами. Следующая фаза повлечёт за собой не что иное как революцию в самой природе денег – революцию «Новых финансов» Гринспена.

Тщательно культивируемая практика обработки общественного мнения (или «связей с общественностью») в американских СМИ убедила большинство американцев верить, что глава ФРС был в первую очередь государственным служащим, который совершал ошибки, но в конце концов спас и экономику страны и банки, совершив чрезвычайные подвиги в управлении финансовым кризисом и удостоившись титула «Маэстро». ^{870} Истина была несколько другой.

Маэстро на службе у Денежного Треста

Алан Гринспен, как любой другой председатель Совета директоров Федеральной резервной системы, был тщательно подобранным верным слугой фактических владельцев ФРС: сети частных банков, страховых компаний, инвестиционных банков, которые создали ФРС и поспешно её узаконили накануне рождественских каникул в декабре 1913 года в практически пустом Конгрессе. В деле «Льюис против Соединённых Штатов» Апелляционный суд США девятого округа заявил, что

«резервные банки не являются федеральными государственными органами, но... являются независимыми, находятся в частной собственности и иногда контролируются корпорациями».^{871}

В течение всего срока своего пребывания в должности председателя Федеральной резервной системы Гринспен посвятил себя продвижению американского мирового финансового господства.

Он знал, кто мажет маслом его хлеб, и неукоснительно выполнял указания тех, которых Конгресс США в 1913 году назвал «Большие Деньги», намекая на интригу банкиров, стоящую за созданием Федеральной резервной системы в 1913 году.

Не удивительно, что многие из финансовых институтов, стоявших за созданием в 1913 году Федеральной резервной системы, играли важнейшую роль и в революции секьюритизации, в том числе «Ситибанк» и «Дж. П. Морган». Оба имеют долю собственности в ключевом Нью-Йоркском Федеральном резервном банке, являющемся сердцем всей системы. Реальной целью Денежного Треста, будь то в 1913 или в 1987 году, – консолидация своего контроля над основными отраслями промышленности и экономики и, в конечном счёте, над мировой экономикой через процесс, который назовут глобализацией финансов.

Ещё одним малоизвестным держателем акций Нью-Йоркского Федерального резервного банка является Депозитарная Трестовая Компания (ДТК), крупнейший центральный депозитарий ценных бумаг в мире. Базирующаяся в Нью-Йорке ДТК держит на хранении более 2,5 млн. американских и неамериканских акционерных капиталов, корпоративных и муниципальных долговых ценных бумаг из более чем 100 стран на сумму более 36 трлн долларов. Она и её филиалы ежегодно заключают более чем на 1,5 квадриллионов долларов сделок с ценными бумагами. Не так плохо для компании, о которой большинство людей никогда не слышали.

Депозитарная Трестовая Компания обладает исключительной монополией на такой бизнес в США. Они стали, по сути, операционным офисом в мировой финансовой системе. ДТК рекламирует себя как безопасный способ для покупателей и продавцов ценных бумаг для совершения сделок, и, таким образом, проведение «ясных и регулируемых» операций. Она также предоставляет услуги хранения ценных бумаг. Они просто купили всех других претендентов, став постепенно существенным элементом продолжающегося доминирования Нью-Йорка на мировых финансовых рынках после того, когда американская экономика в большинстве своём превратилась в заброшенный «постиндустриальный» пустырь.

Хотя ревнители чистоты свободного рынка и догматические последователи покойной подруги Гринспена Айн Рэнд⁴² обвиняли председателя ФРС в ведении рискованной интервенционистской политики, в действительности существует красная нить, которая проходит через каждый крупный финансовый кризис в течение 18-летнего пребывания Гринспена в качестве председателя ФРС. За эти годы на посту руководителя одного из самых

⁴² Айн Рэнд (англ. Ayn Rand) – известная американская писательница и философ, создатель философского направления объективизма. Воинствующая антисоветчица и пропагандистка американского образа жизни, свободного рынка и либерализма, в девичестве Алиса Зиновьевна Розенбаум.

мощных финансовых институтов он сумел использовать каждый из прошедших финансовых кризисов, чтобы развить и укрепить влияние на мировую экономику сконцентрированных в США финансов. Почти всегда процесс сопровождался серьезным ущербом для экономики и общего благосостояния населения.

В каждом случае, будь то крах фондовой биржи в октябре 1987 года, азиатский кризис 1997 года, дефолт российского государства в 1998 году и последующий крах фонда «Долгосрочное управление капиталом» или отказ внести технические изменения в контролируемые ФРС биржевые гарантийные депозиты для охлаждения фондового пузыря «доткомов»⁴³, или стимулирование им ипотеки с переменной ставкой (когда ставки были минимальными), Гринспен использовал последующие кризисы, большинство из которых, как мы ещё увидим, было вызвано, в первую очередь, его широко известными комментариями и политикой учетных ставок, чтобы продвинуть программу глобализации рисков и либерализации регулирования рынков и обеспечить тем самым беспрепятственное функционирование крупных финансовых учреждений.

Когда Алан Гринспен в 1987 году прибыл в Вашингтон, он был тщательно выбранным Уолл-Стрит и крупными банками инструментом для воплощения их стратегии. В своё время Гринспен являлся консультантом на Уолл-Стрит, в число его клиентов входили «Дж. П. Морган Банк» и другие. Прежде чем стать главой ФРС, Гринспен уже заседал в советах некоторых наиболее могущественных корпораций в Америке, в том числе «Мобил Ойл Корпорэйшн», «Морган Гаранти Траст» и «Дж. П. Морган и Ко». Гринспен с 1982 года также занимал пост директора Совета по международным отношениям. Его первым экзаменом на новом посту главы ФРС станет манипуляция фондовыми рынками в октябре 1987 года.

Гринспен предлагает в 1987 году схему деривативов

В октябре 1987 года Гринспен возглавил чрезвычайную спасательную операцию на фондовом рынке после краха 20 октября, вкачивая в экономику огромные суммы ликвидности. Одновременно он включился в закулисные манипуляции на рынке через чикагский фондовый индекс деривативов⁴⁴ при неявной поддержке гарантиями ликвидности ФРС. Это был беспрецедентный шаг центрального банка – вмешательство с целью тайно манипулировать фондовым рынком. Шаг, законность которого, если он будет обнаруженным, очень сомнительна.

С этого момента ФРС совершенно ясно дала понять крупным участникам рынка, что они, по определению являются «слишком большими, чтобы разориться». Не страшно, если банк рискует десятками миллиардов, спекулируя с маржой на рынке тайских батов или на рынке «доткомов». Гринспен дал ясно понять, что в критический момент нехватки ликвидности он всегда рядом, чтобы спасти своих друзей-банкиров.

Крах в октябре 1987 года, в течение которого произошло невиданное ранее резкое падение индекса «Доу Индастриалс» на 508 пунктов, был отягощен наличием новых моделей компьютерных торгов, на основе так называемой Модели ценообразования опционов Блэка-Шоулза⁴⁵. Теперь деривативы оценивались и торговались на рынке точно так же, как

⁴³ «Дотком» (dotcom, dot-com, dot.com) – ставшее нарицательным название компании, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в рамках сети Интернет. Наибольшее распространение получили в конце 90-х гг. XX века. Название произошло от английского «dot-com» («точка-com») – домена верхнего уровня .com, в котором зарегистрированы преимущественно коммерческие организации.

⁴⁴ Производные финансовые инструменты, см. разъяснения далее по тексту.

⁴⁵ Модель оценки стоимости опционов на основе цены и степени волатильности соответствующего

раньше фьючерсы⁴⁶ на свинину. Как описывал это бывший трейдер Уолл-Стрит и автор Майкл Льюис:

«Новая стратегия, известная как страхование инвестиционного портфеля, изобретенная парой финансовых профессоров из Калифорнийского Университета в Беркли, была с размахом принята предположительно опытными инвесторами. Страхование инвестиционного портфеля родилось из одной самых могучих идей на Уолл-Стрит – модели опционного ценообразования имени Блэка-Шоулза. Модель основана на предположении, что трейдер может выдавить все риски из рынка, принимая короткие позиции и увеличивая их количество, когда рынок падает, таким образом, защищаясь от потерь, независимо от того, насколько он крут».^{872}

Модель Блэка-Шоулза вышла из университетских стен на торговые площадки Уолл-Стрит незадолго до краха 1987 года. В 1970-х годах ученые-экономисты Фишер Блэк и Майрон Шоулз разработали модель, которая, казалось, даёт научную основу для прогнозирования цен на опционы финансовых продуктов в будущем, основываясь на цене фактической или базисной ценной бумаги, валюты или других торгуемых на бирже сырьевых товаров, таких, как нефть. Новые инструменты, которые были проданы Уолл-Стрит, а затем и корпоративной Америке в качестве формы дешёвой «финансовой страховки» от резких колебаний цен, оценивались в отношении (то есть, производных от) к базисным продуктам, таким, как сырая нефть, откуда и последовал термин «деривативы».

Использование таких финансовых производных сравнивалось с «попыткой скопировать политику страхования от пожара с помощью динамически увеличения или уменьшения вашего страхового покрытия по мере того, как огонь разгорается или гаснет. Однажды, бам! и ваш дом в огне, и Вы требуете большего страхового покрытия?»^{873}

Крах 1987 года и роль производных финансовых инструментов в первом для них крупном рыночном кризисе ясно показали, что на рынках вообще нет реальной ликвидности в тот момент, когда она необходима. Все финансовые менеджеры пытались сделать одну и ту же вещь в одно и то же время: занимать короткие позиции⁴⁷ по деривативам (в данном случае – по фьючерсам на фондовые индексы) в тщетной попытке хеджировать⁴⁸ свои фондовые позиции.

Но бум продаж вызвал автоматически торговую спираль – фактически, управляемое компьютером свободное падение. Финансовые производные, являющиеся на деле сложными ставками на будущее направление [движения] курсов акций, громко дебютировали на Уолл-Стрит, спровоцировав крупнейшее в истории фондового рынка однодневное падение. Это был сомнительный старт и ни в коем случае не последний кризис, за который будут ответственны новые экзотические финансовые производные.

Стефен Зарленга, трейдер, который находился в нью-йоркских биржевых залах во

фондового инструмента, цены исполнения, процентной ставки и времени, остающегося до окончания срока действия опциона.

⁴⁶ Фьючерс (фьючерсный контракт) (от англ. futures) – производный финансовый инструмент, стандартный срочный биржевой контракт купли-продажи базового актива, при заключении которого стороны (продавец и покупатель) договариваются только об уровне цены и сроке поставки. Остальные параметры актива (количество, качество, упаковка, маркировка и т. п.) оговорены заранее в спецификации биржевого контракта. Стороны несут обязательства перед биржей вплоть до исполнения фьючерса.

⁴⁷ Играть на понижение.

⁴⁸ Хеджирование (от англ. hedge – страховка, гарантия) – открытие сделок на одном рынке для компенсации воздействия ценовых рисков равной, но противоположной позиции на другом рынке. Обычно хеджирование осуществляется с целью страхования рисков изменения цен путем заключения сделок на срочных рынках. Наиболее часто встречающийся вид хеджирования – хеджирование фьючерсными контрактами.

время тех кризисных дней в 1987 году, дал из первых рук описание последствий воздействия новых деривативов на рыночные цены:

«Они породили крупное падение цен на фьючерсном рынке... Участники арбитражных сделок, которые купили у них с большой скидкой фьючерсы, оборачивались и продавали основные акции, прижимая рынок наличных вниз, подпитывая процесс и в конечном итоге, обваливая рынок.

Некоторые из крупнейших фирм на Уолл-Стрит обнаружили, что не могут остановить участие своих предварительно запрограммированных компьютеров в этой автоматической торговле деривативами. Согласно частным сообщениям, они были вынуждены выдергивать их из розетки, или отрезать провода, идущие к компьютерам, или находить другие способы отключить их от питания (ходили слухи об использовании пожарных топоров из холлов), так как невозможно было прервать программы, посылающие указания на торговые площадки.

На нью-йоркской фондовой бирже в определённый момент в понедельник и во вторник серьёзно рассматривалось полное закрытие на несколько дней или недель, и делалось это открыто... Именно в этот момент... Гринспен сделал нехарактерное заявление. Он в самых недвусмысленных выражениях заявил, что, если понадобится, ФРС предоставит кредиты в распоряжение брокерского сообщества. Это был поворотный момент, поскольку именно недавнее назначение Гринспена в качестве председателя ФРС в середине 1987 года было одной из первых причин для рыночных распродаж».^{874}

Но в октябрьском однодневном крахе 1987 года важным был не уровень падения, почти на 23%. Важно было то, что 20 октября ФРС без публичного объявления вмешалась через доверенных дружков Гринспена из нью-йоркского банка при «Дж. П. Морган» и из других мест, чтобы манипулировать восстановлением рынка за счёт использования новых финансовых инструментов – деривативов.

Видимой или предполагаемой причиной восстановления рынка в октябре 1987 казалось то, что чикагский синтетический индекс американских корпораций на фьючерсы «голубых фишек» нью-йоркской фондовой биржи (НИМЕКС) внезапно в полдень во вторник начал торговаться выше базовой текущей цены, в то время, когда одна за другой закрывались позиции по «Доу». Это было интерпретировано как сигнал, что «умные деньги» знают, что скоро начнётся восстановление. Брокеры осторожно начали покупать реальные акции.

Это стало поворотной точкой коллапса. Участники арбитражных сделок покупали акции, лежащие в основе опциона, вновь открывая их, и продавали фьючерсы синтетического индекса американских корпораций выше номинала. Нью-йоркский фондовый рынок магически и без видимых причин начал резкое восстановление. Последнее было создано в торговой яме Чикагской фьючерсной биржи вдали от глаз общественности. Гринспен и его финансовые дружки из Нью-Йорка успешно провели рукотворное восстановление, используя те же самые модели торговли деривативами наоборот. Это был рассвет эры финансовых деривативов – эпохи невообразимого потенциала для манипуляций.

Для большинства обычных трейдеров с Уолл-Стрит производные финансовые инструменты постепенно стали высоко прибыльным новым инструментом, чтобы делать деньги из денег. Несколько опытных финансовых инсайдеров поняли, что те, кто смогут взять под контроль рынок новых финансовых инструментов и управлять своими биржами, обладают потенциалом создавать новые или останавливать все финансовые рынки. Это было началом одного из самых колоссальных проектов в истории финансов – революции деривативов.

Исторически, по крайней мере, по мнению большинства, роль ФРС как контролёра денежного обращения наряду с прочим состояла в том, чтобы её члены из числа крупнейших банков действовали в качестве независимых наблюдателей для обеспечения стабильности банковской системы и предотвращения повторения банковской паники 1930 - х годов, выступая в роли «кредитора последней инстанции».

Под управлением же Гринспена после октября 1987 года, ФРС всё чаще становилась «кредитором первой инстанции», поскольку ФРС расширяла круг финансовых учреждений,

достойных страхования ФРС.

Так родилась инсайдерская игра, в конце 1980-х годов проданная общественности как «демократизация» капитала, под прикрытием того аргумента, что, поскольку миллионы американцев инвестировали свои пенсионные фонды в паевые инвестиционные фонды и в инвестиционные фонды денежного рынка, это означает, что это не финансовые олигархи старых времён, подобные Дж. П. Моргану и Джону Д. Рокфеллеру, а «народ» теперь контролирует финансы. Невозможно было придумать ничего, более далёкого от истины.

Эта политика невмешательства ФРС Гринспена в отношении надзора и банковского регулирования после 1987 года имела решающее значение для реализации широкого дерегулирования и плана финансовой секьюритизации, на которую Гринспен намекнул в своей первой речи в Конгрессе в 1987 году.

8 ноября 1987 года, всего лишь через три недели после октябрьской фондовой катастрофы, Алан Гринспен заявил Банковскому комитету Палаты представителей США, что «...отмена ограничений Гласса-Стигала обеспечит значительную общественную выгоду при одновременном контролируемом увеличении риска». ^{875}

Гринспен будет повторять эту мантру до тех пор, пока ограничения не будут окончательно отменены в 1999 году. Поддержка со стороны ФРС Гринспена нерегулируемого использования производных финансовых инструментов после катастрофы 1987 года сыграла важную роль в глобальном взрыве объёмов торговли деривативами. Глобальный рынок деривативов вырос на 23 102% по сравнению с 1987 годом и к концу 2006 года достиг ошеломляющей величины 370 триллионов долларов. Объём, выходящий за рамки понимания.

Уничтожение ограничений Гласса-Стигала

Одним из первых действий Гринспена в качестве председателя ФРС состояло в призыве к отмене Закона Гласса-Стигала, за что горячо выступали его старые друзья в «Дж. П. Морган» и «Ситибанк». ^{876} Закон Гласса-Стигала (официально «Закон о банках 1933 года») отделял коммерческую банковскую систему от уолл-стритовского инвестиционного и страхового банкинга. Изначально Закон Гласса-Стигала предназначался для обуздания трёх основных проблем, которые привели к жестокой волне банковских крахов и депрессии в 1930-е.

Рис. 18. В 1999 году глава «Ситигруп» Санди Вейл (в центре) при поддержке министра финансов администрации Клинтона Роберта Рубина (справа) добился отмены Закона Гласса-Стигала 1933 года

Одна из проблем, на которую он был направлен, состояла в том, что до 1929 года банки инвестировали свои активы в ценные бумаги с последующим риском для коммерческих и сберегательных вкладчиков в случае биржевого краха. Недоброкачественные займы выдавались банками для того, чтобы искусственно поддерживать цены на некоторые ценные бумаги или финансовые позиции компаний, в которые банк инвестировал свои собственные активы. Банковский финансовый интерес в собственности, ценообразовании или распределении ценных бумаг неизбежно искушал банковских чиновников давить на своих банковских клиентов, чтобы те инвестировали в бумаги, которые сам банк был вынужден продавать. Это был колоссальный конфликт интересов и приглашение для мошенничества и злоупотреблений. Та эпоха была справедливо названа «Ревущими двадцатыми», поскольку фондовый рынок с рёвом взлетел к новым завышенным максимумам.

Банки, которые предлагали услуги инвестиционного банкинга и инвестиционные фонды, стали субъектами конфликта интересов и других злоупотреблений, что приводило к нанесению ущерба собственным клиентам, в том числе заёмщикам, вкладчикам и банкам-корреспондентам. Закон Гласса-Стигала от 1933 года специально был принят, чтобы предотвратить это.

После отмены Закона в 1999 году, когда исчезли ограничения Гласса-Стигала, банки предлагали секьюритизированные ипотечные обязательства и аналогичные продукты через

полностью принадлежащие им специализированные финансовые организации⁴⁹, которые они создавали, чтобы вывести риск «из банковской отчетности». Они были непосредственно и сознательно замешаны в том, что войдет в историю как величайшее финансовое мошенничество всех времен – мошенничество субстандартной секьюритизации.

Комментируя происхождение Закона Гласса-Стигала в 1930-х годах, гарвардский экономист Джон Кеннет Гэлбрайт отмечал:

«Конгресс был обеспокоен тем, что коммерческие банки в целом и банки-члены Федеральной резервной системы, в частности, понесли значительный урон в связи с падением фондового рынка отчасти из-за своего прямого и косвенного участия в торговле и владении спекулятивными ценными бумагами.

Законодательная история закона Гласса-Стигала свидетельствует о том, что Конгресс также задумывался и неоднократно фокусировался на более тонких опасностях, которые возникают, когда коммерческий банк выходит за рамки бизнеса, действуя в качестве попечителя или управляющего, и вступает в инвестиционный банковский бизнес либо непосредственно, либо путём создания филиалов, чтобы держать и продавать частные инвестиции.

В течение 1929 года один только инвестиционный дом «Голдман, Сакс и Ко.» организовал и продал почти на миллиард долларов ценных бумаг в трёх взаимосвязанных инвестиционных трестах: «Голдман Сакс Трейдинг Корпорэйшн», «Шенандо Корпорэйшн» и «Блю Ридж Корпорэйшн». Все они в конечном итоге обесценились до нуля.^{877}

Дерегулирование означает «слишком большой, чтобы упасть»

Начиная с рейгановской эпохи в 1980-х годах и все 1990-е крупные банки и учреждения Уолл-Стрит консолидировали беспрецедентную власть над Соединёнными Штатами и их экономической жизнью. План дерегулирования, предложенный в 1973 году Рокфеллерами был мотором этой мощной консолидации. На протяжении большей части этого периода консолидация проходила под бдительным оком ФРС Гринспена.

В Соединённых Штатах за период с 1980 по 1994 год более чем 1600 банков, застрахованных Федеральной корпорацией страхования депозитов (ФКСД), были закрыты или получили финансовую помощь ФКСД. Это было намного больше, чем в любой другой период, прошедший с момента появления федерального страхования вкладов в 1930 году. Это входило в процесс концентрации в гигантские банковские группы, который продолжился и в следующем столетии.

В 1984 году казалось неизбежным крупнейшее в истории США банковское банкротство. Чикагский «Континентал Иллинойс Нэшнл Бэнк», седьмой по величине в США и один из крупнейших в мире банков стоял на грани краха. Чтобы не допустить этого, правительство с помощью Федеральной корпорации страхования депозитов вытащило из ямы «Континентал Иллинойс Нэшнл Бэнк», объявив 100%-ю депозитную гарантию вместо ограниченной, которую обычно давала ФКСД.

Впоследствии это было названо доктриной «Слишком большой, чтобы упасть». Аргумент заключался в том, что некоторым очень крупным банкам (потому что они слишком велики) нельзя позволить обанкротиться из опасения цепной реакции последствий, которую это событие вызовет во всей экономике. Не прошло слишком много времени, как крупные банки сообразили, что, чем больше они становятся через слияния и поглощения, тем больше уверенности в том, что им достанется обхождение по правилу «слишком большой, чтобы упасть». Так называемый «моральный риск» становился главной чертой крупных банков США.^{878}

⁴⁹ Английский термин – Special Purpose Vehicles.

Чтобы охватить очень крупные хедж-фонды («например, «Долгосрочное управление капиталом»), очень крупные фондовые биржи (нью-йоркская фондовая биржа) и практически каждую крупную финансовую организацию, в которой США держали стратегические карты, доктрина «слишком большой, чтобы упасть» была вынуждена расширяться в течение всего гринспеновского периода ФРС. И последствия предсказуемо должны были быть разрушительными. Мало кто вне элитных инсайдерских кругов очень крупных организаций финансового сообщества понимал даже сам факт, что эта доктрина вообще существует.

Как только принцип «слишком большой, чтобы упасть» стал ясен, крупнейшие банки вступили в борьбу, чтобы получить ещё больше. Были ликвидированы один за другим традиционное разделение банковской системы на местные ссудосберегательные ипотечные банки, с одной стороны, и крупные международные денежные центральные банки, такие, как «Ситибанк», «Дж. П. Морган» или «Банк оф Америка», с другой, а также отменён запрет на банковскую деятельность в более чем одном штате. Это была своего рода «расчистка игрового поля», но на уровне крупнейших банков, чтобы разровнять бульдозерами, поглотить более мелких конкурентов и создать финансовые картели беспрецедентного масштаба.

К 1996 году число независимых банков сократилось более чем на одну треть с конца 1970 годов от более чем 12000 до менее чем 8000. Доля банковских активов, контролируемых банками с более чем 100 миллиардами долларов, удвоилась до одной пятой всех банковских активов США. И это было только начало.

Банковская консолидация стала прямым результатом устранения географических ограничений на банковские ветвления и приобретения холдинговых компаний со стороны отдельных штатов, формализованных в законе (Ригла-Нила) о повышении эффективности деятельности между штатами банков и филиалов от 1994 года. Под лозунгом «более эффективной банковской деятельности» дарвинистское «выживает сильнейший» получило своё развитие. Что ни в коей мере не означало, что выживает лучший. Эта консолидация приведёт к значительным последствиям через десять или около того лет, когда в масштабах, превышающих самые смелые фантазии банков, расцветёт секьюритизация.

Операция отката: выход Гринспена

Основные нью-йоркские крупные финансовые центры давно уже держали в голове отказ от ограничений Конгресса 1933 года – закона Гласса-Стигала. И Алан Гринспен в качестве председателя Федеральной резервной системы был их человеком. Основные крупные банки, возглавляемые влиятельным рокфеллеровскими «Чейз Манхэттен Банк» и «Ситикорп» Санфорда Вэйла, потратили свыше 10 миллиардов долларов на лоббирование, проводя кампанию пожертвований влиятельным конгрессменам, чтобы добиться дерегулирования ограничений на банковское и фондовое страхование.

Через два месяца после вступления в должность 6 октября 1987 года, всего за несколько дней до крупного однодневного краха на нью-йоркской фондовой бирже, Гринспен сообщил Конгрессу, что банки США, «замороженные» в эпоху новых технологий структурой регулирования, которая была разработана более 50 лет назад, проигрывают свои конкурентные сражения другим финансовым учреждениям и нуждаются в новых полномочиях для восстановления баланса:

«Основные продукты, предоставляемые банками, – оценка кредитов и диверсификации рисков – являются менее конкурентоспособными, чем они были 10 лет назад».

Как отметила газета «Нью-Йорк Таймс»:

«Г - н Гринспен уже давно гораздо более благосклонно настроен в отношении дерегулирования банковской системы, чем его предшественник в ФРС Пол А. Волкер».^{879}

Первое выступление Гринспена в Конгрессе 6 октября 1987 года в качестве

председателя ФРС имеет важное значение для понимания преемственности курса вплоть до революции секьюритизации последних лет, революции Новых финансов. Вновь процитируем рассуждения «Нью-Йорк Таймс»:

«Г-н Гринспен, сокрушаясь о потерях банками конкурентных преимуществ, указал, как он выразился, на "слишком жёсткую" нормативную структуру, которая ограничивает доступ к потребителям и эффективному обслуживанию и препятствует конкуренции. Но затем он указал и на другое развитие событий "особого значения" – достижения в области обработки данных и телекоммуникационных технологий, которые позволили другим узурпировать традиционную роль банков в качестве финансовых посредников. Иными словами, основной банковский экономический вклад – риск своими деньгами в виде кредитов на основе обладания превосходящей информации о кредитоспособности заёмщиков – оказался под угрозой».

Газета процитировала Гринспена по поводу вызова в 1987 году современному банковскому делу со стороны технологических перемен:

«По словам Гринспена, обширные он-лайн базы данных, мощный потенциал вычислений и телекоммуникационные средства предоставляют кредитную и рыночную информацию почти мгновенно, что позволяет кредитору проводить свой собственный анализ кредитоспособности, разрабатывать и осуществлять комплекс торговых стратегий по хеджированию рисков. Это, добавил он, наносит постоянный урон «конкурентоспособности депозитарных учреждений и в будущем позволит расширить конкурентное преимущество рынков секьюритизированных активов, таких как коммерческие бумаги, перекрестные ипотечные ценные бумаги и даже автомобильные кредиты».

В заключение он говорит, что наш опыт вплоть до этого момента показывает, что эффективнейшее обособление банка от связанной финансовой или коммерческой деятельности достигается через холдинговую структуру».^{880}

Однако в банковской холдинговой компании, Федеральном фонде страхования депозитов, портфель вкладов, предназначенный для гарантии банковских депозитов свыше 100 тыс. долларов на каждом счете, будет применяться только к основному банку, а не к различным дочерним компаниям, созданным для участия в экзотических хеджевых фондах или другой деятельности, не входящей в учетные книги банка. В результате этого в кризисных ситуациях, таких как разворачивающийся после 2007 года крах секьюритизации, окончательным кредитором последней инстанции, то есть страхователями банковских рисков становятся американские налогоплательщики.

Все это вызвало серьёзные дебаты в Конгрессе, которые продолжались до окончательной и полной законодательной отмены ограничений Гласса-Стигала Клинтон в 1999 году. Клинтон передал перо, которым в ноябре 1999 года он подписал этот акт отмены в качестве подарка Санфорду Вэйлу, могущественному главе «Ситикорп», что является, по меньшей мере, любопытным жестом для президента-демократа, если не сказать больше. Похоже, Клинтон тоже умел следовать за деньгами.

Алан Гринспен сыграл решающую роль в продавливании через Конгресс отмены закона Гласса-Стигала. На слушаниях Комитета по банковским и финансовым услугам Палаты представителей 11 февраля 1999 года Гринспен заявил:

«...Мы поддерживаем, как мы уже это делали в течение многих лет, значительный пересмотр... Закона Гласса-Стигала и Закона о банковских холдингах, чтобы устранить законодательные барьеры на пути интеграции банковской, страховой и биржевой деятельности. Существует практическое единодушие между всеми заинтересованными сторонами, и частными и государственными, в том, что эти барьеры должны быть сняты. Технологически стимулируемое распространение новых финансовых продуктов, которые позволяют разделить риски, всё в большей степени соединяет свойства банковского дела, страхования и ценных бумаг в единый финансовый инструмент».^{881}

В том же выступлении в 1999 году Гринспен разъяснял, что отмена означает уменьшение, а не увеличение регулирования вновь создаваемых финансовых конгломератов,

вступая тем самым на прямую дорогу к нынешнему фиаско:

«Поскольку мы стоим на пороге XXI века, остатки философии банковских проверок XIX века останутся на обочине истории. Банки, конечно, по-прежнему нужно будет контролировать и регулировать, в немалой степени потому, что они подпадают под действие сети гарантий. Моя позиция в том, однако, что характер и масштабы этой деятельности должны прийти в большее соответствие с рыночными реалиями. Кроме того, **к связанным с банками компаниям не нужно – на самом деле, нельзя – применять регулирование, подобное банковскому**». ^{882} (выделено автором)

Именно дробление банковских холдингов с присущим им конфликтом интересов, в результате чего десятки миллионов американцев оказались безработными и бездомными в течение депрессии 1930-х годов, стало именно той первоочередной причиной, по которой Конгресс принял закон Гласса-Стигала.

«Стратегии, невообразимые десять лет назад...»

«Нью-Йорк Таймс» описывала новый финансовый мир, созданный отменой ограничений Гласса-Стигала, в июньском очерке о «Голдман Сакс» в 2007 году, за несколько недель до наступления кризиса субстандартной ипотеки:

«В то время как Уолл-Стрит ещё делает деньги, консультируя компании по вопросам слияний и фиксируя эти сделки, реальные деньги – огромные деньги – делаются торговым и инвестиционным капиталом с помощью глобального массива сногшибательных продуктов и стратегий, невообразимых десять лет назад». Они имели в виду революцию секьюритизации. Газета процитировала председателя «Голдман Сакс» Ллойда Бланкфейна о новом мире финансовых инструментов секьюритизации, хедже-вых фондах и деривативах:

«Мы прошли полный круг, потому что это именно то, что Ротшильды или Дж. П. Морган делали в пору своего расцвета. Именно закон Гласса-Стигала вызвал отклонение от прямого пути». ^{883}

Ллойд Бланкфейн, как и большинство банкиров Уолл-Стрит и финансовых инсайдеров, рассматривал «Новый курс» правительства Рузвельта как аберрацию, открыто призывая к возвращению ко временам Дж. П. Моргана и других магнатов «позолоченного века» злоупотреблений 1920 годов.

Ограничения Гласса-Стигала, аберрация по Бланкфейну, были, наконец, ликвидированы, благодаря Биллу Клинтону. «Голдман Сакс» был основным вкладчиком в избирательную кампанию Клинтона, и даже направил в 1993 году к Клинтону своего председателя Роберта Рубина, сначала в качестве «экономического царя», а затем в 1995 году в качестве министра финансов США.

В октябре 2007 года соучредитель Института экономической политики Роберт Куттнер выступал перед Комитетом по вопросам банковской деятельности и финансовых услуг США под руководством конгрессмена Барни Франка, вызывая призрак Великой депрессии:

«С момента отмены Гласса-Стигала в 1999 году после более десяти лет фактических набегов супер-банки смогли вновь в законодательном порядке установить те же виды структурных конфликтов интересов, которые были распространены в 1920 годах – кредитование спекулянтов, упаковка и страховка кредитов, последующая их продажа оптом или в розницу и взимание платы за каждый шаг на этом пути. И большинство из этих бумаг являются ещё более непрозрачными для банковских ревизоров, чем во времена их коллег в 1920-х годах. Значительная часть из них вообще не являются бумагами, и весь процесс нагнетается с помощью компьютеров и автоматизированных формул». ^{884}

Комментатор «Доу-Джонс Маркет Уотч» Томас Костиген, писавший в первые недели разворачивающегося кризиса субстандартной ипотеки, отметил роль отмены ограничений Гласса-Стигала в открытии широкой дороги для мошенничества, манипуляций и эксцессов кредитного леведреджа в расширяющемся мире секьюритизации:

«Было время, когда банки и брокерская деятельность были отдельными предприятиями, объединение им запрещалось во избежание конфликтов интересов, финансового краха, монополии на рынках, всех этих вещей вместе.

В 1999 году закон, запрещающий сочетание брокерской и банковской деятельности, Закон Гласса-Стигала 1933 года, был отменен, и вуаля! на месте того, что мы знаем как "Ситигруп", "ЮБиЭс", "Дойче Банк" и др. вырос финансовый супермаркет. Но сейчас, когда эти банки, кажется, споткнулись на своей некачественной ипотеке, стоит спросить, привели бы их ошибки к такому масштабу опустошения на остальной части финансовых рынков, если бы ограничения Гласса-Стигала оставались на месте?..

...Никто реально не интересовался новой причудой предоставлять обеспечение банковского долга по закладным в виде нескольких различных типов финансовых инструментов и продавать их через другое подразделение того же самого учреждения. Этим начали интересоваться только сейчас... (выделено автором)

...Гласс-Стигал, по крайней мере, давал то, что следует из первой составляющей его названия⁵⁰: прозрачность. Это лучше всего получается, когда вглядываются сторонние наблюдатели. Когда же всё находится внутри рассматриваемого объекта, то они смотрят наружу и видят одно и то же. Это не хорошо, потому что тогда вы не можете видеть вещи грядущие (или падающие), и каждый зависит от обрушения крыши.

Конгресс в настоящий момент проводит расследование фиаско субстандартной ипотеки. Законодатели рассматривают ужесточение правил кредитования, считают вторичных покупателей долговых обязательств ответственными за практику злоупотреблений, и, на позитивной ноте, даже берут на поруки некоторых домовладельцев. Эти временные меры помощи, однако, не **починят то, что сломано: система конфликтов [интересов], которая возникла, когда продавцы, торговцы и оценщики принадлежат к одной и той же команде**.^{885} (выделено автором)

Пузырь «дотком» Гринспена

Ещё не высохли чернила на подписи Билла Клинтона, отменяющей ограничения Гласса-Стигала, а ФРС Гринспена с головой погрузилась в стимулирование следующего кризиса – преднамеренное создание фондового пузыря, достойного составить конкуренцию пузырю 1929 года. Пузыря, который впоследствии ФРС точно так же преднамеренно хлопнет.

Азиатский финансовый кризис 1997 года и последующий российский государственный дефолт в августе 1998 года породил чудесное преобразование глобальных потоков капитала к преимуществу доллара. А Корея, Таиланд, Индонезия и большинство развивающихся рынков оказалось (по сообщениям швейцарских и британских инсайдеров) в огне скоординированной, политически мотивированной атаки трёх американских хедж-фондов: «Квантум Фонд» Сороса, «Ягуар и Тайгер Фонд» Джеймса Робертсона и «Мур Капитал Менеджмент», а также хедж-фонд «Долгосрочное Управление Капиталом» Джона Мерриуэзера из штата Коннектикут.^{886}

Влияние азиатского кризиса на доллар было заметным и подозрительно положительным. Эндрю Крокетт, генеральный управляющий Банка международных расчётов, организации ведущих мировых центральных банков в Базеле, отмечал, что хотя в 1996 году страны Восточной Азии имели комбинированный дефицит текущего счёта в 33 миллиарда долларов США, в результате притока спекулятивных горячих денег, «1998–1999 годах текущий счёт поменял знак на 87 миллиардов в плюсе». К 2002 году профицит достиг впечатляющих размеров в 200 миллиардов долларов. Основная часть этого излишка

⁵⁰ Glass, англ. – стекло.

возвращалась в США в виде покупки облигаций Министерства финансов США азиатскими центральными банками, по существу финансируя политику Вашингтона, толкая вниз процентные ставки в США и подпитывая формирующуюся «Новую Экономику», бум информационных технологий, внебиржевой рынок НАСДАК и «доткомы». ^{887}

В разгар азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов Гринспен до тех пор отказывался принимать меры, чтобы облегчить финансовое давление, пока Азия не рухнула, Россия в августе 1998 года не объявила свой дефолт по суверенному долгу, а дефляция не распространилась от региона к региону. И только после этого и он и Нью-йоркский Федеральный резервный банк вмешались, чтобы спасти огромный хедж-фонд «Долгосрочное управление капиталом», который стал несостоятельным в результате рискованной игры, в которой он проиграл в результате кризиса в России.

Чтобы спасти крупный нью-йоркский финансовый институт, который кредитовал «Долгосрочное управление капиталом» и другие хедж-фонды, Гринспен провёл необычно резкое сокращение процентных ставок ФРС, в первый раз на 0,5%. За этим, спустя несколько недель, последовало сокращение ещё на 0,25%. Это дало зарождающемуся пузырю «доткомов» прекрасный небольшой «глоток виски», поскольку дешёвые деньги хлынули в акции, запустив раздувание нового пузыря цен, не связанного с какой-либо долгосрочной экономической реальностью. Финансовые кризисы в Азии и России фактически снабдили новыми наличными казино фондового рынка Уолл-Стрит, чтобы сыграть новый раунд.

К концу 1998 года на фоне последовательных сокращений процентных ставок ФРС и накачивания достаточной ликвидностью, фондовые рынки США во главе с НАСДАК и Нью-йоркской фондовой биржей вышли из-под контроля. В одном только 1999 году, когда пузырь Новой Экономики надувался полным ходом, был зарегистрирован ошеломляющий рост стоимости акций, принадлежащих американским домохозяйствам – на 2,8 трлн долларов. Это составило более 25% годового ВВП в бумажной стоимости.

Исчезли ограничения Гласса-Стигала на банки и инвестиционные банки, продвигающие акции, которые они вывели на рынок (в точности такой же конфликт интересов как тот, который вызвал к жизни Гласса-Стигала в 1933 году). Уолл-стритовские фондовые промоутеры получали бонусы в десятки миллионов долларов за мошенническое раскручивание акций компаний сети «Интернет» и других, таких, как «ВорлдКом» и «Энрон». Это снова были всё те же «ревушие 1920е», но с электронными компьютеризированными «толкателями» с турбонаддувом. Бланкфейн и его дружки с Уолл-Стрит, несомненно, были удовлетворены тем, что «абберрация» регулирования уступила место «норме» вольного спекулятивного угара.

Мартовская речь 2000 года

В марте 2000 года, на самом пике биржевой мании «дотком» Алан Гринспен выступил на конференции по «Новой экономике» в Бостонском колледже, где повторил свои в те времена стандартные мантры во славу ИТ-революции и влияния на финансовые рынки. В этой речи он даже превзошёл предыдущие восторги фондовыми пузырями информационных технологий и их предполагаемым «обогащающим воздействием» на уровне потребления домохозяйств, который, по его утверждению, поддерживал устойчивый рост экономики США:

«В последние несколько лет стало всё более очевидным, что этот бизнес-цикл отличается кардинальным образом от многих других циклов, которые характеризовали Америку после Второй мировой войны. Достигнуто не только рекордное по длительности расширение, но и сделано это при большем экономическом росте, чем ожидалось».

Он продолжал почти поэтически источать мед:

«Мои замечания сегодня будут сосредоточены как на том, что очевидно является источником этого впечатляющего достижения – революция в области информационных

технологий... Когда историки будут изучать вторую половину 90х или два последних года, я подозреваю, они заключат, что мы сейчас переживаем ключевой период американской экономической истории... Эти инновации, и здесь характерным последним примером служит умножившееся использование сети «Интернет», поставили на поток запуск фирм, многие из которых претендуют на возможность произвести переворот и доминировать в крупных частях национальной системы производства и распределения».

Затем Маэстро перешёл к своей реальной теме – способности распределять риски через технологии и сеть «Интернет», предвестнице его осмысления этого едва проклюнувшегося феномена секьюритизации:

«Влияние информационных технологий стало особенно заметно в финансовом секторе экономики. Возможно, самым значительным нововведением стала разработка финансовых инструментов, которые позволяют перераспределять риски по тем сторонам, которые наиболее готовы и способны нести этот риск. Многие из вновь созданных финансовых продуктов, и в первую очередь финансовые деривативы, приносят экономическую стоимость путём разделения рисков и перемещения их в высшей степени точным способом. Хотя эти документы не могут уменьшить риски, присущие реальным активам, они могут перераспределить их таким способом, который вызывает приток инвестиций в реальные активы, и, следовательно, приводит к повышению производительности труда и уровня жизни населения. Информационные технологии сделали возможным создание, оценку и обмен этих сложных финансовых продуктов на глобальной основе...».^{888}

Пожалуй, самым примечательным был выбор момента для этой эйфорической хвалебной песни Гринспена благам фондовой ИТ-мании. Он хорошо знал, что последствия шести подряд повышений процентных ставок, которые он инициировал в конце 1999 года, рано или поздно заморозят покупки акций на заемные деньги.

Как и следовало ожидать, пузырь «доткомов» лопнул через неделю после речи Гринспена. 10 марта 2000 года сводный индекс НАСДАК достиг своего пика в 5048 пунктов, что более чем вдвое превысило его прошлогодний уровень. В понедельник 13 марта НАСДАК рухнул в одно мгновение на 4%.

Затем с 13 марта 2000 года, дойдя до самого дна, рынок потерял в стоимости ценных бумаг более 5 триллионов долларов, когда резкий подъём ставки Гринспеном привёл к жестокому проколу этого пузыря, наличие которого Гринспен продолжал отрицать, пока тот не лопнул. В долларовой выражении фондовая катастрофа 1929 года выглядит цветочками по сравнению с гринспеновской катастрофой «дотком». К марту Гринспен поднимал процентные ставки шесть раз, и этот факт привёл к жестокому охлаждению спекуляций на заёмные деньги на рынке акций компаний «дотком».

Акции и «Правила Ти»

Когда даже самым рядовым членам Конгресса стало ясно, что цены на акции вырвались из-под контроля, а банки и инвестиционные фонды выдают десятки миллиардов кредитов для спекуляций «на марже», ФРС призвали принять меры к требованиям к покупке акций с частичной оплатой за счёт кредита.

К февралю 2000 года задолженность по кредитному плечу превысила 265,2 миллиарда долларов, подскочив на 45% всего за четыре месяца. Значительная часть прироста произошла вследствие увеличения заимствований через он-лайнные брокерские конторы и направления их в акции фондового рынка высокотехнологичных компаний «Новой Экономики» (НАСДАК).

Согласно «Правилам Ти», ФРС имеет исключительные полномочия устанавливать начальные требования к кредитному плечу (или маржинальные требования) для приобретения акций в кредит, который с 1974 года составлял 50%. Другими словами, 50% средств, необходимых для приобретения акций, могли быть заёмными.

Если на фондовом рынке происходило бы серьёзное падение, требования внесения гарантийных депозитов превратили бы умеренный спад деловой активности в катастрофу, поскольку кредиторы брокеров были бы вынуждены потребовать больше наличных средств под обеспечение для своих маржинальных кредитов на падающем фондовом рынке, вынуждая большинство инвесторов продавать свои акции, чтобы поднять наличные средства, движение, которое превратило снижение рынка в бегство в 1929. Конгресс полагал, что именно это произошло в 1929 году, когда маржинальные⁵¹ обязательства составляли 30% на фондовом рынке стоимости. Вот почему он дал Федеральной резервной системе полномочия контролировать начальные требования к кредитному плечу в Законе о ценных бумагах от 1934 года.

Маржинальные требования после 1929 года достигали 100%, что означало, что даже ни одна часть закупочной цены не могла быть оплачена заемными средствами. Так продолжалось до 1974 года, после чего уровень был изменён до 50% и оставался таковым, что позволяло инвесторам занимать у своих брокеров не более половины закупочной цены акций. К 2000 году этот маржинальный механизм действовал подобно бензину, подливаемому в бушующий костер.

По этому вопросу были проведены слушания Конгресса. Инвестиционные менеджеры, такие, как Пол МакКалли из входящего в десятку лидеров мировых инвестиционных фондов «ПИМКО» сообщил Конгрессу:

«ФРС должна поднять этот минимум, и поднять его прямо сейчас. Конечно же, г-н Гринспен скажет «нет», поскольку 1) он не может найти доказательств наличия взаимосвязи между изменениями маржинальных требований и изменениями в уровне фондового рынка, и 2) поскольку это увеличение маржинальных требований будет дискриминировать мелких инвесторов, чьим единственным источником кредитования на фондовом рынке является их маржинальный счёт».^{889}

«На марже» или с уплатой только части стоимости ценных бумаг Перед лицом очевидного американского фондового пузыря 1999-2000 годов Гринспен не только неоднократно отказывался от изменения фондовых маржинальных требований, но также в конце 1990-х председатель Федеральной резервной системы фактически начал говорить в хвалебных терминах о «Новой Экономике», доказывая, что информационные и связанные с ними технологии способствовали повышению производительности. Он сознательно разжигал рыночное «иррациональное изобилие».

С июня 1996 по июнь 2000 года индекс «Доу» вырос на 93%, а НАСДАК – на 125%. Общее соотношение фондовых цен к корпоративным доходам достигло рекордных вершин, не виданных со времен краха 1929 года.

Затем в 1999 году Гринспен начал серию повышения процентной ставки, когда инфляция была даже ниже, чем в 1996 году, а производительность росла даже быстрее. Но с отказом привязать рост ставок к росту маржинальных требований, которые бы чётко дали понять, что ФРС серьёзно настроена охладить спекулятивный пузырь на рынке, воздействие Гринспена на экономику более высокими ставками, очевидно, было направлено на рост безработицы и снижение трудовых затрат во имя дальнейшего повышения корпоративной прибыли, а не для охлаждения безумия фондовых покупок Новой Экономики. Соответственно, фондовый рынок это проигнорировал.

Влиятельные наблюдатели, в том числе финансист Джордж Сорос и заместитель директора Международного валютного фонда Стенли Фишер, советовали ФРС выпустить воздух из пузыря за счёт повышения маржинальных требований.

Гринспен отказался от этой более чем разумной стратегии. На повторных слушаниях в Банковском комитете Сената США в 1996 году он заявил, что не хотел бы дискриминировать тех, кто небогат, и поэтому нуждаются в заимствованиях для игры на фондовом рынке (так!).

⁵¹ Количество заемных средств при покупке акций на бирже.

Как он хорошо знал, эти трейдеры, покупающие акции с кредитным плечом, в массе своей не «бедняки и нуждающиеся», но профессиональные агенты, ищущие «бесплатный сыр». Интересно, однако, то, что в точности тот же аргумент Гринспен будет повторять для обоснования своей пропаганды кредитования заёмщиков с низкими доходами, группу риска, заманивая их в ловушку фальшивого упоения владения субстандарной ипотекой – порождения его политики после 2001 года.^{890}

Фондовый рынок начал падать в первой половине 2000 года, и не потому, что выросла стоимость рабочей силы, а потому, что были, наконец, достигнуты границы доверия инвесторов. Финансовая пресса, включая «Уолл-Стрит Джорнэл», которая год назад славословила руководителей «доткомов» как пионеров Новой Экономки, сейчас высмеивала публику за то, что та поверила в то, что компании, которые никогда не принесут прибыли, могут расти вечно.

Это было типично для менталитета Уолл-Стрит, расценивающего «публику» как слепых сосунков, которые заслуживают быть обманутыми и ограбленными умными большими парнями с большими деньгами. Один бывший торговец производными финансовыми инструментами в «Морган Стенли», который вышел из бизнеса в середине 1990-х годов, описывал господствующее отношение на Уолл-Стрит к своим клиентам, приобретающим деривативы:

«Когда они не проводили сложные компьютерные вычисления, они кричали о том, как они собираются "кое-кого ограбить"..., поле битвы мира деривативов завалены нашими жертвами... в округе Ориндж (Калифорния), в "Бэрингс Банк", "Дайва Банк" и "Сумимото Корпорэйшн"....».^{891}

Новая Экономика, как сказал один из авторов «Уолл-Стрит Джорнэл», сегодня «выглядит как старомодный кредитный пузырь».^{892} Во второй половине 2000 года американские потребители, чьё соотношение задолженность-доход дошло до рекордно высокого уровня, начали уходить. Рождественские продажи пошли вниз, и в начале января 2001 года Гринспен отступил сам и пошёл на снижение процентных ставок. В результате 12 последовательных сокращений ставки ФРС снизились с 6% вплоть до послевоенного наинизшего уровня ставки 1% в июне 2003 года, где и оставались до 30 июня 2004 года.

Такого не было со времен Великой депрессии. В июле 2004 года Гринспен начал первое из четырнадцати будущих последовательных повышений ставки вплоть до своего ухода в отставку в 2006 году. Он поднял фондовые ставки ФРС с 1% до 4,5% в течение 19 месяцев. За этот период он убил несущий «золотые яйца» пузырь на рынке недвижимости.

В каждом своём выступлении председатель ФРС разъяснял, что его ультралёгкий монетарный режим после января 2001 года нацелен на поощрение инвестиций в ипотечное кредитование. Этот субстандартный феномен, ставший возможным только в эпоху секьюритизации активов и отмены ограничений Гласса-Стигала в сочетании с нерегулируемой внебиржевой торговлей деривативами между частными финансовыми учреждениями, был предсказуемым результатом преднамеренной политики Гринспена. Тщательное изучение исторических записей делает это факт совершенно очевидным.

Последняя фаза: создание нерегулируемых частных денег

После отмены ограничений Гласса-Стигала в 1999 году произошла ужасающая трансформация американского кредитного рынка в то, что вскоре станет величайшим в мире нерегулируемым механизмом для создания частных денег.

Новая финансовая система (или Новые финансы) строилась тесно взаимосвязанным, почти кровосмесительным, полуофициальным картелем игроков по сценарию, написанному Аланом Гринспеном и его друзьями из «Дж. П. Морган», «Ситигруп», «Голдман Сакс», а также других крупных финансовых домов Нью-Йорка. Как полагали накануне нового тысячелетия её создатели, секьюритизация обеспечит «новый» Американский век и его

финансовое господство в мире.

Ключом к революции в финансовой сфере (в дополнение к беззащитной поддержке со стороны ФРС Гринспена) было соучастие в ней исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти в США вплоть до Верховного суда. Кроме того, чтобы игра шла, как маслу, потребовалось активное соучастие двух ведущих кредитных учреждений в мире – «Мудис» и «Стандарт и Пуэрз».

Эта революция требовала такой законодательной и исполнительной власти, которая неоднократно будет отвергать призывы к рациональному регулированию внебиржевых финансовых деривативов, находившихся в собственности банка или финансируемых хедж-фондами, и систематически будет удалять все механизмы, обеспечивающие надзор, контроль и транспарентность, которые были кропотливо накоплены за предыдущее столетие. Она требовала от крупных государственных сертифицированных рейтинговых агентств присваивать высшие кредитные рейтинги AAA крохотной горстке плохо регулируемых страховых компаний, называемых «монлайнерами»⁵² и зарегистрированных в Нью-Йорке. Монолайнеры стали ещё одним важным элементом Новых финансов.

Внутренние структурные связи и идеологический консенсус между всеми этими институциональными игроками за кулисами массовой экспансии секьюритизации были столь очевидны и всепроникающи, что оказалось возможным включить её в «Америка Нью-Финанс Инк.» и продавать её акции на НАСДАК.

Алан Гринспен ожидал и поощрял этот процесс секьюритизации активов задолго до того, как в начале первого десятилетия нового века он фактически взрастил феноменальный пузырь недвижимости. В очевидно жалкой попытке снять с себя ответственность за коллапс рынка недвижимости Гринспен в конце 2007 года заявил, что проблема заключается не в ипотечном кредитовании проблемных или субстандартных заёмщиков, а в секьюритизации субстандартных кредитов. В апреле 2005 года он пел совершенно другие песни о субстандартной секьюритизации На Четвертой ежегодной исследовательской конференции по связям с общественностью ФРС глава ФРС декларировал:

«Инновация породила множество новых продуктов, таких как субстандартные займы или ниша кредитных программ для иммигрантов. Такое развитие событий представляет собой ответ рынка, который движет индустрию финансовых услуг на протяжении всей истории нашей страны. Благодаря этим достижениям в технологии, кредиторы воспользовались моделями оценки кредитоспособности и другими методами для эффективного кредитования более широкого круга потребителей... Ценные бумаги, обеспеченные закладными, помогли создать национальный и даже международный рынок ипотечных кредитов, и рыночная поддержка более широкого круга внутренних ипотечных кредитных продуктов стала обычным явлением. Это привело к секьюритизации целого ряда других потребительских кредитных продуктов, таких, как автомобильные кредиты и ссуды по кредитным картам».^{893}

Эта речь 2005 года была произнесена в тот момент, по его позднему утверждению, когда он вдруг осознал, что секьюритизация вышла из-под контроля. В сентябре 2007 года, когда кризис был в разгаре, Лесли Шталь из «СиБиЭс» спросил, почему же он не сделал ничего, чтобы пресечь

«незаконные или сомнительные методы, о которых Вы знали, и которые имели место в субстандарном кредитовании».

Гринспен ответил:

«Эээ... я не имел понятия о том, как значительны эти практики, пока не стало слишком поздно. Я реально не понимал этого до конца 2005 года и в 2006-м».

Он умолчал о том, что, даже если бы он в 2005 году «реально понял», он всё равно не

⁵² Монолайнеры – это страховые компании, занимаются узкоспециализированным страхованием для гарантии против неплатежей по секьюритизированным ценным бумагам.

сделал бы ничего, чтобы остановить вышедший из-под контроля мошеннический пузырь Понци⁵³, ради создания которого столь много сделала его политика.

Уже в 2002 году, когда субстандартная схема только появилась, Ассоциация ипотечных банкиров Америки разъяснила огромные риски на быстро развивающемся рынке секьюритизации субстандартной недвижимости. Отчет, опубликованный в журнале Федерального резервного банка Сент-Луиса в январе 2006 года отметил:

«Предварительные доказательства указывают, что вероятность неплатежа по крайней мере в шесть раз выше для нестандартных кредитов (кредиты с высокими процентными ставками), чем для основных».

Федеральный резервный банк Сент-Луиса является одним из банков-членов Федеральной резервной системы. То же федеральное исследование указывало, что риски субстандартного кредитования были известны задолго до прозрения Алана Гринспена:

«Ассоциация ипотечных банкиров Америки сообщает, что в третьем квартале 2002 года штрафная ставка⁵⁴ по субстандартным кредитам в пять с половиной раз превышала штрафную ставку для обычных кредитов, а ставка, при которой для субстандартных кредитов начиналось право потери выкупа, была выше более чем десять раз, чем для основных кредитов».^{894}

Ещё в ноябре 1998 года, лишь несколько недель спустя после едва не завершившегося распадом глобальной финансовой системы краха хедж-фонда «Долгосрочное управление капиталом», Гринспен сказал на ежегодном заседании Американской Ассоциации индустрии ценных бумаг:

«Резкий прогресс в области компьютерных и телекоммуникационных технологий в последние годы позволил широкое развязывание рисков с помощью новаторского финансового инжиниринга. Финансовые инструменты ушедшей эпохи, общие акции и долговые обязательства были пополнены широким кругом сложных гибридных финансовых продуктов, которые позволяют изолировать риски, но которые во многих случаях, кажется, являются вызовом человеческому пониманию».^{895}

Это выступление стало для Уолл-Стрит чётким сигналом двинуть секьюритизацию активов в большой путь. В конце концов, не Гринспен ли только что продемонстрировал с помощью ужасных азиатских кризисов 1997/98 годов и системного кризиса, вызванного суверенным долговым дефолтом России в августе 1998 года, что Федеральная резервная система и её кран ликвидности стояли в полной готовности, чтобы оказать скорую помощь банкам в случае каких-либо серьёзных неудач? Крупные банки, как окончательно стало ясно сейчас, были «слишком большими, чтобы упасть».

ФРС, крупнейший и влиятельнейший в мире центральный банк, возглавляемый без всяких сомнений либеральнейшим в мире и дружественным рынку председателем Гринспеном, поддерживал свои основные банки в новом смелом предприятии секьюритизации. Когда Гринспен говорил, что риски, «кажется, являются вызовом человеческому пониманию», он давал понять, что осознаёт, по крайней мере, в первом приближении, что это была целая новая область финансового помрачения сознания и усложнения.

А ведь центральные банкиры традиционно были известны своим стремлением к прозрачности в деятельности банков и к консервативным кредитованию и практикам управления рисками банками-членами ФРС. Но старины Алана Гринспена это не касалось.

Самое важное, что в далеком ноябре 1998 года Гринспен заверил своих

⁵³ Создатель одной из самых хитроумных и оригинальных финансовых пирамид, которая потом была названа в его честь. Финансовая пирамида – специфический способ обеспечения дохода за счёт постоянного привлечения денежных средств от новых участников пирамиды.

⁵⁴ 1) штрафная (процентная ставка) за досрочное изъятие депозита или погашение облигации; 2) процент просроченных ссуд.

улл-стритовских друзей по бизнесу финансового страхования, что сделает всё возможное для того, чтобы Новые финансы, секьюритизация активов, оставались бы только в ведении банков и самостоятельно регулировались.

Гринспен смотрел сквозь пальцы на то, как лисам доверяли охранять курятник. Он заявлял:

«Таким образом, ещё более важно признать, что в XXI веке финансовое регулирование будет всё больше полагаться на наблюдения частных контрагентов для обеспечения безопасности и надёжности. Не существует никаких убедительных способов вообразить себе большую часть государственного финансового регулирования, помимо надзора за процессом. Так как сложность финансового посредничества в мировом масштабе продолжает увеличиваться, традиционный надзорный процесс регулирования станет постепенно устаревать, по крайней мере, для более сложных банковских систем».^{896}

В октябре 1999 года на фоне лихорадки «доткомов» и мании пузыря информационных технологий на фондовом рынке Гринспен снова давал высокую оценку роли производных финансовых инструментов и

«новых финансовых инструментов... перераспределяющих риски таким способом, что делает их более терпимым. Страхование, конечно же, является чистой формой этой услуги. Все новые финансовые продукты, которые были созданы в последние годы, производные финансовых инструментов, находящиеся на переднем крае, содействуют экономической выгоде путём разделения рисков и перераспределения их в высшей степени рассчитанным образом».

Он говорил о секьюритизации на пороге неотвратно приближающейся отмены ограничений Закона Гласса-Стигала.^{897}

Разрекламированное ФРС «наблюдение частными контрагентами» привело всю международную межбанковскую торговую систему к резкой остановке в августе 2007 года, когда вспыхнула паника по поводу секьюритизированных коммерческих бумаг, обеспеченных активами, фактически большинства секьюритизированных облигаций стоимостью в триллионы долларов. Последствия этого шока только начали проявляться, когда банки и инвесторы снизили цены по всей американской и международной финансовой системе. Но не будем забегать вперёд в нашей истории.

«Оружие массового финансового поражения»

В 1995 году в разгар эпохи Клинтона-Рубина бывший банк Алана Гринспена «Дж. П. Морган» ввёл новшество, которое в течение следующего десятилетия революционизирует всю банковскую систему. Нанятая банком 34-летняя выпускница Кембриджского университета Блайт Мастерс создала первые кредитные дефолтные свопы⁵⁵, производный финансовый инструмент, который будто бы позволяет банку застраховаться от дефолта по кредитам; и ещё обеспеченные долговые обязательства⁵⁶, облигации, эмитируемые для страхования смешанных пулов активов, своего рода кредитная производная, дающая кредит большому числу компаний в едином инструменте.

Их привлекательность заключается в том, что все они проводились вне собственных учетных книг банка, следовательно, вне рамок правил Базельского соглашения о 8% капитализации. В 1988 году, в основном в тщетной попытке обуздать растущее число спекулятивных эксцессов банковского кредитования в Японии и США, мировые центральные банки согласились на свод правил, требующий от международных банков

⁵⁵ Англ. Credit Default Swaps.

⁵⁶ Англ. Collateralized Debt Obligations.

держат капитал, равный 8% от выданных кредитов.

Цель новых внебалансовых кредитных дефолтных свопов состояла в том, чтобы увеличить банковский возврат при одновременном устранении рисков, своего рода «откусить и от чужого пирога», то, что в реальном мире может быть только очень нечистоплотным.

«Дж. П. Морган» тем самым подготовил почву для преобразования банков США из традиционных коммерческих кредиторов в торговца кредитами, по сути, в страховщиков. Новая идея должна была позволить банкам переложить риски со своего баланса путём объединения своих ссуд и перепродажи их в качестве ценных бумаг, одновременно покупая кредитные дефолтные свопы после синдицирования ссуд для своих клиентов с другими иностранными банками. Идея вызовет ошеломляющую лавину, объём которой в ближайшее время будет измеряться для банков в триллионах.

К концу 2007 года, по оценкам, в контрактах по кредитным дефолтным свопам насчитывалось 45000 миллиардов долларов, давая держателям облигаций иллюзию безопасности. Эта иллюзия, однако, была построена на скрытых от общественного внимания моделях банковских рисков, проектирующих предполагаемые неплатежи. Если бы эти модели были подвергнуты проверке, то это убило бы весь рынок секьюритизации. Подобно другим такого рода моделям рисков они были весьма оптимистичными.

Тем не менее, самого существования этой иллюзии было достаточно, чтобы основные банки мира, подобно леммингам, ринулись скупать ипотечные закладные, обеспеченные или поддержанные потоком ипотечных платежей неизвестного кредитного качества, и принимать на веру рейтинги AAA от «Мудис» или «Стандарт и Пуэрз». Неудивительно, что консервативные инвесторы, такие, как Уоррен Баффет, называли финансовые деривативы «оружием массового финансового уничтожения».^{1898} Жизнь доказала, что они были правы.

Как Гринспен в качестве нового председателя ФРС обращался к своим старым друзьям в «Дж. П. Морган», когда хотел соорудить лазейку в строгом Законе Гласса-Стигала в 1997, и так же, как он обращался к «Дж. П. Морган» для тайного сотрудничества с ФРС, чтобы покупать производные на чикагском фондовом синтетическом индексе курсов акций 20 ведущих американских корпораций⁵⁷, чтобы искусственно манипулировать восстановлением после октябрьского краха 1987 года, точно так же ФРС Гринспена работала с «Дж. П. Морган» и горсткой других верных друзей на Уолл-Стрит, чтобы поддержать запуск секьюритизации в 1990-е годы, когда всё очевиднее становилось возникающие ошеломляющие возможности для банков, которые оказались первыми и могли бы формировать правила новой игры – Новых финансов.

Именно «Дж. П. Морган» в начале 1995 года направил большие деньги центральных банков в сторону от традиционных банковских кредитов клиентам к чистой торговле кредитами и кредитными рисками. Цель состояла в том, чтобы накапливать огромные средства на банковском балансе (и на счетах управляющих) и при этом не вносить риски в свои учетные книги, то есть открытое приглашение к алчности, мошенничеству и, в конечном счёте, к финансовой катастрофе. Почти все крупные банки в мире («Дойче Банк», «ЮБиЭс», «Барклайз», «Ройял Банк оф Скотланд» и «Сосьете Женераль») вскоре приняли это приглашение как стая восторженных слепых леммингов.

Когда процесс был в самом разгаре, никто из них, однако, даже не приблизился к горстке банков США, которые создавали правила и доминировали в новом мире секьюритизации и производных финансовых инструментов после 1995 года. Эти большие нью-йоркские банки первыми начали вывод кредитных рисков со своих банковских балансов за счёт объединения кредитов и перепродажи пакетов, покупая защиту от неплатежей после синдицирования кредитов для клиентов. Эпоха Новых финансов уже началась. Как и всякое крупное «нововведение» в области финансов, она начиналась неторопливо.

⁵⁷ MMI (Major Market Index) – синтетический индекс курсов акций 20 ведущих американских корпораций.

Спустя очень короткое время новые секьюритизирующие банки, такие как «Дж. П. Морган», начали создавать портфели долговых ценных бумаг, а затем упаковывать и продавать транши на основе вероятностей неплатёжеспособности. Новая игра называлась «вдоль и поперек» и была нацелена на генерирование дохода для страховщиков-эмитентов и выдачу результатов «специализированного риска возврата» для инвесторов. Вскоре обеспеченные активами залогом⁵⁸, обеспеченные долговыми обязательствами залогом и даже формирующийся рынок задолженности группировались и распродавались траншами пенсионным фондам, университетским фондам, иностранным банкам и другим жадным до прибылей инвесторам, соблазненным ложным чувством безопасности от рейтинга AAA, выданного «Мудис» и «Стандарт и Пуэрз» или страховкой монолайнера, а чаще и тем и другим.

Начало аферы ипотечной секьюритизации

2 ноября 1999 года, всего лишь за десять дней до того, как Билл Клинтон подписал закон, отменяющий Закон Гласса-Стигала, открывая тем самым широкий путь деньгам центральных банков для приобретения без каких-либо ограничений брокерских контор, инвестиционных банков, страховых компаний и ряда других финансовых учреждений, Алан Гринспен обратил внимание президента на поощрение процесса банковской секьюритизации ипотечных закладных.

В своём обращении к региональной банковской организации Американское сообщество банкиров на конференции по вопросам ипотечного рынка председатель ФРС заявил:

«Недавний рост в уровне домовладения до более чем 67% в третьем квартале этого года обязано, в частности, здоровому развитию экономики с надёжным ростом числа рабочих мест. Но часть успеха также обязана тому, что новые кредиторы, подобные вам, создали гораздо более широкий спектр ипотечных продуктов и повысили эффективность источников займов и страхования. Необходим дальнейший прогресс в оптимизации заявки на ссуду, процесса планирования и адаптации ипотеки к конкретным покупателям домов, чтобы продолжить эти достижения в домовладении... Банковское сообщество олицетворяет собой гибкость и изобретательность, требуемую для корректировки и использования демографических изменений и технологических прорывов, а также для создания новых форм ипотечного финансирования, которые способствуют домовладению. Что касается ФРС, мы стремимся помочь вам, обеспечивая стабильную платформу для бизнеса в целом и в области жилищного строительства и ипотечной деятельности».^{899}

Ранее в том же году Гринспен выступил перед Ассоциацией ипотечных банкиров, где решительно проталкивал в качестве волны будущего закладные на недвижимость, обеспеченные секьюритизацией. Он сообщил присутствующим там банкирам:

«Большая стабильность в предоставлении ипотечного кредитования сопровождается разделением различных аспектов ипотечного процесса. Некоторые учреждения действуют в качестве залоговых банкиров, отбирающих претендентов и источники займов. Другие стороны обслуживают ипотечные кредиты, функция, для которой, как представляется, эффективность достигается путём крупномасштабных операций. Третьи, в основном, стабильные финансовые базы, обеспечивают постоянное финансирование ипотечных кредитов за счёт участия в ипотечных пулах. Помимо этого, некоторые другие нарезают денежные потоки от ипотечных пулов в специальные транши, которые привлекают более широкую группу инвесторов. В этом процессе ипотечные ценные бумаги за пределами выросли на ошеломляющие 2,4 триллиона долларов., автоматизированное гарантийное программное обеспечение в настоящее время применяется для обработки стремительно

⁵⁸ Англ. Asset Backed Securities.

растущей доли ипотечных заявок.

...Одной из ключевых выгод новых технологий стало расширение возможностей для управления рисками. Заглядывая вперёд, более широкое использование автоматизированного страхования и оценки кредитоспособности создаёт потенциал для недорогой, настроенной для каждого клиента ипотеки с ценами, учитывающими риски. С помощью кройки ипотеки с учетом потребностей отдельных заёмщиков ипотечное кредитование банковской отрасли завтра будет лучше обслуживать все различные уголки ипотечного рынка».^{900}

Однако нужно было сделать ещё несколько шагов, прежде чем секьюритизация активов реально заработает во всю мощь. Только после того, как ФРС в 2000 году схлопнула фондовый пузырь «доткомов», и после того, как Гринспен резко уронил ставку ФРС так низко, как не видели со времен Великой депрессии 1930 года, секьюритизация активов в буквальном смысле взорвалась в многотриллионной деятельности.

Секьюритизация – сделка вне реальности

Поскольку сам предмет секьюритизации выстроен с такой сложностью, то никто (и даже его создатели) полностью не осознавал опасность распространения рисков, не говоря уже об одновременной концентрации системного риска.

Секьюритизация является процессом приобретения активов некоторыми учреждениями, которых иногда называют специальными целевыми компаниями или специальными инвестиционными механизмами (компаниями)⁵⁹. В этих специальных инвестиционных компаниях различные ипотечные закладные, скажем, собирались в пулы или пакеты, как они ещё называются. Конкретный пул, например, счётов по ипотечной задолженности, теперь обретает жизнь в форме новой облигации, обеспеченной активами облигации, в данном случае ценной бумагой, обеспеченной закладной. Секьюритизированная облигация обеспечивалась поступлением наличных денежных средств или стоимостью базовых активов.

Это маленький шаг включал в себя сложный переход от понимания к вере. Он был основан на иллюзорном вторичном обеспечении, чья реальная стоимость, как это становится сейчас резко очевидно всем банкам в мире, была неизвестна и неизмеряема. Уже на этом этапе процесса право собственности на закладную конкретного дома в пакете становилось юридически неопределённым, как показала история с судьей Бойко. Кто в этой цепочке на самом деле имеет в своём физическом владении реальную «с невысохшими ещё чернилами» закладную на сотни и тысячи заложенных домов? Теперь адвокаты получают годы счастливых дней, разбирая блестящие «находки» Уолл-Стрита.

Секьюритизация обычно применяется к активам, которые были неликвидными, то есть к тем, которые было нелегко продать, а это значит, что это стало общим явлением в недвижимости. И недвижимость США сегодня является одним из самых неликвидных рынков. Все хотят продать, но мало кто хочет купить, по крайней мере, не по таким ценам.

Секьюритизация применялась для пулов лизингового имущества, жилой ипотеки, имущественных займов, студенческих кредитов, кредитных карт и других долгов. В теории любые активы могли секьюритизироваться до тех пор, пока они были связаны со стабильным и предсказуемым денежным потоком. Это в теории.

На практике секьюритизация позволила банкам США обойти новые более жёсткие Базельские правила достаточности основного капитала (Базель II), в частности направленных прямо на то, чтобы закрыть лазейку в Базель I, которая позволяла американским и другим банкам пропихивать кредиты оптом через не проходящие по банковскому учету

⁵⁹ Англ. Special Purpose Vehicle (SPV) и Special Investment Vehicle (SJV) соответственно.

специальные инвестиционные компании.

Финансовая алхимия: где ложка дёгтя попадает в мёд

Секьюритизация, таким образом, преобразовывала неликвидные активы в ликвидные. В теории это делалось в результате объединения, андеррайтинга (страхования) и продажи требований права на владение к потоку платежей в качестве обеспеченных активами ценных бумаг. Обеспеченные закладными ценные бумаги⁶⁰ являются одной из форм обеспеченных активами ценных бумаг, крупнейшей на сегодняшний день, начиная с 2001 года.

Именно здесь в бочку мёда попадает ложка дёгтя.

Начиная с 2006 года американский рынок недвижимости вошёл в резкий спад, и ставки на ипотечный кредит с плавающей ставкой⁶¹ резко пошли вверх по всей территории США, сотни тысяч домовладельцев были вынуждены просто отказаться от своих теперь неподъёмных выплат по ипотеке или вообще лишиться права владения домом в пользу одной или другой стороны в сложной цепи секьюритизации, зачастую незаконным образом, как недавно постановил судья из Огайо. Лишенных права пользования имуществом в 2007 году было на 75% больше, чем в 2006 году, и этот процесс только начинался. Мошенничество ипотечной секьюритизации станет катастрофой для рынка недвижимости, соперничающей или, что более вероятно, превосходящей Великую Депрессию. В Калифорнии число лишения права владения выросло до ошеломляющих 421% к предыдущему году.

Этот нарастающий процесс роста ипотечных дефолтов, в свою очередь, породил бездонную дыру в основном потоке наличных платежей, предназначенных для обеспечения недавно выпущенных ипотечных ценных бумаг. Поскольку вся система была абсолютно непрозрачной, никто, и меньше всего банки, держащие эти бумаги, реально не знал в каждом конкретном случае, были ли эти обеспеченные активами ценные бумаги хорошими или плохими. Как природа не терпит пустоты, так банкиры и инвесторы, особенно глобальные инвесторы, питают отвращение к неопределённости в финансовых активах, которыми они располагают. Они отнесли к токсичным отходам не только субстандартную ипотеку, а все обеспеченные закладными ценные бумаги.

Архитекторы Новых финансов на основе секьюритизации ипотечных закладных, однако, обнаружили, что недостаточно упаковки сотен различных ипотечных залогов разного качества из разных частей США в одну большую обеспеченную закладными облигацию. Чтобы страховщики ипотечных пулов с Уолл-Стрит имели бы возможность продавать свои новые обеспеченные закладными облигации хорошо обеспеченным пенсионным фондам по всему миру, нужны были некоторые дополнительные стимуляторы. И началась игра в рейтинги.

Большинство пенсионных фондов ограничено лишь покупкой облигаций, имеющих рейтинг AAA, то есть высочайшего качества. Но каким образом могло бы рейтинговое агентство выставить рейтинг облигации, которая составлена из мнимого потока ипотечных платежей по тысяче различных закладных по всем США? Они не могли отправить проверяющего в каждый город, чтобы взглянуть на дом и расспросить его жильцов. Кто мог бы встать за этой облигацией?

Только не ипотечный банк-эмитент. Они продавали закладные сразу же и со скидкой, чтобы вывести их со своего баланса. И не специальные целевые компании, они предназначены только для того, чтобы держать транзакции отдельно от операций ипотечного

⁶⁰ Англ. Mortgage-backed securities (MBS).

⁶¹ Англ. Adjustable Rate Mortgages (ARMs).

страхового банка. Был нужен кто-то ещё. И в игру вступила Большая Тройка (на самом деле, Большая Двойка) кредитных рейтинговых агентств.

«Тогда музыка просто остановилась»

Никогда не приходящие в отчаяние, сталкиваясь с новыми препятствиями, светлые умы в «Дж. П. Морган», «Морган Стенли», «Голдман Сакс», «Ситигруп», «Меррил Линч», «Вир Стирнс» и множестве других в этой игре в секьюритизацию, расцветшую буйным цветом после 2002 года, обратились к Большой Тройке рейтинговых агентств, чтобы заполучить свои драгоценные ААА.

Этот шаг был необходим, поскольку в отличие от выпуска традиционных корпоративных облигаций, скажем, «Форд» или «Дженерал Электрик», где в случае дефолта за облигациями стояла известная, построенная из кирпича и «голубых фишек» компания с долгосрочной кредитной историей, в случае с обеспеченными активами ценных бумаг ничего подобного за ними не стояло. Только много обещаний и изрядно запутанных цепочек предполагаемого владения.

Эта обеспеченная активами ценная бумага или облигация была «отдельным» искусственным созданием, чья законность в соответствии с законодательством США была под сомнением. Что означало, что оценка кредитным рейтинговым агентством была существенна, чтобы сделать эту облигацию внушающей доверие или, по крайней мере, придать ей «видимость доверия», как мы теперь понимаем на фоне текущего фиаско секьюритизации.

В самом сердце новой финансовой архитектуры, которая выстраивалась в течение последних двадцати лет и более при содействии ФРС США под руководством Гринспена и последующих администраций, стояла полумонополия, находящаяся в руках трёх фактически нерегулируемых частных компаний, которые присваивали кредитные рейтинги всем секьюритизированным активам. За очень приятные комиссионные.

Три рейтинговых агентства доминировали в мировом бизнесе кредитной оценки, крупнейшее из которых – «Мудис Инвестор Сервис». В годы бума секьюритизации «Мудис» регулярно сообщало о свыше 50% прибылях от рейтингования. Создание рейтингов обеспеченным закладными ценными бумагам стало основным прибыльным делом для «Мудис».

Двое других в мировом рейтинговом картеле – «Стандарт и Пуэрз» и «Фитч Рейтинге». Все трое – американские компании, тесно связанные с финансовыми кругами Уолл-Стрит и финансовыми учреждениями США. Тот факт, что мировой рейтинговый бизнес является де-факто монополией США, был неслучайным. Так было запланировано в качестве основного столпа финансового господства Нью-Йорка. Контроль над мировыми кредитными рейтингами стал для США глобальным проецированием финансовой мощи, почти равносильным господству США в области ядерного оружия.

Бывший министр труда экономист Роберт Райх определил основной вопрос об оценщиках, их встроенный конфликт интересов. Райх отмечал:

«Кредитно-рейтинговые агентства оплачиваются теми же учреждениями, что пакуют и продают ценные бумаги, которые эти агентства оценивают. Если инвестиционному банку не нравится оценка, он не обязан платить за неё. И даже если ему нравится рейтинг, он платит только после того, как ценная бумага продана. Понимаете? Это, как если бы студия кинофильмов наняла бы критиков пересмотреть свои фильмы, и платила бы им только в том случае, если отзывы были достаточно положительными, чтобы заполучить много людей на показ фильма.

До краха результат был великолепен для кредитно-рейтинговых агентств. Прибыли "Мудис" более чем удвоились за период между 2002 и 2006 годами. И это был великий прорыв для эмитентов ипотечных ценных бумаг. Спрос резко возрос, поскольку высокие

рейтинги расширяли рынок. Торговцы не изучали ничего, кроме рейтингов... многомиллиардное вращение музыкальной карусели. А потом музыка прекратилась». ^{901}

Это поставило три глобальных рейтинговых агентства – «Мудис», «Стандарт и Пуэрз» и «Фитч» – под непосредственное внимание следственных органов, когда в 2007 году разразился кризис. Они были фактически единственными на Уолл-Стрит и среди других банков в бизнесе рейтингования обеспеченных ценных бумаг – облигаций, обеспеченных пулом ипотечных обязательств; облигаций, обеспеченных пулом долговых обязательств; секьюритизированных студенческих займов; лотереи, обеспеченной облигациями и множества других.

Согласно отраслевой публикации в «Инсайд Мортдаж Финанс», рейтинг AAA получили от рейтинговых агентств около 25% субстандартной ипотеки из суммы на 900 миллиардов долларов, выпущенной в течение последних двух лет. Что доходит до более чем 220 миллиардов долларов субстандартных ипотечных ценных бумаг, несущих высший рейтинг AAA от «Мудис», «Фитч» или «Стандарт и Пуэрз». К лету 2007 года рейтинговая система распалась по мере того, как лавина неплатежей по закладным на дома прокатилась по всей стране.

И в этот момент становится очень неудобно. Их модельные допущения, на которых они выдавали желаемые AAA аттестаты, являются секретом собственности. «Верьте нам...».

По мнению экономиста, работавшего в рейтинговом бизнесе США и имевшего доступ к фактическим модельным допущениям, используемым «Мудис», «Стандарт и Пуэрз» и «Фитч» для определения того, получит ли конкретный ипотечный пул с субстандартными закладными рейтинг AAA или нет, их методы были predeterminedены, чтобы давать максимально возможные оценки рискованным новым ценным бумагам. Оценщики использовали прошлые штрафные процентные ставки периода самых низких процентных ставок после Великой депрессии. Иными словами, они базировали свои рейтинги на периоде с аномально низкими штрафными процентными ставками, чтобы заявлять с помощью экстраполяции, что субстандартные ценные бумаги были и будут в обозримом будущем AAA качества. Они также использовали данные, показывающие, что рецессия редко имела место во всех 50 штатах, лишь только в одном или нескольких штатах за один раз, так что, если закладные из многих различных регионов упакованы в одну ценную бумагу, риск неплатежа также остаётся незначительным.

Риск неплатежей даже по более рискованной субстандартной ипотеке, как утверждалось, «был исторически всегда бесконечно малым». Этот рейтинг AAA от «Мудис», в свою очередь, позволял инвестиционным домам Уолл-Стрит бесперебойно продавать обеспеченные пулом закладных облигации пенсионным фондам или просто любому, кто стремился «повысить доходы», но без каких-либо рисков. Так было в теории.

Как Оливер фон Швайниц указал в своей очень своевременной книге «Рейтинговые агентства: Их бизнес, правила и ответственность», «секьюритизация без рейтингов невысказана».

И в связи с особым характером активов, обеспеченных секьюритизированными ипотечными кредитами, фон Швайниц указывает, что эти обеспеченные активами ценные бумаги

«хотя и стандартизованные, являются одноразовыми, в то время как другие эмитированные бумаги (корпоративные облигации, государственные облигации) в основном воздействуют на игроков вторичного рынка. Вторичные игроки имеют меньше стимулов для мошенничества, чем "одноразовые эмитенты"». ^{902}

Или другими словами, для мошенников существует больше стимулов мошенничать с обеспеченными активами облигациями, чем с традиционными эмитируемыми облигациями. Гораздо больше.

«Мудис» и «Стандарт и Пуэрз» пользуются уникальным статусом

В соответствии с законодательством США тройка рейтинговых агентств пользуется почти уникальным статусом. Правительственной комиссией по ценным бумагам и биржам они признаны как Национально признанные статистические рейтинговые организации. Существуют только четыре таких организаций в США сегодня. Четвертый, гораздо меньший канадский оценщик – «Доминион Бонд Рейтинг Сервис Лтд.». По сути, эта тройка держит квазимонополию на кредитный рейтинговый бизнес во всем мире.

Единственный закон США, регулирующий рейтинговые агентства. Закон о реформе кредитных агентств 2006 года является беззубым актом, который был принят в результате краха «Энрон». За четыре дня до краха «Энрон» рейтинговые агентства давали ему рейтинг «инвестиционного уровня», и шокированная общественность потребовала хоть какого-либо контроля над оценщиками. Воздействие этого Закона на фактическую рейтинговую монополию «Стандарт и Пуэрз», «Мудис» и «Фитч» было нулевым.

Европейский союз, также среагировавший на «Энрон» и на аналогичные мошенничества со стороны итальянской компании «Пармалат», призвал провести расследование, имели ли рейтинговые агентства США, оценивающие «Пармалат», конфликт интересов (они имели), насколько прозрачны их методологии (не во всем), и проверить на отсутствие конкуренции (что очевидно).

После нескольких лет «изучения» и предположительно многих закулисных движений со стороны крупных банков ЕС, участвующих в секьюритизационных играх, Еврокомиссия объявила в 2006 году, что она будет лишь «продолжать контролировать» (так!) рейтинговые агентства. «Мудис», «Стандарт и Пуэрз» и «Фитч» всё также доминируют в рейтингах ЕС. Не существует никаких конкурентов в рейтинговой игре.

«Это свободная страна, не так ли?»

В соответствии с законодательством США эти оценщики не несут ответственности за свои рейтинги, несмотря на то, что инвесторы во всем мире часто зависят исключительно от AAA или других рейтингов «Мудис» или «Стандарт и Пуэрз» в качестве подтверждения кредитоспособности, особенно в секьюритизированных активах. Закон о реформе кредитных агентств 2006 года ни в коей мере не касался ответственности рейтинговых агентств. Именно в этом смысле он является бесполезной бумагой. И это единственный закон, имеющий дело с оценщиками. Как указывал фон Швайниц:

«Правило 10b-5 Закона о ценных бумагах и биржах от 1934 года, возможно, является наиболее важной основой для возбуждения иска о мошенничестве на фондовом рынке». Это правило устанавливало:

«Должно быть незаконным для любого лица... делать какие-либо ложные заявления о существенных фактах».

Это звучит хоть как - то конкретно. Но затем Верховный Суд подтвердил в постановлении 2005 года по делу о «Дьюра Фармасьютикал», что рейтинги не являются «заявлением о каком-либо существенном факте», как требуется в соответствии с правилом 10b-5. Рейтинги, выданные «Мудис», «Стандарт и Пуэрз» или «Фитч», являются, скорее, «просто мнением». Они тем самым защищены «правом на свободу слова», согласно Первой поправки Конституции США.^{903}

«Мудис» или «Стандарт и Пуэрз» могут сказать, черт знает что, любую вещь про «Энрон», «Пармалат» или про субстандартные ценные бумаги, какую захотят. «Это свободная страна, не правда ли? Разве не каждый имеет право на своё мнение?»...

Если инвесторы не могли доказать, что имело место преднамеренное и материальное искажение факта, которое непосредственно, или «косвенно» вызвал экономические потери инвесторов, а не просто факт, что цены на акции сначала были завышены, а потом упали, тогда они проигрывали. Сама оценка могла оказаться «ближайшей причиной»

экономической потери инвестора только в нескольких исключительных случаях: 1) когда имелись доказательства, что инвестор положился на оценку как точную; 2) когда была выставлена заведомо ложная оценка; и 3) когда курс акций падал в результате мошенничества с оценками. Доказательство таких вещей в суде оказалось довольно трудным делом.

Американские суды неоднократно описывали финансовые рынки как «эффективные». Также, эти «эффективные» рынки в силу своей собственной природы обнаруживают любое мошенничество в компании или ценной бумаге и оценивают это соответственно... в конечном счёте. Поэтому нет необходимости беспокоиться об оценщиках...^{904}

Это было то самое «саморегулирование», которое, по-видимому, имел в виду Алан Гринспен, когда неоднократно вмешивался, чтобы выступать против любого регулирования возникающей революции секьюритизации активов.

Революция секьюритизации была вся полностью застрахована правительственной политикой США типа «ничего не плохого слышу, ничего плохого не вижу», которая говорила, что «хорошо для Больших Денег, то хорошо для нации». Это был порочный перифраз уже порочных слов 1950 года тогдашнего главы «Дженерал Моторс» Чарльза Е. Уилсона:

«Что хорошо для "Дженерал Моторс", то хорошо для Америки».

Игра «Кризис за кризисом»

18-летний срок пребывания Гринспена можно описать, как последовательное перекачивание финансовых рынков от одних кризисов в ещё большие в процессе выполнения наиважнейших задач Денежного Треста, руководящего программой Гринспена, – расширение их власти над мировой валютной системой.

К началу 2009 большей части мира становилось ясно, что революция секьюритизации Гринспена это мост в никуда, который означает конец долларowego доминирования и глобального доминирования долларовых финансовых институтов на многие десятилетия вперёд. Продуманные намерения революции секьюритизации были очевидны в следующем:

1) непреклонный отказ Гринспена от любой попытки Конгресса наложить некоторое минимальное регулирование на внебиржевую торговлю деривативами между банками;

2) его отказ изменить маргинальные требования на покупку на фондовом рынке акций с кредитным плечом:

3) его повторяющаяся поддержка секьюритизации субстандартного низкокачественного высокорискового ипотечного кредитования;

4) его неустанное долготетнее давление, чтобы ослабить и наконец аннулировать ограничения Гласса-Стигала на банки, владеющие инвестиционными банками и страховыми компаниями;

5) его поддержка радикального сокращения налогов Бушем-младшим, которая вызвала взрывной рост федерального дефицита в 2001 году;

6) его поддержка приватизации Трестового фонда социального обеспечения, чтобы слить эти триллионы долларов в карманы своих дружков-финансистов с Уолл-Стрит.

Все эти политические шаги были хорошо запланированы и полностью выполнены; их последствия узнаваемы и обозримы. Революция секьюритизации нацеливалась на создание мира Новых финансов, где риски были бы отделены от банков и распространены по всему миру так, чтобы никто не смог идентифицировать, где лежит реальный риск.

Узкоспециализированное страхование: viagra для секьюритизации

Те ценные бумаги, обеспеченные пулом субстандартных закладных, которые не

оправдывали рейтинг AAA, также нуждались ещё в одной критической подпорке. Умники с Уолл-Стрит выступили с оригинальным решением.

Эмитенты ценных бумаг, обеспеченных закладными, должны были выполнять то, что стало известно как узкоспециализированное страхование. Узкоспециализированное страхование для гарантии против неплатежей по секьюритизированным ценным бумагам является ещё одним сопутствующим результатом революции Гринспена.

Узкоспециализированное страхование стало очень важным элементом в мошенничестве, охватившем Уолл-Стрит, в этой афере, известной как секьюритизация. Выплачивая определённый налог, специализированная (отсюда термин «монолайнер») страховая компания может страховать или гарантировать пулы субстандартных ипотечных закладных на случай экономического спада или рецессии, в течение которой бедные домовладельцы субстандартной недвижимости не смогут ежемесячно вносить ипотечные платежи.

Хотя узкоспециализированное страхование началось ещё в начале 1970-х годов в качестве гарантии для муниципальных облигаций, именно гринспенская революция секьюритизации вызвала его на поверхность. Узкоспециализированным страхованием занимались фактически одиннадцать плохо капитализированных, свободно регулируемых страховых компаний, которые назвали себя «финансовыми гарантами». Они все базировались в Нью-Йорке и регулировались страховым регулятором того же штата.

Как заявляла их отраслевая ассоциация:

«Узкоспециализированная структура гарантирует, что всё наше внимание уделяется добавлению стоимости клиентам нашего рынка капитала».

Добавленную стоимость они, несомненно, делали. По состоянию на декабрь 2007 года было достоверно подсчитано, что эти узкоспециализированные страховщики выдали свои страховые гарантии, чтобы обеспечить AAA рейтинг обеспеченных активами ценным бумагам на сумму свыше 2,4 триллиона долларов.

Официальная веб-страница Ассоциации специализированной торговли утверждает:

«Ассоциация финансовых гарантийных страховщиков, АФГС, является торговой ассоциацией страховщиков и перестраховщиков муниципальных облигаций и обеспеченных активами ценных бумаг. Облигации или другие ценные бумаги, застрахованные членом АФГС, имеют безусловную и безотзывную гарантию, что проценты и основная сумма будут выплачиваться вовремя и в полном объёме в случае неплатежей». Нет никаких сомнений, что сейчас они сожалеют об этой обещании, поскольку обнуление субстандартной ипотеки, растущая рецессия и ипотечные неплатежи предъявляют непомерные страховые требования маленьким, плохо капитализированным монолайнерам.

Основные узкоспециализированные страховщики (монолайнеры) были едва известны: «АСА Файненшл Гарант Корп.» «Амбак Эшшуранс», «Эшшуред Гарант Корп.» «БлюПойнт Ре Лимитед», «СиАйЭфДжи», «Файненшл Гарант Иншуранс Компани», «Файненшл Секьюрити Эшшуранс» «ЭмБиАйЭй Иншуранс Корпорейшн», «ПиЭмАй Гарант К%», «Рэйдан Ассет Эшшуранс Инк.», «РАМ Реиншуранс Компани» и «Экс-Эль Капитал Эшшуранс»⁶².

Осторожный читатель может задать вопрос: «Кто страхует эти одиннадцать монолайнеров, которые гарантировали миллиарды, если не триллионы, в платёжных потоках на протяжении последних пяти лет или около того этой финансовой революции обеспеченных активами ценных бумаг?»

Ответ будет: «Пока ещё никто». Они заявляют, что «восемь фирм-членов АФГС несут рейтинг AAA требований платёжеспособности и два члена фирмы несут рейтинг AA

⁶² Англ. наименования соответственно: ACA Financial Guaranty Corp., Ambac Assurance, Assured Guaranty Corp. BluePoint Re Limited, CFGF, Financial Guaranty Insurance Company, Financial Security Assurance, MBIA Insurance Corporation, PMI Guaranty Co., Radian Asset Assurance Inc., RAM Reinsurance Company and XL Capital Assurance.

требований платёжеспособности».

«Мудис», «Стандарт и Пуэрз» и «Фитч» присвоили им AAA или AA рейтинги.

Благодаря гарантии от страховщика облигаций с кредитным рейтингом AAA, стоимость заимствований была меньше, чем обычно, а количество инвесторов, желающих приобрести такие облигации, – больше.

Для монолайнеров гарантирование таких облигаций казалось свободным от риска на фоне средних штрафных процентных ставок на уровне долей процента в 2003-2006 годах. В результате монолайнеры выкупали с кредитным плечом свои активы для заполнения своих учетных книг и нередко имели застрахованные риски, превосходящие в 100 или даже в 150 раз размер своего базового капитала. До недавнего времени «Амбак» имел базовый капитал в 5,7 миллиардов долларов против выданных гарантий на 550 миллиардов.

В 1998 году нью-йоркский Офис суперинтенданта государственного страхования, единственный регулятор монолайнеров, согласился разрешить монолайнерам продавать кредитные дефолтные свопы на ценные бумаги, обеспеченные активами, такие, как ценные бумаги, обеспеченные залоговыми. Должен был быть создан отдельный корпус компаний, с помощью которых кредитные дефолтные свопы могли бы эмитироваться банками для обеспеченных ипотекой ценных бумаг.

Переход на страхование секьюритизированных облигаций был невероятно выгоден для монолайнеров. Премии компании «ЭмБиАйЭй Иншуранс Корпорейшн» выросли с 235 миллионов долларов в 1998 году до 998 миллионов в 2007 году. В годовом исчислении премии в этом году возросли на 140%. А потом грянул кризис субстандартной ипотеки, и музыкальная карусель для монолайнеров остановилась, остановилась навсегда.

Как только начались неплатежи по входящим в облигации залоговым (субстандартные залоговые, сделанные в 2006 году уже в январе 2008 при ставке 20% не оплачивались), монолайнеры были вынуждены вмешаться и покрывать платежи.

3 февраля «ЭмБиАйЭй Иншуранс Корпорейшн» сообщила о 3,5 миллиардах долларов к списанию и другим сборам только за три месяца, что привело к квартальной потере в 2,3 миллиарда. Это была, вероятно, всего лишь верхушка очень большого и очень холодного айсберга. Страховой аналитик Дональд Лайт заметил, когда его спросили, каков потенциал снижения потерь:

«Ответ на это никто не знает. Я не думаю, что мы узнаем это, возможно, до третьего или четвертого квартала 2008 года».

К тому моменту потери были катастрофическими.

Кредитные рейтинговые агентства начали снижать рейтинг монолайнеров, лишая их призового AAA, что означает, что монолайнеры больше не смогут страховать новый бизнес, а облигации, гарантированные ими, больше не будут обладать рейтингом AAA.

К 2008 году единственный монолайнер получил понижение рейтинга от двух агентств (обычно требуемых для такого шага, чтобы влиять на компанию) – это «Файненшл Гаранти Иншуранс Компани», срезанный и «Фитч» и «Стандарт и Пуэрз». Рейтинг «Амбас», второго по величине монолайнера, был сокращен до AA агентством «Фитч», наряду с другими монолайнерами по целому ряду различных потенциальных предупреждений. Одна из крупнейших страховых компаний облигаций секьюритизации Уолл-Стрит, «АИГ», даже не находилась под регулирующим контролем, поскольку скрывала свою деятельность в лондонском филиале и чуть не уронила весь финансовый карточный домик в сентябре 2008 года, когда её потери были наконец обнародованы. ^{905}

Рейтинговые агентства проводят «симулированный на компьютере стресс-тест», чтобы принять решение, сможет ли монолайнер «оплачивать претензии по уровню неплатежей, сопоставимому с тем, что был во времена Великой Депрессии». С каким количеством страховщики-монолайнеры могли справиться в реальном кризисе? Сами они заявляли: «Наши ресурсы оплаты претензий, доступные для поддержки гарантий наших членов... составляют более чем 34 миллиарда долларов». ^{906} Эти 34 миллиарда долларов – капля в бездонной бочке спасательных чрезвычайных мер в 2008 году. Было подсчитано, что на

рынке обеспеченных активами ценных бумаг примерно одна треть всех сделок была «завернута» или застрахована AAA-монолайнерами. Инвесторы требовали безопасных пакетов для волатильных залогов или продуктов, которые не имеют долгосрочной истории эффективности.^{907}

Поданным американской торговой группы Ассоциации индустрии ценных бумаг и финансовых рынков, в конце 2006 года в США обращалось в общей сложности обеспеченных активами ценных бумаг на сумму около 3,6 триллионов долларов, в том числе закладные на дома, качественные и субстандартные, кредиты под залоги, кредиты по кредитным картам, студенческие кредиты, автомобильные кредиты, лизинг оборудования и т. д. К счастью, не все 3,6 триллиона долларов секьюритизации, по всей видимости, прекратили выплаты, и не все сразу. Но монолайнеры Ассоциации финансовых гарантийных страховщиков за последние несколько лет застраховали 2,4 триллиона долларов из этой горы обеспеченных активами ценных бумаг. В начале февраля 2008 года частные аналитики оценивали, что потенциальные риски страховых выплат, в соответствии с оптимистическими предположениями, могут превысить 200 миллиардов долларов.

Вне баланса...

В целом революция секьюритизации позволила банкам вывести активы за пределы своих учетных книг в нерегулируемые непрозрачные специальные компании. Они продавали закладные со скидкой страховщикам, таким как «Меррил Линч», «Бир Стирнс», «Ситигруп» и аналогичным финансовым секьюритизаторам.

Затем страховщики, в свою очередь, продавали ипотечное покрытие собственной отдельной специализированной инвестиционной компании.

Привлекательность автономных специализированных инвестиционных компаний заключается в том, что они и их потенциальные потери были, по крайней мере, теоретически, изолированы от основного банка-гаранта. Если ситуация с различными обеспеченными активами ценными бумагами в руках специализированных инвестиционных компаний, вдруг, не дай Бог, развернется не так, то только последние и пострадают, а не «Ситигруп» или «Меррил Линч».

Сомнительные доходы от субстандартных закладных и от кредитов с аналогичным низким качеством, собранных в новые обеспеченные ипотекой облигации или аналогичные ценные бумаги, затем нередко получали инъекцию узкоспециализированного страхования, своего рода финансовую виангу для низкокачественных закладных, таких, как НИНА (нет доходов, нет активов)⁶³, «Заём лжеца» или так называемых займов под честное слово, которые были обычным явлением во времена колоссальной «Экономики недвижимости» Гринспена вплоть до июля 2007 года.

Согласно Ассоциации «Ипотечные брокеры за ответственное кредитование», группы защиты потребителей, к 2006 году «займы лжеца» составляли ошеломляющие 62% от всех ипотечных обоснований США. В одной независимой выборочной ревизии ипотечных кредитов «под честное слово» в Вирджинии в 2006 году ревизоры обнаружили, основываясь на отчетах Службы внутренних доходов, что почти в 60% случаев уровни доходов заёмщиков были преувеличены более чем на 50%. Эти горе-заёмщики под честное слово теперь получают в качестве дома ночлежку или намного хуже. Штрафные процентные ставки на эти «займы лжеца» в настоящее время зачищают весь рынок недвижимости по всей территории США.^{908}

Ничего из этого не было бы возможно без секьюритизации, без всесторонней поддержки со стороны ФРС Гринспена, без отмены Закона Гласса-Стигала, без

⁶³ Англ. NINA (No Income, No Assets).

узкоспециализированного страхования, без сговора крупнейших рейтинговых агентств, а также без распродажи ипотечными банками этих рисков страховщикам, которые группировали их, оценивали и страховали всё как AAA облигации.

На самом деле революция Новых финансов Гринспена буквально настезь распахнула двери для мошенничества на всех уровнях от ипотечных брокеров до кредитных учреждений на Уолл-Стрит и от лондонских банков секьюритизации до кредитных рейтинговых агентств. Выведение из-под надзора новых секьюритизированных активов стоимостью в сотни миллиардов долларов под частное «саморегулирование» между банками-эмитентами, такими, как «Бир Стирнс», «Меррил Линч» или «Ситигруп», и рейтинговыми агентствами, было равносильно поливанию водой утопленника. Осталось совсем немного времени, и для всего мира станет очевидно, когда был развязан финансовый эквивалент цунами 2007 года.

Глава 17

Конец долларовой системы?

«Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; после них настанут семь лет голода, и забудется всё то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, и неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжёл».

– *Быт. 41:29-31*

Маленький банк запускает большую волну

Многотриллионное фиаско американской секьюритизации начало вырисовываться в июне 2007 года на фоне кризиса ликвидности в двух хеджевых фондах, принадлежащих «Бир Стирнс», одному из крупнейших и наиболее успешных инвестиционных банков, по слухам, используемый семьёй Бушей для управления своим немалым благосостоянием.

Эти два фонда крупно вкладывались низкокачественные ипотечные ценные бумаги. Ущерб вскоре перекинулся через Атлантику и затронул малоизвестный немецкий государственный банк «ИКБ». В июле 2007 года находящийся в полном владении филиал «ИКБ» «Райнланд Фундинг» держал примерно на 23 миллиарда долларов коммерческих бумаг, обеспеченных активами⁶⁴. В середине июля инвесторы отказались принимать эти коммерческие бумаги у «Райнланд Фундинг». Это вызвало глобальную панику на всем рынке ценных бумаг, обеспеченных активами по мере того, как новость о неплатёжеспособности «ИКБ» распространялась, подобно пожару. Паника вынудила Европейский центральный банк (ЕЦБ) влить рекордные объёмы ликвидности на рынок, чтобы удержать банковскую систему на плаву.

«Райнланд Фундинг» попросил «ИКБ» предоставить кредитную линию. Оказалось, что «ИКБ» не хватает денежных средств или ликвидных активов для удовлетворения просьбы своего филиала, и был спасен только с помощью чрезвычайного 10 - ти миллиардного кредита (в долларах США), предоставленного ему собственным крупным акционером, находящемся в государственной собственности – банком «Кредитанштальт фюр Видерауфбау». По иронии судьбы, именно этот же банк проводил в жизнь План Маршалла

⁶⁴ Англ. Asset Backed Commercial Paper или АВСР.

по восстановлению разрушенной войной Германии в конце 1940 годов. Вскоре для всего мира стало очевидно, что оказался крайне необходим новый План Маршалла или какой-либо его финансовый эквивалент, но на этот раз для экономики США.

Вместо того чтобы остановить панику, вмешательство «Кредитанштальт фюр Видерауфбау» привело только к наращиванию банковских резервов и к бегству из всех коммерческих бумаг, выпущенных специальными инвестиционными компаниями, находящимися вне бухгалтерского учета международных банков.

Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, были ещё одним из крупных продуктов революции секьюритизации активов (которая уже описывалась выше), продавленной Гринспеном и Уолл-Стрит. Они были созданы для выведения рисков за пределы банковских балансов, одновременно позволяя банкам вписывать в свои книги значительные прибыли от деятельности специальных инвестиционных компаний. Это был ещё один образчик механизма «и невинность соблюсти и капитал приобрести», однако, в конце концов, он сработал не так, как планировалось на Уолл-Стрит.

Специальные инвестиционные компании банков, как правило, выпускали секьюритизированные коммерческие бумаги, подкрепленные непрерывным потоком платежей от инкассированной наличности, полученной с помощью портфеля базисных активов этих компаний. Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, были краткосрочными обязательствами, обычно не более чем на 270 дней. Однако, крайне важно то, что они были освобождены от регистрационных требований по Закону США о ценных бумагах от 1933 года. Они являлись незарегистрированными ценными бумагами, широкой лазейкой с точки зрения прозрачности.

Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, обычно состояли из пулов торговой дебиторской задолженности, дебиторской задолженности по кредитным картам, кредитов на машины и оборудование и аренду, или являлись обеспеченным залогом долговым обязательством. Эмитент собирает при этом, возможно, сотни или несколько тысяч индивидуальных мелких авто-кредитов из местных банков, затем покупает их со скидкой, создаёт новую облигацию, стоимость которой основана на ожидаемом будущем ежемесячном притоке денежных средств по этим автокредитам, кредитным картам или подобным источникам.

Рис. 19. Мировой финансовый кризис и последующая депрессия стали явными летом 2007 года в событиях вокруг небольшого банка «ИКБ» в Германии, когда были выявлены его крупные американские субстандартные ипотечные активы

В случае с «ИКБ» в Германии предполагалось, что наличность появится из его собственного портфеля субстандартной ипотеки США – обеспеченных недвижимостью долговых обязательств⁶⁵. Было весьма подозрительно, что европейский банк, ориентированный на кредитование немецкой индустрии среднего размера, пошёл на покупку таких рискованных ценных бумаг как сверхвысокорискованные американские ценные бумаги субстандартной ипотеки.

Основным риском, с которым могли столкнуться инвесторы в обеспеченные залогами коммерческие бумаги, было, по словам банкиров, ухудшение активов за счёт дефолтов по индивидуальным займам, составляющим эти бумаги, будь то ипотека, автокредит или что-то ещё. И именно это и прокатилось по всем ипотечным рынкам США летом 2007 года.

Проблема с обеспеченными долговыми обязательствами заключается в том, что однажды выпущенные, они редко продаются. Вместо того, чтобы определяться рынком, их цена основывается на сложных теоретических моделях.

Когда в августе 2007 года держателям обеспеченных долговых обязательств во всем мире неожиданно и срочно понадобилась ликвидность, чтобы встретить массовую распродажу финансовых инструментов на рынке, они обнаружили, что рыночная стоимость их бумаг оказалась гораздо ниже балансовой. Таким образом, вместо создания ликвидности через продажу обеспеченных долговых обязательств они были вынуждены продавать высококачественные ликвидные акции «голубых фишек», государственные облигации и

⁶⁵ Англ. Collateralized Debt Obligations (CDOs).

драгоценные металлы, чтобы обрести срочно необходимую наличность для сокрытия потерь.

А это означало, что кризис обеспеченных долговых обязательств привёл к потере в стоимости и самих обеспеченных долговых обязательств и акций. Падение цен на акции распространило цепную реакцию на хеджевые фонды. Возможность резкого падения цен не предсказывалось ни одной теоретической моделью, используемых всеми количественными хеджевыми фондами, и завершилась крупными потерями в этом сегменте рынка, начало которым положили два домашних хедж-фонда «Бир Стирнс». Основные потери ведущих хеджевых фондов затем подпитывали рост неопределённости и усиливали кризис.

Это стало началом дополнительного колоссального ущерба, беспрецедентного уничтожения благосостояния. Все банковские модели рисков развалились на глазах.

В основе кризиса, который неизбежно и окончательно разразился в середине 2007 года, лежало отсутствие транспарентности. Эта непрозрачность, как описывалось выше, была обусловлена тем фактом, что вместо распределения рисков на транспарентной основе, как это предусмотрено общепринятой экономической теорией, операторы рынка выбрали путь «секьюритизации» рискованных активов путём продвижения высокодоходных и высокорискованных активов без чёткой маркировки их рисков. Кроме того, кредитно-рейтинговые агентства закрывали глаза на присущие этим финансовым продуктам риски. А то, что эти облигации редко продавались на рынке, означало, что даже приблизительная стоимость этих финансовых продуктов не известна. ^{951}

Игнорируя уроки хедж-фонда «Долгосрочное управление капиталом»

Доверие между банками на международном межбанковском рынке, сердце глобальной банковской системы, которая торгует обеспеченными активами коммерческими бумагами, рухнуло в августе 2007 года. На фоне этого краха банковская система с изумлением увидела перед собой системный кризис. И сейчас этот кризис угрожает эффектом домино крахов банков сродни тому, как это случилось в Европе в 1931 году, когда французские банки по политическим причинам обрушили австрийский «Вьена Кредитанштальт». Новые финансы ФРС проявили себя грандиозным источником новой нестабильности. ^{952}

Мировая финансовая система столкнулась с угрозой системного кризиса ещё в сентябре 1998 года, когда обрушился хеджевый фонд «Долгосрочное управление капиталом», Гринвич, Коннектикут. Тогда лишь чрезвычайное и скоординированное вмешательство возглавляемой Гринспеном ФРС предотвратило глобальный крах.

Этот кризис содержал в себе зародыш всего плохого, что сегодня происходит на многотриллионном рынке секьюритизации активов всего лишь десять лет спустя. Любопытно, что Гринспен и другие ответственные лица систематически отказывались принимать эти уроки близко к сердцу.

Источником трепетного отношения к фонду «Долгосрочное управление капиталом» перед его оглушительным коллапсом в 1998 году была «команда мечты», которая им управляла. Исполнительным директором и основателем фонда был Джон Мериуэзер, легендарный трейдер Уолл-Стрит, который покинул «Соломон Бразерс» после скандала по поводу скупки облигаций Министерства финансов США. Скандал не уменьшил его самоуверенности. На вопрос, верит ли он в эффективные рынки, он как-то скромно ответил:

«Я делаю их эффективными».

Среди основных акционеров фонда были два выдающихся эксперта в «науке» о рисках, Майрон Скоулз и Роберт Мертон. Оба в 1997 году были удостоены Шведской Академией наук Нобелевской премии по экономике за свою работу по деривативам. Майрон Шоулз и его коллега Фишер Блэк в 1973 году разработали оригинальные теории ценообразования опционов, модель Блэка-Шоулза, упомянутую в предыдущей главе, которая двадцать лет спустя легла в основу многотриллионного взрыва долларовых производных финансовых

инструментов. «Долгосрочное управление капиталом» в своём совете директоров также имел ослепительный набор финансовых профессоров, докторов физико-математических наук и других «суперспециалистов», способных изобретать чрезвычайно сложные, смелые и прибыльные финансовые схемы.

Фундаментальные недостатки модели рисков Блэка-Шоулза

Был только один недостаток. Основные аксиомы рисков Шоулза и Мертона, допущения, на которых были построены все их модели, были просто неверными. Они были построены не просто на песке, а на зыбучем песке. Они были глубоко и катастрофически неверны.

Их математические модели ценообразования опционов предполагали существование идеальных рынков, рынков столь чрезвычайно крупных и глубоких, что индивидуальные действия трейдеров не смогут повлиять на цены. Они предполагали, что и рынки и игроки рациональны. Реальность же предлагает нечто противоположное: рынки фундаментально иррациональны в долгосрочной перспективе. Но модели рисков ценообразования Блэка-Шоулза и других в течение последних двух или более десятилетий позволили банкам и финансовым учреждениям утверждать, что традиционное благоразумное кредитование устарело. С подходящими вариантами в качестве своего рода страховки можно уже не беспокоиться насчёт рисков. Ешьте, пейте, веселитесь и собирайте свои миллионные бонусы...

Допущения моделей рисков, разработанных Блэком, Шоулзом и Мертоном, однако, игнорировали фактические рыночные условия, которые преобладали в периоды каждой крупной биржевой паники с того момента, как модель Блэка-Шоулза была представлена и заработала на Чикагской фондовой бирже. Они игнорировали фундаментальную роль опционов и «портфельного страхования» в Крахе 1987 года, они игнорировали причины возникновения паники, которая в 1998 году утопила фонд «Долгосрочное управление капиталом», в котором и Шоулз и Мертон были партнёрами. Уолл-Стрит вместе с экономистами и управляющими ФРС и, особенно, Гринспен в блаженном неведении игнорировали очевидность.

Финансовые рынки в отличие от религиозной догмы, десятилетиями преподаваемой во всех бизнес-школах США и Британии, не столь гладко и хорошо следуют гауссовым кривым, выдаваемым этими школами за закон вселенной. Тот факт, что все основные архитекторы современной теории финансового инжиниринга (новомодное серьёзное звучащее наименование «финансовой экономики») получили Нобелевские премии, придавал ущербным моделям ауру папской непогрешимости.

Всего лишь через три года после Краха 1987 года Нобелевский комитет в Швеции присудил премию Гарри Марковицу и Мертону Миллеру за продвижение всё той же ущербной точки зрения на риски. В 1997 году в разгар азиатского кризиса, в котором производные финансовые инструменты сыграли центральную роль, он выдал премию Роберту Мертону и Майрону Шоулзу.^{953} С самого зарождения финансовых деривативов в 1980-х и вплоть до взрывного роста секьюритизации активов двадцатью годами позже самый замечательный аспект использования дефектных моделей рисков заключается в том, что они так мало оспаривались.

Трейдеры фонда «Долгосрочное управление капиталом» и все те, кто вслед за ними шёл к краю финансовой пропасти в августе 1998 года, не хеджировали одну единственную вещь, с которой они и столкнулись, – системный риск. Именно с системным риском им пришлось бороться, когда «невозможное событие», российский государственный дефолт, доказало, что оно вполне возможно.

Несмотря на ясные уроки из ужасающего фиаско хедж-фонда «Долгосрочное управление капиталом» (что не существовало и не существует ни одного дериватива,

который застрахует вас от системного риска) Гринспен, Роберт Рубин и нью-йоркские банки продолжали полагаться на свои модели рисков, как будто ничего не произошло. Российский государственный дефолт был ими забыт как «одионое событие раз в столетие».

Банкиры Уолл-Стрит устремились к созданию пузыря «доткомов» и далее к величайшему финансовому пузырю в истории человечества – пузырю секьюритизации активов в 2002-2007 годах. Стратегия Уолл-Стрит состояла в том, чтобы вывести риски за пределы балансов банков через деривативы и прочие инструменты, такие, как секьюритизация. В продаже этих новых ценных бумаг всему миру они видели явный способ построить свою денежную власть над всей планетой почти без ограничений. Банки Уолл-Стрит буквально были опьянены своим собственным обманом и своими собственными ущербными моделями риска. Они уже видели себя настоящими «Богами денег».

Жизнь – не гауссова кривая

Риск и его оценки не уместаются в колоколообразные кривые. И финансовых рынков это касается в той же мере, как и разработки нефтяного месторождения. В 1900 году безвестный французский математик и финансовый спекулянт Луи Бачелье утверждал, что колебания цен на облигации или акции следуют колоколообразным кривым, которые немецкий математик Карл Фридрих Гаусс разработал в качестве идеальной рабочей модели, чтобы описывать статистические вероятности для различных событий. Кривые нормального распределения принимали «умеренную» форму хаотичности в колебаниях цен, так же, как стандартный тест на коэффициент умственных способностей, по определению, определяет 100 как «среднее число», центр колоколообразной кривой. Это была в своём роде полезная алхимия, но всё же алхимия.

Допущение, что финансовые колебания цен ведут себя принципиально как гауссиана, позволило «суперспециалистам» Уолл-Стрит наладить бесконечный поток новых финансовых продуктов, каждый следующий ещё более загадочный и изощрённый, чем предыдущий. Теории были модифицированы. «Суперспециалистами» на Уолл-Стрит называли математиков-вундеркиндов и физиков, которых нанимали, чтобы выяснить сложные новые финансовые «углы», под которыми собирать очередной пакет финансовых деривативов. На фоне долгого и глубочайшего угасания промышленной базы Америки талантливейшие научные умы нации тянулись на Уолл-Стрит.

К коктейлю моделей рисков был добавлен «Закон больших чисел», чтобы доказать, что в долгосрочной перспективе стоимость стремится к стабильной величине, когда число событий становится достаточно большим (подобно подбрасыванию монетки или игральных костей). Закон больших чисел, который на самом деле не имеет отношения к науке, позволил банкам, подобным «Ситигруп» или «Чейз» выпустить сотни миллионов карт «Виза» безо всякой проверки кредитоспособности, базируясь только на данных, показывающих, что в «нормальные» периоды дефолты по кредитным картам настолько редки, что не заслуживают рассмотрения.^{954}

Проблемы с моделями, основанными на гауссовой кривой распределения или на законе больших чисел, возникают тогда, когда времена перестают быть обычными, например, резкий экономический спад подобный тому, в который вошла экономика США после 2007 года, спад, сопоставимый, возможно, только с тем, что произошёл в 1931–1939 годах. Хуже того, именно эти модели рисков и привели к созданию пузыря на фондовом рынке, который с треском лопнул в августе 2007 года.

Замечательный факт заключается в том, что американские экономисты-академики и банкиры-инвесторы с Уолл-Стрит, управляющие ФРС, министры финансов, жюри шведского Нобелевского комитета по экономике, министры финансов Англии, её деловые круги и банкиры, правление Банка Англии (и это только ведущие фигуры), все они были готовы закрыть глаза на тот факт, что ни экономические теории, ни теории поведения рынка,

ни теории риска цен на производные финансовые инструменты не был и способен предсказывать события, не говоря уже о предотвращении нелинейных сюрпризов.^{955}

Эти теории, на которых в конечном итоге покоились триллионы долларов международных кредитных обязательств, были не способны спрогнозировать окончательное схлопывание спекулятивных пузырей ни в октябре 1987 года, ни в феврале 1994 года, ни в марте 2002 года, ни, разумеется, начавшийся в июне 2007 года процесс. Это не случилось в первую очередь потому, что сама используемая модель создавала условия, которые вели к ещё более крупным и разрушительным пузырям. Финансовая экономика была ничем иным, как другим термином для неограниченно спекулятивной неводержанности, процесс, который неизбежно будет создавать пузыри с последующим их схлопыванием.

Теория, неспособная объяснить такие основные определяющие «нелинейные» внезапные события, несмотря на все Нобелевские премии, не стоит даже бумаги, на которой она написана. Тем не менее, управляющие Федеральной резервной системой США от Алана Гринспена до Бена Бернанке и министры финансов США Роберт Рубин, Лоуренс Саммерс, Генри Полсон и Тим Гейтнер тщательно следили за тем, чтобы Конгресс так и не наложил законодательные и нормативные ограничения на экзотические финансовые инструменты, которые были созданы на основе теории, совершенно не имеющей никакого отношения к реальности. 29 сентября 1998 года агентство «Рейтер» сообщило:

«Ни одна попытка регулировать производные, даже после краха (и спасения) фонда «Долгосрочное управление капиталом» не увенчалась успехом. Распоряжением, утвержденным вечером в понедельник представителями Конгресса и Сената, Комиссии по срочной биржевой торговле⁶⁶ было запрещено расширять своё регулирование производных. Ранее в этом месяце председатель-республиканец Комитета по сельскому хозяйству Конгресса и Сената запросил ограничить регулирующие функции Комиссии по срочной биржевой торговле в области внебиржевой торговли деривативами, отражая опасения отрасли».

Слово «отрасль», конечно же, означало крупные банки. Далее «Рейтер» пишет:

«Как только первоначальный предмет регулирования стал предметом обсуждения со стороны Комиссии по срочной биржевой торговле, председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен и министр финансов Рубин грудью встали на защиту отрасли, утверждая, что она не нуждается в регулировании, и что это поможет в бизнесе за рубежом».^{956}

Неустанные отказы допустить регулятивный надзор за взрывным распространением новых финансовых инструментов от кредитных дефолтных свопов до ипотечных ценных бумаг и мириада им подобных экзотических «распределяющих риски» финансовых инноваций, которые начались после окончательной отмены в 1999 году Закона Гласса-Стигала, строго разграничивающего коммерческие банки, страхующих ценные бумаги, и кредитные банки, расчистили путь к тому, что июнь 2007 года менее чем через столетие дал старт второй Великой депрессии. Началось то, что в будущем, без сомнений, историки будут описывать как окончательный закат Соединённых Штатов в качестве доминирующей глобальной финансовой власти.

Мошенничество на выбор

Уроки системного кризиса 1998 года уже через несколько недель были забыты крупными игроками нью-йоркского финансового истеблишмента. Они, очевидно, сочли, что правительство, а точнее, налогоплательщики спасут их, когда разразится следующий кризис. Зачем тогда что-то менять?..

⁶⁶ Правительственное учреждение, номинально надзирающее над торговлей производными.

Когда ограничения Гласса-Стигала были окончательно сняты в конце 1990-х годов, у банков оказались развязаны руки для захвата конкурентов по всему спектру: от страховых компаний до учреждений потребительского кредитования или ипотечных банков. Пейзаж американской банковской системы претерпел радикальные изменения. Революция секьюритизации активов была на старте.

После отмены ограничений Гласса-Стигала только банковские холдинги и второстепенные чисто кредитные банки остались под непосредственным контролем Федеральной резервной системы. Если «Ситигруп» решала закрыть своё регулируемое правительством отделение в неблагополучном районе и вместо него открыть новую частную нерегулируемую «дочку», подобную «Сити Файнэншл», которая специализируется на кредитовании субстандартной ипотеки, то последняя сможет работать при совершенно другом, либеральном регулировании.

Затем «Сити Файнэншл» получит возможность выпускать закладные отдельно от «Ситибанка». Что и произошло. Потребительские группы обвиняли «Сити Файнэншл» в специализации на «грабительских кредитах», при которых недобросовестные ипотечные брокеры или продавцы в которых недобросовестные ипотечные брокеры или продавцы всучивали кредиты семьям или отдельным людям, не заботясь об их понимании риска такого приобретения или их способности справляться с этими рисками, не говоря уже о платежах. И «Ситигруп» был типичным среди большинства крупных банков США и ипотечных кредиторов.

8 января 2008 года «Ситигруп» с большой помпой анонсировал свой консолидированный «бизнес жилищной ипотеки в США», включая инициирование ипотечного кредита, обслуживание и страхование. Любопытно, что в этом политическом заявлении опущено упоминание о «Сити Файнэншл», той самой «дочке», на балансе которой находились большинство рисков.^{957}

Кредиты лжецов, НИНА и оргия банковского мошенничества

Не прошло много времени, как кредитные банки США осознали, что сидят на золотой жиле куда более богатой, чем в дни калифорнийской золотой лихорадки. Банки поняли, что они могут делать деньги просто на объёмах выданных займов и последующей перепродаже их оптом секьюритизаторам, не заботясь о том, способен ли заёмщик под заклад, скажем, дома обслуживать долг в течение следующих десятилетий.

Вскоре для банков стало обычным отдавать своё ипотечное кредитование на аутсорсинг внештатным брокерам. Вместо того, чтобы проводить свои собственные проверки кредитоспособности, они стали полагаться (зачастую исключительно) на различные кредитные опросники в сети «Интернет», как в случае кредитных карт «Виза», когда никаких дополнительных проверок не проводится. Для ипотечных кредиторов стало распространённой практикой предоставлять брокерам стимулирующие бонусы за привлечение большего объёма подписанных ипотечных кредитов, а это ещё одна возможность для массового мошенничества. Мир традиционного банковского обслуживания переворачивался с ног на голову.

Поскольку у банка уже не было стимула убеждаться в надёжности заёмщика на основе минимальных взносов наличными и исчерпывающих проверок кредитной истории, многие банки США просто для того, чтобы побыстрее набрать объёмы займов и повысить возвраты, выдавали то, что они цинично называли «кредиты лжецам». Они знали, что этот человек лжёт о своих доходах и расходах, лишь бы обрести дом своей мечты. Их это просто не волновало. Они продавали этот риск ещё до того, как высыхали чернила на закладной.

После 2002 года для таких кредитов появилась и новая терминология, например

закладные «НИНА»⁶⁷ – нет доходов, нет активов.

«Нет проблем, мистер Джонс. Вот 400000 долларов для вашего нового дома, наслаждайтесь».

Поскольку Закон Гласса-Стигала больше не стоял на дороге, банки смогли создавать различные полностью им принадлежащие, но отдельные предприятия, чтобы продолжать бум ипотечного бизнеса. Гигантом в этой игре является «Ситигруп», крупнейшая банковская группа США, которая после отмены ограничений стала Левиафаном, обладая более чем 2,4 триллионами долларов (так!) основных активов, сумма, большая, чем годовой ВВП всего мира за исключением шести стран.

«Ситигруп» включала в себя «Травелерс Иншуаранс» – регулируемого государством страховщика. Она включала в себя старый «Ситибанк» – огромный банк для кредитования физических лиц. Она включала в себя инвестиционный банк «Смит Барни». И она же включала в себя агрессивного кредитора субстандартной ипотеки «Сити Файнэншл» (по сообщениям многочисленных потребителей, одного из самых агрессивных и хищных кредиторов, всучивавшего субстандартные займы часто неграмотным или неплатёжеспособным заёмщикам, часто в бедных черных или испаноязычных районах). «Ситигруп» включала «Юниверсал Файнэншл Корп.», одного из крупнейших национальных эмитентов кредитных карт, который использовал так называемый «закон больших чисел», чтобы наращивать свою клиентскую базу среди всё более и более щекотливых кредитных рисков.

«Ситигруп» также включала в себя второй по величине банк в Мексике «Банамекс» и крупнейший банк в Сальвадоре «Банко Кускатлан». «Банамекс» был одним из главных обвиняемых в связи с отмыванием денег в Мексике. Ничто не было чуждо «Ситигруп». В 1999 году Конгресс США и Главное бюджетно-контрольное управление провели расследование в «Ситигруп» по поводу незаконного отмывания 100 миллионов долларов наркоденег для Рауля Салинаса, брата тогдашнего президента Мексики. Следствие также обнаружило, что банк отмывал деньги для разнообразных коррумпированных чиновников от Пакистана до Габона и Нигерии.

Финансовый левиафан «Ситигруп» был всего лишь типичным примером того, что происходило в американской банковской системе после 1999 года. Это был совершенно другой мир, абсолютно отличающийся от всего, что было прежде, возможно, за исключением эксцессов в «Ревущих» 1920-х годах.

Размах кредитного мошенничества и злоупотреблений, которые расцвели в новую эру секьюритизации активов, находился за пределами всякого воображения.

Хищники пустились во все тяжкие

Одна из потребительских организаций США в рамках противодействия грабительскому кредитованию задокументировала некоторые самые распространенные хищные практики кредитования бума недвижимости:

«В США в течение первого десятилетия XXI века существует множество заведений, предлагающих такие займы. Некоторые старые ("Хаус-холд Файненс" и его сестра "Бенефициал", например), другие новомодные ("Сити Файнэншл"). Любой из них предлагает кредит по ставкам более 30%. Бизнес бурно развивается: по словам Уолл-Стрит, он растет слишком хорошо, чтобы его упустить. "Ситибанк" платит пять процентов по вкладам, которые собирает. Его аффилированные кредитные акулы требуют в четыре раза больше, даже если кредит обеспечен собственным домом заёмщика.

Это глобальный бизнес: Гонконгская и Шанхайская банковская корпорация, теперь

⁶⁷ Англ. NINA – No Income. No Assets

"ЭйчЭсБиСи", хочет экспортировать его в восемьдесят с лишним стран, в которых она имеет сеть своих представительств... "Сити Файнэншл" и "Хаусхолд Файненс", оба уверены, что потребителям страхование необходимо. Оно имеет ряд разновидностей – страхование жизни, недееспособности, безработицы и имущества, – и почти во всех случаях включено в сумму займа, проценты начисляются ещё и на это...

На полпути вы получите заманчивое предложение: если вы объявите свой дом в качестве залога, ваша ставка может быть снижена, и срок может быть продлен... Ставка будет высокой, а правила не объявлены. Например, если вы вернете кредит слишком быстро, с вас будет взиматься штрафная пеня за это. Или вы будете платить медленно, а вас затем попросят заплатить больше, в том, что они называют последняя выплата по займу...

В прошлых веках это называлось долговая кабала. Сегодня это судьба так называемого субстандартного холопа. Целых 20% американских семей описываются как субстандартные заёмщики. Но лишь половина людей, которые получают субстандартные кредиты, способны заплатить обычные ставки в соответствии с распоряжениями "Фанни Мае" и "Белтвэй". Тут действует закон джунглей: единственное правило – покупатель, остерегайся». ^{958}

В 1980 - х годах автор этих строк брал интервью у одного видного банкира с Уолл-Стрит в то время, когда тот восстанавливался после перенапряжения на работе. Я расспрашивал о его банковском бизнесе в Кали, Колумбия, во времена расцвета там кокаинового картеля. Не под запись он вспоминал:

«Я бывал в Кали раньше. Люди в темных очках буквально заходили в банк с чемоданами, набитыми 100 долларовыми купюрами. Им не задавалось ни одного вопроса. Банки в буквальном смысле пойдут на убийство, чтобы заполучить часть этого бизнеса, настолько он прибыльный».

Те же самые банки перешли к субстандартному кредитованию с аналогичными мыслями в голове, и прибыли, согласно правительственным инсайдерам, здесь столь же огромны, как и при отмывании барышей наркобизнеса.

И снова, именно Алан Гринспен и ФРС открыто поддерживали расширение банковского кредитования на беднейших жителей гетто, бесстыдно претендуя на то, что это была некоторая форма «справедливого распределения благ». Эдвард М. Грамлич, управляющий ФРС, который умер в сентябре 2007 года, предупреждал в 2001 году, когда бум в недвижимости был ещё на ранней стадии, что стремительно растет новое поколение кредиторов, заманивающих многих людей в рискованные ипотеки, которые те не могут себе позволить. Когда Грамлич в частном порядке призвал проверяющих ФРС расследовать деятельность ипотечных кредиторов, связанных с национальными банками, он получил отпор от Алана Гринспена. По словам инсайдеров, Гринспен управлял ФРС почти как абсолютный монарх. ^{959}

Выявляя то, что с большой степенью определённости является лишь верхушкой очень обширного айсберга мошенничества, ФБР в январе 2008 года объявило о расследовании в 14 компаниях случаев возможного мошенничества, инсайдерской торговли или других нарушений, связанных с ипотечным кредитованием, предоставленным рискованным заёмщикам. ФБР объявило о том, что расследованию подвергаются компании по всей индустрии финансовых услуг, от ипотечных кредиторов до инвестиционных банков, что пакуют ипотечные кредиты в ценные бумаги, продаваемые инвесторам. Мало кто услышал об этом.

В то же время власти в Нью-Йорке и Коннектикуте вели расследование, скрывали ли банки Уолл-Стрит важную информацию о наиболее высоко рискованных займах, сгруппированных в ценные бумаги, продаваемые инвесторам. Генеральный прокурор Коннектикута Ричард Блюменталь сказал, что он и генеральный прокурор Нью-Йорка Эндрю Куомо изучали, раскрывали ли надлежащим образом банки высокий риск дефолта по так называемым «исключительным» займам (которые считаются даже более рискованными, чем субстандартные займы) при продаже этих ценных бумаг инвесторам. В ноябре 2007 года Куомо прислал судебные повестки финансируемым правительством ипотечным компаниям

«Фанни Мае» и «Фредди Мак», чтобы расследовать, как он утверждал, конфликт интересов в области ипотечного кредитования. Он сказал, что он хотел бы узнать о закладных на миллиарды долларов, которые они купили у банков, в том числе у крупнейшего ссудосберегательного банка США «Вашингтон Мьючуал Инк.», и каким образом они оценивались.

ФБР говорит, что изучает практику субстандартных кредиторов, а также возможное мошенничество в учетных книгах, совершаемых финансовыми компаниями, которые проводят эти займы по своим балансам или секьюритизируют их и продают другим инвесторам. «Морган Стенли», «Голдман Сакс Груп Инк.» и «Бир Стирнс К°», все они признали в регулятивных учетных документах, что откликнулись на запросы из различных, точно не установленных регулирующих и правительственных учреждений о предоставлении информации.^{960}

Один бывший ипотечный брокер с северо-западной части Тихоокеанского побережья, который вышел из бизнеса из-за неприятия давления и агрессивных методов вовлечения в ипотеку неквалифицированных заёмщиков, описал автору этих строк некоторые из наиболее типичных практик хищных брокеров на своей памяти в записке, посвящённой ипотеке с плавающей процентной ставкой:

«Текущее субстандартное фиаско – сущий кошмар, но и качественные обеспеченные закладными активы содержат потенциал для ошеломляющей катастрофы. Первый "звоночек" случился в июле-августе 2007 года – это было субстандартное фиаско, но в ноябре 2007 года раздался следующий. В ноябре 2007 года плавающие процентные ставки по качественным закладным были скорректированы в сторону повышения.

Это означает, что в "юбилей предоставления кредита" плавающая процентная ставка будет отрегулирована в сторону повышения. Это происходит потому, что обеспеченная закладными ценная бумага была "куплена" при ставке-приманке, как правило, в один или полтора процента. Выплаты, производимые по такой ставке, хотя и очень привлекательны, не приводят к снижению основного долга и даже порождают некоторые невыплаченные проценты, которые плюсятся к самой ссуде. Заёмщикам позволено платить проценты по ставке-приманке весь первый год, даже несмотря на то, что ставка оправдывает только первый месяц.

Обеспокоенность в связи с этой "отрицательной амортизацией", при которой задолженность по кредиту становится больше, чем рыночная стоимость этого имущества, снимается ссылкой на рост стоимости недвижимости в связи с созданным банками пузырьком, о котором говорится, что он является нормальным явлением, и можно исходить из того, что он продолжится в будущем. Всё это продвигалось со стороны кредиторов, которые направляли армии рекламщиков, то есть продавцов, к ипотечным брокерам, чтобы разъяснять, как это работает.

Плавающие процентные ставки по кредитам с залогом дома были суммой банковской прибыли – маржи – и некоторых объективных показателей стоимости заёмных средств в банке, известных как индекс. Использовались индексы, сгенерированные различными видами экономической деятельности, – те, которые банки по всей стране платят за 90-дневные депозитные сертификаты, или те, которые банки на Лондонской межбанковской бирже (ЛИБОР) платят за доллары. Добавление маржи к индексу производит истинную процентную ставку по кредиту – ставку, по которой после 30 лет платежей кредит будет полностью выплачен ("амортизирован"). Это называется "полностью индексированная ставка".

Я выберу произвольно 6% в качестве "реальной" процентной ставки (3% маржи + 3% индекса). Для кредита на сумму 250 000 долларов США ежемесячные выплаты в размере 1% составят 804,10 доллара, что является платёжом "ставки-приманки", исключая налоги и страховку. Она должна корректироваться с учетом изменений в индексе, но маржа остается постоянной на весь срок займа.

Этот заём построен таким образом, что платёжные корректировки случаются только

один раз в год и сохраняются на уровне 7,5% от платежа в предыдущем году. Это может продолжаться по нарастающей в течение пяти лет (или десяти лет в случае одного кредитора), независимо от того, что происходит в реальном мире. Затем, в конце этого пятилетнего периода фиксированная максимальная ставка отменяется, и весь процесс настраивается на выплаты в соответствии с "полностью индексированной ставкой".

Если всё это время заёмщик вносит только минимально необходимые платежи, это может привести к платёжному шоку в тысячи. Если стоимость дома упала на 25%, заёмщику, на этот раз это кое-кто со звёздным кредитом, рекомендуется вернуть его обратно банку, который обесценит его, крайней мере, ещё на 25%, и это распространяется на всю собственность в округе». ^{961}

По словам чикагского банковского инсайдера, в течение первой недели февраля 2008 американские банкиры были поставлены в известность о следующем:

«"Чейз Манхэттен Банк" разослал неограниченное количество объявлений для своих клиентов о кредитных линиях. Условия этих кредитных линий, которые были популярны в прошлом, сейчас подвергаются манипуляциям, и стоимость обеспечивающей их собственности в одностороннем порядке корректируется в сторону уменьшения, иногда до 50%. Это означает, что, чтобы выкупить залог, домовладельцы вынуждены делать такие платежи по кредиту, которые, видимо, стоят половину основной суммы кредита, и ещё выплачивать проценты сверху. Единственно разумная вещь, которую нужно сделать во многих этих случаях, – податься в бега, что приводит к крупным потерям капитала, снижению стоимости всей окружающей собственности и добавке ещё одного кома в лавину лишений права выкупа.

Это особенно усугубляется в случаях "креативного финансирования" кредитных линий – те, которые были сделаны на равных между 90 и 100% от стоимости имущества до взрыва пузыря...

"Чейз Манхэттен Банк" автоматически закрыл кредитные линии, в которых был "открытый" кредит (это означает, что заёмщик оставляет некоторые деньги на кредитной линии на будущее) на сумму кредита свыше 80% к стоимости собственности. Это было сделано в массовом порядке без каких-либо уведомлений "собственников"». ^{962}

Ограничения на отношение основной суммы кредита к оценочной означает, что сумма денег, которую кредитор готов ссудить, не может превышать установленных процентов от стоимости имущества. В общей практике надо нанимать оценщика для оценки стоимости имущества. Оценка формируется с помощью сопоставимых продаж другой собственности в этом районе, которые, за редким исключением, должны быть не более чем в одной миле от предмета собственности.

Эти практики были лишь верхушкой золотой лихорадки ипотечного мошенничества, которая предшествовала нынешнему разворачивающемуся цунами.

Цунами только начинается

Цены на жильё после того, как в 2007 году лопнул пузырь, всё падали и падали, резко росли процентные ставки по ипотеке, всё шире охватывала штаты по всей Америке от Огайо, Мичигана и Калифорнии до Пенсильвании, Колорадо и Флориды безработица. Поскольку всё больше и больше рабочих теряли работу или переходили на неполную занятость, происходило неизбежное: резкий рост дефолтов по автокредитованию и кредитным платёжным картам. Этот процесс вошёл в порочную самораскручивающуюся спираль дефляции активов цен по всей Америке и во многих частях мира. В первые недели 2008 года процесс только начинал становиться скверным.

Субстандартный сектор был лишь первым проявлением того, что надлежало распутать. Процесс будет продолжаться годы, прежде чем сойдёт на нет. Токсичные продукты обеспеченных активами ценных бумаг использовались, в свою очередь, в качестве залога по

последующим банковским ссудам, для спекулятивной скупки с левэриджем⁶⁸ частными фирмами, корпорациями и даже муниципалитетами. Огромная долговая пирамида, построенная на секьюритизированных активах, стала переходить в обратный левэридж, когда на глобальных рынках определилась реальность того, что никто не имел понятия о стоимости тех секьюритизированных бумаг, которые они держат.

Без тени смущения скрывая свою преступную халатность и принижая её трагические последствия для миллионов американцев и людей во всем мире, второе по величине рейтинговое агентство в мире «Стандарт и Пуэрз» в октябре 2007 года заявило о том, что они «недооценили масштабы мошенничества в ипотечной индустрии США».

Алан Гринспен слабо попытался оправдаться, утверждая, что не кредитование неплатёжеспособных заёмщиков было неправильным, а лишь последующая секьюритизация кредитов вызвала проблемы. Сама система, над созданием которой работали банкиры на протяжении многих лет, основана на мошенничестве и непрозрачности. Они отнюдь не были наивными в этом вопросе.

По мере того, как сотни тысяч американцев в грядущие месяцы обнаружат, что их ежемесячные платежи по ипотеке резко возрастут, согласно условию о плавающем проценте, сотни миллиардов долларов ипотечных долгов останутся не выплаченными. Это, в свою очередь, приведёт к лавинообразному эффекту в области потери рабочих мест, дефолтов по кредитным картам и ещё одной волне секьюритизационного кризиса на обширном рынке секьюритизированных задолженностей по кредитным картам.

Вся американская финансовая система оказалась ввязана в колоссальный ипотечный пузырь и связанную с ним катастрофу ипотечной секьюритизации.

В конце февраля 2008 года лондонская «Файнэншл Таймс» заметила, что банки США «тихо» заняли 50 миллиардов долларов из специальной новой структуры кредитования ФРС, чтобы облегчить свой кризис с наличностью. Потери всех крупных банков от «Ситигруп» до «Дж. П. Морган Чейз» и большинства других крупных банковских групп США продолжали расти, тогда как экономика погружалась в пучину рецессии, которая, очевидно, в ближайшие месяцы перерастет в подлинную депрессию.

В течение президентской кампании 2008 года ни один кандидат в президенты не решился произнести ни одного серьёзного слова в своих обещаниях, что делать с тем, что становится крупнейшим финансово-экономическим крахом в американской истории.

Странная катастрофа «Леман Бразерс»

В начале 2008 года стало ясно, что финансовая секьюритизация станет «последним танго» для Соединённых Штатов как мировой финансовой державы. Предпринимались неотложные меры, чтобы сохранить могущество Уолл-Стрит, если его ещё можно было спасти.

В сентябре 2008 года среди нарастающей паники в Белом доме Буша и, прежде всего, в министерстве финансов Генри Полсона администрация приняла несколько решений, какие финансовые институты получают помощь, и, что более судьбоносно, какие подлежат банкротству.

Крупная страховая компания «АИГ», чей основатель Хэнк Гринберг несколькими годами ранее был обвинён в грубых подтасовках финансовых книг компании, получил чрезвычайный правительственный кредит в 10 миллиардов долларов. Одновременно, правительство, по сути, национализировало две огромные национальные частные ипотечные страховые компании «Фанни Мае» и «Фредди Мак». ^{963} Глава ФРС Бен Бернанке встретился за закрытыми дверями с президентом Нью-йоркского федерального резервного

⁶⁸ Англ. leveraged buyout – выкуп с привлечением заёмных средств.

банка Тимоти Гейтнером (впоследствии ставшим министром финансов Барака Обамы) и бывшим исполнительным директором «Голдман Сакс» Генри Полсоном. Они приняли роковое решение позволить четвёртому по величине инвестиционному банку Уолл-Стрит «Леман Бразерс», учреждению с 153-х летней историей, обанкротиться.

Финансовые рынки от Токио до Лондона и Франкфурта запаниковали, так как внезапно осознали, что теперь неясна или, по крайней мере, сомнительна основная линия, указывающая, которые из финансовых институтов США являются «слишком большими, чтобы упасть». Отныне ни один банк в мире не мог быть уверен, что его партнёр в Нью-Йорке устоит, а если устоит, то получит ли он поддержку правительства США. Гораздо меньший инвестиционный банк «Бир Стирнс» был спасён деньгами ФРС всего несколькими месяцами ранее. Логика была не очевидна. Ещё бы, именно в этом и состояла подоплёка решений Полсона.

Как только просочилась новость о решении по поводу «Леман Бразерс» в течение нескольких часов рынки рухнули по всему миру. То, что до этого момента было в основном кризисом меньшем сегменте американской субстандартной ипотечной секьюритизации стоимостью примерно 800 миллиардов долларов, внезапно превратилось в глобальный системный кризис, в течение которого банки внимательно изучали каждый актив, который они собирались принять от других банков. Глобальный кризис доверия разразился по той простой причине, что в самом разгаре крупного кризиса правительство США и частная ФРС бездумно решили позволить крупному банку упасть. Очевидно, они это сделали, полностью осознавая последствия.

В течение нескольких секунд после объявления, что «Леман Бразерс» не получит спасительной поддержки (как это было сделано в случае с «Бир Стирнс») стало ясно, что внезапно финансовая политика США, доктрина «слишком большой, чтобы упасть», политика страхования, на которую опирались банки во всём мире, начиная с кризиса 1980-х годов, отныне больше не являются основой для расчёта рисков в сделках с другими банками и особенно – с банками США.

Если бы министр финансов Генри Полсон, Гейтнер и Бернанке из ФРС приняли решение спасти «Леман Бразерс» вместо «Бир Стирнс», возможно, воздействие было бы значительно меньше. По крайней мере, банкиры во всём мире были бы уверены, что у правительства США существует последовательная политика чрезвычайного спасения, то есть, на предмет того, какие банки «слишком большие, чтобы упасть». Даже бывший председатель «Голдман Сакс» губернатор Нью-Джерси Джон Корзайн выступил с нападками на своего бывшего партнёра по «Голдман Сакс» Полсона за его «непоследовательность» и содействие панике на рынках созданием неопределённости.^{964}

Единственное правдоподобное объяснение шоковому банкротству «Леман Бразерс» состояло в том, что Уолл-Стрит и Министерство финансов США отчаянно нуждались в событии, который напугает Конгресс, и последний выдаст Полсону «карт бланш» на чрезвычайное спасение его дружков с Уолл-Стрит. В сентябре оставалось всего два месяца до президентских выборов, и Конгресс был не склонен утверждать политически взрывоопасный план спасения крупных банков за счёт налогоплательщиков, большинство из которых считали именно эти банки являются причиной кризиса. Банкротство «Леман Бразерс» привело финансовый мир на грань глобальной катастрофы. А также сконцентрировало внимание Конгресса.

23 сентября Полсон объявил о создании чрезвычайного фонда для спасения банков с симпатичным названием ТАРП или Программа освобождения от проблемных активов⁶⁹. Как потом убедилась общественность, кто и сколько получил по этой программе, оставалось тайной и при Полсоне и при его преемнике от демократов Гейтнере.

Представляя в Конгрессе ошеломляющий запрос на чрезвычайные меры спасения,

⁶⁹ Англ. Troubled Asset Relief Program (TARP)

Полсон и Бернанке сообщили только о том, что ТАРП будет стоить 700 миллиардов долларов. Они произвели наспех состряпанный двухстраничный проект закона, в котором ни слова не говорилось о каких-либо ограничениях на использование этих денег или подотчётности надзорному органу. В этот момент всему миру стало ясно, что американские власти потеряли контроль. В такой атмосфере ни один банк больше не осмеливался доверять какому-либо другому международному банку.^{965}

После чего безумие стало развиваться по нарастающей. ТАРП предполагала, что проблема состоит в нехватке «ликвидности» и передала сотни миллиардов долларов налогоплательщиков в руки «Ситигруп», «Дж. П. Морган Чейз» и «Голдман Сакс», глубоко замешанным, в первую очередь, в создание гигантской мошеннической пирамиды секьюритизации.

После сентября 2008 года проблема, как заметил бывший заместитель министра финансов Джон Тейлор, была не в межбанковской ликвидности. Она состояла в отсутствии уверенности среди всех крупных банков, что их банковский контрагент банка не исчезнет. Никто не знал, как выразился Тейлор, «у кого на руках пиковая дама».^{966} Накачивание избранных банков сотнями миллиардов долларов налогоплательщиков было неправильным лекарством для лечения неверно диагностированной болезни. Но не для Богов денег.

Парадигма «Ситигруп»

Банки-получатели помощи, например «Ситигруп», были довольны программой ТАРП. Налогоплательщики вынуждены были оплатить расходы банков, связанные с их безудержной азартной игрой в финансовом казино. Викрам Пандит, исполнительный директор «Ситигруп» заявил: «Мы ежедневно остаёмся полностью заняты делами компании. Мы собираемся вести дела "Сити" для акционеров».

Цена акций акционеров в «Ситигруп» на тот момент не превышала одного доллара.

Фактически, Пандит сказал, что правительственное вливание не изменит ни стратегию, ни операции, ни управление «Ситигруп». «Обычный бизнес, ребята». Однако, благоразумнее было бы, чтобы его приоритеты состояли в том, чтобы привести банк в состояние, в котором тот смог бы работать без правительственной поддержки, и реорганизовать свой бизнес так, чтобы подобная катастрофа никогда повторилась. Интересы акционеров должны были стоять на последнем месте. Это было строгой логикой риска в реальной капиталистической системе. Уолл-Стрит предпочла то, что некоторые назвали «социализмом банкиров»: социализация потерь для налогоплательщиков и приватизация прибылей для банкиров.

Банкротство «Леман Бразерс» вызвало распространение паники во всем мире. Внезапно замерло рутинное торговое финансирование. В Китае, основном мировом экспортёре, компании перестали получать обычное торговое финансирование, и по всей стране начали закрываться заводы. В странах Европейского союза Европейский центральный банк включил кран ликвидности в отчаянной попытке предотвратить массовое банкротство банков.

В Великобритании банковская паника началась в начале 2008 года, когда пал один из крупнейших ипотечных банков страны «Нозерн Рок». Это было совместное с «Леман Бразерс» предприятие по продаже субстандартных обеспеченных залогом ценных бумаг в Великобритании. Банк должен был быть национализирован к унижению лейбористского правительства Гордона Брауна. Именно Браун ранее постарался обеспечить дружественное банкам законодательство, которое освободило от регулирования такие банки, как «Нозерн Рок», и открыло широкую дорогу азартным играм в банковской деятельности в американском стиле.

THE WALL STREET JOURNAL.

DOWDNEY

MONDAY, NOVEMBER 24, 2008 • VOL. CCLII NO. 124

Last week: DAX 1046.42 ▼ 430.31 -5.7% NASDAQ 1394.25 ▼ 8.7% NYSE 7920.79 ▼ 6.5% DJ STOXX 50 1294.31 ▼ 12.1% 10-YR TREASURY ▲ 4.30/32, vol 8.17/15 OIL \$48.93 ▼ 57.67 EURO \$1.2577 YEN

U.S. Agrees to Rescue Struggling Citigroup

Plan Injects \$20 Billion in Fresh Capital, Guarantees \$306 Billion in Toxic Assets

The federal government agreed Sunday night to rescue Citigroup Inc. by helping to absorb potentially hundreds of billions of dollars in losses on toxic assets on its balance sheet and injecting fresh capital into the troubled financial giant.

By David Enrich,
Dominic Palfrey,
Matthew Miller and
Carrick Mollenkamp

The agreement marks a new phase in government efforts to stabilize U.S. banks and securities firms. After injecting nearly \$300 billion of capital into financial institutions, federal officials now appear to be willing to help shoulder bad assets, on targeted basis, from specific institutions.

Citigroup is one of the world's best-known banking brands, with more than 200 million customer accounts in 194 countries. Its plunging stock price threatened to spook customers and imperil the bank.

If the government's rescue plan is a success, it could help bring stability to the entire finan-

cial system. If it doesn't, even deeper doubts about the industry's future could spread.

After a weekend of marathon talks between Citigroup executives and top federal officials, the parties late Sunday night nailed down a package in which the government will help protect the company from its riskiest assets.

Under the plan, Citigroup and the government have identified a pool of about \$306 billion in troubled assets. Citigroup will absorb the first \$29 billion in losses in that portfolio. After that, three government agencies—the Treasury Department, the Federal Reserve and the Federal Deposit Insurance Corp.—will take on any additional losses, though Citigroup could have to share a small portion of additional losses.

The plan would essentially put the government in the position of insuring a slice of Citigroup's balance sheet. That means taxpayers will be on the hook if Citigroup's massive portfolio of mortgage, credit cards, commercial real-estate and big

Downward Slide | A tumultuous year and a half for Citigroup

HELPING HAND Citigroup Vikram Pundt, shown here meeting at the Treasury Department in October

corporate loans continue to sour.

In exchange for that protection, Citigroup will give the government warrants to buy shares in the company.

In addition, the Treasury Department also will inject \$20 bil-

lion of fresh capital into Citigroup. That comes on top of the \$25 billion infusion that Citigroup recently received as part of the broader U.S. banking-industry bailout.

The government and Citigroup had hoped to unveil the

plan early Sunday evening, but negotiations dragged on longer than expected. Treasury Secretary Henry Paulson began briefing Congressional leaders about the plan later in the evening.

Asian markets were mostly lower in early Monday trading as

news of the disaster faced. Japan's market closed for a holiday.

The sweeping rescue underscores how central government had become in letting Citigroup's fortunes.

Рис. 20. В октябре 2008 года правительство США приступило к спасению «Ситигрупп», крупнейшего в мире банка с наиболее агрессивного кредитора субстандарной ипотеки

То, что произошло после того, как новый президент США, президент, единственным предвыборным лозунгом которого была фраза «Перемен!», скоро станет ясным всему миру. Ничего обнадеживающего для тех, кто ожидал реальных перемен.

Глава 18 Обворовывание нации

«Деньги — источник зла, деньги — источник зла, деньги — источник зла, избавься от них, избавься от них, избавься от них...»

— песня сестёр Эндрюс, хит-парад 1945 года⁽⁹⁸⁴⁾

Президент «перемен»

Не понадобилось много времени в первый год президентства Барака Обамы, чтобы понять, что именно кандидат Обама подразумевал своим единственным предвыборным слоганом «Перемен!». Эти перемены не касались ни экономической, ни финансовой, ни военной, ни внешней политики США в целом.

Внимательное изучение подбора Обамой консультантов и кандидатур в члены правительства ясно давало понять, что услышанная многими мантра о переменах отнюдь не относилась к тем вещам, на которые наивно надеялось большинство его сторонников. Скорее это были перемены в интенсивности.

Выбирая членов своего кабинета, президент Обама сделал этот факт очевидным. Его команда советников по национальной безопасности стала первым предупреждением. Роберт Гейтс, человек, который был близким соратником семьи Бушей с момента своего назначения в ЦРУ в 1966 году, был попрошен вновь избранным президентом Обамой остаться в качестве министра обороны. По словам инсайдеров, в 1991 году президент Джордж Буш-старший назначил Гейтса директором ЦРУ, чтобы помочь скрыть участие Буша в незаконной торговле оружием и наркотиками, так называемый скандал «Иран-контрас». Гейтс стал министром обороны Джорджа Буша-младшего в 2006 году, когда Дон Рамсфелд со скандалом ушёл в отставку. Было ясно, что в политике Пентагона президент Обама твёрдо намерен проводить курс Буша-младшего.

Советник по вопросам национальной безопасности Обамы генерал Джеймс Джонс при Буше был командующим НАТО в Европе во время расширения НАТО к границам России. Президентский Директор Национальной разведки адмирал Деннис К. Блэр, профессиональный флотский офицер, командовал американскими Вооружёнными Силами в Тихом океане при Буше. Эта команда национальной безопасности вряд ли выглядела способной изменить направление политики США в качестве единственной супердержавы или изменить сосредоточенность на вооруженных силах, даже притом, что никакая мыслимая держава-конкурент не угрожала безопасности Америки. Менее чем год после своего избрания президент Обама предпринял шаги, чтобы увеличить численность войск в Афганистане на 30 000 – как раз в тот момент, когда он принимал Нобелевскую премию мира.

Величайшее ограбление руками банков Уолл-Стрит

Отсутствие реальных перемен при Обаме стало ещё очевиднее при выборе глав его финансовой и экономической команды. Сюда он назначил тех же самых лис, которые в своё время открыли банкам Уолл-Стрит широкую дорогу в финансовые курятники.

Через несколько дней после приведения к присяге в качестве президента Барак Обама сделал драматический разворот на 180 градусов от своих экономических предвыборных обещаний и приступил к назначению на каждый ключевой финансовый и экономический пост либо своих личных протеже, либо протеже вице-председателя «Ситигруп» Роберта Рубина, либо протеже «Голдман Сакс», чтобы проводить свою экономическую политику. Несмотря на свою явную победу с мандатом на проведение радикального реформирования обанкротившегося дерегулированного финансового здания, Обама начал с наиболее вызывающего в американской истории чрезвычайного спасения Уолл-Стрит.

Избранный президент 5 ноября 2008 назвал своего близкого друга и старого сокурсника по юридическому факультету Гарвардского университета Майкла Фромана, на тот момент высокопоставленного топ-менеджера «Ситигруп» в качестве главы своей переходной экономической группы – группы, которая будет выбрать кандидатуры на все ключевые

посты кабинета, имеющие отношение с банковскому делу и экономике. Фроман познакомил кандидата Обаму с заместителем председателя «Ситигруп» Рубином, в своё время бывшим министром финансов в администрации Клинтона и бывшим председателем «Голдман Сакс». Рубин же стал наставником Фромана в каждом ключевом выборе для администрации Обамы.^[985] Назначение Тима Гейтнера в качестве министра финансов и Ларри Саммерса в качестве директора Национального экономического совета Белого дома, своего рода экономического «царя», говорило о том, под чью дудку будет плясать президент Обама, и кто будет заказывать музыку. Уолл-Стрит уверенно вошла в президентскую команду, как это было на протяжении прошлого века, да и в позапрошлом тоже.

В 1999 и 2000 году Саммерс, который сменил своего бывшего босса Роберта Рубина на посту министра финансов президента Клинтона, и Тим Гейтнер как его заместитель подготовили и протолкнули через Конгресс два роковых законопроекта которые развязали спекулятивную лихорадку финансовых титанов с Уолл-Стрит. Это были отмена Закона Гласса-Стигала от 1933 года и Закон о модернизации товарных фьючерсов 2000 года, что позволило абсолютно без надзора правительственных регуляторов торговать финансовыми производными, такими, как кредитные дефолтные свопы, в частном порядке или, как это обозначали, на внебиржевом рынке ценных бумаг.

Гейтнер перешёл в Белый дом, оставив свой пост президента могущественного Нью-Йоркского Федерального резервного банка, пребывая на котором, он в компании с Бернанке и министром финансов Генри Полсоном сыграл решающую роль в чрезвычайном спасении «АИГ» и банкротстве «Леман Бразерс». Гейтнер был человеком Уолл-Стрит с головы до ног.

Как обрисовано в общих чертах в этой книге, причины американской финансовой катастрофы, которая началась летом 2007 года, имели много очень глубоко встроенных компонентов. Непосредственный толчок был дан смертельной комбинацией дерегулированных финансовых структур, сговором основных агентств кредитных рейтингов по поводу использования некорректных моделей риска и слабого надзора над банками, кредитовавшими ипотеку.

Присматривали за этой политикой последовательно четыре американских президента – Рональд Рейган, Джордж Буш-старший, Билл Клинтон и Джордж Буш-младший. Все они намеренно позволяли разгул спекулятивного разрушения американской экономики, поощряя отмену финансового регулирования. Результатом стало резкое перераспределение благосостояния и власти в США, усугубленное выборочным снижением налогов для самых богатых и ростом налогов (и прямых и косвенных) для безнадежно погрязшего в долгах американского потребителя, что фактически только глубже топило американское население.

Инвестиционные банки Уолл-Стрит, такие, как «Морган Стенли», «Голдман Сакс», «Меррил Линч» и «Леман Бразерс», вводили секьюритизацию, процесс, поддерживаемый той, кто должна была его ограничивать, – Федеральной резервной системой. Этот процесс привёл к созданию новых инструментов для мошенничества и обмана – ценные бумаги, обеспеченные активами. Банки выдавали «кредиты лжеца» и другие лёгкие кредиты своим клиентам, часто вводя их в заблуждение относительно окончательного риска. Банки вели себя, словно были убеждены, что существует новая система, которая больше не считает исключительно важным консервативный контроль за рисками.

После Азиатского кризиса 1997–1998 годов, который, чтобы привлечь азиатские капиталы в Соединённые Штаты, и тайно и открыто разжигался теми же самыми банками Уолл-Стрит, поток денег из Азии, и прежде всего, из Китая, в американские полугосударственные гиганты недвижимости «Фанни Мае» и «Фредди Мак» придал секьюритизации реактивное ускорение. Секьюритизация обычной и даже высоко рискованной американской ипотеки в новые ценные бумаги или обеспеченные недвижимостью ценные бумаги, которым тогда главными рейтинговыми агентствами обманчиво присваивались рейтинги высшего качества AAA, настолько соблазнила инвесторов из Европы и Азии, что они ринулись в новые американские ценные бумаги без

какой-либо перепроверки-реальности этого кредитного рейтинга AAA.

Структура секьюритизации была создана и разработана, чтобы сделать только то, что она и сделала, с азиатской ликвидностью или без неё. Она разрабатывалась, чтобы мошеннически обогатить те финансовые учреждения, которые стояли в основе американского колосса – Уолл-Стрит и её ближайших союзников.

Начиная с первого «спасения» финансовых рынков ещё Аланом Грин-спеном в октябре 1987 года, основные участники рынка были уверены, что, какой бы кризис не разразился в результате их рискованного кредитования или финансовых деловых отношений, власти в тот же день придут им на помощь. Эта идея нашла своё выражение в доктрине «Слишком большой, чтобы упасть».

Слишком большой, чтобы спасти?

Маленькая горстка очень крупных банков стала настолько огромной, что их считали «слишком большими, чтобы упасть», благодаря, главным образом, преднамеренной правительственной политике финансового дерегулирования, особенно благодаря отмене в 1999 году Закона Гласса-Стигала, спроектированной Саммерсом и Гейтнером при Клинтоне. Этот закон 1933 года, как писалось выше, ограничивал слияния среди инвестиционных фирм Уолл-Стрит (коммерческих банков, например, «Ситибанк» или «Банк оф Америка») и страховых компаний. Действительно, к декабрю 2008 года, несмотря на свои потери к тому моменту в финансовом кризисе, активы четырёх крупнейших американских банков превысили ВВП большинства стран в мире. Они действительно стали «Богами денег», столь крупными и столь могущественными, что целые правительства уступали их требованиям, склоняясь перед высшей силой Уолл-Стрит.

«Банк оф Америка», крупнейший среди них, держал в активах ошеломительную сумму в 2,5 триллиона долларов. Следом шли «Дж. П. Морган Чейз» с 2,2 триллионами, «Ситигруп» с 1,9 триллионами и «Веллз Фарго» с 1,3 триллионами.^{986} Эта четверка крупнейших американских банков держала активы номинальной стоимостью почти 8 триллионов долларов. Эти четыре банка и возможно ещё три – четыре крупных инвестиционных банка Уолл-Стрит, а также ещё одна вращающая рулетку гигантская страховая компания – «АИГ» – стояли в самом безветренном центре шторма глобального финансового цунами, который разразился в начале лета 2007 года.

Власть денег сконцентрировалась в руках очень немногих людей. И именно они были центром субстандартных и других ипотечных надувательств и мошеннических схем Понци, которые к 2009 году поставили на колени крупнейшую экономику в мире.

Ключевым фактором, позволившим этому цунами разразиться, была чрезвычайная концентрация высокого риска в маленькой горстке американских банков. С июня 2008 года четыре американских банка держали подавляющее большинство всех контрактов по сложным финансовым деривативам. Наиболее быстро растущим сегментом среди этих деривативов были кредитные дефолтные свопы, которые описывались одним банкиром как «подобные человеку, который идет и покупает страховку на случай пожара, но не на свой дом, а на соседский».^{987} Искушение для злоупотреблений было непреодолимым.

Безусловно, крупнейшим банком, оперирующим с деривативами, был «Дж. П. Морган Чейз» с 91 триллионом долларов в нарицательном или номинальном выражении рисков участия в сделках с деривативами. Следом шёл «Банк оф Америка» 40 триллионами; в затылок ему дышал «Ситибанк» с 37 триллионами, и объединённый «Веллз Фарго Вачовия» после октября 2008 года насчитывал в общей сложности 5,5 триллиона.

Кроме этих пяти крупнейших банков авуары деривативов остающихся американских банков были гораздо ниже. Рискованные деривативы были очевидной игрой крупнейших игроков и были опасно сконцентрированы в менее чем в полудюжине учреждений.^{988} Падение любого из них развязало бы глобальный системный кризис неслыханного масштаба.

В рискованнейшем сегменте деривативов, на полностью нерегулируемом рынке дефолтных свопов, который, как уже отмечалось, был изобретен «Дж. П. Морган Чейз», четыре упомянутых банка США плюс «ЭйчЭс-БиСи Банк ЮСА» (дочерняя компания крупнейшего британского банка) держали в этой сфере ошеломляющие 95%. Эти пять банков позже откажутся обнародовать, сколько денег, выделенных на спасение «АИГ» утекло в их карманы, чтобы укрепить эти контракты. Лондонский офис «АИГ» обслуживал практически нерегулируемые страховые фирмы, позволявшие банковским гигантам делать свои огромные ставки. Когда всё это здание после августа 2007 года начало разрушаться, мошенническим схемам «АИГ» тоже пришёл конец.^{989}

Ещё более тревожным было то, что концентрация рисков в этих пяти огромных банках была построена таким образом, что по мере того, как США и мировая экономика будет глубже впадать в рецессию, или даже в депрессию, как произошло в случае Соединённых Штатов, грядущие банковские потери в производных будут расти в геометрической прогрессии. По состоянию на 1 января 2009 года эти пять американских банков сообщили, что оценивают возможные потери (в «худшем случае») ещё на 587 миллиардов долларов из - за своих рисков участия в деривативных сделках. Их оценки потерь выросли на тревожные 49% с момента сентябрьского решения правительства обанкротить «Леман Бразерс».^{990} Один осведомленный аналитик банковских рисков назвал эту ситуацию «бомбой замедленного действия», которая запрограммирована становиться ещё хуже, по мере углубления кризиса в экономике США.^{991}

Это и есть тот самый тайный гадкий секрет, который никто не пожелал обнародовать. Банковские гиганты Уолл-Стрит, новая версия Денежного Треста XXI века, базирующаяся на новых экзотических производных инструментах, готовы на всё, чтобы скрыть истинную причину финансовых потерь системы (собственные мошеннические схемы банкиров) и навести ужас на американских налогоплательщиков, чтобы они безропотно покрывали убытки банков. И этим гигантским банкам на каждом шагу содействовали и оказывали поддержку их дружки в Федеральной резервной системе, в Министерстве финансов США и в Белом доме.

Эти потери были полностью предсказуемы. Они – результат дерегулирования банковской и финансовой системы, которое тщательно и сознательно шаг за шагом проводилось собственниками банков. Это была система политики невмешательства в финансы, создаваемая на протяжении многих лет путём интенсивного лоббирования со стороны банков Денежного Треста. Банки Уолл-Стрит и окружающие их институты в финансовом секторе США с 1998 по 2008 год вложили впечатляющую сумму не менее 5 миллиардов долларов, по существу, на скупку голосов Конгресса США через взносы на предвыборные кампании и «лоббирование».

Бывший американский банковский регулятор во времена кризиса ссудосберегательной системы в 1980 - х годах Уильям Блэк описывал трансформацию США в течение десятилетий в фактическую финансовую олигархию, где права всё в большей степени отождествлялись с богатством человека:

«Сорок лет назад наша реальная экономика росла лучше, когда финансовый сектор получал в двадцать раз меньший процент от общей прибыли (2%), чем текущий финансовый сектор (40%). Минимальная оценка того урона, который раздутый переплачиваемый финансовый сектор наносит реальной экономике, состоит в этом значительном увеличении его доли в общем объёме национального дохода, которая тратится впустую в результате паразитирования финансового сектора.

Во-вторых, этот финансовый сектор хуже, чем паразит... Функции финансового сектора – острые клыки, которые использует государство-хищник, чтобы разорвать нацию. В дополнение к выкачиванию капитала в свою пользу, финансовый сектор не по назначению использует остальные капиталы таким образом, что наносит урон реальной экономике, с тем чтобы в выигрыше была уже богатая финансовая элита во вред нации... В этом десятилетии выкуп облигаций и подарки акций чиновникам превысили новый капитал, привлечённый

рынками капитала в США. Это означает, что рынки капитала осушают капитал реального сектора экономики. Слишком часто они делают это в целях обогащения коррумпированных корпоративных инсайдеров путём мошенничества с бухгалтерским учетом или проведённых задним числом фондовых опционов... Реальная экономика США страдает от острой нехватки сотрудников с сильной математической, инженерной и научной подготовкой. Выпускники в этих трёх областях слишком часто выбирают карьеру в финансовой области, а не реальную экономику, поскольку финансовый сектор обеспечивает гораздо большее вознаграждение для руководящего звена... Фиксация финансового сектора на бухгалтерском доходе принуждает его оказывать давление на американское производство и обслуживающие фирмы, чтобы экспортировать рабочие места за границу, не допускать капитал к фирмам, рабочие которых объединены в профсоюзы, и поощрять фирмы использовать иностранные налоговые убежища, чтобы уклоняться от уплаты американских налогов».

Блэк завершает исследование воздействия концентрации могущества в руках финансистов замечанием, что эта система по своей собственной природе должна всякий раз создавать всё более новые и всё большие финансовые пузыри, которые неизбежно будут лопаться:

«Вместо того, чтобы течь к местам, где это будет самым полезным для реальной экономики, капитал стремится к инвестициям, которые создают наибольшую мошенническую бухгалтерскую прибыль. Финансовый сектор особенно склонен к обеспечению исключительного количества фондов, к тому, что я называю бухгалтерским "контролируемым мошенничеством». Контролируемое мошенничество выглядит законными юридически и используется управляющими им людьми как "орудие" жульничества... Бухгалтерская отчётность контролируемого мошенничества столь привлекательна для кредиторов и инвесторов, поскольку она производит записи, гарантирующие краткосрочную бухгалтерскую "прибыль". Они проводят оптимизацию с помощью быстро растущих Понци-подобных схем, давая ссуды заёмщикам, которые вряд ли будут в состоянии возместить их (как только пузырь лопнет), и участвуя в чрезвычайных левверид-жах. Если нет эффективного регулирования и судебного преследования, это нерациональное использование ресурсов создаёт эпидемию бухгалтерского контролируемого мошенничества, которое стремительно раздувает огромные финансовые пузыри».^{992}

Диагноз Блэка этой разрушительной и самоподпитывающейся концентрации могущества в финансовой сфере и на Уолл-Стрит (в первую очередь с момента отказа от золотого стандарта для доллара в августе 1971 года) трагически слишком точен.

Шампанское для банкиров, токсичные отходы для всех остальных

Пока банкиры Уолл-Стрит от «Голдман Сакс» до «Ситибанка» кутили на деньги из правительственной программы чрезвычайного спасения, продолжая свой обычный бизнес и уплачивая щедрые бонусы своему персоналу, остальные, включая почти весь средний класс, столкнулись с суровой реальностью надвигающейся экономической депрессии, хотя «предполагалось, что такого никогда больше не произойдёт». Но произошло.

Последующую экономическую депрессию в США не трудно понять. Американские семьи были обманом вовлечены своими банкирами в десятилетнее строительство долговой пирамиды, невиданной ранее в мире.

Многим казалось, что у банков так много денег, что они фактически раздавали их. Десятки миллионов американцев были соблазнены покупкой одного или даже нескольких домов, поскольку пузырь, раздутый после 2002 года, полностью убедил их, что цены будут расти всегда. ФРС поощряла их, и даже Конгресс США принимал закон за законом, чтобы подпитывать золотую лихорадку этих спекуляций.

Как только лопнул пузырь в момент кризиса в небольшом немецком банке «ИКБ» в августе 2007, вся конструкция из костяшек домино в спекулятивной и долговой сфере начала

цепное падение. Цены на внутреннем рынке, вместо того, чтобы расти, как это было в течение нескольких лет, в конце 2007 года внезапно сделали полный разворот. Процентные ставки, так называемые «низкие ставки в первый год погашения», которые несколькими годами ранее соблазнили покупателей недвижимости обманчиво низкими начальными значениями, согласно контрактам, в конце 2007 года начали «переустанавливаться» к рыночным курсам для самой рискованной ипотеки, так называемой субстандартной.

Поскольку цены на внутреннем рынке уменьшились, заёмщики, оформившие ипотеку с плавающей процентной ставкой, не могли провести рефинансирование, чтобы избежать более высоких платежей, связанных с возрастающими процентными ставками. Они перестали выполнять свои обязательства. В течение 2007 года кредиторы начали слушания дел о лишении права выкупа почти 1,3 миллионах единиц собственности, 79% - ое увеличение по сравнению с 2006 годом. Это число увеличилось до 2,3 миллионов в 2008, 81% - ое увеличение по сравнению с 2007-м. К августу 2008 года 9,2% всех просроченных заложных США было либо с нарушением закона (уклонение от выплат), либо с лишением права выкупа. К сентябрю 2009 года это число повысилось до 14,4%, статистические данные, невиданные с момента, когда такие данные стали фиксироваться в 1972 году. ^{993} Домовладельцы, сталкиваясь с огромным ростом ежемесячных ипотечных платежей, начали задерживать или вообще прекращать платежи. Банки изымали в свою пользу дома в процессе, который был облегчен действиями администрации Буша, направленными на защиту банков, а не пострадавших домовладельцев.

Избранный нью-йоркский губернатор Эллиот Спитцер, честолобивый политический деятель, который сделал свою карьеру в Демократической партии как горячий противник Уолл-Стрит, и в особенности «АИГ» Хэнка Гринберга, поднял тревогу. Когда он заговорил об окольных шагах Белого дома Буша в поддержку ипотечного мошенничества и лишения штатов защитных механизмов, созданных во времена Великой депрессии, для домовладельцев против лишения права собственности банками, Спитцер стал жертвой операции с внедрением агентов ФБР, которая вынудила его уйти в отставку.

Спитцер свидетельствовал перед американской подкомиссией по финансовым услугам Палаты представителей США по поводу проблем в находящихся в Нью-Йорке специализированных страховых компаниях-монолайнерах. В своём заявлении Конгрессу он возложил вину за финансовый кризис непосредственно на действия администрации Буша-младшего. Несколько дней спустя «Нью-Йорк Таймс», по слухам, действовавшая по конфиденциальному совету Министерства юстиции, предала огласке свидание губернатора Спитцера с дорогой проституткой в вашигтонском отеле.

В тот же самый день в интервью Национальному телевидению Спитцер указывал, что несколькими годами ранее американское Управление контролёра денежного обращения обратилось в суд и заблокировало усилия штата Нью-Йорк расследовать ипотечную активность национальных банков. Спитцер утверждал, что Управление не пресекало сомнительные маркетинговые практики выдачи ссуд и не поддерживало более высокие гарантийные стандарты. Спитцер в интервью сказал:

«Этого можно было бы избежать, если бы Управление делало бы свою работу. Управление не делало ничего. Администрация Буша позволяла пузырю на рынке недвижимости раздуваться, и теперь, когда он сдувается, мы имеем дело с последствиями». ^{994}

Реальная экономика Америки сдувается

Как и все спекулятивные пузыри или схемы Понци в истории, этот пузырь лопнул, как только исчезло доверие. Поскольку американцы начали терять свои новые дома в серьёзных количествах, бум жилищного строительства также сошёл на нет. После краха пузыря информационных технологий в начале десятилетия сектор недвижимости стал основным

работодателем. Миллионы высоко оплачиваемых рабочих мест в строительстве и позиций «белых воротничков», связанных с недвижимостью, мгновенно исчезли. Это привело ко второй волне банкротств предприятий малого бизнеса и, как следствие, к уровню безработицы, согласно надёжным частным и неофициальным оценкам, свыше 22% от работоспособного населения, уровень, напоминающий о глубинах Великой Депрессии, ^{995}

Официально, с помощью традиционно более жёстких статистических пересмотров и манипуляции данными, Белый дом Обамы попытался уменьшить реальные цифры, заявляя уровень безработицы в 10% к октябрю 2009 года, тоже достаточно тревожный уровень, но больше чем вполтину расходящийся с реальным. Почасовые работники, которые были достаточно удачливы, чтобы всё ещё держаться на своих рабочих местах, обнаружили, что их часы работы резко сократились. Средняя рабочая неделя уменьшилась до 33 часов, самый низкий уровень с того момента, когда правительство начало собирать эти данные в 1964 году, а также упала и сама почасовая плата. ^{996} Высокооплачиваемые служащие обнаружили, что их рабочая нагрузка удвоилась, поскольку их коллеги были уволены.

Пузырь американских потребительских расходов был основан на пирамиде долга. Как только эта пирамида дрогнула, и долги перестали выплачиваться, вся кредитная система начала обваливаться. Банки отказывались кредитовать даже другие банки, боясь неизвестности. Американская экономика попала в свою собственную версию долговой ловушки Третьего мира.

Каждое средство, использование ли долларов налогоплательщиков для чрезвычайного спасения крупнейших банков Уолл-Стрит, вкачивание ли миллиардов долларов налогоплательщиков в попытку спасти детройтскую автомобильную промышленность, лишь ещё больше ухудшают ситуацию в целом. Поскольку индивидуальные потребители решительно сокращают покупки в долг (ипотека, автокредиты и кредитные карты), американское правительство стремительно погружается в долговую трясику, наращивая государственный долг.

Брукингский институт сообщил в июне 2009 года, что потребление в США составляет удивительную цифру – одна треть от роста всего мирового потребления в период между 2000 и 2007 годами. Это потребление в США всё больше финансируется в долг.

«Экономика США в течение многих лет тратила слишком много и слишком много заимствовала, а остальной мир зависит от американского потребителя в качестве источника глобального спроса».

Поскольку в конце 2008 года экономика США вошла в свободное падение, остальной мир ощутил этот сейсмический толчок. Годовой ВВП снизился на двойные цифры по всему миру, от Мексики до Германии, Латвии, Великобритании, Японии и так далее. ^{997}

К марту 2009 года в связи с кризисом и сокращением экономического роста арабский мир потерял примерно 3 триллиона долларов; безработица в арабском мире была охарактеризована как «бомба замедленного действия», когда в конце 2008 года упали рекордно высокие цены на нефть. Страны (от России и Украины до Китая) пережили резкий экономический спад после сентября 2008 года и краха «Леман Бразерс». ^{998}

Тем не менее по всем параметрам центр финансового шторма находился в экономике Соединённых Штатов и в их банковской системе. Единственная сверхдержава мира погружалась в трясику долгов и неплатежей, государственной и частной коррупции, безработицы и экономического спада, невиданных даже в 1930 году.

В ноябре 2009 года, руководитель Административно-бюджетного управления при президенте Питер Орзаг объявил мрачные цифры. Поскольку правительство США закончило финансовый год с ошеломляющим дефицитом 1,4 триллионов долларов, Орзаг предсказал, что в течение следующего десятилетия дефицит, вероятно, вырастет ещё на 9 триллионов до 12 триллионов долларов. Он назвал эту перспективу «серьёзной и чрезвычайно неприемлемой». ^{999} Орзаг сильно занижал статистику, сообщая приукрашенные цифры. Реальность была значительно хуже.

Один из критиков официальной правительственных экономических данных Джон

Уильямс, глава Теневого управления государственной статистики, отметил в январе 2009 года, что, если учесть годовое изменение в чистой стоимости задолженности находящегося вне фондов социального обеспечения и медицинской помощи для пенсионеров (например, корпоративные обязательства перед своими пенсионерами), «дефицит в 2008 году составил бы 5,1 триллиона по сравнению с 1,2 триллионами в 2007 году». По этому критерию, продолжает Уильямс:

«Всего обязательства правительства США (валовая федеральная задолженность плюс чистая приведенная стоимость внефондовых обязательств) на сумму около 66 триллионов примерно в 4,6 раза превышали уровень объявленного ВВП США, и превышали общую оценку мирового ВВП. Эти цифры не приемлемы... и уже становятся серьезно хуже в 2009 финансовом году».^{1000}

Это стремительно разрастающееся бремя государственного долга в свою очередь начинает угрожать международной уверенности в стоимости доллара США и во всем здании долларовой системы, которую с таким трудом построили после Бреттон-Вудских переговоров в 1944 году. Теперь Китай, ближневосточные производители нефти, ряд латиноамериканских государств и Россия начали серьезно рассматривать альтернативы американскому доллару.

Американский Рим

Поучителен беглый взгляд на экономические причины падения Римской империи около шестнадцати веков назад. Корни упадка и окончательного распада Римской империи, в своё время также единственной мировой сверхдержавы, заключаются в принятии политических решений правящей аристократией (точнее, олигархией богатства) расширять границы империи путём завоевательных войн и грабежа чужих земель. Это делалось не на благо государства, а с целью наращивать свои частные состояния и личную власть. Экономическая модель Римской империи была основана на разграблении завоеванных территорий. По мере расширения империи устанавливались удалённые военные гарнизоны для поддержания контроля, а власти всё в большей степени полагались на иностранных наёмников, населявших эти гарнизоны.

В процессе военной экспансии крестьянство, ядро империи, становилось беднее. Они были вынуждены покидать свои фермы зачастую на долгие годы, чтобы воевать в далёких захватнических походах. В результате юг Италии был опустошен. Те, у кого были деньги, смогли купить землю в качестве единственной устойчивой инвестиции, становясь крупными латифундистами и помещиками.^{1001}

Это привело к концентрации земли в немногих руках, а сама земля, в свою очередь, обрабатывалась рабами, пленёнными в захватнических войнах. Мелкие фермеры обанкротились и были вынуждены бежать в Рим, пытаясь выживать как пролетарии и наёмные работники. Они не имели ни права голоса, ни других гражданских прав. В глазах богатых они были просто «толпой», которую можно купить, которой можно манипулировать и направлять на врагов, они были «демосом», массами, населением. Римская «демократия» вся являлась манипуляцией массами на службе империи.

Правительство Римской империи не имело надлежащей бюджетной системы, и растрачивало средства, поддерживая империю, которая сама мало что производила. Когда перестало хватать трофеев с завоеванных территорий, чтобы покрывать расходы, правительство обратилось к более высоким налогам и возложило бремя огромной военной структуры на своих граждан. Более высокие налоги заставили многих мелких фермеров оставлять свои земли незасеянными. Чтобы отвлечь своих граждан от ухудшения условий жизни, римские политики правящих олигархов бесплатно раздавали бедным пшеницу и развлекали их цирком, гонками колесниц, растерзанием христиан львами и другими развлечениями, пресловутая стратегия «хлеба и зрелищ», стратегия удержания народных

волнений от взрыва.

Политические должности всё чаще продавались богатым. Массы, в свою очередь, «продавали» свои голоса различным политикам за покровительство. Такие вот шарады демократии...

Следующий фундаментальный сдвиг, который существенно подкосил Римскую империю, – переход от призывной армии из солдат-фермеров к армии из оплачиваемых профессиональных кадровых военнослужащих по мере того, как всё более удалённые войны становились всё более непопулярными. Это ничем не отличается от того, что произошло в Америке после войны во Вьетнаме, когда народный протест стал угрозой для военного будущего. Тогда президент Никсон отменил призыв в пользу «полностью добровольной» армии.

Поскольку условия для римских солдат в удалённых войнах стали более обременительными, понадобились соответствующие стимулы для легионов. Ограничение, по которому на военную службу могли призываться только граждане, было отменено, и с этого момента в обмен на военную службу можно было получить римское гражданство. И это ничем не отличается от того, что происходит сейчас, ведь подросткам-иммигрантам обещают американское гражданство, если они рискуют своей жизнью в войнах Америки в Афганистане, Ираке или в других местах. К определённом моменту римские солдаты были уже вынуждены давать присягу своему командиру, а не государству.

Небольшие фермы постепенно заменялись огромными латифундиями, скупленными на нагребленное, и разрыв между богатыми и бедными римлянами увеличивался. Когда во II веке нашей эры братья Гракхи попытались сгладить растущий разрыв между богатыми и остальными с помощью проведения реформ в сельском хозяйстве, которые ограничивали бы полномочия богатых сенаторов, их просто убили.

Римская олигархия вырождалась всё больше. К концу правления римских императоров чревоугодие стало настолько распространённым явлением среди богатых, что они строили свои комнаты так, что гости, которые съели и выпили слишком много, могли избавиться от съеденного с помощью рвоты, практически не отходя от стола.

Однажды император Нерон заявил: «Платите налоги, больше налогов. Давайте проследим, чтобы никому ничего не принадлежало!» Покупка экзотических специй, шелка и других предметов роскоши с Востока выпила всё римское, золото, которое так не вернулось назад. Вскоре Риму перестало хватать золота для производства монет. И в его монетах становилось всё меньше и меньше золота, пока совсем не исчезло. Другой император, для того чтобы сократить объёмы производства и поднять цены на вино, приказал уничтожить половину виноградников в провинциях Рима.

С течением времени расходы на содержание этой огромной глобальной военной структуры стали неподъёмными. К III веку люди пытались любым способом избежать обременительных налогов, введенных для поддержания армии. Сама армия к правлению Диоклетиана выросла в два раза со времён Августа. Инфляционная спираль раскручивалась, инфляция приводила к систематическому снижению доли золота и серебра в монетах Римской империи. Кроме того, безудержно росли расходы на государственное управление. Ко времени Диоклетиана был уже не один император, а четыре, что означало финансирование четырёх имперских судов, четырёх преторианских гвардий, четырёх дворцов, четырёх штабов. Стоимость поддержания порядка в римском государстве также становилась огромной.^{1002} Стоимость государственной бюрократии росла, как на дрожжах, так же, как размер и стоимость исполнительной ветви федеральной бюрократии США после 1971 года.

В конечном счёте, по мере того, как территориальная экспансия Рима заходила в тупик и начинала сокращаться, всё меньше и меньше оставалось возможностей для грабежа, чтобы поддерживать глобальные амбиции империи, а также её внутреннюю экономику. Наём военных кадров на стороне привёл к летаргии, самодовольству и упадку.

Римская империя постепенно теряла могущество. Варвары с севера часто проводили

рейды вглубь распадающейся империи. Империя погружалась в долги по мере того, как императоры отчаянно пытались купить себе лояльность армии, а моральный дух их подданных продолжал падать по нисходящей спирали.

Рим постепенно потерял контроль над своими границами, дороги и мосты не поддерживались в порядке, что привело к сбоям в области торговли и связи. В самом Риме стали обычным явлением бунты и восстания. Поскольку правительство всё глубже влезало в долги, оно поднимало налоги. Армии под командованием своих генералов отбирали любые необходимые им фураж и провиант у местных жителей. Продовольствие стало ценным товаром, большое число людей голодало.

Дальнейшие захватнические войны погрузили империю во внутренний хаос. Римские войны распространились на Азию и Африку, и резко возросла коррупция среди политического правящего класса. Деньги властвовали безраздельно. Рим стал плутократией, олигархией, где власть была синонимом богатства.

Конец Республики?

К 2009 году правительство Соединённых Штатов с санкции Конгресса США выложило более одного триллиона долларов на две войны, ведущиеся так далеко от американских берегов, что большинство граждан не состоянии понять их необходимость. Ирак и Афганистан обнажили острые грани того, что британцы называли «имперским перенапряжением». Несмотря на самые передовые военные технологии, в том числе беспилотные бомбардировщики, пилотируемые из специальных центров, находящихся также далеко от афганской цели, как и Лас-Вегас, военная машина США скорее проигрывает, чем побеждает. Подобно древнему Риму Америка фактически превратилась в военное государство, бастион национальной безопасности. К 2009 году правительство официально тратило в общей сложности более 1 триллиона долларов в год на свою военную технику, больше следующих по списку сорока пяти стран, вместе взятых. ^{1003}

В зависимости от того, как каждый датировал необратимое движение к упадку, Римской империи потребовались почти два столетия, чтобы развалиться. К первым месяцам 2009 года XXI века, похоже, что американской империи, самопровозглашённому Американскому веку, понадобилось чуть больше шестидесяти лет, чтобы завершить своё саморазрушение. В обоих случаях в основе краха лежала коррупция олигархии, плутократии, в которой власть равнялась к богатству.

В марте 2008 года главный финансовый инспектор (генеральный контролёр) США и глава Главного бюджетно-контрольного управления Дэвид М. Уокер подал в отставку за 5 лет до окончания 15-летнего срока своих полномочий. Причиной своей отставки с поста, которую он публично объявлял в выступлениях по всей стране, стало то, что в качестве контролёра он был ограничен в своих возможных действиях, и что Соединённые Штаты стоят перед угрозой разрушения точно таким же образом, как Римская империя. Проводя параллели с падением Римской империи, Уокер предупреждал, что есть «поразительное сходство» между текущей ситуацией в Америке и факторами, которые привели падению Рима. ^{1004}

Американский век, который в 1941 году был провозглашён главой «Тайм» Генри Льюсом, братьями Рокфеллерами, Харриманом и другими состоятельными группировками истеблишмента, как и Римская империя, основывался на системе захвата и грабежа чужих земель. Со временем он принял другую форму с использованием наднациональных технократов МВФ, чтобы грабить страны Латинской Америки и богатые природными ресурсами государства Африки. Он использовал после 1971 года уникальные финансовые преимущества мировой резервной валюты и одновременно своё бесспорное военное преимущество, чтобы расширить свою власть и влияние далеко за рамки, которые его внутренняя экономика могла бы выдержать без потерь. Как римские императоры снижали

содержание золота и серебра в монетах, чтобы продолжить существование неустойчивой системы, Боги денег на Уолл-Стрит использовали свободно плавающий доллар и виртуальные деньги в виде производных финансовых инструментов для поддержания фасада платёжеспособности. Это фасад дал трещину в августе 2007 года, когда обрушился немецкий банк «ИКБ».

Остаётся открытым вопрос о том, желает ли остальной мир или даже будущие поколения американцев выучить уроки Рима, не говоря уже об уроках Американского века. Уильям Дженнингс Брайан предостерегал от распятия народа «на золотом кресте» перед Национальным съездом Демократической партии в 1896 году, когда был выдвинут кандидатом в президенты от партии. До самой смерти остававшийся противником Денежного треста и олигархического вероисповедания «социального дарвинизма», будучи государственным секретарём при Вудро Вильсоне, Брайан ушёл в 1915 году в отставку в знак протеста против манипуляций Уилсона обстоятельствами гибели «Лузитании» в целях создания повода для включения в европейскую войну. Брайан в своей речи в 1906 году пророчески отметил, за век до краха американской экономики и её финансовой системы:

«Плутократия претит республике, она деспотичнее монархии, бессердечнее аристократии, эгоистичнее бюрократии. Она питается государством в мирное время и вступает в сговор против него в годину бедствий... настало время избавиться от этой гигантской несправедливости».^{1005}

Именной указатель

Абец, Отто
Абс, Герман
Адамс, Брукс
Адамс, Джон Куинси
Адамс, Генри Брукс
Азиз, Абдула
Айнциг, Пол
Амеронген, Отто Вольф, фон
Андерсон, Роберт
Антонеску, Ян
Аньелли, Джанни
Аристотель
Армстронг, Гамильтон Фиш
Атли, Клемент
Атли, Дэвид Филлипс
Ачисон, Дин
Байер, Джордж
Баркли, Албен
Барни, Чарльз Т.
Барух, Бернард
Бейкер, Джеймс
Бейкер, Джордж Ф.
Бек, Людвиг
Бек, Йозеф
Белмонт, Огаст
Бенджамин, Иуда
Бенеш, Эдвард

Беннет, Джек Ф.
Берл, А.А. младший
Бернейс, Эдвард
Бернсторф, Йохан фон
Бжезинский, Збигнев
Биддл, Николас
Бирнс, Джеймс
Бланкфейн, Ллойд
Блессинг, Карл
Бломберг, Вернер фон
Болдуин, Хансон
Болл, Джордж
Боне, Жорж
Боски, Айван
Боуман, Исая
Бош, Карл
Брайан, Дженнингс
Брандт, Вилли
Браун, Тэтчер Г.
Браун, Гарольд
Браун, Гордон
Брюнинг, Генрих
Бут, Джон Уилкс
Буш, Прескот
Буш, Самуэль
Буш, Нил
Буш, Джордж, старший
Буш, Джордж, младший
Бюиссон, Альберт
Вайцзекер, Эрнст фон
Ванденберг, Артур Х.
Вандербильдт, Корнелиус
Вандерлип, Франк
Варбург, Пол
Варбург, Джеймс
Варбург, Зигмунд
Вашингтон, Джордж
Велч, Лео Д.
Виктория, королева Англии
Вильмовски, Тило фон
Вильсон, Вудро
Винсон, Фред
Волкер, Пол
Галифакс, Эдуард Фредерик Линдли Вуд
Гамильтон, Александр
Гари, Элберт
Гейтс, Роберт
Гейтс, Фредерик Т.
Геринг, Герман
Герцог, Дж. Б. М.
Гесс, Рудольф
Гессе, Фриц

Гинденбург, Пауль фон
Гитлер, Адольф – .
Голль, Шарльде
Гопкинс, Гарри
Гор, Томас
Гринспен, Алан
Грузз, Лесли Р.
Гувер, Говард
Даладье, Эдуар
Даллес, Аллен
Даллес, Фостер -
Дауэс, Чарльз
Деви, Джон
Детердинг, Генри
Джексон, Эндрю
Джентиле, Джованни
Джефферсон, Томас
Джонсон, Линдон
Джонсон, Хью С.
Джонсон, Луи
Дизраэли, Бенджамин
Диниц, Симха
Додд, Уильям
Додж, Уилям Э.
Додж, Кливленд
Дуйсберг, Карл
Дэвидсон, Генри П.
Зект, Ханс фон
Иден, Энтони
Икес, Гарольд Л.
Йямани, Заки
Канарис, Вильгельм
Канлифф, Уолтер
Карденас, Лазаро
Карлайл, Джон
Картер, Джимми
Квигли, Кэрролл
Кейнс, Джон Мейнард
Кеммерер, Эдвин В.
Кеннан, Джордж Ф.
Кеннеди, Джон Ф.
Киммел, Хасбанд Е.
Кириштайн, Луис
Киссинджер, Генри
Кларк, Том
Клейтон, Уилл
Кливленд, Стивен Гровер
Клинтон, Уильям
Клиффорд, Кларк
Клуз, Генри
Кляйст, Эрвин фон
Кляйст-Шмензин, Эвалт фон

Кортелю, Джордж
Котц, Карл
Краули, Лео Т.
Краух, Карл
Крил, Джордж
Кройсиг, Шверин фон
Крупп, Густав
Кулидж, Кельвин
Кэри Генри К.
Кюльманн, Рихард фон
Лаваль, Пьер
Ламонт Томас В.
Лассвел, Харольд
Лафоллет, Роберт
Ли, Айви
Ли, Роберт Э.
Ли Сын Ман
Линдберг, Чарльз Огаст
Линкольн, Авраам
Липшманн, Вальтер
Лист, Фридрих
Лотиан, лорд (Керр, Филипп)
Лоуренс, Томас Эдвард (Лоуренс
Аравийский)
Льюс, Генри
Лютер, Ганс
Майерс, Густав
МакГарах, Гейтс У.
Макгир Джеральд Г.
Макдональд, Рамсей
Макиндер, Халфорд
Маккинли, Уильям
МакКлинток, Джон
МакКормак, Сайрус
Маклой, Джон Д.
Малфорд, Дэвид
Маунтбеттен, виконт Бирманский
Мейер, Юджин
Меллон, Эндрю
Мессершмит, Джордж
Милкен, Майк
Миллз, Огден
Милнер, Альфред
Молей, Раймонд
Молотов, Вячеслав Михайлович
Моргентау, Генри
Моро, Эмиль
Муцсолини, Бенито
Мэдисон, Джеймс
Мэннинг, Пол
Най, Джеральд
Най Джозеф

Накасонэ, Ясухиро
Никсон, Ричард .
Нимейер, Отто
Нитце, Пол
Нойрат, Константин
Норман, Монтегю
Нортон, Чарльз Д.
Обама, Барак
Олдрич, Нельсон
Олдрич, Уинтроп
Оруэлл, Джордж
Пальмерстон, Генри Джон Темпл
Патерсон, Уильям
Перкинс, Джордж
Перкинс, Фрэнсис
Першинг, Джон
Петен, Анри Филипп
Пибоди, Джордж
Пикенс, Т. Бун
Пилсудский, Юзеф
Пуанкаре, Раймон
Пуджо, Арсен
Пулитцер, Джозеф
Пэйдж, Уолтер Хайнс
Райдер, Эрих
Расмуссен, Ханс К.
Риган, Дональд
Рейган, Рональд
Респондек, Эрвин
Риббентроп, Иоахим фон
Рист, Шарль
Ричардсон, Джеймс
Ровенски, Джозеф
Родс, Сесил
Ротшильд, Натаниэль
Ротшильд, Эдмунд Рузвельт, Теодор
Рузвельт, Франклин Делано
Своп, Жерар
Смит, Адам
Смэтс, Ян
Сон-Ретель, Альфред
Спайер, Джеймс
Спикмен, Николас
Сталин, Иосиф Виссарионович
Стетсон, Ф. Л.
Стефенсон, Уильям
Стид, Викхам
Стиллман, Джеймс
Стимсон, Генри
Стоддард, Генри
Страйт, Уиллард
Стракош, Генри

Стронг, Бенджамин
Тагуэлл, Рексфорд Гай
Тайлер, Джон
Тёрнер, Фредерик Джексон
Тигл, Уолтер С.
Тиссен, Фриц
Трумэн
Тэтчер, Маргарет
Тэфт, Говард
Уайт, Гарри Декстер
Уиллис, Паркер
Уиллс, Дэвид
Уинчелл, Уолтер
Унтермайер, Сэмюэль
Уоллес, Генри А.
Фелпс, Ансон Грин
Фоллетт, Роберт Ла
Форбс, Берти Чарльз
Форд, Генри
Форд, Джеральд
Форрестол, Джеймс
Франклин, Бенждамин Франко,
Франсиско
Франсуа-Понсе, Андре
Фрейд, Зигмунд
Фридман, Мильтон
Фрик, Генри Клэй
Функ, Вальтер
Фэриш, Уильям С.
Фэриш, Уильям Марк
Хайнц, Фредерик Август
Ханна, Марк
Хардинг, Уоррен
Харриман, Эдвард Х.
Харриман, Аверелл
Харриман, Аверелл У.
Харрисон, Джордж
Хаус, Эдвард М.
Хаусхофер, Карл
Хельдт, Вальтер
Хепбёрн, Бартон
Хилл, Джеймс Дж.
Хотри, Ральф
Хоу, Джеффри
Хьюз, Чарльз Эванс
Цалдарис, Константинос
Чемберлен, Нэвилл
Черчилль, Уинстон
Шахт, Ялмар -
Шерман, Джон
Шифф, Джейкоб
Шлабрендорф, Фабиан фон

Шмидт, Герман
Шмидт, Аксель
Шоу, Лесли М.
Шоулз, Майрон
Шрёдер, Бруно фон
Штауфенберг, Клаус фон
Шульц, Джордж
Эндрю, А. Пиатт

Комментарии

1

1 Lincoln A. Senate document 23. 1865. P. 91. См. также Senate Documents #103047. 6th Congress, 1st Session, Jan 3 – Aug 5, 1939, V. 3.

2

2 Более подробно см. Hamilton A1. The Second Report on the Further Provision Necessary for Establishing Public Credit (Report on a National Bank), December 13, 1790. Воспроизведено в The Reports of Alexander Hamilton / ed. By Cooke J. 1 Harper Torchbooks, New York, 1964. P. 74-82.

3

3 Hamilton A1 //The Continentalist, August 30, 1781. N. IV.

4

4 The Constitution of the United States. Article I: The Legislative Branch, Section 8. Соответствующая секция декларирует: «Конгресс правомочен устанавливать и взимать налоги, сборы, пошлины и акцизы для того, чтобы выплачивать долги, обеспечивать совместную оборону и общее благоденствие Соединённых Штатов; причем все сборы, пошлины и акцизы должны быть единообразны на всей территории Соединённых Штатов; занимать деньги в кредит Соединённых Штатов... чеканить монету, регулировать ценность оной и ценность иностранной монеты, устанавливать единицы мер и весов».

5

5 Clews H. Twenty-eight Years in Wall Street. Irving Co., New York. 1888. P. 157.

6

6 Ibid.

7

7 Myers G. History of the Great American Fortunes. Random House, New York, 1936. P. 556.

8

8 Frequently Asked Questions: Buying, Selling and Redeeming Currency. United States Treasury, July 7, 2006 // www.treasury.gov/education/faq/currency/sales.shtml

9

9 Lincoln Ab. Op. cit.

10

10 Luthin R. H. Abraham Lincoln and the Tariff // *The American Historical Review*, July 1944. V. XLIX. N. 4. P. 610-627.

11

11 Ibid. P. 626-629. Бывший тюрингенский профессор экономики Лист, известный в Германии как отец «Цольферайн» (Таможенный союз), прибыл в Пенсильванию в 1820-х благодаря Пенсильванскому обществу поощрения производства и ремесел Мэтью Кэри. Будучи в Пенсильвании, Лист написал критику британской доктрины свободной торговли Адама Смита и Рикардо под названием «Наброски американской политической экономии», которую опубликовал Кэри, отец советника Линкольна, Генри К. Кэри. Интересно, что имя Листа сегодня почти вычеркнуто из исследований экономики, с тех пор как в течение 1970-х догмы неолиберальной свободной торговли Мильтона Фридмана стали доминирующими.

12

12 Mac R. A Brief History of Banking System // February 9, 2009 // www.fairloanrate.com/2009/02/09/a-brief-history-of-banking-system/#more-266.

13

13 Kovacs J. E. Two Presidents who died defying the Rothschilds // *The National Educator*, September 1990. P. 9.

27

1 The Gospel of Wealth // www.digitalhistory2.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=11&psid=3818.

28

2 McElroy R. Grover Cleveland. Harper & Bros., New York, 1923. V. II. P. 21, 999.

29

3 Myers G. History of the Great American Fortunes. The Modern Library, New York, 1936. P. 578-581.

30

4 Studenski P. and Kross H. E. Financial History of the United States. McGraw-Hill Book Co., New York, 1963. P. 217-221.

31

5 Myers G. Op. cit. P. 558-559.

32

6 Studenski P. et al. Op. cit.. P. 219-220.

33

7 ChownJ. A History of Money. Routledge, London, 1996. P. 264.

34

8 Testimony before the House Committee in Interstate Commerce / / US House of Representatives Reports, Fifty-second Congress, 2nd Session, 1892-93. V.i.

35

9 Lundberg F. America's 60 Families. The Vanguard Press, New York, 1937. P. 26-27.

36

10 Myers G. Op. cit. P. 428-434.

37

11 Ibid. P. 531

38

12 The Gospel of Wealth. Op. cit.

39

13 Roosevelt Th. Speech. New York State Fair, Syracuse, September 7, 1903 I/
www.theodoreroosevelt.org/life/quotes.htm.

53

1 Lindbergh Ch. A.,Sr, Congressman Banking and Currency and the Money Trust. C.A. Lindbergh, Little Falls, Minnesota, 1913.

54

2 Ibid. P. 552.

55

3 New York Times, October 31, 1966.

56

4 Cahill K. J. The U.S. Bank Panic of 1907 and the Mexican Depression of 1908–1909. *The Historian*, 1998. V.60.

57

5 Lundberg F. Op. cit. P. 90-95.

58

6 Hearings of the Sub-committee on Campaign Contributions. United States Senate Committee on Privileges and Elections, 62nd Congress, 3rd Session, 1913. P. 453. Общая атмосфера контактов Рузвельта со Штильманом и Морганом описана здесь Pringle H. Theodore Roosevelt. Harcourt, Brace & Co., New-York, 1931. P. 350.

59

7 The Panic of 1907. The Federal Reserve Bank of Boston. P. 8.

60

8 US Department of the Treasury. Annual Report on the Finances. Washington D.C., 1906. P. 49. Полномочия управления займами американского Министерства финансов в те времена, как указал Мильтон Фридман, были «сопоставимы со способностью Федеральной резервной системы проводить операции на открытом рынке» (Friedman M. & Schwartz A. J. *A Monetary History of the United States 1867–1960*. Princeton University Press, Princeton, 1963. P. 150, footnote 24.)

61

9 Myers G. Op.cit. P. 586-572.

62

10 Lundberg F. Op. cit. P. 92.

63

11 Фактические детали того, как разворачивалась Паника 1907 года, были затенены более поздними благоприятными для Моргана описаниями. Полезной для собирания вместе кусочков мозаики из фактических событий в тот решающий момент для появления Федеральной резервной системы в 1913 году в качестве опорного столпа Американского века является книга Grant J. *Money of the Mind: borrowing and lending in America from the Civil War to Michael Milkin*. Farrar Straus Giroux, New York, 1992. Также Friedman M. &

64

12 Committee to Investigate Concentration of Control of Money and Credit: Report of the House Banking and Currency's. Washington D.C., 1913. P. 56-91, cited in Myers G. Op. cit. P. 634. Это так называемый Комитет Пуджо, возглавляемый демократом из Луизианы Арсеном Пуджо, главный адвокат которого Самюэль Унтермайер в 1911 году ввёл термин «Денежный Трест», чтобы описать власть группы вокруг Моргана и Рокфеллера.

65

13 Pringle H. Op. cit. P. 244.

66

14 Davenport W. Power & Glory // Colliers' magazine, February 7, 1931.

67

15 Born K. E. Geld und Banken im 19 und 20 Jahrhundert. Alfred Kroener Verlag, Stuttgart, 1977. P. 173-5.

68

16 Ibid. P. 172-173.

69

17 Mullins E. The Secrets of the Federal Reserve. Bankers Research Institute, Staunton, Virginia, 1983. P. i.

70

18 Chernow R. Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr. Warner Books, London, 1998. P. 373,377.

71

19 Forbes B. Ch. Current Opinion, December 1916. P. 382, cited in Mullins E. Op. cit. P. 2.

72

20 Cited in Mullins E. Op. cit. P. 14.

73

21 Ibid. P. 12.

74

22 Сенатор Нельсон Олдрич, после создания частного центрального банка ФРС в 1913 году.

75

23 The Bank of England. Encyclopedia Americana. V. 13, 1943 edition. Cited in Knuth E.C. 'The Empire of The City'. The Noontide Press, Milwaukee, 1946. P. 27 footnote.

76

24 Knuth, E.C. 'The Empire of "The City"'. The Noontide Press, Milwaukee. 1946. P. 27.

77

25 Lindbergh Ch. A., Sr. *Op cit.* Линдберг описывает успешную попытку Денежного Треста и его союзников в Конгрессе рассеять его запрос после того, как тот получил слишком большую общественную поддержку, чтобы его можно было просто выбросить: «Проводились секретные встречи представителей трестов и боссов в Конгрессе. Двери самых внутренних и наименее подозреваемых офисов были закрыты перед публикой и столь охранялись, что не допускался никто из тех, кто проявлял интерес от имени общественности. В этих офисах планы были положены для составления проекта новой резолюции, цель которой состояла в том, чтобы разрушить назначение специального комитета и заменить его Комитетом по банковскому делу и валюте, который в основном состоял из банкиров, их агентов и юристов, и группировки ожидали, что такой комитет искренне защитит нарушения против общественности, поскольку это могло быть сделано, не пробуждая общественное подозрение. Он не мог заретушировать все операции Денежного Треста, но очень даже мог и был замаскирован этим средствами, как показали последующие события. Следующий шаг должен был обеспечить проведение этой подставной резолюции, которая действительно была равносильна расследованию, сделанному тайными друзьями Денежного Треста. Этот Комитет, также могло бы ожидать... из-за специальной личной заинтересованности его участников... не выбирал для помощи юриста из числа многих способных юристов, которые являются членами Палаты, и кто служил бы без дальнейшей платы свыше чем та, которую они имеют в качестве членов... но они выбрали юриста с Уолл-Стрит, платили ему очень высокую зарплату, позволили ему управлять целым расследованием и фактически составлять проект сообщения комитета». Юристом Уолл-Стрит для слушаний Денежного Треста в Комитете по банковскому делу и валюте под председательством конгрессмена из Луизианы Пуджо был Самюэль Унтермайер, который позже составит для Денежного Треста проект текста Закона о Федеральной резервной системе 1913 года.

78

26 Ibid.

79

27 Report of the House Committee (The Pujos Committee) Appointed to Investigate the Concentration and Control of Money and Credit. United States House of Representatives Committee on Banking and Currency, Washington D.C., 1913:64.

80

28 Mullins E. Op. cit. P. 14-15.

81

29 Lundberg F. America's Sixty Families. The Vanguard Press, New York, 1937. P. 122.

82

30 Mullins E. Op. cit. P. 15.

83

31 Детали создания третьей партии (Прогрессивной партии) с целью отнять у республиканца Говарда Тэфта президентство в пользу более сговорчивого Вудро Вильсона подробно описаны в Lundberg F. America's Sixty Families: "The Politics of Aggrandizement: 1912–1920". P. 106-120. После успешной победы в 1912 году кандидата банкиров Вудро Вильсона полностью синтетическая Прогрессивная партия распалась, а Тедди Рузвельт спокойно вернулся в лоно Республиканской партии.

84

32 Lundberg F. Op. cit. P. 109-121.

117

33 Ibid. P. 109.

118

34 Krautkramer W.e N. The Federal Reserve Its Origins, History & Current Strategy. 15 September 2004 // news.goldseek.com/GoldSeek/1095269452.php.

119

1 Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. Books in Focus, New York, 1981. P. 38-9.

120

2 Ibid. P. 33-34.

121

3 Konstantin Ph. The Boer War South Africa, 1899–1902. The History Ring, San Diego, July 25,2008 // www.geocities.com/Athens/Acropo/8141_boerwar.html.

122

4 Интересную геополитическую перспективу этого соперничества за глобальное господство можно найти в книге Taylor J. P. Britain and the Cold War: 1945 as Geopolitical

Transition. Pinter Publishers, London. 1990. P. 17. «Задним числом мы можем интерпретировать обе мировые войны как спор за британское наследство между Германией и США. Спор завершился только в конце Второй мировой войны безоговорочной капитуляцией Германии».

123

5 Adams B. The New Empire. Macmillan, New York, 1902. P. XI-XXXIII.

124

6 Ibid.

125

7 Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. Henry Holt and Co., New York, 1995. P. 1,33,59.

126

8 Adams B. Op. cit.

127

9 Энгдаль, Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 4.

128

10 Engdahl F. W. Oil and the Origins of the Great War // History Compass, N. 5-6. Blackwells Publishing Ltd, Oxford, 2007. P. 2041-2060.

129

11 Lundberg F. America's Sixty Families. Vanguard Press, New York, 1937. P. 130.

130

12 Ibid. P. 130-133.

131

13 Энгдаль Ф. У. Столетие войны... С. 49-50.

132

14 Mullins E. The Secrets of the Federal Reserve. Bankers' Research Institute, Staunton, 1983. P. 85.

133

15 The Nye Commission Report of the Special Committee on Investigation of the Munitions Industry (The Nye Report). U.S. Congress, Senate, 74th Congress, 2nd session, February 24, 1936.

134

16 (British Ambassador to Washington, Sir Cecil] Spring Rice to [Secretary of State for Foreign Affairs Sir Edward] Grey, 20 Jan 1915, f. 60, FO 800/85, cited in Burk, Kathleen Britain, America and the Sinews of War 1914–1918. George, Allen & Unwin, London, 1985. P. 21. СпрингРайс был шафером на свадьбе Дж. П. Моргана-младшего и членом элитного «Общества паломников», куда входили дельцы Уолл-Стрит и Лондона.

135

17 The Nye Commission. Op. cit.

136

18 Lamont, Th. №. The Effect of the War on America's Financial Position // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1915. N. 60 P. 106-112.

137

19 The Nye Commission. Op. cit.. P. 3-13.

138

20 Zeman, Z. A. B. Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Oxford University Press, London, 1958. P. 92, note 3. Министр иностранных дел Германии фон Кюльманн писал Кайзеру 3 декабря 1917 года: «Только когда большевики получили от нас по различным каналам постоянный приток средств, а также под различными прикрытиями, они получили возможность создать свой главный орган "Правда", вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкую базу своей партии», (процитировано на веб-странице reformed-theology.org/html/books/bolshevik_revolution/chapter_03.htm#6).

139

21 Энгдаль, Ф. У. Столетие войны... С. 53-54.

140

22 LundbergF. Op. cit. P. 141.

141

23 Wilson W. Speech to Congress April 2, 1917 // National Alumni, Source Records of the Great War / ed.by Charles F. Home. Volume V, 1923.

142

24 Lundberg F. Op. cit. P. 141.

143

25 Quigley C. Tragedy and Hope, A History of the World in Our Time. Macmillan Co., New York, 1966. P. 539.

144

26 Delwiche A. Propaganda: Wartime Propaganda: World War I. The Committee on Public Information // www.propagandacritic.com/articles/wwi.cpi.html.

145

27 Delwiche A. Of Fraud and Force Fast Woven – Domestic Propaganda During the First World War. August 11, 2001 // www.firstworldwar.com.

146

28 Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War // New York, 1927. Reprinted MIT Press, 1971. Cited in Delwiche A. Op. cit.

147

29 Ibid.

148

30 Delwiche, A. Op. cit.

149

31 Bernays Ed. Propaganda. IG Publishers, Brooklyn, NY, 1928. P. 54-55.

150

32 The Engineering of Consent // University of Oklahoma Press, Norman, OK/ ed. By Edward L. Bernays. 1955. P. 3-4. Здесь Бернейс определяет свою точку зрения следующим образом: «Связи с общественностью являются попыткой с помощью информации, убеждения и настройки сконструировать общественную поддержку деятельности, побуждению, движению или учреждению».

151

33 Tye, Larry The Father of Spin: Edward L. Bernays and the Birth of Public Relations. Henry Holt & Co., New York, 1998. P. 27-31.

152

34 Beamish R. J. and March Fr. A. America's Part in the World War: A History of the Full Greatness of Our Country's Achievements. The John C. Winston Co., Philadelphia, 1919.

153

35 Ibid. P. 24.

154

36 Fisk H. E. English Public Finance From the Revolution of 1688. Bankers Trust Company, New York, 1920. P. 1-5. Примечательно, что банк Моргана «Банкерс Траст» проводил интенсивное изучение британской финансовой системы в первые же дни после Первой мировой войны.

155

37 World Debts Now \$265,000,000,000: World War Caused Increase of \$221,000,000,000 Says Bank Statistician // The New York Times, June 27, 1920.

156

38 Mullins E. 0,p.;cit P. 124.

196

1 United States. Congress. House. Committee on Banking and Currency. Money trust investigation: Investigation offinancial and monetary conditions in the United States under House resolutions, nos. 429and 504,Subcommittee of the Committee on Banking and Currency, Washington, Government Printing Office, 1913.//fraser.stlouisfed.org/publications/montru/.

197

2 Burk K. Finance, Foreign Policy and the Anglo-American bank: the House of Morgan, 1900–1931 // Historical Research, June 1988. Vol. LXI, No. 145. P. 210.

198

3 Metzler M. Lever of Empire: The International Gold Standard and the Crisis of Liberalism in Prewar Japan. University of California Press, 2006. P. 170-171.

199

4 Hoover H. The Memoirs of Herbert Hoover. The Macmillan Co., New York, 1952.Vol. 2. P. 85.

200

5 Ibid. P. 86-88.

201

6 Ibid. P. 90.

202

7 Crabbe L. The International Gold Standard and U.S. monetary policy from World War I to the New Deal // Federal Reserve Bulletin. June 1989.

203

8 Энгдаль Ф.У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 5.

204

9 Quigley C. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. The MacMillan Company, New York, 1966. P. 324.

205

10 Согласно собственным записям, которые сохранились у автора после разговоров с бывшим джорджтаунским студентом Квигли, тот закончил свои дни в страхе за свою жизнь, что он, возможно, описал в своей книге слишком много внутренних побуждений и деяний властного истеблишмента несмотря на тот удивительный факт, что на всех 1300 страницах книги вряд ли найдётся хоть одно упоминание о центральной роли Рокфеллера.

206

11 Там же.

207

12 Hoover H. Op. cit. P. 86.

208

13 Hoover H. Op. cit. Vol. 3. P. 6-7.

209

14 Gusmorino 111 P. A. Main Causes of the Great Depression // Gusmorino World, May 13, 1996 // www.gusmorino.com/pag3/greatdepression/

210

15 Ally R. Gold and Empire: The Bank of England and South Africa's Gold Producers 1886–1926. Witwatersrand University Press, 1994. P. 42.

211

16 Noyes C. R. The Gold Inflation in the United States, 1921–1929 // The American Economic Review, June, 1930. Vol. xx, No. 2. P. 181-198.

212

17 Ally R. Op. cit. P. 43.

213

18 Следующие детали относительно Смэтса, Лондона и борьбы за контроль южноафриканских золотых потоков полагаются на неоценимое исследование профессора Алли, книга которого, описывающая архивы Резервного банка Южной Африки и другие правительственные документы, освещает интенсивную трёхстороннюю политическую борьбу между Нью-Йорком, Лондоном и Преторией за управление мировым монетарным золотом в течение 1920-х годов. Автор также извлек неоценимую пользу из многолетних частых обсуждений загадочной работы золотого стандарта и международного центрального банковского дела с доктором Дидериком Годхьюсом, ранее Советником Южноафриканского резервного банка.

214

19 Charmley J. Churchill–The End of Glory. Sceptre, London, 1993. P. 336.

215

20 Ally R. Op. cit. P. 99.

216

21 Ibid.

217

22 Drake P. W. The Money Doctor in the Andes – The Kemmerer Missions, 1923–1933. Duke University Press, Durham, 1989. P. 250.

218

23 Metzler M. Op. cit. P. 170-171.

219

24 Ally R. Op. cit. P. 128.

220

25 Einzig P. Recent Changes in the London Gold Market //The Economic Journal of the Royal Society, March, 1931. P. 62.

221

26 Churchill W. April 1925 Budget Statement to Parliament. Прочитано в Balls Ed. Speech by the Chief Economic Adviser to the Treasury / /

HM-Treasury.gov.uk/ed_balls_at_2002_cairncross_lecture.htm.

222

27 Meyer R. H. Bankers' Diplomacy: Monetary Stabilization in the Twenties. Columbia University Press, New York, 1970. P. 6.

223

28 Ally R. Op. cit. P. 88-89.

224

29 Grant J. Money of the Mind: Borrowing and Lending in America from the Civil War to Michael Milken. Farrar, Straus and Giroux, New York, 1992. P. 189-190.

225

30 Dowd K., Timberlake R.H. Money and the Nation State. Transaction Books, Edison N.J., 1997. P. 135.

226

31 Grant J. Op. cit. P. 192. and Hoover H. Op. cit. Vol. 3. P. 10-11.

227

32 Rothbard M. N. and Salerno J. T. A History of Money and Banking in the United States. Ludwig von Mises Institute, Auburn, 2005. P. 416.

228

33 Benjamin Strong to Montagu Norman. Прочитировано в Grant J. Op. cit. P. 10.

229

34 McElvaine R. S. The Great Depression: America, 1929–1941. Times Books, New York, 1984. P. 37-41.

230

35 Ibid. P. 38-40.

231

36 Ibid.

232

37 Kindleberger Ch. P. The World in Depression: 1929–1939. Allen Lane, London, 1973. P.

148-151.

233

38 James H. The German Slump: Politics and Economics 1924–1936. Clarendon Press, Oxford, 1986. P. 283-285.

234

39 Dowd K. Op. cit.

235

40 Hoover H. Op. cit. Vol. 3. P. 7.

236

41 Ibid.

237

42 Ibid.

238

43 Hesse Fr. Das Spiel um Deutschland. Paul List Verlag, Munich, 1953. P. 240-241. Гессе, старший советник министра иностранных дел Риббентропа во время Третьего Рейха в своих мемуарах резко критиковал Министерство иностранных дел Германии и Гитлера за то, что они они не ухватили основную геополитику британского Халфорда Макиндера. Как выразился Гессе, «для англосаксов было абсолютно не важно, кто управлял Германией. Для англосаксов и французов было достаточно того очевидного факта, что Германия становилась крупнейшей континентальной державой, чтобы решиться на войну». (С. 240).

282

1 Studenski P. and Krooss H. E. Financial History of the United States. McGraw-Hill Book Co., New York, 1963. P. 353.

283

2 Hansen M. H. Statistical Abstract of the United States, 1946. Washington. D.C., US Department of Commerce, US Government Printing Office. P. 355.

284

3 Burk K. Finance, Foreign Policy and the Anglo-American Bank: The House of Morgan, 1900-31 // Historical Research, June 1988. Vol. LXI. No. 145. P. 208-210.

285

4 Ibid. P. 209-210.

286

5 Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1976. P. 160-161.

287

6 Ibid. P. 161-162.

288

7 Burk K. Op. cit. P. 210.

289

8 United States Department of the Treasury. History of the Treasury: Chronology of Events 1900 through 2003 // www.ustreas.gov/education/history/events/1900-present.shtml.

290

9 Ibid.

291

10 Grant J. Money of the Mind. Farrar, Straus and Geroux, New York, 1994. P. 227-230.

292

11 Ibid. P. 230.

293

12 Baruch B. M. My Own Story. Henry Holt and Co., New York, 1957. P. 138-39. Барух упоминал, что «наша фирма сделала крупный бизнес для г-на Харримана...».

294

13 Schwarz J. A. The Speculator: Bernard M. Baruch in Washington, 1917– 1965. University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1981. Passim.

295

14 Ibid. P. 271.

296

15 Ibid. P. 270-276.

297

16 Ibid. P. 271.

298

17 Ibid. P. 270-276.

299

18 Ibid. P. 296.

300

19 Энгдаль Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 5.

301

20 Colby G. and Dennett Ch. Thy Will Be Done: The Conquest of the Amazon– Nelson Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil HarperCollins, New York, 1995. P. 89.

302

21 Ibid. P. 88-89.

303

22 Sutton An. C. Roosevelt und die internationale Hochfinanz Grabert-Verlag, Tuebingen, 1990. P. 149-150.

304

23 The New York Times, May 20, 1960.

305

24 Sutton An. C. Op. cit. P. 149-154.

306

25 Ibid. P. 142.

307

26 Ibid. P. 142-145.

308

27 Perkins Fr. The Roosevelt I Knew. Viking Press, New York, 1946. P. 206., cited in Sutton An. C. Op. cit. P. 199.

309

28 Payne St. G. A History of Fascism, 1914-1945. University of Wisconsin Press, Madison, 1995. P. 230, footnote 65.

310

29 Sutton An. C. Op. cit. P. 153.

311

30 Ibid. P. 167.

312

31 Rockefeller D. Memoirs. Random House, New York, 2002. P. 124-25.

313

32 Allen G. The Rockefeller File / Chapter Three // www.mega.nu:8080/ampp/gary_allen_rocker/chl-4.html#ch3.

346

1 Smith. N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. University of California Press, Berkeley, 2003. P 325-326.

347

2 Grose P. Continuing the Inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996. Council on Foreign Relations Press, New York, 1996. P. 23-26.

348

3 Ibid. P. 25-26.

349

4 Memo from the Council on Foreign Relations to the US State Department, War & Peace Studies. New York Council on Foreign Relations, 1941// worldproutassembly.org/archives/2008/11/the_nature_of_e.html.

350

5 Kaku M. and Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. South end Press, Boston, 1987. P. 63, 64.

351

6 Smith N. Op. cit.

352

7 Shoup L. H., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. Monthly Review Press, New York, 1977. P. 137.

353

8 Luce H. The American Century // Life, February 17, 1941.

354

9 Ibid.

355

10 Smith N. Op. cit. P. 325-328.

356

11 Smith N. Op. cit. P. 287.

357

12 Ibid.. P. 374-375.

358

13 Сэр Дэвид Стирлинг, основатель британской САС в частных за-меч ниях. Цитировано в Энгдаль Ф. У. Столетие войны... Цит. выше. С. 97-98.

359

14 Энгдаль Ф. У. Семена разрушения: тайная подоплека генетических манипуляций. СПб, 2009. С. 79-89.

360

15 Higham Ch. Trading with the Enemy: An Expose of the Nazi-American Money Plot, 1933–1947. Delacorte, New York, 1983. P. 53-54.

361

16 25 марта 1942 года помощник Генерального прокурора Турман Арнольд объявил, что Уильям Марк Фэриш из «Стандарт Ойл» признал, что «не желает оспаривать обвинения в преступном сговоре с нацистами. Когда Джордж Буш-старший был избран вице-президентом США в 1980 году, личное состояние Буша было в "слепом доверии" в ведении Уильяма Марка Фэриша III, внука главы «Стандарт Ойл». Будучи президентом Буш назначил старого друга семьи Дугласа Диллона из «Диллон Рид» своим министром финансов.

362

17 Higham Ch. Op. cit. P. 53-55.

363

18 Ibid. P. 43.

364

19 Pool James E. & Suzanne. Hitlers Wegbereiter zur Macht. Scherz Verlag, Bern, 1979. P. 250-252.

365

20 Ibid P.43.

366

21 Ibid.

367

22 Ibid. P. 46-47.

368

23 Winkler J. K. The DuPont Dynasty. Kessinger Publishing, 2005. P. 275-277.

369

24 Dippel J. V. H. Two against Hitler: Stealing the Nazis' Best-Kept Secrets. Praeger Publishers, New York, 1992. P. 80-86.

370

25 Ibid. P. 86.

371

26 Higham Ch. Op. cit. P. 55. См. также Preis A. America's Sixty Families and the Nazis: The Role of the US-Nazi Cartel Agreements // Fourth International, June 1942. Vol.3 No.6. P. 165-170.

372

27 Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. Books in Focus, New York, 1981. P. 270-271.

373

28 Rowse A. L. *Appeasement: A Study in Political Decline*. W.W. Norton & Co., New York, 1961 P. 30–75. Важным является документирование того, что те же самые члены британского «Круглого стола», находившиеся в кругу лорда Лотиана (во время Первой мировой войны бывшем послом в Вашингтоне, который в 1914 году приложил немало усилий для объявления войны против Германии) в 1938 году делали то же самое, чтобы снова раздуть обвинения против Германии. Обе стратегии были лишь частью большой геополитической задачи уничтожить континентальных конкурентов. Группа Рокфеллера в США тесно сотрудничала с «Круглым столом» для своих собственных целей. О стратегических расчётах в 1938 году в Мюнхене политики умиротворения Чемберлена, чтобы перенаправить усилия Гитлера на Восток, см. также Quigley C. *Op. cit.* P. 628-629.

374

29 Smith N. *Op. cit.* P. 420.

375

30 Higham Ch. *Op. cit.* P. 56-57.

376

31 *Ibid.* P. 85.

377

32 *Ibid.* P. 85-86.

378

33 *Ibid.* P. 67-69.

379

34 Phillips K. *Bush Family Values: War, Wealth, Oil* // *The Los Angeles Times*, February 8, 2004.

380

35 *Ibid.*

381

36 Clay Sir Henry. *Lord Norman*. MacMillan 1 Co., London, 1957. P. 18, 57, 70-71.

382

37 Sobel R. *The Life and Times of Dillon Read*. Dutton-Penguin, New York, 1991. P. 92-111.

383

38 Office of Alien Property Custodian, Vesting Order Number 248. Signed by Leo T. Crowley, Alien Property Custodian, executed October 20, 1942; F.R. Doc. 42-11568; Filed, November 6, 1942. 7 Fed. Reg. 9097 (November 7, 1942). The New York City Directory of Directors 1930s-40s, lists Prescott Bush as a director of Union Banking Corp. from 1934 through 1943.

384

39 United States Senate, Elimination of German Resources for War, Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Military Affairs, 79th Congress; Part 5, Testimony of Treasury Department, July 2, 1945. P. 507. Детально об организации Тюссена, включая «Юнион Банк Корпорейшн», см. С. 727-731.

385

40 Stinnett R. B. Day of Deceit: The Truth about FDR and Pearl Harbor. The Free Press, New York, 2000 P. 301-307. Стиннетт воспроизводит рассекреченные документы адмирала Томаса Харта, главнокомандующего Азиатского флота США от 5 марта 1941 раскрывающие, что британское подразделение в Сингапуре расшифровало японский военно-морской код. Это сообщение было удалено из записей и было не доступно Конгрессу в расследованиях 1945 или 1995 года. В записке говорится, что расшифровка кода будет доставлена в Манилу 26 марта 1941 года, то есть за девять месяцев до Перл-Харбора. Только тридцать шесть американцев имели доступ, чтобы прочитать эти совершенно секретные перехваты переговоров японских дипломатов и военных. Список начинается с президента Рузвельта.

386

41 Barkley Al. W., et al. Investigation of the Pearl Harbor Attack. Report of the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. 79th Congress, 2nd Session, US Senate, Document No. 244, US Government Printing Office, July, 1946.

387

42 Ibid. P. 19.

388

43 Ibid. P. 92-93.

389

43 Ibid.

390

45 Ibid. P. 97.

391

46 Ibid. P. 105.

392

47 Ibid. P. 105-106.

393

48 Ibid. P. 107.

394

49 Ibid. P. 108, 114.

395

50 Ibid. P. 75, footnote 3.

396

51 Ibid. P. 75-79.

397

52 Ibid. P. 179-180.

398

53 Ibid. P. 232.

399

54 Nye Jr J. S. Propaganda Isn't the Way: Soft Power // The International Herald Tribune, January 10, 2003. Най определяет свою «мягкую силу» следующим образом: «Мягкая сила является возможностью получить то, что вы хотите за счёт привлечения и убеждения других принять ваши цели. Она отличается от жёсткой власти возможностью использовать метод кнута и пряника экономической и военной мощи, чтобы заставить других следовать вашей воле. И жёсткая и мягкая сила важны..., но привлечение намного дешевле, чем принуждение и активы, которыми необходимо его подпитывать».

400

55 Kramer P. Nelson Rockefeller and British Security Coordination // Journal of Contemporary History, 1981. Vol. 16. P. 77-81.

401

56 Stevenson IT. A Man Called Intrepid. Ballantine Books, New York, 1976. P. 308-311.

402

57 Colby G. and Dennett Ch. Thy Will Be Done: The Conquest of the Amazon-Nelson

Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil. HarperCollins, New York, 1995. P. 115-116.

403

58 O'Brien 77Г. Making the Americas: U.S. Business People and Latin Americans from the Age of Revolutions to the Era of Globalization // History Compass 2, 2004. LA 067. P. 14-15.

404

59 Colby G. and Dennett Ch. Op. cit. P. 116.

405

60 Mexico 75 Years Later, Today's Zapatistas Still Fight the Rockefeller Legacy // Los Angeles Times, May 14, 1995.

406

61 Stevenson W. Op. cit. P. 309.

407

62 Higham Ch. Op. cit. P. 58-59.

408

63 Ibid.

409

64 Ibid. P. 67-69.

474

1 Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. Henry Holt & Co., 1919. P. 150.

475

2 Spykman N. J. Geography and Foreign Policy: I // The American Political Science Review, February, 1938. Vol. XXXII, No. 1. P. 28-50.

476

3 Ibid. P. 39.

477

4 Kaku M and Axelrod D. To Win a Nuclear War: The Pentagon's Secret War Plans. South end Press, Boston, 1987. P. 63-64

478

5 Sohn-Rethel A. Industrie und Nationalsozialismus: Aufzeichnungen aus dem Mitteleuropäischen Wirtschaftstag. Verlag Klaus Wagenbach, Berlin, 1992. P. 102-110.

479

6 Hitler A. Mein Kampf. Reynal & Hitchcock, New York, 1941 (немецкий оригинал 1923 года). P. 182-183. В 1923 году, делая записи в своей тюремной камере, Гитлер заявил: «Если кто-то хочет земель в Европе, то вообще говоря, это возможно сделать только за счёт России, и тогда Новый Рейх снова пойдёт по дороге рыцарей прежних времён, чтобы с помощью немецкого меча дать пахотные земли и хлеб насущный стране. Однако для такой политики в Европе существовал только один единственный союзник – Англия».

480

7 Liddel Hart B. H. History of the Second World War. G.P. Putnam, New York, 1970. P. 46.

481

8 HeLangnamverein and Reichsverband der Deutschen Industriesse F. Das Spiel um Deutschland. Paul List Verlag, Munich, 1953. P. 240. В сноске, ссылающейся на работу Макиндера 1919 года, Гессе отметил, что «существующую ранее концепцию британцев и американцев я считаю особенно ясной в книге сэра Халфорда Макиндера «Демократические идеалы и реальность» (1919 г.). Его уроки о Сердце мира, так же как и уроки адмирала Мэхэна привели к полному отсутствию взаимопонимания со стороны континентальных держав, без чего невозможно понять политическую стратегию англичан или американцев. Именно это стало причиной того, что англосаксы по соображениям собственной безопасности должны были уничтожить Германию». (P. 240.)

482

9 Дискуссии между германскими оппозиционными лидерами и Черчилем среди прочего были задокументированы в Schlabrendorff F. von. The Secret War Against Hitler. Westview Press, Boulder, 1994.

483

10 Ibid. P. 240.

484

11 Temple H., 3rd Viscount Palmerston. Speech to the House of Commons, Hansard, 1 March 1848.

485

12 Hesse F. Op. cit.

486

13 Ibid. P. 105.

487

14 Ibid. P. 86-87.

488

15 Ibid. P. 69-70.

489

16 The Deutsche Bank memo on the aims of MWT can be found in ZStA, Potsdam. Deutsche Bank AG, N. 21 838, B1.131. (cf. DDR Lexikon zur Parteigeschichte. Leipzig, 1985. Band 3. P. 370).

490

17 Sohn-Rethel A. Op. cit. P. 81-82.

491

18 «Феодализация индустрии» в конце XIX века в Германии была описана в Boehme H. Deutschlands Weg zur Grossmacht. Kiepenhheuer & Witsch, Cologne, 1972. См. также Schueddekopf Otto-Ernst. Die deutsche Innenpolitik im letzten Jahrhundert und der konservative Gedanke. Verlag Albert Limbach, Braunschweig, 1951. А также Epstein Kl. Vom Kaiserreich zum Dritten Reich. Ullstein Verlag, Berlin, 1972. Детальное рассмотрение симбиоза юнкеров и индустрии находится в Gossweiler K. Grossbanken, Industriemonopole, Staat. Deutscher Verlag der Wissen-schaft, Berlin, 1971.

492

19 Ibid. P. 105.

493

20 Роль крупной германской индустрии и банковских кругов, Ассоциации защиты общих экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии и Имперской ассоциации немецкой промышленности через Центрально-европейское экономическое сообщество описывается в мемуарах бывшего директора Сообщества и представителя Круппа Тило фон Вильмовски Wilmowsky T. Fr., von. Rueckblickend moechte ich sagen... Gerhard Stalling Verlag, Oldenburg, 1961. См. Также полезное описание одного из сотрудников фон Вильмовски и Фрица Гессе по Германско-ближневосточному сообществу в рамках Центральноевропейского экономического совета находится в книге Sohn-Rethel A. Industrie und Nationalsozialismus: Aufzeichnungen aus dem Mitteleuropaeischen Wirtschaftstag. Verlag Klaus Wagenbach, Berlin, 1992. Опубликованная докторская диссертация Акселя Шмидта также содержит в себе детали описания промышленной группы Центральноевропейский экономический совет в конце 1920- х – начале 1930- х годов: Schildt A. Militaerdiktatur mit Massenbasis?: Die Querfrontkonzeption der Reichswehrfuehrung urn General von Schleicher am Ende der Weimarer Republik. Campus Verlag, Frankfurt am Main, 1981. Детально описывается роль русской угольной и сталелитейной промышленности и соглашения с французской

индустрией в Gillingham J. R. *Industry & Politics in the Third Reich*. Columbia University Press, New York, 1985. Рассекреченный документ правительства США раскрывает детали о роли Лавала и Альберта Бюиссона из химического концерна «Рон-Пуленк» совместно с «И. Г. Фарбен» и германской промышленностью в 1931 году: Report on the Banque Nationale pour le Commerce et l'Industrie: Laval's Bank by Alexander Sacks, Antitrust Division, Department of Justice, 225 Broadway, New York to Fowler Hamilton, Esq., Chief, Enemy Branch, OEWA, Board of Economic Warfare, Washington, D.C., dated April 21, 1943.

494

21 Sohn-Rethel A. *Industrie und Nationalsozialismus: Aufzeichnungen aus dem Mitteleuropäischen Wirtschaftstag*. Verlag Klaus Wagenbach, Berlin, 1992. P. 103-110.

495

22 Ibid.

496

23 Меморандум немецкого МИД от 20 августа 1939 года полностью воспроизведён в Hass, G. 23 August 1939: *Der Hitler-Stalin Pakt Dokumentation*. Dietz Verlag, Berlin, 1990.

497

24 Harpe P. and Ritschl A. *Neue Ergebnisse zum NS-Aufschwung: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. Akademie Verlag, 2003. P. 196.

498

25 Harvey P. *The Economic Structure of Hitler's Europe: The Planning of the New Order in 1940*. Royal Institute of International Affairs' Survey of International Affairs: 1939–1946: Hitler's Europe. Oxford, 1954.

499

26 *German Banking Penetration in Continental Europe*. Board of Governors of the Federal Reserve Internal Memorandum, Washington, September 1944.

500

27 Текст кредитного соглашения между Германским Рейхом и СССР, датированного 19 августа 1939 года, может быть найден в Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen Auswaertigen Amtes. Imprimerie Nationale, Baden-Baden, 1956. Меморандум германского МИД от 20 августа 1939 года полностью воспроизведён в Hass, G. 23 August 1939: *Der Hitler-Stalin Pakt Dokumentation*. Dietz Verlag, Berlin, 1990. По поводу роли «Дойче Банк» Германа Абса и других крупных берлинских банков в распространении немецкого влияния на Балканы и Восточную Европу в период после 1936 года содержит ценные детали (особенно в отношении важности приобретений «Дойче Банк» в Чехословакии и Австрии в 1938 году) рассекреченный внутренний меморандум Совета управляющих ФРС от сентября 1944 года «Проникновение немецких банков в континентальную Европу» (*German Banking Penetration in Continental Europe*. Op. cit.).

Патрисия Харвей цитирует речь Функа о Новом порядке, см. Harvey P. Op.cit. Детали о центральной роли Абса в попытке создать экономическую и банковскую схему для Нового порядка после 1940 года даются в Gall L. et al. Die Deutsche Bank: 1870–1995. Verlag C.H. Beck, Munich, 1995. Судьбоносное столкновение Молотова и Гитлера в ноябре 1940 года описано во многих источниках, полезным из них является свидетельство министра финансов Третьего Рейха фон Кройсига Krosigk von Lutz Graf Schwerin. Memoiren. Seewald Verlag, Stuttgart, 1977.

501

28 Sohn-Rethel A. Op. cit. P. 23.

530

1 Luce H. The American Century // Life, February 7, 1941. Reprinted in The Ambiguous Legacy // Cambridge University Press/ed. by M. J. Hogan. Cambridge, 1999.

531

2 Taylor P. J. Britain and the Cold War: 1945 as Geopolitical Transition. Pinter Publishers, London, 1990. P. 17.

532

3 Kirby M.W. The Decline of British Economic Power Since 1870. Allen & Unwin, London, 1981. P. 91-94.

533

4 Lundestad G. Empire by Invitation? The United States and Western Europe, 1945–1952 // Journal of Peace Research, September 1986. Vol. 23, No. 3. P. 263-277.

534

5 Collier P. & Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1976. P. 156-157.

535

6 Lacey R. The Kingdom: Arabia and the House of Saud. Avon Books, New York, 1981. P. 262-263.

536

7 Lacey R. Op. cit. P. 263.

537

8 Ibid. P. 266-267.

538

9 Ibid. P. 262-271.

539

10 Ibid. P. 272.

540

11 Ibid. P. 274.

541

12 Adams H. *The Education of Henry Adams: An Autobiography*. Time Books, New York, 1964. P. 143. Адамс был потомком президента Джона Адамса, создателя Конституции, президента Джона Куинси Адамса и Брукса Адамса, советника Тедди Рузвельта и апологета американской империи. В 1898 году, когда США начали первую имперскую войну, испанско-американскую войну, которая принесла США Филиппины, Кубу и Пуэрто-Рико, Генри Адамс описывал себя следующим образом: «Он ещё помнил каждое событие из этих полутора столетий, начиная с [принятия! Закона о гербовом сборе, оставшегося довольно живым в его памяти, все бесконечные споры своих несговорчивых предков с 1750 года, а также и свою собственную роль в Гражданской войне, каждый шаг в которой имел своей целью вовлечение Англии в американскую систему». (Выделено автором).

542

13 Crowley L. T. *Lend Lease, in 10 Eventful Years...* // E.B. Inc./ ed. by Walter Yust. Chicago, 1947. 1:520, 2. P. 858-860.

556

1 Ferrell R.H. *Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman* Harper and Row, New York, 1980. P 55-56.

557

2 Lifton R. J. and Mitchell G. *Hiroshima in America: A Half Century of Denial* I Avon Books, New York, 1995. P. 57-58.

558

3 Alperovitz G. *The Decision to Use the Atomic Bomb* / Alfred A. Knopf. New York, 1995. P. 232-248.

559

4 Ferrell R.H. *Off the Record...* Op. cit.

560

5 Herken G. *The Winning*. Геркен предоставляет многочисленные детали о дебатах

вокруг решения президента Трумэна сбросить бомбу на Хиросиму. Ясно, что не Япония была главной целью, а Советский Союз. Бомба должна была продемонстрировать Сталину, что Вашингтон был готов доминировать в послевоенном мире. Сталин полностью понял это послание, а советские шпионы на территории Соединенных Штатов уже получили важную научную информацию, необходимую для производства первой советской атомной бомбы, что заложило основу для сорокалетней «холодной» войны.

561

6 Ibid.

562

7 Rutherford J. and Popkin J. Secret documents released in Rosenberg spy case / NBC News September 11, 2008. // deeperbackground.msnbc.msn.com/archive/2008/09/11/1380081.aspx.

563

8 US Joint Chiefs of Staff Records, August 24, 1945, Air Force Series 7-18-45, Effects of Foreseeable New Developments. Здесь генерал Гроувс заявляет о том, что он знал, что «бомбы будут разработаны слишком поздно для использования против Германии». Многие считали, реальная причина выбора в качестве цели Японии была связана с тем, что Трумэн и американские военные планировщики считали японцев не белыми. Другие утверждают, что это было дл того, чтобы показать Сталину, что США способны на любые действия.

564

9 Wallace H. A. The Price of Vision: The Diary of Henry A. Wallace, 1942–1946 / Houghton-Mifflin Co., Boston, 1973.

565

10 Ibid.

566

11 Rutherford J. and Popkin J. Secret documents... Op. cit.

567

12 Фредерик Джексон Тёрнер выразил эту философию наиболее явно. Основная концепция Тёрнера в том, что уникальность Америки явилась продуктом расширения границ. Он определял американское историческое существование как вечную геополитическую экспансию в сторону новых границ на Западе. «Существование пространства свободной земли, её непрерывное отдаление, и выдвигание американских поселений на запад объясняет американское развитие». «Универсальный характер американцев, расширяющегося народа, состоит в том, чтобы увеличить свои владения». Для Тёрнера американская история была историей «постоянно отодвигания линии границы... граница была линией скорейшей и эффективнейшей американизации... Движение было доминирующим, и... американская энергия будет постоянно требовать более широкое поле для своего применения». Как заявил историк Уильям Аплман Уильямс, уникальное

американское империалистическое мировоззрение содержалось уже в диссертации Брукса Адамса. Якобы уникальность Америки может быть сохранена только при политике внешней экспансии. Вклад идей Адамса направлял истолкования Тёрнера американского будущего из прошлого. «В совокупности идеи Тёрнера и Адамса предоставили американским строителям империи обзор и объяснение мира, а также достаточно конкретную программу действий с 1893 по 1953 год», – поясняет Уильямс. «Расширение было для этого юного Мессии [Тёрнер] катехизисом уникальности и всемогущества Америки... Тёрнер дал американцам националистический взгляд на мир, который облегчал их сомнения... и оправдал их агрессивность». Тёрнер, оглядываясь на американское прошлое, видел в окончательное завоевание Запада, реализацию «явного предназначения» в Западном полушарии. Адамс видел наступление на новые границы, которыми был весь мир. Полностью в этой традиции, следует отметить, было название руководящей идеи президента Джона Кеннеди – «Новый рубеж». Глобальное видение Брукса Адамса должно было неизбежно привести к единственной мировой империи – американской мировой империи, а не к тому множеству пространств или пан-регионов, как это предусматривали Карл Шмитт или Хаусхофер. Смотри Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History* / Henry Holt and Co, New York, 1995) Смотри также Adams Br. *The Law of Civilization and Decay* / The Macmillan Co., New York, 1896. Франклин Делано Рузвельт и ведущие элиты в начале XX века были погружены в идеи Тёрнера и Брукса Адамса. Увлекательный культурно-исторический анализ этого похода к внешним новым рубежам, присущего американской элите со времен Гражданской войны, можно найти в замечательной работе XIX и начала XX века немецкого писателя Spengler O. *The Decline of the West* / George Allen & Unwin. London, 1926. V.1. Ch.4. Для Шпенглера стремление данной культуры к распространению своей «цивилизации» на все более широкие пространства, а не к углублению своей культурной основы был типичным проявлением империи на стадии окончательного упадка, независимо от того, был ли это Рим, Британия или Америка.

568

13 Tanzer M. *The Sick Society: An economic examination* / Holt Rinehart & Winston, New York, 1971/ P. 77.

569

14 Woods R. B. *The Good Shepherd* / *Reviews in American History*, June 2007. V. 35. N. 2. P. 284-288.

570

15 Mackinder H. J. *The Round World and the Winning of the Peace* / *Foreign Affairs*, July 1943. V. 21. N. 4. P. 601.

571

16 Khan M. *Die geheime Geschichte der amerikanischen Kriege* / Grabert-Verlag, Tuebingen, 2003. P. 237-238.

572

17 Kennan G. F. reprinted in U.S. Department of State, *Foreign Relations of the United States: Eastern Europe; the Soviet Union* / GPO, Washington, DC, 1969. V. VI. P. 696-709.

573

18 Clifford CI. M. et al. Draft of Introduction to Clifford-Elsey Report / Harry S. Truman Administration File, Elsey Papers // www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/coldwar/documents/index.php?pagenumber=1&documentdate=0000-00-00&documentid=8-8&studycollectionid=coldwar.

574

19 Kydd A. Trust and Mistrust in International Relations / Princeton University Press, Princeton, 2005. P. 107.

575

20 Germany: Cost of Defeat / Time, April 8, 1946 / / www.time.com/time/magazine/article/0,9171,852764,00.html.

576

21 Gaddis J. L. The Cold War: A New History / Penguin in Press, London, 2005. P. 30.

598

1 Macmillan H., quoted in Hitchens Ch. Blood, Class and Nostalgia: Anglo-American Ironies. Farrar, Straus & Giroux, New York, 1990. P. 23.

599

2 Cagan Ph. Determinants of Change in the Stock of Money: 1875–1960. Columbia University Press, New York, 1965. P. 341.

600

3 В любопытном примечании к истории Бреттон-Вудской системы после 1991 года после раскрытия тайных советских архивов было подтверждено, что Уайт, как подозревали позже в кругах американской разведки, действительно был членом советской шпионской сети в рамках правительства США. На сообщения о его возможной роли советского шпиона, Трумэн отменил его назначение первым генеральным директором нового Международного валютного фонда без объяснения причин. Уайт сыграл свою роль в разработке пресловутого плана Morgenthau для деиндустриализации послевоенной Германии, план, который по смыслу был больше советский, чем в интересах США, хотя страстный германофоб Рузвельт сердечно поддерживал эту идею вплоть до самой своей смерти. Этот план, в соответствии с военной Директивой Объединенного комитета начальников штабов 1067, должен был позволить западным оккупационным властям и СССР расчленив немецкие промышленные предприятия и превратить страну в «пасторального» поставщика продовольствия. В марте 1945 года, всего за несколько дней до своей смерти, когда Рузвельт был обеспокоен, что Объединённый комитет начальников штабов не работоспособен, тем не менее он был готов к ликвидации 25 миллионов немцев, его ответ был «Пусть ходят в столовые для бедных! Пусть их экономика тонет!» На вопрос, хочет ли он, чтобы немецкий народ вымер с голоду, он

ответил: «Почему нет?» Рузвельт также, по слухам, заявил Моргентау: «Мы должны быть жесткими с немцами, и я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Мы или должны кастрировать немцев, или Вы должны обращаться с ними в такой манере, таким образом, они не смогут просто продолжить воспроизводить людей, которые хотят продолжить идти тем путём, которым они шли в прошлом». 10 мая 1945 года, сразу после смерти Рузвельта, Трумэн подписал Директиву 1067. Она оставалась в силе в течение двух жестоких лет, несмотря на решительный протест Черчилля и других. See Beschloss M. R. *The Conquerors: Roosevelt, Truman and the Destruction of Hitler's Germany, 1941–1945*. P. 196 for the FDR quote. For the details of Harry Dexter White's KGB activities as revealed in declassified Soviet archives after the end of the Cold War see Weinstein A. & Vassiliev Al. *The Haunted Wood*. Random House, New York, 1999. P. 90.

601

4 Smith N. *American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization*. University of California Press, Berkeley, 2003. P. xii.

602

5 Rachman G. *The Bretton Woods Sequel will Flop* // London Financial Times, November 10, 2008.

603

6 Kirby M.W. *Op. cit.* P. 91-92.

604

7 Collier P. & Horowitz D. *The Rockefellers: An American Dynasty*. Holt Rinehart | Winston, New York, 1976. P. 234-235.

605

8 Argy V. *The Postwar International Monetary Crisis*. George Allen & Unwin, London, 1981. P. 24.

606

9 Stadnichenko A. *Monetary Crisis of Capitalism*. Progress Publishers, Moscow: 1975. P. 88-101.

607

10 *Ibid.* P. 100-103.

608

11 Harbutt Fr. J. *The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War*. Oxford University Press, Oxford, 1986. P. 101-149.

609

12 Clarke R. Anglo-American Economic Collaboration 1942–1949. Clarendon Press, Oxford, 1982. P. 21-26.

610

13 Gardner R. N. Sterling-Dollar Diplomacy. Clarendon Press, Oxford. 1956. P. 184-186.

611

14 Macmillan H. Op. cit.

625

1 Nitze P. p a/ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security, A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950, dated April 14, 1950. Reprinted in Naval War College Review, May-June, 1975. Vol. XXVII. P. 51-108.

626

2 Tanzer M. Op. cit. P. 78.

627

3 Kennan G. Policy Planning Study 23 (PPS/23): 'Review of Current Trends in U.S. Foreign Policy, // Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. I. P. 509-529. Сначала было классифицировано как «совершенно секретно», но позже рассекречено.

628

4 Williams W. A. Op. cit. P. 208.

629

5 US Senate Select Committee on Small Business, ECA and MSA Relations with International Oil Companies Concerning Petroleum Prices, 82nd Congress, 2nd Session, 1952.

630

6 Painter D. S. Oil and the Marshall Plan // Business History Review, Autumn 1984. No. 58. P. 359-383.

631

7 Bell P. M H. The World Since 1945: An International History. Hodder Arnold, Oxford, 2001.

632

8 По поводу деталей британских разведывательных операций с участием британской Мата Хари Эвелин Петерсон с целью поколебать позицию влиятельного изоляциониста

Сената Ванденберга в благоприятном для британцев направлении, см. Mahl Th. E. *Desperate Deception: British Covert Operations in the United States, 1939–1944*. Brassey's, London, 1998. P. 150-154.

633

9 Ambrose St. Прочитано в Reza Zia-Ebrahimi. Which episode did more to consolidate the Cold War consensus: the Truman Doctrine speech of March 1947 or the Czech crisis of February-March 1948? // January 2007, www.zia-ebrahimi.com/truman.html.

634

10 Kennan G. F. ('Mr. X'), *The Sources of Soviet Conduct* // *Foreign Affairs*, July 1947. Vol. 25. No. 4. P. 566-582. Статья была написана Джорджем Ф. Кеннаном, бывшем с 1944 до 1946 года заместителем главы Миссии Соединенных Штатов в СССР Аверелла Харримана.

635

11 Gaddis J. L. *The Cold War: A New History*. Penguin Press, New York, 2005. P. 54.

636

12 Reynolds. *The Origins of the Cold War in Europe. International perspectives*. P. 13.

637

13 Nitze P. et al. *Op. cit.* P. 51-108.

638

14 Ibid.

639

15 Ibid. Vol. *Soviet Intentions and Capabilities*.

640

16 Ibid. Vol. IX. *Possible Courses of Action: D. The Remaining Course of Action—A Rapid Buildup of Political, Economic, and Military Strength in the Free World*.

641

17 Thorp W. Прочитано в NSC Summary // www.bookrags.com/research/nsc-68-aaw-04/.

642

18 FRUS, 1950, 1 170-72, 191, 225-26. См. также NSC-68. P. 43, 54.

643

19 Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War. Columbia University Press, New York, 1972. Freeland R. M. The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism. NYU Press, New York, 1989. Kofsky F. Harry S. Truman and the War Scare of 1948: A Successful Campaign to Deceive the Nation. Palgrave Macmillan, New York, 1995.

644

20 Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. W.W. Norton, New York, 1969. P. 374-375.

645

21 Gunther J. The Riddle of MacArthur. Hamish, London, 1951. P. 150.

646

22 Khan M. Op. cit. P. 245.

647

23 Acheson D. Прочитано в Princeton Seminars, October 10, 1950, reel 2, track 2. Acheson Papers, Truman Library, Independence, Missouri. P. 15.

648

24 Ibid. P. 241-242.

649

25 Ibid. P. 270-271.

650

26 New York Council on Foreign Relations, Officers & Directors, 1947.

651

27 См. Главу 7.

652

28 Collier P. & Horowitz D. Op. cit. P. 240-241.

653

29 Ibid. P. 272-276.

654

30 Blum III Killing Hope: US Military and CIA Interventions since World War II. Common Courage Press, Maine, 2004. P. 64-82.

655

31 Landmeier P. Banana Republic: The United Fruit Company, 1997 // www.mayaparadise.com/ufcle.htm. См. также Doyle K. and Kornbluh P. National Security Archive Electronic Briefing Book N. 4, CIA and Assassinations: The Guatemala 1954 Documents, for the partly declassified CIA documents on the 1954 coup // www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB4/index.html.

656

32 Le Feber W. Inevitable Revolutions: The United States in Central America. W. W. Norton, New York, 1993. P. 120-121.

657

33 Ibid.

691

1 Advisory Committee on Postwar Foreign Policy, Security Subcommittee, Minutes S-3, 6 May 1942, Notter File, Box 77, Record Group 59, Records of the Department of State. National Archives, Washington D.C.

692

2 Perlo V. American Imperialism. International Publishers, New York, 1951.

693

3 Burnham J. The Struggle for the World. John Day & Co., New York, 1947. P. 188, 193-195.

694

4 Ibid. P. 193-195.

695

5 Ibid. P. 201.

696

6 Roosevelt El. As He Saw It. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1946. P. 41.

697

7 Dutt R. P. The Crisis of Britain and the British Empire. Lawrence & Wishart, London.

1953. P. 166.

698

8 Ibid. P. 166-167.

699

9 Ibid. P. 168.

700

10 Ibid. P. 170.

701

11 Ibid. P. 174.

702

12 Collins P. D. Conquest by Convergence: The Case Against Elite Convergence. 2003 // www.conspiracyarchive.com/NWO/Elite_Convergence.htm. Об обстоятельствах роли Рокфеллера в Движении к независимости в начале 1960-х годов.

703

13 Stadnichenko A. Monetary Crisis of Capitalism. Progress Publishers, Moscow, 1975. P. 126-127.

704

14 Trifjin R. The Dollar in Crisis. Yale University Press, New Haven, 1961. P. 228-229.

705

15 Kennedy J. F. Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 30, 1961 // www.jfklink.com/speeches/jfk/public-papers/1961/jfkl1_1961.html.

706

16 Ibid.

707

17 Gibson D. Battling Wall Street: The Kennedy Presidency. Sheridan Square Press, New York, 1994. P. 73-75.

708

18 Dankbaar W. Files on JFK: Interviews with confessed assassin James E. Files. Trafford

Publishing, Victoria, BC, 2005. P. 43-108. Файл, сидя в федеральной тюрьме США в Жуйе, штат Иллинойс, сделал письменное признание о том, что он входил «группу убийц по поручению» ЦРУ, которая возглавлялась офицером ЦРУ Дэвидом Филлипсом Атли и имела своей миссией убийство Кеннеди с тем, чтобы на виду остался только Ли Харви Освальд, который примет на себя вину как «одинокий убийца».

709

19 Kennedy J. F. Executive Order 11110: Amendment of Executive Order No. 10289, as Amended, Relating to the Performance of Certain Functions Affecting the Department of the Treasury, June 4, 1963. Воспроизведено в The Final Call. January 17, 1996. Vol. 15. No.6 / / www.john-f-kennedy.net/executiveorder11110.htm.

710

20 Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt, Rinehart & Winston, New York, 1976. P. 560.

711

21 Wayne A. John F.Kennedy vs the Federal Reserve / / www.john-f-kennedy.net/thefederalreserve.htm.

712

22 Johnson L. B. President, Executive Order 11198 – Imposition of Interest Equalization Tax on Certain Commercial Bank Loans, February 10, 1965 / / www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=60529.

713

23 Ibid. P. 156.

714

24 The United States Federal Reserve System. Consolidated Position of the Federal Reserve Banks. Federal Reserve Bulletin, Table 15, February 1965. P. 230.

715

25 RueffJ. //The Wall Street Journal, June 9, 1969.

716

26 Hamilton A. Beyond the Sterling Devaluation: The Gold Crisis of March 1968. Contemporary European History, 2008. Vol. 17, No.1. P. 73-95.

717

27 Stadnichenko A. Op. cit. P. 204-211.

718

28 Vienet R. Enrages and Situationists in the Occupations Movement, 1968. Situationist International Online Archive // www.cddc.vt.edu/sionline/si/enrages.html.

719

29 Council for Maintaining the Occupation. Report on the Occupation of the Sorbonne. Paris, 19 May 1968. // www.cddc.vt.edu/sionline/si/occupation.html.

749

1. Hudson M. Super Imperialism: The Origins and Fundamentals of US World Dominance. Pluto Press, Lonson, 2003. P. xii. Это рассмотрение Хадсона входит в его блестящую работу, описывающую послевоенные американские финансовые манипуляции, которые использовали потрясающие уровни американского казначейского долга, помноженного на хронический торговый дефицит, чтобы на основании того факта, что доллар являлся мировой резервной валютой, и весь мир зависел от американской военной машины, сделать то, что не могла сделать никакая другая страна. У них почти не было другого выбора кроме покупки на сотни миллиардов долларов американского казначейского долга на доллары полученные от торговли с теми же США, что в действительности, как Гудзон указывал Кану, вынуждало страны финансировать американские войны и другие деяния, которые наносили ущерб тем странам, которые этот американский долг скупали. Отказ от привязки доллара к золоту в августе 1971 года стал критическим шагом, который сделал это возможным, хотя, как указывает Хадсон, сначала стратегические мыслители в Вашингтоне и на Уолл-Стрит этого не понимали. Вся книга доступна онлайн на английском языке.

750

2. Энгдаль, Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. С. 134.

751

3. Cecco M. De. International Financial Markets and US Domestic Policy Since 1945 // International Affairs, London, July 1976. P. 381-399.

752

4. Энгдаль, Ф. У. Цит. выше. С. 374.

753

5. Cecco M. De. Op. cit.

754

6. Ibid. P. 398.

755

7. Naylor R. T. Hot Money and the Politics of Debt. Unwin Paperbacks, London, 1988. P. 33.

756

8. Ibid. P. 33-35.

757

9. Naharnet. Roger Tamraz Arrested in Morocco // Lebanese Forces Official Website Jan 29, 2009.

758

10. Citibanker for Salinas had been Star U.S. Witness. Money Laundering Alert, April 1996//www.pbs.org/wgbh/pages/ frontline/shows/mexico/ family/ citibankaffair.html. Пауль Салинас де Гортари (брат бывшего президента Мексики Карлоса Салинаса де Гортари), как утверждается, «отмыл» до 130 миллионов долларов наркоденег через «Ситибанк» и различные швейцарские банки, пока его брат был президентом Мексики. Пауль Салинас затем был осужден за убийство и приговорен к тюремному заключению.

759

11. Naylor R.T. P. 127-128.

760

12. Duncan R. The Dollar Crisis. John Wiley & Sons-Asia, Singapore, 2003. Fig. 1.1.

761

13. Spiro D. E. The Hidden Hand of American Hegemony: Petrodollar Recycling and International Markets. Cornell University Press, Ithaca, 1999. P. 147.

762

14. Ibid. Anonymous, Saltsjoebaden Conference, Bilderberg meetings, 11–13 May 1973. Повестку дня заседания Бильдербергского клуба в 1973 году подготовил Роберт Д. Мёрфи. Примечательно, что Мёрфи был тем самым человеком, который в 1922 году в качестве консула США в Мюнхене искал встречи с тогда ещё неизвестным Адольфом Гитлером и отправил своему начальству в Вашингтоне благоприятные рекомендации. Мёрфи позже формировал американскую оккупационную политику в послевоенной Германии в качестве советника по политическим вопросам.

763

15. Saltsjoebaden Conference, Bilderberg meetings, 11–13 May 1973. Автор получил оригинальную копию официального обсуждения с этой встречи. Обычно конфиденциальный, этот документ был куплен в букинистическом парижском магазине, на нём была подпись бильдербергского инсайдера Шепарда Стоуна. Вальтер Леви, который выступил в Сальтшёбадене с докладом по энергетике на этой встрече, был тесно связан с судьбами Большой нефти. В 1948 году как нефтяной экономист в Администрации

экономического сотрудничества по Плану Маршалла Леви пытался заблокировать расследование правительством утверждений, что нефтяные компании запрашивают завышенные цены.

764

16. Hulbert M. Interlock: The Untold Story of American banks, oil interests, the Shah's money, debts and the astounding connections between them. Richardson 1 Snyder, New York, 1982. P. 71-87.

765

17. See footnote 9, below.

766

18. Lacey R. The Kingdom: Arabia and the House of Saud. Avon Books, New York, 1981. P. 398-399.

767

19. Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger: Step-by-step diplomacy in the Middle East. Bantam Books Inc., New York, 1976.

768

20. Kissinger H. A. Years of Upheaval. Little, Brown & Co.. Boston, 1982.

769

21. Упоминание об этом экстраординарном обмене мнениями между Его Превосходительством шейхом Заки Йамани и иранским шахом прозвучало в ходе личной беседы между автором и шейхом Йамани в Лондоне в сентябре 2000 года. Шейх Йамани был в 1974 году министром нефти Саудовской Аравии и представителем ОПЕК во время блокады.

770

22. Hulbert M. Op. cit.

771

23. Bennett J. Memorandum // International Currency Review, London, January 1991. Vol. 20, No. 6. P. 45.

772

24. Crittenden A. Managing OPEC's Money // The New York Times, June 24, 1979.

773

25. Шейх Заки Йамани в сентябре 2000 года в частном разговоре с автором, упомянутом выше.

774

26. Джеймс Акинс, его интервью по поводу его пребывания на посту директора Управления по топливу и энергии Государственного департамента США в то время, а затем в качестве посла в Саудовской Аравии.

775

27. Энгдаль, Ф. У. Цит. выше. С. 374.

776

28. The Trilateral Commission, An Outline for Remaking World Trade and Finance. New York University Press, 1975.

777

29. Bergsten C. F. / / Interdependence and the Reform of International Institutions International Organization. Spring, 1976. Vol. 30, No. 2. P. 361 – 372.

778

30. Rockefeller III J. D. The Second American Revolution. Harper & Row, New York, 1973. P. 103-112.

779

31. Shoup L. H. Jimmy Carter and the Trilateralists: Presidential Roots, excerpted from the book, Trilateralism / / South End Press / ed. by Holly Sklar. Boston, 1980.

780

32. Сайрус Вэнс в частной беседе, переданной автору в 1975 году в Нью-Йорке.

781

33. DumenilG.and LevyD. The Neoliberal (Counter) Revolution. Neoliberalism: A Critical Reader / / Pluto Press /ed. by Alfredo Saad-Filho and Deborah Johnston. London, 2004.

782

34. Friedman M. Free to Choose. Penguin Books, New York, 1979. P. 271.

783

35. International Chamber of Commerce, Policy and Business Practices, accessed on ICC official website / /www.iccwbo.org/policy/trade/.

784

36. Dumenil G. and Levy D. Op. cit.

785

37. Ibid.

786

38. Ibid. P. 369.

787

39. Ibid. P. 363.

827

1 Greider W. Secrets of the Temple: How the Federal Reserve runs the country. Simon & Schuster, New York, 1987. P. 648.

828

2 Aaronovitch S. The Road From Thatcherism. Lawrence & Wishart, London, 1981.

829

3 Greider W. Op. cit. P. 156.

830

4 Infrastructure: Problems and Prospects for Steel // International Iron and Steel Institute, Brussels, 1985.

831

5 ЛИБОР или Лондонская ставка межбанковского кредитования является ставкой, по которой банки кредитуют друг друга на основном международном оптовом денежном рынке в Лондоне. Это – стандартный финансовый индекс, используемый на американских рынках и международных рынках капиталов. Когда этот индекс повышается, процентные ставки по любым кредитам, привязанным к нему также, растут.

832

6 Greider W. Op. cit.

833

7 После поражения Германии в Первой мировой войне и нескольких лет немецкой гиперинфляции, длившейся до 1923 год, «Дом Моргана» вмешался, чтобы взять под свой

контроль немецкие военные компенсационные выплаты. В действительности Дж. П. Морган взял немецкие экономику и финансы под своё управление. Морган, действуя через американское правительство, назначил Основным агентом по выплате репараций С. Паркера Гилберта, своего партнёра, поселившегося в Берлине, чтобы собирать выплаты для союзников. У Гилберта были полномочия вводить новые налоги, брать на себя управление немецким центральным банком и гарантировать, что Великобритания, Франция и Италия получают свои репарационные платежи. Это в свою очередь позволило Моргану вернуть себе свои военные займы британским, французским и итальянским правительствам, которые, по счастливому стечению обстоятельств, более или менее точно равнялись сумме, установленной союзниками для немецких военных репараций. Проблема Версальских репараций породила глубокое и горькое негодование среди немецкой элиты и населения, негодование, которое позже использовала Национал-социалистическая партия Гитлера. См. Энгдаль, Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 6. Когда в 1929 году репарационный план окончательно перестал работать, была предложена другая схема Morgana – План Янга, который призвал к учреждению наднационального института – Банка международных расчётов, расположенного недалеко от немецкой границы в Базеле, Швейцария, чтобы выполнять эту работу.

834

8 Одним из крупнейших последствий наносящих ущерб условий МВФ, устанавливаемых для стран-должников, стали принудительная отмена государственных продовольственных субсидий и принудительное открытие рынков развивающихся стран-должников субсидированным Министерством сельского хозяйства США пищевым продуктам. Страны Третьего мира затоплялись массово произведенной американским агробизнесом едой – бананами, дынями, цыплятами, рисом, луком, независимо от того, производились ли они ранее местными фермерами. Американская пищевая промышленность всегда сбивала местные цены и изгоняла фермеров из бизнеса. Это делало местное население зависимым от импорта продовольствия там, где оно ранее было самодостаточным. Случай Ямайки иллюстрирован документальным фильмом «Жизнь и долг на Ямайке», www.livevideo.com.

835

9 Ibid. 1987.

836

10 Rasmussen H. K. The Forgotten Generation: a debate book concerning children and the debt crisis. Danish UNICEF Committee, Copenhagen, 1987.

837

11 Ibid. Также интересно для понимания общего фона Milivojevic M. The Debt Rescheduling Process. St. Martin's Press, New York, 1985. Полезные данные изложены в ежегодных докладах ООН «Обзор экономического положения в странах Латинской Америки».

838

12 US Impact of the Latin American Debt Crisis on the US Economy. Congress Joint Economic Committee, Staff Study, Washington DC, May 1986.

839

13 McCormack R. T. Information Memorandum on Oil Prices to Secretary of State George Shultz, October 25, 1984. Washington DC, document SOOI, declassified.

840

14 Shultz G. Telegram, March 1985, #081715, declassified.

841

15 Abramowitz M. / Assistant Secretary for Intelligence, Implications of the Saudi Oil Price Cut, September 19, 1985. US Department of State. Washington DC, declassified 06.04.1992.

842

16 Rothschild Ed. S. The Reagan-Bush Administration's Role in the 1986 Oil Price Crash. Эту записку автор получил в частном порядке в 1991 году.

843

17 Ibid.

844

18 Johnstone D. Fool's Crusade. Pluto Press, London, 2002. P. 9.

845

19 Rothschild Ed. S. An Oil Card Up his Sleeve? How the Saudis could give Bush a \$30 billion tax cut // The Washington Post, November 24, 1991. Ротшильд писал: «В 1986 году администрация Рейгана-Буша убедила Фахда открыть саудовские нефтяные затычки, чтобы понизить мировые цены на нефть от 29 до 18 долларов за баррель. Вместе с девальвацией доллара США, спроектированного бывшим тогда министром финансов Джеймсом Бейкером, эта цена на нефть подтолкнула американский экономический рост».

846

20 Pizzo S. Inside Job: The looting of America's Savings & Loans. McGraw-Hill, New York, 1989.

847

21 Economic Indicators. US Congress Joint Economic Committee, Washington, 1990.

869

1 Greenspan Al. Testimony before the House Committee on Banking and Financial Services.

February 11, 1999.

870

2 Woodward R. *Maestro: Alan Greenspan's Fed and the American Economic Boom*. Simon & Schuster, New York, 2000. Книга Вудворда является примером ласкового внимания к Гринспену со стороны основных средств массовой информации. Шеф Вудворда в «Вашингтон Пост» Катарина Мейер Грехэм, дочь легендарного инвестиционного банкира с Уолл-Стрит Юджина Мейера, была близким другом Гринспена. Эту книгу можно рассматривать как расчётливую составляющую создания влиятельными кругами финансового истеблишмента мифа о Гринспене.

871

3 *Lewis v. United States*. 680 F.2d 1239 (9th Cir. 1982).

872

4 Lewis M. *Inside Wall Streets Black Hole* // Portfolio.com, February 19, 2008// www.portfolio.com/news-markets/national-news/portfolio/2008/02/19/Black-Scholes-Pricing-Model/?print=true.

873

5 Ibid.

874

6 Zarlenga St. *Observations from the Trading Floor During the 1987 Crash* // www.monetary.org/1987%20crash.html.

875

7 Greenspan Al. *Testimony before the Subcommittee on Financial Institutions Supervision, US House of Representatives. November 18, 1987* // fraser.stlouisfed.org/historicaldocs/ag/download/27759/Greenspan_19871118.pdf.

876

8 Hershey R. D.t jr. *Greenspan Backs New Bank Roles* // The New York Times, October 6, 1987.

877

9 Laird M. J. *The Glass-Steagall Banking Act, its Demise* // *Managerial Auditing Journal*, 1998. Vol.13, No. 9. P. 509-514.

878

10 *Federal Deposit Insurance Corporation // History of the 80s. Vol. I. P. 1.* // www.fdic.gov/bank/historical/history/voll.html.

879

11 Hershey R. D., jr. Op.cit.

880

12 Ibid.

881

13 Greenspan Al. Testimony before the House Committee on Banking and Financial Services. February 11, 1999.

882

14 Greenspan Al. Statement by Alan Greenspan, Chairman, Board of Governors of the Federal Reserve System, before the Committee on Banking and Financial Services, U.S. House of Representatives, February 11, 1999 // Federal Reserve Bulletin, April 1999.

883

15 Anderson J. Goldman Runs Risks, Reaps Rewards // The New York Times, June 10, 2007.

884

16 Kuttner R. Testimony of Robert Kuttner Before the Committee on Financial Services, Rep. Barney Frank, Chairman, U.S. House of Representatives, Washington, D.C. October 2, 2007

885

17 Kostigen Th. Regulation game: Would Glass-Steagall save the day from credit woes? // Dow Jones MarketWatch, September 7, 2007 // [www. marketwatch.com/news/story/would-glass-steagall-save-day-credit](http://www.marketwatch.com/news/story/would-glass-steagall-save-day-credit).

886

18 Несколько биржевых трейдеров в частных телефонных разговорах с автором в течение кризиса 1997–1998 годов из первых рук сообщали, что эти три хедж-фонда проводили скоординированные в военном стиле атаки на различные азиатские валюты. Один из источников, швейцарский финансовый регулятор, рассказывал автору в 2002 году при условии, что ничего не будет записано, что он присутствовал в кабинете президента крупнейшего тайландского банка, когда раздался звонок от главы одного из упомянутых хедж-фондов, в разговоре последний сказал о запланированной скоординированной атаке на тайскую валюту и тщетности попыток этому сопротивляться.

887

19 Энгдаль Ф. У. Охота на «азиатских тигров»: Вашингтон и азиатский шок в 1997-98 гг. (пер. И. Сысоевой) // forum.inosmi.ru/showthread.php?t=7160.

888

20 Greenspan Al. The Revolution in Information Technology, speech before the Boston College Conference on the New Economy. Boston, Massachusetts, March 6, 2000.

889

21 McCulley P. A Call For Fed Action: Hike Margin Requirements! Testimony before The House Subcommittee on Domestic and International Monetary Policy on March 21,2000.

890

22 Алан Гринспен в качестве председателя ФРС постоянно подтверждал, что невозможно судить, существует ли спекулятивный пузырь в период его раздувания. В августе 2002 года, после того как стратегия повышения ставок ФРС стала очевидной биржевым игрокам, он снова повторил: «Мы в ФРС рассматривали ряд вопросов по поводу фондового пузыря, то есть скачки цен на активы до неустойчивого уровня. По мере развития событий, мы признали, что несмотря на наши подозрения было очень трудно определённо идентифицировать пузырь до этого факта, то есть когда его схлопывание подтверждало его существование». – Greenspan A. Remarks by Chairman Alan Greenspan Economic volatility at a symposium sponsored by the Federal Reserve Bank of Kansas City. Jackson Hole, Wyoming, August 30, 2002.

891

23 Partnoy Fr. F.I.A.S.C.O..The Inside Story of a Wall Street Trader. Penguin Press, New York, 1999. P. 14–15.

892

24 Faux J. The Politically Talented Mr. Greenspan // Dissent Magazine. Spring 2001.

893

25 Greenspan Al. Consumer Finance. Remarks at the Federal Reserve System's Fourth Annual Community Affairs Research Conference. Washington, D.C. April 8, 2005 // www.federalreserve.gov/BoardDocs/speeches/2005120050408/default.htm.

894

26 Greenspan Al. Greenspan Defends Low Interest Rates. Interview CBS 60 Minutes, September 16, 2007 // www.cbsnews.com/stories/2007/09/13/60minutes/main3257567.shtml

895

27 Chomsisengphet S. and Penning A. The Evolution of the Subprime Mortgage Market // Federal Reserve Bank of St. Louis Review, January/February 2006. No. 88-1. P. 31-56.

896

28 Greenspan Al. The Markets, Excerpts From Greenspan Speech on Global Turmoil // The New York Times, November 6, 1998.

897

29 Greenspan Al. Remarks by Chairman Alan Greenspan: The Structure of the International Financial System, at the Annual Meeting of the Securities Industry Association. Boca Raton, Florida, November 5, 1998.

898

30 Greenspan Al. Measuring Financial Risk in the Twenty-first Century, Remarks Before a conference sponsored by the Office of the Comptroller of the Currency. Washington, D.C., October 14, 1999 // www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1999/19991014.htm. Здесь Гринспен утверждает: «...на сегодняшний день экономисты были не в состоянии предвидеть резкие развороты в доверии. Сворачивание доверия, как правило, описывается как разрыв пузыря, как событие, неопровержимо очевидное только в ретроспективе. Чтобы предвидеть, что пузырь вот-вот лопнет, требуется прогноз процесса падения в ценах активов, ранее установленных суждениями миллионов инвесторов, многие из которых являются весьма осведомленными о перспективах конкретных инвестиций, которые составляют наши обширные индексы цен акций и другие активы».

899

31 Основными рейтинговыми агентствами применялось описание допустимых рисков в основных моделях риска, предоставленное автору в частных беседах лицом, имевшим непосредственное отношение к процессу. Он подтвердил, что эти предположения вообще не имели никакого отношения к экономической реальности. Очевидно, что никто, способный поставить правильный вопрос, не потрудился сделать это. Слишком прибыльно было, чтобы закрывать свои глаза на этот вопрос.

900

32 Dooling R. Machines of mass destruction // International Herald Tribune, October 13, 2008.

901

33 Greenspan Al. Mortgage markets and economic activity, Remarks before a conference on Mortgage Markets and Economic Activity, sponsored by America's Community Bankers. Washington, D.C., November 2, 1999
www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1999/19991102.htm.

902

34 Greenspan Al. Remarks to Mortgage Bankers' Association. Washington, D.C., March 8, 1999.

903

35 Reich R. Why Credit-rating Agencies Blew It: Mystery Solved // Robert Reich's Blog,

904

36 Schweinitz O., Von. Rating Agencies: Their Business, Regulation and Liability. Unlimited Publishing LLC, Bloomington, IN, 2007. P. 35-36.

905

37 Dura Pharmaceuticals, Inc. v. Broudo. 544 U.S. 336, 2005.

906

38 Schweinitz O., von. Op. cit. P. 67-97.

907

39 Sorkin A. R. Too Big To Fail: Inside the Battle to Save Wall Street. Allen Lane, London, 2009. P. 236-237.

908

40 Association of Financial Guaranty Insurers. Our Claims-Paying Ability / / www.afgi.org/who-fact.htm.

909

41 McNichols J. P. Monoline Insurance & Financial Guaranty Reserving / / www.casact.org/pubs/forum/03fforum/03ff231.pdf.

910

42 Dorfman D. Liars' Loans Could Make Many Moan / / The New York Sun, December 20, 2006.

951

1 UNCTAD Secretariat. Recent developments on global financial markets: Note by the UNCTAD secretariat. TD/B/54/CRP.2, Geneva, 28 September 2007.

952

2 Подробнее малоизвестные детали политической обстановки в период кризиса «Кредитанштальт» в 1931 году, который привёл к цепной реакции крахов немецких банков, смотри Энгдаль, Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 6.

953

3 Schroy J. O. Fallacies of the Nobel Gods: Essay on Financial Economics and Nobel Laureates / / www.capital-flow-analysis.com/investment-essays/nobelGods.html.

954

4 Для знакомства с захватывающим исследованием фундаментальных недостатков теоретических моделей экономического и финансового рынка, используемых сегодня, и того, что автор называет высокими разногласиями катастрофических изменений цен, я рекомендую книгу Бенуа Мандельброта, йельского математика и изобретателя рекурсивной геометрии: Mandelbrot B. and Hudson R. L. The (mis) Behavior of Markets: A Fractal View of Risk, Ruin and Reward. Profile Books Ltd, London, 2004.

955

5 MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets. The MIT Press, Cambridge, MA, 2008. Маккензи документирует процесс, как в начале 1970-х годов учредитель Чикагской торговой биржи нанял экономиста Чикагского университета Мильтона Фридмана, чтобы составить аргументы в пользу разрешения торговли фьючерсами и опционами на иностранную валюту, и как через некоторое время развитие теории оценки опционов Блэка и Шоулза дало исполнительным директорам Уолл-Стрит уверенность в том, что их торговля деривативами основывается на «реальной науке». Что, конечно, было не так, как подтвердил крах мира секьюритизации в 2007 году.

956

6 Reuters, September 29, 1998.

957

7 The Citigroup Watch / / Inner City Press, January 28, 2008 / / www.inner-citypress.org.citi.html.

958

8 Citigroup Becomes Mexico's Largest Bank after Banamex Merger / / Rainforest Action Network, August 10, 2001 // forests.org/archive/samerica/cibemexi.htm.

959

9 Lee M. Predatory Lending: Toxic Credit / / The Inner City, 2003 / / www.innercitypress.org.

960

10 Andrews E. L. Fed Shrugged as Sub-prime Crisis Spread /1 The New York Times, December 18, 2007.

961

11 Zibel A. FBI Probes 14 Companies Over Home Loans 1 / AP, January 29, 2008.

962

12 Частные сообщения автору от бывшего ипотечного брокера, работавшего с крупным американским ипотечным кредитором.

963

13 Частная электронная переписка автора.

964

14 Методичное описание предполагаемых обсуждений в американском правительстве по решению о спасении «АИГ» и роли в этом процессе бывшего тогда президентом Нью-йоркского Федерального резервного банка Тима Гейтнера, позже ставшего министром финансов Обамы, смотри Sorkin A. R. Too Big To Fail. Allen Lane, London, 2009. P. 234-237.

965

15 Sorkin A. R. Op. cit. P. 470.

966

16 Ibid. P. 487-489.

967

17 Taylor J. B. The Financial Crisis and the Policy Responses: An Empirical Analysis of What Went Wrong. November, 2008 // www.Stanford.edu/~johntayl/FCPR.pdf.

984

1 The Andrews Sisters "Money is the Root of All Evil". The Golden Age Of The Andrews Sisters CD 2/4, first recorded in 1945, CD remastered from original, 2002, Jasmine Music.

985

2 Taibbi M. Obama's Big Sellout/ / Rolling Stone, December, 2009 / / www.rollingstone.com/politics/story/31234647/obamas_big_sellout/2.

986

3 The Numbers, March 23, 2009. P. 16.

987

4 Olsen K. A. Инвестиционный банкир из Люксембурга в частных беседах с автором в феврале 2009 года.

988

5 George Washington Blog Data of Top 25 Investment Banks with Largest Derivatives Exposures // www.scribd.com/doc/6486125/Data-of-Top-25-Investment-Banks-with-Largest-Derivatives-Exposures-from-GeorgeWas

hingtonBlog.

989

6 Gordon G. and Hall K. G. Regulatory reports show 5 big banks face huge loss risk/ / McClatchy Newspapers, March 9,2009 // www.mcclatchydc.com/227/story/63606.html.

990

7 Ibid.

991

8 Ibid.

992

9 Black W. K. How the Servant Became a Predator: Finance's Five Fatal Flaws// www.huffingtonpost.com/william-k-black/how-the-servant-became-a_b_318010.html.

993

10 Mortgage Bankers' Association: Delinquencies Continue to Climb in Latest MBA National Delinquency Survey // Press Release, November 19, 2009 / / www.mbaa.org/NewsandMedia/PressCenter/71112.htm.

994

11 Campos P. Was Spitzer targeted? / / Rocky Mountain News, March 12, 2008 // www.rockymountainnews.com/news/2W8/mar/12/campos-was-spitzer-targeted/. См. также статью автора Engdahl F. W. Why Bush Watergated Eliot Spitzer. 17 March 2008 / / www.engdahl.oilgeopolitics.net.

995

12 Williams J. Shadow Government Statistics 1 / www.shadowstats.com.

996

13 Herbst M. Even the Employed Lose with Hour and Wage Cuts // Business Week, July 10, 2009.

997

14 Baily M. N. and Elliott D. J. The U.S. Financial and Economic Crisis: Where Does It Stand and Where Do We Go From Here? // The Brookings Institution, Washington D. C., June 15, 2009.

998

15 Peskin D. Following crisis: Arab world loses \$3 trillion/ / IPR, March 31, 2009 // infoprod.co.il/main/siteNew/index.php?

langId=l&mod=article&action=article&Admin=qwas&stId=247.

999

16 Alarkon W. OMB director warns growing deficit a threat to American economy // The Hill, November 3, 2009 // thehill.com/homenews/administration/66085-omb-director-warns-growing-deficit-a-threat-to-us-economy.

1000

17 Williams J. Op. cit. // www.shadowstats.com/article/gaap-based-federal-deficit.

1001

18 Romanowski M. Ancient Rome: Downfall of the Empire // www.ancient-rome.biz.

1002

19 Peden J. Inflation and the Fall of the Roman Empire// Mises Institute, October 27, 1984 // www.marketoracle.co.uk/Article12831.html.

1003

20 General Accountability Office, Report 2008. P. 35.

1004

21 Wisniowski Ch. Interview with Comptroller general of the United States David M. Walker // Mortgage Banking, June 1 2007.

1005

22 Speeches of William Jennings Bryan. Funk & Wagnalls, New York, 1909. P. 90-91.